Том Сегев

Симон Визенталь

жизнь и легенды

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Видный израильский журналист, автор книг, посвященных еврейской истории, Том Сегев написал фундаментальную биографию легендарного «охотника за нацистами» Симона Визенталя, который пережил Катастрофу и посвятил многие десятилетия своей долгой жизни разоблачению нацистских военных преступников, скрывавшихся от правосудия в разных странах мира. В основе труда Сегева лежат тысячи изученных им документов из частных источников и многочисленных архивов, включая архивы американских, польских, немецких и израильских секретных служб. Достоянием читателя становятся интригующие тайны жизни и работы Визенталя, его роль в поимке Адольфа Эйхмана, странная дружба с бывшим министром в правительстве Гитлера Альбертом Шпеером, соперничество с нобелевским лауреатом Эли Визелем и многое другое.

- Том Сегев
  -
  - От автора
  - Введение. Стеклянный саркофаг
  - Глава первая. «Эйхман – это моя страсть»
    - 1. Между местью и судом
    - 2. Ночь в снегу (версия первая)
    - 3. Ночь в снегу (вторая версия)
  - Глава вторая. «В ту пору мы не воспринимали Гитлера всерьез»
    - 1. Бучач
    - 2. Роковая ошибка
    - 3. Под властью Никиты Хрущева
  - Глава третья. «Увидимся на полке возле мыла»
    - 1. Яновский
    - 2. Хорошие немцы
    - 3. Три дня в шкафу
    - 4. Под защитой СС
    - 5. Плашув, Гросс-Розен, Маутхаузен
  - Глава четвертая. «Кто-нибудь ее видел? Кто-нибудь ее знает?»
    - 1. Сотрудничество с американцами
    - 2. Перемещенные лица
    - 3. Еврейский президент
    - 4. Краеугольные камни
  - Глава пятая. «Долг каждого австрийского патриота»

- 1. Новая родина
- 2. Помощь друга
- 3. Вторая родина

- Глава шестая. «Так я стал филателистом»
  - 1. Главное достижение
  - 2. Шпионские страсти
  - 3. «ОДЕССА»
  - 4. Первый охотничий сезон
  - 5. Провал
- Глава седьмая. «Надеюсь, вы пришли не ко мне»
  - 1. Тайна озера
  - 2. Свой и чужой
  - 3. Интриги на Вифлеемской улице
  - 4. Преступники-евреи
- Глава восьмая. «Я всегда говорил, что он в Буэнос-Айресе»
  - 1. Письмо обеспокоенного отца
  - 2. Дорога к улице Гарибальди
  - 3. Первые ростки славы
  - 4. Суд в Иерусалиме
- Глава девятая. «Частный детектив с шестью миллионами клиентов»
  - 1. Фигаро здесь, Фигаро там
  - 2. Теократ
  - 3. Где Менгеле?
  - 4. Кто боится Анны Франк?
- Глава десятая. «Можно было подумать, что он счастлив, но иногда он плакал»
  - 1. «Кобыла из Майданека»
  - 2. Площадь Рудольфа, дом 7
  - 3. Рычащая мышь
  - 4. Поклонники и разочарования
- Глава одиннадцатая. «Я никогда не воспринимал их как индивидуумов»
  - 1. Школа для убийц
  - 2. Штангль
  - 3. Лихорадочные усилия
- Глава двенадцатая. «Границы Освенцима»
  - 1. Общность судьбы
  - 2. Истории из жизни
  - 3. Операция «Дунай»
- Глава тринадцатая. «Что бы вы сделали на моем месте?»
  - 1. Подсолнух

- 2. «Неуд» от Генриха Бёлля
- Глава четырнадцатая. «Крайский начинает сходить с ума»
  - 1. Враг народа
  - 2. Друзья Бруно
  - 3. Жернова справедливости
- Глава пятнадцатая. «Намного лучше любого выдуманного чудовища»
  - 1. Дело Форсайта
  - 2. Экранизация
  - 3. Запрограммированный друг
  - 4. Террор против евреев
- Глава шестнадцатая. «У господина Визенталя, утверждаю я, были другие отношения с гестапо, чем у меня»
  - 1. Перед вторым раундом
  - 2. Открытие Жюля Гуфа
  - 3. Раскаты грома
  - 4. Что такое «еврей»?
- Глава семнадцатая. «Быть моей женой нелегко»
  - 1. Улики
  - 2. Версия «Соловья»
  - 3. Теракт
  - 4. Любовь Евы Дьюкс
- Глава восемнадцатая. «Это одни и те же дети»
  - 1. По следам Колумба
  - 2. Другие
  - 3. Конкурент
  - 4. Охотничья зависть
- Глава девятнадцатая. «Чтобы имя Менгеле не было забыто»
  - 1. Мальчики Менгеле
  - 2. Путешествие по местам, где прошло детство
  - 3. Культовая фигура
  - 4. Особые расследования
- Глава двадцатая. «Как будто я уже умер»
  - 1. Между Голливудом и Диснейлендом
  - 2. Золотая клетка
- Глава двадцать первая. «Слизенталь»
  - 1. Положительная характеристика
  - 2. Глубокая глотка
  - 3. Советы специалиста
  - 4. Цена
  - 5. Очищение

- Глава двадцать вторая. «Мы все в молодости делали ошибки»
  - 1. Друг Гитлера
  - 2. Жертва и ее мессия
  - 3. Из концлагеря в концлагерь
  - 4. От одного чуда к другому
  - 5. Жить с памятью
  - 6. Тайная вечеря

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

Том Сегев
Симон Визенталь. Жизнь и легенды

© Tom Segev, 2010
© «Текст», издание на русском языке, 2014

От автора

Симон Визенталь рассказывал историю своей жизни целому ряду журналистов, но это – первая его биография, полностью основанная на документах. В ней использованы сведения из десятков тысяч документов, хранящихся в шестнадцати архивах Австрии, Германии, Польши, Великобритании, США и Израиля. Всем этим архивам я благодарен за помощь.

Частный архив Визенталя, хранящийся в Центре документации в Вене, был любезно и безо всяких условий открыт для меня дочерью Визенталя Паулинкой Крайсберг. Его внучка, Рахель Крайсберг, помогла мне разобраться в лабиринтах семейной генеалогии. Я благодарен им обеим. В Центре документации Визенталя хранятся также личные дела военных преступников и прочие материалы, с которыми он работал. Во время моей работы в архиве большая часть материалов еще не была каталогизирована и пронумерована. Я располагаю копиями всех документов, цитируемых в данной книге.

Я очень признателен сотрудницам архива Михаэле Воцелка, Бригитте Ленер и Гертруде Мергили, которые помогали мне со знанием дела, терпеливо и доброжелательно. Особенную благодарность я испытываю к Розе-Марии Аустраат, работавшей с Визенталем с 1975 года. Она рассказала мне о своем восхищении «босси», как она его иногда называла, и о своей большой любви к нему. Я очень много узнал от нее. Часть рабочего архива Визенталя я нашел в подвале дома еврейской общины Линца. Щедрую помощь оказала мне и еврейская община Вены.

В архиве Бруно Крайского я получил доступ к ранее неизвестным для ученых материалам, что я очень ценю. Курт Шримм, генеральный прокурор Германии, возглавляющий Центральное управление по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге, и германское Министерство защиты конституции предоставили мне доступ к нескольким документам, которые прежде были для исследователей закрыты.

Материалы, связанные с поиском Адольфа Эйхмана, до этого тоже запрещенные для публикации, попали ко мне в руки благодаря специальному решению Верховного суда в Иерусалиме, и за это я благодарен главе Отдела Верховного суда Генеральной прокуратуры Израиля Оснат Мендель. Отчет израильского агента Михаэля Блоха мне предоставили его сыновья Дорон и Юваль. Я признателен также брату Михаэля, послу Гидеону Ярдену. Я благодарен целому ряду людей, общавшихся с Визенталем в период его работы на Моссад: Меиру Амиту, Дову Оховскому,

Рафи Мейдану и человеку, попросившему называть его здесь именем, под которым он работал в Вене, «Мордехаю Элазару».

Очень важные сведения я получил от начальника Отдела особых расследований американского Министерства юстиции Эли Розенбаума, который, помимо прочего, любезно уделил мне немало времени, чтобы поделиться своими критическими взглядами на Визенталя – главным образом в связи с позицией, занятой Визенталем во время скандала с Куртом Вальдхаймом. Вальдхайм, ныне уже покойный, принял меня у себя дома и дал мне интервью. Я глубоко признателен послу Фердинанду Траутмансдорфу, который помог мне лучше понять Австрию, Маргит Шмидт, сделавшей все от нее зависящее, чтобы помочь мне понять Бруно Крайского, и Петеру Михаэлю Лингенсу, который помог мне понять Симона Визенталя.

Также я признателен множеству других людей – знакомых Визенталя и тех, кто пережил Холокост, которые проживают во Львове, Вене, Линце, Бад-Аусзе, Берлине, Париже, Лондоне, Осло, Вашингтоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Буэнос-Айресе, Сан-Пауло, Тель-Авиве и Иерусалиме: Ави Авидову, Эвелине Адонка, Инес Аустерн, Дану Ашбелю, Джону Бунцелю, Икаросу Биги, Ехезкелю Бейнишу, Иегуде Блюму, Ашеру Бен Натану, Хани и Паулю Гросс, Сесилии Грюнвальд, Франку Грелке, Еве Дьюкс, Дану Динеру, Марвину Хайеру, Свони Хант, Авшалому Одику, Жюлю Гуфу, Рони Хофу, Эли Визелю, Аарону Вайсу, Эфраиму Зуроффу, Марио Химановичу, Бине Тышлер, Ричарду Транку, Вальтеру Таре, Михаэлю Йону, Петеру Марбо, Хосе Московицу, Мартину Мендельсону, Гааварду Нигаарду, Полу Силсу, Гелмару Сартору, Авнеру Анбару, Саре Поставски, Гансу Попперу, Гелле Пик, Александру Фридману, Тувье Фридману, Инго Цехнеру, Леону Цельману, Аврааму Кушниру, Клаудии Кюнер, Эриху Кляйну, Омри Каплану-Фойрайзену, Беате и Сержу Кларсфельд, Петеру Крайскому, Оливеру Раткольбу, Дорону Рабиновичи, Мартину Розену, Цали Решеф, Петеру Шварцу, Михаэлю Штергару, Генриху Шмидту, Марку Шраберману. Без их помощи, сведений и советов эта книга не появилась бы на свет.

В Вене меня принимал Международный исследовательский центр культурных исследований. Сотрудники Центра встретили меня приветливо, а доктор Луз Моснер помог мне полезными советами. Ави Кацман, как обычно, тщательно и умело отредактировал мою рукопись. С удовольсвтвием выражаю благодарность также моему литературному агенту и другу Деборе Харрис.

Введение. Стеклянный саркофаг

Таких похорон мир еще не видел: никогда раньше в одной могиле не хоронили останки столь большого количества людей. Эти похороны состоялись 26 июня 1949 года. Начались они в Тель-Авиве.

В Большой синагоге воцарилась атмосфера почти нестерпимого ужаса; в толпе, собравшейся на улице, раздавались истерические вопли. Газеты сообщали, что на похороны пришли десятки тысяч людей, и описывали душераздирающие сцены. Раздавались крики «Папа!», «Мама!». Люди падали в обморок. В толпе были и маленькие дети.

В главном зале синагоги поставили стеклянный саркофаг длиной полтора метра, а в нем – тридцать фарфоровых урн в голубую и белую полоски. Газеты писали, что в урнах был прах двухсот тысяч евреев, убитых во время Холокоста. На церемонии присутствовали мэр города, видные общественные деятели и раввины. После речей и молитв саркофаг погрузили на полицейскую машину и повезли по улицам города. Машина с трудом прокладывала путь через толпу. Везде, где она проезжала, люди закрывали магазины и мастерские, выстраивались вдоль дороги и стояли в скорбном молчании.

Из Тель-Авива саркофаг направился в Реховот, где жил президент Хаим Вейцман. Занятия в школах были отменены; учеников отправили смотреть на траурный кортеж. Престарелый, тщедушный и почти слепой Вейцман сказал всего несколько слов, после чего саркофаг повезли в Иерусалим. У въезда в город его ожидали тысячи плачущих людей. Некоторые из них принесли с собой куски мыла. Они ошибочно считали, что оно сделано из жира погибших евреев, и хотели похоронить его вместе со стеклянным саркофагом на кладбище Сангедрия, рядом со склепами, высеченными в скале две тысячи лет назад.

Человека, по инициативе которого эти исторические похороны были организованы, звали Симон Визенталь. Ему был тогда сорок один год. После освобождения из австрийского концентрационного лагеря Маутхаузен он жил в расположенном поблизости городе Линце и занимался поиском нацистских преступников. Прах погибших был собран по его же инициативе в концлагерях и других расположенных в Австрии местах заключения.

«Стеклянный саркофаг, – писал он впоследствии, – превратился вдруг в некое подобие зеркала, в котором отражалось множество лиц: товарищей по гетто, друзей из

концентрационных лагерей, людей, забитых насмерть, умерших с голоду, загнанных на колючую проволоку, по которой шел ток. Я видел страх на лицах евреев, которых кнутами и палками гнали в газовые камеры звери в человеческом обличье, лишенные совести и чувств и не желавшие услышать их единственную мольбу: позволить им жить».

К тому времени Визенталь уже был знаком с несколькими израильтянами, но его самого в Израиле знали немногие. Мэр Тель-Авива, Исраэль Рокеах, тоже не знал, кто такой Визенталь, когда несколькими месяцами ранее тот прислал ему письмо на идише. Судя по всему, решительный тон Визенталя произвел на Рокеаха впечатление. Визенталь писал, что австрийская Организация бывших узников концлагерей «решила» перенести в Израиль прах святых и «решила» удостоить мэрию Тель-Авива чести этот прах принять. Это не было похоже на вопрос, просьбу или предложение; это звучало почти как приказ. Отказаться было невозможно, и Рокеах написал в ответ, что Тель-Авив примет урны с прахом со «священным трепетом», хотя на самом деле понятия не имел, что с ними делать.

Геноцид евреев тревожил многих жителей Израиля и причинял им боль. Впервые прах, привезенный из польского лагеря смерти, был захоронен в Палестине уже в 1946 году. Тем не менее даже в 1949 году никто толком не знал, как следует оплакивать шесть миллионов погибших и как увековечивать их память. Закон о предании суду нацистов и их пособников приняли лишь через год после этого, общенародный день памяти жертв Холокоста был установлен через два года, а закон о создании государственного мемориала «Яд-Вашем» появился только через пять лет.

Когда Визенталь приехал в Израиль, тему Холокоста все еще окутывало глухое молчание: родители не рассказывали своим детям о том, что с ними случилось, а дети не осмеливались их расспрашивать. Люди, пережившие Холокост, вызывали страх, отчуждение, стыд, чувство вины, и с ними было нелегко. Как жить в одном доме с такими соседями? Как с ними работать? Как ходить с ними на пляж или в кино, влюбляться в них, вступать с ним в брак? Как относиться к их детям в школе? Вряд ли существовала еще одна страна, которой пришлось пережить более тяжелую и болезненную встречу с «другими», как будут говорить позднее.

Многие израильтяне, поселившиеся в стране еще перед Второй мировой войной или же в ней родившиеся, относились к жертвам Холокоста и к тем, кто его пережил, с долей высокомерия. В их глазах эти люди были не только выходцами из

еврейской диаспоры, которую они презирали, но и полной противоположностью «новым евреям», которых сионисты предполагали вырастить в Палестине. Жертв Холокоста осуждали за то, что они не переехали в Палестину, а остались жить в своих странах, покорно дожидаясь, пока их убьют, и презирали за слабость, поскольку большинство из них с нацистами не сражались и – как тогда было принято говорить – шли на смерть, «как скот на убой». В результате многие из уцелевших не встретили в Израиле ни сострадания, ни жалости, ни готовности их выслушать, а когда они все-таки рассказывали о пережитом, им часто не верили.

Между тем спасшимся от истребления людям было что сказать израильтянам. Они часто спрашивали, почему сионистское движение не приложило достаточных усилий, чтобы спасти их от нацистов, и уже сам по себе этот вопрос содержал ужасное обвинение, тем более что вожди сионизма свое бездействие объяснить затруднялись. Но рядом с этим вопросом в воздухе витал и еще один, более неприятный, а именно: в какой степени они интересовались судьбой евреев Европы вообще? Многие из уцелевших были потрясены, когда узнали, что бо́льшую часть войны евреи Америки и Палестины жили довольно беззаботной жизнью. Сообщения об истреблении евреев интересовали их не слишком и привычного течения жизни не нарушали.

Визенталь рассказал однажды, что вскоре после окончания войны раздобыл несколько издававшихся в Америке еврейских газет, а также газеты, вышедшие в Палестине летом 1943 года, когда он сидел в концлагере. «То, что я прочел, – пишет он, – подействовало на меня угнетающе». В газетах рассказывалось о повседневной жизни еврейских общин, политике, экономическом процветании, культуре, развлечениях, семейных торжествах, а об убийстве евреев в Польше упоминалось лишь изредка, как правило на основании новостей Би-би-си. В газетах из Палестины ему попались крупные заголовки, посвященные арабам, напавшим на какой-то кибуц и убившим две коровы, но рассказ добравшегося до Палестины беженца о том, что творилось в Польше, был «задвинут» на седьмую страницу. «И я, – пишет Визенталь, – спросил себя: а являемся ли мы до сих пор одним народом?»

В 1946 году он присутствовал на Сионистском конгрессе, впервые после войны созванном в Базеле, и там ему пришло в голову, что лидеров сионистского движения следует судить, подобно тому как в Нюрнберге судили главарей нацистского режима. «Я, – пишет он, – всматривался в лица наших “лидеров”,

так мало сделавших для спасения евреев… И тогда я сказал своему приятелю то, чего не решался сказать при всех: нам не помешал бы наш собственный Нюрнбергский процесс над всеми теми, кто не выполнил своего долга по отношению к нам, нашим родственникам и ко всему еврейскому народу в целом». Он имел в виду, в частности, Бен-Гуриона. Привезя прах убитых для захоронения в Иерусалиме, Визенталь потребовал от израильтян отнестись к Холокосту всерьез, как он будет требовать этого впоследствии от других стран мира.

Поначалу учреждения и чиновники, которые должны были принимать участие в организации похорон, восприняли идею Визенталя как досадную «головную боль», но он не отступал.

Сначала он написал в «Яд-Вашем». Однако в те дни это была всего лишь небольшая частная организация, ютившаяся в трех комнатах и с трудом оплачивавшая аренду помещения. «Мы, – ответили Визенталю сотрудники “Яд-Вашем”, – сожалеем, но пока наша организация не может принять этот священный дар». Тогда он обратился в мэрию Тель-Авива. Руководство «Яд-Вашем» сначала с этим согласилось, но вскоре передумало и потребовало захоронить стеклянный саркофаг в Иерусалиме. Визенталь не возражал. «Мы, – написал он, – считаем, что по политическим и национальным причинам должны в данный момент стремиться к концентрации в Иерусалиме всего, что символизирует связь между диаспорой нашего народа и Израилем».

Теперь следовало решить, кто будет проект финансировать. Визенталь пообещал мэру Рокеаху, что организация, которую он представлял, возьмет все расходы по пересылке на себя, но попросил оплатить билеты на самолет для него самого и его сопровождающего, а также их пребывание в Израиле в течение десяти дней. «Яд-Вашем» ответил, что у него нет денег. За этим последовала длительная переписка, продолжавшаяся восемнадцать месяцев. В истории Израиля это был период драматический и кровавый. В промежутке между первым письмом Визенталя в «Яд-Вашем», написанным в январе 1948 года, и похоронами в Палестине произошла Война за независимость и возникло Государство Израиль. У страстного коллекционера марок Визенталя родилась идея: пусть, предложил он, израильская почта выпустит в память о Холокосте марки, а доходы от них пойдут на финансирование похорон.

Однако реализация проекта задерживалась не только из-за вопроса о финансировании.

Молодое государство нуждалось в героических символах, и несколько чиновников, занимавшихся данным вопросом, считали, что сначала следует привезти из Вены гроб основателя сионизма

Теодора Герцля, а уж потом – прах жертв Холокоста: ведь Герцль символизировал победу, а Холокост – поражение. Так и было сделано.

Кроме того, разгорелся спор, какую роль в захоронении праха погибших в Холокосте должно играть государство и какое участие в этом должен принимать Главный раввинат. Это был один из тех споров между светскими и религиозными кругами, которые происходят в Израиле постоянно.

Наконец, в связи с этим возник и еще один вопрос: а только ли прах евреев находился в урнах, которые Визенталь предложил захоронить в Израиле, или прах неевреев тоже?

В конце концов терпение Визенталя лопнуло и он послал в «Яд-Вашем» телеграмму, в которой извещал, что направляется в Рим, где собирается сесть на итальянский пассажирский самолет, везет прах с собой и просит подготовить к его приезду все необходимое. Только тогда сотрудники «Яд-Вашем» поспешно создали комиссию, занявшуюся организацией траурной церемонии. Работа комиссии сопровождалась взаимными обвинениями со стороны представителей различных ведомств, и информация об этом попала в газеты. Разразился скандал. Тем не менее в последний момент спикер кнессета все-таки успел вставить в протокол очередного заседания выражение соболезнования от имени правительства, и похороны широко освещались прессой.

Это был первый визит Визенталя в Израиль; он приехал по польскому паспорту. Ему организовали теплую встречу и не досаждали вопросами, которые напрашивались сами собой: где именно прах был собран? как можно доказать, что это действительно прах жертв нацистов? как Визенталь установил, что в концлагерях Австрии было убито именно двести тысяч человек? (Кстати, одна газета, по-видимому, сочла, что двести тысяч – это слишком мало, и написала: «двести пятьдесят».) Пресса была склонна замалчивать и тот факт, что в урнах содержались только символические образцы праха, и писала об этих урнах так, словно в них находился прах всех двухсот тысяч погибших.

Визенталь был очень взволнован. «Я, – пишет он, – шел за саркофагом и вспоминал в этот момент своих близких, товарищей, друзей и всех тех, кто заплатил своей жизнью за один-единственный грех – за то, что они родились евреями. Я смотрел на саркофаг и видел перед собой лицо мамы, каким оно запомнилось мне в тот день, когда я видел ее в последний раз. В тот страшный день, когда я вышел утром из дома и пошел на принудительные работы за пределами гетто, еще не зная, что,

когда вечером вернусь, ее уже не будет и я больше никогда ее не увижу».

Захоронение праха жертв Холокоста было для Визенталя лишь первым этапом гораздо более грандиозного плана. Он наделся построить в память о погибших огромное здание, которое называл «мавзолеем». До нацистской оккупации Визенталь изучал архитектуру. Нарисовав эскиз мемориала, он предложил возвести его в одном из лесов в окрестностях Иерусалима, куда, по его замыслу, следовало перенести и урны с прахом, захороненные в Сангедрии. Он изобразил нечто вроде выложенной мрамором сцены, на которой возвышались две массивные башни – точная копия ворот концлагеря Маутхаузен, – а также каменный купол, под которым располагался круглый зал памяти с черным полом.

Это был первый его проект мирового масштаба. Человек инициативный, уверенный в себе, убежденный в правильности того, что делает, он уже тогда проявил свой врожденный талант к привлечению внимания общества к своим идеям и делам. Прежде чем отправиться в Израиль, он разослал проект мавзолея множеству еврейских организаций и видным еврейским общественным деятелям разных стран. Предполагалось, что этот мавзолей станет также свидетельством того, что в Австрии закрыты все лагеря для перемещенных евреев и их обитатели репатриированы в Израиль.

Многие обещали ему помочь. В апреле 1952 года Визенталь послал свой проект Бен-Гуриону. «Мы, – писал он, – можем собрать требуемую сумму в течение двух лет». Канцелярия премьер-министра вежливо уведомила его, что проект переслали в «Яд-Вашем».

Визенталь не требовал назначить его главным архитектором проекта, но, по-видимому, ожидал, что именно так и будет и если его предложение примут, то он, возможно, покинет Австрию, переедет в Израиль и станет архитектором.

«Шатер памяти», построенный впоследствии в мемориале «Яд-Вашем» в Иерусалиме, напоминает зал памяти, который предлагал возвести Визенталь. Небольшая часть праха, привезенного им для захоронения в Сангедрии, позднее была перенесена в «Шатер памяти», но сам он в этом участия не принимал и архитектурой больше никогда не занимался.

Драма жизни Симона Визенталя погребена в нескольких сотнях кляссеров общим объемом примерно триста тысяч страниц. В этих кляссерах хранятся письма, которые он получал, а также копии писем, написанных им самим за шестьдесят лет деятельности в качестве «охотника за нацистами».

Самые ранние документы в первом кляссере относятся к 1945

году, когда он – ходячий скелет весом в сорок четыре килограмма, – ни на что не надеясь и не зная, куда идти, только что вышел из концлагеря Маутхаузен. А метрах в десяти от этого кляссера на той же полке стоит кляссер, относящийся к 80-м годам, и в нем записка: «Дорогой Саймон, береги себя и оставайся счастливым. Я тебя люблю, и ты нам всем нужен. Элизабет Тейлор».

Неутомимый борец со злом, беззаветно преданный защите прав человека, Визенталь сумел стать предметом восхищения для людей из многих стран мира. В голливудских фильмах его изображали культовой фигурой, десятки университетов удостоили его почетного докторского звания, президенты США принимали его в Белом доме, и он получал от всего этого большое удовольствие. Но когда он сказал, что президент Джимми Картер нуждается в нем больше, чем он нуждается в Картере, то был прав. Один из сотрудников Центра Визенталя в Лос-Анджелесе заметил, что, если бы Визенталя не существовало, его следовало бы выдумать, потому что люди во всем мире – как евреи, так и неевреи – нуждались в нем как в символе и источнике надежды. Он бередил их воображение, очаровывал их, увлекал, пугал, пробуждал угрызения совести и дарил утешающую веру в добро. В их глазах он был единственным евреем на земле, взявшим на себя труд позаботиться о том, чтобы даже последний из оставшихся в живых нацистов не умер свободным и беззаботным человеком, ибо еврей Визенталь будет преследовать его, отыщет и приложит все силы, чтобы тот предстал перед судом и понес наказание ради торжества справедливости.

Романтик с невероятно раздутым эго, склонностью к фантазиям и излишней любовью к неприличным анекдотам, «Дон Кихот» и «Джеймс Бонд» в одном лице, он был смелым человеком, который инициировал несколько захватывающих операций. Но несмотря на миф, им же сотворенный, он никогда не руководил всемирной организацией, занимавшейся поиском преступников, а работал почти в одиночку, в маленькой квартирке, среди кип старых газет и ящиков с пожелтевшими карточками. Это и был тот самый Центр документации, который он основал в Вене. Неподалеку оттуда во время Второй мировой войны стояла роскошная гостиница «Метрополь», где располагалась штаб-квартира гестапо. В кабинете Визенталя висела большая карта с названиями сотен разбросанных по Европе концентрационных лагерей и лагерей смерти. В нескольких из них сидел он сам.

Чтобы раздобыть информацию о нацистских преступниках и их возможном местонахождении, он использовал исторические

документы, данные переписи населения и даже телефонные справочники. Эта работа составляла смысл его жизни. Иногда он отправлялся на маленькие разведывательные операции и выуживал информацию у любивших посплетничать соседей, барменов, почтальонов, официантов и болтливых парикмахеров. Один из знакомых сравнил его с незадачливым инспектором Клузо из комедийного кинодетектива «Розовая пантера».

Преклонение Визенталя перед либеральной судебной системой, его умение работать со СМИ и вера в Америку сделали его одним из ярких представителей двадцатого века. Он разработал универсально-гуманистическое понимание Холокоста. В противовес интерпретации Холокоста, которой придерживались израильтяне и еврейский истеблишмент в США, он был склонен видеть в убийстве евреев преступление против человечества в целом и причислял к Холокосту преступления нацистов против других групп населения: неизлечимо больных, цыган, гомосексуалистов и свидетелей Иеговы. Холокост в его глазах был трагедией не только еврейской, но и общечеловеческой.

Гуманизм Визенталя уходил своими корнями в историю его собственной жизни: он был космополитом, жившим в нескольких национальных мирах. Родившись в мире еврейском, он вырос и сформировался в мире австрийском, но при этом одной ногой стоял также в мире израильском, а другой – в американском.

Нередко ему требовалось мужество. Целая комната в его Центре была отведена под папки с письмами, в которых содержались угрозы и антисемитские оскорбления. Таких папок насчитывалось несколько сотен. Визенталь помечал их буквой «м», то есть «мешугенер» – «сумасшедший» на идише. Однажды он получил письмо, на конверте которого было написано: «Австрия. Еврейской свинье». Он позвонил министру, ведавшему почтой, и спросил, каким образом почтальон узнал, что письмо адресовано ему. Но почтальоны это знали; они всегда знали… Тем не менее Визенталь решил жить в Австрии и связал с этой страной свою судьбу. Объяснить, почему он так поступил, нелегко.

В 1953 году Визенталь узнал – и сообщил об этом израильским властям, – что один из главных нацистских преступников, Адольф Эйхман, скрывается в Аргентине. Через семь лет Израиль направил в Буэнос-Айрес тайных агентов, которые похитили Эйхмана и привезли в Иерусалим. Там он предстал перед судом и был казнен. Участие Визенталя в этой истории сделало его в глазах публики героем, как если бы он поймал Эйхмана собственноручно. Однако некоторые израильтяне ему этого не простили. Один из них сказал, что Визенталь подобен человеку, который просит его подвезти и

захватывает машину, а некоторые сравнивали его с легендарным лжецом бароном Мюнхгаузеном. Между тем в течение ряда лет Визенталь состоял на службе в Моссаде.

Он принимал участие в поисках сотен нацистских преступников, и благодаря ему десятки из них были преданы суду и признаны виновными. Его неустанные усилия по их обнаружению и сбору свидетельских показаний достойны изумления – особенно в свете того факта, что большинство виновников чудовищных нацистских преступлений наказания избежали. После поражения Третьего рейха они «смешались с толпой», поселившись в Германии, Австрии и других странах, и ответа за преступления этих людей никто не требовал. Некоторые из них даже преуспевали – в политике, в административных структурах, в судебной системе, в образовательных учреждениях, в бизнесе. Это происходило не только потому, что немцы и австрийцы относились к нацистским преступникам снисходительно, но и из-за «холодной войны». Визенталю часто приходилось сталкиваться с тем, что нацисты, которых он нашел и требовал предать суду, оказывались тайными агентами спецслужб США и других стран, а как минимум в одном случае даже работали на Израиль. «Мы, – говорил Визенталь, – победили нацистов на войне, но после войны они победили нас».

Он умер в сентябре 2005 года в возрасте 97 лет, и его дочь, Паулинку Крайсберг, завалили письмами соболезнования. Они приходили со всех континентов. Среди авторов этих писем были королева Голландии Беатрикс, король Иордании Абдалла, Лора и Джордж Буш, а также президенты, премьер-министры, члены парламентов и мэры городов из многих стран мира. Американский сенат принял решение присоединиться к трауру, а кто-то даже прислал соболезнования от имени легендарного боксера Мохаммеда Али – возможно, из-за давления, которое Визенталь в свое время оказывал на муниципалитет Берлина, пока тот не сдался и не назвал (судя по всему, неохотно) одну из улиц города именем Джесси Оуэнса, черного легкоатлета, который участвовал в Олимпиаде 1936 года в Берлине и победил спортсменов нацистской Германии. «Государство Израиль, еврейский народ и все человечество в целом многим обязаны Симону Визенталю, посвятившему свою жизнь тому, чтобы зверства нацистов больше не повторились и чтобы убийцы не остались безнаказанными», – писал премьер-министр Израиля Ариэль Шарон.

Но больше всего дочь Визенталя тронули бесчисленные письма рядовых граждан; сотни из них были детьми тех, кто пережил Холокост. Холокост стал ключевым фактором,

повлиявшим на формирование их личности, и многие из них испытывали к Визенталю огромную симпатию. Уроженка Израиля Эсти Коэн писала: «Когда мне было шесть лет, я ставила возле кровати туфли – на случай, если ночью придут нацисты. Чтобы у меня, по крайней мере, были туфли. Не как у мамы во время “марша смерти” из концлагеря в конце Второй мировой войны». Она приложила к письму фотокопию своего израильского паспорта, наклеив на него желтую звезду Давида. «Я хотела, чтобы вы знали, как ваш отец, светлая ему память, повлиял на мою жизнь», – писала еще одна израильтянка, шестидесятичетырехлетняя Лиат Ситро. По ее словам, день, когда она услышала по радио о поимке Эйхмана, стал самым великим днем в ее жизни, потому что именно тогда она – впервые с тех пор, как стала проявлять к интерес Холокосту, – снова поверила, что в мире есть справедливость.

Однажды Визенталь рассказал, что, когда он был узником львовского концлагеря Яновский, его с группой других заключенных заставили копать глубокий ров. «Мы знали, – сказал он, – что вскоре этот ров наполнится трупами. Жертвы уже начали прибывать; это были женщины и девушки. И тут я поймал на себе полный отчаяния взгляд одной из девушек. “Не забывай меня”, – говорил этот взгляд».

Как-то раз он представил себе, как встретится на небе с жертвами Холокоста, и решил, что скажет им только четыре слова: «Я вас не забыл». Впоследствии эти слова станут его «визитной карточкой».

Больше всего он заслуживает нашего восхищения за вклад в «культуру памяти»: он никогда не забывал погибших и противостоял отрицанию их гибели так, словно сражался с самой смертью. Жизнь в его глазах была священной. Чем больше времени проходило с окончания войны и чем меньше, увы, оставалось шансов предать нацистских преступников суду, тем в большей степени Холокост превращался в универсальный символ абсолютного зла, в своего рода «дорожный знак», предупреждающий людей об опасности, и немалая заслуга в этом принадлежала Визенталю. Никто не сделал в этом отношении больше него. Но даже на вершине славы этот «охотник за нацистами» и пользовавшийся огромным авторитетом гуманист оставался человеком одиноким, которого преследовали ужасные воспоминания. Он был трагическим героем, сознательно окутавшим свою жизнь тайной, и разгадать его секреты непросто.

Когда Симон Визенталь шел по Иерусалиму за стеклянным саркофагом, он думал не только о миллионах убитых, но и об убийцах. «Я вспомнил про Эйхмана, – пишет он. – Может быть,

завтра он прочтет об этих похоронах в газете и на губах у него появится довольная улыбка… Я представил себе тот день, когда будет услышана моя немая молитва и убийцу моего народа привезут в страну евреев. Я поклялся, что не буду знать покоя, пока этот желанный день не наступит».

Как и многое им написанное, это было и правдой, и неправдой.

Глава первая. «Эйхман – это моя страсть»

1. Между местью и судом

Адольф Эйхман был самым высокопоставленным из нацистских чиновников, вступавших до войны в контакты с лидерами еврейских общин Берлина, Вены и Праги. Сначала он работал в службе безопасности нацистской партии, а затем в Главном управлении безопасности рейха. Встречался он и с несколькими представителями сионистского движения; эти встречи имели своей целью урегулировать вопрос об эмиграции евреев из Германии и с нескольких оккупированных нацистами территорий. Начиная с 1941 года, Эйхман занимался организацией депортации европейских евреев – сначала в гетто, а затем в лагеря смерти, где их методично убивали.

В январе 1942 года Эйхман присутствовал на межведомственном совещании, участники которого обсуждали план уничтожения евреев. Совещание проходило в Ванзее, одном из предместий Берлина. Сам Эйхман, однако, политику уничтожения не определял; он лишь проводил ее в жизнь. Он был одним из тех нацистских убийц, что обычно работали за письменным столом, хотя часто выезжал и на места. В своих воспоминаниях он описывает инцидент, произошедший под Минском. По его словам, он увидел там женщину с младенцем на руках и попытался вырвать его из рук матери, чтобы спасти ему жизнь, но кто-то выстрелил в ребенка и убил. Мозг ребенка растекся по кожаному пальто Эйхмана, и водитель помог ему его очистить. Некоторые называли Эйхмана одним из двух Адольфов, учинивших Холокост.

Еврейские лидеры следили за деятельностью Эйхмана. Через три месяца после начала войны Бен-Гурион записал в дневнике, что, по сообщению одного из руководителей сионистского движения в Чехословакии, после прибытия Эйхмана в Прагу положение евреев там резко ухудшилось. При этом Бен-Гурион отметил, что Эйхман напрямую подчиняется шефу гестапо Генриху Гиммлеру. Это было неточно, но из сказанного видно, что, по мнению Бен-Гуриона, Эйхман принадлежал к самой верхушке нацистского режима.

К апрелю 1944 года Эйхман стал человеком практически всемогущим, и по его инициативе начались переговоры, которые должны были решить не только судьбу евреев Венгрии, но, возможно, даже предопределить результаты войны. Он предложил главам еврейской общины Будапешта (среди которых был, в частности, Режё Кастнер) спасти жизнь миллиона евреев в обмен на разного рода товары, включая несколько тысяч

грузовиков. По словам Кастнера, «Эйхиш» (как он его назвал) сказал ему, что евреев отправляют на смерть в Освенцим, но он готов этот процесс остановить, и с помощью связного данная информация была передана на Запад. Однако в результате этой сделки спаслось не более двух тысяч человек.

История эта, получившая название «кровь в обмен на грузовики», рассказывалась неоднократно и сильно повлияла на формирование образа Эйхмана как одного из людей, ответственных за Холокост. «Он – главный виновник истребления миллионов евреев Европы», – писала одна из издававшихся в Палестине еврейских газет вскоре после войны.

Перед самым концом войны агентство «Сохнут», выполнявшее тогда функцию временного правительства, начало собирать информацию о нацистских преступниках – в том числе на основании рассказов беженцев из Европы, которым удалось добраться до Палестины, – и в июне 1945 года, наряду с сотнями других военных преступников, была заполнена карточка на Эйхмана. В списке «Сохнута» Эйхман оказался самым высокопоставленным из разыскиваемых нацистов, но информация о нем была весьма фрагментарной и отчасти ошибочной. Например, в карточке была записана только его фамилия, тогда как имя отсутствовало, и утверждалось, что он якобы родился неподалеку от Тель-Авива в немецком поселке Шарона, что не соответствовало действительности. Тем не менее в карточке отмечалось, что он – один из виновников истребления евреев.

Через несколько недель после этого один из руководителей Всемирного еврейского конгресса обратился к американскому прокурору, принимавшему участие в Нюрнбергском процессе, с просьбой арестовать Эйхмана и предать его суду вместе с главными военными преступниками, но Эйхман исчез, и сразу после войны начались его поиски. Его искали многие: эмиссары из еврейской Палестины, агенты американской разведки, евреи, уцелевшие во время Холокоста (включая Визенталя) – и хотя эти поиски не всегда были согласованными, сопровождались неудачами и ими часто занимались дилетанты и авантюристы, тем не менее велись они настойчиво и целеустремленно.

Точная информация о биографии Эйхмана и даже намек на его возможное местонахождение были без особого труда получены у его заместителя, Дитера Вислицени, арестованного в мае 1945 года американскими войсками. Он дал подробные показания об истреблении евреев и возложил бо́льшую часть ответственности на Эйхмана. Несколько активистов сионистского движения, находившихся в то время в Европе, с Вислицени беседовали. Среди них был, в частности, Гидеон Руффер,

изменивший впоследствии фамилию на «Рафаэль» и занявший высокий пост в израильском Министерстве иностранных дел. Однако Руффера, судя по всему, интересовало главным образом сотрудничество Эйхмана с палестинским муфтием Хаджем Амином Аль-Хусейни.

Вислицени был экстрадирован в Чехословакию и там, в братиславской тюрьме, дал показания Артуру Пьерникарцу, называвшему себя «Артуром Пьером» (впоследствии он изменит свое имя на «Ашер Бен-Натан», станет одним из руководителей израильской службы безопасности и первым послом Израиля в ФРГ). Пьер жил тогда в Вене, куда прибыл в качестве одного из командиров организации «Бриха», занимавшейся вывозом уцелевших евреев из Восточной Европы и переправкой их в Палестину. Приехал он не для того, чтобы разыскивать нацистских преступников, но надеялся тем не менее поймать Эйхмана. Вислицени сказал Пьеру, что водитель Эйхмана тоже арестован; водитель был допрошен и сообщил имена нескольких женщин, с которыми Эйхман общался. Кроме того, Вислицени сказал Пьеру, что Эйхман оставил свою жену и троих детей в районе деревни Альтаусзее. Это была самая существенная информация об Эйхмане, полученная к тому времени.

В Вене к Пьеру обратился беженец из польского города Радома и попросил помочь ему в розыске убийц его родных и земляков. Пьер согласился. Беженца звали Тадек (Тувья) Фридман. Пьер дал ему небольшую сумму денег, и тот открыл «институт документации». Фридман ставил своей целью отомстить преступникам, творившим злодеяния в Радоме, но Пьер посоветовал ему сосредоточиться на поисках Эйхмана, сказав, что «он самый гнусный из всех, самый главный из всех», и Фридман стал искать информацию об Эйхмане.

Визенталь услышал имя Эйхмана только после войны и точно помнил, от кого и когда. Первым ему рассказал об Эйхмане офицер Еврейской бригады, сражавшейся с нацистами в составе британской армии. Звали офицера Аарон Хотер-Ишай, он был известным в Палестине адвокатом. Это произошло в июле 1945 года. В то время Визенталь сотрудничал с американскими оккупационными властями, помогая им разыскивать военных преступников, и один-два раза ездил в Нюрнберг на проходивший там судебный процесс. Тогда же он начал заниматься общественной деятельностью среди перемещенных лиц. Один из активистов организации «Бриха» Авраам Вайнгартен свел его с Пьером, а вскоре в Линц приехал и Гидеон Руффер. Пьер и Руффер показали Визенталю составленные «Сохнутом» списки военных преступников и сказали, что Эйхман – самый главный из

них.

Родители Эйхмана переехали в Линц, когда тот был еще ребенком, и на одной из центральных улиц города открыли магазин электротоваров, на вывеске которого – как до войны, так и после – красовалась их фамилия. Таким образом, найти их было нетрудно. Но хотя Визенталь снимал неподалеку от магазина комнату, он не был уверен, что это те самые «Эйхманы». В своих воспоминаниях он рассказывает, что узнал об этом случайно. Как-то вечером хозяйка квартиры принесла ему на подносе чай и, когда ставила поднос на стол, заглянула в лежавшие перед ним бумаги. Ее взгляд упал на имя Эйхмана. «Эйхман? – спросила она с любопытством. – А это не тот ли генерал СС, который преследовал евреев? Его родители живут в нашем районе». Визенталь был поражен и спросил, уверена ли она в этом. «Что значит уверена? – обиделась хозяйка. – Я что, своих соседей не знаю?» На следующий день полиция произвела у родителей Эйхмана обыск, но те сказали, что понятия не имеют, где находится их сын. Вполне возможно, что именно после этой истории Пьер написал Руфферу: «Что касается Эйхмана, то мы начали над этим работать. Пока этим занимается только Визенталь, так как я провел неделю в Праге и Братиславе. Вчера он сообщил мне, что есть кое-какие новости, и сегодня от него должно прийти письмо. Через два-три дня я буду знать больше». Однако и сам Пьер уже успел к тому времени кое-что сделать. Получив информацию от Вислицени, он поручил беженцу-еврею – из тех, что обретались тогда в Вене, – сойтись с одной из подружек Эйхмана, чтобы раздобыть у нее его фотографию. Беженца двадцати черырех лет звали Манус Диамант; он был родом из польского города Катовице.

Во время войны Диамант скитался из города в город; его мать и отца убили нацисты. После войны он оказался в Вене, познакомился там с Фридманом, а через него – с Пьером. Он горел желанием отомстить, имя Эйхмана было известно ему еще с 1943 года. Диамант был молод и хорош собой. Притворившись бывшим эсэсовцем из Голландии, он начал искать подружку Эйхмана. Нашел он ее не без труда и показать ему альбом с фотографиями тоже уговорил не сразу, но в конце концов снимок Эйхмана все-таки заполучил.

Пьер отправил Диаманта в Линц помогать Визенталю, и тот показал ему принадлежавший Эйхманам магазин. Диамант стал за ним следить. В магазине работал в том числе и брат Эйхмана. Однажды тот отправился на вокзал. Диамант последовал за ним и сел в тот же поезд. Они прибыли в деревню Альтаусзее – ту самую, что упомянул Вислицени. Брат Эйхмана приехал туда

навестить свою невестку. Так Диамант узнал ее адрес.

Многие годы спустя Ашер Бен-Натан (бывший «Пьер») писал Диаманту: «Благодаря твоей дерзости тебе удалось выяснить место проживания жены и детей Эйхмана и раздобыть его единственную фотографию. Это стало первым и очень важным шагом на пути к его поимке. Фотография была использована впоследствии в Буэнос-Айресе для опознания Эйхмана перед его похищением».

В последующие несколько недель выдававший себя за эсэсовца беженец-еврей сумел подружиться с женой Эйхмана, жившей тогда под своей девичьей фамилией Либль, и даже несколько раз играл с ее детьми на берегу озера. Бен-Натан рассказывает, что на каком-то этапе рассматривалась идея похитить эйхмановских детей, «но была отвергнута из-за возможных осложнений».

Однажды он катался с тремя детьми Эйхмана на лодке; они были веселые и жизнерадостные. Он вспомнил книгу Теодора Драйзера «Американская трагедия», в основе которой лежит история убийства возле озера в штате Нью-Йорк, и у него родилась мысль «утопить троих детей Эйхмана в качестве наказания за содеянное их отцом-мясником. Чтобы тот почувствовал то, что чувствовали миллионы еврейских матерей и отцов, чьих детей по его приказу у них отнимали и убивали». Эта идея, пишет Диамант, лишила его сна и не отпускала ни на минуту.

Все его попытки выяснить местонахождение Эйхмана закончились неудачей, и он решил вернуться в Вену, чтобы доложить об этом Пьеру. По пути он переночевал в Линце у Визенталя и рассказал ему о своем плане мести. Однако Визенталь был категорически против. «Мы не должны мстить», – отрезал он. «Но ведь это не месть, – попытался переубедить его Диамант, – это наказание. Пусть Эйхман ищет в озере останки своих детей, как мы ищем полтора миллиона наших». Но Визенталь остался при своем мнении. Пьер тоже был против. На всякий случай он рассказал о предложении Диаманта вышестоящему начальству, но и оно запретило убивать детей Эйхмана. Диамант расстроился, однако много лет спустя, будучи уже преуспевающим израильским бизнесменом, написал: «Когда я хотел раскачать лодку, в которой сидел с детьми Эйхмана, передо мной явился образ матери, тревожно качавшей головой, и, из уважания к ней, я… поплыл к берегу».

Многие из спасшихся во время Холокоста евреев жаждали мести, а некоторые из них даже пытались убивать немцев. Например, уже упоминавшийся Аарон Хотер-Ишай рассказывает в

своих воспоминаниях об одном еврее, который положил перед ним шесть золотых колец и сказал: «Это – кольца шести немцев, которых я убил». Немцы были военнопленными. Двоих он задушил, двоих зарезал их собственными штыками, а двум другим проломил головы ломом. Причем у одного из немцев, которому он раскроил череп, он не только снял кольцо, но и вырвал золотой зуб. Один из убитых – молодой парень – умолял его о пощаде, но мститель на его мольбы не поддался. Он показал Хотер-Ишаю, как закалывал немца, и глаза его при этом горели злобой и ненавистью. «В те дни, – пишет Хотер-Ишай, – я тоже чувствовал желание отомстить и понимал испытанное им удовлетворение».

Месть считали своей главной задачей и некоторые другие бойцы Еврейской бригады. Составив список бывших гестаповцев, они переодевались в форму английской военной полиции, приходили к гестаповцам домой, арестовывали их – якобы с целью допросить – и по дороге убивали. Среди этих мстителей был, в частности, один из будущих командиров израильской армии Шимон Авидан (он отправился в Европу, чтобы убить Эйхмана, но по ошибке убил другого человека) и будущий начальник израильского генштаба Хаим Ласков.

Но самая известная и масштабная операция возмездия была разработана несколькими пережившими Холокост евреями, которые после войны оказались в польском городе Люблине и для которых месть стала настоящей религией. Они решили отравить шесть миллионов немцев. Их предводителем был Паша Рейхман (впоследствии изменивший свое имя на Ицхак Авидов и работавший в израильском посольстве в Варшаве), а духовным лидером – харизматичная личность, которой многие восхищались, поэт и мечтатель Абба Ковнер. Однако их план отравить источники воды в нескольких немецких городах провалился и все, что им удалось сделать, – это обмазать ядом буханки хлеба в одном из лагерей для немецких военнопленных, в результате чего несколько сот человек страдали желудочно-кишечным отравлением.

Много лет спустя Ковнер писал Авидову: «Похоже, мы рисковали жизнью из-за ничего не значащих вещей. Значимость им придавала только наша готовность жертвовать собой». Примерно так же относились к мести и в еврейской Палестине. Один тамошний журналист писал, что в принципе месть – такое же основополагающее чувство, как страх, радость, голод и жажда, но при этом «европейский и еврейский моральный кодексы рассматривают месть как низменный инстинкт, который следует из своего сердца выкорчевывать». Приемлемой реакцией на

нацистские преступления, вторила ему газета «Гаарец», должна быть не месть, а «полное и справедливое наказание на основании приговора суда».

Этой же точки зрения придерживался и Визенталь. Свою автобиографию он назвал «Суд, а не месть», а через некоторое время после войны на конгрессе жертв Холокоста в Париже сказал, что арест военных преступников и суд над ними являются главной моральной компенсацией, которую заслуживают евреи. «Нельзя, – считал он, – давать нацистам повод говорить, что евреи не лучше их самих».

Книга израильского историка Михаэля Бар-Зоара о мстителях вызвала у Визенталя гнев. Он утверждал, что все в ней написанное – неправда, включая и историю о том, как товарищи Ковнера отравили хлеб, которым кормили пленных эсэсовцев. По словам Визенталя, на самом деле попытку отравления предприняли двое работников лагерной кухни, ни один из которых евреем не был: они отравили суп, и никто при этом не пострадал. Визенталь опасался, что публикация подобных историй может повредить еврейским интересам, и посол Израиля в Вене был с ним согласен. Одна крайне правая западногерманская газета, докладывал он, уже успела об этой сенсации раструбить.

Тем временем Манус Диамант продолжал втираться в доверие к подружкам Эйхмана, однако выяснить его местонахождение ему никак не удавалось. Визенталь же, со своей стороны, собирал каждую крупицу информации об Эйхмане, которую только мог найти. На сионистском конгрессе, состоявшемся в 1946 году в Базеле, он познакомился с Режё Кастнером, и тот рассказал ему о своих встречах с Эйхманом. Кастнер сказал, что благодаря контактам с Эйхманом ему удалось спасти жизни тысяч евреев, и Визенталь ему поверил.

Тадек Фридман все еще жил в Вене, и папка Эйхмана в его Центре документации распухала все больше и больше, в том числе благодаря информации, раздобытой в Нюрнберге Визенталем. Визенталю удалось поговорить там с нацистским преступником Германом Круми, и он спросил его, где находится Эйхман. Круми сказал, что в Египте или Палестине. В мае 1948 года Визенталь также узнал, что какое-то время Эйхман содержался в американском лагере военнопленных, но назвался там «Экманом» и сумел сбежать.

Незадолго до провозглашения Государства Израиль большинство эмиссаров, приехавших в Австрию из еврейской Палестины, вернулись домой. В июле 1947 года уехал и Артур Пьер. «Те же, кто приехали вместо него, – пишет Визенталь, –

занимались совсем другими делами, и, как мне кажется, не слишком горели желанием ловить военных преступников». Похоже, только он и Тадек Фридман все еще продолжали интересоваться Эйхманом. «Эйхман – это моя страсть», – писал Визенталь в еженедельнике евреев-выходцев из Германии «Ауфбау», издававшемся в Нью-Йорке. Тем временем он продолжал следить за Вероникой Либль-Эйхман, жившей в Альтаусзее, и время от времени даже ездил туда сам.

2. Ночь в снегу (версия первая)

Деревня Альтаусзее расположена в самом сердце Австрии, примерно в пяти километрах к северу от города Бад-Аусзее. И деревню, и город окружают величественные горы и зеркальные озера. Желтоватые каменные дома, излучающие буржуазную респектабельность, перемежаются с деревянными домиками под черепичными крышами. Местные жители до сих пор рассказывают историю о том, как эрцгерцог Иоганн завоевал сердце дочери местного начальника почты, а та, в свою очередь, пленила его. В тамошних гостиницах сохранились гостевые книги, из которых явствует, что когда-то здесь любил проводить время известный писатель Гуго фон Гофмансталь, сочинивший либретто для нескольких опер Рихарда Штрауса и ставший одним из основателей музыкального фестиваля в близлежащем Зальцбурге. Приезжали туда из Вены также писатели-евреи: Артур Шницлер, Якоб, Вассерман и Герман Брох. Часто бывала там и семья Теодора Герцля, любившего кататься по окрестностям на велосипеде. «Чистый воздух Аусзее, – пишет местный историк, – несомненно, повлиял на ход мыслей основателя политического сионизма». А одна лесная тропинка названа в честь еще одного тамошнего гостя, Зигмунда Фрейда.

После войны в Альтаусзее осело несколько бывших высокопоставленных нацистских функционеров, ранее приезжавших туда с семьями на отдых.

В 1947 году по инициативе Визенталя полиция решила произвести обыск в доме супруги Эйхмана, проживавшей в Альтаусзее на улице Фишерндорф, дом 8, однако полицейские по ошибке пришли в дом № 38 и нашли там другого нацистского преступника, Антона Бургера. В одном из ежегодных отчетов о своей деятельности Визенталь пишет, что он тоже принимал участие в этой операции и лично сопровождал Бургера в американский лагерь военнопленных. Бургер числился в штате сотрудников Эйхмана, был его представителем в Греции и несколько месяцев исполнял обязанности коменданта концлагеря Терезиенштадт.

Когда выяснилось, что полицейские ошиблись, они отправились в дом № 8, но Вероника Либль-Эйхман заявила, что в марте 1945 года с мужем развелась и с тех пор его не видела.

В конце 1947 года Визенталю стало известно, что жена Эйхмана обратилась в окружной суд города Бад-Ишль с просьбой признать мужа умершим «во имя благополучия ее детей». В те дни так поступали многие женщины, желавшие получить пособие

своих мужей или снова выйти замуж, и суды были, естественно, склонны подобные просьбы удовлетворять. «Мне было ясно, что это значит, – писал Визенталь. – Если Эйхмана признают умершим, его имя будет исключено из списков разыскиваемых преступников и его поиски официально прекратятся». Один из сотрудников американской разведки поговорил с судьей и узнал от него, что человек по имени Карл Лукас, проживавший в Праге, дал показания под клятвой, что лично видел, как Эйхмана застрелили. Тем не менее по просьбе американца судья согласился отложить принятие решения. Тем временем Визенталь связался с еврейской общиной Праги и выяснил, что Лукас женат на сестре Вероники Либль-Эйхман. В результате просьба объявить Эйхмана умершим была отклонена. Впоследствии Визенталь говорил, что это было самым большим его вкладом в поимку Эйхмана. «Если бы тот был объявлен мертвым, – пишет он, – нам бы не удалось найти его никогда. Любая неудача в процессе его поисков еще больше убеждала бы нас, что он мертв». Одна такая неудача не давала Визенталю покоя до конца его дней – настолько велик был его гнев и настолько жгучим мучивший его стыд.

По его словам, это случилось в конце 1949 года. 20 декабря, пишет Визенталь, к нему пришел высокопоставленный офицер австрийской полиции. На следующий день он пришел снова и сообщил, что Эйхман собирается отпраздновать новогоднюю ночь в Альтаусзее, в кругу семьи. «Вот мы его по этому случаю и поймаем», – сказал полицейский и пригласил Визенталя принять участие в операции. 31 декабря у Визенталя был день рождения. «Пожелать себе более подходящего подарка было трудно», – пишет он. Договорились встретиться 28 декабря. «Эта неделя, – рассказывает Визенталь, – показалась мне такой длинной, что я никогда ее не забуду. Я вспомнил, как полгода тому назад, когда я был в Израиле, на улицах Тель-Авива и Иерусалима плакали толпы людей, вспомнил прах наших святых… и вспомнил, как мне привиделся Эйхман, которого в наручниках привозят в Израиль. Наконец-то моя мечта исполнится…»

В то время Визенталь тесно сотрудничал с представителем Израиля в Зальцбурге Куртом Левином. Передавая Левину по его просьбе какие-то фотографии, он сообщил ему, что есть надежда вскоре захватить Эйхмана. «Вы неисправимый оптимист», – то ли в шутку, то ли всерьез сказал израильский дипломат. Визенталь ответил, что только оптимизм помог ему выжить в концлагерях.

За несколько дней до операции к Визенталю пришел гость из Израиля. Визенталь говорит, что израильтяне бывали у него не раз: расспрашивали о методах его работы, просматривали

картотеку военных преступников, листали документы – но кем эти израильтяне были, не уточняет.

Гость, пришедший накануне операции в Альтаусзее, был по-юношески пылким черноволосым молодым человеком среднего роста с горящими глазами. По словам Визенталя, он бравировал тем, что был израильтянином, рассказывал, что участвовал в Войне за независимость и проявил себя храбрым солдатом. Говорил он об этом много и с гордостью. «Причем рассказчиком он был отменным, – пишет Визенталь, – и своими реалистическими описаниями ему удалось нас всех увлечь».

Как и большинство других израильских гостей, молодой человек тоже интересовался Эйхманом, и Визенталь сказал ему, что вскоре тот будет пойман. С его стороны это было ошибкой. Гость сразу смекнул, что речь идет о какой-то запланированной операции, и стал упрашивать взять его с собой. Визенталь ответил, что должен спросить разрешения у австрийского офицера, руководившего операцией. Австриец не возражал, и это, писал Визенталь позднее, тоже было ошибкой. Однако он считал, что, если откажет парню, тот последует за ним тайком.

Они поехали на джипе. Преодолев горный перевал, по которому в такое время года отваживались ездить лишь немногие, они прибыли в Бад-Аусзее и поселились – все трое – в гостинице «Эрцгерцог Иоганн». По словам Визенталя, он попросил израильтянина не выходить из номера по крайней мере до вечера и ни с кем не общаться, но тот пошел в пивную, разговорился с группой девушек и, дабы произвести на них впечатление, рассказал, что недавно прибыл из Израиля. К тому времени в шести гостиницах, расположенных в окрестностях Бад-Аусзее, уже поселились шесть австрийских тайных агентов и к ним должен был присоединиться еще один.

Утром 31 декабря Визенталь встретился с командиром группы, которая должна была устроить засаду, и согласовал с ним последние детали, после чего вернулся в гостиницу и еще раз попросил молодого израильтянина не выходить из номера до полуночи, чтобы не нарушить ход операции. Парень пообещал, что на этот раз не ослушается, и Визенталь дал ему какую-то остросюжетную книгу, чтобы тот не скучал.

В Бад-Аусзее царила предновогодняя атмосфера. Отовсюду доносились голоса празднующих, подвыпившие люди распевали песни, и настроение у Визенталя тоже было приподнятое. Еще несколько часов, думал он, и Эйхман будет у нас в руках.

Вместе с одним из тайных агентов полиции они пошли к телефону, и агент набрал номер жены Эйхмана. Та подняла трубку, но агент молчал. «Скажи, – послышался ее голос, – ты

точно сегодня придешь?» Это послужило окончательным подтверждением того, что она ждала мужа, и агенты заняли свои посты. Один из них дежурил на дороге к расположенному неподалеку озеру Грундльзее, возле которого стояло несколько одиноких домов. Полиция полагала, что Эйхман прятался в одном из них, и ожидалось, что именно оттуда он и придет около полуночи.

Визенталь и командир операции собирались совершить последний обход постов, но, поскольку было прохладно и время позволяло, они решили пропустить по рюмочке в кабачке на первом этаже гостиницы «Эрцгерцог Иоганн». Кабачок был заполнен празднующими, и среди них Визенталь с ужасом увидел своего израильского гостя: «Посреди зала за большим столом сидел молодой израильтянин, а вокруг него собралась большая компания. Он рассказывал им о героических подвигах на Войне за независимость». По словам Визенталя, волосы у него на голове встали дыбом, а австрийский офицер сказал: «Боюсь, ваш друг провалил нам операцию».

Визенталь попытался было себя ободрить, но в глубине души уже понимал, что все пропало. «Когда мы пришли в следующий кабачок, к нам подошел дежуривший там агент и шепнул командиру на ухо: посетители рассказывают, что в Бад-Аусзее находится израильтянин. В третьем кабачке агент сообщил нам, что прошел слух, будто в городе находится целая группа израильтян».

Они подождали еще немного, и командир сказал, что продолжать операцию нет смысла: Эйхман отправился в путь, но его предупредили и он вернулся. Смысл сказанного дошел до Визенталя не сразу, и офицер повторил: «Эйхмана кто-то предупредил». Визенталь пишет, что от потрясения потерял дар речи.

Примерно через полчаса один из агентов сообщил ему, что произошло. «В 23:30 на дороге, ведущей к Грундльзее, появились двое мужчин. Было очень темно, но я видел их тени на фоне белого снега. Они были от меня метрах в ста пятьдесяти. Я стоял, прячась за деревьями, которые растут вдоль дороги. Вдруг появился еще один человек и что-то им крикнул. Они остановились, обменялись парой фраз и сразу после этого побежали, все трое, в сторону Грундльзее». Визенталь не объяснил, почему их не попытались там искать.

На следующий день Визенталь уехал. Настроение у него было подавленное: ведь он был так близок к поимке Эйхмана, так близок… «Я, – писал он впоследствии, – не испытывал к молодому израильтянину неприязни; я его даже не упрекнул. Уж

если кого и надо было упрекать и обвинять, то только меня самого: ведь это я взял его с собой. Несколько недель я пребывал в депрессии и не мог себя простить».

Визенталь не назвал молодого человека по имени и не сказал, что тот был израильским агентом, но главная идея его рассказа не оставляет сомнений: в том, что Эйхман ускользнул, был виноват Израиль. По мнению Визенталя, это было не случайно: ведь Израиль не сделал почти ничего, чтобы поймать нацистских преступников. «Вместо того чтобы создать с этой целью мощную организацию, – писал он с горьким сарказмом, – израильтяне публиковали о Холокосте книги».

3. Ночь в снегу (вторая версия)

История о неудавшейся попытке поймать Эйхмана в заснеженной деревне Альтаусзее сохранилась среди рукописей Визенталя в четырех разных – и даже противоречащих друг другу в некоторых существенных моментах – версиях. Сначала он написал отчет, который публиковать не стал. Возможно, он написал его в качестве заявки на книгу. В тезисном плане этого документа упоминается «израильский друг», который за ним увязался, но нет подробностей того, что именно произошло, за исключением одного, несколько загадочного, предложения: «Один из нас нарушил правила секретности». В окончательном же отчете израильтянин не упоминается вообще. Согласно черновику, Эйхмана предполагалось передать американским властям, а на местные власти не полагаться. Согласно же окончательному варианту отчета, операция стала возможной благодаря отличным рабочим отношениям, сложившимся у Визенталя с австрийской службой безопасности.

История об израильском госте была впервые обнародована в книге Визенталя о его участии в погоне за Эйхманом, вышедшей на иврите и на немецком языке в промежутке между началом 1960 года и судом над Эйхманом в 1961-м. Между ивритской и немецкой версиями есть заметные отличия, которые, впрочем, могут быть результатом неверного перевода и поспешной редактуры. В другой своей книге, опубликованной в 1988 году, Визенталь пишет, что молодой израильтянин был одним из сотрудников его Центра документации.

В закрытом разведсообществе Израиля (страны маленькой, где все друг друга знали) эта история передавалась из уст в уста, и почти шестьдесят лет спустя один из старейшин «цеха» сумел назвать имя молодого агента, ездившего к Визенталю. Его звали Михаэль Блох.

Уроженец Германии, Блох приехал в Палестину в 1934 году, в возрасте шести лет, а после Второй мировой войны отправился в Швейцарию учиться на врача, однако перед Войной за независимость вернулся и после войны стал офицером военной разведки. Некоторое время он также работал в Моссаде (как, кстати, и его брат-близнец Гидеон, впоследствии изменивший фамилию на Ярден и исполнявший обязанности заместителя посла Израиля в Вене).

В личном архиве Блоха есть копия отчета о его командировке в Австрию, составленного по возвращении домой. Визенталь в нем не упоминается, и имя Эйхмана тоже отсутствует, но Ашер

Бен-Натан (Артур Пьер), впервые увидевший этот документ лишь много лет спустя, подтвердил, что это та самая история. Да и кому, как не Бен-Натану, это знать. Ведь после провозглашения Государства Израиль он стал начальником политического отдела Министерства иностранных дел – одной из ранних версий Моссада, – и именно он послал Блоха в Австрию.

Как пишет в своем отчете Блох, в конце ноября 1948 года Артур Пьер попросил его возглавить операцию «Алия». Поскольку другого задания у Блоха в то время не было, он согласился, но поставил условие: операция не должна продолжаться более двух недель. Цель операция была сформулирована так: «Получение объекта из рук австрийской тайной полиции и переправка его в Израиль». Как именно следует осуществить операцию, Пьер оставил на усмотрение Блоха; сам он отвечал за ее финансирование. В распоряжение Блоха он выделил еще двух израильтян.

По прибытии в Австрию Блох сразу связался с доктором Куртом Левином, и тот, по его словам, оказал ему всю возможную помощь. Австрийская тайная полиция за «объектом» следила и сумела получить информацию о его местонахождении. Левин договорился с начальником тайной полиции линцкого округа, что после ареста «объект» будет передан израильтянам в обмен на пять тысяч долларов и что Израиль возьмет все расходы по операции на себя. «Местная тайная полиция, – объясняет Блох, – согласилась на это по двум причинам (хотя выдача человека иностранному государству без согласия правительства является нарушением австрийских законов): 1. отделу, занимающемуся военными преступниками, не хватает денег на зарплату для сотрудников, и они считают это приличной статьей дохода; 2. они полагают, что только таким образом “объект” сможет получить наказание, которого заслуживает».

Отчет Блоха подтверждает основные моменты версии Визенталя: согласно полученной информации об «объекте», тот должен был в промежутке между Рождеством и Новым годом навестить свою семью, и за домом его жены была установлена слежка.

«Несколько дней, – пишет Блох, – я жил в пустом одиноко стоявшем доме на расстоянии четырех километров от места проживания жены “объекта”, чтобы быть готовым немедленно [по-видимому, после ареста “объекта” австрийцами. – Т. С.] получить его в свои руки». Вместе с Блохом там должен был находиться и один из двух других агентов, «но из-за неудобства проживания в доме – температуры 20 градусов ниже нуля, грязных простыней, отсутствия еды и т. д. – он решил поселиться

в гостинице в близлежащей деревне». Зол был Блох и на Визенталя. Позднее он скажет своему брату следующее: «Я жил в какой-то деревянной лачуге, страдал от холода, а Визенталь в это время ходил развлекаться с бабами». В еще более резких выражениях он рассказал то же самое двум своим сыновьям. Человек, которого Визенталь, по его словам, встретил в кабачке, мог быть одним из двух израильтян, выделенных Блоху Пьером. Один из них, отмечает Блох, отказался ему подчиняться. В любом случае «объект» так и не появился. В качестве подарка к Рождеству, пишет Блох, он прислал жене денег, но вместо того, чтобы ее навестить, перешел в английскую оккупационную зону Германии.

Кончается отчет Блоха довольно странно. По его словам, точное местонахождение Эйхмана было ему известно, но, поскольку тот проживал теперь в Германии, операция перешла в новую фазу, могла продлиться еще несколько недель и принимать в ней участие он больше не мог. Поэтому он сообщил Левину, что выходит из игры. Вся эта операция была, по его мнению, дилетантской авантюрой. Чтобы поймать Эйхмана, считал он, нужны профессионалы, а на добровольцев полагаться нельзя. Судя по всему, он имел в виду Визенталя.

Писал об этой истории и начальник израильской службы безопасности Исер Харэль, однако написанное так и не опубликовал. Он попытался преуменьшить роль израильтян в провале операции. Эйхман, утверждает он, вовсе не обязательно испугался присутствия голосистого молодого израильтянина в местном кабачке. Визенталь уже тогда был достаточно известен, своего страстного желания поймать Эйхмана не скрывал, и именно его, Визенталя, присутствие в маленькой горной деревне как раз и могло спугнуть Эйхмана. Харэль счел также необходимым подчеркнуть, что Блох не был его человеком, поскольку Моссада тогда еще не существовало.

Эта история существует и еще в одной версии, а именно в форме рассказа австрийского полицейского, принимавшего участие в операции по поимке Эйхмана. Звали полицейского Лео Майер.

В 1948 году, незадолго до Рождества, Майера, работавшего в полиции Линца, вызвал начальник и приказал ему вместе с еще одним полицейским отправиться в Альтаусзее. Там, объяснил он, живет женщина по имени Вера Либль, жена знаменитого нацистского преступника Адольфа Эйхмана, и, возможно, на Рождество тот приедет навестить свою семью. Имя Эйхмана Майер услышал тогда впервые. На него и его товарища выбор пал потому, что они были молодыми и неженатыми: семейные

предпочитали праздновать Рождество дома.

«Задание, – пишет Майер, – было скучным». Никаких признаков Эйхмана не появилось, а Рождество между тем подходило к концу, и приближался Новый год. Однако им приказали остаться и на Новый год, из-за чего молодые полицейские расстроились. В Рождество они были не прочь поработать, но новогоднюю ночь им хотелось провести в Линце, с друзьями.

Как-то раз Майер повстречался с сыном Эйхмана, которому тогда было лет шесть, и завязал с ним разговор. «Ты идешь в церковь?» – спросил он мальчика. Тот вежливо кивнул. «А почему без мамы?» Мальчик сказал, что у нее нет времени, потому что ей надо готовить еду. «А папа твой где?» – спросил Майер. «Он далеко, – ответил мальчик, – за морем. Но скоро мы к нему поедем, и тогда мне разрешат покататься на пони». Майер позвонил своему начальнику и, не упомянув о мальчике, доложил, что расследование, которое он и его товарищ провели в деревне, показало, что Адольф Эйхман находится в Южной Америке и его семья собирается к нему поехать. По возвращении в Линц он написал то же самое в своем рапорте.

Работавший позднее в австрийской службе безопасности, а затем ставший высокопоставленным офицером полиции, Майер писал все это через много лет после того, как Визенталь опубликовал свои книги, и настаивал на точности своего изложения событий, но при этом ни о какой сложной операции, описываемой Визенталем и Блохом, не упоминал, как и о самом Визентале, которого хорошо знал.

Написанное Визенталем надо читать осторожно: он не всегда точно помнил, что происходило, и не всегда утруждал себя проверкой собственной памяти. Однако несоответствия в его письменных – и устных – рассказах не обязательно свидетельствуют только о несовершенстве человеческой памяти. Человек с литературными амбициями, он был склонен давать волю фантазии и зачастую предпочитал правде историческую драму, как будто не верил, что правдивая история способна произвести на слушателей достаточно сильное впечатление.

Визенталь пишет, что операция состоялась через несколько месяцев после его возвращения из Израиля, где он хоронил урны с прахом жертв Холокоста, но похороны состоялись в июне 1949 года, а отчет Блоха написан 3 января 1949 года, то есть примерно за полгода до этого. Однако вполне возможно, что Визенталь изменил хронологический порядок событий не случайно: поимка Эйхмана была реализацией видения, посетившего его во время захоронения праха жертв Холокоста, и ему пришлось поместить

иерусалимские похороны, которые состоялись летом, перед операцией в Альтаусзее, проводившейся зимой, хотя в действительности все было не так.

Визенталь пишет, что через несколько дней после провала операции в Альтаусзее он «получил известие», что поиски Эйхмана прекращены, так как тот исчез. Тувья Фридман сообщает, что в 1950 году он работал с еще одной группой агентов, присланной Артуром Пьером и сотрудничавшей с американской разведкой в Зальцбурге – причем сам Пьер (Ашер Бен-Натан) подтвердил, что это правда, – однако эта попытка тоже провалилась. «Это был неудачный для охоты год», – пишет Визенталь.

Все это и в самом деле свидетельствует о том, что израильтяне не предпринимали серьезных усилий с целью поймать Эйхмана, но что касается Визенталя, то он по-прежнему этого страстно желал. Он записывал каждый доходивший до него слух и пытался проверить каждую крупицу информации, причем многие об этом знали, включая Центральное разведывательное управление США. В ЦРУ считали, что Визенталь хочет Эйхмана похитить и переправить в Израиль, а в Линце Визенталя, по его собственным словам, прозвали «эйхмановский Визенталь». В те времена он часто задавал себе вопрос, почему выжил и не погиб, и отвечал себе на него так: чтобы поймать Эйхмана.

Глава вторая. «В ту пору мы не воспринимали Гитлера всерьез»

1. Бучач

В доме Визенталей в Бучаче было слышно журчание речки, протекавшей между домами евреев, и можно предположить, что у Чачкесов этот «говор воды» (как называл его Шмуэль-Йосеф Чачкес, позднее изменивший фамилию на Агнон) слышали тоже. Бучач был маленьким, утопавшим в зелени городком в Восточной Галиции. Церковные колокольни и маленький мост придавали ему живописный вид. «Мой город, – пишет Агнон, – расположен на горах и холмах, в самой гуще лесов, где много деревьев и кустарников, а по городу – и по бокам его – протекает река Стрыпа, и ее воды орошают камыши, кустарники и деревья. Благодатные источники изобилуют пресной водой, а на деревьях чирикают птицы. Есть птицы, зачатые и рожденные в нашем городе, а есть такие, что пролетали мимо, да так тут и остались, когда поняли, что наш город прекраснее всех прочих мест на свете».

На фотографиях Бучача, которые хранил Визенталь, можно видеть расположенное в центре города странное барочное строение, представляющее собой стоящую на кубическом основании башню, на которой надстроена еще одна башня, поменьше. Вокруг башни идет оживленная торговля. В прошлом в башне находилась ратуша, и она так разбередила воображение Агнона, что он сочинил сказку о спроектировавшем ее еврее-архитекторе. Построенная им башня была так прекрасна, что правитель города приказал заточить архитектора в верхней ее части, чтобы тот не построил такую же в других городах.

Будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Агнон был старше Визенталя примерно лет на двадцать. За несколько месяцев до рождения Визенталя (тот родился 31 декабря 1908 года) Агнон переехал в Палестину и поселился в Яффо. Однако то, что он написал о своем детстве в изобиловавшем водой Бучаче, подходит, по-видимому, и для описания детства «Шимека», старшего сына Хеншеля (Ашера) и Розы Визенталь.

Агнон рассказывает, что однажды, еще маленьким, он проснулся и увидел в доме свет. Дело было в субботу. «Я, – пишет он, – встал с кровати и открыл окно, чтобы ставни не мешали свету проникать в дом. Когда я стоял у окна, мне захотелось увидеть свет таким, каким он выглядит до того, как входит в дом. Я вымыл руки и лицо, надел субботнюю одежду и вышел из дому. Никто из домашних не видел и не слышал, как я выходил. Даже папа и мама, не спускавшие с меня глаз, не видели, как я вышел из дома на улицу. И вот я на улице, а там никого нет. Только

птицы, певшие утреннюю песню, только они были на улице. Я стоял там, пока птицы не перестали петь, а потом пошел к колодцу, потому что услышал говор колодезной воды и решил посмотреть, как она разговаривает. Ведь я еще никогда не видел, как разговаривает вода. И вот подхожу я к колодцу и вижу, что он полон воды. И нет никого, кому бы ее испить. Наполнил я водою руки, сказал благословение и попил. А потом пошел куда глаза глядят… И было тогда в городе еще спокойно, и жило в нем много уважаемых евреев. И все евреи, убитые врагами, все они тогда еще были живы».

Визенталь рассказывал, что был одиноким уличным мальчишкой, не имевшим друзей.

На протяжении многих поколений Галиция неоднократно переходила из рук в руки. Визенталь любил говорить, что люди шли спать, не зная, какая форма будет у полицейских, которых они увидят утром: польская, русская, украинская или австро-венгерская. И действительно, за его жизнь произошло множество политических пертурбаций, воспитавших в нем неистребимый – и очень еврейский – скептицизм, который, начиная со времен его детства, не раз себя оправдывал. Он жил с чувством, что в любой момент может произойти все, что угодно, и заранее никогда ничего знать нельзя.

Визенталь родился в последние годы политической и продолжавшейся довольно долго политической стабильности. К тому времени Галиция вот уже шестьдесят лет находилась под властью императора Франца-Иосифа, правившего своей империей из Вены, и у галицийских евреев были все основания его обожать: он дал им гражданские права; их положение было гораздо лучше, чем положение евреев России; в его империи они получили возможность приобщиться к немецкой культуре. «Мы обожали императора и были горячими патриотами Австрии и императорского дома Габсбургов», – рассказывал Визенталь. Но в сущности, он имел в виду не себя, а своих родителей. Его собственная жизнь прошла под знаком революций и войн.

Перед Первой мировой войной в Галиции проживало около восьмисот семидесяти тысяч евреев, что составляло десять процентов населения. В течение долгого времени они подвергались унижениям и преследованиям; многие из них были бедны. За тридцать лет, предшествовавших рождению Визенталя, из Галиции эмигрировало около четверти миллиона евреев; большинство из них осели в США. Но многие галицийские евреи были богачами. Они занимались банковским делом, импортом, экспортом, нефтяным бизнесом, а также арендовали поместья аристократов и взимали с крестьян арендную плату и налоги.

Были среди евреев и люди свободных профессий, и депутаты парламента, и бургомистры. В частности, бургомистр-еврей возглавлял муниципалитет Бучача.

Семья Визенталей богатой не была – но и бедной ее не назовешь. Отец Визенталя переехал в Бучач из города Скала и работал представителем фирмы, производившей сахар. Ребенком Визенталь любил играть на товарном складе отца и строить из кусков сахара башни. Его бабушка говорила, что он, наверное, станет архитектором, и, по-видимому, имела в виду, что он будет строить дома в Галиции, поскольку далеко не все евреи хотели уехать в Америку. Тем не менее, когда евреи называли себя «галичанами», они говорили это с иронией и подразумевали под этим, скорее, свою способность выживать среди неевреев (то есть среди многочисленных народов, населявших Австро-Венгрию). В первую очередь они ощущали себя евреями и лишь потом – галичанами.

Еврейская культурная жизнь в Галиции цвела пышным цветом: здесь зарождались новые идеи, велись идеологические и политические дебаты между разными религиозными течениями (среди которых был и хасидизм), сюда доходили все новые веяния, включая секулярные – просвещение, социализм и сионизм. Один из жителей Бучача даже поехал в Базель в качестве депутата на Первый конгресс сионистов.

В то время в Бучаче было около десяти тысяч жителей, и семьдесят процентов из них были евреями. Они жили здесь с начала шестнадцатого века и говорили на нескольких языках: русском, украинском, польском, немецком и идише. Эти языки и были языками детства Визенталя.

Он рассказывал, что в доме его родителей говорили и читали по-немецки и что его мать любила цитировать немецких классиков – Гете, Шиллера и Гейне. Сын торговца мехами Агнон пишет, что его мать делала то же самое. Много лет спустя Визенталь даже написал заявление, в котором поклялся, что его родители говорили между собой по-немецки и что именно на этом языке он общался со своей матерью. Это заявление было написано им по просьбе знакомого, хотевшего получить от Германии компенсацию: ему надо было доказать свою принадлежность к немецкой культуре. Визенталь написал, что в доме этого человека царили те же порядки, что и в доме его родителей. «Именно мы, евреи, – сказал он как-то в одной из своих лекций, – были пионерами немецкой культуры в Восточной Европе». Тем не менее главным языком повседневного общения был для него идиш. На каком бы языке он ни говорил, он всегда говорил с идишским акцентом, от которого так и не смог

избавиться. До конца своих дней он оставался евреем из Восточной Европы и беженцем. «Беженец, – пишет он в одной из своих книг, – это человек, потерявший все, что у него было, кроме своего акцента».

Его дед и бабушка были очень религиозными. Как-то раз бабушка взяла его с собой к раввину-чудотворцу, и в доме этого раввина он увидел человека, которого все называли «молчуном». Бабушка объяснила ему, что однажды этот человек поссорился с женой и крикнул ей: «Чтоб ты сгорела!» В ту же ночь в доме случился пожар и жена погибла. Мучимый чувством вины, человек пришел к раввину, и тот постановил, что виновник пожара больше не имеет права говорить и обязан проводить все свои дни в молитве. Биограф Визенталя Гелла Пик, слышавшая эту историю от него лично, говорит, что проблемы вины, наказания, раскаяния и прощения, затрагиваемые в этой истории, будут интересовать Визенталя и позднее, когда он повзрослеет.

Когда ему было три или четыре года, родители записали его в хедер, где он познакомился с некоторыми положениями еврейской галахи[1] и, возможно, с основами иврита. По праздникам его родители ходили в синагогу, поскольку так делали все остальные члены еврейской общины, но в принципе Визенталь рос в светской атмосфере. Тем не менее, по крайней мере пока была жива его бабушка, в доме устраивали седер[2]. Визенталь рассказывал, что во время седера всегда ждал, что вот-вот придет пророк Элиягу, но тот никогда не приходил. Тем не менее бабушка заверяла его, что Элиягу отпил вина из предназначенного для него бокала[3]. Когда же внук спрашивал, почему в таком случае бокал все еще полон, бабушка отвечала, что Элиягу никогда не пьет больше одной слезинки. Сколько Визенталь себя помнил, в доме всегда говорили о гонениях на евреев, а бабушка часто рассказывала о погромах. За пять лет до его рождения произошел известный погром в Кишиневе, находившемся тогда в России. Но сам Визенталь рос в еврейской общине, ведущей весьма активную жизнь.

Примерно за год до его рождения на одной из площадей Бучача состоялся предвыборный митинг с участием известного еврейского общественного деятеля, приехавшего из Вены, Натана Бирнбаума. Этот митинг увековечен на фотографии. Мы видим на ней несколько сотен евреев города, большинство из которых – бородатые мужчины в черных шляпах, отчасти традиционных, а отчасти пошитых в соответствии с тогдашней венской модой. Кое-где видны и женщины. Все очень серьезные, как и подобает в присутствии уважаемого оратора и фотографа, и все смотрят в объектив камеры. Одно из зданий на площади – гостиница, на

балконе которой сидят дамы в роскошных шляпах. Над одним из магазинов – часы на длинном кронштейне. В центре толпы стоит экипаж, в который запряжены две белых лошади; судя по всему, в этом экипаже Бирнбаум приехал с вокзала.

В еврейской политической жизни часто бушевали бури, но местная газета «Дер идише векер» («Еврейский набат») упрекала жителей города в равнодушии. «Каждый еврей Бучача, – жаловалась она, – это “мир в себе”, и проблемы других людей его не волнуют. Если кто-то увидит в нашем городе многочисленные точки продажи содовой, то, наверное, подумает, что жители города – люди настолько горячие, что им приходится остужать себя холодной водой. Однако факты, свидетельствующие о равнодушии и холодности наших еврейских собратьев в этом городе, данному предположению противоречат. Впрочем, кто знает? Может быть, именно излишнее употребление газированной воды и привело к такому “замораживанию”?»

Большинство выходцев Бучача рассказывают, что евреи жили там бедно, но при этом община имела несколько синагог (в том числе одну довольно роскошную), а также школы, больницу, сиротский приют и благотворительную столовую. У еврейской газеты имелось литературное приложение, в котором, помимо всего прочего, было опубликовано несколько первых стихотворений «сына Чачкеса» (как горожане называли тогда Агнона). Один раз в город приезжал Шолом-Алейхем (хотя для встречи с молодым Чачкесом времени так и не нашел); наезжали также некоторые другие писатели, а из Львова приезжал давать уроки Торы, истории и иврита человек по имени Авраам Зильбершайн. Кроме того, в городе работала еврейская театральная труппа под названием «Дер таннензапфен» («Сосновая шишка»), а время от времени приезжали цирк, зоопарк, передвижная панорама, канатоходцы и фокусники. Летом горожане ходили гулять в окрестные леса, купались в Стрыпе и плавали по ней на лодках, а зимой катались на льду.

Описывая образ жизни евреев в Бучаче в начале двадцатого века, Агнон изображает повседневную жизнь, не предвещавшую никакой беды. «Солнце освещает землю и ее обитателей; земля – то с приветливым выражением лица, то с неприветливым – дает урожай; люди занимаются своими делами и живут своими заботами; а от происходящего в этом мире и от его проделок каждый по-своему получает удовольствие или по-своему мучается. И хотя в мире всегда есть люди, желающие его исправить, мы считали, что этот мир никогда не изменится». Однако летом 1914 года неожиданно разнесся слух, что началась война.

Поначалу в Бучаче не хотели верить, что император способен совершить такую глупость. Разве он не знает, какова цена войны? Поэтому жители города были склонны соглашаться с комментаторами, писавшими в еврейских газетах, что войны не будет. Но пока одни писали, а другие читали, «война, – по словам Агнона, – вдруг окружила людей со всех сторон, и грохот пушек сотряс город и его окрестности».

Это была та самая «большая война», которую впоследствии назвали Первой мировой, и хотя, формально говоря, она бушевала на далеких фронтах, тем не менее почти везде, включая Бучач (или, как называл его Агнон, «Бычач»), она нарушила привычную жизнь людей и поколебала основополагающие человеческие ценности. «Молодых парней, – пишет Агнон, – забрали на войну, и старики остались без опоры; женщины валятся с ног от забот, а дети бегают без присмотра. Школы закрыты, хедеры тоже. Молодые ребята, которых еще не забрали на войну – а также те из них, кого уже призвали, но они не могут добраться до своих частей и влиться в ряды солдат, – собирают деньги, создают комитеты и открывают столовые, чтобы кормить нуждающихся».

«Мужчины, – пишет Агнон, – достают все свои сбережения, нанимают телегу, нагружают на нее товары и пожитки, сажают жену и своих нежных птенцов, а сами вместе со старшими сыновьями и дочерьми плетутся за телегами пешком. Они едут или идут в какое-нибудь другое место, куда еще не пришла беда, но когда туда добираются, то видят, что все, что произошло с ними, случилось и с людьми в том месте, куда они пришли… Большинство евреев уже Бычач покинули. Треть – воюют на войне с русскими, треть – разбрелись кто куда, а треть остались в городе и стали жертвами грабежей и убийств».

Первая мировая война перенесла Европу в XX век, и с этого момента исторические катаклизмы стали ключевым фактором в жизни Визенталя, как и в жизни миллионов других детей. Через полтора года он потерял отца. Отец был резервистом; его призвали в армию, и он погиб.

Визенталь часто рассказывал о смерти матери во время Второй мировой войны, но мало говорил о потере отца во время Первой мировой; тем не менее от него не ускользнул тот факт, что в смерти отца содержалась определенная доля исторической иронии: он сражался по ту же сторону баррикад, что и Адольф Гитлер.

Отец погиб в октябре 1915 года. Визенталю было тогда семь, а его брату, Гилелю, – пять. Война продолжалась после этого еще три года.

2. Роковая ошибка

Хеншель Визенталь погиб не за ту армию: Галицию оккупировали русские и, подобно большинству других жителей Бучача, Роза Визенталь вместе с родителями и двумя маленькими сыновьями вынуждена была из города бежать. Сначала – во Львов, а потом – в Вену. Они поселились на «Острове мацы». Так жители Вены окрестили еврейский квартал в районе Леопольдштадт, располагавшийся между Дунайским каналом и Дунаем. В квартале проживали несколько десятков тысяч евреев – как урожденных венцев, так и приезжих. Многие из них были беженцами с востока.

В городе мощенных булыжником тротуаров, которые, как пишет Агнон, «были непривычны для жителей маленьких городков, тем более для тех из них, кто привык к бычачской грязи», Визенталю все казалось новым и интересным. В Вене были просторные парки, роскошные дворцы и бульвары, многоэтажные дома, большие магазины, кафе и автомобили. Уроженец маленького городка, только что потерявший отца, он пошел в школу, и это тоже стало для него совершенно новым переживанием. Школа была еврейская, но уроки велись на немецком.

Визенталь помнил, как в ноябре 1916 года их отпустили с уроков поглазеть на похороны императора Франца-Иосифа. Однако среди десятков тысяч детей, столпившихся вдоль дороги, по которой шла похоронная процессия, находился еще один еврейский мальчик. Он был старше Визенталя примерно на три года и запомнил главным образом стоявший в тот день пронизывающий холод. Мальчика звали Бруно Крайский; впоследствии он станет главой австрийского правительства. «Когда наконец-то появилась процессия, – пишет он в своих мемуарах, – мне показалось, что весь мир окрасился в черный цвет. Это был абсолютно черный парад. На лицах людей читались боль и тревога: что же теперь будет?»

Через несколько месяцев после этого умер дед Визенталя.

Смерть императора и конец войны ознаменовали наступление новой эпохи; Роза Визенталь и ее сыновья вернулись в Бучач. Так же поступили и многие другие тамошние евреи. Как пишет Агнон, «из любви к своему родному городу и из-за того, что поняли: в других местах, где они жили, не было ничего хорошего». Товарный склад Визенталей был разграблен, но их дом оказался одним из немногих, который не пострадал.

После того как русские потерпели поражение и отступили,

Восточная Галиция стала независимым государством, однако вскоре перешла под власть Польши. Поляки, пишет Агнон, были «господами жестокими», «они не умели ничего делать с умом и потому зверствовали. Они не ведали жалости и издавали один указ суровее другого… В городе воцарилась ужасающая бедность, работы становилось все меньше и меньше. Люди не знали, что им есть и чем кормить своих нежных птенцов». Кроме того, многих жителей убила разразившаяся в городе эпидемия тифа. Тем не менее Роза Визенталь сумела бизнес своего мужа возродить. Старшего сына она отослала на несколько месяцев обратно в Вену, к бабушке.

В 1920 году поляки воевали с большевистской Россией, и им помогала конница гетмана Украины Семёна Петлюры, бойцы которого были известны своим жестоким отношением к еврейскому населению. Бесчинствовали они и в Бучаче. Визенталь рассказывает об одном из них, появившемся перед ним внезапно, когда он шел по улице, и просто так, из чистого удовольствия, ткнувшем его саблей в бедро.

Через три года, в возрасте пятнадцати лет, Визенталь пошел в гимназию. Гимназия была светская; уроки в ней велись на польском языке, занятия проводились в том числе по субботам. Визенталю надо было думать о будущей профессиональной карьере и готовиться к переезду в места более перспективные, чем Бучач. На фотографии того времени он изображен в светской одежде, с галстуком, без головного убора, в компании подростков, одетых в костюмы, напоминающие униформу еврейского бойскаутского движения «Ашомер-Ацаир».

В 1922 году умерла его горячо любимая бабушка, вернувшаяся уже к тому времени в Бучач, а через год случилась еще одна беда: его младший брат Гилель упал с большой высоты и повредил позвоночник. Мать повезла его к врачам в Вену, и примерно полгода Визенталю пришлось прожить без нее. В конце концов мать привезла Гилеля домой, но через несколько месяцев он умер.

Дочь Визенталя Паулинка Крайсберг утверждает, что в жизни отца его мать была фигурой доминирующей, но ему казалось, что Гилеля она любила больше, чем его. Однако сам Визенталь говорил об этом мало, а о своих чувствах – будь то любовь, зависть, печаль или боль – вообще предпочитал умалчивать. Он не рассказывал, как ему стало известно о гибели отца и как это известие на него повлияло; не рассказывал об отношениях с братом и что он чувствовал, когда тот скончался; не рассказывал о похоронах брата и о том, как прошли семь дней скорби. В своих автобиографических интервью он всегда окружал себя подобием

защитной стены, в качестве которой использовал свои коронные истории, вроде рассказа о том, как украинский всадник ранил его в бедро. Впрочем, интервьюеры большего от него и не требовали.

В гимназии он встретил главную любовь своей жизни – и будущую жену – Цилю Мюллер. Она была дальней родственницей Зигмунда Фрейда и к тому времени тоже лишилась отца. «Я был счастлив, – вспоминал Визенталь. – У меня была девушка, которая меня любила, и я ее тоже очень любил». По его словам, он рассказывал ей веселые истории и она много смеялась. Однажды он нарисовал ее карандашный портрет. На нем изображена пухленькая девочка, погруженная в чтение и закрывающая уши руками, как будто хочет полностью отключиться от внешней реальности и защитить от нее свой внутренний мир. Лицо у нее очень печальное. Судя по всему, они говорили друг с другом по-польски и на идише. Все считали, что они поженятся.

Произошло и еще кое-что. Роза Визенталь вышла замуж за уроженца Вены Ицхака Гальперина, проживавшего в карпатском городе Долина, и уехала жить к нему. Визенталь воспринял это болезненно. Перед отъездом Роза договорилась с семьей Цили, что сын будет жить у них, но время от времени Визенталь ездил к матери и отчиму в гости. Отношения с отчимом у него не сложились; у Гальперина были сыновья от предыдущего брака.

В то время Визенталь много рисовал и хотел стать художником, но мать убедила его учиться на архитектора. В этом имелся свой резон: его отчим занимался производством строительной плитки.

На выпускных экзаменах Визенталь поначалу провалился. Сам он объяснял это тем, что учащимся-евреям приходилось прилагать больше усилий, чтобы получить хорошую оценку. Тем не менее Циля сдала экзамены с первого раза. Однако в конце концов он все-таки экзамены выдержал и поехал учиться в Прагу. Вообще-то он хотел учиться в «Львуве» (как называли Львов поляки), так как тот был ближе к Бучачу, но, по его словам, евреев там на вступительных экзаменах проваливали.

Ему было уже примерно двадцать и, как всякий польский гражданин, он был обязан идти в армию. Не исключено, что это послужило еще одной причиной, по которой он поехал в Прагу (если, конечно, подобно многим другим юношам, не получил освобождения от службы). Так или иначе, «Злата Прага» (или, как ее еще называют, «город ста башен») встретила еврейского студента из Бучача приветливо.

Циля осталась дома, и в каникулы он ездил ее навещать.

В новой – демократической – Европе двадцатые годы были

временем надежд. Поступив в Чешский технический университет, Визенталь с головой окунулся в бурную культурную жизнь Праги. Это была эпоха смелого, свободного, опьяняющего авангарда.

Визенталь впервые увидел полицейских, которых не надо было бояться. Присутствие множества иностранных студентов создавало в городе космополитическую атмосферу. В первый раз в жизни он пил и развлекался в компании молодых юношей и девушек своего возраста, которые не были евреями. Его друзья-студенты изучали скульптуру и живопись; вместе с ними он бывал на киностудии. Это были лучшие годы в его жизни. Иногда он выступал в еврейском студенческом кабачке, рассказывая со сцены анекдоты. Еврейская студенческая организация носила ивритское название «Атхия»[4].

В Праге Визенталь заинтересовался сионизмом. Сначала он вступил в партию «ревизионистов» – оппозиционное крыло сионистского движения, возглавлявшееся известным журналистом Владимиром (Зеевом) Жаботинским. Ревизионисты требовали пересмотра политики председателя Всемирного сионистского профсоюза Хаима Вейцмана, казавшейся им чересчур соглашательской. С точки зрения политической терминологии тех лет они были «правыми»; противники Жаботинского уподобляли его Муссолини и даже Гитлеру. Впоследствии Визенталь рассказывал, что во время учебы в Праге перед Жаботинским преклонялся и дважды с ним встречался; судя по всему, он имел в виду, что присутствовал на одной из лекций Жаботинского и на его пресс-конференции. Однако в движении ревизионистов он пробыл недолго. «Они были высокомерными и считали, что владеют монополией на истину», – сказал он Гелле Пик. Когда ревизионисты раскололись и от них отделилась «Партия еврейского государства», во главе которой встал журналист и политик Меир Гроссман, Визенталь перешел в нее. В 1935 году Жаботинский и его сторонники вышли из Всемирного сионистского профсоюза, но «Партия еврейского государства» в нем осталась. С политической точки зрения она – в сравнении с партией ревизионистов – была ближе к центру.

Таким образом, Визенталь стал политиком и сионистом еще до Холокоста, причем до конца своих дней оставался человеком правых взглядов. Тем не менее во время учебы в Праге веселое времяпрепровождение, похоже, интересовало его больше, чем политические распри в сионистском движении.

В 1932 году отчим отказался платить за его учебу в Праге, и Визенталь уехал во Львов. Там ему пришлось начать учиться практически заново.

Львов был основан в середине XIII века и имел важное

значение. Центр Львова носил на себе явные следы венского влияния, там был даже оперный театр. Накануне Второй мировой войны во Львове проживало около трехсот тысяч жителей, и треть из них были евреями. В Польше более многочисленные еврейские общины были только в Варшаве и Лодзи. Остальное население города состояло преимущественно из поляков и украинцев, которые друг с другом враждовали. Однако и те и другие обвиняли в своих бедах евреев.

Когда Визенталь приехал во Львов, ему было двадцать четыре. Во время учебы он параллельно работал бригадиром в архитектурно-строительной фирме. В качестве дипломной работы он спроектировал санаторий для легочных больных. Гелла Пик пишет, что Визенталю также принадлежат проекты нескольких жилых зданий, в том числе виллы для матери и отчима.

В то время шло много споров о нацистском движении в Германии. В январе 1933 года нацисты пришли к власти. Визенталь вспоминает, что и студенты, и преподаватели института были заражены антисемитизмом, а один раз в год объявлялся «день без евреев», когда студентам-евреям появляться в стенах института запрещалось. Как правило, этот день приходился на период экзаменов. Фашиствующие студенты объединялись в банды, издевавшиеся над евреями.

Во Львове Визенталь тоже стал членом сионистской студенческой организации – она носила ивритское название «Бар-Гиора», – а в студенческой газете «Омнибус», выходившей на польском языке, время от времени публиковались его карикатуры, направленные против нацистов. В некоторых карикатурах он также высмеивал предложение англичан разделить Палестину на два государства. «В 30-е годы, – вспоминал Визенталь годы спустя, – во Львове бурлила культурная жизнь, и там было немало талантливых молодых людей. Если бы не начались преследования и им бы удалось выжить, многие из них стали бы элитой страны». В сентябре 1936 года Визенталь женился на Циле; настроен он был оптимистически. «Мы мечтали о лучшем будущем», – сказал он двум своим интервьюерам, Марии Шпорер и Герберту Штайнеру, но в свой внутренний мир их, как всегда, не впустил.

Когда интервьюеры спросили Визенталя, не думал ли он в то время эмигрировать в Палестину или Америку, как сделали многие из его родственников, он сказал, что одна из причин, по которой он остался во Львове, состояла в том, что у них с Цилей были другие планы, да и получить разрешение на репатриацию в Палестину было трудно. Однако, судя по всему, несмотря на весь свой пылкий сионизм, такого разрешения он даже не пытался

получить. Как и для большинства евреев, сионизм был для него всего лишь идеологией и увлечением, а не практическим указанием бросить все и уехать в Палестину. Своим домом он продолжал считать еврейскую Галицию. Именно там он хотел жить со своей семьей и добиться успеха на профессиональном поприще. Однако это была лишь иллюзия, и казалось бы, Визенталь не мог этого не понимать. О преследованиях евреев нацистами знали тогда уже все. Появлялось все больше признаков надвигающейся опасности, включая оккупацию немцами в 1938 году столь любимой Визенталем Праги, а также Австрии. В Польше антисемитизм тоже усиливался с каждым днем, и Жаботинский даже призывал к эвакуации евреев из Польши и других стран Восточной Европы. Но как и множество других людей, включая большинство евреев, Визенталь всей серьезности нацистской угрозы тогда не осознавал. «В ту пору, – говорил он позднее, – мы не воспринимали Гитлера всерьез. Мы считали, что это всего лишь “временный кризис, который скоро пройдет”». По словам Визенталя, люди его поколения были очарованы достижениями прогресса, а их вера в справедливость была настолько сильной, что у Гитлера, по их мнению, не оставалось никаких шансов.

Впрочем, отнюдь не у всех эта вера была настолько твердой: шурин Визенталя, например, в Палестину все-таки эмигрировал. Но уехать было и в самом деле непросто. Мать и теща Визенталя были еще живы, и их вряд ли можно было взять с собой. Поэтому, как и большинство его знакомых, Визенталь предпочитал обольщать себя иллюзией, что ситуация еще не настолько серьезная, чтобы покидать родные места, отказываться от своих планов и – как когда-то, в дни детства – бежать в чужую страну. Он надеялся, что наступят лучшие времена. По-человечески его понять, конечно, можно, но, оставшись в Польше, Симон и Циля Визенталь совершили самую ужасную ошибку в своей жизни. 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война.

3. Под властью Никиты Хрущева

Сначала во Львов пришли русские. Тогдашний первый секретарь Коммунистической партии Украины Никита Хрущев вспоминал, что между Красной и немецкой армиями было своего рода состязание в скорости. Немцы подошли к городу очень близко и даже начали бомбить его с воздуха. Но за несколько дней до этого Советский Союз и Германия договорились о разделе Польши (этот договор известен как договор двух подписавших его министров иностранных дел – русского, Вячеслава Молотова, и немецкого, Иоахима фон Риббентропа). Поэтому немцы удовлетворились пока что западной половиной Польши, а Львов оставили русским.

Красная армия принесла с собой коммунистическую идеологию, и почти сразу после того, как она вошла во Львов (это произошло в конце сентября 1939 года), жизнь в городе кардинально переменилась. Русские арестовали и выслали из города тысячи людей, являвшихся, с их точки зрения, олицетворением несправедливости «буржуазного строя», и многие из этих людей впоследствии погибли в трудовых лагерях. Новая власть национализировала банки, промышленные предприятия и частные дома, назначила новых чиновников, начала насаждать новую культуру – с новыми флагами, новыми песнями и с тысячами развешанных повсюду портретов Сталина, – и в городе воцарилась атмосфера страха. Хрущев в своих воспоминаниях восхищается тем, с какой готовностью и радостью жители Львова восприняли марксистско-ленинское учение, но при этом сухо отмечает, что тех из них, кто это сделать отказывался, приходилось сажать в тюрьму.

Коммунистическая экономика нанесла по евреям Львова тяжелый удар, поскольку большинство из них занимались торговлей. Многие потеряли свою собственность и обнищали. Хрущев с недоумением описывает выстроившуюся перед входом в здание гестапо (которому, в соответствии с подписанным договором, было разрешено открыть во Львове свое представительство) длинную очередь из людей, желавших переехать в оккупированную немцами Западную Польшу, поскольку многие из стоявших в этой очереди были евреями. Однако главное направление перемещения евреев было, по понятным причинам, все же не на запад, а на восток. Более ста тысяч евреев бежали из немецкой зоны оккупации во Львов, а десятки тысяч из них вынуждены были бежать и дальше, на территорию Советского Союза.

К религии русские относились враждебно, но еврейские культурные учреждения не запретили. На идише издавалась газета и велись передачи на радио, в еврейском театре на идише был поставлен спектакль «Хижина дяди Тома», и для еврейских школ этот год тоже оказался хорошим. Была отменена квота на прием евреев в Политехнический институт, куда в свое время отказались принять Визенталя.

Визенталь с женой жили на улице Яновской. Поскольку он был пасынком богатого промышленника, власти считали его представителем класса капиталистов и неоднократно вызывали на допросы. Ему и Циле выдали паспорта, в которых говорилось об их буржуазном социальном происхождении, и им было разрешено проживать не ближе чем в ста километрах от города. Правда, Визенталю удалось подкупить кого-то в милиции, и ему с женой позволили остаться во Львове, но свою квартиру им пришлось покинуть, и они переехали в район, ставший впоследствии частью еврейского гетто. Работать в должности инженера Визенталю тоже не разрешили. Отчим Визентала, Ицхак Гальперин, лишился всех своих заводов, а его виллу, спроектированную Визенталем, реквизировали. Позднее Гальперин был арестован (не как еврей, а как капиталист) и умер в советской тюрьме.

Впоследствии Визенталь называл себя жертвой коммунистического режима и часто приравнивал Сталина к Гитлеру. Единственная разница между ними, говорил он, состояла в следующем: когда Гитлер заявлял, что собирается уничтожить евреев, он говорил правду, но ему никто не верил, а Сталин, утверждая, что ничего против евреев не имеет, врал, но ему все верили.

Несмотря на экономическую катастрофу, которую навлекла на евреев Львова советская власть, многим из них – по крайней мере, на первых порах – позволяли занимать ключевые посты в органах управления, в культуре, науке и экономике. Визенталь тоже устроился неплохо. Правда, после окончания учебы его распределили не по профессии, как он ожидал, а послали техником на какой-то завод в Одессе, производивший пружины для кроватей, причем Циле с ним поехать не разрешили. Их разлука продолжалась, по-видимому, всего несколько месяцев, поскольку вскоре Визенталя назначили главным инженером проекта на строительстве одного из предприятий пищевой промышленности. Должность эта была, судя по всему, вполне респектабельной, и несколько раз он ездил в другие советские города. По его словам, он даже изобрел какой-то новый изоляционный материал и подал заявку на регистрацию патента.

В целом девятнадцать месяцев советской оккупации были для него временем отнюдь не самым приятным, но бежать было некуда, и по крайней мере, во Львове еще не было немцев.

В воскресенье 22 июня 1941 года жители Львова проснулись от грохота взрывов, сотрясавших город. Адольф Гитлер нарушил договор со Сталиным и начал военную операцию «Барбаросса». Ее конечной целью была Москва.

Тысячи евреев пытались покинуть Львов вместе с Красной армией, но Визентали в этом не участвовали, считая это бессмысленным: брать с собой евреев русские, как правило, отказывались.

Тем временем целые улицы превратились в руины, а многие дома горели. Среди развалин валялись обломки телег и трупы лошадей; повсюду можно было видеть обгоревшие танки и мертвых людей.

Когда немцы вошли в «Лемберг» (как они именовали Львов), в городе проживало сто шестьдесят – сто семьдесят тысяч евреев, а когда через три с четвертью года немцев выгнали, из львовских евреев в живых осталось около трех тысяч четырехсот человек. Одним из них был Визенталь. Во время немецкой оккупации он потерял мать и жену, но сам остался в живых.

Когда Визенталь диктовал свои воспоминания на магнитофон для архива мемориала «Яд-Вашем», сотрудник, производивший запись, сопроводил ее следующим комментарием: «Это серия увлекательных и абсолютно фантастических историй с совершенно неожиданными поворотами, в результате которых рассказчик из человека, обреченного на смерть, превращается в спасшегося и наоборот». И действительно, история выживания Визенталя – это сплошная череда чудес.

Глава третья. «Увидимся на полке возле мыла»

1. Яновский

Первый день оккупации стал «днем украинцев»: вместе с немцами в город вошел украинский батальон «Нахтигаль» («Соловей»), созданный офицером нацистской разведки по имени Теодор Оберлендер. Войдя в город, украинцы прошествовали к ратуше, сняли с нее оставшуюся от русских красную звезду и повесили вместо нее два флага – немецкий, с фашистской свастикой, и украинский, желто-голубой. Жители Львова встретили их морем цветов, и они – вместе с местными бандитами – сразу же начали бесчинствовать.

Из своего окна Визенталь видел, как немецкие солдаты и местные жители – по-видимому, украинцы – вытаскивали евреев из домов, пиная их ногами и избивая палками, ломами и прикладами. Особенно ему запомнился солдат, издевавшийся над ребенком лет двенадцати и над двумя женщинами. Он повалил женщин на землю и тащил их за волосы. Подъехал открытый «мерседес» с немецким офицером и кинооператором; солдаты отдали офицеру честь. Это мог быть Оберлендер, но Визенталь его имени не называет.

Однако по сравнению с тем, что творилось в городе, где шел настоящий погром, издевательства, которые Визенталь наблюдал из окна, были инцидентом весьма незначительным.

Перед тем как покинуть Львов, русские убили всех заключенных в тюрьмах, а сами тюрьмы подожгли. Многие из заключенных были украинцами. Люди рассказывали про горы обгоревших трупов и говорили, что в убийствах принимали участие евреи. Толпы украинцев и немецкие солдаты рыскали по городу и охотились на всех, у кого была еврейская внешность. Евреев прогоняли сквозь строй и избивали палками; одна из свидетельниц рассказывает, что на конце палок были закреплены бритвы. Стариков убивали топорами, младенцам разбивали головы об стены.

Трупы убитых русскими заключенных были выложены во дворах тюрем на всеобщее обозрение, и люди приходили на них смотреть. Некоторые пытались опознать своих родственников. Евреев сгоняли в тюрьмы, заставляли копать могилы и хоронить мертвых, а затем расстреливали.

Погром продолжался четыре дня. По оценкам историков, было убито около четырех тысяч евреев.

В квартиру Визенталей тоже вломился немецкий солдат; с собой он притащил какую-то уличную проститутку. Распахнув двери трехстворчатого платяного шкафа, он предложил девушке

брать все, что та пожелает, и она начала рыться в одежде. Не в силах ничего сделать, Визенталь и его жена стояли рядом и молча за этим наблюдали. Таким образом, уже тогда, еще до изобретения газовых камер, проявилась одна из характерных особенностей нацизма: страсть к унижению человеческого достоинства. Визенталь не забыл об этом эпизоде даже после всего того, что пережил позже. Через два или три дня он был арестован.

Два немецких солдата и украинский полицай выволокли его из дома рано утром. На улице он увидел нескольких соседей и евреев из других домов. В общей сложности набралось человек сто – сто двадцать. Избивая людей кулаками и палками, охранники повели их в район железнодорожных мастерских и заставили таскать тяжелые стальные листы, предназначавшиеся для танков. Работа была трудной. Визенталь был высоким и крепким, но физической работой ранее не занимался. Охранявшие их немецкие солдаты кричали на них и подгоняли прикладами. В полдень охрана поменялась, но евреям отдохнуть не позволили. После полудня их заставили таскать баллоны с кислородом весом от 90 до 120 килограммов. Один из евреев потерял сознание и упал; солдат ударил его ногой в лицо. Так они работали до девяти вечера. Когда они возвращались домой, человека, упавшего в обморок, среди них не было. В то время уже действовал комендантский час, и им выдали специальные пропуска, разрешавшие перемещение по городу. Визенталь запомнил фамилию сержанта, подписавшего его пропуск. Его звали Шиллер. Вполне возможно, это был первый нацист, чье имя отпечаталось в памяти Визенталя. В последующие две недели он и его соседи были обязаны являться на работу каждый день. Немецкие солдаты и украинские полицаи постоянно над ними издевались и, даже когда не было никакой работы, заставляли их безо всякой необходимости перетаскивать с места на место запчасти для паровозов.

В отличие от коммунистов, немцы не стремились навязать жителям Львова свою идеологию; они всего лишь хотели использовать их в качестве дешевой рабочей силы. Евреев же они собирались просто уничтожить.

15 июля 1941 года всех евреев города обязали носить белую нарукавную повязку с синей шестиконечной звездой и запретили им ездить в поездах. В трамваях им ездить разрешили, но только стоя и в задней части вагона. Еще через три недели на принудительные работы обязали являться всех евреев без исключения. В оккупированной Польше к тому времени уже разрешили работать немецким бизнесменам, и в качестве рабочей

силы те использовали местных жителей. Некоторым из них платили символическую зарплату, а некоторым не платили ничего вообще.

Визенталь работал в одной из мастерских Восточной железной дороги. Это было крупное предприятие, где работали в том числе нееврей. Сначала он занимался очисткой печей, но затем сумел устроиться на более легкую и больше соответствовавшую его умениям должность: начал рисовать на вагонах опознавательные знаки и немецких орлов со свастикой. На эту работу его пристроил бригадир-поляк, за что Визенталь отдал ему одно из платьев жены.

Однажды немецкий начальник мастерских проходил мимо работавшего Визенталя и спросил, где тот научился рисовать. «Он не художник, – услужливо доложил один из заключенных-поляков. – Он инженер». Визенталь очень испугался, и не только потому, что был пойман на лжи, но еще и потому, что после захвата Львова немцами первыми жертвами стали профессора и представители свободных профессий. Именно по этой причине он свою настоящую специальность скрыл. Но ему повезло: начальник над ним сжалился. «Я ведь тоже инженер», – сказал он. Его звали Генрих Гюнтерт. Непосредственный начальник Визенталя инспектор Адольф Кольрауц тоже оказался человеком порядочным.

Циля Визенталь работала в тех же мастерских уборщицей. На работу и с работы они ходили вместе.

С каждым месяцем положение евреев Львова становилось все хуже. В конце 1941 года, через полгода после того, как их отделили от других жителей города с помощью нарукавных повязок, начался второй этап изоляции, который, как и в других местах, должен был привести в конечном счете к полному уничтожению евреев: им было приказано покинуть свои жилища и переселиться в кварталы бедноты на севере города. Визенталю, его жене и матери (жившей после смерти мужа в семье сына) тоже пришлось туда переехать.

Перемещением евреев в гетто руководило специально созданное ведомство, но происходило переселение хаотично, сопровождалось насилием и не обходилось без коррупции. Жители кварталов бедноты требовали за свои квартиры деньги, а сами часто вселялись в оставленное евреями жилье. Мебель и имущество евреев разграбляли.

Переселение продолжалось несколько месяцев, до зимы 1942 года. Район огородили деревянным забором, и он превратился в нечто вроде большого концлагеря.

Вид этот «Еврейский квартал» (как назвали новое гетто

немцы) имел жалкий. «По большей части, – рассказывал один из его бывших обитателей, которому удалось выжить, – это были ветхие лачуги, которые предполагалось снести еще до войны. Но даже эти развалюхи с крошечными окошками, лишенными стекол и заткнутыми тряпками, затянутыми бумагой или забитыми досками, – и те считались роскошью. Серовато-черные стены были заляпаны грязью от колес проезжавших телег, кровли покрыты фанерой, а сточные трубы прогнили и разваливались. Даже если в доме и имелись «удобства», кран был неисправным. В комнатах стояли глиняные печки с ржавыми и закопченными трубами».

В большинстве домов не имелось ни водопровода, ни канализации, ни электричества; теснота была невыносимой. Целая семья могла проживать в одной комнате, а некоторым приходилось ютиться на складах, в подвалах и на чердаках. Визенталь рассказывал, что его с женой и матерью поселили в комнату в квартале № 1, где, кроме них, проживало еще несколько человек. Во многих местах вместо кроватей ставили многоэтажные нары, а некоторым людям приходилось спать по очереди в одних и тех же кроватях. Ели почти один хлеб, напоминавший клейкую массу, а вместо кофе пили воду, отваривая в ней свеклу или подслащивая сахарином. Многие обитатели гетто умерли от тифа, туберкулеза и других болезней. Особенно тяжелой оказалась первая зима: гетто было засыпано снегом, а отопление во многих домах отсутствовало.

Только сейчас евреи Львова по-настоящему поняли, какими ужасными экономическими последствиями обернулась для них советская власть: те, у кого еще оставались хоть какие-то деньги, даже в гетто жили лучше других.

Большая часть скудного продовольствия, которое оккупанты выделяли обитателям гетто, уходила на черный рынок, а власть в гетто захватили спекулянты и бандиты. Большинство из них работало в созданном немцами юденрате (еврейском совете).

Тема эта весьма неприятная. Немцы навязали гетто подобие самоуправления: юденрат должен был заниматься вопросами административного характера, решением жилищных проблем, продовольственным снабжением, оказанием медицинских услуг и т. д. – однако при нем имелась также полиция, и сотни полицаев-евреев принимали участие в массовых арестах, проводившихся немцами раз в несколько недель. По оценкам историков, на определенном этапе в различных отделах львовского юденрата работали не менее четырех тысяч евреев, то есть около пяти процентов от всего еврейского населения.

Из-за регулярных арестов население гетто неуклонно уменьшалось. Первыми начали забирать стариков и неимущих: их

отводили в близлежащие леса и расстреливали, а с марта 1942 года людей стали тысячами отправлять в газовые камеры лагеря смерти Белжец, расположенного примерно в двухстах километрах к северу от Львова. В гетто говорили: «Работа или смерть».

В своих показаниях на суде над львовскими военными преступниками Визенталь рассказал, как немцы использовали в качестве предлога для массовых убийств бюрократическое крючкотворство. Например, они внезапно, безо всякой причины, объявляли, что такие-то и такие-то документы утрачивают свою силу, если в них не проставлена дополнительная печать в таком-то и таком-то отделе, а поскольку у сотен, а то и тысяч людей такой печати не было, полиция их на следующий день арестовывала – как проживающих в гетто незаконно – и отправляла на смерть. Часто их увозили на трамваях, и львовчане эти битком набитые трамваи видели. Визенталь показал, что видел их тоже.

Получение необходимых документов часто зависело от личных связей, а также от возможности подкупить всякого рода посредников, спекулянтов, а то и самих немецких чиновников.

Шансы выжить были выше, когда администрация гетто нуждалась в рабочей силе – например, если нужно было очистить улицы от снега, – но многое зависело и от простой удачи. Как-то раз полицаи-евреи пришли за матерью Визенталя, но ему с женой удалось убедить их оставить ее в покое и забрать вместо нее их самих. Полицаи согласились на это потому, что вместо одного арестованного получили двух; Визенталь же и его жена, в свою очередь, надеялись, что их отпустят, так как у них имелись разрешения на работу. И действительно, им позволили вернуться домой. Тем не менее, когда однажды, летом 1942 года, они вернулись с работы, то обнаружили, что мать Визенталя исчезла; соседи сказали, что ее забрали два украинца. Визенталь полагал, что мать убили в Белжеце или что она умерла еще по дороге туда.

Аделла Сигаль-Мельхман, которая – уже после исчезновения матери Визенталя – жила в гетто вместе с Симоном и Цилей, вспоминала, как их семьи ютились в одной комнате, и говорила, что главной темой их разговоров было «как выбраться из гетто». Они постоянно перебирали имена знакомых поляков и гадали, кто из них мог бы помочь. Какое-то время им удавалось покупать хлеб, продавая остатки своих драгоценностей. Визенталь очень похудел и выглядел, как скелет.

Тысячи жителей гетто погибли и в трудовых лагерях. Самый известный из них находился на улице Яновской, где когда-то жили Визентали. Немцы построили там несколько заводов для производства военного оборудования. Многие из трудившихся на

этих заводах приходили на работу утром, а в конце рабочего дня возвращались домой, и евреям поначалу тоже позволяли уходить, но в октябре 1941 года им было приказано оставаться на территории заводов постоянно, и промышленная зона превратилась в лагерь закрытого типа. Вдоль забора были установлены сторожевые вышки, на которых дежурили вооруженные эсэсовцы. Тем не менее время от времени Визенталю удавалось оттуда выбраться. «У меня, – рассказывал он, – все еще оставались в гетто друзья, и я был в хороших отношениях с людьми, руководившими биржей труда. Поэтому мне часто выдавали пропуск, позволявший проходить с территории железной дороги в гетто».

Условия жизни в лагере были очень тяжелыми. Бывшие узники рассказывали ужасные истории о садистских издевательствах и массовых казнях. Визенталь до конца своих дней не мог забыть стоявший в воздухе запах горелого мяса и сказал на суде над львовскими преступниками, что заключенные мрачно шутили: «Увидимся на полке возле мыла».

Был период, когда количество заключенных в Яновском лагере достигло двадцати или тридцати тысяч человек. Правда, не все из них были евреями и не все работали принудительно. Точное количество погибших в лагере неизвестно, но полагают, что они исчислялись десятками тысяч.

2. Хорошие немцы

Визенталь оказался в Яновском весной или летом 1942 года, но, по-видимому, по-прежнему ходил оттуда на работу все в те же железнодоржные мастерские. Циля Визенталь писала, что была отправлена в Яновский в июне 1942 года, но проработала там – в качестве уборщицы – недолго, после чего была переведена на железную дорогу, где работал ее муж. По словам Визенталя, из Яновского их обоих сумел вызволить инспектор Адольф Кольрауц.

Евреи, принудительно работавшие на Восточной железной дороге, тоже жили в лагере закрытого типа, но условия содержания в нем в сравнении с Яновским были легче. Визенталь провел там два года, и его тогдашняя жизнь сильно отличалась от того кошмара, в котором жили большинство львовских евреев. По мастерским он расхаживал почти как свободный человек; на рукаве носил красную повязку, означавшую, что он относится к техническому персоналу; работал он в кабинете с телефоном; ему удавалось кое-что зарабатывать; он сумел организовать бегство своей жены; ему удалось раздобыть оружие; а в конце концов он сбежал и сам. И все это благодаря начальнику мастерских Генриху Гюнтерту и инспектору Адольфу Кольрауцу.

Как рассказывает Визенталь в своих показаниях, хранящихся в архиве «Яд-Вашем», с инспектором Кольрауцем у него сложились совершенно потрясающие отношения. Работавший на принудительных работах еврей и немец-инспектор организовали совместный бизнес; оба они брали взятки. Визенталь разрабатывал для Кольрауца разного рода строительные проекты по расширению предприятий, и Кольрауц их подписывал. Визенталь вступал в прямой контакт с гражданскими строительными фирмами и подрядчиками, конкурировашими за право выполнения работ, те давали Кольрауцу взятки, и кое-что перепадало Визенталю.

В качестве помощника Кольрауца Визенталь имел также свободный доступ ко всем документам, включая секретные планы немцев по использованию альтернативных железнодорожных станций в случае террористических актов. По словам Визенталя, он передал эти планы двум работавшим в лагере польским подпольщикам. В показаниях для «Яд-Вашем» он подчеркнул, что эти подпольщики были не из прокоммунистической Армии Людовой (Народной армии), а из националистической Армии Крайовой (Армии родины), подчинявшейся польскому правительству в изгнании.

Иногда, в сопровождении охранников, он выходил с территории железной дороги, чтобы закупить необходимые для работы инструменты или материалы, и каждую такую возможность использовал для установления контактов с различными людьми. Общался он с ними и по телефону. Благодаря этим контактам ему удалось достать для подпольщиков оружие. Оружие можно было тогда раздобыть в гетто; его последние обитатели встречали немцев выстрелами. Два пистолета он оставил себе, спрятав их в ящике стола инспектора Кольрауца.

Иногда они говорили с Кольрауцем об истреблении евреев, и однажды тот сказал, что когда-нибудь немецкому народу придется за это ответить.

На фоне кошмаров, творившихся в то время во Львове, отношения Визенталя с его начальниками могут показаться плодом его воображения. Однако у Визенталя не было причины придумывать историю, которая преуменьшала его страдания во время Холокоста и могла быть истолкована как коллаборационизм. Скорее у него были основания эту историю скрывать. Между тем он рассказывал ее много раз, подчеркивая, что спасся благодаря порядочным немцам. Не исключено, что именно поэтому он и пришел к выводу, что коллективной вины не существует и каждого надо судить по его делам. Он повторял это неоднократно и руководствовался этим принципом в своей повседневной работе.

Несколько человек, знавших Визенталя как до, так и во время войны, подтвердили его рассказ о работе на Восточной железной дороге. Они высоко ценили его и хвалили за смелость. Тем не менее он понимал, что эта история вызывает у людей вопросы и подчеркивал, что находился в точно таком же положении, как и другие двести пятьдесят евреев, работавших на Восточной железной дороге. По его словам, все они удостаивались более или менее нормального отношения, и объяснялось это тем, что Гюнтерт превратил мастерские в нечто вроде одинокого островка добра посреди бушевавшего вокруг моря зла и следил за тем, чтобы немецкие бригадиры и надзиратели над евреями не издевались. И действительно, отмечает Визенталь, большинство немцев на Восточной железной дороге были людьми порядочными. Однако не все. Старший инспектор Петер Арнольдс, например, был мерзавцем. По словам Визенталя, он застрелил сына рабочего-еврея Хасина.

Хасин ухаживал за лошадьми, содержавшимися на территории мастерских, и ему разрешалось ночевать в конюшне. Его жена и сын жили в гетто. Во время одной из немецких облав

жену Хасина убили, и его сын остался один. Соседи по гетто сумели каким-то образом об этом сообщить Хасину, и кто-то разрешил ему перевезти мальчика из гетто в мастерские. Хасин привез его туда, спрятав в большом мешке. Днем мальчик прятался в лошадиной кормушке (чтобы ему было чем дышать, Хасин просверил в ее стенках несколько дырок) и вылезал из нее только ночью, когда немцы раходились по домам. Но в конце концов кто-то на Хасина донес, и Арнольдс вызвал эсэсовцев из Яновского. «Своими собственными глазами, – рассказывает Визенталь, – я видел, как Арнольдс с эсэсовцем вошли в конюшню, и минуты через три-четыре услышал одиночный выстрел. Когда они ушли, я пошел туда и увидел, что Хасин сидит возле трупа сына и плачет. Он сказал мне, что эсэсовец вытащил мальчика из кормушки, велел отвернуться и выстрелил, а потом бросил труп на кучу навоза и приказал Хасину накрыть его лошадиной попоной».

Среди строительных фирм, работавших на территории железной дороги, была одна фирма из Люблина. Визенталь полагал, что ее директор был связан с польским подпольем. Так это или нет, но директор (его фамилия была Рожанский) увез Цилю с собой и зарегистрировал как свою сестру. У Рожанских был сын, и Циля работала у них няней. В документах она значилась как «Ирена Ковальская». На еврейку она похожа не была, но на каком-то этапе скрываться больше не могла и каким-то образом сумела вернуться во Львов. Там она пришла к железнодорожным мастерским и поговорила с мужем через забор. С помощью одного из подпольщиков (которые были перед ним в долгу за то, что он достал для них оружие) он нашел для Цили убежище в Варшаве. В течение какого-то времени он еще получал от нее письма, но затем связь между ними прервалась. После войны люди, знавшие Визенталей по Восточной железной дороге, подтвердили, что Циля сбежала именно так.

3. Три дня в шкафу

Во второй половине 1943 года, когда евреев во Львове оставалось уже немного, немцы начали переселять в Яновский даже тех евреев, которые работали на гражданских предприятиях города, включая Восточную железную дорогу. Был среди них и Визенталь. При этом заключенные Яновского продолжали работать в железнодорожных мастерских. Утром их туда отводили, а вечером приводили обратно, после чего заставляли заниматься «спортом» – по многу часов стоять на плацу, приседать, отжиматься, прыгать, бегать – и при этом ужасно избивали. Их снова и снова переписывали, сортировали, делили на группы, пересчитывали, после чего многих из них отводили в район «Песков» и расстреливали.

В конце сентября 1943 года Кольрауц сказал Визенталю, что пора бежать. «Беги отсюда, – сказал он, – беги отсюда». Визенталь решил совершить побег с товарищем по работе Артуром Шейманом, женатым на украинке. До войны Шейман был одним из руководителей известного цирка.

К бегству они готовились тщательно. Однажды Кольрауц разрешил им сходить в город, чтобы купить инструменты. Сопровождать их он поручил охраннику-украинцу. Они вошли в один из домов. Охранник, которому Визенталь дал сигарет, ждал их на улице. В доме был черный ход. Они вышли через него и поехали на трамвае к сотруднику одной из строительных фирм Роману Ущьенскому. С Ущьенским они договорились заранее, и он их уже ждал. Ради них он рисковал жизнью. «Он сделал это потому, что ненавидел немцев», – написал Визенталь более сорока лет спустя, и благодаря его рекомендации Ущьенский получил звание «праведника мира», которым (вместе с денежным пособием) мемориал «Яд-Вашем» от имени Государства Израиль награждает людей, спасавших евреев в эпоху Холокоста.

У Ущьенского Визенталь и Шейман провели несколько часов, а вечером за ними пришла одна из работавших на Восточной железной дороге уборщиц и отвела в деревню, где жили ее родители. Те спрятали беглецов на чердаке, и какое-то время они сидели там вдвоем, но потом пришла жена Шеймана и забрала его с собой. Через несколько недель деревню окружили и стали прочесывать украинские солдаты, но Визенталю удалось убежать. Какое-то время он прятался в доме у Шеймана, а затем его судьба переплелась с судьбой еврейской женщины, которой пришлось долго скитаться с места на место и менять имена. В конце концов она оказалась в Израиле, где и прожила всю оставшуюся жизнь.

Паулина Буш была замужем за бухгалтером по имени Макс; их трехлетнюю дочь звали Бася. Сестра Паулины, Лола, была до войны популярной портнихой. Когда началась война, они перебрались в город Ходоров. Директор тамошнего сахарного завода пожалел их и дал им кров над головой, а его жена стала заказывать у Лолы наряды.

На том же заводе работал Ицхак Штернберг, живший со своей семьей неподалеку. Ему было тогда двадцать лет. Его брата немцы убили, а мать забрали, но ему самому удалось сбежать во Львов, где он назвался Олеком и с помощью фальшивых документов скрыл, что он еврей. Хозяин квартиры, которую Штернберг арендовал, был поляком и работал на Восточной железной дороге. Он познакомил Штернберга с Визенталем, и тот устроил его на работу в мастерские, чем спас ему жизнь.

Однажды на улице Штернберг повстречался с Паулиной Буш, которая в Ходорове была его соседкой. Паулина вернулась во Львов с дочерью и, подобно «Олеку», тоже скрывала, что она еврейка. У нее было свидетельство о рождении на имя жены директора ходоровского сахарного завода Марии Кродкевской. Сама Кродкевская жила в это время в Варшаве. Паулине удалось найти работу в детском саду, который содержали монахини, и те помогли ей снять квартиру на улице Балоновой. Однажды ее заподозрили в том, что она еврейка, арестовали и избили, но в конце концов отпустили. Свидетельства о рождении было уже недостаточно; ей нужен был паспорт.

«Олек» слышал, что Визенталь умел подделывать документы, и оказалось, что это действительно так. «Олек» принес ему старый паспорт Паулины и получил вместо него новый, на имя Марии Кродкевской.

Через какое-то время из Ходорова приехала Лола, сестра Паулины, а затем объявился и ее муж, Макс. Сначала он нашел приют у «Олека», но затем переехал к жене. Таким образом, в квартире Паулины жили теперь трое взрослых и маленькая девочка, но соседям об этом знать не следовало: они могли заподозрить, что она прячет у себя евреев. Все это было очень тяжело.

К тому времени «Олек» подружился с одной девочкой. Ей было лет одиннадцать, и ее звали Крыся. Однажды он увидел, как она стоит на улице возле забора, окружавшего мастерские, и машет рукой одному из рабочих-евреев, а тот в свою очередь вяло машет ей в ответ. С тех пор она стала появляться каждый день: подходила к забору, махала рабочему и уходила. Она была его дочерью, и, кроме него, у нее никого не было. По ночам она спала в подъездах, по утрам шла навещать отца, а после полудня

отсиживалась в кинотеатрах.

«Олек» стал о ней заботиться. Он покупал ей еду, и они вместе шатались по городу. Они делились друг с другом своими горестями, волнениями, страхами, предавались мечтам, и Крыся рассказывала «Олеку», что произошло с ней вчера. По ее словам, жильцы домов, в подъездах которых она спала, часто будили ее и выгоняли на холодную ночную улицу, а также с пристрастием допрашивали, не еврейка ли она. Она отвечала, что нет.

Как-то раз ее отец на работу не явился, и «Олек» решил, что он умер. Но через некоторе время исчезла и сама Крыся. «Олек» не знал, что и думать. Ходили слухи, что во Львове орудует банда, похищающая детей, убивающая их и продающая их мясо на рынке, и «Олек» боялся, что именно это с Крысей и произошло. Так это или нет, но тот факт, что Штернберг верил в это до конца своих дней, уже сам по себе дает представление о том, что тогда творилось во Львове.

Примерно в это же время к Паулине пришла какая-то женщина и передала ей письмо от Визенталя. Это была жена Шеймана. Визенталь знал адрес Паулины еще с тех пор, как подделывал ей паспорт. В письме он просил Паулину помочь ему найти место, где бы он мог спрятаться, потому что там, где он прятался сейчас, оставаться больше не мог.

Жена Шеймана была на грани истерики. Она рассказала Паулине, что работает портнихой, что к ней приходят на примерку клиенты и что каждый раз, как они приходят, она прячет мужа в платяном шкафу, где ему приходится – иногда по нескольку часов кряду – сидеть на маленькой табуретке. Достаточно ему один раз кашлянуть – и все пропало. А теперь к ним пришел еще и Визенталь. «Для меня, – рассказывал Визенталь впоследствии, – поставили еще одну табуретку, и я просидел в этом шкафу три дня. Мы не могли даже громко дышать, потому что расстояние от шкафа до стола, за которым сидели посторонние люди, было меньше полутора метров. В конце концов я сказал, что больше так не могу».

Паулина не могла поселить в своей квартире пятого человека и пообещала жене Шеймана что-нибудь подыскать, но, когда через два дня та пришла снова, сказала, что помочь ничем не может. «Тогда, – закричала жена Шеймана, в отчаянии схватившись за голову, – мне придется выдать их немцам. Я просила Визенталя уйти, но он отказывается. А у него два пистолета! Он нас убьет!» – «Ладно, – сказала Паулина, – пусть приходит». – «Ты соображаешь, что говоришь? – возмутился ее муж. – В таком случае я уйду! Оставайся с Лолой». – «Куда ты пойдешь? – осадила его Паулина. – Послушай, сейчас вас двое, а

где есть двое, поместятся и трое. Тем более что это ненадолго». Однако когда Визенталь пришел, жизнь в квартире стала совершенно невыносимой. «Уходить Визенталь не хотел», – сказала Паулина сотруднице «Яд-Вашем», которая ее интервьюировала.

Труднее всего было скрывать все это от дочери: они боялись, что та проговорится. Днем девочка находилась вместе с мамой в монастырском детском саду, а вечером сестра Паулины, ее муж и Визенталь прятались в спальне, в то время как Басю Паулина держала на кухне. Если девочка слышала доносившийся из спальни шум и спрашивала маму, что это такое, та что-нибудь выдумывала. Однажды, например, сказала, что это мыши.

Туалет находился на веранде, и пользоваться им Лола, Макс и Визенталь не могли; поэтому Паулине пришлось поставить им ведро. Опорожняла она его тайком. «Это было ужасно», – рассказывала она впоследствии. В комнате была раковина с краном, и жильцы Паулины иногда использовали в качестве туалета ее тоже. Стирать, готовить – все это нужно было делать так, чтоб соседи ничего не заметили.

Все это время Паулина продолжала – под вымышленным именем – работать в монастырском детском саду и притворяться христианкой.

Однажды пришли немцы. Они хотели произвести обыск, но Паулина показала им изготовленный Визенталем паспорт, и они ушли. В другой раз, вечером, заявились трое мужчин в немецкой форме и сказали, что пришли за евреями, которых Паулина скрывает. Оказалось, что это были украинцы-вымогатели. Визенталю, Лоле и Максу пришлось прятаться от них на чердаке. Вымогатели приходили еще один раз, но после этого больше не появлялись.

«Олек», по-прежнему работавший в железнодорожных мастерских, навещал их каждый день. Он приносил продукты и газеты, а для Визенталя – бумагу и цветные карандаши. Тот рисовал людей и сценки, которые наблюдал в Яновском, а также иллюстрировал их повседневное существование в квартире Паулины. Они надеялись, что смогут продержаться еще довольно долго.

Визенталь разобрал в комнате несколько досок пола и выкопал яму, в которой могли лежа поместиться три человека. «Землю, – вспоминала Паулина, – я выносила в ведрах и кастрюлях и выбрасывала возле других домов. Высыпала я ее и в печку. У меня была большая обложенная плиткой печка, которая все равно не работала. Небольшую часть земли я отнесла в подвал и на чердак». Яму Визенталь прикрыл досками, а на них

поставил кровать.

Когда к Паулине заходил кто-нибудь из соседей, Визенталь и Лола залезали в шкаф, а Макс прыгал в корзину для грязного белья, которую прозвал «подводной лодкой».

Благодаря газетам они имели возможность следить за ходом войны и в шутку называли себя «генеральным штабом». Иногда Визенталь посылал «Олека» к Шейману и некоторыми своим довоенным знакомым узнать, не могут ли те чем-то помочь.

Так прошло примерно семь месяцев.

Ицхак Штернберг – он же «Олек» – пишет: «Люди неспособны круглые сутки находиться в состоянии нервного напряжения; когда в течение многих месяцев и лет им угрожает опасность, они привыкают».

Время от времени к Паулине заходила соседская девочка, чтобы поделиться секретами своей первой любви, и ей даже в голову не приходило, что ее исповедь слушают еще три человека.

Визенталь никогда не рассказывал о своих тогдашних взаимоотношениях с Лолой, Паулиной и Максом. Паулина испытывала к нему неприязнь, но сотруднице мемориала «Яд-Вашем», много лет спустя записавшей ее рассказ, так и не удалось выудить у нее какие-либо подробности. «Я не хочу об этом говорить, – сказала Паулина. – Не хочу, и всё».

4. Под защитой СС

Все это время ни сама Паулина, ни те, кто прятался в ее квартире, не знали, что жившая ниже украинка тоже скрывала у себя в подвале евреев; их было семеро. Однако в один прекрасный день их обнаружили. На место прибыло множество полицейских, евреев арестовали, и по этому случаю весь дом был тщательно обыскан. Визенталь, Лола и Макс спрятались в убежище под полом.

«Мы лежали под полом, – рассказывает Визенталь, – а они начали ощупывать стены и вскрывать доски пола. Когда они добрались до меня, я схватился за пистолет, лежавший под головой, но почувствовал на голове сапог и не смог пошевелиться. Меня вытащили из ямы два польских агента и эсэсовец. Остальных вытащили раньше… Польские агенты в то время активно занимались торговлей оружием. Они украли оба моих пистолета. Если бы они написали в рапорте, что нашли у меня пистолеты, то им пришлось бы их сдать». Забрали они и несколько его рисунков. Лолу, Макса и Паулину тоже арестовали. Дочка Паулины Бася осталась у соседки. Это случилось 13 июня 1944 года. Много лет спустя Визенталь раздобыл копию полицейского рапорта об этом аресте.

Сначала Визенталя отправили в лагерь Яновский, а оттуда перевезли в тюрьму. По его словам, он боялся пыток и пытался покончить с собой, перерезав себе вены бритвой. Его перевели в лазарет, чтобы подлечить, а затем допросить. Одна из последних узниц Яновского позднее рассказала, что арестовали некоего инженера, у которого были при себе собственные рисунки. Его имени она не помнила, но упомянула, что из страха перед пытками на допросе тот перерезал себе вены.

Визенталь рассказывает, что предпринял еще две безуспешные попытки покончить с собой, чтобы выиграть время и отсрочить допросы. Один раз он украл у врача флакон с таблетками и все их проглотил, но оказалось, что это был сахарин, а во второй раз попытался повеситься в петле, сделанной из собственных брюк, но она оборвалась.

Тем временем ко Львову подошла Красная армия и немцы начали эвакуироваться. Как-то раз русские бомбили квартал, где находилась тюрьма. Началась паника. Нескольким заключенным, в том числе Паулине, ее мужу Максу и сестре Лоле, удалось сбежать, а остальных, включая Визенталя, поспешно перевезли в Яновский. Это было, по-видимому, в июле 1944 года. В Яновском к тому времени осталось всего около ста узников.

Начиная с этого момента, Визенталь был обязан своим выживанием уже не собственной находчивости и не удаче, а скорее царившим вокруг хаосу и неразберихе.

Несколько из оставшихся в Яновском узников, включая Визенталя, попытались бежать, но началась бомбежка, в результате которой двое из беглецов погибли, и им пришлось вернуться в лагерь. В обычных обстоятельствах их бы, наверное, расстреляли, но на этот раз один из последних остававшихся в Яновском эсэсовских офицеров, Фридрих Варцок, вдруг заявил, что времена изменились и он лично позаботится о том, чтобы никто из них не пострадал. По словам Визенталя, он также объяснил им почему: «Вы поедете с нами, и мы вместе доживем до конца войны». Варцок сопроводил их на продовольственный склад и велел запастись продовольствием, а на следующий день всех повели на вокзал. Один мужчина попытался сбежать, и его застрелили; одна из женщин пожаловалась, что у нее болят ноги, и тоже была убита.

Евреи думали, что их везут в лагерь смерти, но перед тем как поезд тронулся, один из эсэсовских офицеров принес к ним в вагон щенка и клетку с его любимой канарейкой и пригрозил, что если с ними что-нибудь случится, то он убьет всех заключенных в вагоне собственными руками. Визенталь рассказал эту историю в том числе и на суде над преступниками из лагеря Яновский.

Это был один из последних немецких поездов, отправившихся из Львова; через несколько дней город заняли русские войска.

Визенталя и его товарищей-заключенных привезли в город Пшемысль. Только там они узнали, почему их не убили. Заключенные-евреи нужны были Варцоку и его товарищам, чтобы им было кого охранять: эсэсовцы боялись, как бы начальство не узнало, что они остались без работы, и не отправило их на фронт.

По словам Визенталя, арестантов было человек пятьдесят, а эсэсовцев около тридцати. Первым делом вместо лагерной одежды им выдали синие рабочие комбинезоны, и Варцок пригрозил: если проболтаетесь, что вы евреи, я вас убью. Несколько дней они работали на строительстве фортификационных укреплений, но, когда к Пшемыслю подошли русские, Варцок повел их в следующий лагерь. По дороге они нагнали колонну немецких гражданских лиц, тоже бежавших от русских, и Варцок конфисковал у них телеги с лошадьми. На каждую телегу он посадил по два заключенных и по одному эсэсовцу.

Ночевали они в покинутых трудовых лагерях и, по словам Визенталя, слились в одну общую компанию военных скитальцев: вместе ели, вместе спали и вместе воровали у крестьян картошку

на полях. Евреи и эсэсовцы, вместе убегавшие от войны… Продовольствия у них было достаточно, а эсэсовцы к тому же делились с ними крепкими напитками и сигаретами.

Один или два раза они наткнулись на отступавших солдат вермахта. Как рассказывает Визенталь, солдаты оскорбляли эсэсовцев и кричали им: «Чем возиться с евреями, идите-ка лучше на фронт!»

Иногда они по нескольку дней жили в бивуаках, которые сами же и разбивали. Этим бивуакам присваивались красивые имена, например «Венера» или «Меркурий», как если бы они были секретными объектами, и Визенталь писал эти названия на табличках.

Один раз эсэсовцы заставили несколько десятков местных крестьян строить земляные укрепления, но Визенталь сразу понял, что это был еще один трюк. Эсэсовцы хотели создать впечатление, что принимают участие в войне, выиграть время, уклониться от контактов с немецкой армией и не попасть на фронт. Поражение уже было близко.

Одно время Визенталь подумывал сбежать, но потом решил, что под охраной эсэсовцев у него больше шансов на спасение. «В то время нам жилось отлично, – рассказывал он. – Нас не оскорбляли, не били, мы не слышали в свой адрес ни одного плохого слова». Более того, их даже не охраняли.

По словам Геллы Пик, Визенталь рассказал ей, как однажды разговорился с одним из эсэсовцев и тот спросил его, что он расскажет о концлагерях, если когда-нибудь окажется в США. Визенталь ответил, что расскажет правду. «Они подумают, что ты сумасшедший, – сказал эсэсовец. – Тебе никто не поверит». После этого разговора Визенталь решил, что если останется в живых, то позаботится, чтобы мир узнал обо всем.

Визенталь понимал, что эта история выглядит совершенно невероятной. «Я знаю, – скажет он позднее, – что рассказы о моем спасении кажутся чересчур фантастическими. Но в то время все зависело от случая». По другому поводу он заметил: «Со мной произошло столько чудес, что я уже и сам в это не верю. Как же в это могут поверить другие?»

По меньшей мере два эсэсовца, которых Визенталь называет по именам, утверждали, что ничего подобного не было. Но трое из последних узников Яновского показали после войны, что тоже были в группе заключенных, уведенных эсэсовским офицером Варцоком из лагеря незадолго до прихода русских. Их рассказ менее красочен, чем рассказ Визенталя, но детали – включая маршрут – совпадают.

Когда они дошли до реки Сан, дорогу им преградили

несколько солдат вермахта, которые тоже хотели перейти по мосту на другой берег. Вдалеке уже слышались голоса русских. Люди Варцока оттолкнули солдат, перешли через мост и взорвали его. Солдаты попали к русским в плен.

Вместе с Визенталем под охраной эсэсовцев скитался и еще один узник Яновского, некто Леон Зон. Он был одним из семи евреев, которые прятались в том же доме, что и Визенталь, когда тот жил у Паулины Буш, и чей арест повлек за собой арест Визенталя. В конечном счете Зону удалось от Варцока сбежать и добраться до Львова. Там он разыскал Паулину и женился на ней. Ее муж Макс к тому времени исчез, и больше его никто никогда не видел. Дочку Паулины Зон удочерил, а позднее у них родилась еще одна дочь. Более пятнадцати лет они прожили в Польше как христиане, но в 1962 году уехали в Израиль и снова стали жить как евреи.

Ицхак Штернберг («Олек») поддерживал с ними связь. Он уехал из Польши сразу после войны, но до отъезда успел выяснить, что сталось с другом Визенталя Артуром Шейманом. Оказалось, что тот вернулся на работу в цирк, которым руководил до войны. Он, пишет Штернберг, был печальным клоуном. Шейман предложил работать в цирке и ему тоже, но Штернберг предпочел начать новую жизнь в израильском кибуце.

Закончилась афера Варцока печально. Он и его эсэсовцы наткнулись на специальное подразделение, охотившееся за «уклонистами», и были отправлены на передовую. Это произошло в сентябре 1944 года. «Мы, – писал Визенталь, – об этом жалели. У нас было такое ощущение, что мы вот-вот увидим конец войны».

Впереди Визенталя ждали самые страшные десять месяцев в его жизни.

5. Плашув, Гросс-Розен, Маутхаузен

После того как Варцока и его команду отправили на фронт, Визенталя с товарищами отвезли в концлагерь Плашув, находившийся в Кракове на территории еврейского кладбища. Этот концлагерь получил всемирную известность благодаря фильму Стивена Спилберга «Список Шиндлера». Одно время количество заключенных в нем достигало двадцати четырех тысяч. Историки полагают, что там было убито восемь тысяч человек.

С жестоким комендантом лагеря Амоном Гётом Визенталь, по-видимому, знаком не был, но зато он хорошо запомнил некоего Антона Ферингера по прозвищу Блондин Тони, который часто над ними издевался. Ферингер командовал особой группой заключенных (зондеркомандой), целиком состоявшей из бывших узников Яновского, которые покинули лагерь вместе с Варцоком. К тому времени их осталось тридцать четыре человека. «Режим там был ужасный», – говорил Визенталь. Возложенная на них задача тоже была ужасной. Они должны были вытаскивать из братской могилы трупы и сжигать их. По-видимому, чтобы скрыть от приближающихся русских факт массовых убийств.

В могиле было примерно тысяча двести тел. Часть из них была засыпана песком, и они сохранились, как забальзамированные, а некоторые были залиты нечистотами. Визенталь и его товарищи доставали трупы из ямы, накрывали слоем дров, клали сверху новый слой трупов и новый слой дров, повторяли эту процедуру еще несколько раз, после чего обливали всё бензином и поджигали. «Мы, – рассказывает Визенталь, – настолько пропитались запахом мертвецов, что не могли есть».

Поселили их в отдельном бараке, и вонь в нем стояла такая, что эсэсовцы старались к нему не приближаться. Однако Блондин Тони туда захаживал. «Из сапога у него торчали клещи, похожие на инструмент зубного врача, – пишет Визенталь. – С их помощью он вырывал у трупов зубы, чтобы найти в них золотые коронки, ускользнувшие от глаз других эсэсовцев. Когда он такую коронку находил, то клал зуб в карман, а золото впоследствии выменивал на шнапс. Шнапса у него всегда было много».

Продолжалось это около месяца, примерно до 15 октября 1944 года.

Русские приближались, и заключенных Плашува немцы тоже эвакуировали. Визенталь и его товарищи знали теперь о совершенных в лагере преступлениях и были уверены, что их казнят. Им было известно о существовании Освенцима, и они

думали, что их повезут туда. Однако их привезли в концлагерь Гросс-Розен. Третий лагерь, в котором довелось побывать Визенталю, находился на юго-западе Польши. Количество заключенных в нем доходило временами до ста тысяч, и полагают, что там погибло около сорока тысяч человек.

По словам Визенталя, это был самый страшный концлагерь из всех; он провел там три месяца. В бараках было ужасно тесно, люди голодали; некоторых заключенных заставляли подолгу бегать по периметру плаца, чтобы разносить новые ботинки, пошитые для солдат. Многие умирали от изнеможения.

Визенталя послали работать в близлежащую каменоломню, и на правую ногу ему упал камень. Его отправили в лазарет, и врач (которого он хвалил за преданность делу) сказал, что большой палец придется ампутировать. Однако наркоза не было. «Меня, – рассказывает Визенталь, – уложили на стол, и один человек сел мне на голову. Двумя ремнями меня привязали к столу и с помощью обыкновенных ножниц отрезали большой палец. Потом меня перевязали бумажными бинтами и положили в соседней палате. Боль была ужасной». Последующие процедуры тоже проводились без наркоза, и Визенталь очень страдал.

В лазарете он пролежал до января 1945 года, пока узников Гросс-Розена не начали эвакуировать. Кто-то помог ему встать с кровати. Раненую ногу он укутал рукавом старого пальто, а в качестве посоха использовал черенок метлы. Вместе с несколькими тысячами других заключенных он отправился в один из печально известных «маршей смерти», которые в концлагерях устраивали последним оставшимся заключенным.

Четыре дня они ковыляли по снегу, а когда дошли до расположенного на востоке Германии города Хемница, их погрузили на поезд и повезли в концлагерь Бухенвальд, находившийся близ Веймара. Поезд был товарным, с открытыми платформами, и по дороге многие заключенные умерли от холода. Поначалу трупы сбрасывали с поезда на землю, но местные жители на это пожаловались, и мертвых везли дальше на платформах. Визенталь вспоминал, что они использовали закоченевших мертвецов, чтобы сидеть на них, как на лавках.

Но Бухенвальд был всего лишь промежуточной станцией. Через несколько дней их отправили на юг и привезли в Австрию, в концлагерь Маутхаузен. В тот момент там находилось максимальное количество заключенных: примерно восемьдесят пять тысяч. Число погибших в Маутхаузене приближается к двумстам тысячам.

До ворот лагеря Визенталь дошел с большим трудом. Одна нога у него была обморожена, а сам он был полуживой. В лагере

его внесли в список заключенных, присвоили ему номер 127371 и отправили в «русский лагерь»: так в Маутхаузене именовали зону для больных.

Это было в середине февраля 1945 года. До освобождения оставалось чуть больше двух месяцев.

Последние недели в Маутхаузене запомнились Визенталю как своего рода «состязание в беге» между смертью и освобождением. Каждое утро на пороге барака появлялся один из надзирателей и кричал: «Сколько заключенных подохло за ночь?» Внутрь надзиратели, как правило, не заходили, так как в лазарете стоял ужасный запах и они боялись заразиться. Раз в день заключенные «русского лагеря» получали плошку с мутной жидкостью, именовавшейся супом.

Американцы пришли 5 мая 1945 года. Первые танки Визенталь увидел в десять утра. «Люди были страшно воодушевлены и бежали танкам навстречу, – рассказывает он. – Я тоже побежал. Но я был так слаб, что обратно полз на четвереньках».

Как обычно, он не впустил других в свой внутренний мир и не рассказал, какие чувства испытал в тот момент, когда его четырехлетние страдания (он находился на грани смерти и не знал, что стало с женой) закончились. Вместо собственных эмоций он описал коллективную радость. Некоторые заключенные, рассказывает он, махали флагами: чехи и поляки изготовили их заранее. Он видел также, как несколько заключенных пришили рукав от голубой рубахи к рукаву от белой и нацепили на палку. «Не знаю, – сказал он однажды, – был ли в истории еврейского народа флаг более прекрасный».

Глава четвертая. «Кто-нибудь ее видел? Кто-нибудь ее знает?»

1. Сотрудничество с американцами

Город Линц находится в Верхней Австрии. Он стоит на берегу Дуная еще с римских времен и достиг своего расцвета в Средние века. Моцарт, Бетховен и Брукнер писали здесь свои симфорнии. Знаменит город и великолепным тортом с вареньем.

Это был любимый город Адольфа Гитлера. Родился он не в Линце, но в школьные годы провел в нем несколько счастливых лет, мечтал поселиться там в старости и хотел, чтобы в Линце его похоронили. В окрестностях Линца, в деревне Леондинг, погребены его родители, и именно эта деревня стала для Визенталя первой остановкой на пути к новой жизни в качестве свободного человека.

В Леондинге он оказался уже через несколько дней после освобождения из Маутхаузена, но ему невыносимо было видеть дом Гитлеров, и каждую ночь ему снились кошмары: выстроенные в ряд и ожидающие смерти обнаженные люди, крики эсэсовцев, выстрелы, стоны жертв. Поэтому он уехал из Леондинга в Линц. Визенталь был высокого роста, но очень худой, страдал от болей во всем теле (особенно сильно болела пострадавшая нога) и, подобно другим бывшим узникам концлагерей, пребывал в состоянии посттравматического шока. Жизнь казалась ему бессмысленной. Он находился в чужой стране, совершенно один; ни жены, ни родителей, ни друзей у него больше не было. Надолго в Линце он оставаться не собирался, но в результате прожил в нем пятнадцать лет.

В сравнении с другими бывшими узниками, он сумел наладить свою жизнь очень быстро.

Через десять дней после освобождения из концлагеря он получил справку за подписью бургомистра Маутхаузена, где говорилось, что он зарегистрирован как «направляющийся домой», а еще через десять дней поставил подпись под восьмистраничным документом, в котором перечислялось около ста пятидесяти нацистских преступников. Он составил этот список в значительной степени на основании собственных познаний (многие из указанных в нем людей совершали свои преступления в Галиции) и передал его американскому коменданту лагеря Маутхаузен.

На составление и редактирование списка Визенталю понадобилось, по-видимому, всего несколько дней. Это означает, что он начал составлять его в уме уже через день или два после освобождения, а возможно, даже еще до того, как увидел в воротах лагеря американские танки. Информация в списке была

неполной, а некоторые имена и детали – неточными, но этот список показывает, что уже тогда Визенталь свято верил в то, что справедливость является одним из основополагающих принципов общественного устройства. Преступников, считал он, следует отдавать под суд, и они должны нести заслуженное наказание.

Он составил список не потому, что планировал стать «охотником за нацистами», а потому, что считал это необходимым, но уже тогда, в приложенном к списку сопроводительном письме, предложил американской администрации свою помощь в розыске нацистских преступников (хотя и писал, что является «польским гражданином, желающим вернуться домой»). По-видимому, именно с этого момента его судьба и оказалась тесно связанной с Соединенными Штатами. До конца своих дней он находился «в сфере американского влияния».

Его отношение к Америке было очень личным и очень эмоциальным. Во-первых, американцы победили нацистскую Германию и освободили его из концлагеря, а во-вторых, он преклонялся перед ними как защитниками свободного мира от коммунистической угрозы. Впоследствии он ездил в Люксембург, чтобы возложить цветы на могилу освободителя Европы генерала Джорджа Паттона. Такое отношение к США было характерно и для других выживших узников концлагерей. В коллективном письме к американским оккупационным властям они писали: «Америка! Именно это волшебное слово позволяло нам справляться с нашими страхами, и именно с ним были связаны все наши надежды».

Такие люди, как Визенталь, были американцам нужны, а ему – умному, тридцатисемилетнему, говорившему по-немецки и успевшему уже немного освоить английский – было что им предложить.

Свой рассказ об отношениях с американцами Визенталь украсил следующей историей. Через два-три дня после освобождения он пришел к узнику-поляку по фамилии Русинек, которому поручили выдавать пропуска на выход из лагеря, но тот разразился по его адресу антисемитскими оскорблениями и даже ударил. Визенталь пошел к американцам, чтобы подать жалобу, и наткнулся на офицера по имени Эбби Манн, который впоследствии стал известным голливудским сценаристом. Тот хотел Русинека наказать, но еще один поляк, Юзеф Циранкевич, уговорил Визенталя удовлетвориться извинениями. Позднее Циранкевич стал премьер-министром Польши.

Как и в оккупированной Германии, в оккупированной Австрии союзники тоже поделили власть между собой. Американская зона находилась под контролем Корпуса

контрразведки (КК). Офицеры КК, служившие в Маутхаузене, занимались розыском преступников из числа персонала лагеря. Их предполагалось судить в ходе одного из судебных процессов, которые американская армия планировала провести в Дахау.

Увидев в коридорах КК пленных эсэсовцев, которых вели на допрос, Визенталь попросил американцев разрешить ему принимать участие в арестах. Поначалу ему отказали из-за плохого состояния здоровья, но он продолжал настаивать. По его словам, при виде пленных он испытывал такой же душевный подъем, как во время какой-нибудь религиозной церемонии.

Человек по натуре деятельный и амбициозный, он ничего так не хотел, как снова чем-нибудь заняться, причем немедленно. Постепенно к нему стал возвращаться интерес к людям, свойственный ему до войны. Он рассказывал, что, когда был архитектором, ему мало было только спроектировать здание – ему важно было также знать, какие люди будут в нем жить. Когда он сидел в концлагерях, его интерес к людям угас, но теперь пробудился снова.

На американцев список, составленный Визенталем, и его настойчивое желание с ними работать произвели большое впечатление. Через несколько дней они сдались на его мольбы и приставили к одному из офицеров, производивших аресты. Визенталь был счастлив. Офицер не знал немецкого, и Визенталь служил в качестве переводчика. Тем не менее физически он был еще слишком слаб. Однажды вместе с двумя американскими армейскими полицейскими он отправился арестовывать подозреваемого, жившего на третьем этаже. Американцы велели Визенталю подняться и привести его, однако для Визенталя это оказалось задачей непростой. Уже на втором этаже ему пришлось остановиться, чтобы передохнуть, и до третьего этажа он добрался с трудом – крепко вцепившись в перила, задыхаясь и тяжело дыша. Проверив документы подозреваемого и обыскав его, чтобы убедиться, что тот не вооружен, он приказал ему следовать за ним, но спускаться по ступенькам ему было тяжело, и арестованному пришлось поддерживать его под руку.

В конечном счете концлагерь Маутхаузен оказался в советской оккупационной зоне, и КК вынужден был прекратить там свою деятельность. Поэтому Визенталь перешел на работу в другую американскую разведывательную организацию, Управление стратегических служб. Если в КК он занимался арестами подозреваемых, местонахождение которых было известно, то теперь занялся поисками тех, кто скрывался. Но и это продолжалось недолго: в конце 1945 года управление было расформировано. Тем не менее сотрудничества с американцами

Визенталь не прекратил. Он числился у них «советником» и, судя по всему, получал зарплату.

2. Перемещенные лица

Работа с американцами позволила Визенталю быстро восстановить душевное здоровье и выделила его среди других перемещенных лиц.

Уже через три недели после окончания войны он поехал в Мюнхен на первую конференцию бывших узников нацистских концлагерей и познакомился там, помимо всех прочих, с человеком по имени Шимшон Юницман. Юницман был связан с «Партией еврейского государства» (которую Визенталь до войны поддерживал), а впоследствии стал депутатом израильского кнессета от партии «Херут».

В Мюнхен Визенталь отправился с мандатом члена «Еврейского комитета Верхней Австрии», который был подписан представителем «Джойнта» (одной из еврейских благотворительных организаций, работавших в Австрии с перемещенными лицами), и плюс к тому в мандате красовалась впечатляющая печать американской военной администрации.

Это был период всеобщей неразберихи и хаоса. Многие зоны европейского континента находились под властью иностранных оккупационных войск и не имели нормального административного управления, а Европа в целом напоминала большую дорожно-транспортную пробку: около четырнадцати миллионов перемещенных лиц – на поездах, телегах, машинах, велосипедах, а также верхом и пешком – пытались добраться до дома, перебираясь из страны в страну и пересекая одну границу за другой. Повсюду можно было видеть бесконечные колонны беженцев, среди которых были и евреи.

В общей сложности на оккупированных нацистами и подконтрольных им европейских территориях выжило около миллиона евреев (не считая тех, что проживали в Советском Союзе), и большинство из них осело на территории Румынии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и Польши. Однако многие снимались с места и трогались в путь.

Тысячи евреев, освобожденных из лагерей, возвращались домой, но обнаруживали, что их дома разрушены, имущество отнято, причем шансы на то, что коммунистические режимы вернут им то, чем они владели, были нулевыми. Кроме того, почти везде они сталкивались с антисемитизмом, в некоторых местах становились жертвами погромов, и многие из них не могли найти своих пропавших родственников. В этих условиях они больше не видели смысла оставаться в родных местах и в поисках новой жизни отправлялись на запад, подальше от тех

мест, где их постигла катастрофа, зачастую вливаясь в колонны немецких беженцев, изгнанных с востока. В результате они оказывались в Германии и Австрии, в лагерях для перемещенных лиц. К весне 1947 года количество евреев в этих лагерях достигло почти четверти миллиона. Около ста шестидесяти тысяч находились в американской оккупационной зоне в Германии, более сорока тысяч – в Австрии и примерно двадцать тысяч – в Италии.

«Положение в этих лагерях ужасное, – писал Ехезкель Саар, позднее ставший послом Израиля в Вене. – У людей нет даже одеял и теплой одежды, и большинство из них живут в деревянных бараках без отопления, а сейчас зима, и по ночам стоят морозы… [В лагерях] много детей и беременных женщин, и никто для них ничего не делает». Тысячи людей, выживших во время войны, в этих лагерях умирали. Саар считал, что власти игнорировали страдания обитателей лагерей из-за своего антисемитизма: «У меня такое впечатление, что они специально отравляют беженцам жизнь, чтобы те согласились вернуться в Польшу».

Продукты, которые им выдавали, были некачественными, и их не всегда хватало; людям приходилось спать на таких же многоэтажных нарах, на каких они спали в нацистских концлагерях, а многие ночевали на полу; туалетов и душевых тоже было недостаточно.

О тяжелых условиях жизни в лагерях для перемещенных лиц сообщали и другие источники. Представитель США в межправительственной комиссии по делам беженцев Эрл Гаррисон докладывал президенту Трумэну, что отношение американской армии к еврейским беженцам отличается от отношения нацистов к заключенным в концлагерях только тем, что американцы евреев не убивают.

В результате протестов по поводу тяжелого положения обитателей лагерей для перемещенных лиц несколько тысяч жителей района Биндермихль, расположенного в южной части Линца, были выселены, и их квартиры отдали беженцам.

Биндермихль получил свое название от одной старинной фермы. Он был построен во время Второй мировой войны для рабочих, трудившихся на заводах Германа Геринга, и напоминал по форме военное поселение, состоявшее из квадратных блоков, застроенных рядами домов. Одним из жителей Биндермихля стал и Визенталь. На ироничных и одновременно грустных карикатурах, нарисованных им в Биндермихле, изображены люди, вынужденные проводить свое время в безделье.

Еврейскими беженцами занимались различные

международные организации, в основном еврейские благотворительные фонды. Семейные жили в квартирах с общими туалетами и кухнями, часто в большой тесноте: по две семьи в комнате. Беженцы получали медицинскую помощь и продовольствие, но, как правило, не работали. Лишь некоторые из детей посещали школу. Вместе с тем приходить в Биндермихль и уходить из него беженцы могли когда хотели, работала почта, а сионистское движение и другие организации присылали в Биндермихль своих эмиссаров, некоторые из которых прибывали из Палестины. Они старались вовлечь людей в общественную и культурную жизнь, создавали синагоги и клубы, где праздновались еврейские праздники и читались лекции, открыли несколько библиотек, выпускали информационные листки и устраивали концерты. Один раз в Биндермихль приезжал Иегуди Менухин.

Что касается Визенталя, то он создал так называемый «Еврейский комитет», состоявший, впрочем, исключительно из него самого. Американцы выделили ему две комнаты, и они служили офисом своего рода информационного центра, у дверей которого постоянно стояла большая очередь: кому-то нужен был зубной врач, кому-то – зимнее пальто, а кто-то хотел получить американскую визу и нуждался в положительной характеристике.

Сохранившиеся от этого периода документы включают несколько тысяч писем, показывающих, что во время работы в комитете Визенталю приходилось заниматься большим количеством разнообразных дел. Отчасти это были дела общественные и политические, но основная его работа была связана с помощью беженцам в целом и отдельным обращавшимся к нему людям. Например, к нему часто приходили за справками, необходимыми для получения компенсации от Германии. Благодаря этому он стал приобретать все большую и большую власть над судьбами людей. Однажды он занимался делом мужчины, у которого был конфликт с женой, и написал представителю «Джойнта», что этому мужчине жить в Биндермихле не стоит, поскольку его жена страдает беспричинными вспышками гнева, а у него самого есть разрешение на въезд в Австралию.

Судя по всему, выданная Визенталем справка могла даже помочь получить иммиграционную визу. Международная организация беженцев присылала ему длинные списки неевреев, желавших эмигрировать в Канаду или в Австралию, и Визенталь должен был дать свое заключение относительно того, сотрудничали они с нацистами или нет.

Один человек, представившийся его далеким родственником,

выразил желание переехать в Биндермихль из другого лагеря беженцев, где условия жизни были более тяжелыми, и Визенталь выдал ему удостоверение другого беженца, который к тому времени Биндермихль уже покинул. На основании этого удостоверения человек перебрался в Биндермихль. Но когда он решил эмигрировать в США, то признаться, что жил под чужим именем, не решился и прожил с этим именем в Нью-Йорке всю оставшуюся жизнь. Даже полвека спустя, когда ему было уже за восемьдесят, он так и не посмел сознаться в обмане, опасаясь, что его лишат гражданства.

В каждом из беженцев Визенталь видел потенциального информатора. Он обращался к людям с помощью объявлений и раздавал им вопросники. «Где вы были?» «Когда?» «Кого из нацистов помните?» «Назовите их фамилию, имя, прозвище, звание, место рождения, особые приметы (лицо, волосы, глаза), предполагаемый возраст, место службы (страна, гетто, концлагерь)». Кроме того, с помощью американцев он устроил выставку фотографий и документов, которая должна была побудить людей сообщать ему информацию. Имена, полученные от бывших узников концлагерей, легли в основу его картотеки нацистских преступников, где впоследствии числилось несколько тысяч человек. Визенталь был не первым, кто этим занимался: первый «центр документации» был создан в Линце Мелехом Бакалчуком – но, судя по всему, тот интересовался больше историей, чем поиском преступников, да и пробыл в Линце довольно недолго.

Вначале Визенталю приходилось заниматься не только поиском военных преступников, но и выяснением судьбы их жертв – это был как бы один общий проект, – поскольку большинство беженцев прежде всего интересовала участь их пропавших родственников.

Пребывание в Биндермихле помогло многим беженцам поправить здоровье, но их психологическое состояние продолжало оставаться тяжелым. Их не отпускали воспоминания о пережитых ужасах, они пребывали в неведении относительно судьбы своих близких. Если бы они знали наверняка, что их родные погибли, то могли бы, по крайней мере, их оплакивать, но многие не ведали, что с ними сталось, и ничто не терзало их так сильно, как неизвестность. Они часами простаивали возле щитов с объявлениями, искали имена родных в списках Красного Креста и изобретали всякие самодеятельные способы поиска. «Кто-нибудь ее видел? Кто-нибудь ее знает?» – спрашивал один человек, показывая людям черно-белую фотографию женщины. Женщина была красива и, по-видимому, об этом знала, почему и

сфотографировалась в соблазнительной позе. Ее звали Эдит-Катарина, она была из Будапешта.

По сути, в жизни беженцев это занятие было главным. Один из них, Леон Цельман, говорит, что в этом принимали участие все, и, когда кто-нибудь находил в списках имя сестры или получал открытку от дяди, все за него радовались. Однако разочарования каждому приходилось переживать в одиночку.

Визенталь рассказывает, что как-то раз один мужчина схватился с какой-то женщиной из-за списка с именами выживших. Он вырвал этот список у нее из рук, а она, в свою очередь, выхватила список у него, в результате чего тот порвался, но когда мужчина вгляделся в женщину внимательнее, то вдруг понял, что это его собственная жена, с которой он разлучился во время войны.

Истории, которые рассказывали беженцы, были душераздирающими. Например, в одном из заявлений, полученном Визенталем, говорилось: «В июле 1942 года учитель игры на скрипке Мозес Курцвайль и его сестра Гермина – евреи из города Просниц в Чехии – были доставлены в Терезиенштадт, и с тех пор от них не было ни слуху ни духу. Два письма и посылка с едой, посланные мной в лагерь, остались без ответа. Все их имущество – одежда, постельные принадлежности, мебель, драгоценности, посуда, дорогие музыкальные инструменты, включая две скрипки (одна из них кожаном футляре), виолончель, многочисленные дорогие ноты, скрипичные струны и другие музыкальные принадлежности, дорогие пуховые одеяла и многие другие вещи – было переписано, а затем конфисковано. С собой им разрешили взять только одно место весом не более десяти килограммов, включая одеяла. Прошу выяснить, что стало с двумя этими несчастными. Заранее вам признателен». Как и в сотнях других подобных случаях, Визенталь переслал это письмо в еврейскую общину Вены.

Чтобы выяснить судьбу тех или иных людей, он часто обращался в Красный Крест и различные правительственные учреждения, откуда ему регулярно приходили отрицательные ответы, сформулированные на сухом бюрократическом языке. Целая человеческая трагедия иногда укладывалась всего в одну строку: «Разыскиваемая в наших списках выживших не числится. С уважением…» Такой же ответ получил и сам Визенталь, когда послал в Красный Крест запрос о судьбе жены. Но в конце концов он ее нашел.

Благодаря фальшивым документам, которые раздобыл для нее муж и в которых она значилась как полячка, Циля Визенталь сумела добраться до Варшавы. Там она работала на немецком

заводе, где делали радиоприемники. В августе 1944 года ее отправили в польский трудовой лагерь, где она пробыла примерно четыре недели, а в сентябре перевели в Германию на расположенный возле города Золингена завод по производству боеприпасов. Условия труда на заводе были очень тяжелыми. Циля подорвала там здоровье и до конца своих дней постоянно болела. Освободили ее недели за три до Визенталя, и она отправилась в Польшу его искать. Ей сказали, что он умер, но она все равно продолжала надеяться.

Романтическую историю своего воссоединения с женой Визенталь рассказывал не раз; это был один из лучших его рассказов. Он считал, что в Варшаве Циля погибла. Однажды в списках выживших он увидел имя знакомого зубного врача, которого знал еще по Бучачу. После войны тот проживал в Польше. Визенталь попросил его съездить в Варшаву и узнать о судьбе Цили. Знакомый выяснил, что она жива, и Визенталь был на седьмом небе от счастья. Используя свои американские связи, он выбил для нее въездную визу в Австрию и попросил какого-то человека съездить за ней. Посланец Визенталя лично Цилю не знал. Визенталь дал ему бумажку с ее адресом, однако на польской границе того охватил страх перед советскими агентами КГБ, и он эту бумажку уничтожил. В результате когда он приехал в Варшаву, то не знал, где Цилю искать, и повесил в еврейской общине объявление следующего содержания: Симон Визенталь просит свою жену встретиться со мной, чтобы я отвез ее к нему в Австрию. Однако по объявлению пришли сразу три женщины. Все они хотели воспользоваться этой возможностью, чтобы перебраться на запад. Посланник Визенталя не знал, кто из них настоящая Циля, поэтому выбрал самую красивую и привез ее в Линц. Но прежде чем показать ее Визенталю, он поднялся к нему в квартиру один, предупредил, что, возможно, женщина, которую он привез, не его жена, и сказал, что в таком случае возьмет ее себе. Визенталь вышел на улицу. Там стояла его Циля.

Им было много о чем друг другу рассказать. По словам Визенталя, когда они составили список родственников, которых потеряли за время войны, в нем оказалось восемьдесят девять имен. Мать Цили была арестована в Бучаче украинским полицаем, но, поскольку не могла идти достаточно быстро, тот ее пристрелил.

Холокост наложил на Симона и Цилю неизгладимую печать и повлиял на их дальнейшие взаимоотношения. Им было тогда по тридцать семь. Через год после этого, 5 сентября 1946 года, у них родилась дочь. В лагерях для перемещенных лиц в то время была самая высокая рождаемость в мире. Визенталь надеялся, что

родится сын.

3. Еврейский президент

Уцелевшие во время Холокста евреи разбрелись по бесчисленному количеству организаций, которые часто друг с другом конкурировали и даже боролись. Поводы для раздоров могли быть как политическими, так и личными, но иногда причиной для конфликтов были всякого рода льготы и подачки. Визенталь тоже погрузился во все эти мелочные разборки, причем с такой страстью, как если бы от этого зависели судьбы мира.

Он заказал себе визитную карточку, на которой именовал себя «Президентом ассоциации евреев – узников концлагерей», а затем сменил ее на новую, где витиеватым шрифтом было написано: «Председатель всемирного союза бывших политических заключенных австрийских концентрационных лагерей (американская зона)». В первой визитной карточке был указан адрес его квартиры в Биндермихле, а во второй – офиса на улице Гёте, но на обеих перед его именем стоял титул «Дипл. инж.» и был указан номер телефона. Его тогдашнее удостоверение личности выглядело как настоящий паспорт. На обложке было написано (по-английски и по-немецки): «Центральный еврейский комитет американской оккупационной зоны в Австрии», – а внутри была вклеена фотография и стояла впечатляющая печать. В личных данных, в графе «должность», значилось: «президент».

Свои письма он писал в первом лице множественного числа – как если бы возглавлял какую-то настоящую организацию, – и ему быстро удалось освоить австро-венгерский бюрократический жаргон. Время от времени он по ошибке использовал вместо немецкого синтаксиса идишский, но при этом педантично обращался к официальным лицам, указывая их точные титулы, соблюдал правила канцелярского этикета и неизменно заканчивал письма словами «С глубоким уважением». Когда он переписывался с еврейским организациям, то иногда заканчивал письма формулой «С сионским приветом», но сами эти письма тоже писал по-немецки.

Как принято в Германии и Австрии, иногда он подписывался не своим именем, а должностью (например, «начальник отдела») и регулярно использовал сокращенные написания слов (что тоже в этих странах принято).

Со всех своих писем он снимал копии и аккуратно, в образцовом порядке подшивал их в папки. В большинстве случаев он делал все самостоятельно, лишь иногда прибегая к помощи машинисток.

Свою работу он, судя по всему, любил. Сознание того, что он

может помочь беженцам побороть отчаяние и вселить в них хотя бы крупицу надежды, укрепляло его дух, и лучшего способа восстановиться психологически для него, наверное, не существовало.

Многие из обитателей лагерей для перемещенных лиц были ему благодарны за помощь, но многие, естественно, испытывали к нему неприязнь. Одним из таких людей был Леон Цельман.

Как и Визенталь, Цельман тоже прошел нацистский концлагерь. После освобождения он жил в одном из лагерей для перемещенных лиц в окрестностях Линца. Неподалеку оттуда американцы разбили лагерь для военнопленных, и врачи, лечившие беженцев, стали лечить еще и немцев, включая эсэсовцев. Цельман пишет в своих мемуарах, что евреев это возмутило. В знак протеста они объявили голодовку, выбрали его своим представителем, и он отправился в штаб-квартиру американской армии в Линце сообщить об их требованиях. Однако как только он начал эти требования излагать, из соседней комнаты вышел человек в гражданской одежде и безапелляционно, в тоне приказа, заявил: «Вы должны есть!» – «А кто вы такой, чтобы нам указывать?» – спросил Цельман. «Я тоже был в концлагере», – ответил человек. Цельман считал, что Визенталь должен был поддержать забастовщиков, но тот встал на сторону американцев, и даже много лет спустя Цельман не мог ему этого простить. Давая мне интервью, он продолжал нападать на Визенталя с таким жаром, как будто оба они все еще были беженцами в Линце. Беженцы, утверждал Цельман, Визенталя боялись, так как продавали на черном рынке товары, присланные им из Америки (вроде кофе, нейлоновых чулок и сигарет), а Визенталь, по словам Цельмана, требовал платить ему за это проценты, и, если кто-то отказывался, доносил на него властям. В 1948 году Визенталя уже обвинял в этом один журнал, но он подал в суд за клевету, и журналу пришлось принести извинения.

Среди самых важных документов Визенталь хранил отчет комиссии из трех человек, которая провела проверку и сняла с него обвинение в том, что он донес на сотрудников «Джойнта», занимавшихся спекуляцией.

Черный рынок в те дни процветал почти повсеместно, и на нем торговали в том числе многие беженцы. Некоторые из них были членами преступных группировок.

Израильский разведчик Михаэль Блох послал своему армейскому начальству длинный отчет об австрийском черном рынке и, помимо всего прочего, сообщил, что торговлей занимались даже работавшие в лагерях для перемещенных лиц представители израильских партий. «Я, – писал он, –

собственными глазами видел черный рынок как в лагерях, так и вокруг них, и дело не ограничивается одиночными торговцами, продающими и покупающими сигареты. Этим занимаются посланцы почти всех партий без исключения. В некоторых здешних кругах существует точка зрения, что зарабатывать на неевреях и привозить заработанные деньги в нашу страну, нуждающуюся в иностранной валюте, – дело святое, и проверять, “кошерным” или нет является метод добывания денег, не нужно. Финансируя себя за счет торговли на черном рынке, все эти партии фактически поощряют других людей заниматься тем же». Однажды по подозрению в торговле на черном рынке на 24 часа был задержан и сам Визенталь, но его отпустили, так и не подвергнув наказанию.

По меньшей мере один раз на него даже подали в суд.

Истец – его фамилия была Готфрид – жил в Тель-Авиве и предъявил иск через адвоката. По утверждению Готфрида, Визенталь должен был ему 200 долларов. Визенталь это отрицал. По его словам, Готфрид (приехавший после войны в Австрию из Польши) «привязался» к нему с просьбой помочь ему уехать из Австрии. Визенталь не понимал, почему это так срочно, но договорился с каким-то чиновником итальянской иммиграционной службы, чтобы тот выдал Готфриду фальшивые документы, по которым можно въехать в Италию. Поскольку же проситель с него буквально не слезал, ему пришлось для этого немало побегать. Но перед самым отъездом в Италию Готфрид вспомнил, что дал 125 долларов одному человеку в Вене, обещавшему достать ему пропуск для прохода из советской оккупационной зоны в американскую. В конце концов, однако, этот пропуск Готфриду не понадобился, так как он нашел другой способ перейти демаркационную линию. Он дал Визенталю письмо к человеку из Вены, в котором просил вернуть 125 долларов подателю письма. По словам Визенталя, Готфрид сделал это по собственной инициативе: сам он с него никакой платы за услуги не просил. Визенталь поехал в Вену, потратил два дня на то, чтобы нужного человека найти, и тот действительно отдал ему деньги Готфрида. Но часть из них Визенталь израсходовал на свои хлопоты, и от них осталось не больше 100 долларов. Через какое-то время Готфрид прислал к Визенталю своего племянника и потребовал вернуть ему 500 долларов, которые он якобы дал итальянскому чиновнику иммиграционной службы. Визенталь объяснил племяннику, как все было на самом деле, и, по его словам, тот согласился, что оснований требовать с него такую сумму нет. Однако на этом дело не закончилось. После того как Готфрид с такой

поспешностью уехал из Австрии, до Визенталя дошли слухи, что тот служил в гетто своего родного города полицаем. Нашлись даже люди, которые стали обвинять Визенталя в том, что он помог Готфриду сбежать. В конце концов Визенталь согласился вернуть Готфриду 100 долларов в обмен на обещание, что тот не будет больше предъявлять ему никаких претензий. Но Готфрид оказался не единственным.

Некто Шулим Мендель написал шестистраничное письмо (которое оставил своим сыновьям), где обвинял Визенталя во всяких ужасных вещах, включая вымогательство и физическое насилие над беженцами, а также излагал подробности романа Визенталя с некоей замужней женщиной. Письмо попало в еврейскую общину Вены, откуда его переслали Визенталю. Визенталь охарактеризовал Менделя как жулика, шантажиста и доносчика.

Через несколько месяцев после того, как Визенталь начал работать в Линце с беженцами, различные официальные учреждения – включая австрийское Министерство внутренних дел, полицию, международные организации и иностранные консульства – стали обращаться к нему за информацией и разного рода справками, и, переписываясь с ними, он завел обыкновение украшать свои письма печатью, напоминавшей консульскую.

Его деятельность привлекла внимание также агентов организации «Бриха», и в результате он – почти случайно – принял участие в отчаянной по своей смелости операции, сильно отличавшейся от всего того, чем он когда-либо предполагал заниматься. Он отдался этому делу со страстью.

4. Краеугольные камни

Когда говорили «бриха», то имели в виду бегство уцелевших во время Холокоста евреев из Восточной Европы в Западную, происходившее поначалу по инициативе самих евреев: первые лидеры беглецов воевали во время войны в рядах партизан. Но, говоря «бриха», подразумевали также организацию, помогавшую беглецам добраться до Палестины. Тем самым закладывался один из краеугольных камней Государства Израиль.

Палестина все еще находилась под контролем английской администрации, которая всячески мешала прибытию евреев. Поэтому большинство беженцев привозили на кораблях, отплывавших из Европы и прибывавших в Палестину тайком. Поначалу этим занимались несколько солдат Еврейской бригады, воевавшей во время войны в составе английской армии, но затем к ним присоединились также эмиссары и агенты из еврейской Палестины, направленные с этой целью в Европу сионистским движением. В общей сложности их было около четырехсот.

Дело это было непростое. Нужно было планировать время прибытия, готовить места для ночлега, заботиться о продовольствии, одежде и одеялах, разбивать беженцев на группы, инструктировать их перед отправкой в путь, сообщать, что им с собой брать, а чего нет, обучать правилам безопасности, набирать надежных проводников, а также подделывать документы – как для людей, так и для транспортных средств.

Беженцев везли на поездах и машинах, но по пути в лагеря в Германии и Австрии они иногда вынуждены были идти пешком, по лесам и неведомым горным тропам, часто по ночам. Среди них были старики, беременные женщины и грудные дети; многие нуждались в медицинской помощи.

По пути на запад им приходилось тайком пересекать границы, ускользать от полицейских и пограничников, пробираться через различные оккупационные и административные зоны, и зачастую им пытались помешать покинуть какое-либо государство или, наоборот, не давали на его территорию проникнуть. Однако везде находились чиновники, полицейские и пограничники, позволявшие им пройти. Одни – потому что считали, что все оформлено законным образом, другие – потому что получали взятку, третьи – потому что сочувствовали беженцам, четвертые – потому что хотели от них избавиться, а пятые – потому что им было все равно. Успех операции зависел от способности активистов «Бриха» все эти факторы использовать.

В большинстве случаев люди находились в пути несколько дней. Из лагерей для перемещенных лиц в Германии и Австрии их перевозили в Италию, где сажали на корабли, доставлявшие их в Палестину. Бо́льшая часть денег на финансирование операции поступала из благотворительных взносов, собиравшихся в Америке.

Успех организации «Бриха» в значительной степени зависел от смекалки, находчивости, а часто и смелости ее активистов.

Авторитет Визенталя в лагерях для перемещенных лиц, а также его связи с американской администрацией и австрийскими властями делали его помощником практически идеальным. Он же со своей стороны, будучи сионистом, очень хотел помочь. Он знал, с кем надо поговорить, чтобы раздобыть паспорта, въездные визы и пропуска для перехода границ; знал, какой чиновник хочет доллары и какой пограничник удовлетворится блоком американских сигарет; знал, как тайком, под видом беженцев, провести активистов «Брихи» на территорию лагерей, чтобы те смогли подготовить людей к путешествию в Палестину.

Переправка большого количества людей из Восточной Европы требовала проведения разного рода проверок. Например, нужно было убедиться, что все желающие отправиться в Палестину действительно евреи. Такие проверки производились врачами, которые устанавливали, обрезаны мужчины или нет. В одном из отчетов говорится, что среди евреев, желающих поселиться в Израиле, есть много людей с преступным прошлым. Кроме того, нужно было гарантировать, чтобы страны коммунистического блока не использовали эту операцию для засылки в Израиль своих шпионов: правительство Румынии согласилось разрешить выезд нескольким тысячам евреев призывного возраста только при условии, что оно будет само решать, кто еврей, а кто нет.

Командир австрийского отделения «Брихи» – как, впрочем, и многие другие, кого руководство еврейской Палестины направило тогда в Европу для выполнения этого задания, – стал позднее одним из первых сотрудников израильских спецслужб. Это был Артур Пьер, он же Ашер Бен-Натан.

Сионистское движение пыталось убедить мировое сообщество, что единственным способом решить проблему перемещенных лиц была их переправка в Палестину, и эта работа велась на двух фронтах. В Вашингтоне и Нью-Йорке еврейские организации занимались формированием общественного мнения и лоббированием, но параллельно с этим велась также пропаганда в лагерях для перемещенных лиц. Посланцы из Палестины пытались убедить беженцев, что их место – в Палестине. Визенталь им в этом помогал. Сохранились

фотографии, где он выступает на сионистском митинге. Позади него большой портрет Герцля, а над головой – надпись на идише «Родина зовет!». Помимо всего прочего, цель состояла в том, чтобы набрать из беженцев солдат для будущей войны за создание еврейского государства.

В первой половине 1946 года в Палестину с целью изучения политической ситуации приехала англо-американская делегация, которая должна была после этого ознакомиться с положением дел в европейских лагерях для перемещенных лиц. Перед ее приездом среди обитателей лагерей был проведен опрос, и его результаты оказались однозначными: подавляющее большинство опрошенных заявили, что хотят жить в Палестине. Правда, входивший в состав делегации английский парламентарий Ричард Кроссман полагал, что, если бы людям предложили выбирать между Палестиной и США, желающих ехать в Палестину, возможно, оказалось бы не так уж и много. Однако на самом деле Кроссман знал, что особого выбора у беженцев не было: ведь Соединенные Штаты соглашались принять лишь очень малую их часть.

Отчет о результатах опроса, из которого следовало, что 99 % опрошенных выразили желание жить в Палестине, передал делегации не кто иной, как Визенталь. Это была первая политическая услуга, оказанная им сионистскому движению.

В коридорах сионистского конгресса, состоявшегося в Базеле в 1946 году, он познакомился с целым рядом интересных людей и, как ни парадоксально, именно там нашел убедительную причину, чтобы остаться в Австрии.

Официальным делегатом конгресса Визенталь не был. «Я, – писал он позднее, – был нищим беженцем, и у меня не было денег на гостиницу. Я спал на лавке в какой-то школе и питался в рабочей столовой». Однако его имя уже тогда пользовалось известностью, в том числе благодаря первой опубликованной им книге. Это был альбом большого формата объемом примерно 60 страниц с черно-белыми рисунками, созданными на основе пережитого в концлагере Маутхаузен.

Среди людей, с которыми он познакомился в Базеле, был Авраам Зильбершайн, когда-то приезжавший из Львова в Бучач преподавать Тору, историю и иврит. Зильбершайн согласился помочь Визенталю создать Центр документации.

Зильбершайн, юрист и экономист по образованию, – это один из тех еврейских лидеров, чье имя ныне забыто. После Первой мировой войны он выступил инициатором целого ряда проектов, цель которых состояла в том, чтобы улучшить положение евреев в Галиции и Польше. В частности, он выдвинул идею о выдаче ссуд еврейским кооперативам. В начале двадцатых годов

Зильбершайна избрали депутатом польского сейма. Во второй половине августа 1939 года он поехал в Женеву на сионистский конгресс, но через две недели началась война, и ему пришлось остаться в Швейцарии. Там он организовал несколько акций по оказанию помощи еврейским беженцам и в результате создал организацию «Релико», которая именно этим и занималась. Финанасировал ее преимущественно Всемирный еврейский конгресс.

Визенталь рассказал Зильбершайну о себе и о своих злоключениях во время войны, о работе с беженцами и о поисках нацистских преступников, а также подарил альбом, посвященный Маутхаузену. Он не был похож на тех назойливых попрошаек, что толпились у дверей кабинета Зильбершайна, и показался последнему человеком серьезным (в том числе потому, что сотрудничал со спецслужбами США и организацией «Бриха»). Одним словом, он произвел на Зильбершайна хорошее впечатление, и тот попросил его представить ему план работы.

Планы у Визенталя был масштабные. Он мечтал не только о Центре документации в Линце, но и о том, чтобы у Центра были филиалы в трех других городах, причем работать там, по его замыслу, должны были пятьдесят человек, включая пресс-секретаря. Он рассказал Зильбершайну о радости, испытываемой людьми при виде списков разыскиваемых нацистов, которые он расклеивал на досках объявлений, и заметил, что для здоровья людей эти списки полезнее, чем калорийная пища. Но хотя опытный Зильбершайн и был любезен с Визенталем, тем не менее он сильно его разочаровал, согласившись финансировать лишь проект гораздо более скромного масштаба. По словам Визенталя, поначалу Зильбершайн выделил ему всего сорок долларов в месяц: на покрытие текущих конторских расходов, оплату телефонных разговоров и покупку марок. Впоследствии Зильбершайн время от времени ворчал, что Визенталь расходовал слишком много и не предоставлял аккуратной отчетности, но неоднократно подчеркивал, что тем не менее будет поддерживать Центр документации и впредь. Их сотрудничество продолжалось много лет.

Глава пятая. «Долг каждого австрийского патриота»

1. Новая родина

Через несколько месяцев после того, как они нашли друг друга, Визенталь и его жена решили эмигрировать в США. Брат его отца Давид Визенталь прислал все необходимые справки и даже сумел добиться от американского благотворительного фонда «Еврейское общество помощи иммигрантам», чтобы тот оплатил Визенталям билеты. «Мы ждем вашего приезда с нетерпением», – писал он племяннику. Однако Визенталь не приехал, и, судя по всему, простить его за это родственники так и не смогли. «Все, кроме тебя, меня бойкотируют», – жаловался он в письме проживавшей в Нью-Йорке двоюродной сестре Розе Пик. Это было в январе 1948 года. «От идеи переезда в Америку я давно отказался», – добавил он и сообщил также, что теперь они с женой хотят переселиться в Палестину.

Через год с небольшим после этого он заключил договор с двумя партнерами (которые, как и он, прошли через концлагеря), и они совместно приобрели грузовик, два трактора и бетономешалку. Технику они собирались привезти в Израиль, и для Визенталя эта сделка была весьма выгодной. Предполагаемая стоимость проекта составляла шесть с половиной тысяч долларов, но он вложил только тысячу; тем не менее его доля достигала тридцати процентов. Из миллиона евреев, приехавших в Израиль в первые годы его существования, тяжелую технику привезли с собой лишь немногие. Таким образом, у Визенталя были все шансы преуспеть в Израиле и войти в число тех переживших Холокост репатриантов, чей личный успех стал одним из доказательств возрождения еврейского народа в своей собственной стране.

В мае 1951 года он сообщил своему израильскому знакомому, что собирается переехать до конца года и хочет купить трехкомнатную квартиру с палисадником в районе Хайфы или Рамат-Гана. Достаточного количества денег у него для этого еще не было, но он надеялся, что как-нибудь устроится. Через несколько месяцев в гости к Визенталям приехал шурин, поселившийся в Палестине еще до войны. «Я слышал, что в последнее время положение в Израиле ухудшилось», – написал Визенталь тому же знакомому в январе 1952 года и остался в Австрии.

Евреев, решивших в Израиль не переезжать, было много, а те из них, кто все-таки переехал, сделали это по большей части от безвыходности. Евреи Европы – включая большинство бывших узников лагерей – в свои страны возвращаться не хотели или не

могли, но другие страны принимать их не желали. Евреи же арабского мира не могли оставаться в своих странах потому, что Израиль воевал с арабскими соседями. Однако большинство евреев Америки и других западных стран остались дома. В 40-е годы и в начале 50-х будущее Израиля все еще находилось под вопросом, и в стране было тяжелое экономическое положение. Однако Визенталь решил начать новую жизнь в стране Гитлера и Эйхмана, а на это из евреев решились лишь немногие. Большинство евреев, проживавших в Австрии до войны и сумевших остаться в живых, возвращаться туда не пожелали. Пока Визенталь работал в лагерях для перемещенных лиц, его пребывание в Австрии было вполне естественным, однако лагеря вскоре расформировали, а большинство беженцев Австрию покинули, и на этом его миссия закончилась. Тем не менее он остался.

Впоследствии его неоднократно спрашивали, почему он так поступил, но из его ответов можно было понять, лишь почему он считал необходимым жить в Австрии в 60-е годы, когда поиск нацистских преступников стал его главным занятием. Однако из этих ответов нельзя было понять, почему он не уехал вскоре после войны. Его тогдашний статус в лагерях беженцев ему явно льстил: в 1948 году ему даже было разрешено ходить с пистолетом – но с пистолетом он вполне мог расхаживать и в Израиле, если бы только этого пожелал.

Иногда вместо ответа на этот вопрос он попросту отшучивался. Например, одному из израильских знакомых ответил так: «Причина, по которой я не живу в Израиле, состоит в том, что там нет ни нацистов, ни антисемитов». А еще одному знакомому, работавшему в мемориале «Яд-Вашем», написал, что переедет в Израиль только тогда, когда Бен-Гурион уйдет с поста премьер-министра.

Некоторые из его венских приятелей-евреев – как уроженцы города, так и эмигранты из Восточной Европы – на склоне лет говорили, что вообще-то оставаться в Австрии не собирались и просто там «застряли». У одного был дом, у другого – меховой бизнес, третий остался только для того, чтобы оформить компенсацию от Германии, четвертый всю жизнь сидел на чемоданах и ждал, пока в Израиле улучшится экономическая ситуация и закончится война с арабами, а пятый был слишком стар, и уезжать было уже поздно. Однако некоторые признавались, что просто хотели начать жизнь заново в стране, где родились, так как, несмотря ни на что, чувствовали себя там дома. Именно это и было главной причиной, по которой остался в Австрии Визенталь: он тоже чувствовал себя там дома.

Еще ребенком, живя в маленьком городишке на восточной окраине Австро-Венгерской империи, он понял, что культурный и политический центр мира, в котором ему хотелось жить, находился в Вене. По горькой иронии судьбы он смог осесть там лишь после того, как прошел через нацистские концлагеря, но перенесенные страдания не убили в нем желания жить в Австрии, созревшее еще в детстве, в Бучаче, и окрепшее во время учебы в Праге и Львове.

Много лет спустя он опубликовал роман «Бегство от судьбы». Его герои – евреи, судьба которых сильно напоминает его собственную, включая пребывание в Яновском, а несколько фигурирующих в книге эсэсовцев носят настоящие имена. Но действие происходит в Вене, и Визенталь описывает венских евреев с таким пониманием и сочувствием, как если бы сам был одним из них. «Поскольку, – пишет он, – я родился в старой Австрии и ходил в Вене в начальную школу и поскольку мой отец погиб как австрийский солдат… я не чувствую себя в этой стране чужим».

Ощущая себя сыном Австрии, он пытался очистить ее от ненависти к евреям.

В начале января 1946 года ему понадобилось съездить в Вену, и он купил билет на автобус, но, когда он попытался в него сесть, водитель отказался его впустить, заявив, что «иностранцам проезд воспрещен». Визенталь пожаловался в автобусную компанию, но служащая, к которой он обратился, сказала: «Мы были бы рады, если бы все иностранцы из Австрии уехали». Тогда он послал письмо в Министерство транспорта (как всегда, от имени своей организации) и выразил протест против «оскорбления, нанесенного нашему председателю», как если бы речь шла о ком-то другом.

Инцидент этот был далеко не единичным; от ненависти к евреям австрийцам избавиться было трудно. Война кончилась совсем недавно, и они все еще не оправились от горечи поражения. Десятки тысяч семей оплакивали погибших на войне близких, а Австрия, как и Германия, была оккупирована иностранными войсками и поделена на зоны. При этом большинство австрийцев, в отличие от немцев, своей вины не признавали и утверждали, что стали жертвами нацистской оккупации.

Скрывать свою ненависть к евреям многие из них даже не считали нужным, но особенно они ненавидели обитателей лагерей для перемещенных лиц. Во время войны Линц подвергался бомбардировкам, и в городе еще можно было видеть развалины, а перемещенные лица (которые были не только

евреями, но и инстранцами) свободно расхаживали по улицам, пользуясь защитой американских оккупационных войск, и многие из них занимались спекуляцией. Тот факт, что жителей Биндермихля выселили из своих квартир, чтобы поселить там беженцев, тоже подливал масла в огонь. Время от времени в австрийских газетах публиковались сообщения, в которых беженцев изображали акулами черного рынка и даже торговцами наркотиков. Визенталь против этого протестовал. «Людей, до сих пор разгуливающих в одежде, украденной у евреев, и живущих в квартирах, обставленных мебелью, отнятой у евреев Европы, выводят из себя даже шерстяные одеяла, которыми евреи укрываются в лагерях для перемещенных лиц», – писал он в отчете, предназначавшемся для публикации на английском языке.

Будучи представителем беженцев, Визенталь неоднократно протестовал против плохого отношения к ним. Как-то раз несколько десятков полицейских устроили в одном из лагерей облаву с целью найти контрабандные товары, и в письме губернатору Визенталь выразил протест по поводу того, что обыскивались только дома евреев, хотя в лагере находились беженцы и других национальностей. Он утверждал, что полицейские вели себя грубо, угрожали людям оружием и что это было коллективным наказанием, напомнившим многим беженцам о временах нацизма.

В одном из лагерей от евреев потребовали заплатить арендную плату за комнату, служившую им синагогой. Визенталь выразил протест против самого этого требования как такового, но особенно он протестовал по поводу того, что один из австрийских чиновников, занимавшихся этим делом, заявил: «Если евреям хочется танцевать и сходить с ума, пусть делают это на лужайке, а если им хочется делать это в комнате, которая им не положена, пусть за нее платят».

Один еврей из города Грац пошел с женой посидеть в пивной, но, как только они сели за столик, какой-то человек, сидевший по соседству, начал выкрикивать по их адресу антисемитские оскорбления. Еврей пожаловался на это владельцу пивной, но тот вмешиваться отказался. Тогда еврей позвонил в полицию. Однако когда пришел полицейский, владелец пивной, вместе с посетителями, вышвырнул и еврея с супругой, и полицейского на улицу, пригрозив, что если они вернутся, то об этом пожалеют.

На футбольных матчах можно было услышать антисемитские выкрики. Одному еврею пришлось заявить, что он не еврей, чтобы получить разрешение на радиоприемник, так как власти все еще использовали бланки времен нацизма. Муниципалитет Линца поставил памятник юмористу, который во времена нацизма

устроил антисемитский концерт. Австрийские кинотеатры отказались показывать фильм Чарли Чаплина «Великий диктатор», но при этом демонстрировали фильмы немецкого режиссера Файта Харлана, который в 1940 году, по инициативе нацистского министра пропаганды Йозефа Геббельса, поставил пропагандистский антисемитский фильм о еврейском банкире XVIII века «Еврей Зюсс». Муниципалитет города Браунау включил дом, где родился Гитлер, в список туристических достопримечательностей.

Казалось бы, будучи сионистом, Визенталь должен был считать, что евреям в Австрии жить не следует и что если они все-таки решают в ней остаться, то должны понимать, что живут в антисемитской стране. Однако он хотел очистить австрийское общество от расизма. Однажды с этой целью он даже отправился в крохотную тирольскую деревушку Рин, в церковь которой стекались паломники, дабы поклониться мощам ребенка, якобы убитого там евреями.

Уже тогда, в сороковые годы, Визенталь взял себе за правило обращаться по тем или иным вопросам к самым высокопоставленным лицам, и хотя по тону своему его письма к ним всегда были почтительными, тем не менее он всячески подчеркивал, что пишет им не как «бедный родственник», а как равный. Требование запретить культ в Рине он, в качестве председателя «Союза бывших узников концлагерей», послал кардиналу Теодору Инитцеру. Впрочем, обосновал он это требование не тем, что данный культ – антисемитский, а тем, что это надо сделать ради австрийских детей.

Как еврей он мог бы, конечно, сказать себе, что австрйицы недостойны того, чтобы такой человек, как он, пытался спасти их от самих себя, но он считал себя одним из них. «Искоренить проявления нацистской дикости, – писал он главному редактору одной из зальцбургских газет, – это долг каждого австрийского патриота».

Однако попытки Визенталя очистить страну, в которой он решил жить, к немедленным результатам не привели. Нацисты повылезали из своих нор, снова стали занимать влиятельные посты в государственных учреждениях, включая школы и суды, и во всех политических партиях их стали назначать на ключевые посты. Визенталь подробно говорил об этом на общем собрании Комитета австрийских еврейских общин. В своем выступлении он подчеркнул, что участие нацистов и неонацистов в государственной и политической жизни Австрии представляет опасность не только для маленькой местной еврейской общины, но и для всех австрийцев в целом. Только тот, кто по-настоящему

верит в свою страну, может критиковать ее так, как это сделал в своей речи Визенталь: с разочарованием и беспокойством, но в то же время с надеждой на лучшее будущее.

Как австрийский патриот он также обратился к министру просвещения Эрнсту Кольбу с требованием, чтобы его дочери выделили учителя, который будет преподавать ей еврейскую религию, хотя, помимо нее, еврейских детей в Линце было очень мало. Когда его жена пошла записывать дочь в школу, директриса посмотрела на них в изумлении и сказала: «А я думала, всех евреев уже убили».

Как вспоминала впоследствии дочь Визенталя, жить еврейской девочке в Линце было нелегко. Дети в школе ее дразнили, рисовали у нее на парте звезду Давида и спрашивали, правда ли, что у нее есть хвост. Мать велела ей терпеть и на оскорбления не отвечать, но в результате всех этих антисемитских выходок Паулинка стала считать, что она не такая, как все, и у нее выработался комплекс неполноценности. Избавиться от этого комплекса ей удалось лишь через много лет. Что касается ее матери, то она замкнулась в себе; внешний мир она воспринимала как враждебный и антисемитский. Играть с соседскими детьми Паулинке разрешали, но только под наблюдением матери или няньки, и австрийских друзей у нее не было. «Нас было только трое: папа, мама и я», – сказала она.

О Холокосте родители с ней не говорили. Однажды (ей было тогда лет девять) она спросила, почему у нее, в отличие от других детей, нет бабушки и дедушки, и родители сказали ей, что объяснят это позже, через год или два, но она хотела знать прямо сейчас. «Я объяснил ей и пошел в другую комнату плакать», – вспоминает Визенталь. Одному из своих друзей он признался, что иногда, чтобы порадовать Паулинку, просил чужих людей звонить к ним домой по телефону и представляться родственниками.

Ничто лучше не свидетельствует о том, что Визенталь чувствовал себя органической частью австрийского общества, чем его решение воспитывать дочь в Австрии. По ее словам, до шести лет он говорил с ней на идише, но потом они перешли на немецкий.

Решив навязать жене и дочери жизнь в Линце, Визенталь поступил жестоко, а после всего, что произошло во время Холокоста, в таком решении было отчасти и нечто извращенное, но не исключено, что Визенталь это осознавал. Несмотря на то что он чувствовал себя австрийцем, он не переставал ощущать себя и иностранцем, и, более того, это чувство даже культивировал, как бы пытаясь быть одновременно и своим, и чужим.

2. Помощь друга

В годы борьбы за создание Государства Израиль и в первые годы его существования сложилось устойчивое мнение, что арабы – и в первую очередь Хадж Амин Аль-Хусейни – были связаны с нацистской Германией. Аль-Хусейни, которого англичане назначили главным муфтием Иерусалима, предлагал Гитлеру свою помощь и даже с ним встречался. Виделся он и с другими лидерами нацистского режима, в частности с Гиммлером, а также, по-видимому, с Эйхманом.

В очерке об Эйхмане, опубликованном в 1946 году в одной из ивритоязычных палестинских газет, утверждалось, что в середине 30-х годов Эйхман приезжал в Палестину, чтобы организовать арабское восстание. «Именно в Палестине, – писал автор очерка, – проявились первые признаки его жестокости». Информация эта была неверной, но хорошо отражала тенденцию ассоциировать арабов с нацистами.

О связях Аль-Хусейни с Эйхманом Визенталю рассказывал еще Режё Кастнер, который вел с Эйхманом переговоры о спасении евреев Венгрии. По словам Визенталя, муфтий интересовал его как возможная зацепка, через которую можно было выйти на Эйхмана. Документы о контактах Аль-Хуйсени с нацистами он получил, судя по всему, от представителей обвинения на Нюрнбергском процессе.

В 1947 году он опубликовал о муфтии книгу. По его словам, Хусейни сопровождал Эйхмана, когда тот посещал Освенцим и Майданек («чтобы убедиться в эффективности работы крематориев»), а когда муфтия познакомили с несколькими сотрудниками этих лагерей, он похвалил их за хорошую работу. Визенталь был, по-видимому, первым, кто рассказал эту историю, и впоследствии ее пересказывали бессчетное количество раз. Некоторые, правда, утверждают, что эта история восходит к помощнику Эйхмана Вислицени, но убедительных доказательств тому нет.

Это была вторая книга Визенталя, и для ее публикации потребовалось особое разрешение американских оккупационных властей. Рукопись книги Визенталь взял с собой в Базель в надежде на то, что среди участников сионистского конгресса найдется издатель, который согласится издать ее на английском языке, и, по его словам, такого издателя там даже нашел, но человек по имени Моше Перельман (в будущем пресс-секретарь Армии Израиля) его перехитрил и с помощью Ашера Бен-Натана и некоторых других опубликовал собственное сочинение об Аль-

Хусейни, причем, как утверждает Визенталь, оно было основано на его разысканиях. «Люди из “Брихи” меня терпеть не могут, – писал он директору “Яд-Вашем”, – так как я слишком много знаю и меня нельзя купить». На английском языке книга Визенталя опубликована так и не была.

Однако несмотря на свою обиду и гнев, информацию о деятельности муфтия он собирать не перестал и время от времени пересылал ее Зильбершайну. Один из американских знакомых связал его с бывшим сотрудником нацистского Министерства иностранных дел Герхардом Ротом, и, по словам Визенталя, тот, помимо всего прочего, согласился передать ему список нацистских агентов в арабских странах. Проблема состояла в том, что он делал это не бесплатно. «Мне срочно нужны деньги, – писал Зильбершайну Визенталь. – Вы даже не представляете, сколько он стоит, это доктор Герхард Рот».

Визенталь пересылал Зильбершайну информацию о муфтии с такой регулярностью, словно Зильбершайн был резидентом разведки, на которого он работал, а иногда присылал также новости о происходящем в арабском мире: в Саудовской Аравии, Ираке и т. д. – причем некоторые письма помечал грифом «секретно». Он полагал (а возможно, и знал), что Зильберштайн передавал эту информацию Израилю.

В конце 1950 года Визенталь написал редактору выходившего в Буэнос-Айресе еврейского еженедельника и предложил ему заключить нечто вроде соглашения об обмене информацией, пояснив, что его интересует деятельность нацистов в Аргентине и их связи с южноамериканскими арабами. «Мы знаем, – писал он, как обычно, в первом лице множественного числа, словно стоял во главе некоей всемирной организации (от первого лица он писал редко), – что эсэсовцы переезжают из Аргентины в Сирию и привозят с собой рекомендации от южноамериканских арабских комитетов». Эту информацию он получил от Ахмеда Биги, одной из тех загадочных личностей, которых в его жизни было много.

В книге о погоне за Эйхманом Визенталь зашифровал Биги под именем «Муса Али Бей». Биги, по его словам, был турком, родился в Крыму, воевал – в звании майора – в рядах Красной армии, попал в плен к немцам и оказался в концлагере Маутхаузен, где они и подружились, а связь между ними восстановилась после того, как Визенталь опубликовал книгу о муфтии. «Муса, – пишет он, – поразил меня, сообщив, что регулярно с муфтием переписывается. Муфтий спрашивал Мусу, не хочет ли тот переехать на Ближний Восток, и обещал ему высокий пост в новой армии».

В архиве Визенталя сохранилась копия письма, написанного

Биги в 1949 году, и из него явствует, что с муфтием тот встречался лично, но из Дамаска написал ему не сам муфтий, а другой человек, мусульманин, во время войны работавший в немецком Министерстве иностранных дел и осевший в Сирии. Этот человек действительно предложил Биги приехать в Дамаск, а однажды спросил его, известно ли ему, что сталось с несколькими нацистскими функционерами, включая Эйхмана.

Биги был набожным мусульманином, сыном Мусы Джаруллы, известного мусульманского ученого татарского происхождения, в то время жившего в Каире, и, судя по всему, служил в советской военной авиации. После войны он (как и Визенталь) явился к американцам и передал им какую-то информацию о Красной армии. Позднее он стал чем-то вроде советолога, писал – под псевдонимами – статьи и опубликовал две книги.

Вдове Биги Визенталь запомнился как друг семьи, приятный собеседник и неистощимый рассказчик смешных историй. Он не раз бывал в их мюнхенской квартире, участвовал в застольях и встречался там с эмигрантами из Советского Союза, в том числе бывшими бойцами пронемецкой армии генерала Андрея Власова. Возможно, он надеялся выйти через них на след нацистских преступников. Запомнила вдова также и то, что Визенталь и ее муж не раз говорили о муфтии. В одном из своих писем Биги упоминает о встрече в Мюнхене с израильским консулом доктором Хаимом Гофманом (впоследствии изменившим фамилию на «Яхиль»), а однажды Биги рассказал Визенталю о группе немецких офицеров, собиравшихся завербоваться в сирийскую армию.

Тем не менее эта дружба беженца-еврея и пилота-мусульманина была, по-видимому, не сознательным сотрудничеством двух дисциплинированных разведчиков, а скорее союзом двух «перемещенных лиц», бродивших среди мюнхенских развалин. Оба они – в эту сумрачную эпоху – пытались найти свое место в новом послевоенном мире, оба хотели вернуть свою жизнь в нормальное русло, и оба все еще пребывали в плену своих страхов и ночных кошмаров, на границе между воображением и реальностью, правдой и фантазией. Биги заразился от Визенталя навязчивой идеей поймать Эйхмана и тоже, по-видимому, считал, что муфтий может их к нему привести.

Так сблизились два этих человека, которых объединила любовь к тайнам и романтике. Со стороны их можно было, наверное, принять за детективов или журналистов, но в действительно они были скорее искателями приключений и мечтателями.

Однажды к Визенталю пришел западногерманский журналист, беседовавший с муфтием в Каире, и рассказал, что Хусейни пожаловался ему, что в Европе есть некий Визенталь, распространяющий о нем ложь.

Израильский консул в Австрии Арье Эшель относился к информации Визенталя очень серьезно. В 1952 году Визенталь рассказал Эшелю о разговоре между Аль-Хусейни и советским дипломатом, служившим в посольстве в Каире. В этом разговоре (о котором Визенталь мог узнать в Мюнхене от гостей Биги) муфтий выразил недовольство тем, что Советский Союз поддержал создание Государства Израиль, но советский дипломат пообещал ему, что скоро СССР поможет Израиль уничтожить. Эшель решил, что речь идет о каком-то тайном антиизраильском плане и поспешил доложить об этом в Тель-Авив. Однако его начальство сочло сведения ненадежными, и Эшель попросил разрешения потребовать у Визенталя разъяснений, а также спросить его, не может ли тот раздобыть дополнительную информацию.

Трудно, конечно, сказать, насколько донесения Визенталя Зильбершайну и израильскому консульству были достоверными, но одно можно сказать наверяка: он страстно желал, чтобы Израиль в нем нуждался, и чувствовал потребность принести еврейскому государству пользу. Поскольку же большого количества разведчиков у Израиля тогда еще не было, Визенталь был ему действительно нужен.

Визенталь говорил, что когда в 1949 году приехал в Израиль впервые, то хотел там остаться, но сотрудник политического отдела Министерства иностранных дел Борис Гуриэль убедил его, что в Европе он сможет принести Израилю больше пользы. Политический отдел был тогда подразделением израильской разведки, и одного из начальников этого отдела, Ашера Бен-Натана, Визенталь знал еще с тех пор, когда в Европе действовала организация «Бриха». Предложение Гуриэля вызвало у Визенталя, называвшего Израиль «нашей страной», прилив патриотических чувств, и он согласился. Вскоре после этого спецслужбы Израиля были реорганизованы и возник Моссад.

Визенталь писал, что Гуриэль завербовал его потому, что высоко ценил его предыдущую деятельность на благо еврейского народа и сионистского движения, включая участие в операциях организации «Бриха». Он знал, что Визенталь помог спецслужбам США арестовать сотни нацистских преступников; знал, что, когда Визенталь был президентом Международной ассоциации бывших узников концлагерей, то сказал в Париже представителям крупных держав, обсуждавших судьбу золота, украденного

нацистами у евреев, что есть только одно учреждение, имеющее на это золото право: еврейское агентство «Сохнут». Знал Гуриэль также и о том, что Визенталь убеждал беженцев требовать отправлять их в Палестину, выступал от их имени на заседаниях англо-американской комиссии и уговорил многих из них завербоваться в израильскую армию. Плюс к тому, кроме урн с прахом, Визенталь привез с собой в Израиль также документы, свидетельствовавшие о сотрудничестве арабов с нацистами, и доказательства того, что лидеры проживавшей в Палестине немецкой общины тамплиеров сотрудничали с арабами. Впоследствии, когда тамплиеры потребовали вернуть им несколько конфискованных у них зданий в Тель-Авиве, использовавшихся под правительственные учреждения и Генеральный штаб, эта информация израильскому правительству пригодилась.

Гуриэль приказал одному из своих подчиненных организовать Визенталю поездку по Израилю, а затем пригласил его на прием, где присутствовали несколько руководителей израильского оборонного истеблишмента, в том числе профессор Эрнст Давид Бергман, считающийся отцом израильского ядерного проекта.

В число своих успехов в первые годы работы в качестве тайного израильского агента Визенталь включал историю с немецкими офицерами, о которых узнал от Биги. По словам Визенталя, это был план, разработанный одной из французских спецслужб, и ему удалось этот план сорвать: все немецкие офицеры были арестованы. Поскольку он написал об этом израильскому консулу, то есть основания полагать, что он это не придумал, а в его архиве к тому же хранятся документы, содержащие мночисленные подробности, о которых он консулу не рассказал, в частности имена немецких офицеров, собиравшихся служить в Сирии. Среди них было несколько человек, служивших ранее в нацистской авиации, а один из них, Иоганн Шлеммер, должен был, по словам Визенталя, сирийскую армию возглавить. Согласно записям Визенталя, руководил операцией выдававший себя за бизнесмена и сотрудничавший с французской разведкой сириец по имени Акрам Табара, во время войны состоявший в рядах СС.

Визенталь также написал консулу, что о его участии в срыве операции французы знали, почему и запретили ему въезд во Францию, причем в его архиве есть документы, свидетельствующие о том, что он действительно имел трудности с получением французской визы, в связи с чем послал эмоциональное письмо протеста президенту Франции Венсану

Ориолю. Однако сами французы утверждали, что отказывали ему в визе потому, что он был коммунистом.

3. Вторая родина

Завербовавшись в израильские спецслужбы в качестве добровольного помощника, Визенталь получил «лесепассе» – документ, приравнивавшийся к израильскому иностранному паспорту, – благодаря чему смог получить в Австрии вид на жительство и возможность время от времени его продлевать. До этого у него был статус беженца, и, подобно всем прочим беженцам, он имел только временное удостоверение, где значился бывшим узником Маутхаузена, а также несколько других документов, где красовались его отпечатки пальцев. Разрешение на проживание в Линце тоже было временным, поскольку он заявлял, что собирается вернуться в Польшу. Израильский заграничный паспорт позволил ему в городе остаться.

Судя по всему, за свои услуги он получал из Израиля плату, а его начальство в Тель-Авиве даже сообщило ему, что собирается застраховать его жизнь в страховой компании «Мигдаль», и вполне возможно, что именно оно устроило ему сохранившиеся среди его личных документов красные книжечки корреспондента газеты «Давар», считавшейся тогда фактически рупором правительства. Сохранилось полученное им из канцелярии австрийского канцлера уведомление, что по просьбе израильского консула он аккредитован как иностранный корреспондент. В еще одном удостоверении он значится корреспондентом ежедневной газеты «Едиот айом», выходившей в Тель-Авиве на немецком языке.

Однако в первой половине 1952 года в Израиле решили сотрудничество с ним прекратить и иностранный паспорт ему не продлевать. Визенталь выразил решительный и бурный протест. Он категорически отказывался признать, что паспорт был выдан ему на основании временного соглашения и не давал ему израильского гражданства. Все, говорил он, знают, что я израильтянин; даже в балетном кружке, куда ходит моя дочь, и то знают, что она израильтянка. «Мне что же теперь, – с горечью вопрошал он, – зарегистрироваться беженцем из Государства Израиль? Ведь без паспорта вида на жительство в Австрии я получить не могу».

Чтобы добиться продления срока действия паспорта, он нанял адвоката, а также задействовал Шимшона Юницмана из окружения Менахема Бегина (с Юницманом он познакомился на конференции беженцев в Мюнхене). Он чувствовал себя преданным и оскорбленным. В том числе и потому, что

сотрудники «махлаки» (как он написал) ответили отказом на его требование выплатить ему пособие по увольнению.

Параллельно с попытками получить израильское гражданство он также наводил справки относительно возможности эмигрировать в Южную Америку: в Аргентину, Парагвай или Панаму. Но в конце концов его выручил израильский консул. По-видимому, он получил подтверждение от своего начальства из Иерусалима, что Визенталь действительно помогал Израилю (об этом свидетельствуют и бесчисленные письма Визенталя, посланные им в консульство).

Визенталь часто докладывал в израильское консульство о различных проявлениях антисемитизма (нападениях на евреев, оскорблениях, антисемитских статьях в прессе и т. д.), включая и те, с которыми ему довелось столкнуться лично. Так, например, однажды он сообщил, что ходил смотреть документальный фильм, посвященный положению в Израиле. Когда на экране появились арабы, убивающие евреев, в зале послышались возгласы одобрения. В другой раз он известил консульство, что представитель израильской профсоюзной строительной компании «Солель-Бонэ» не только вступил в деловые отношения с банком, владелец которого известен своим антисемитизмом, но еще этим и хвастается.

Поставлял он израильтянам и сведения политического характера. Например, узнав, что «Народная партия», членом которой являлся губернатор Верхней Австрии Гляйснер, вела переговоры с партией, в которой состояли нацистские ветераны и которая поддерживала связи с посольством Египта, он написал консулу, что хочет встретиться Гляйснером лично и его предостеречь, а также пообещал рассказать о содержании их разговора.

Иногда он советовался с консульством, как ему лучше поступить. Однажды, например, спросил, стоит ли ему встречаться с делегацией ветеранов антинацистского подполья, которая должна была прибыть из Израиля, поскольку от конференции, в которой эта делегация собиралась принять участие, «попахивало коммунизмом». Время от времени он также просил разрешения опубликовать ту или иную статью, а иногда договаривался с газетами о публикации различных материалов, которые им передавал – как правило, антиарабской направленности.

Когда пресса сообщила, что министр внутренних дел Австрии Оскар Гелмер заклеймил Израиль за попытки закупить оружие, Визенталь сразу же предложил консульству помочь организовать пресс-конференцию. «У меня отличные связи среди

журналистов, – писал он, – и я уже организовал несколько пресс-конференций».

Как-то раз он известил консула, что многие израильтяне эмигрируют в Австрию и просят там оказать им денежную помощь как беженцам. В связи с этим он предложил потребовать от австрийского консульства в Израиле не выдавать этим людям въездные визы, оказать давление на транспортные агентства, продающие им билеты на самолет, а также опубликовать в израильских газетах объявление о том, что те, кто уедут в Австрию, помощи от тамошней еврейской общины не получат.

Однажды он потребовал от консула изгнать из Австрии израильского еврея, уроженца Ирака, желавшего получить денежную помощь, а в другой раз рассказал консулу о человеке, который приехал из Израиля в Австрию, пришел в «Джойнт» и попросил материальной помощи, но вызвал подозрения. Вскоре оказалось, что это бывший эсэсовец, притворившийся евреем и сумевший получить израильское гражданство.

Израильские дипломаты считали Визенталя союзником и пользовались его услугами. В частности, они просили его собирать информацию об антисемитских инцидентах и о примерной численности нацистов.

Консул разделял беспокойство Визенталя относительно эмиграции израильтян в Австрию, считая, что она может нанести ущерб имиджу Израиля, и просил представить ему дополнительные сведения.

На определенном этапе Визенталь предпринял попытку придать своим отношениям с консульством более официальный характер. Однажды, например, он предложил регулярно – за денежное вознаграждение – снабжать консула экономической информацией, но его предложение было отвергнуто. В другой раз он попросил принять его на работу в пресс-службу консульства, но и эта его просьба была отклонена. Консул объяснил Визенталю, что такой службы у него, к сожалению, нет и ему приходится выполнять обязанности пресс-секретаря самому.

Иногда из консульства ему присылали марки – чтобы пополнить его коллекцию и доставить ему удовольствие.

Паспорт ему в конечном счете продлили до декабря 1953 года, но к тому времени ему уже удалось получить австрийское гражданство. Хотя это оказалось и непросто.

В своем прошении о гражданстве Визенталь написал, что хочет жить в Австрии, чтобы работать по своей профессии, и что один австрийский предприниматель уже купил у него два строительных патента. (Проблема состояла в том, что полученное им в Польше звание инженера в Австрии не признавалось и по

закону он не имел больше права писать его перед своим именем; до конца своих дней он вынужден был указывать это звание только после имени.)

Трудности с получением австрийского гражданства были связаны, по-видимому, с информацией, содержавшейся в отчете, составленном в 1950 году австрийским Министерством внутренних дел, где говорилось, что Визенталь создал разведывательную организацию, работающую на израильское консульство, что он, возможно, работает также на французов, что его подозревают в контрабанде валюты и что он к тому же участвовал в драке с другими евреями. Однако в то время у Визенталя были уже хорошие отношения с местным истеблишментом и ему удалось заручиться поддержкой опытного политика, члена консервативной Народной партии (которую Визенталь поддерживал) губернатора Верхней Австрии Генриха Гляйснера. До присоединения Австрии к Германии Гляйснер был противником нацизма, и, когда нацисты вошли в Австрию, его посадили в концлагерь. Однако через некоторое время он был выпущен, после чего, по-видимому, вступил в нацистскую партию и даже стал директором завода, принадлежавшего СС. Таким образом, у него были весьма убедительные причины всячески выражать Визенталю свое восхищение и оказывать ему помощь. Отношения Визенталя с этим могущественным человеком свидетельствуют о том, как сильно изменился его статус с тех пор, как он вышел из Маутхаузена.

Таким образом, даже после Холокоста и создания Государства Израиль сионизм Визенталя остался таким же, каким был до войны, когда он жил во Львове. Сионизм для него был всего лишь чувством общности судьбы с другими евреями, формой всемирной еврейской солидарности и включал в себя также необходимость поддерживать Государство Израиль, однако он не считал сионизм практическим указанием в этом государстве жить. Сионистом он продолжал называть себя до конца своих дней, но с годами все больше и больше склонялся к мысли, что историческая миссия евреев состоит в том, чтобы жить в разных странах, включая Австрию, напоминать человечеству о моральных ценностях и делать все возможное, чтобы мир стал более совершенным.

Будучи евреем, Визенталь – в соответствии с Законом о возвращении – мог получить израильское гражданство в любой момент, но он хотел жить не в Израиле, а в Австрии. «Что мне там [в Израиле] делать, если я поставил своей целью охотиться за нацистскими убийцами?» – написал он много лет спустя и добавил, что сам факт его присутствия в Австрии не дает

нацистам спокойно спать по ночам.

Глава шестая. «Так я стал филателистом»

1. Главное достижение

Как-то ночью, в сентябре 1947 года, Визенталь проснулся от сильного стука в дверь. Оказалось, что два ветерана партизанского движения пришли сообщить ему, что нашли место, где прячется Эйхман. Они жили в большом центре для перемещенных лиц «Адамонт», ждали, пока подвернется случай уехать в Палестину, а тем временем зарабатывали на жизнь торговлей на черном рынке.

Это было в неделю, предшествовавшую еврейскому празднику искупления Йом-Кипур, и верующие искали кур для совершения обряда «капарот», но в ту пору в Австрии был продовольственный дефицит, и раздобыть кур оказалось непросто. Рынок яиц контролировался государством, и крестьяне боялись, что за продажу кур их оштрафуют. Они посоветовали евреям попытать счастья на большой ферме, расположенной на склоне холма, но предупредили, что в прошлом хозяин фермы был одним из главарей нацистского режима и евреев ненавидит. Бывшие партизаны решили, что это Эйхман, и отправились к Визенталю. У этого человека две тысячи кур, объяснили они, и он ненавидит евреев; почему бы ему не быть Эйхманом? «Мы все были тогда одержимы Эйхманом», – пишет Визенталь.

Утром все они отправились в полицию Гайсхорна. Визенталь оставил выразительное описание старого деревенского дома, в котором та располагалась. В приемной сидели два крестьянина в коротких кожаных штанах и беседовали с седоусым добродушного вида начальником участка; Визенталь пишет, что он выглядел как осколок эпохи Габсбургов. Начальник встал, подошел к карте на стене, нашел то место, о котором говорили евреи, и сказал: «Мурер. Это ферма Мурера». Визенталь был потрясен. Мурер был жестоким нацистским преступником, прозванным «мясником из Вильнюса», и у Визенталя к тому времени было уже заведено на него дело. До войны в Вильнюсе проживала старинная и процветающая еврейская община; во время войны около восьмидесяти тысяч евреев города были убиты.

Визенталь подал жалобу в полицию, и Мурер был арестован. Гайсхорн относился к английской оккупационной зоне, но англичане выдали Мурера русским (так как Вильнюс находился в Советском Союзе), и он был приговорен к 25 годам тюрьмы. Таким образом, хотя это был и не Эйхман, Визенталь имел все основания испытывать удовлетворение.

Рассказывая о своих поисках Эйхмана, Визенталь пытался

создать впечатление, будто постоянно получал информацию от целого ряда осведомителей, которых он зашифровывал псевдонимами или называл только по именам: Ганс, Стефан, Алекс и т. д., – но, по-видимому, все они были либо плодом его воображения, либо собирательными образами, составленными из реальных людей. Однако по крайней мере один настоящий осведомитель у него все-таки был: он работал на него в течение нескольких лет и жил в Альтаусзее.

Отношения Визенталя с австрийцами складывались непросто, но Валентин Тара был австрийцем «хорошим», и живописное курортное местечко, куда многочисленные писатели приезжали за вдохновением, представляет собой как нельзя более подходящую декорацию для трогательной истории о дружбе между выжившим во время Холокоста еврейским беженцем и австрийским деревенским жандармом, который, как и Визенталь, был неисправимым романтиком, беззаветно преданным делу, которому себя посвятил.

Родился Тара в консервативной католической семье. Его отец был столяром, но сам он собирался стать торговцем. С идеями социалистического гуманизма, которых он придерживался всю жизнь, Тара, по его словам, впервые познакомился во время Первой мировой войны, когда воевал на Восточном фронте. Однажды в русской деревне, которую они захватили, он увидел человека, переходившего улицу. Он вскинул винтовку и хотел его застрелить, но один из сослуживцев ему сказал: «Успокойся. У этого русского, как и у нас, тоже есть мать. Представь себе, что испытает твоя мать, когда ей скажут, что ты погиб». В результате Тара стрелять не стал. Сослуживец оказался социалистом. Он объяснил Таре, что они воюют только для того, чтобы обогащать производителей оружия, а на самом деле им на фронте делать нечего, и Тара, на которого это произвело впечатление, тоже стал социалистом.

На войне он был дважды ранен, и после второго ранения врачи сказали, что ему придется ампутировать ногу, но один венский доктор сумел его от ампутации спасти. Тара запомнил, что этот доктор был евреем. Тем не менее к строевой службе его признали негодным, и он пошел работать в жандармерию. Его начальник был противником нацизма, и Тара, разумеется, тоже.

После 1934 года политическая напряженность в Австрии усилилась, и Таре пришлось арестовывать как правых, так и левых. Однако левых он не раз об аресте предупреждал, подсылая к ним домой свою жену. За свои заслуги – особенно за борьбу с нацистами – он был дважды награжден золотой медалью и со временем сделал карьеру, став начальником жандармерии.

Жандармам часто помогали в работе добровольцы, и один из них, студент-еврей из Вены, как-то раз участвовал вместе с Тарой в разгоне нацистской демонстрации, но демонстрация переросла в жестокую драку, и парень был убит. С тех пор Тара часто говорил, что евреи, вопреки тому, что о них рассказывают, отнюдь не трусы.

Незадолго до присоединения Австрии к Третьему рейху (которое произошло в марте 1938 года) местные нацисты, не дожидаясь прихода немцев, захватили в Бад-Аусзее все рычаги управления, и начальник жандармерии, к которому они относились как к врагу, был арестован. Его переводили из тюрьмы в тюрьму, и какое-то время он даже провел в концлагере Дахау, но в конце концов сумел выйти на свободу, вернулся – перед самым концом войны – в свою деревню и стал членом подпольной антинацистской ячейки.

После войны бывшие подпольщики рассказали ему о большой соляной шахте, где были спрятаны ящики с произведениями искусства, золотом, драгоценностями и другими сокровищами, вывезенными нацистами из разных европейских стран. Нацисты собирались эти сокровища уничтожить, но подпольщикам удалось их спасти. Они рассказывали, что среди сокровищ была украшенная драгоценными камнями императорская корона и утверждали (ошибочно), что в одном из ящиков якобы находилась «Мона Лиза» Леонардо да Винчи. Впоследствии сокровища Альтаусзее тревожили воображение многих людей, включая Визенталя.

Подобно тому как жители Бад-Аусзее не стали дожидаться, пока нацисты навяжут им свое правление, и установили нацистский режим самостоятельно, подготовились они заранее и к приходу американцев. Как и нацистов, американцев они тоже встретили с распростертыми объятьями как своих освободителей.

В архиве Тары сохранились документы, свидетельствующие о том, что он, как и Визенталь, сотрудничал с КК. Причем при американцах его полномочия расширились: он стал членом комиссии по денацификации, проверявшей, чем те или иные люди занимались в период нацизма, и решавшей, могут ли они занимать государственные посты. Однако влиятельной фигурой Тара был недолго: в конце 1949 года ему пришлось выйти на пенсию. В результате у него появилось много свободного времени. Он использовал его, чтобы следить за тем, что происходит в Альтаусзее, и докладывать об этом Визенталю.

Для охотившегося на Эйхмана Визенталя было вполне естественно вступить в сотрудничество с проживавшим в Альтаусзее антинацистски настроенным пенсионером, а Тара, в

свою очередь, охотно предоставил себя в распоряжение Визенталя. За домом на холме, который снимала Вера Либль-Эйхман, можно было вести наблюдение из мастерской сапожника, и Тара проводил в этой мастерской долгие часы.

Как-то раз к дому подъехала машина, и Тара записал ее номер. Выяснилось, что это была машина брата Эйхмана, работавшего в магазине электротоваров в Линце.

В другой раз почтальон принес жене Эйхмана письмо из-за границы, но, к сожалению, не обратил внимания на марку. «То ли из США, то ли из Южной Америки», – сказал он. Тара попросил его в следующий раз быть внимательнее, а еще лучше – забрать у жены Эйхмана конверт, например, под предлогом, что он коллекционирует марки.

Однажды Тара заметил, что возле дома крутится какой-то подозрительный тип, и, спрятавшись за деревом, стал за ним следить. Он был уверен, что это Эйхман, но так как арестовывать людей больше права не имел, то побежал за полицейскими. Однако у тех был как раз перерыв на обед, и, когда они вернулись, этот тип уже исчез. Тем не менее Тара все тщательно записал и сообщил Визенталю, что это почти наверняка был Эйхман.

Сын Тары Вальтер, ставший журналистом, вспоминал, что время от времени ездил с отцом в Линц, в гости к Визенталю, и что Визенталь, в свою очередь, приезжал в гости к ним. Он привозил им маленькие подарки. Однажды, например, привез для матери отрез ткани, а в другой раз – бутылку израильского вина.

Со временем Визенталь и Тара друг к другу привязались. Оба они были страстными детективами, оба любили всякого рода тайны, оба ценили грубоватый «кабацкий» юмор, и оба ненавидели нацистов. Визенталь платил Таре деньги, но, судя по письмам последнего, тот следил за женой Эйхмана не потому, что получал плату (как и не потому, что ему было нечем заняться), – в первую очередь он хотел наказать военных преступников, в том числе жителя его собственной деревни Вильгельма Гётля, которого ненавидел особенно сильно.

Один из первых членов СС, Гётль был офицером нацистской разведки, участвовал в уничтожении евреев Венгрии и был причастен к разграблению их имущества, но перед самым концом войны вступил в контакт с американской разведкой (которая именовалась тогда Управлением стратегических служб) и рассказал ей, помимо всего прочего, про Эйхмана и истребление евреев. Однако американцы сочли, что доверять ему нельзя, и контакты с ним прервали. После войны он работал в сфере образования и основал в Бад-Аусзее реальную гимназию, в

награду за что муниципалитет повесил на гимназии табличку с его именем. Каждый раз встречая Гётля на улице, когда тот выгуливал свою собаку, Тара вскипал от гнева и спешил поделиться своими чувствами с Визенталем.

В многочисленных письмах, которые Тара писал Визенталю, профессиональной развединформации не содержалось и всего лишь пересказывались местные сплетни, но именно из этих писем (а также из некоторых дополнительных источников) Визенталь узнал, что жена Эйхмана переписывалась с каким-то человеком, жившим по другую сторону океана, возможно, в Южной Америке.

Однажды Тара (как в свое время и полицейский Лео Майер, которому в 1949 году пришлось провести в Альтаусзее Новый год) побеседовал с одним из детей Эйхмана, и тот сказал, что мама пообещала ему, что вскоре он увидит папу и что, возможно, они поедут за границу. Тара сообщил об этом Визенталю, а еще через какое-то время написал ему, что жена Эйхмана забрала детей из школы, даже не попросив выдать ей табель с оценками. Информация эта была очень важной. Определить детей в другую школу в какой-нибудь европейской стране без табеля было трудно, и это могло означать только одно: женщина решила уехать за океан.

Еще через некоторое время Тара написал, что жена Эйхмана исчезла, но отметил, что ее мебель и другие вещи остались в доме, а брат Эйхмана продолжает платить за квартиру – явно для того, чтобы создать впечатление, что она собиралась вернуться. Однако такого детектива, как Тара, этим нехитрым трюком ввести в заблуждение было трудно. 1 января 1953 года он сообщил Визенталю, что «в июле 1952 года Либль-Эйхман действительно эмигрировала с детьми в Южную Америку, где ее муж работает на каком-то предприятии, связанном с водоснабжением». Об этом, сообщил Тара, ему стало известно буквально «час тому назад».

Эта информация показалась Визенталю заслуживающей внимания (впоследствии оказалось, что она была более или менее правдивой: жена Эйхмана действительно эмигрировала в Аргентину, где ее муж работал на расположенной неподалеку от Буэнос-Айреса гидроэлектростанции), и он сделал то, что и должен был сделать: переслал копию письма Тары израильскому консулу в Вене Арье Эшелю (к тому времени уже знавшему, что Тара работал на Визенталя). Эшель, в свою очередь, тоже сделал что следовало: сообщил об этом двум сотрудникам израильских спецслужб, Шайке Дану и Йоне Розену, в то время работавшим в Европе. Во время Второй мировой войны оба они входили в группу палестинских евреев, заброшенных англичанами на парашютах в немецкий тыл, а сейчас занимались установлением

тайных связей с восточноевропейскими евреями.

Для оплаты услуг Тары Дан и Розен выдали консулу из своего бюджета 200 долларов, а тот, со своей стороны, добавил к этим деньгам еще какую-то сумму из бюджета консульства. Он написал своему начальству в Министерстве иностранных дел, что Тара, возможно, напал на след, и попросил разрешения продолжать «тихое и методичное расследование с минимальными затратами на следующем этапе».

Менее чем через два месяца после этого Визенталь сообщил консулу, что Эйхман находится в Аргентине. Это было самым главным достижением Визенталя и первой достоверной информацией о стране, где скрывался Эйхман.

В своих воспоминаниях Визенталь придал этой истории «сказочный» характер. Впоследствии ему даже пришлось доказывать, что это не выдумка. Он напустил слишком много таинственности, добавил художественных деталей, засорил свой рассказ подробностями о том, как пытался проверить всякого рода слухи и прочие обрывки сведений, но, насколько можно судить по доступным для исследователей документам, главного он не выдумал.

2. Шпионские страсти

По словам Визенталя, начиная с 1948 года он страдал от бессонницы. Погоня за нацистскими преступниками истощила его нервную систему, и врач посоветовал ему найти для успокоения нервов какое-нибудь хобби. «Так, – пишет Визенталь, – я стал филателистом». И действительно, его нервная система пришла в порядок.

В 1953 году, отдыхая в Тироле в районе города Инсбрука, он случайно узнал, что некий филателист хочет продать часть своей коллекции. Он позвонил и договорился о встрече. Филателист, оказавшийся пожилым аристократом (бароном), сказал, что он был противником нацистского режима, хотя и служил во время войны офицером в немецкой разведке. Он сразу понял, что Визенталь – еврей, и тот рассказал ему, что сидел в концлагерях. Тогда барон подошел к книжной полке, снял с нее перевязанную бечевкой пачку писем и достал одно из них. Письмо было от его знакомого из Буэнос-Айреса, и в нем было два предложения, которые Визенталь, покинув дом барона, сразу же записал: «Ты не представляешь, кого я видел здесь уже дважды (и я знаю человека, который с ним даже разговаривал): эту мерзкую свинью Эйхмана, который возился с евреями. Он живет возле Буэнос-Айреса и работает в фирме, занимающейся водоснабжением». С трудом справившись с волнением, Визенталь поспешно с бароном распрощался и в тот же день сообщил о разговоре консулу Арье Эшелю.

Впервые эта история была рассказана Визенталем в книге, опубликованной после поимки Эйхмана, и по естественным причинам она ужасно разозлила начальника израильской службы безопасности Исера Харэля. Ведь если Визенталь сообщил, что Эйхман находится в Аргентине, еще в 1953 году, то Харэль должен был объяснить, почему он направил туда своих агентов только семью годами позже.

Харэль проанализировал рассказанную Визенталем историю о бароне предложение за предложением и слово за словом, изо всех сил стараясь поймать Визенталя на лжи. Встречался ли он с бароном «в конце осени 1953 года», как говорится в его книге, или еще в мае, как говорится в письме, посланном Визенталем президенту Всемирного еврейского конгресса Нахуму Гольдману? Израильскому консулу Арье Эшелю Визенталь написал еще в марте, по-видимому в день его встречи с бароном, и отметил, что письмо из Буэнос-Айреса, показанное ему бароном, было написано 24 февраля, однако Гольдману он написал, что письмо

было датировано маем.

По понятным причинам Харэль торжествовал. Почему, вопрошал он, Визенталь не спросил барона, от кого именно тот получил письмо из Аргентины, где упоминался Эйхман? Почему он не проявил любопытства и не сходил к барону еще раз? «Даже если вся эта история и имела место вообще, – пишет Харэль, – речь идет о самом позорном провале Визенталя за всю историю его охоты на Эйхмана, и нет ему за это прощения».

На первый взгляд это действительно так. Но на самом деле все обстоит несколько сложнее.

В своих книгах Визенталь имени барона не называл, а в донесении консулу назвал его «М.», однако в письме Гольдману не только его имя привел, но и сообщил о нем несколько подробностей. Он писал, что барона звали Генрих Маст и что тот был офицером немецкой разведки, после войны работавшим на американцев. В письме Эшелю Визенталь отметил, что «хорошо барона знает», и действительно еще за год до того, в письме одному своему израильскому знакомому, рассказал, как с бароном познакомился. Кто-то (кто именно, он не знал) распустил слух, что он и Маст работают на разведку Польши и Чехословакии, после чего Маст, по его словам, пришел к нему в офис и сказал, что поставляет разведывательную информацию организации Рейнхарда Гелена (генерала вермахта, который после войны работал на американцев). Таким образом, в противовес тому, что Визенталь рассказал в своих воспоминаниях, их знакомство не было случайной встречей двух филателистов.

По этой истории хорошо видно, в каком обществе Визенталь в Линце вращался. Среди его знакомых были всякого рода темные личности и авантюристы, которым было что скрывать, жулики, замышлявшие разного рода грязные делишки и интриги, а также секретные агенты, обладавшие чересчур богатым воображением. Они встречались в одних и тех же кафе, сидели в одних и тех же барах, все друг о друге сплетничали и все друг за другом шпионили. Однако все они были скорее дилетантами и фантазерами, чем профессиональными разведчиками.

Один из линцких знакомых Визенталя, полицейский Лео Майер, рассказал ему однажды о подпольной сети изготовителей фальшивых документов, помогавшей нацистским преступникам изменить имя и сбежать за границу. По словам Майера, штабом этой организации служило одно из кафе в Линце. Визенталь в это кафе зашел, но ничего подозрительного там не обнаружил. Однако через какое-то время полиция устроила там облаву и арестовала человека, у которого было при себе несколько

фальшивых удостоверений. Его звали Йозеф Урбан, и он был одним из главных представителей Эйхмана в Будапеште. По словам Визенталя, ему разрешили присутствовать на допросах Урбана, и тот, помимо всего прочего, рассказал, что одним из его тайных агентов в Будапеште был Режё Кастнер. Визенталь написал Кастнеру и попросил разъяснений, но ответа не получил.

Через два дня после ареста Урбана в полицию Линца явились американские агенты и забрали его с собой, но тут же отпустили. Один из них объяснил австрийцам, что Урбан руководил сетью агентов, поставлявших информацию о событиях и обстановке в Советском Союзе.

Майер видел Урбана в городе почти каждый день. Несмотря на то что тот был нацистским преступником и изготовителем фальшивых документов, помогавшим другим нацистам сбежать, он как ни в чем не бывало расхаживал по городу, и это выводило Майера из себя. Он стал следить за теми, кто работал на Урбана. Оказалось, что Урбан создал фирму, которая якобы занималась вывозом мусора в советской оккупационной зоне, но на самом деле его работники собирали главным образом бумажки. Эти бумажки они привозили Урбану домой, он их разбирал и, если, скажем, находил письмо какой-нибудь женщины, рассказывавшей мужу о своей работе на новом тракторном заводе, докладывал американцам, что, по сообщению его «агентов», в Советском Союзе строится новый танковый завод, за что его хозяева исправно платили ему долларами. Майер не пишет, как именно он про эту аферу узнал, и говорит только, что его начальник, улышав доклад полицейского, улыбнулся в усы и предложил американцам про это не рассказывать.

Визенталь чувствовал себя во всей этой атмосфере как рыба в воде: она хорошо соответствовала его страсти к разного рода секретам и авантюрам.

Однажды он оказался замешан в скандале, связанном со шпионажем в пользу Советского Союза. Главными подозреваемыми были два американских военнослужащих-еврея, Курт Понгер и его зять. В свое время Понгер, будучи следователем на Нюрнбергском процессе, помогал Визенталю собирать информацию об Эйхмане, а в 1948 году брал у него показания относительно его биографии (по-видимому, в связи с приемом на работу в Центральное разведывательное управление США). Они были приятелями и даже строили совместные планы, включая публикацию книги и экспорт в Израиль деревянных домиков для новых репатриантов.

Допрашивался по этому делу также «человек с собакой» из Альтаусзее, Вильгельм Гётль. Он рассказал ЦРУ, что однажды

Понгер связался с ним и сообщил, что «Джойнт» («или какая-то другая международная еврейская организация») назначил за голову Эйхмана награду в сумме ста тысяч долларов. Однако Гётль заподозрил, что Понгер вступил с ним в контакт по поручению израильской разведки, и сотрудничать отказался. Согласно одному из отчетов ЦРУ, Визенталь обещал за информацию, которая приведет к поимке Эйхмана, сто тысяч австрийских шиллингов.

Гётля Визенталь, по-видимому, знал, хотя это и отрицал. В начале 60-х годов западногерманский журнал «Штерн» опубликовал о Гётле статью, где говорилось, что тот работал на Визенталя, но Визенталь вчинил журналу иск о клевете, сумел убедить суд, что с Гётлем не знаком, и выиграл процесс. Тем не менее в записанном на магнитофонную пленку разговоре со своим биографом Геллой Пик он признался, что Гётля знал.

Гётль же, в свою очередь, знал барона Генриха Маста, а тот был знаком с Понгером. Узнав об аресте Понгера и его зятя, Маст написал Гётлю: «А я-то всегда думал, что они работают на израильскую разведку».

В одном из документов ЦРУ того времени говорится (причем как о чем-то само собой разумеющемся и всем известном), что Визенталь – израильский агент.

В 1955 году ЦРУ получило отчет от безымянного информатора, сообщавшего, что ему предложили участвовать в похищении известного военного преступника – «некоего Адольфа Эйхмана» – с целью передачи его Израилю и что Эйхман был найден, арестован и передан Визенталю, после чего тот арендовал самолет, на котором Эйхмана и доставили в Израиль. Причем, по словам информатора, операция была очень изощренной: официально самолет летел не в Израиль, а в какую-то другую страну Ближнего Востока, но прежде чем туда проследовать, сел в Израиле, высадил Эйхмана и лишь потом отправился в пункт назначения. При этом о посадке в Израиле экипаж самолета никому не сообщил и «получил за свое молчание большие деньги». Израиль, продолжал информатор уже в будущем времени, сначала объявит, что ему стало известно, будто Эйхман служит офицером в одной из арабских армий, а еще через полгода заявит, что Эйхман захвачен в плен: тем самым будет замаскирован тот факт, что его похитили в Европе. Также информатор докладывал, что за свое участие в операции получил гонорар и что Визенталь пообещал ему к тому же щедрую надбавку.

Через без малого два месяца в ЦРУ догадались, что этот отчет – не более чем розыгрыш, а информатор признался, что речь шла

не о какой-то осуществленной операции, а всего лишь о плане.

Учитывая всю эту разветвленную систему связей и взаимоотношений, нельзя исключить существование какой-то причины, побудившей Маста рассказать Визенталю, что Эйхман находился в Аргентине.

Как бы там ни было, но факт остается фактом: 24 марта 1953 года Визенталь написал израильскому консулу, что Эйхман проживает возле Буэнос-Айреса и поддерживает отношения с некоторыми обитателями расположенного в городе немецкого поселка. Это, по словам Визенталя, подтверждало информацию Валентина Тары. Еще через четыре недели он снова написал консулу и сообщил, что, как ему стало известно, во время облавы на неонацистов в ФРГ найдена переписка с Эйхманом, тоже указывающая на то, что тот находится в Аргентине.

Казалось бы, с этого момента в Израиле должны были знать, что Эйхман живет в Буэнос-Айресе, но позднее Визенталь пережил шок, когда узнал, что его письмо было похоронено в какой-то папке, поскольку никто его значения не оценил и всерьез к нему не отнесся. Будучи государством молодым и все еще сражавшимся за свое существование, Израиль интересовался будущим гораздо больше, чем прошлым, и поискам нацистских преступников внимания почти не уделял. Первоочередными израильские разведчики считали задачи совсем иные – тем более что вся серьезность Холокоста в Израиле тогда еще полностью осознана не была. Как позднее писал Моше Перельман, в целом поиски Эйхмана велись «не слишком усердно» и практически всегда на дилетантском уровне: «разнюхают там, разнюхают сям», но не более того. И, надо полагать, Перельман знал, о чем говорил: ведь он был пресс-секретарем израильской армии, директором пресс-канцелярии правительства, советником Давида Бен-Гуриона, и Бен-Гурион лично дал ему разрешение на публикацию книги. Поэтому уверенно утверждать, что в 1953 году в Израиле знали, что Эйхман находится в Аргентине, невозможно. Наверняка об этом знала только папка, в которую было подшито донесение Визенталя.

3. «ОДЕССА»

В мае 1945 года, за день или два до освобождения Визенталя из Маутхаузена, Эйхман побывал в деревне Альтаусзее, а через несколько дней был арестован американским патрулем. Его посадили в лагерь тюремного типа, но он выдал себя там за другого и сбежал сразу после того, как его помощник Дитер Вислицени упомянул имя Эйхмана в своих показаниях в Нюрнберге. С помощью друзей из СС он сумел спрятаться (сначала на юге, а потом на севере Германии), работал лесорубом, выращивал кур, а в начале пятидесятых годов тайком перешел границу Италии и добрался до Генуи, где один францисканский монах раздобыл ему паспорт на имя Рикардо Клемента и въездную визу в Аргентину.

Точно так же поступили и другие нацистские преступники, которые с помощью также различных людей, учреждений и структур (высокопоставленных католических функционеров, правительств Аргентины и других государств, разнообразных разведывательных организаций, включая американские и т. д.) перебрались в другие страны. Некоторые люди помогали им за деньги, другие – потому что рассчитывали извлечь из этого какую-то выгоду, кое-кто оказывал им гуманитарную помощь как беженцам (зачастую даже не зная, кому они помогают), а приверженцы нацистской идеологии делали это сознательно. Однако в целом это история очень запутанная и окутанная покровом тайны. Впоследствии попытки установить истину предпринимались неоднократно, но вся правда о том, как многие нацисты сумели сбежать, на свет до сих пор так и не вышла.

Вскоре после войны прошел слух о том, что существует некая тайная организация под названием «ОДЕССА», помогающая нацистским преступникам перебираться в далекие страны, и Визенталь приложил много усилий, чтобы об этой организации узнал весь мир. Скорее всего, он верил в ее существование вполне искренне, однако от кого именно о ней узнал, так никогда и не рассказал, и даже спустя много лет продолжал называть источник своей информации кодовой кличкой «Ганс». Он писал, что «Ганс» был преуспевающим западногерманским промышленником и просил его настоящего имени не раскрывать.

Они познакомились в 1948 году, в Нюрнберге. Обстоятельства, при которых «Ганс» рассказал Визенталю об организации, в разных версиях этой истории отличаются, но во всех говорится, что это была организация ветеранов СС, сокращенно именовавшаяся по-немецки «ODESSA»[5], что она

занималась тайной переправкой нацистских преступников в те или иные пункты назначения (главным образом, в Южную Америку), что эта организация была подпольной, имела связи по всему миру и действовала как хорошо отлаженный механизм. Позднее «Ганс» прислал к Визенталю своего человека, сообщившего ему некоторые дополнительные подробности, а именно что «ОДЕССА» откололась от организации аналогичного типа под названием «Паук», штаб которой находился в сирийском посольстве в Риме, и что в Риме проживает австрийский епископ Алоис Гудал, помогающий тайно переправлять нацистских преступников за границу.

По словам Визенталя, среди главарей этой организации были нацистские преступники, которых он впоследствии искал долгие годы, в частности изобретатель «грузовиков смерти», где евреев убивали выхлопными газами, Вальтер Рауф.

Поскольку Визенталь принимал участие в операциях организации «Бриха», это помогло ему понять, как «ОДЕССА» провозила нацистских преступников через границы: в грузовиках, заваливая сверху газетами, подобно тому, как пересекали границы сотни тысяч других беженцев, включая евреев, отправлявшихся в Палестину. Визенталь вычислил маршрут, по которому нацисты бежали из Германии в Италию, и обнаружил, что они использовали те же самые горные тропы, по которым водили евреев активисты «Брихи», и те же постоялые дворы, так что иногда евреи и нацисты – сами того не зная – жили одновременно в одних и тех же местах (например, нацисты – в подвале, а евреи – на первом этаже), причем и те и другие, опасаясь, что их могут обнаружить, старались вести себя очень тихо.

Не исключено, что Визенталь так настаивал на существовании «ОДЕССА» еще и потому, что американская разведка тоже допускала, что эта организация не фикция. В конце 1946 года американцы получили информацию, что некоторые называют ее «Скорцени» – по имени знаменитого эсэсовца Отто Скорцени. Правда, американцы отнеслись к этим сведениям с осторожностью, посчитав, что организация использует имя Скорцени только для помпы, а на самом деле он ее руководителем не является. Тем не менее слухи об «ОДЕССА» приходили из самых разных источников, хотя никто толком сказать не мог, о чем именно шла речь. В одном из тогдашних американских отчетов высказывалось предположение, что вывозом нацистов занимались коммунисты, и даже перечислялись несколько залихватских кличек членов организации (вроде «Кровавого Джонни»), а в другом говорилось,

что Советский Союз снабжал нацистов не только деньгами, но и наркотиками. Кстати, в том же отчете сообщалось, что на коммунистов работала некая больная сифилисом проститутка, пытавшаяся заражать американских солдат.

Один американский разведчик, работавший в Южной Германии, в городе Бамберге, доложил своему начальству, что доказательств существования «ОДЕССА» обнаружить не смог, и высказал предположение, что эта «организация» могла быть плодом чьего-то воображения, а возможно, и сознательным розыгрышем. Дело о ней он предложил закрыть.

Доказательств существования такой организации так и не было найдено; тем не менее несколько нацистских лидеров действительно исчезли, и в самом предположении, что нацисты помогали друг другу бежать и получали помощь со стороны, ничего невозможного нет. Через несколько лет после смерти епископа Гудала были опубликованы его воспоминания, и оказалось, что он и в самом деле помогал скрываться нацистским преступникам. В любом случае, пока не было доказано, что они умерли, их – как и в случае с Эйхманом – приходилось считать живыми.

4. Первый охотничий сезон

В 1947 году Визенталь случайно познакомился с одним специалистом по генеалогии и заказал ему родословную семейства Феринге́р. Он хотел разыскать капо из концлагеря Плашув Тони Феринге́ра по кличке Блондин Тони. Он вообще уделял много времени поиску преступников, издевавшихся лично над ним. В результате обнаружилось сразу несколько Феринге́ров, и один из них, двадцати четырех лет, подошел под описание. Визенталь говорит, что подослал к нему фотографа, который тайком сделал снимок, и по фотографии Визенталь его сразу опознал. Феринге́р предстал перед судом, где Визенталь выступил в качестве свидетеля обвинения, был осужден на семь лет и через три года умер в тюрьме.

Тувья Фридман, создавший в Вене первый Центр документации, писал руководству «Яд-Вашем», что уже к концу 1952 года Визенталь сумел разыскать сотни военных преступников, представших перед судом. Много лет спустя Визенталь написал Фридману письмо, в котором сообщил, что их было примерно двести.

Визенталь и Фридман находились друг с другом в постоянном – почти ежедневном – контакте и, помимо всего прочего, вместе искали евреев, работавших в «юденратах». В 1947 году Фридман послал Визенталю более восьмидесяти писем, а Визенталь Фридману – около ста. Оба они писали в деловито-формальном стиле (обычно по-немецки, но иногда и по-польски), оба делали это на официальных бланках, и оба подписывались «с сионским приветом». Содержание писем было в основном одним и тем же: они обменивались информацией о евреях, сумевших выжить, и о людях, подозреваемых в военных преступлениях, просили друг друга выяснить те или иные подробности относительно дел, которыми занимались, или взять у кого-то показания.

У Фридмана было четверо или пятеро помощников, а Визенталю помогали двое или трое добровольцев, но бо́льшую часть работы оба делали самостоятельно. Впрочем, находить свидетелей преступлений нацистов было, по-видимому, не так уж и сложно: часто люди обращались к ним по собственной инициативе. Так, два бывших узника концалегеря «Гуссен-2» сообщили Визенталю, что в гостинице «Пост» в Бад-Халле работает поваром один из охранников лагеря по кличке Ганзел. Он был очень жестоким: избивал заключенных, убивал, а особенно любил будить их, измученных каторжным трудом, по

ночам и подвергать издевательствам. Визенталь проинформировал об этом полицию и Фридмана.

В общей сложности в тот год они сообщили друг другу примерно двести пятьдесят имен подозреваемых. Позднее Фридман говорил, что один только его Центр обнаружил около шестидесяти преступников и что некоторые из них предстали перед судом в Австрии или, подобно Муреру, были выданы Советскому Союзу.

Уже в тот период Визенталю были известны имена нескольких самых жестоких военных преступников, в частности коменданта лагеря смерти Треблинка Франца Штангля и доктора Йозефа Менгеле.

Менгеле был врачом, прославившимся, помимо всего прочего, своими чудовищными медицинскими экспериментами над узниками Освенцима, и его имя было к тому времени уже широко известно. Примерно через год после окончания войны газета еврейской общины даже сообщила о его аресте и попросила читателей присылать свидетельства, но эта информация оказалась неточной. Летом 1945 года американцы действительно Менгеле арестовали, но опознать его не сумели и через несколько недель отпустили.

Однако Штангль, в отличие от Менгеле, знаменит не был, и даже сам Визенталь впервые наткнулся на его имя лишь в 1948 году, когда просматривал список старших эсэсовских офицеров, представленных к наградам. Позднее один западногерманский журналист, вернувшийся из поездки по арабским странам, сказал ему, что Штангль живет в Дамаске.

Кроме Менгеле и Штангля, Визенталь очень хотел поймать также одного из ближайших сподвижников Адольфа Гитлера Мартина Бормана.

В процессе поисков Визенталю часто приходилось взаимодействовать с прокуратурами Австрии и ФРГ, а также обращаться в действовавшие тогда в Австрии «народные суды». Эти суды были созданы после того, как 8 мая 1945 года – через три дня после освобождения концлагеря Маутхаузен – временное правительство Австрии приняло решение объявить нацизм вне закона. Через несколько недель был принят соответствующий закон.

Процессы над военными преступниками сопровождались горячими спорами о способности человека вершить справедливый суд. «Я знаю, – говорил Визенталь, – что адекватного наказания для нацистских преступлений нет. Приговоры могут быть только символическими, потому что нет пенитенциарной системы, подходящей для таких чудовищных преступлений».

Еще одна проблема состояла в том, что, в отличие от израильского закона о наказании нацистов и их приспешников, законодательства Австрии и ФРГ не считали нацистские преступления чем-то исключительным. Они относились к таким преступлениям как к обычным уголовным и судили преступников на основаниих рядовых статей уголовного кодекса. Поэтому Визенталь считал, что показания военных преступников важнее, чем полученные ими наказания. «Суды, – говорил он, – необходимы нам как исторический урок и как предостережение будущим убийцам».

Но уже через два с половиной года он чувствовал глубокое разочарование. Он ходил от прокурора к прокурору, от судьи к судье, от следователя к следователю, но никто из них этой темой заниматься не хотел. А тем временем беженцы Австрию покидали, разъезжаясь по всему земному шару, и с каждым годом брать у них показания становилось все труднее и труднее.

Статистика хорошо объясняет причину разочарования Визенталя. В Австрии и ФРГ на военных преступников было заведено около четверти миллиона дел, но лишь в десятой части случаев дело дошло до обвинительных заключений и менее половины из них закончились вынесением обвинительного приговора. При этом подавляющее большинство осужденных преступников были приговорены к коротким срокам тюремного заключения. Несколько десятков смертных приговоров, в большинстве своем не приведенных в исполнение, и пожизненных заключений, тонули в море закрытых дел, смягчений приговоров, оправданий и помилований.

Глубокую горечь вызывало у Визенталя также поведение оккупационных войск. Их военные трибуналы вынесли смертные приговоры нескольким сотням нацистских преступников, но вскоре после войны свою деятельность прекратили.

Когда Визенталь сотрудничал с американцами, он участвовал в подготовке судебных процессов, проводившихся в бывшем концлагере Дахау, где судили, в том числе, преступников из Маутхаузена, и по его подсчетам было допрошено около двух тысяч подозреваемых. Однако лишь около двухсот из них предстали перед судом, более ста были оправданы (за отсутствием доказательств или свидетелей), и большинство осужденных позднее из тюрем выпущены.

«Холодная война» привела к тому, что американцы потеряли к нацистам интерес. Уже в 1951 году они смягчили целый ряд приговоров, включая смертные, а некоторых преступников помиловали и выпустили. Им хотелось укрепить свои позиции в ФРГ, и многих нацистов они даже стали брать к себе на службу.

Доктор Карл Йозеф Фишер, служивший, как установил Визенталь, врачом в Освенциме и двух других концлагерях, был найден и арестован, но почему-то отпущен. Визенталь написал Зильбершайну, что кто-то, по-видимому, за его освобождение заплатил. При этом американские власти, судя по всему, вообще не намеревались отдавать Фишера под суд. Однако когда Визенталь хотел организовать по этому поводу демонстрацию, американцы велели ему оставить это дело в покое. Тогда он послал письмо протеста австрийскому министру юстиции.

Кроме того, американцы выдавали много въездных виз военным преступникам из России, Украины, Литвы и Эстонии. Визенталь протестовал и против этого, и его протесты публиковались в газетах.

Что касается англичан, то они делали для наказания военных преступников еще меньше.

«Самыми глупыми нацистами были те, кто после падения Третьего рейха покончили с собой», – сказал как-то Визенталь, и даже его, человека, который был убежден в недопустимости мести, в тот период начала посещать мысль, что сразу после освобождения нацистов следовало просто-напросто перебить. «К величайшему сожалению, – писал он, – в этом есть своя правда».

Формальное сотрудничество Визенталя с американскими оккупационными властями продолжалось менее двух лет, и расстались они, судя по всему, не слишком дружелюбно. Американские солдаты, победившие нацистов и освободившие узников концлагерей, вернулись домой, а те, кто пришли им на смену, не проявляли такой же степени сочувствия перемещенным лицам. У Визенталя сложилось впечатление, что они больше любовались красивыми пейзажами и развлекались с местными девушками, чем искали нацистских преступников.

В отчете американской разведки, составленном в июле 1955 года, говорится, что Визенталь не относится к американцам всерьез и считает их детьми, играющими в мировую политику. По его мнению, судьба даровала им огромную власть, но они используют ее неразумно и полагаться на них нельзя, поскольку они меняют свои взгляды, как флюгер, в зависимости от того, куда ветер дует, и находятся под слишком большим влиянием немцев.

Визенталь рассказывает, что как-то раз один из американцев спросил его, почему он не эмигрирует в Америку. «Такие люди, как вы, – сказал он, – могут сделать у нас хорошую карьеру. Нашими дорогами управляют красные и зеленые огни светофоров, но всем остальным заправляют евреи». Визенталь оскорбился, и, по его словам, именно это побудило его с

американцами порвать. Тем не менее в глубине души он так и не перестал ими восхищаться.

Разочарование Визенталя было таким сильным еще и потому, что искать военных преступников прекратили не только американцы, англичане, немцы и австрийцы, но даже еврейские организации. «В первые годы после войны, – писал он, – мы уснули. Мы занимались чем угодно, только не поиском военных преступников. Ведь как известно, у евреев не было на это денег». По его оценке, от наказания сумели уйти девяносто процентов преступников, и «когда-нибудь, – говорил он, – нам придется за это оправдываться».

В Австрии розыском военных преступников не занимался даже Всемирный еврейский конгресс, и один из его руководителей, Оскар Карбах, объяснил Визенталю, что на то были причины политического свойства. Австрия, по его словам, нужна была всему миру как нейтральная страна, где можно было устраивать встречи между представителями Западного и Восточного блоков, а на фоне чудовищных процессов над нацистскими преступниками работа международных организаций, включая ООН, была бы невозможна.

Хотя Карбах этого и не написал, но нейтральная Вена была также идеальной площадкой для шпионской деятельности. В таком «плацдарме» нуждались все. «Я не удивлюсь, – писал он, – если в будущем какой-нибудь историк обнаружит, что австрийцы получили четкий приказ не относиться к судам над военными преступниками всерьез», – и добавил, что Визенталю, наверное, известно об этом лучше него самого.

5. Провал

Сообщив израильскому консулу, что Эйхман живет в Аргентине, Визенталь находился на седьмом небе от счастья: он был уверен, что Израиль начнет действовать немедленно. Он представлял себе, как к нему придут и попросят адрес информатора в Буэнос-Айресе, как он еще раз навестит барона Маста и как барон не только не откажется помочь, но, возможно, даже даст ему рекомендательное письмо, после чего кто-нибудь сразу отправится в Буэнос-Айрес, чтобы найти Эйхмана. Может быть, думал Визенталь, это будет израильский разведчик, а может быть, какой-нибудь южноамериканский еврей, действующий по поручению Всемирного еврейского конгресса. Свое дело Визенталь сделал, но он понимал, что продолжать искать Эйхмана самостоятельно больше не сможет: для этого требовалось вмешательство государственных инстанций. Однако прошел год, но не произошло ровным счетом ничего.

В марте 1954 года в Линц приехал консул Эшель и сказал Визенталю, что президент Всемирного еврейского конгресса Нахум Гольдман просит прислать ему отчет о ходе расследования по делу Эйхмана. С этой просьбой Гольдман обратился к консулу еще несколькими месяцами ранее, пояснив, что она исходит от американской разведки, и израильский дипломат пообещал ему поговорить с Визенталем, однако сделать этого так и не собрался и в результате получил от Гольдмана еще одно письмо, где тот упрекал его за медлительность. «Американскую разведку, – писал Гольдман, – интересует любая информация по этому делу, которую консул может ей предоставить».

Визенталь поспешил изложить все, что ему было известно об Эйхмане. Гольдман был человек очень влиятельный, и со столь важной персоной ему еще никогда контактировать не приходилось. При этом, понимая, какая большая ответственность на нем лежит, Визенталь постарался быть осторожным в формулировках. «Я, – писал он, – разумеется, не могу поручиться на сто процентов, что Эйхман действительно находится в Аргентине или что он находился там в 1953 году, но все признаки убеждают меня в том, что дело обстоит именно так».

Внезапный интерес ЦРУ к Эйхману объяснялся, естественно, не тем, что оно вдруг испытало страстное желание свершить справедливость, а скорее причинами иного – в первую очередь политического – свойства. Спровоцирован этот интерес был отчасти и самим Визенталем, когда он заявил, что Эйхман поддерживает тесные связи с палестинским муфтием (о чем

говорил также в свое время Всемирный еврейский конгресс), в связи с чем родилась теория, что нацистские военные преступники прячутся в арабских странах, чтобы продолжать оттуда делать то, что они начали в Освенциме. Однако не все, что публиковалось на эту тему, соответствовало действительности, и по крайней мере одно известие такого рода – как не без доли лукавства признался Визенталь в письме своему знакомому – было сфабриковано. «Сообщение о том, что Эйхман находится в Каире, – писал он, – было высосано из пальца». Родилась эта утка, по его словам, так. Однажды в гости к нему пришел его старый приятель, корреспондент информационного агентства Юнайтед Пресс, и, решив, что пришло наконец время «подыскать для арабов подходящего союзника», они сочинили новость о том, что Эйхман позвонил своей семье из Каира. В своем письме Визенталь не без удовольствия рассказывает, как с австрийского радио новость перекочевала в израильские газеты и как – с помощью других информационных агентств – она быстро разнеслась по всему миру, от Берлина до Москвы. «Думаю, – с гордостью заключает он, – что тем самым я оказал еврейскому делу важную пропагандистскую услугу».

В июне 1953 года была опубликована еще одна новость такого рода. Согласно ей, Эйхмана в компании с бывшим муфтием видели в районе Дамаска. Это сообщение привлекло внимание главы нью-йоркской ешивы «Мир» раввина Авраама Калмановича, и он сразу же обратился к президенту США Дуайту Эйзенхауэру с эмоциальным письмом, в котором попросил Эйхмана арестовать.

Ешива «Мир» существовала уже более ста лет и считалась одной из лучших в Восточной Европе, а сам Калманович еще в возрасте двадцати с небольшим был признан выдающимся знатоком Торы и духовным лидером. В 1940 году ему удалось добраться до Нью-Йорка, и он сумел организовать оттуда переправку учащихся ешивы в Японию и Китай, а после войны добился для них разрешения на приезд в Нью-Йорк, и ешива возобновила свою работу.

Одновременно с письмом президенту США Калманович направил также послание американскому государственному секретарю, и на оба своих послания получил один ответ. «Как известно, – говорилось в нем, – Соединенные Штаты Америки не имеют права арестовывать людей в других странах, а где находится Эйхман и что он делает, неизвестно; поэтому у нас нет никаких оснований обращаться по этому поводу к какому-либо государству или предпринимать в этом отношении что бы то ни было другое».

Калмановича, однако, этот ответ не удовлетворил, и в результате на свет появилась пухлая папка, заполненная его перепиской с американским Министерством иностранных дел. «Этот человек, – писал раввин сотруднику министерства, приславшему ему ответ, – является серьезной угрозой для всех народов мира, борющихся за демократию». Главным тезисом Калмановича было утверждение, что, вступив в союз с арабами, Эйхман представляет опасность для Государства Израиль.

Но письмами президенту и в министерство Калманович не ограничился. Он также уговорил целый ряд сенаторов и членов конгресса обратиться к директору ЦРУ Аллену Даллесу. Обращений – как письменных, так и по телефону – поступало все больше, и Калмановича пригласили для беседы с одним из сотрудников ЦРУ. Но хотя раввин говорил очень страстно и предупреждал об опасности второго Холокоста, чиновники отреагировали на его тирады с ледяным равнодушием. Тем не менее, поскольку за Калмановича хлопотали сенаторы и конгрессмены, обидеть раввина категорическим отказом в ЦРУ не решились.

Нахум Гольдман оказался замешан в эту историю либо потому, что ему написал по этому поводу Калманович, либо потому, что к нему обратился один из тех политиков, которых раввин пытался заинтересовать, но, судя по всему, он тоже отнесся к этому делу как к досадной головной боли, и, когда Калманович написал ему, что Эйхман – главный фактор, из-за которого арабские страны нападают на Израиль, особого впечатления на него это, по-видимому, не произвело. Тем не менее связи Калмановича в ЦРУ возымели эффект, и в результате Гольдман попросил-таки израильского консула в Австрии прислать ему информацию об Эйхмане.

Получив отчет Визенталя, Гольдман передал его Калмановичу, а на следующий день сообщил ему, что получил также информацию из Берлина, согласной которой Эйхман находится в Сирии. Особо надежной он эти сведения не считал, но попросил передать соответствующим инстанциям в Вашингтоне и их тоже. Калманович направил все материалы Аллену Даллесу. В сопроводительном письме он, правда, назвал только Сирию, а про Аргентину умолчал, но в письме, которое параллельно послал в Министерство иностранных дел, упомянул оба этих государства.

Таким образом, начиная с этого момента, и в США могли знать, что Эйхман скрывался в Аргентине: ведь письмо Визенталя находилось теперь в распоряжении американцев. Однако в Вашингтоне поступили так же, как в Тель-Авиве: подшили

материал в папку, но хода делу не дали. Тем не менее никаких оснований утверждать, что американцы не желали ловить Эйхмана сознательно, нет. Просто, как и у израильтян, у них были другие приоритеты.

Визенталь обо всем этом ничего не знал. Просьба лидера сионистского движения, переданная ему израильским консулом, вселила в его сердце большие надежды. Скоро, думал он, дело наконец-то сдвинется с мертвой точки, и поимка Эйхмана – теперь уже вопрос нескольких дней. Но прошло две недели, а ответ из Нью-Йорка все не приходил. Визенталь недоумевал. Может, его письмо пропало по дороге? Или затерялся посланный ему ответ?

Прошло четыре недели, а Нью-Йорк по-прежнему молчал. Тем не менее Визенталь все еще продолжал надеяться, что Гольдман пришлет к нему своего агента и они вместе поедут к барону Масту, чтобы узнать адрес информатора из Буэнос-Айреса. Несколько раз он обращался к консулу, и тот советовал ему запастись терпением. Однако постепенно его терпение начало иссякать. «Девять лет я трудился над тем, чтобы найти Эйхмана, – писал он позднее. – Я действовал в одиночку и почти без посторонней помощи. И вот, когда доктор Гольдман проявил к моей деятельности интерес и изъявил готовность Эйхмана поймать, я предоставил в его распоряжение все свои материалы, добытые за все эти годы кропотливым трудом и ценой страшного нервного напряжения». Гнев Визенталя не знал границ. «Я, – писал он, – делал ошибки и даже глупости, не раз терпел неудачи, но теперь наконец-то добился успеха! Я знал, где находится Эйхман и где он работает. Я добрался до человека, знакомого с человеком, видевшим Эйхмана своими глазами и знавшим еще одного человека, который даже с Эйхманом разговаривал. Действовать, таким образом, нужно было немедленно, и имелись серьезные шансы на успех. А в ответ – полная тишина».

Можно только догадываться, что бы сказал Визенталь, если бы узнал, как обошлись с его письмом Гольдману в ЦРУ. Это был шестистраничный документ, написанный по-немецки. Визенталь изложил в нем биографию Эйхмана, рассказал о своих попытках его поймать, а на предпоследней странице объяснил, почему считает, что тот находится в Аргентине. К письму он приложил копию личного дела Эйхмана с многочисленными документами, тоже на немецком языке.

В архиве ЦРУ перевода письма Визенталя на английский язык нет, и вполне возможно, что прав начальник Отдела особых расследований американского Министерства юстиции Эли

Розенбаум, считающий, что этого письма никто не читал. Исер Харэль тоже впоследствии утверждал, что копии письма Визенталя Гольдману никогда не видел.

В сентябре 1954 года прошел слух, что боевая ячейка израильских мстителей Эйхмана убила. По-видимому, источником этого слуха послужила ошибочная информация, опубликованная в израильской газете «Гаарец». Визенталь поспешил сообщить Гольдману, что это неправда. Он очень нервничал, начал учить испанский язык, купил карту Аргентины и следил за всеми поступавшими оттуда новостями. По его собственным словам, это было настоящее «аргентинское безумие». И тут он получил письмо из Нью-Йорка от какого-то раввина, с которым знаком не был и имя которого ему ничего не говорило. Калманович писал ему, что получил от Гольдмана присланные им материалы и просил сообщить ему адрес Эйхмана в Аргентине, как если бы это была какая-то малозначительная деталь, которую Визенталь почему-то забыл указать. Визенталь ответил, что адрес можно выяснить, послав кого-нибудь в Буэнос-Айрес; это, писал он, обойдется максимум в пятьсот долларов, а то и меньше. Однако Калманович ответил, что сначала хотел бы получить более конкретную информацию. Так они до поздней осени 1954 года друг с другом и переписывались, однако, кроме раввина, Визенталю больше никто не написал и он, по его словам, понял, что искать Эйхмана никто не собирается. «Я, – пишет он, – был потрясен до глубины души». Гольдману он этого так и не простил.

Казалось бы, даже из чистого любопытства Визенталь мог – и даже должен был – еще раз поговорить с бароном Мастом, но, пока он ждал, что поисками Эйхмана займутся израильтяне или Всемирный еврейский конгресс, или кто-нибудь, по крайней мере, проинструктирует его, что ему делать, он старался от каких-либо самостоятельных шагов воздерживаться. По его словам, однажды он увидел барона в каком-то кафе, но подходить к нему не стал. Лишь спустя несколько лет он все же поехал к Масту еще раз, но ему сказали, что тот уже, к сожалению, умер.

В одном из черновиков своего рассказа о погоне за Эйхманом Визенталь пишет, что молчание Гольдмана привело его к решению закрыть Центр документации и прекратить поиски нацистских преступников. «Для меня, – пишет он, – с этим было покончено». Через два года после этого он упаковал свой архив в два ящика и послал их в Иерусалим, в мемориал «Яд-Вашем». В ящиках были сотни папок, десятки тысяч документов, картотека с именами трех тысяч уцелевших узников концлагерей и книги. С сотрудниками мемориала он был знаком лично и находился в

хороших отношениях. За свой архив он хотел получить деньги и поручил договориться об этом Тувье Фридману, который жил уже тогда в Израиле и был одним из сотрудников мемориала. Фридман выполнил поручение Визенталя добросовестно и оценил архив в пять тысяч долларов. Сам Визенталь считал, что тот стоит меньше. Он написал, что если бы мог себе это позволить, то отдал бы архив бесплатно, и попросил за него две тысячи четыреста долларов, включая упаковку и пересылку. «Яд-Вашем» предложил две тысячи. Фридман, со своей стороны, попросил Визенталя помочь ему продать еврейской общине Вены собранные им исторические документы, и на этой почве они поссорились.

Через несколько дней после отправки архива в Иерусалим Визенталь получил письмо от сотрудника Всемирного еврейского конгресса Нехемии Робинсона, который спрашивал, можно ли на Фридмана положиться. Судя по всему, Фридман пытался устроиться в конгресс на работу. Визенталь ответил, что Фридман самоотверженно занимался поиском нацистских преступников и, «несмотря на свои ограниченные умственные способности», работал – дабы «восполнить недостающее» – с энтузиазмом и прилежно. Формулировки Визенталь всегда выбирал тщательно, так же он поступил и на этот раз. Из его письма явствовало, что главную работу делал он, Визенталь, а Фридман только «восполнял недостающее» (несмотря на всю свою ограниченность).

Кроме того, он написал Робинсону, что однажды его предупредили, будто с Фридманом иметь дело не стоит. Израильский консул и один из сотрудников службы безопасности консульства сказали ему, что Фридман поддерживает тесные контакты с советскими представителями в Вене. Визенталь провел проверку и выяснил, что в конце войны Фридман служил в польском отделе тайной полиции Советского Союза, НКВД. «Возможно, когда Фридман жил в Вене, – предположил Визенталь, – русские его шантажировали и требовали оказывать им всяческие услуги». Известно, например, что, несмотря на свой статус беженца, он неоднократно бывал в польской дипломатической миссии и безо всякой опаски несколько раз посещал советскую зону оккупации в Вене. По словам Визенталя, самому Фридману он о предупреждении израильтян не рассказал, и тот время от времени просил у него информацию о военных преступниках, а он, Визенталь, чем мог, ему помогал.

В конце письма Визенталь сообщил Робинсону, что обратился в Комиссию по претензиям, созданной еврейскими организациями, чтобы рассматривать просьбы о компенсации от Германии, и попросил денежной помощи для изучения работы

почты в еврейских гетто во время войны. «Может быть, вы не знаете, – писал он, – но в области филателии я специалист».

Закрыв Центр документации в Линце, Визенталь, по его словам, подвел итоги своей работы, и оказалось, что собранная им за почти восемь лет информация позволила допросить и арестовать около восьмисот военных преступников.

Глава седьмая. «Надеюсь, вы пришли не ко мне»

1. Тайна озера

Когда дети спрашивали дочь Визенталя, чем занимается ее отец, Паулинка терялась, поскольку сама этого толком не знала, и отвечала, что он журналист. Это было не так, но его сотрудничество с американской разведкой, участие в аресте нацистских преступников, работа с беженцами и контакты с властями действительно заставляли его входить в соприкосновение с прессой.

Человек пытливый, въедливый, трудолюбивый и наделенный великолепной памятью, он любил знать больше других, любил рассказывать и удивлять, любил вступать в поверхностные и ни к чему не обязывающие отношения с новыми людьми и часто уговаривал журналистов проводить для него разного рода детективные расследования. Однако иногда он публиковался в прессе и сам. Особое пристрастие он питал ко всякого рода загадкам.

Как и многих других людей, его заинтриговали слухи о сокровищах, спрятанных нацистами в озере Топлиц, возле Альтаусзее. Это маленькое, но очаровательное озеро прячется между заснеженными вершинами величественных, окутанных вечным покоем гор, а его поверхность, в которой отражаются синее небо, серые склоны гор и покрывающая берега зеленая растительность, словно скрывает под собой какую-то тайну.

Визенталь был одним из первых, кто заинтересовался сокровищами Топлица; они привлекли его внимание еще тогда, когда он работал на американскую разведку.

Документы, свидетельские показания, а главным образом слухи породили теорию, согласно которой незадолго до своего поражения нацисты решили позаботься о том, чтобы после войны у них были средства, которые позволили бы им существовать, перебираться в другие страны, а возможно, и когда-нибудь снова вернуться к власти. По словам Визенталя, он видел, скопировал, но, к сожалению, не сохранил протокол совещания на эту тему. В этом совещании, состоявшемся в августе 1944 года в Страсбурге, в отеле «Мезон-Руж», принимали участие несколько нацистских главарей. По их мнению, Германия должна была вот-вот потерпеть поражение, и они считали, что необходимо зарезервировать средства для финансирования бегства лидеров режима в другие страны, в том числе при помощи организации «ОДЕССА». Впоследствии, правда, некоторые высказывали сомнение, что такое совещание действительно имело место и что нацисты прятались с помощью какой-то организации, но

протокол, который видел, по его словам, Визенталь, существует, и даже генерал Дуайт Эйзенхауэр (впоследствии ставший президентом США) считал его документом весьма любопытным. Разумеется, этот протокол мог быть и фальшивым, но Визенталь этого не знал и в существование страсбургского плана финансирования бегства нацистов верил так же искренне, как и в существование организации «ОДЕССА».

В августе 1946 года он опубликовал статью о сокровищах Топлица в местной газете – причем сделал это, по его словам, по инициативе своего начальства в КК, которое надеялось, что на публикацию отреагируют читатели и это поможет продвижению расследования. Но хотя читатели, как утверждает Визенталь, на статью в самом деле отозвались, американцы все их отклики из редакции изъяли, и ему самому их прочитать не удалось.

Неизвестно, была ли именно эта его статья причиной распространившихся слухов о немецких сокровищах, но на определенном этапе все уже знали, что незадолго до своего поражения нацисты утопили в озере двадцать ящиков с золотом, драгоценностями и денежными купюрами стоимостью в миллионы долларов. Возможно, Визенталь надеялся, что в этих ящиках есть также секретные документы; они представляли для него особый интерес. О сокровищах он узнал в том числе от своего знакомого Валентина Тары, отставного полицейского из Альтаусзее, с которым они предавались фанатазиям о том, как эти сокровища найдут.

В 1951 году Визенталь продал серию статей на эту тему выходившей в Нью-Йорке еврейской газете «Ауфбау».

Сокровища привлекали к берегам озера искателей приключений из многих стран мира и породили бесчисленное количество публикаций в прессе. Журналисты писали о лежавших на дне озера матрицах для печатания фальшивых долларов, о таинственных водолазах и парашютистах, прыгавших в озеро и бесследно в нем исчезавших, а также о любопытствующих, которые либо падали с окружающих озеро скал сами, либо их кто-то сбрасывал, и они, так и не успев разгадать тайну, разбивались насмерть.

Интересовали Визенталя и другие награбленные нацистами сокровища.

Однажды французский суд в Инсбруке приговорил к тюремному заключению нескольких крестьян, нашедших в лесу девять ящиков с золотом и драгоценными камнями и не сообщивших об этом властям. Клад был конфискован в пользу государства. Визенталь сообщил об этом Зильбершайну и предложил потребовать передать этот клад какой-нибудь

еврейской организации, поскольку ценности, по его мнению, были отобраны у евреев.

В начале 1954 года ему стало известно о каких-то сокровищах, украденных нацистами у неевреев, и он обдумывал возможность сообщить о них властям, чтобы получить вознаграждение. За советом он обратился к Фанни Зильбершайн, которая после смерти мужа, последовавшей в 1951 году, продолжала финансировать Визенталя. Речь, писал Визенталь, идет о семи ящиках с золотом, хранящихся в Швейцарии, и евреям принадлежала лишь незначительная его часть. По его словам, он хотел заключить соглашение с правительством Швейцарии, которое гарантировало бы ему получение определенного процента от стоимости клада, и просил вдову Зильбершайна связать его с хорошим адвокатом.

Через несколько лет после этого он рассказал о сокровищах озера Топлиц израильскому послу Ехезкелю Саару, и тот выразил удивление тем фактом, что «власти Австрии не проявляют инициативы, чтобы поднять ящики со дна». А еще через какое-то время он написал по аналогичному поводу в мемориал «Яд-Вашем» и получил оттуда эмоциональное благодарственное письмо, где говорилось, что его информация передана «обладающей соответствующими полномочиями правительственной инстанции», под которой, по-видимому, подразумевался ШАБАК. Позднее, правда, он пожалел, что сделал это безвозмездно.

Как бы там ни было, но тайна озера так и осталась нераскрытой. В книге о погоне за Эйхманом Визенталь говорит, что клад на дне озера интересовал его на самом деле не слишком и был всего лишь предлогом, чтобы объяснить свои приезды в Альтаусзее. «Почему бы мне не сделать вид, – писал он, – что я занимаюсь поиском кладов в районе Аусзее и не использовать этот предлог, чтобы продолжать поиски Эйхмана?» А еще через несколько лет он написал: «Есть основания предполагать, что настоящий клад в озере Топлиц никогда и не находился… Судя по всему, это озеро было упомянуто больше для создания романтического ореола, чтобы разбередить воображение публики».

Визенталь был неисправимым любителем тайн, и не меньше, чем тайну озера Топлиц, ему хотелось разгадать также загадку нацистского зла. Это была навязчивая потребность, преследовавшая его всю жизнь, и в этом отношении он был буквально ненасытен. Впрочем, в этом своем желании он был не одинок: разгадать загадку нацизма пытались тогда многие. По сути, Визенталем-журналистом руководили те же мотивы,

которые побудили в свое время Вильяма Ширера написать книгу «Взлет и падение Третьего рейха». Как и Ширеру, Визенталю тоже хотелось стать невидимкой, незаметно проникнуть в кабинет Гитлера, увидеть и услышать все, что там происходило, и рассказать об этом другим. Но хотя он и придавал важное значение даже самым мелким деталям и всегда старался факты проверять, тем не менее его публикации часто оказывались неточными. Иногда он, правда, сознательно наводил тень на плетень, но временами писал и такие вещи, которые попросту не соответствовали действительности: например, в своих статьях о том, как нацисты перерабатывали трупы евреев на мыло. Позднее он эту ошибку исправил, но в пятидесятые годы искренне в это верил – возможно, потому, что в те времена было принято акцентировать внимание на чудовищности нацистских злодеяний.

Его статьи – под псевдонимом «доктор Симони» – публиковались в местной ежедневной газете, в «Ауфбау» и в газете еврейской общины Вены, а некоторые из них – в Израиле. Помимо всего прочего, он публиковал статьи о событиях в арабском мире. Однако, как правило, он писал об уроках Холокоста и о нуждах перемещенных лиц.

2. Свой и чужой

В начале пятидесятых годов Визенталь начал работать в двух еврейских благотворительных организациях – «ОРТ» и «Джойнт», – а также сотрудничать с американским «Обществом помощи еврейским иммигрантам». Таким образом, хотя формально он и был теперь уже гражданином Австрии, тем не менее его работа была связана только с евреями, а зарплату он получал от организаций, чьи штаб-квартиры находились за границей. Иными словами, в сво ей стране он был одновременно и своим, и чужим.

К тому времени количество перемещенных лиц в Австрии сильно уменьшилось и большинство лагерей закрылось, но еврейские беженцы тем не менее время от времени прибывали – в частности, во время событий в Венгрии и Польше в 1956 году. В основном они жили в окрестностях Линца, в лагере «Астен». Подобно беженцам периода «Брихи» и бывшим узникам концлагерей, в большинстве своем они тоже из Австрии уехали, но, пока они там находились, «ОРТ» и «Джойнт» оказывали им помощь.

Организация «ОРТ» была создана в России в 1880 году, и ее название расшифровывается как «Общество ремесленного труда». Первоначальной задачей общества было обучение российских евреев сельскохозяйственным и другим профессиям. В австрийских лагерях для перемещенных лиц эта организация по договоренности с правительством США занималась профессиональной подготовкой беженцев.

Визенталь работал в «ОРТ» директором программ профессионального обучения в лагере «Астен» и в прилегающих к нему районах. В его обязанности входили организация курсов профессиональной ориентации, набор на эти курсы учащихся и административный контроль за преподавателями. Несколько сот беженцев приобрели на курсах специальности радиотехника, библиотекаря, повара, механика, портного, счетовода, фотографа, а также множество других профессий, дававших им возможность прокормиться и начать жизнь на новом месте. Однако, судя по сохранившимся документам, своей работой в «ОРТ» Визенталь был неудовлетворен. По-видимому, она не слишком его интересовала, и, кроме того, между ним и начальством существовала постоянная напряженность. Он был нетерпелив, и его раздражал слишком педантичный, как ему казалось, контроль за его деятельностью, а начальство, в свою очередь, утверждало, что его отчеты, включая финансовые, были неточными, и

постоянно возвращало их ему на доработку. Объяснялось это тем, что «ОРТ» являлась субподрядчиком правительства США, требовавшим, чтобы все отчеты были точными, но, судя по переписке Визенталя с начальством, оно действительно к нему придиралось. Более того, оно даже подозревало его в финансовых нарушениях.

Однажды секретарша венского офиса «ОРТ», госпожа Гольдман, упрекнула Визенталя в том, что любые замечания он воспринимал как «личные нападки на себя», но он ненавидел, когда ему делали выговоры – особенно какие-то там секретарши, – и ответил письмом, полным сарказма, за что получил еще один выговор, на этот раз уже от директора «ОРТ» господина Гольдмана. «Стиль вашего письма, – писал тот, – потряс меня до глубины души…». Он охарактеризовал поведение Визенталя как неподобающее и потребовал от него соблюдать правила этикета, принятые при общении подчиненных со своими начальниками, но «одинокий волк» и эгоцентрик Визенталь терпеть не мог, когда ему указывали, и прижиться в «ОРТ» в конечном счете так и не смог.

Начиная с 1948 года, Визенталь сотрудничал также с «Джойнтом». Эта американская организация была создана в 1914 году, чтобы спасти от голода евреев Палестины, но затем, как и «ОРТ», распространила свою деятельность на другие страны и стала оказывать помощь всем евреям, оказавшимся в трудном положении. В связи с притоком в Австрию новых беженцев из Восточной Европы работы было много: надо было людей принимать (иногда по ночам), поселять в гостиницы и удовлетворять их различные нужды, включая оказание медицинских услуг. Беженцы получали суточные, талоны на покупку одежды, а также индивидуальную помощь: кому-то требовались очки для чтения, а кому-то – протез для ноги; кто-то хотел уехать – и не куда-нибудь, а именно в Швецию, а кто-то нуждался в лечении от алкоголизма.

Сохранившиеся документы показывают, что Визенталь занимался в «Джойнте» именно тем, что ему нравилось больше всего: живыми людьми и их личными драмами. Если в «ОРТ» он выполнял скучную административную работу, то его должность в «Джойнте» требовала личной инициативы, умения импровизировать, знания человеческой психологии, подозрительности и сострадания. Как и в годы работы с перемещенными лицами, он снова получил возможность влиять на судьбы других людей.

Ко многим беженцам Визенталь относился с отеческой теплотой, но иногда ему приходилось проявлять и чиновничью

властность. «Мое письмо, – писал он беженцу по фамилии Зоненшайн, – не доставит вам удовольствия. С первого дня нашего знакомства вы жалуетесь, что вам не хватает получаемого от “Джойнта” пособия. А ведь вы знаете, что “Джойнт” относится к вам лучше, чем к другим». Объяснив далее Зоненшайну, что в его бедственном положении виноват отнюдь не «Джойнт», Визенталь посоветовал ему признать этот факт раз и навсегда, «взять себя в руки» и «стать – хотя бы отчасти – хозяином своей судьбы». «Я знаю, – писал он, – что вы уже предпринимали многочисленные попытки и что они закончились неудачей, но не хотел вам об этом напоминать, чтобы у вас не опустились руки». Он порекомендовал Зоненшайну найти делового партнера, взять ссуду, полагалавшуюся ему как беженцу, открыть какой-нибудь бизнес и прекратить свой «ежемесячный скулеж».

Целый ряд проблем, которые приходилось решать Визенталю, были связаны с тем, что некоторые из беженцев являлись верующими. Например, еврейская община Инсбрука попросила у «Джойнта» денежной помощи в связи с тем, что беженец по имени Бернард Прухт, прибывший из Румынии и сидевший в это время в тюрьме по подозрению в контрабанде, был верующим и мог есть только кошерную пищу, но у общины не было на это средств. Еще одна община просила отремонтировать микву. Третья же просила купить ей новую Тору, так как у нынешней выцвели буквы и ее стало невозможно читать. Помог однажды Визенталь и жившим в лагере пятнадцати одиноким верующим, которым не хватало пособия «Джойнта». Сначала он попытался поселить их у других людей, а когда из этого ничего не вышло, попросил увеличить им пособие.

Иногда в лагерь приходили представители религиозных благотворительных организаций и частные благотворители и раздавали беженцам деньги. Визенталь писал, что когда это видел, то с трудом сдерживался, чтобы не выйти из себя.

Многие беженцы проявляли неблагодарность и пытались «Джойнт» обмануть. Например, некоему Мелеху Коэну, уехавшему из Австрии в ФРГ и там женившемуся, «Джойнт» не только оказал денежную помощь, но и приобрел квартиру за несколько тысяч долларов, однако через некоторое время Коэн вернулся в Австрию, заявил, что с женой (которая была нееврейкой) разводится, и сказал, что хочет оставить квартиру в ФРГ ей. Однако Визенталь ему отказал. По его мнению, не было никаких оснований позволять Коэну распоряжаться по своему усмотрению квартирой, приобретенной для него «Джойнтом». Он выяснил, что женитьба Коэна была частью какой-то сделки, которая сорвалась, и понял, что с помощью квартиры Коэн

просто-напросто хотел возместить женщине понесенные ею убытки.

Во время работы в «Джойнте» Визенталю приходилось также заниматься инцидентами антисемитского характера и реагировать на враждебные публикации в газетах, как, например, на статью, в которой говорилось, что Израиль платит венгерскому правительству деньги, чтобы оно позволяло евреям выезжать из страны, по нескольку сотен долларов за человека. Это былой правдой, но израильское правительство хотело сохранить данный факт в тайне.

Благодаря работе в двух благотворительных еврейских организациях материальное положение Визенталя улучшилось.

Сотрудничал он также с «Американским еврейским комитетом», занимавшимся защитой прав евреев по всему миру. Комитет регулярно заказывал ему отчеты о положении евреев Австрии и платил за это небольшую сумму: 35 долларов в месяц.

Поначалу Визентали жили в маленькой квартире в рабочем квартале в южной части Линца, но уже тогда у них была домработница, католичка из Югославии. Ее сын, Гелмар Сартор, считал, что мать работала у богачей. Во время войны они с сыном друг друга потеряли, но, когда она приехала в Линц и начала работать у Визенталя, тот с помощью своих связей в Красном Кресте Гелмара разыскал и привез в Линц. Гелмар рассказывал впоследствии, что мать делала всю работу по дому – убирала, гладила, готовила, а о самом Визентале вспоминал с симпатией. Он был ему как отец, а Паулинка – как сестра.

Визенталь зарабатывал на жизнь также в качестве посредника и занимался возвратом украденного у евреев имущества.

Как-то раз один уцелевший во время Холокоста еврей повстречал на улице эсэсовца-австрийца, конфисковавшего у него когда-то в Кракове имущество. Однако в суд австриец идти не хотел, так как это могло занять много времени и стоить больших денег, и согласился на предложение обратиться к Визенталю в качестве третейского судьи. Австриец торговал с американскими оккупационными властями и желал, по-видимому, это дело поскорее замять. Визенталь постановил, что тот должен вернуть еврею радиоприемник, часы и золотую табакерку.

В конце 1950 года Визенталь вел переговоры о продаже дома, принадлежавшего родственникам его жены. Он представлял сторону хозяев дома. Этот дом, находившийся в Верхней Австрии в курортном городе Гойзерн, был у них при нацистах конфискован, а сами они бежали в Великобританию. После войны там некоторое время располагалась больница для бывших узников концлагерей. При посредничестве Визенталя дом был

продан местной больничной кассе. Позднее его перепрофилировали под санаторий.

Хранящиеся в архиве Визенталя юридические документы свидетельствуют также о том, что он выступал в качестве представителя владельцев имущества, чьи наследники проживали в Израиле.

Все это, конечно, не сделало Визенталя богачом. Книги его в то время еще бестселлерами не были, а лекции, с которыми он время от времени выступал, и статьи, которые он писал, больших доходов не приносили. Однако жили Визентали в достатке. В конце 50-х годов они начали получать также ежемесячные компенсации из ФРГ за страдания, перенесенные в лагерях. По словам Визенталя, сам он эти деньги брать не хотел, но жена сказала ему, что они обязаны сделать это ради дочери, тем более что другие тоже берут. Как показывают документы, получению компенсации предшествовала долгая юридическая волокита.

В те годы у Визенталя уже была собственная машина. В его архиве сохранились документы на автомобиль фирмы «Ситроен».

Время от времени Визентали ездили в отпуск в курортный город Бад-Ишль и брали с собой домбработницу вместе с ее сыном.

3. Интриги на Вифлеемской улице

Работая с беженцами, разыскивая нацистских преступников и занимаясь множеством других дел, Визенталь принимал также активное участие в жизни крошечной еврейской общины Линца, которая даже в начале 50-х годов насчитывала всего около пятисот человек, а к 1960 году уменьшилась до ста пятидесяти шести. Беженцы, находившиеся в городе временно – по пути в другие страны, – членами общины не считались.

С каждым годом участие Визенталя в жизни общины становилось все более активным, а его вес в ней более заметным. В течение долгого времени он вел политическую и юридическую борьбу за то, чтобы перемещенным лицам тоже было даровано членство в общине и право голосования. В 1957 году его избрали вице-президентом. В качестве такового он занимался повседневными делами общины, офис которой находился в маленьком доме на Вифлеемской улице, включая решение культурных и религиозных вопросов, но наряду с этим исполнял обязанности пресс-секретаря, отвечая за контакты с прессой и правительственными учреждениями. Один раз он даже порекомендовал главе венской общины укоротить свои сообщения для прессы, поскольку журналисты, мол, имеют обыкновение друг у друга списывать, и чем короче будут сообщения, тем меньше в них в процессе переписывания вкрадется ошибок.

Однако атмосфера, царившая на Вифлеемской улице, была ужасной, и большая часть времени уходила у Визенталя на интриги и разборки. Активисты общины постоянно друг под друга «копали», делали все, чтобы друг друга подставить, обвиняли друг друга в жульничестве, коррупции, шантаже, взяточничестве и сексуальных домогательствах, оскорбляли, угрожали и подавали в суд за клевету. Время от времени враждующие лагеря пытались переманить на свою сторону израильских дипломатов.

Визенталь принимал в этом участие чуть ли не с первого дня своего пребывания в Линце. В 1949 году он послал возмущенное письмо консулу Курту Левину, подвергшему его критике. В действительности, насколько можно судить, консул высказался по поводу совсем другого человека, но, поскольку тот был сторонником Визенталя, последний воспринял критику как адресованную ему лично. «В первый раз меня охаивают публично, – писал он в своем письме, – и это тем более обидно, что вы сделали это как израильский консул».

Следующий консул послал в Министерство иностранных дел в Иерусалиме подробное описание кампании травли Визенталя, которую развязали его противники в общине и которую сам Визенталь именовал «гнусной». В рамках этой кампании его враги написали на него донос руководству «Джойнта» – в надежде, что его уволят, – а он, в свою очередь, пожаловался на них губернатору Верхней Австрии Гляйснеру.

«Не знаю, как охарактеризовать этих людей точнее – как преступников или как идиотов», – написал он однажды о своих противниках и, описывая царящую в общине атмосферу, использовал слово «кошмар». Однако свою деятельность он прекращать не собирался; наоборот, Визенталь был решительно настроен своих врагов – или, как он выразился, «обманщиков» – уничтожить.

В качестве пресс-секретаря Визенталь был склонен делать заявления более резкие, чем другие руководители общины, а также требовал вести более решительную борьбу с антисемитизмом, однако его коллеги предпочитали эту тему не акцентировать и утверждали, что он наносит евреям ущерб и даже подвергает их жизнь опасности. В ответ Визенталь обвинил их в пресмыкательстве.

Он утверждал, что главы общины продавали властям ее собственность, включая участки на кладбищах, по заниженной цене, и упрекал их в том, что из желания угодить Социал-демократической партии Австрии они согласились отказаться от требования выплаты компенсаций жертвам нацизма. Кроме того, он утверждал, что они приняли на должность кантора коммуниста. Противники Визенталя, в свою очередь, обвиняли его в коррупции – в частности, потому, что он предложил построить для вице-президента общины и его семьи роскошный дом. Он представил на рассмотрение подробный проект этого дома, но тот был положен под сукно.

Интриги на Вифлеемской улице были, несомненно, одним из факторов, отравлявших Визенталю жизнь в Линце, но, с другой стороны, в качестве вице-президента общины он имел доступ к высокопоставленным чиновникам и время от времени встречался с министрами, что не только ему льстило, но и укрепляло у него – как и у его знакомых – ощущение, что в Австрии он важная персона.

В 1946 году он получил письмо из канцелярии главы правительства, где выражался решительный протест против предложения, согласно которому узники концлагерей должны были обратиться в ООН и потребовать, чтобы Австрии не возвращали независимость, поскольку там до сих пор много

нацистов. Предложение это было внесено не Визенталем, но его тем не менее спрашивали, что можно сделать, чтобы это предотвратить. По-видимому, уже тогда в канцелярии главы правительства Австрии в нем видели человека, с которым стоило советоваться.

Визенталь надеялся убедить австрийское правительство выплатить жертвам Холокоста компенсации, подобно тому, как это сделали немцы, но вопрос этот – как с юридической, так и с политической точки зрения – был сложным. В письме канцлеру Леопольду Фиглю Визенталь писал: «Само собой разумеется, мы признаем, что Австрия не несет ответственности за совершенное Третьим рейхом» – признав тем самым фактически правоту австрийцев, отрицавших, что они причастны к преступлениям нацистов. Однако при этом он все же считал, что Австрия обязана выплатить компенсации хотя бы тем узникам концлагерей, которые использовались на принудительных работах на австрийских предприятиях. Он пытался уговорить и израильтян потребовать от Австрии компенсаций, но быстро сдался, так как министр иностранных дел Моше Шарет объяснил ему, что с юридической точки зрения Израиль не имеет на это права. Однако поскольку переговоры с ФРГ израильтяне все же вели, Визенталь пришел к выводу, что евреев Австрии они попросту решили бросить на произвол судьбы. За это собственное правительство подвергал критике даже израильский консул.

В меморандуме, словно написанном рукой Визенталя, консул отмечал, что хотя австрийцы и возлагают всю вину на Германию, тем не менее около шестистот тысяч из них состояли в национал-социалистической партии, а процент военных преступников среди них гораздо выше, чем среди немцев. При этом многие австрийцы принимали участие в истреблении евреев, и сто тысяч австрийских евреев – то есть около трети – были убиты. Австрийцы, писал консул, утверждают, что те из евреев, кто выжили и вернулись домой, вновь получили все свои права, но на самом деле возвращение на родину оказавшихся за границей евреев правительством не приветствуется, а имущество им не возвращено. При этом Социал-демократическая партия Австрии, стремясь получить большинство в парламенте, откровенно с бывшими нацистами заигрывает. «Социалисты, – подытоживал консул, – предают идеалы собственного движения».

В ноябре 1958 года Визенталь принял участие во встрече руководителей еврейской общины с главой правительства Юлиусом Раабом, и в канцелярии Рааба, на лестнице, евреи повстречались с государственным секретарем. «Надеюсь, вы пришли не ко мне», – сказал он, когда те ему представились. Это

был Бруно Крайский.

Аудиенция у канцлера прошла плохо. Он говорил с евреями высокомерно и один раз даже поднял на них голос: нечего, дескать, мне указывать. На аудиенции присутствовал также министр финансов.

К тому времени правительство уже выделило определенную сумму на выплату компенсаций австрийским евреям, проживавшим за границей, и представители еврейской общины просили выдать компенсации также евреям, жившим в Австрии. Однако выделить на это дополнительную сумму они не требовали. По сути, они вообще ничего не требовали, а всего лишь просили – или скорее даже умоляли, – чтобы им отдали часть суммы, выделенной на компенсации евреям, живущим за границей. Визенталь был этим возмущен и, когда они вышли от канцлера, сказал своим товарищам, что просить деньги, предназаначенные другим евреям, им не следовало. Однако один из членов делегации ему на это ответил: «Пусть другие евреи поцелуют меня в зад».

4. Преступники-евреи

Хотя Визенталь остался без своего архива, военными преступниками он заниматься не перестал, но вместо нацистов сосредоточился теперь на евреях-коллаборационистах. Как это ни парадоксально, но шансы наказать их были выше, чем шансы покарать нацистов.

Через несколько недель после того, как на Нюрнбергском процессе были вынесены первые приговоры, австрийский «Центральный еврейский комитет» обратился к американской оккупационной администрации с просьбой разрешить ему судить евреев, сотрудничавших с нацистами, включая членов еврейских советов (юденратов), созданных нацистами на оккупированных территориях, евреев-полицейских, капо в концлагерях и так далее. Члены этого комитета – и Визенталь в их числе – пообещали, что еврейские суды будут работать в соответствии с принципами либерального суда, принятыми в США, и попросили полномочий приговаривать коллаборационистов к тем или иным наказаниям, включая тюремное заключение. Но хотя судить коллаборационистов американцы беженцам и разрешили, максимальным наказанием, которое они позволили на осужденных налагать, был общественный бойкот. Иными словами, они разрешили только «суды чести». Заседания в таких судах вели трое добровольцев, а протоколы и приговоры печатались на идише. В архиве Визенталя сохранилось немало таких приговоров.

17 ноября 1947 года в лагере беженцев Биндермихль был признан виновным человек по имени Шломо Циммерман, которого приговорили к изгнанию из общины «на длительный срок». Согласно приговору, он был капо в целом ряде концлагерей и издевался над заключенными – как евреями, так и людьми других национальностей. В приговоре говорилось, что его следует лишить льгот беженца, а если с юридической точки зрения это невозможно, то перевести в другой лагерь. Тем временем ему запрещалось участвовать в выборах в качестве избирателя, а также избираться на административные посты. Кроме того, суд постановил, что он теряет право на репатриацию в Израиль. Разумеется, этот пункт был чисто символическим: юридического права лишать Циммермана права на репатриацию беженцы не имели – но зато они могли сделать приговор достоянием гласности и сохранить показания свидетелей в архиве, чтобы в будущем с ними могли ознакомиться все желающие. Именно так и решено было поступить.

Делом Циммермана Визенталь продолжал заниматься и впоследствии – возможно, потому, что считал его случай показательным, а может быть, и потому, что рассматривал его как своего личного врага. В 1951 году он узнал, что Циммерман получил иммиграционную визу в США, и выразил свой протест международной организации беженцев. Судя по всему, это возымело действие, и Циммерман остался в Линце, однако главы еврейской общины почему-то не только не подвергли его остракизму, но даже разрешили ему жить в общинном доме на Вифлеемской улице, и Визенталь вступил с ними из-за этого в длительный конфликт. На одном из собраний общины он и несколько его сторонников встали и потребовали выгнать Циммермана из зала, на что главы общины заявили, что у них есть письмо из израильского консульства, в котором говорится, что там приговоры суда беженцев не признаются. Однако Визенталь послал израильскому консулу запрос и получил от него опровержение. В 1957 году он обратился к властям ФРГ и потребовал не выплачивать Циммерману и членам его семьи компенсацию, за что Циммерман подал на него в суд. Визенталь защищался очень эмоционально и выиграл.

Преследование евреев-коллаборационистов он считал делом не менее важным, чем поиск военных преступников-нацистов. Одна из папок архива, отправленного им в «Яд-Вашем», озаглавлена «Преступники-евреи». В ней упоминаются тридцать три человека. Визенталь полагал, что, если бы евреи не сотрудничали с нацистской «машиной смерти», столько евреев, возможно, и не погибло бы, и отказывался делить юденраты на хорошие и плохие.

Тема еврейского коллаборационизма была весьма болезненной, но игнорировать ее было невозможно, поскольку бывшие узники лагерей то и дело натыкались на евреев, издевавшихся над ними в гетто и лагерях, а после войны попытавшихся смешаться с другими беженцами и раствориться среди них. Когда Бен-Гурион посещал лагеря для перемещенных лиц, он стал свидетелем того, как несколько человек напали на бывшего капо. Глаза у них, по словам Бен-Гуриона, были «налиты кровью», и они готовы были этого человека убить. Инцидент потряс Бен-Гуриона до глубины души. Это было первым его столкновением с данным – и весьма неприятным – аспектом Холокоста.

Находили евреев-коллаборационистов и в Израиле; израильская полиция была буквально завалена заявлениями граждан на этот счет. Однако поначалу закона, по которому коллаборационистов можно было судить, не существовало. С этой

целью в 1950 году был принят закон о наказании нацистов и их пособников, и на его основании были осуждены несколько десятков человек. Однако с исторической, юридической и моральной точки зрения проблема эта была очень сложной.

Летом 1952 года в Израиле разразился ужасный скандал. Один из бывших лидеров еврейской общины Венгрии Режё Кастнер был обвинен в том, что сотрудничал с Эйхманом, позволил уничтожить несколько сотен тысяч евреев в Освенциме, а в обмен получил разрешение спасти несколько сот своих знакомых и родственников в рамках предложенной Эйхманом сделки, получившей название «Кровь в обмен на грузовики».

Кастнер был самым известным израильтянином, обвиненным в коллаборационизме. Государство решило его защитить и привлекло человека, опубликовавшего обвинения против Кастнера – Малкиэля Грюнвальда, – к суду. Однако этот суд привел к тому, что на партию «Мапай» обрушился шквал нападок, и Бен-Гурион, помимо всего прочего, вынужден был защищаться от обвинения в том, что во время Холокоста не занимался спасением евреев. Кроме того, ему пришлось оправдываться за свое решение завязать отношения с Западной Германией. Никогда ранее судебные процессы в Израиле не проходили столь болезненно.

Визенталь, считавший себя политическим противником Бен-Гуриона, согласился помочь защитнику Грюнвальда Шмуэлю Тамиру собрать улики против Кастнера, хотя сам в свое время Кастнеру поверил. Тамир послал Визенталю несколько израильских марок.

В июне 1955 года окружной суд Иерусалима постановил, что Кастнер «продал душу дьяволу», то есть Эйхману. Позднее Верховный суд этот приговор отменил, но Кастнера к тому времени уже убили; это произошло в Тель-Авиве, возле подъезда его дома.

Вскоре после этого приговора Визенталь опубликовал сенсационную информацию, которая стала ему известна еще в мае 1948 года, когда он находился в Нюрнберге, где проходил судебный процесс над несколькими нацистскими военачальниками. Именно тогда ему в руки попал потрясающий документ, который по возвращении домой он послал Зильбершайну. «Слава Богу, – писал он, – что на содержание этого документа никто до сих пор внимания не обратил». Он попросил Зильбершайна передать этот документ «дальше», но сохранить данный факт в тайне, так как «чести он нам не делает».

Визенталь был прав. Документ, попавший к нему в руки, был написан сотрудником нацистской разведки, и в нем подробно

рассказывалось о разговорах с Фейвелом Полкесом, который был охарактеризован как человек, занимавший высокий пост в «Хагане». По договоренности с немецкой разведкой Полкес приехал на переговоры в Берлин, хотя, с кем именно имел дело, возможно, и не знал. От Полкеса немцам нужна была информация о еврейских и сионистских организациях; они надеялись, что это поможет им предотвратить покушения на Гитлера и других лидеров нацистского режима. За несколько месяцев до этого еврей по имени Давид Франкфуртер убил фюрера швейцарских нацистов Вильгельма Густлофа, и собеседник Полкеса полагал, что тому что-то об этом известно. Полкес согласился предоставить требуемую информацию, но при условии, что нацисты облегчат евреям эмиграцию из Германии. Человеком, который беседовал с Полкесом, был Эйхман, и его начальство даже обдумывало возможность послать его в командировку в Палестину для продолжения контактов. Не исключено, что в контакт с нацистами Полкес вступил с ведома руководства «Хаганы», и возможно также, что он был двойным агентом.

Так или иначе, но Визенталь был от этого открытия в шоке. Человек из «Хаганы» контактировал с Эйхманом, а в Израиле никто даже не пытается отдать его за это под суд! Визенталь подозревал, что Полкес действовал по чьему-то поручению и что израильский истеблишмент покрывал его, чтобы избежать скандала. Через несколько лет он попытался продать эту сенсацию израильским газетам «Едиот ахронот» и «Маарив», но редакторы обеих газет ответили ему, что, хотя сама по себе информация и интересная, в ее правдивость они не верят. Присланные Визенталем документы их не убедили.

Зимой 1954 года Визенталь рассказал об этом корреспонденту израильского еженедельника «Аолам азэ», известному впоследствии писателю Амосу Кенану, который посетил Линц и побывал у Визенталя в гостях. Визенталь сказал ему, что речь идет об агенте Эйхмана, одновременно работавшем на «Хагану», но добавил, что расскажет подробности, только если кто-нибудь пригласит его в Израиль и оплатит билеты на самолет. Кенан, естественно, разозлился и охарактеризовал Визенталя как еврея с хитрыми глазками, желающего нажиться на тайнах Холокоста. «Мне, – писал он, – не удалось выудить у него ничего, – и объяснил отказ Визенталя подарить ему эту сенсацию так: – Кто знает? Может, он сможет на этом немножко заработать? Может быть, народ Израиля готов заплатить, чтобы узнать, кто помогал его убивать?.. Может быть, лучше жить в Австрии, в красивом доме, заниматься время от времени какими-нибудь

мелкими еврейскими делишками, жить в свое удовольствие и сидеть на нескольких документах?.. Может быть, история соизволит подождать, пока господин Визенталь решит, как лучше провернуть эту сделку? Да и кто сказал, что нельзя быть сионистом, живя за пределами Израиля?»

Обиделся на Визенталя Кенан еще и потому, что тот не предложил ему переночевать, а заказал для него номер в гостинице. «“Это пустяки, – сказал он мне, провожая к выходу, – совсем недорого”. Я шел шесть километров под проливным дождем, по совершенно пустому городу и больше уже об этом деле не думал».

В сентябре 1955 года Визенталь упомянул эту историю в письме, опубликованном в швейцарской газете «Идише рундшау», и «Едиот ахронот» перепечатала это письмо под крупным заголовком на первой полосе. Однако этим дело и ограничилось.

Визенталь не видел особой разницы между коллаборационистами-евреями и коллаборационистами других национальностей: у норвежцев, говорил он, был Квислинг, у французов – Петен, у бельгийцев – Деглер, а у русских – Власов. С психологической и социологической точки зрения, писал Визенталь, евреи от других народов ничем не отличаются, поэтому нет ничего удивительного – хотя это печально и постыдно, – что у евреев тоже есть свои коллаборационисты. В своем историческом экскурсе он привел в пример также Иосифа Флавия.

Время от времени он упоминал имена коллаборационистов-евреев на различных судебных процессах, проходивших в Австрии и ФРГ, когда давал показания.

Незадолго до судебного процесса над военными преступниками Львова, состоявшегося в ФРГ в 1966 году, Визенталь рассказал об участи, постигшей членов львовского юденрата. В сентябре 1942 года они были повешены. После этого гестапо сформировало новый юденрат и первым делом приказало ему оплатить стоимость веревки, использованной для казни предыдущего. Однако несмотря на этот и другие подобные инциденты, Визенталь решительно отказывался соглашаться с утверждением, что по крайней мере некоторую часть евреев-коллаборационистов тоже следует признать жертвами нацизма. В его глазах все коллаборационисты были мерзавцами. В связи с этим он потребовал ввести правило (и назвал его «законом Визенталя»), согласно которому, те, кто сотрудничал с нацистами в какой бы то ни было форме, не должны иметь права занимать в еврейской общине какие-либо должности. Есть такие, писал он, кто утверждают, что имеются смягчающие обстоятельства, что

нацисты-де принуждали евреев с ними сотрудничать и что нельзя от всех требовать героизма, однако это применимо в лучшем случае к рядовым членам общины, а не к ее лидерам, ибо последние должны вести людей за собой. Есть, продолжал он, также такие, кто считают, что нельзя относиться к коллаборационистам слишком строго, поскольку они были тогда молодыми и неопытными, однако к лидерам общины это тоже неприменимо, так как они должны быть людьми ответственными.

Отправив свой архив в «Яд-Вашем», Визенталь решил поиски военных преступников прекратить, но, несмотря на это, продолжал ходить в городскую библиотеку, листать старые нацистские газеты и изучать – в числе прочего – семейные объявления. В большинстве своем это была рутинная работа коллекционера: он собирал имена, даты, воинские звания, названия военных частей и адреса. Собирательство было у него в крови. Его дочь рассказывает, что, когда они ходили гулять, он предпочитал не любоваться пейзажами, а собирать ягоды.

В те годы Визенталь все еще рассматривал свои поиски нацистов как хобби, но при этом писал, что ни одно другое занятие ему не доставляет большего удовольствия. Фактически он не мог без этого жить. «Я, – пишет он, – занимался этим весь день до позднего вечера, а когда ложился в кровать и пытался уснуть, прочитанное и услышанное за день перемешивалось у меня в голове с воспоминаниями прошлого. Я часто просыпался от кошмаров, которые мне снились, и никак не мог понять, то ли это сон, то ли случилось наяву».

Продолжал он время от времени и находить преступников.

Однажды Визенталь ехал на поезде в Женеву и в вагоне-ресторане познакомился с офицером-датчанином, тоже сидевшим когда-то в концлагере Гросс-Розен. Они разговорились, и Визенталь упомянул нескольких нацистов, которые его тогда интересовали, в том числе Рихарда Рокиту, одного из высокопоставленных эсэсовцев из концлагеря Яновский. Датчанин сказал, что похожий на Рокиту человек живет в Гамбурге. В Яновском Рокита рассказывал, что был скрипачом, и полиция Гамбурга послала следователя в союз музыкантов, однако в списке членов союза тот не числился. Тем не менее в конце концов его нашли: оказалось, что он работал на каком-то заводе ночным сторожем. Рокита признался, что жил под чужим именем, и был арестован.

В 1958 году Визенталю удалось также выйти на след бывшего старшего инспектора львовских железнодорожных мастерских Петера Арнольдса – того самого, что выдал эсэсовцам мальчика, прятавшегося на конюшне. Визенталь случайно узнал, что

Арнольдс работает в железнодорожном управлении западногерманского города Падерборн, заявил на него в полицию и был вызван на очную ставку. Однако Арнольдс все категорически отрицал. Визенталь попытался найти дополнительных свидетелей, но хотя все, кто работал вместе с ним в железнодорожных мастерских, про случай с мальчиком знали, тем не менее давать показания отказались и заявили, что ничего про это не слышали. Единственным, кто согласился, был проживавший в Штутгарте Ойген Йетер («Если бы, – писал ему Визенталь, – таких, как вы, было много, все могло бы кончиться иначе»), но, несмотря на показания Йетера, Арнольдсу удалось от наказания ускользнуть. Тем не менее позднее Визенталь разыскал застрелившего мальчика эсэсовца, и тот был арестован.

Пытался он найти также Оскара Вальдке, которого в одном из писем назвал «свиньей, пытавшей меня на следствии и подталкивавшей к самоубийству».

Правоохранительные органы часто обращались к нему за помощью. Кёльнский суд попросил помочь в расследовании дел нескольких сотрудников концлагеря Маутхаузен, а окружной суд Франкфурта запросил информацию о двух помощниках Эйхмана, Германе Круми и Отто Гюнше, которыми Визенталь тоже интересовался.

«Инстинкт охотника», заставлявший его искать Эйхмана, в нем так и не угас.

Глава восьмая. «Я всегда говорил, что он в Буэнос-Айресе»

1. Письмо обеспокоенного отца

В начале 1956 года Тувья Фридман предложил Нахуму Гольдману назначить за голову Эйхмана награду в десять тысяч долларов. За четыре года до этого Фридман закрыл в Вене свой «центр документации», переехал в Хайфу, устроился на работу в «Яд-Вашем», где занимался разбором документов, и при каждой удобной возможности – примерно раз в несколько месяцев – организовывал публикации в газетах на тему «Эйхман жив, и его надо поймать». От его предложения Гольдман в особый восторг не пришел, но пообещал попробовать выбить необходимую сумму у «Джойнта». Фридман уговорил также нескольких членов израильского кнессета поднять этот вопрос на одном из заседаний, а затем написал Бен-Гуриону. Кроме того, он потребовал создать в Израиле специальное подразделение, которое бы занималось поиском нацистских преступников. Однако все, чего он добился, – это несколько вежливых, но ни к чему не обязывающих отписок, и некоторое количество громких заголовков в газетах. Больше ничего не произошло.

Начальник израильской службы безопасности Исер Харэль пишет, что интерес к Эйхману пробудился у него в конце 1957 года, то есть примерно через четыре года после того, как Визенталь сообщил, что Эйхман находится в Аргентине. В 1955 году Харэль побывал в Аргентине лично, но он никогда не говорил, что воспользовался этой поездкой для поиска нацистских преступников. Однако даже когда он наконец-то Эйхманом заинтересовался, то, чтобы понять, о ком идет речь, ему пришлось ознакомиться с большим количеством документов. Более того, заинтересовался он Эйхманом не по собственной инициативе, а по инициативе генерального прокурора западногерманской земли Гессен, еврея по национальности, Фрица Бауэра, который после войны вернулся на родину и жил во Франкфурте. Если бы Бауэр не узнал, где прячется Эйхман, и не уговорил израильтян его поймать, не исключено, что тот так и умер бы свободным человеком.

Первым, кто сообщил Бауэру, что Эйхман находился в Аргентине, был почти совершенно слепой еврей немецкого происхождения, во время войны сидевший в Дахау, а после освобождения уехавший в Буэнос-Айрес. Звали его Лотар Герман. В 1957 году его дочь начала встречаться с парнем по имени Клаус Эйхман, и как раз в то время имя Эйхмана было упомянуто на судебном процессе над нацистскими преступниками, проходившем во Франкфурте. Герман узнал об этом из газеты и

написал Бауэру, что знает, где Эйхмана можно найти.

Бауэр не оставил письмо Германа без внимания, но решил действовать осторожно. К тому времени во Франкфурте уже был выписан ордер на арест Эйхмана, но Бауэр опасался, что, если он потребует от Аргентины выдать Эйхмана в официальном порядке, тот об этом узнает и сбежит. Поэтому он передал данную информацию Израилю, причем поначалу отказался говорить, от кого ее получил.

Чтобы проверить адрес, полученный от Бауэра, Харэль послал в Буэнос-Айрес агента ШАБАКа, но тот пришел к выводу, что по указанному адресу Эйхман не живет. После этого Бауэр согласился назвать израильтянам имя информатора, и Харэль послал своих людей уже к Герману. Тем временем Герман выяснил, что один из электрических счетчиков в доме, о котором он говорил, записан на человека по фамилии Клемент или Клеменс, однако никакой связи между Клементом и Эйхманом человек Харэля так найти и не смог.

Тем не менее того факта, что его сотрудники задание провалили, могущественный глава израильских спецслужб так никогда и не признал, и, подобно тому как он обвинил Визенталя в том, что тот неправильно действовал в истории с бароном Мастом, Харэль и в этом случае свалил вину за провал на престарелого полуслепого Германа: тот, мол, не сказал им, что Клемент – это Эйхман.

Так и не сумевший ничего узнать израильский агент вернулся домой в середине марта 1958 года, и примерно тогда же имя «Клеменс» появилось в отчете, свидетельствующем о том, что ЦРУ тоже интересовалось Эйхманом очень поверхностно. «Адольф Эйхман, – говорится в этом отчете, – родился в Израиле и был офицером СС в звании оберштурмбанфюрера. Сообщается, что с 1952 года он проживает в Аргентине под псевдонимом “Клеменс”. Ходит также слух, что он живет в Иерусалиме, несмотря на то что несет ответственность за массовое истребление евреев». Эта информация поступила в ЦРУ от спецслужб ФРГ.

Сплоховали в этом отношении и немцы. В одной из папок хранится немецкий документ, где излагается биография Эйхмана и утверждается – безо всяких на то оснований, – что он был комендантом Освенцима.

Вопиющая глупость этих документов, разумеется, не может не вызывать недоумения, но те, кто их составляли, занимались не преследованием нацистских преступников, а поиском немцев, работающих на арабские страны.

Откуда – из ФРГ или из какого-то другого источника – пришел слух о том, что Эйхман жил в Иерусалиме, неясно, но в

любом случае в апреле 1958 года Министерство защиты конституции (как называлась западногерманская служба безопасности) не было уверено, что Эйхман находился в Буэнос-Айресе, и, возможно, неудача, которую потерпели израильские агенты, пытаясь проверить информацию Бауэра, побудила немцев провести еще одну проверку. Сделать ее попросили посольство ФРГ в Буэнос-Айресе. Однако оттуда сообщили, что Эйхмана тоже найти не смогли. Посольство полагало, что Эйхман, скорее всего, находился на Ближнем Востоке, и расследование было прекращено.

Таким образом, профессиональные разведчики Израиля, США и ФРГ серьезных усилий для поимки Эйхмана на данном этапе, судя по всему, не предпринимали. Тем важнее представляется роль в этом деле Фридмана и Визенталя. Первый заботился о том, чтобы имя Эйхмана не сходило со страниц газет, а второй, несмотря на свои ограниченные возможности, делал все, чтобы напасть на его след.

В конце апреля 1959 года Визенталю попалось на глаза траурное объявление о смерти мачехи Эйхмана, и среди стоявших под объявлением подписей была подпись жены Эйхмана Веры. Это доказывало, что она все еще была за ним замужем. Однако Визенталь, по-видимому, об этом никому не сообщил. В одной из своих книг он пишет: «Какой прок был от этого открытия, если мне даже некому было о нем рассказать, и я сохранил этот факт в тайне. Я и не представлял себе, какую важную роль он сыграет накануне поимки Эйхмана всего лишь несколько месяцев спустя». Почему Визенталь не сообщил этот важный факт представителям Израиля в Австрии, с которыми поддерживал постоянную связь, остается неясным.

Весной 1959 года западногерманская служба безопасности получила информацию, что жена Эйхмана и его дети находятся в Южной Америке, а сам он – где-то в Европе. Тем временем Фридман написал немецким властям и потребовал от них начать поиски Эйхмана. Его «контактом» был начальник Центрального управления по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге Эрвин Шюле. Кто такой Фридман, немцы, судя по всему, точно не знали, но, считая, что он является директором какого-то исследовательского института, относились к нему всерьез. В конце июля 1959 года Шюле сообщил ему, что по одной версии Эйхман скрывается в Аргентине, по другой – в какой-то арабской стране, а еще через четыре недели известил Фридмана, что, согласно полученной им новой секретной информации, Эйхман, по-видимому, живет в Кувейте. Судя по всему, Шюле считал Фридмана союзником и был уверен, что тот сохранит эту

информацию в тайне, но Фридман передал письмо Шюле в редакцию газеты «Маарив», и накануне Судного дня оно было опубликовано на первой полосе, после чего эта новость облетела весь мир.

Нелегко объяснить, как так получилось, что один немецкий прокурор сообщил израильтянам, будто Эйхман находился в Кувейте, а другой уговаривал их искать Эйхмана в Аргентине, но преднамеренной попыткой сбить израильтян со следа это, по-видимому, все-таки не было. Скорее это была бюрократическая накладка. Визенталь считал, что Шюле ввело в заблуждение какое-то газетное сообщение, вроде тех, что он сам помогал иногда «сливать» в прессу.

В письме израильскому послу Ехезкелю Саару он объяснил, что источником данной информации был корреспондет кёльнской газеты «Нойе иллюстрирте» журналист Хайнц Вайбель-Альтмайер, пытавшийся выйти на след одного из помощников Эйхмана, Алоиса Брунера. С этой целью Вайбель-Альтмайер посетил Каир, Бейрут и Дамаск, и в столице Сирии кто-то сказал ему, что Эйхман находится в Кувейте. По словам Визенталя, журналист рассказал об этом Шюле, а тот уже сообщил Фридману.

Из документов, хранящихся в управлении в Людвигсбурге, следует, что данную информацию раздобыл сотрудник западногерманской службы безопасности по фамилии Кесбергер. В сентябре 1959 года западногерманская служба безопасности получила информацию, что Эйхман находится либо в Дамаске, либо в Катаре и что планы взять его на работу в одну из нефтяных компаний в Кувейте были отменены из-за публикации Фридмана (сообщивший эту информацию источник рассказал также, что встречался и с Алоисом Брунером, и с Эйхманом, но где именно, в отчете западногерманской службы безопасности не сказано). Однако не исключено, что источником был все-таки Вайбель-Альтмайер. Он поддерживал с Визенталем постоянный контакт, и, возможно, именно Визенталь навел его на арабский след.

В любом случае документы управления в Людвигсбурге свидетельствуют о том, что различные ведомства работали несогласованно. Шюле искренне верил, что Эйхман находился в Кувейте, и не знал, что Бауэр пытался уговорить израильтян ловить Эйхмана в Аргентине.

Публикация сообщения о том, что Эйхман находится в Кувейте, Бауэра не на шутку расстроила: он считал, что любое упоминание имени Эйхмана в печати могло его поимке помешать. В шоке от этого были и работавшие в ФРГ израильские дипломаты. Некоторые инстанции попытались было заткнуть

прессе рот, но безуспешно.

Бауэр попробовал уменьшить нанесенный этим сообщением вред с помощью обмана: за день до Рождества он срочно созвал пресс-конференцию и объявил, что ФРГ якобы решила потребовать от Кувейта выдачи Эйхмана.

Валентин Тара («хороший полицейский» из Альтаусзее, знавший все о сокровищах озера Топлиц) послал Бауэру письмо, в котором писал, что в Кувейте Эйхман находиться не может, так как незадолго до конца войны украл не менее двадцати двух ящиков с золотом. Зачем же ему, спрашивал Тара, ехать работать в Кувейт? Бауэр вежливо ответил Таре, что его письмо вызвало у него большой интерес.

Лотар Герман, ранее писавший Бауэру, написал теперь уже Фридману. По его мнению, сообщение о том, что Эйхман находится в Кувейте, не имеет под собой оснований: Эйхман не в Кувейте, а в Аргентине. Фридман полагал, что об этом стало известно только ему одному, и прессе на этот раз ничего не сообщил.

В конце октября 1959 года Бен-Гурион выступал на предвыборном собрании в Тель-Авиве. Фридман поднялся на трибуну и снова потребовал назначить за голову Эйхмана награду. Публика его сразу узнала: это был тот самый человек, который уже много лет говорил о необходимости поймать Эйхмана, а недавно выяснил, что тот находится в Кувейте. Но Бен-Гурион на его призыв никак не откликнулся. Тем не менее через шесть недель после этого в его дневнике появилась следующая запись: «Приезжал генеральный прокурор земли Гессен Бауэр и сказал, что Эйхман нашелся: он в Аргентине… Я предложил попросить его [Бауэра] никому об этом не рассказывать и его [Эйхмана] выдачи не требовать, а сообщить нам его адрес. Если мы установим, что он там, то поймаем и привезем сюда».

Откуда немцам стало известно, что Эйхман называл себя «Клементом», неизвестно, но, по-видимому, Визенталь не устоял перед искушением и присвоил чужое открытие себе. По его словам, он подослал кого-то к теще Эйхмана, и та сказала, что ее дочь уехала из Германии и вышла замуж за мужчину с фамилией, похожей на английскую, что-то вроде «Клемса» или «Клемта». Кроме того, Визенталь говорит, что сообщил об этом израильтянам, причем почти за год до того, как с этой информацией приехал Бауэр.

Однако есть основания в этом усомниться. В ивритском издании книги Визенталя о погоне за Эйхманом говорится, что визит к теще имел место в начале 1959 года, а в немецком

издании сказано, что это произошло в октябре. Спецслужбам же ФРГ имя «Клеменс» было известно уже в 1958 году. Приписывая открытие себе, Визенталь об этом, разумеется, знать не мог.

Из книги неясно также, кто именно с тещей говорил. В ивритской версии написано: «Я решил послать кого-нибудь»; в немецкой говорится, что это был «хороший знакомый из Германии», а в остальных своих книгах Визенталь пишет, что послал к теще «одного из своих людей».

В первой версии служебного отчета, написанного Визенталем после поимки Эйхмана, сказано, что псевдоним Эйхмана был похож по звучанию на английский, но теща его не помнила, а в третьей версии этого же отчета сказано, что она упомянула имена «Клемс» и «Клемт».

Поскольку существует так много противоречащих друг другу источников, есть, наверное, смысл ограничиться тем, что написано в письме, посланном Визенталем послу Саару еще до поимки Эйхмана, то есть до того, как о том, что Эйхман называл себя «Рикардо Клементом», стало известно всем. В письме Саару Визенталь не просто упоминает, что человек, разговаривавший с тещей, был «одним из его людей», а прямо называет его имя: Хайнц Вайбель-Альтмайер; судя по этому письму, теща действительно сказала, что ее дочь вышла замуж за человека с фамилией, похожей на английскую. Но логично предположить, что если бы она назвала фамилию «Клемс» или «Клемт» и если бы Визенталь об этом знал, то он бы наверняка сообщил об этом послу. Однако он этого не сделал, и данная деталь, по-видимому, неверна.

2. Дорога к улице Гарибальди

Все это время Визенталь не переставал следить за родственниками Эйхмана. Через несколько недель после публикации сообщения о том, что Эйхман находится в Кувейте, Визенталь сообщил послу Саару о ходе своего расследования и упомянул, что все расходы на поездки оплачивает из собственного кармана. Возместить ему их он не просил, но написал, что по своему опыту знает: «когда такие расследования связаны с многочисленными поездками, они прекращаются».

В ноябре 1959 года Саар вернулся из поездки в Израиль и написал Визенталю, что «имел беседы по вопросу об Эйхмане» и «наши люди сказали мне, что очень ценят вашу помощь», а также сообщил Визенталю (как партнеру, на которого можно положиться) один из самых важных израильских секретов, а именно что, по имеющейся в Израиле информации, семья Эйхмана проживает в Аргентине. Его жена, писал Саар, утверждает, что ее муж умер, и даже вышла замуж за какого-то другого немца, но все указывает на то, что брак фиктивный и его цель – сбить врагов с толку. Визенталя это не могло не озадачить: ведь он сообщил об этом уже много лет назад. Тем не менее тот факт, что посол посвятил его в столь важную государственную тайну, ему польстил. (Кстати, впоследствии оказалось, что информация посла была неточной: ни за кого другого Вера Эйхман в действительности замуж не выходила.)

Визенталь составил очень подробный отчет о членах семьи Эйхмана, где указал даты их рождений, свадеб, смертей и т. д. (эта информация требовалась, чтобы опознать Эйхмана с абсолютной точностью), и в декабре посол сообщил ему, что в Израиле отчет произвел большое впечатление. Кроме того, Саар переслал Визенталю присланный из Израиля длинный список дополнительных вопросов об Эйхмане и попросил его на них ответить.

Надеясь, что Эйхман будет скоро найден и арестован, Визенталь съездил во Франкфурт. Он хотел удостовериться, что прокуратуры ФРГ и Австрии будут действовать в этом плане согласованно.

Через несколько месяцев после этого, в феврале 1960 года, Визенталю стало известно, что умер отец Эйхмана. Об этом он опять узнал из траурного объявления, опубликованного членами семьи, и под новым объявлением тоже стояла подпись Веры Эйхман. Визенталь послал на похороны двух знакомых газетных фоторепортеров, и теперь у него были снимки членов семьи

Эйхмана, включая его брата Отто, который был на Адольфа очень похож. Визенталь сообщил об этом Саару. «Шансов, что это приведет к успеху, – писал он, – почти нет, но делать эту рутинную работу все равно надо, чтобы потом у нас не было причины упрекать себя в бездействии».

Фотографии были переданы в Моссад, и Цви Аарони – один из израильских агентов, принимавших участие в операции по захвату Эйхмана, – впоследствии говорил, что взял эти фотографии с собой в Буэнос-Айрес; они помогли ему удостовериться, что Клемент – это действительно Эйхман. Харэль, правда, в отличие от Аарони, попытался значение этих фотографий преуменьшить. «Никто из-за них особо не разволновался», – пишет он. Однако что касается Визенталя, то он «разволновался» очень сильно. Становилось ясным: что-то происходит, и он к этому причастен. Несколько раз к нему приходили два моссадовца (Харэль подтверждает, что эти визиты имели место, и говорит, что их целью было, помимо всего прочего, убедиться, что Эйхман – это «Рикардо Клемент»). Эти визиты, а также присланные Сааром вопросы (как и то, что Саар ему рассказал) свидетельствовали о том, что его мечта должна была вот-вот осуществиться – через пятнадцать лет после того, как он начал Эйхмана искать.

Теперь Визенталю предстояло самое трудное испытание: сохранить все это в тайне. Однако молчать ему было очень трудно (в том числе и потому, что имя Тувьи Фридмана получило широкую известность), и в конце января 1960 года он чуть было не проговорился. В письме друзьям из мемориала «Яд-Вашем» он с пренебрежением отозвался о сенсационных сообщениях Фридмана и добавил: «Часть расследования проходит сейчас через меня, и в это замешаны правительства двух стран, но говорить об этом на бумаге я, само собой разумеется, не могу». «Надвигаются определенные события, о которых я не хочу говорить в письме подробно, – писал он в марте уже самому Фридману. – Могу только заверить тебя, что дело это не забросил и в некоторых отношениях продвинулся гораздо дальше тех инстанций, которые ищут его [Эйхмана] официальным образом».

Вечером 11 мая 1960 года человек, которого соседи называли Рикардо Клементом, возвращался домой с работы. Он жил в одном из предместий Буэнос-Айреса, на улице Гарибальди. На углу его поджидали две машины. Когда он к ним приблизился, фары одной из них зажглись и ослепили его, после чего к нему подбежали двое мужчин, повалили на землю и затолкали во вторую машину. Все это заняло несколько секунд. Ему заткнули рот кляпом, связали руки и ноги, надели на глаза черные очки,

положили на пол машины и накрыли одеялом, но усыплять не стали: врач, которого они взяли с собой, предупредил, что неосторожное применение наркоза может его убить.

Когда минут через сорок пять его привезли на тайную квартиру, снятую специально для этой цели, и спросили, как его зовут, он попытался вначале называть фальшивые имена, но в конце концов осознал, что это не имеет смысла, и признался, что он – Адольф Эйхман. Он сказал, что сразу понял, что его похитили израильтяне, заявил, что знает иврит, и ко всеобщему удивлению процитировал в оригинале первый стих еврейского священного писания («В начале сотворил Бог небо и землю»), а затем начало молитвы «Шма Исраэль». Через несколько дней он подписал заявление, что согласен предстать перед судом в Израиле, его одели в форму израильского стюарда, снабдили соответствующими документами, накачали наркотиками и посадили на прилетевший спецрейсом самолет компании «Эль-Аль», стоявший в международном аэропорту. Этот самолет привез израильскую делегацию, которая должна была принять участие в праздновании стопятидесятой годовщины независимости Аргентины.

Сейчас уже известно, что в Аргентине было много людей, знакомых с Эйхманом лично и знавших, под каким именем он от своих преследователей скрывался; известно, что имя Рикардо Клемент появилось в телефонной книге Буэнос-Айреса еще в 1952 году; известно, что Эйхман общался с бывшими нацистами, а одному из них даже продиктовал свои воспоминания. Таким образом, многие знакомые могли его выдать, и логично предположить, что если бы ЦРУ, западногерманская разведка или Моссад придавали поиску Эйхмана более важное значение, то могли бы его найти. Тот факт, что они этого не сделали, свидетельствует о том, что в пятидесятые годы ни одно государство в мире еще не относилось к Холокосту с должной серьезностью.

Похитили и доставили Эйхмана в Израиль агенты этой страны, но его местонахождение было установлено не в ходе их оперативно-разыскных мероприятий, а благодаря самоотверженности четырех уцелевших во время Холокоста евреев.

Фриц Бауэр был человеком совестливым, умным и смелым. На основании противоречивой информации, хранящейся в архивах различных ведомств, можно предположить, что и он не был уверен, что Эйхман находился в Аргентине, и попросту сделал ставку на один из вариантов. Когда израильтяне, получив от него информацию, отправились похищать Эйхмана, они, по его

мнению, действовали слишком медленно. В его архиве сохранилось письмо от заместителя начальника Моссада Шломо Коэна-Абарбанеля, где тот просит Бауэра набраться терпения.

Через несколько лет после этого Исер Харэль попросил разрешения упомянуть имя Бауэра в своей книге, и сотрудница секретариата правительства обратилась к Коэну-Абарбанелю с просьбой выяснить у Бауэра, хочет ли тот, чтобы его имя – во имя исторической справедливости – появилось в печати. Заместитель начальника Моссада специально для этого отправился во Франкфурт, и Бауэр, по-видимому, сказал ему, что не возражает, оставив окончательное решение на усмотрение израильского правительства. Однако в конечном счете правительство не разрешило Харэлю публиковать книгу, и ему пришлось оспаривать этот запрет в Верховном суде. Коэн-Абарбанель заявил на суде, что если имя Бауэра останется тайной, то ничего страшного не случится. «Разве это не опасно, – сказал он, – если выяснится, что генеральный прокурор одной из федеральных западногерманских земель (который и так был мишенью для неонацистов и в одиночку занимался поиском нацистских преступников, чтобы предать их суду) не верил в юстицию ФРГ и был фактически израильским агентом, передавшим Эйхмана в наши руки? Тем более что речь идет о человеке, который и позднее – по самым разным поводам – оказывал Государству Израиль многочисленные услуги». Впрочем, самого Бауэра к тому времени уже не было в живых, и эта дискуссия была, в сущности, чисто теоретической.

Бауэр действовал на основании информации, полученной от Лотара Германа. Герман хотел, чтобы его дочь перестала встречаться с сыном Эйхмана, и желал получить вознаграждение, обещанное Всемирным еврейским конгрессом. Вознаграждение было назначено благодаря стараниям Тувьи Фридмана.

Однако только один из четырех этих евреев видел в преследовании нацистских преступников смысл всей своей жизни. Это был Симон Визенталь.

Весной 1960 года казалось, что жизнь Визенталя зашла в тупик. Мало того что отвратительные склоки в еврейской общине не прекращались, так к тому же ему сообщили, что «ОРТ» и «Джойнт» собираются его уволить. Беженцев-евреев в Линце осталось мало, и держать в городе представителя этих организаций, которому надо было платить зарплату, стало нецелесообразным.

Из сохранившихся в архиве «Джойнта» документов явствует, что Визенталя там ценили и любили, а его увольнение объясняется в них тем, что в Линце стало мало работы. В его

личном деле говорится, что формально он в штате «Джойнта» не числится и являеся сотрудником «ОРТ», но, несмотря на это, ему будет выплачено выходное пособие и, возможно, он получит работу в еврейской общине Вены.

Своему биографу Алану Леви Визенталь рассказал, как однажды ему стало известно, что в парижском филиале «Джойнта» работает еврей, отвечавший в одном из лагерей за определенный этап в процессе уничтожения заключенных, однако директор филиала уволить этого человека сначала отказался и согласился сделать это только после того, как Визенталь пригрозил поднять скандал. Имела ли эта история отношение к увольнению Визенталя из «Джойнта», неизвестно, но в любом случае он очень расстроился и какое-то время пытался, как умел, бороться за свое место. Помимо всего прочего, он встречался с этой целью с директором «Джойнта» Чарльзом Джорданом. «За годы, прошедшие после войны, – писал он Джордану, – я тратил слишком много усилий, чтобы защитить себя от козней нацистов, и достиг в этой сфере совершенства, однако защищать себя от козней евреев не научился. Но поверьте мне, я ученик хороший и еще научусь. У меня просто не будет другого выхода. Ведь у меня есть семья, за которую я несу ответственность».

В конце концов он задействовал все свои связи, чтобы добиться, по крайней мере, перевода в венское отделение «Джойнта», но тоже безрезультатно. Он считал, что с ним обошлись несправедливо. «Ничего, ничего, мы еще с “Джойнтом” когда-нибудь – хотя, возможно, и при других обстоятельствах – встретимся», – угрожающе писал он одному из своих американских знакомых, тоже не сумевшему предотвратить его увольнения.

Примерно в тот же период в окончательный тупик зашли его – и без того давно натянутые – отношения с «ОРТ», и в сентябре 1960 года его уволили. Директор австрийского филиала «ОРТ» Альберт Гольдман рассказал в письме своему начальнику, помеченном грифом «лично в руки и секретно», о своих нелегких отношениях с Визенталем и написал, что тому свойственны такие черты характера, как «фанатизм и завистливость». По словам Гольдмана, он не увольнял Визенталя только потому, что затруднялся найти ему замену и опасался, что в случае увольнения Визенталь предаст гласности тот факт, что руководство «ОРТ» обманывало правительство США и брало с него больше денег, чем тратило на профессиональную подготовку беженцев на самом деле. Впрочем, по словам Гольдмана, Визенталь и сам раздувал количество учащихся в Линце, чтобы дать работу учителям, которые на самом деле были лишними.

«Он, – подытоживал свое письмо Гольдман, – только делал вид, что работает, и вел себя по отношению к нашей организации нечестно». Кроме того, он обвинил Визенталя в «финансовых нарушениях».

Официально, однако, Визенталь был уволен не из-за этого, а по требованию американцев, финансировавших программу профессионального обучения, которой он руководил. В архиве сохранился длинный отчет о проведенной ими в Линце проверке деятельности «ОРТ». Визенталь утверждал, что эта проверка проводилась «гестаповскими методами», включая запугивание, угрозы и тайную запись разговоров на магнитофон, но от увольнения это его не спасло. Рекомендательные письма он получил весьма положительные, но его дальнейшая жизнь в Линце оказалась под вопросом.

Ему было уже пятьдесят два, а его дочери Паулинке – четырнадцать, и начинать жизнь заново было уже поздно. Человек, не привыкший унывать, он придумал было себе подходящую должность – координатора деятельности мемориала «Яд-Вашем» в ФРГ, – и его друзья в мемориале пообещали над этим предложением подумать. Однако дальше размышлений дело не пошло.

Это был тяжелый период в его жизни: никаких перспектив на горизонте не просматривалось. И вдруг 23 мая 1960 года премьер-министр Бен-Гурион объявил, что Адольф Эйхман находится в Израиле. В тот момент Визенталь еще не знал, что поимка Эйхмана изменит всю его жизнь. На следующий день он получил телеграмму из Иерусалима: «Сердечно поздравляем Вас с этим блестящим достижением!» Телеграмма пришла из мемориала «Яд-Вашем». Никогда после этого он не получал поздравления, которое обрадовало бы его сильнее. Он хранил эту телеграмму вместе с самыми дорогими его сердцу личными документами: пожелтевшими фотографиями периода его жизни в Бучаче, списком концлагерей, в которых сидел во время войны, старым израильским иностранным паспортом и одной из записок, присланных ему Элизабет Тейлор.

3. Первые ростки славы

Примерно через четыре месяца после поимки Эйхмана и приблизительно за полгода до начала суда над ним Визенталь был приглашен в Иерусалим, чтобы рассказать историю своих поисков на пресс-конференции, организованной мемориалом «Яд-Вашем». К тому времени о его участии в этой истории уже знал весь мир; почти в одночасье он стал знаменитым.

Хотя Бен-Гурион и заявил, что Эйхман находится в руках израильской службы безопасности, поначалу Израиль не признавал, что Эйхмана похитили израильские агенты, и утверждал, что его похищение – дело рук евреев-добровольцев, переживших Холокост. Эта версия была придумана, чтобы умиротвороить Аргентину, требовавшую вернуть Эйхмана в Буэнос-Айрес и даже обратившуюся за помощью в Совет безопасности ООН. Но пока Израиль скрывал правду, средства массовой информации сосредоточили свое внимание на Визентале и Фридмане.

Все началось с сообщения агентства Рейтер, что Эйхман пойман благодаря некоему человеку, живущему в Австрии и занимающемуся военными преступниками. Как рассказывает Визенталь, журналисты обратились в австрийское Министерство внутренних дел и получили там номер его телефона; израильское посольство в Вене тоже направляло корреспондентов к нему. Так и пошло, говорит Визенталь. Нью-Йорк, Берлин, Париж – все хотели новостей. Даже поздравительная телеграмма из мемориала «Яд-Вашем» – и та пришла, когда у него сидело несколько журналистов. Когда он ее прочел, то от избытка чувств из глаз у него потекли слезы, и корреспонденты попросили показать им, что в ней написано. Лишь с трудом ему удалось ее спрятать. Став знаменитым, он начал получать и другие поздравления.

По его словам, средства массовой информации обрушились на него буквально как снежная лавина. Он писал в «Яд-Вашем», что сначала на журналистов очень сердился и говорить с ними не хотел, но потом понял, что молчание только разжигает их любопытство и лучше им о своей работе рассказать. Так он и сделал. Однако журналисты все время искажали его слова, и каждый день ему приходилось что-нибудь опровергать или уточнять.

На самом деле ему очень нравилось, что он оказался в центре этой истории, но уже тогда, менее чем через четыре недели после того, как стало известно о похищении Эйхмана, он понимал, что

на славу претендуют и другие люди, и подчеркивал, что сама по себе операция по поимке Эйхмана – заслуга не его. «Моя роль на последнем этапе операции, – писал он в письме в “Яд-Вашем”, – была более чем скромной. Возможно, моя основная заслуга состоит в том, что прошлой осенью я – с помощью новых улик – растормошил это дело заново». В другом письме он пишет, что средства массовой информации преувеличивают его роль в операции и что ему неприятно отнимать славу у тех, кто принимал участие в ее последнем этапе, то есть у агентов Моссада и ШАБАКа.

Исер Харэль кипел от злости, но вынужден был молчать, а Визенталь, в свою очередь, пытался заставить замолчать Тувью Фридмана. Он написал в израильское посольство в Вене, что допускать Фридмана на телевидение и давать ему выступать на пресс-конференциях опасно, так как у него «недостаточно ума, чтобы воздержаться от слов, которые причинят Израилю ущерб». С сотрудниками «Яд-Вашем» Фридман в то время состоял в конфликте, и они предпочитали работать с Визенталем.

В месяцы, предшествовавшие суду над Эйхманом, Визенталь помогал израильской полиции и прокуратуре готовить обвинительное заключение. Его спрашивали, может ли он предоставить информацию о связях между Эйхманом и муфтием; просили – за вознаграждение – проверить документы, находившиеся в Министерстве юстиции в Вене; он снабжал полицию информацией, полученной от журналистов, включая сведения о приемах, которые собирались использовать адвокаты Эйхмана, а также передавал полиции данные, полученные от людей, обратившихся к нему по собственной инициативе, после того как его имя получило широкую известность.

В числе прочего ему – по его словам – удалось раздобыть для обвинения один крайне интересный документ: распечатку записанного на магнитофон биографического интервью, которое взял у Эйхмана один из его аргентинских знакомых, Виллем Сассен. Сассен был эсэсовцем голландского происхождения и тоже жил в Буэнос-Айресе. Он занимался издательским делом и неонацистской пропагандой. Он уговорил Эйхмана записать свои воспоминания на пленку, и тот – из гордыни, корыстолюбия, а главным образом по глупости – согласился. Каким именно образом распечатка попала в руки обвинения, неясно, но не исключено, что Визенталь действительно был к этому причастен. Он упоминал об этом несколько раз, в том числе в письме к главному обвинителю на суде над Эйхманом Гидеону Хаузнеру.

Трудно сказать, в какой степени информация, раздобытая Визенталем, действительно обвинению помогла, но нет никаких

сомнений в том, что ведомства, занимавшиеся подготовкой судебного процесса, относились к его данным со всей серьезностью. Бен-Гурион, в частности, был обеспокоен сообщением Визенталя о том, что бывшие нацисты готовились суд сорвать. По словам Визенталя, некто (как всегда, названный им только первой буквой имени) сообщил ему, что существовал план освободить Эйхмана путем обмена его на известного человека, которого бывшие нацисты собирались с этой целью похитить в Бонне. Источник Визенталя утверждал, что план был разработан проживавшим в Дамаске помощником Эйхмана Алоисом Брунером, а заложником должен был стать не кто иной, как президент Всемирного еврейского конгресса Нахум Гольдман.

Информация, присланная Визенталем, была очень подробной и включала в себя точные даты операции, источники финансирования и имена нескольких участников, среди которых был один из членов алжирского подпольного Фронта национального освобождения. Визенталь утверждал, что ему удалось проверить и подтвердить несколько сообщенных источником деталей, однако в том, что речь шла о реально планируемой операции, он уверен не был. Тем не менее он, по его словам, довел данную информацию до сведения «соответствующих инстанций», отвечавших за безопасность Гольдмана, под которыми подразумевался, по-видимому, Моссад.

В дни подготовки к суду Визенталь работал над книгой, где собирался рассказать о своей роли в поимке Эйхмана и, помимо всего прочего, обнародовать в ней свои письма Гольдману: он хотел наконец-то с ним рассчитаться. Он снял с этих писем копию и послал ее в «Яд-Вашем». «Как вы увидите, – писал он, – мы напрасно потратили шесть лет». По его словам, теперь у него не было причин молчать. Эта история не переставала его волновать, и в течение двух дней он послал в «Яд-Вашем» целых два письма на эту тему.

Его книга вызвала большой резонанс. Газета «Едиот ахронот» посвятила ей целую полосу в шесть колонок с заголовком: «Я всегда говорил, что он в Буэнос-Айресе». Журналист Хаим Масс, помогавший Визенталю готовить издание книги на иврите, делал особый акцент на поведении Гольдмана в этой истории.

Всемирный еврейский конгресс попытался было утверждения Визенталя опровергнуть, но Гольдман подтвердил, что тот говорил правду. В числе прочих к этому скандалу проявил интерес Бен-Гурион, сделавший соответствующую запись в дневнике. Гольдман заявил, что передал информацию, полученную от Визенталя, в ЦРУ, но Визенталь услышал об этом впервые и по понятным причинам был возмущен тем, что ему

никто об этом не сказал.

В Австрию он вернулся в очень приподнятом настроении. «Общаясь с вами, – писал он сотрудникам “Яд-Вашем”, – я испытывал невыразимое счастье», – и отмечал, что уже много лет не удостаивался такого к себе отношения, какого удостоился в Иерусалиме. Таким счастливым он не был со дня рождения своей дочери. Эйхмана поймали; он в этом участвовал; его участие получило признание – одним словом, все было прекрасно. Даже книгу и ту он успел опубликовать в самый подходящий момент, примерно за шесть недель до начала суда над Эйхманом.

4. Суд в Иерусалиме

Судебный процесс над Эйхманом состоялся в Иерусалиме, в здании «Бейт-Аам» (зал которого был специально оборудован так, чтобы в нем могли работать представители мировых СМИ), и открылся 11 апреля 1961 года. Через несколько недель после этого Визенталь увидел Эйхмана впервые, лицом к лицу. Он был поражен. Человек, сидевший в клетке из непробиваемого стекла, был совершенно непохож на чудовище, которое все ожидали увидеть. У него не было «наводящих ужас глаз» и «хищных рук» (как позднее писал прокурор Гидеон Хаузнер). Это был человек в костюме, лет пятидесяти пяти, с залысинами, в очках, с нервно подрагивавшими уголками губ, который сидел и все время перелистывал папку с документами. Его внешность была абсолютно неприметной. «Князь тьмы рядится в дворянина», – процитировал Хаузнер шекспировского «Короля Лира», но Визенталь считал, что суд произведет более сильное впечатление, если Эйхман будет выглядеть как нацистский преступник, и предложил Хаузнеру переодеть его в эсэсовскую форму. Если бы это было возможно, говорил Визенталь, стоило бы также потребовать, чтобы Эйхман ответил на вопрос, признает ли он себя виновным шесть миллионов раз.

Медленным началом процесса Визенталь был недоволен. У западногерманского защитника Роберта Сервациуса было много претензий к суду, и некоторые из прибывших на процесс звезд мировой журналистики стали угрожать отъездом. Прокурор Хаузнер об этом знал и начал свою обвинительную речь словами, удостоившимися громких заголовков и вошедшими в историю. «Здесь, на этом месте, где я стою перед вами, судьи Израиля, чтобы предъявить обвинения Адольфу Эйхману, – сказал он, – я стою не один. Вместе со мной здесь находятся в данный момент еще шесть миллионов обвинителей».

Такое начало ясно показывало, каким планировалось сделать этот суд. По замыслу, он должен был воздействовать скорее на эмоции, чем на разум, и на нем не предполагалось давать глубокий анализ факторов, повлиявших на приход нацистов к власти, составляющих элементов мощи нацистского режима и причин, заставивших миллионы людей в нацизм поверить и его поддержать. Не предполагалось на этом суде также анализировать сущность расизма вообще и немецкого антисемитизма в частности и не планировалось рассматривать вопрос о том, что позволило нацистам использовать властные бюрократические механизмы, чтобы убивать евреев. По словам

Хаузнера, именно Адольф Эйхман «планировал, инициировал, организовывал и приказывал другим проливать океаны крови», но первые слова его вступительной речи свидетельствовали о том, что в центре судебного разбирательства будет находиться не Эйхман, а страдания еврейского народа.

Бен-Гурион – в своих письмах и в интервью, которые он давал перед началом суда, – подчеркивал, что как человек Эйхман его совершенно не интересует; значение для него имел только сам по себе исторический судебный процесс над ним. Он надеялся, что этот процесс заглушит голоса тех, кто обвинял еврейское руководство Палестины в том, что во время Холокоста оно не занималось спасением евреев, и тех, кто выступал против установления связей между Израилем и Западной Германией.

Бен-Гурион лучше всех понимал, что Израиль страна слишком молодая, что ее население еще не превратилось в «израильский народ», и хотел, чтобы израильское общество испытало коллективное, всеохватное, патриотическое, очищающее переживание, своего рода национальный катарсис. Кроме того, он надеялся, что суд над Эйхманом заставит весь мир понять, что израильтяне – единственные законные наследники шести миллионов погибших во время Холокоста евреев и что арабские государства, желающие Израиль уничтожить, пытаются довести до конца преступление, начало которому положила нацистская Германия.

В Иерусалиме Визенталь провел несколько недель в качестве гостя израильского правительства. Свидетельские показания, которые он слышал на суде, были ужасными, но мало добавляли к тому, что он знал и без того, в том числе и на собственном опыте. Хорошо, что Эйхмана не поймали раньше, говорил он позднее. Если бы Эйхман предстал перед судом в Нюрнберге вместе другими военными преступниками и был американцами казнен, факт истребления евреев не приобрел бы в глазах всего мира той значимости, которой он заслуживает, и не вошел бы в анналы истории. Как выразился Визенталь, в этом случае «никто бы даже не пикнул».

Во время Второй мировой войны погибло больше людей, чем в любой из предыдущих войн: семьдесять пять миллионов человек, из которых пятьдесят миллионов были гражданскими лицами, – и тот факт, что среди погибших было несколько миллионов евреев, в Нюрнберге не скрывался. Однако упоминался он лишь наряду с другими совершенными нацистами преступлениями против человечества. Кроме того, Нюрнбергский процесс был, как правило, основан на документах и в центре его внимания находились преступники. Суд же над Эйхманом был

посвящен не всем преступлениям нацистов вообще, а в первую очередь их преступлениям против еврейского народа, базировался в основном не на документах, а на свидетельских показаниях, и в центре внимания на нем находились не преступники, а жертвы.

Визенталь ничего не имел против того, чтобы факт истребления евреев использовался в качестве доказательства справедливости сионистской идеологии и для оправдания существования Государства Израиль, но желание израильтян присвоить себе монопольное право на Холокост его смущало. Сидя на заседаниях суда, он размышлял о природе нацистского зла и каждый раз, когда смотрел на сидящего в стеклянной клетке Эйхмана, испытывал острую потребность понять его психологические мотивы и душевное устройство.

Своими показаниями Эйхман себе только вредил. Он говорил длинными запутанными предложениями, уснащал свою речь нацистскими бюрократическими терминами, всячески старался понравиться суду и вел себя так, словно речь шла всего лишь о каком-то недоразумении, которое надо было попросту разъяснить. Он говорил, что решение убить всех евреев было принято не в его отделе, а в другом, что те решения, которые принимались в его отделе, принимались не им, а его начальством, что он всего лишь выполнял чужие приказы и был инструментом в руках людей, которые были сильнее его. Поэтому нет смысла спрашивать его, раскаивается ли он. Он, разумеется, признает, что истребление евреев стало одним из самых ужасных преступлений в истории человечества, но он был только маленьким винтиком большого механизма и, подобно Понтию Пилату, прокуратору Иудеи в эпоху распятия Иисуса, «умывает руки». Однако если бы ему приказали убивать евреев лично – например, в Освенциме, – то он, дабы разрешить противоречие между солдатским долгом и совестью, пустил бы себе пулю в лоб.

Чем больше Визенталь его слушал, тем больше убеждался, что перед ним человек пустой и совершенно банальный, и позднее, когда была опубликована книга Ханны Арендт[6], он с ее мнением об Эйхмане согласился. Когда Арендт сидела в зале иерусалимского суда, ее уже тогда считали одним из крупнейших мыслителей США. Ее книга о суде над Эйхманом получила известность в первую очередь благодаря своему подзаголовку «Репортаж о банальности зла». На суде в Иерусалиме Арендт нашла подтверждение своим уже сформировавшимся к тому времени взглядам, согласно которым уникальность нацистского зла состояла не в садистских извращениях, лежавших в основе поведения многих преступников, а в том, что оно превратило в

аморальных существ даже самых обычных людей. Зло, по мнению Арендт, проникло в души людей так глубоко, что против него не имели иммунитета даже его жертвы. Книга вызвала споры во всем мире. Это стало вкладом суда над Эйхманом в политический дискурс двадцатого века.

Визенталь философом не был, но когда он попытался понять движущие мотивы поведения Эйхмана, то тоже пришел к выводу, что тем руководило не мировоззрение и даже не антисемитская идеология, а исключительно механическое послушание: если бы ему велели убить отца, он убил бы и его. «Он человек не нравственный и не безнравственный – он вне-нравственный, нечто вроде совершенного робота…» – говорится в предисловии к ивритскому изданию книги Визенталя об охоте за Эйхманом.

Согласен был Визенталь также и с тем, что Арендт написала о созданных нацистами еврейских советах, «юденратах». «Я снова и снова думаю о том, что, если бы не помощь еврейских советов и еврейской полиции, немцы не смогли бы реализовать свой план; во всяком случае, не в таких масштабах», – писал он.

Теория «банальности зла» Ханны Арендт была очень пессимистическим взглядом на природу человека, и популяризаторы этой теории утверждали, что в принципе носителем зла и нацистом может стать любой человек. Нашла свое отражение эта точка зрения и в научной литературе. Однако в марте 2000 года израильское правительство разрешило опубликовать автобиографию Эйхмана, написанную им в тюрьме, и оказалось, что он был человеком намного более «идеологическим», чем теория о «банальности зла» была готова признать, и что он вовсе не выполнял приказы, как робот.

Автобиография Эйхмана – это показания очевидца. Он подробно описывает убийства евреев и утверждает, что они производились на основе четкого приказа самого Гитлера. Историки, правда, такого приказа обнаружить не смогли, но считать, что Эйхман говорит неправду, у нас нет причин. Уничтожение евреев он описывает как ад, говорит, что выдержать этот кошмар ему помогли только алкоголь и никотин, и пытается убедить читателя, что антисемитом не был: по его словам, у него был друг-еврей, а однажды он даже поцеловался с двоюродной сестрой, которая была наполовину еврейкой. Тем не менее его «идолами» были именно нацисты, и именно так – «Идолы» – он и хотел свою книгу назвать.

Его воспоминания свидетельствуют о глубокой, сознательной и аргументированной солидарности с нацистской идеологией, и он прекрасно отдавал себе отчет, почему придерживался нацистских взглядов. Он интересовался политикой, читал газеты,

и унизительное поражение Германии в Первой мировой войне приводило его в ярость. Он был приверженцем идеи расовой чистоты, считал, что от евреев необходимо избавиться, и его поступками, таким образом, руководило отнюдь не слепое послушание. Он делал то, что считал правильным. Как человеку гуманистических взглядов Визенталю с этим смириться было трудно, и он предпочел теорию Ханны Арендт, которая, как и он, тоже отказывалась видеть в Эйхмане человека мыслящего. Однако в этом отношении оба они ошиблись.

В мае 1962 года Эйхман был приговорен к смерти и повешен, но перед этим несколько интеллектуалов попросили Бен-Гуриона его не казнить. Выступили против казни и два израильских министра. Но все это были голоса одиночные. Между тем Визенталь – о чем мало кто в то время знал – тоже считал, что лучше оставить Эйхмана в живых. «На мой взгляд, – писал он за несколько месяцев до казни, – это не столь уж и важно. В продолжении его жизни нет никакого смысла, но никакого смысла нет и в его смерти». Кроме того, он считал, что если Эйхман умрет, то о его преступлениях могут забыть, а если будет сидеть в тюрьме, о них будут время от времени вспоминать. К тому же Эйхман не рассказал всего, что ему было известно, и, по мнению Визенталя, в будущем его показания могли принести пользу, в частности привели бы к судебным процессам над другими преступниками. Наконец, Эйхман не выразил публичного раскаяния, чему Визенталь придавал, судя по всему, важное значение. В любом случае, полагал он, пожизненное заключение – наказание более суровое, чем смертная казнь.

Все это он написал в ответ на письмо, пришедшее из Нью-Йорка. Люди писали ему теперь из многих стран мира. Его книга о погоне за Эйхманом была переведена на несколько языков, хорошо продавалась и начала приносить доход. Однако другие тоже писали об Эйхмане книги, и одна из них – написанная Моше Перельманом – сильно Визенталя разозлила. Он послал резкое письмо протеста израильскому министру юстиции Пинхасу Розену, где заявил, что Перельман использовал его собственные материалы. За много лет до этого Перельман опубликовал книгу о муфтии, и тогда Визенталь тоже утверждал, что Перельман опирался на его разыскания. Разозлил Перельман и Тувью Фридмана. Он тоже написал книгу о погоне за Эйхманом, но израильское консульство в Нью-Йорке мешало, по его словам, ее публикации, чтобы она не повредила успеху книги Перельмана.

Тем временем далеко от Израиля, в маленьком городке к югу от Буэнос-Айреса, сидел полуслепой еврей Лотар Герман и думал – причем вполне оправданно, – что еврейские лидеры его

обманули. Ведь именно его, Германа, письмо западногерманскому прокурору Фрицу Бауэру дало толчок тому процессу, который в конечном счете и привел к поимке Эйхмана, однако обещанную конгрессом награду в десять тысяч долларов Герман так и не получил. В числе прочих он писал об этом также Визенталю.

Судя по всему, вознаграждение не было выплачено Герману, чтобы не задевать самолюбия Исера Харэля, считавшего операцию исключительно своей заслугой и очень переживавшего из-за того, что он был вынужден держать этот факт в секрете. И хотя за Германа хлопотали несколько человек (в частности, Фридман), прошло целых десять лет прежде, чем премьер-министр Голда Меир, относившаяся к Харэлю как к своему заклятому врагу, приказала выплатить Герману то, что ему причиталось.

Судебный процесс над Эйхманом и его казнь послужили одной из главных причин, по которой Холокост превратился в один из центральных элементов израильской национальной самоидентичности, но благодаря широкому освещению этого процесса в средствах массовой информации он стал неотъемлемой принадлежностью «коллективной памяти» также и в таких странах, как ФРГ и Австрия, где о нем писали книги, снимали фильмы и ставили спектакли. Согласно отчету специального отдела Моссада, который эти процессы отслеживал, после суда над Эйхманом в ФРГ произошел целый ряд перемен: ушел в отставку министр Теодор Оберлендер, принимавший участие в оккупации Львова; в полиции земли Рейнланд-Пфальц была проведена чистка рядов; в земле Баден-Вюртенберг были уволены двадцать три судьи; а кроме того, власти ФРГ и Австрии стали активнее арестовывать, допрашивать и судить нацистских престпников. В отчете Моссада говорится, что за прошедший со дня окончания суда год количество арестов удвоилось с сорока до восьмидесяти, а преступников стали отдавать под суд в два раза чаще, и если за два предшествовавших суду года к пожизненному заключению было приговорено только пять человек, то всего лишь за один год после него – уже семь. Аналогичные процессы происходили и в других европейских странах. За два года, предшествовших суду, к смерти там был приговорен всего один нацистский преступник (это произошло в Польше), а уже в первый год после суда – целых двенадцать: семь – в Советском Союзе, двое – в Польше, двое – в Восточной Германии и один – во Франции.

Визенталь составил отчет о реакции на процесс над Эйхманом в Австрии и написал в нем, что эта реакция была в целом положительной. Воодушевленный этим, он переехал из

Линца в Вену и открыл там новый Центр документации. Параллельно с работой в Центре он также сотрудничал с Моссадом. Последующие десять лет были самыми важными и интересными годами в его жизни.

Глава девятая. «Частный детектив с шестью миллионами клиентов»

1. Фигаро здесь, Фигаро там

Уже через полгода после переезда в Вену Визенталь опубликовал первый – и весьма впечатляющий – шестнадцатистраничный отчет о своей деятельности, где, помимо всего прочего, сообщил, что ему удалось установить место проживания одного из людей Эйхмана, Эриха Райаковича, и его последующие попытки предать Райаковича суду удостоились в газетах заголовков не менее громких, чем те, что предшествовали процессу над Эйхманом. Это был успех, в котором Визенталь очень нуждался, ибо создание нового Центра проходило не без трудностей.

После суда над Эйхманом главы еврейской общины Вены преисполнились решимости потребовать суда над нацистскими преступниками и, зная, каким высоким авторитетом пользовался Визенталь, решили (после консультаций с израильским посольством) создать в городе Центр документации, перед которым ставились три основные задачи: бороться с антисемитизмом, собирать свидетельства об истреблении евреев и искать нацистских преступников, дабы предать их суду. У Визенталя, таким образом, впервые появилась возможность полностью посвятить себя главному делу своей жизни. Друзья из мемориала «Яд-Вашем» прислали ему в связи с этим поздравительную телеграмму. Однако из-за того, что в качестве вице-президента линцской общины Визенталь был замешан в многочисленных дрязгах, к нему относились с определенной долей недоверия, и австрийские еврейские общины (договорившиеся совместно финансировать деятельность нового центра, включая зарплату Визенталя) выделили только половину той суммы, которую он запросил.

Располагалась новая организация в самом центре города, по адресу переулок Целинка, дом 4, в респектабельном «буржуазном» здании с неоклассицистскими мраморными колоннами, массивной деревянной входной дверью и фойе с цветным мозаичным полом и потолком, украшенным фреской с цветами. Но Визенталь получил там всего две маленькие комнатки и секретаршу на полставки – как какой-нибудь мелкий общинный клерк – и был этим оскорблен. Планы у него были большие, и узкими рамками еврейской венской общины он свою деятельность ограничивать не собирался.

Он приступил к работе в октябре 1961 года и уже в первые несколько недель установил контакты с австрийскими органами суда и правопорядка. Он всегда подчеркивал, что не имеет

намерения подменять государственные структуры и постоянно напоминал австрийцам, что они обязаны очиститься от пятен прошлого самостоятельно, однако жизнь быстро научила его, что для того, чтобы тот или иной нацистский преступник предстал перед судом, кто-то должен провести предварительное расследование и представить властям проверенные улики, после чего у них уже не останется другого выхода, как продолжать следствие.

Он укрепил связи с западногерманским Центральным управлением по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге, израильской полицией и целым рядом исследовательских институтов и, помимо всего прочего, вплотную занялся упоминавшимися на суде в Иерусалиме помощниками Эйхмана, которых ему тоже хотелось поймать.

Эрих Райакович был адвокатом и бизнесменом. Первые услуги, которые он оказал нацистам после того, как они в 1938 году присоединили Австрию к Германии, были связаны с ограничением экономических прав евреев и конфискацией их имущества. Эйхман уговорил его поступить на работу в нацистскую службу безопасности и послал в Голландию. Согласно документам, представленным суду обвинением на процессе над Эйхманом, Райакович руководил отправкой евреев на смерть.

Визенталь был не первым, кто стал искать Райаковича: до него им интересовалось ЦРУ в связи с поисками конфискованного у евреев имущества, однако достаточной настойчивости не проявило, и Райаковичу удалось от наказания ускользнуть. Он поселился в Италии, поменял фамилию на «Райа» и стал торговать со странами коммунистического блока, в частности с ГДР и КНР. По этой причине он снова привлек к себе внимание ЦРУ, но, судя по всему, на этом этапе оно либо не знало, что Райа – это Райакович, либо попросту этим не интересовалось. Американцы хотели использовать связи Райи за «железным занавесом», но тот им отказал. Тем временем на его имя в материалах суда над Эйхманом наткнулся Визенталь.

На допросе Эйхман упомянул о беседе, состоявшейся у него с Райаковичем в Аргентине, и поначалу Визенталь решил, что Райакович тоже скрывался в этой стране. Тем не менее он передал собранные им улики австрийским властям и сумел добиться от них выдачи ордера на арест.

По его словам, время от времени он общался с опытными венскими адвокатами, занимавшимися еврейским имуществом, и однажды кто-то сказал ему, что Райакович – это бизнесмен по фамилии Райа, проживающий в Милане. Визенталь не рассказал, от кого именно ему стало об этом известно, но своего желания

поймать Райу не скрывал. Это дело потребовало от него большого терпения.

В первом отчете о деятельности своего Центра, опубликованном в апреле 1962 года, Визенталь сообщил, что, хотя место проживания Райи ему установить удалось, денег для финансирования действий, необходимых для ареста преступника, у Центра нет. Однако в отчете, опубликованном двумя годами позже, он говорит, что деньги все же нашел и съездил в Италию, причем перед отъездом сумел получить важную информацию в одном из банков, с которым Райа поддерживал деловые отношения. Визенталь сказал сотрудникам банка, что якобы собирается заниматься с Райей бизнесом, и те не только дали ему адрес Райи в Милане, но и – почему-то – сообщили номер его автомобиля.

В Милане Визенталь пошел к начальнику полиции, встречу с которым устроил ему глава местной еврейской общины. В таких случаях Визенталю нередко помогала его известность. Начальник спросил его, не он ли принимал участие в поимке Эйхмана, и, когда Визенталь ответил утвердительно, спросил, на чем тот собирается увозить пленника – на самолете или корабле.

Хотя итальянцы и отнеслись к Визенталю с симпатией, тем не менее сказали, что просьбу об аресте удовлетворить не могут, поскольку Райа не гражданин Италии и никаких итальянских законов не нарушал. Тогда еврейская община обратилась к министру юстиции, и тот сказал, что в принципе он мог бы выдать ордер на арест Райи сроком на 60 дней, но только если получит официальную просьбу от австрийского правительства. В результате Визенталю пришлось отправиться в странствие по лабиринтам венской бюрократии.

Убедить австрийские власти обратиться к Италии с просьбой об аресте Райи оказалось непросто. Чиновники либо уклонялись от ответа вообще, либо давали Визенталю ответы туманные и расплывчатые, либо говорили, что следствие по делу Райи ведется, но окончательных результатов еще нет, и так далее и тому подобное, а генеральный прокурор Палин заявил ему, что «тот, кто создает концлагерь, поступает, разумеется, по-свински, но сегодня это деяние более ненаказуемо», после чего его канцелярия уведомила Визенталя, что окончательный ответ будет дан только после того, как Палин вернется с пасхальных каникул. Прокурор явно никуда не торопился. «Лишь потом, – писал Визенталь позднее, – я узнал, что Палин и Райакович учились в одной школе в Граце».

Оставался только один выход (и по своему опыту Визенталь знал, что этот метод обычно срабатывает): он позвонил

корреспонденту итальянской газеты «Корьера делла сера», рассказал, о чем идет речь, и уже через несколько часов корреспондент прибыл к Райе домой и попросил дать интервью. Визенталь понимал, что после этого Райа может сбежать (и действительно на следующий день тот пошел в банк, снял крупную сумму денег, сел в свой красный «фиат» и исчез), но Визенталь, к счастью, знал номер его машины.

Другие газеты тоже проявили к этой истории интерес, но Визенталь хранил верность «Корьера делла сера», и через какое-то время один из корреспондентов газеты позвонил ему и сказал, что Райа въехал в Швейцарию, где у него была вилла. Визенталь известил об этом швейцарскую полицию. На виллу, правда, Райа так и не приехал, но горничная, работавшая в одной из гостиниц в Лугано, узнала его по фотографии в газете, и полиция попросила его покинуть страну. Однако когда он попытался вернуться в Италию, его туда уже не впустили. Отказались его впустить также Франция и ФРГ.

Визенталь наблюдал за всем этим не без удовольствия. Время от времени он получал сообщения, что Райаковича видели то там, то сям, после чего тот снова исчезал, и Визенталь пишет, что это напоминало ему арию из оперы Россини «Фигаро здесь, Фигаро там». В какой-то момент он узнал, что Райа собирается прибыть на самолете в Вену – рейсом из Цюриха – и вместе с несколькими журналистами отправился встречать его в аэропорт, но Райа так и не прилетел. Оказалось, что его самолет совершил промежуточную посадку в Мюнхене, где он сошел и снова исчез.

Когда Палин наконец-то вернулся после пасхальных каникул, Визенталь пришел к нему и потребовал пообещать, что Райа будет арестован, как только его нога ступит на австрийскую землю, но прокурор снова попытался его «отфутболить», заявив, что собранных Визенталем материалов недостаточно. Тогда Визенталь сказал, что евреи сейчас празднуют Песах, и попросил разрешения прокурора воспользоваться его кабинетом, чтобы произнести кадиш в память о ста десяти тысячах голландских евреев, отправленных на смерть. Прокурор утратил самообладание. «Чего вы от меня хотите?» – закричал он. Визенталь ответил, что хочет правосудия. «А если окажется, что Райа невиновен?» – спросил прокурор. Визенталь сказал, что лучше арестовать его, судить и оправдать, чем не делать ничего вообще.

В конце того же месяца Райа на своей машине приехал из ФРГ в Вену и сдался полиции. Это произвело сенсацию. Журнал «Тайм» написал, что Райа арестован благодаря Визенталю, и напомнил миллионам своих читателей, что Визенталь – тот

самый человек, который помог найти Эйхмана.

Трудно сказать, действительно ли все из того, что рассказал Визенталь, произошло на самом деле, но стиль его работы был именно таким: он листал папки, рылся в документах, кому-то звонил, кому-то писал, пытался соединить в единое целое разрозненные обрывки информации – как если бы они были элементами некого огромного пазла, – и успех его предприятий во многом зависел от случая и удачи.

Ему почти всегда приходилось вступать в конфликт с властями и часто прибегать к услугам СМИ, он умел относиться к себе и своей деятельности с иронией и искренне считал, что им движет исключительно стремление к справедливости. Однако его эмоциональная вовлеченность была гораздо более глубокой, чем он сам готов был это признать.

Если ему удавалось обнаружить преступника и отдать его под суд, он был доволен, а если нет – то переходил к работе над следующим делом.

Райа был арестован, но добиться адекватного наказания для него Визенталю не удалось. Он сделал все, что мог (помимо всех прочих ему помогала, в том числе, и израильская прокуратура), но материалов, представленных им в австрийскую прокуратуру, не хватило, и по обвинению в убийстве Райа был оправдан. Его признали виновным только в депортации голландских евреев.

Суд над ним еще раз продемонстрировал ограниченные возможности избранного Визенталем метода работы. Правила игры, на основании которых суды выносили приговоры, работали – как это и принято в уголовном судопроизводстве – в пользу подсудимых.

Приговор по делу Райаковича был вынесен судом присяжных. Его приговорили к тридцати месяцам тюрьмы. Впоследствии – уже выйдя на свободу – он подал на Визенталя в суд и выиграл. Западногерманского издателя, опубликовавшего одну из книг Визенталя, обязали вычеркнуть из нее несколько строк, где говорилось, что Райа – коммунистический агент. Райа отпраздновал это событие, опубликовав собственную книгу.

2. Теократ

Уже через несколько месяцев после своего открытия венский Центр документации был завален многочисленными обращениями. Визенталь педантично регистрировал и подсчитывал всю входящую и исходящую переписку: получено 1374 письма, отправлено 1507, – и чем дальше, тем писем приходило все больше и больше. Центр документации приобрел широкую известность.

Люди из разных стран писали Визенталю о том, что произошло с ними во время Холокоста, причем делали это, не ожидая, что он этой информацией воспользуется, а скорее потому, что чувствовали себя окруженными стеной равнодушия и нуждались в том, чтобы их кто-то выслушал. Истории, содержащиеся в некоторых из этих писем, были чудовищными. Так, некто Сами Рахмут из Иерусалима писал, что перестал верить в Бога после того, как Тот позволил эсэсовцам убить младенца, которого они отняли у одной женщины. Сначала они катали его по земле ногами, как футбольный мяч, а когда он превратился в кусок окровавленного мяса, бросили на съедение своим собакам и заставили мать на это смотреть. После чего сорвали с нее кофту и приказали стереть ею кровь ребенка с их сапог.

Чтобы читать такие письма, Визенталю требовалось очень много душевных сил.

Всеми темами, которые ему подбрасывали, он, разумеется, заниматься не мог. Тем не менее он завел несколько сотен дел и сумел обнаружить несколько десятков нацистских преступников, примерно полдюжины из которых были по его инициативе арестованы. Удалось ему добиться в этот период и еще одного маленького успеха: заставить власти издать постановление об аресте эсэсовского офицера, уроженца Австрии Отто Скорцени, получившего известность благодаря проведенным им во время войны отчаянным диверсионными операциям, в частности похищению итальянского диктатора Бенито Муссолины из партизанского плена. После войны Скорцени стал своего рода знаменитостью. Журналисты много писали о его приключениях и приписывали ему в том числе неудавшиеся планы похищения Сталина и Черчилля. Визенталь утверждал, что Скорцени стоял во главе тайной организации «Паук», являвшейся предшественницей организации «ОДЕССА». В 60-е годы Скорцени жил в Мадриде под защитой своего друга, испанского диктатора Франсиско Франко, и занимался международной торговлей оружием, в частности

поставлял оружие Египту.

В первом отчете о деятельности своего Центра Визенталь писал, что в ноябре 1938 года Скорцени принимал участие в событиях так называемой «Хрустальной ночи», когда в нескольких немецких и австрийских городах нацисты сожгли большое количество синагог и принадлежавших евреям магазинов и лавок.

Через некоторое время после этого Визенталь стал работать на организацию, на которую работал и Скорцени – на Моссад.

На последней странице израильского «лесепассе» Визенталя стояла подпись «уполномоченного по делам репатриации» Рафаэля Мейдана. Мейдан работал в Моссаде, и Визенталь мог об этом знать. В сентябре 1955 года Мейдан написал Визенталю прощальное письмо, где пообещал, что его преемник, Гиора Раанан, вскоре придет его навестить.

По истечении срока службы в Вене Мейдан был переведен в Нью-Йорк, но в начале 1960 года снова вернулся в Вену. Это произошло через некоторое время после поимки Эйхмана. В Моссаде существовал тогда маленький отдел, занимавшийся преимущественно охраной еврейских учреждений за границей и прочими связанными с еврейской диаспорой вопросами. В конце 1959 года по всему миру прокатилась волна антисемитских акций (в частности, на многих еврейских кладбищах на памятниках были намалеваны свастики), и Моссад вел слежку за неонацистскими организациями. Мейдан считал, что преследование нацистских преступников в обязанности Моссада не входило. Так же считали и некоторые другие, включая начальника Управления военной разведки Меира Амита, который позднее сменил Исера Харэля на посту главы Моссада.

Одно из заданий, возложенных на Мейдана, состояло в том, чтобы изучить вопрос о возможной связи между немецкими учеными-ракетчиками, работавшими в Египте, с одной стороны, и ветеранами нацистского режима и неонацистскими организациями – с другой, и представить на эту тему отчет. Мейдан, естественно, отправился за информацией к Визенталю и во время разговора открыл ему страшную тайну, сказав, что Моссад хочет завербовать Отто Скорцени. Цель операции состояла в том, чтобы с помощью Скорцени выйти на одного из офицеров службы безопасности некоего ракетного проекта. Контакт со Скорцени установил сам Мейдан, хотя – как это обычно в мире спецслужб и бывает – довольно замысловатым способом. На Скорцени он вышел через его вторую жену, а на ту, в свою очередь, – через одного бизнесмена-еврея, жившего в Финляндии и много помогавшего Израилю.

Уговорить Скорцени оказалось нетрудно: раньше он уже

работал на американцев. Однако в одном из документов ЦРУ говорится, что он согласился сотрудничать только при условии, если ему будет выдана справка, что он не участвовал в вывозе Эйхмана из Европы, и Мейдану он тоже поставил условие, заявив, что согласится работать на Израиль только в том случае, если Визенталь вычеркнет его из своего списка разыскиваемых преступников. Он отрицал, что участвовал в погромах в «Хрустальную ночь», и хотел, чтобы Визенталь добился отмены постановления о его аресте, так как в Вене у него был бизнес и жила его дочь, которую он хотел навестить.

«Одним словом, – сказал Мейдан Визенталю торжественно, – Государство Израиль нуждается в вашей помощи».

Визенталь был потрясен до глубины души. К тому времени он уже знал, что нацисты состояли на службе у американцев, да и сам не гнушался получать у бывших нацистов ту или иную информацию, но даже в самом страшном сне ему не могло присниться, что он получит такую просьбу от Израиля. Таким образом, он оказался перед лицом ужасной дилеммы: выполнить свой еврейский и человеческий долг и свершить над Скорцени справедливый суд или же принести этот долг в жертву во имя безопасности Государства Израиль, которому он помогал еще со времен сотрудничества с организацией «Бриха». Это было одно из самых трудных решений в его жизни.

В конце концов – после долгих раздумий и колебаний – он отказался. Даже много лет спустя, когда Визенталь уже перестал обвинять Скорцени в том, что тот имел отношение к «Пауку» и «ОДЕССА», он по-прежнему продолжал настаивать, что в «Хрустальную ночь» тот поджег в Вене две синагоги. Мейдан отнесся к его решению с пониманием.

Впрочем, в конечном счете Скорцени все равно согласился на Моссад работать. Визенталь – тоже.

К концу 50-х годов в Вене почти не осталось следов ужасных разрушений, причиненных бомбардировками союзников. Сразу после окончания войны венцы начали восстанавливать в городе нормальную жизнь. В опере снова запели, в соборе Святого Стефана возобновились богослужения, в парке Пратер закрутилось знаменитое колесо обозрения, как если бы никогда и не останавливалось, а в кафетериях опять стали подавать яблочный штрудель со сливками, словно никакой войны и не было.

Венские филателисты встречались раз в неделю – по воскресеньям, с утра, в кафе медицинского института «Йозефинум», – и Визенталь ни одной из этих встреч не пропускал. Через несколько лет они перебрались в кафе

«Музеум». Все филателисты друга друга знали, и каждый из них сидел за своим постоянным столиком, разложив на нем альбомы с марками.

Визенталя интересовали главным образом почтовые связи между различными областями Австро-Венгерской империи, и он терпеливо, как охотник, ждал, пока кто-нибудь продаст ему галицийские марки XIX века или предложит их на что-то обменять. Это было нечто вроде «биржи», и позднее Визенталю даже пришлось объясняться по поводу своих марочных сделок с налоговой службой. Однако приходил он туда не только для того, чтобы покупать, продавать или менять марки, но и для того, чтобы побыть в обществе других филателистов, разделявших его страсть к собирательству. Они пили пиво или кофе, а в обед расходились по домам.

Не исключено, впрочем, что Визенталь использовал эти встречи также для того, чтобы выуживать у своих коллег информацию, необходимую ему для работы, но, судя по всему, филателисты разговаривали преимущественно о марках. Именно поэтому они, по-видимому, и не проявляли особого интереса к молодому человеку, который иногда приходил с Визенталем, а если даже и спрашивали, кто он, Визенталь всегда мог сказать, что это израильский студент, который учится в Вене на ветеринара – что было правдой, – и добавить, что тот подрабатывал садовником, ибо это тоже соответствовало действительности.

Много лет спустя доктор Дов Оховский сполна оценил иронию этой ситуации. «Холодная война» превратила Вену в рай для тайных международных операций в духе романа Грэма Грина «Третий человек», и именно в этой атмосфере родилась популярная шутка о том, что «главный резидент КГБ работает в советском посольстве садовником». Оховский не был главным резидентом Моссада в Вене, но через некоторое время после того, как он начал работать садовником, на него были возложены всякого рода дополнительные обязанности, в частности быть связным между Моссадом и Визенталем.

Формально агентом Моссада Визенталь не считался, но тем не менее регулярно ему помогал. Он получал ежемесячное жалованье и имел кодовую кличку «Теократ». Его мозг был настоящим кладезем имен, и его память (как и сотни хранившихся у него в Центре личных дел) позволяла ему обнаруживать связи между людьми, интересовавшими Моссад. Среди прочего он сообщил Моссаду имя женщины, работавшей в Институте Макса Планка, которая поддерживавала контакты с немецким ученым, работавшим в Египте. Эта информация

позволила оказать на этого ученого давление и заставить его вернуться домой.

Как-то раз Визенталь попросил одного своего знакомого – корреспондента западногерманского журнала «Квик» Отмара Каца – выяснить адрес немецкого посредника, причастного к строительству Асуанской плотины в Египте. «Это для меня очень важно», – подчеркнул он.

Пригодились Моссаду также связи Визенталя с полицией и австрийским Министерством иностранных дел, поскольку в те дни в Австрии было принято записывать личные данные проживавших в гостиницах иностранцев; с этой целью у них забирали паспорта.

Часто передавал Визенталь агентам Моссада и данные о передвижении тех или иных людей: кто приехал, кто уехал – включая прибывших из арабских стран или туда направлявшихся.

Визенталь был старше Оховского на тридцать лет, и молодой студент им восхищался. Он относился к нему как к отцу. Один или два раза он бывал у Визенталя дома и лечил шпица его дочери. Визенталь запомнился ему как человек беспокойный и постоянно – то ли из страха, то ли из осторожности – озиравшийся. Находиться в его обществе было иногда приятно: он рассказывал анекдоты, делился воспоминаниями и демонстрировал познания во многих областях, – но временами общение с ним могло быть и тягостным. «Он, – вспоминал Оховский, – не всегда бывал приятным. Иногда он становился грубым, замкнутым и мог обидеть». Они виделись один, а иногда даже два раза в неделю. Когда Оховский не ходил с Визенталем в воскресный клуб филателистов, они встречались за одним из мраморных столиков в кафе «Корб», где тоже царило безмятежное спокойствие эпохи императора Франца-Иосифа.

3. Где Менгеле?

Помощь, которую Визенталь оказал Моссаду в истории с немецкими учеными, была не единственной и не главной. Хотя Моссад больше интересовался неонацистами, чем бывшими нацистами, тем не менее последние (например, Мартин Борман) тоже вызывали его интерес, и Визенталь получал за их поиски деньги. Например, его просили выяснить, поддерживает ли сын Бормана (который был католическим священником) связи с сыном врача из Освенцима Йозефа Менгеле.

Глава Моссада Харэль надеялся поймать Менгеле вместе с Эйхманом, но не сумел (причем во время операции погибла, судя по всему, женщина, израильский агент) и, пытаясь этот провал оправдать, заявил, что Менгеле сбежал из Буэнос-Айреса по вине Визенталя. Тот, мол, затеял процесс выдачи Менгеле Аргентиной Федеративной Республике Германии, но западногерманское посольство в Буэнос-Айресе кишело нацистами, и один из них предупредил Менгеле. По словам Харэля, это произошло в 1959 году. Трудно сказать, содержится ли в этих его словах доля правды, но, по крайней мере, одно можно сказать наверняка: Визенталь действительно очень хотел найти Менгеле.

Летом 1960 года Визенталь позвонил в Центральное управление по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге и сообщил, что, по полученной им недавно информации, Менгеле скрывается на греческом острове Китнос. В тот же день он написал об этом в «Яд-Вашем». История эта довольно странная. «Я получил это известие несколько минут назад», – драматично начал он свое письмо. Еще через два дня он прислал дополнительную информацию: Менгеле бежал из Аргентины в Чили, попытался получить политическое убежище в Египте, получил отказ и поехал на остров Китнос, где укрылся в одном из монастырей.

Почему Визенталь обратился именно в «Яд-Вашем», непонятно. Неясно также, почему он сделал это по почте. Ведь, как он сам писал, время поджимало: задерживаться на Китносе Менгеле не собирался, и действовавшая в ФРГ неонацистская организация планировала переправить его в другую страну. Кроме того, Визенталь предложил немедленно связаться с дипломатической миссией Греции в Израиле, и это предложение тоже было странным: ведь аналогичная инициатива привела к бегству Менгеле из Буэнос-Айреса.

Через несколько дней Визенталь послал эту информацию также в посольство Израиля в Вене.

Сотрудники «Яд-Вашем» подтвердили получение письма телеграммой; они были очень воодушевлены. «Само собой разумеется, – говорилось в телеграмме, – мы немедленно предприняли необходимые шаги. Если это дело выгорит, вы окажете нашему народу важную услугу, и мы, сотрудники архива, хотим воспользоваться этой возможностью, чтобы еще раз выразить вам огромную благодарность».

Впоследствии Визенталь предпочел не упоминать о том, что связывался с властями Германии и Израиля, писал в «Яд-Вашем» и предлагал обратиться в греческую дипломатическую миссию в Израиле. «Если бы, – писал он, – я сообщил об этом греческим властям по общепринятым дипломатическим каналам, мы бы потеряли несколько недель. На этот раз я тоже, как и много раз в прошлом, предпочел нестандартные шаги».

Он позвонил в «Квик», и журнал согласился отправить на Китнос Отмара Каца. Затея эта тоже была странной: ведь сам же Визенталь написал в израильское посольство в Австрии, что данное дело следовало сохранить в строжайшей тайне; если бы эта информация попала в прессу, Менгеле снова мог исчезнуть. Но своим знакомым из «Квика» он, по-видимому, доверял. Впоследствии он говорил, что журнал был заинтересован в материале о Менгеле, а его интересовал сам Менгеле.

Что должен был делать Кац, если бы он нашел Менгеле, тоже неясно, однако он его не нашел. По утверждению Визенталя, Менгеле уехал с острова за 12 часов до приезда Каца, но, когда журналист показал владельцу местной гостиницы фотографии беглеца, тот его сразу опознал. Однако, хотя позднее Кац и подтвердил, что действительно ездил на Китнос по наводке Визенталя, Менгеле, как выяснилось, не приезжал туда вообще и по возвращении Кац, по его словам, Визенталю об этом сказал. Тем не менее через много лет он прочел в книге Визенталя совсем другое.

Как звали человека, сообщившего, что Менгеле скрывался на Китносе, Визенталь так никогда и не открыл (он писал, что это был старый немец по имени Иоганн Т., бывший член нацистской партии), и вполне возможно, что он вообще все это придумал, чтобы искупить свою вину за побег Менгеле из Буэнос-Айреса. Однако не исключено, что он и в самом деле считал, будто попавшая ему в руки информация была правдивой. В любом случае израильское посольство отнеслось к этой информации очень серьезно и переслало ее в Иерусалим.

В целом вся эта история вызывает недоумение, и Визенталь вел себя в ней по-дилетантски. Но надежды он не терял.

Тем временем Моссад тоже пытался поймать Менгеле. Один

из его агентов, принимавший участие в захвате Эйхмана, Цви Аарони, утверждает, что в 1962 году ему удалось найти Менгеле в Парагвае и что он поспешил доложить об этом Харэлю, но тот предпочел поручить Аарони искать израильского мальчика Йоселе Шухмахера, похищенного и увезенного в Нью-Йорк. Документы, которые могли бы это утверждение Аарони подтвердить или опровергнуть, для исследователей недоступны, но то же самое говорили и другие агенты Моссада.

Агент Моссада Рафи Мейдан нашел способ проникнуть в дом проживавшего во Фрейбурге Рольфа, сына Менгеле. По профессии тот был адвокатом, но занимался продажей домов и квартир. Мейдан выдал себя за богатого немца из Канады, желающего купить квартиру для любовницы, и Рольф показал ему несколько домов, а затем пригласил к себе и угостил свежей спаржей. На одной из стен Мейдан увидел фотографию человека в военной форме, но Рольф говорить о нем отказался, сказав только, что это его покойный отец. Мейдан ему поверил, но поиски Менгеле тем не менее продолжались. Визенталь тоже продолжал его искать и занимался этим еще многие годы.

В конце 1963 года во Франкфурте начался суд над несколькими преступниками из Освенцима. Обвинителем был Фриц Бауэр. Имя Менгеле на заседаниях суда всплывало неоднократно; упоминалось оно и в газетах. В архиве Визенталя есть много писем от людей, утверждавших, что знали, где находился Менгеле, но в большинстве своем их сведения никакой ценности не имели. Тем не менее несколько документов в архиве показывают, что Визенталь и Бауэр пытались Менгеле поймать.

У семейства Менгеле был завод по производству сельскохозяйственного оборудования, и в июле 1964 года Визенталь написал Бауэру, что бухгалтер завода Ганс Зедельмайер регулярно поддерживает с Менгеле контакты. Бауэр ответил, что знает о таких контактах в прошлом, но ему неизвестно, что они продолжаются. Зедельмайера, писал Бауэр, в прошлом уже допрашивали, и «возможно, мы сможем попытаться что-то сделать».

Визенталь планировал узнать адрес Менгеле в столице Парагвая Асунсьоне и внедрить в его дом агента. В одной из своих книг он посвятил этому целую, и довольно подробную, главу. По его словам, в апреле 1964 года в Центр документации пришла женщина зрелого возраста. Он называет ее «госпожа Мария», но оговаривает, что это имя ненастоящее. По его словам, она пришла, «чтобы получить информацию о некоторых людях, пропавших во время войны». Визенталь знал, что родственники Менгеле искали до мработницу, и ему пришло в голову, что

«госпожа Мария» сможет это место занять. Он сделал ей такое предложение, она подумала – и согласилась. «Через две недели, – пишет Визенталь, – мы встретились в Зальцбурге и разработали совместную стратегию».

В мае 1964 года «госпожа Мария» пришла в один из баров города Гюнцбург, где проживали родственники Менгеле, и стала вслух отпускать антисемитские замечания. Это привлекло к ней внимание человека, которого Визенталь тоже называет вымышленным именем, некоего «господина Людвига». «Людвиг» сказал ей, что работает на заводе, принадлежащем семейству Менгеле. «Надеюсь, его никогда не поймают», – ответила «госпожа Мария». В ходе разговора она – как бы невзначай – заметила, что любит путешествовать по миру, и через несколько недель «Людвиг» предложил ей работать домработницей у Менгеле в Асунсьоне. Она согласилась. В течение какого-то время они все еще продолжали общаться, но однажды «Людвиг» попросил ее поехать в Вену, подружиться с Визенталем и узнать, что тому известно про Менгеле. «Госпожа Мария» отказалась, и через какое-то время после этого контакты между ними прервались.

На первый взгляд эта история тоже может показаться туманной и надуманной, но документы в архиве Визенталя показывают, что – как и в истории с неудавшейся попыткой поймать Эйхмана в Альтаусзее – в ней есть доля правды. «Людвигом» был, по-видимому, Зедельмайер, а настоящее имя «госпожи Марии» – Эльза Маркус.

Летом 1964 года Визенталь поехал во Франкфурт, пришел к Бауэру в прокуратуру, рассказал ему об отношениях между Маркус и Зедельмайером и передал документы, это подтверждающие, включая адресованное Маркус письмо Зедельмайера. Бауэр пообещал эти документы просмотреть, и в тот же вечер они встретились снова. Встреча состоялась в кафе «Кранцлер». Бауэр задал Визенталю несколько вопросов. В частности, он хотел знать, в каких отношениях тот состоял с Маркус. Визенталь сказал, что ее покойный муж был дальним родственником его тещи.

Бауэр отнесся к этому делу очень серьезно. По его мнению, семья Менгеле знала, что Маркус перешла в иудаизм и была замужем за евреем, и именно по этой причине могла захотеть принять ее на работу: Менгеле всячески старался доказать, что относился к евреям хорошо, и с этой целью даже запасся заявлениями нескольких евреев, которые это подтверждали. Кроме того, Бауэр и Визенталь обсуждали возможность записать разговоры Маркус с Зедельмайером на пленку и сценарий

развития событий в случае, если Менгеле поймет, что женщина – шпионка и ее жизни будет угрожать опасность. Бауэр сказал, что может лично обратиться к послу ФРГ в Парагвае с просьбой, чтобы в случае необходимости тот предоставил Маркус убежище в посольстве. Обсуждение этого дела они решили продолжить на следующей встрече. Бауэр рассказал Визенталю и о нескольких других шагах, предпринятых им с целью обнаружения Менгеле.

4. Кто боится Анны Франк?

За два первых года работы в Вене Визенталь рассмотрел примерно сотню дел, связанных с военными преступлениями, и главным направлением его работы была помощь различным прокуратурам, в первую очередь в ФРГ и Австрии. Он умел находить свидетелей, раздобывать изобличающие документы, и по его инициативе было арестовано около дюжины подозреваемых. Также он занимался выяснением способов бегства нацистов и нашел некоторых из них в таких далеких друг от друга странах, как Эквадор, Эфиопия, Ирландия и Сирия. Одного из преступников он обнаружил в Непале, а другого – на Карибских островах. Кроме того, время от времени он организовывал поисковые операции, как, например, когда послал Каца искать Менгеле на острове Китнос.

«Мы, – докладывал он в одном из своих отчетов, – отправили своего человека к проживавшим в Инсбруке родственникам Швамбергера и узнали, что он живет под вымышленным именем неподалеку от Гейдельберга» (Йозеф Швамбергер был комендантом еврейского гетто в Пшемысле и в то время уже жил в Аргентине), а еще через несколько месяцев сообщил, что послал двух человек в расположенный недалеко от Гейдельберга город Эбербах, где проживала жена Швамбергера, и начальник местной почты сказал, что женщина регулярно получала почту из Аргентины.

Сам Визенталь обычно слежкой за преступниками не занимался, но иногда ему приходилось делать и это тоже. Однажды из нью-йоркского отделения Всемирного еврейского конгресса ему прислали свидетельские показания относительно гестаповца Юлиуса Габлера, о котором было известно только то, что до своей службы в гестапо он торговал обувью. «Мы, – докладывал Визенталь, – связались с несколькими фирмами по продаже обуви, а также поручили некоторым нашим людям искать его в обувном бизнесе, и, когда мы уже закончили работу над данным отчетом, нам сообщили, что он найден. Мы передали эту информацию в прокуратуру». Позднее свидетель из Нью-Йорка вспомнил еще одну подробность. Во время войны у Габлера был приятель-подрядчик, и его имя свидетель запомнил. «В телефонной книге, – сообщал Визенталь правоохранительным органам, – мы нашли трех подрядчиков с таким именем».

Также он сообщил о новом появлении «мясника из Вильнюса» Франца Мурера, которого случайно обнаружил в 1947 году, когда с несколькими ветеранами партизанского движения отправился

искать Эйхмана.

Мурер был приговорен советским судом к двадцати пяти годам тюремного заключения, и Визенталь считал, что тот сидит в советской тюрьме, однако в 1955 году Мурер был выпущен и вернулся на свою птичью ферму. Соседи приняли его с распростертыми объятьями и даже избрали председателем местной сельскохозяйственной организации. Визенталь узнал об этом случайно. Он созвал пресс-конференцию и потребовал отдать Мурера под суд, но никакого эффекта это не возымело. Тем не менее, когда имя Мурера всплыло на суде над Эйхманом, властям все-таки пришлось его арестовать, и Визенталь передал обвинению свидетельские показания, полученные им из мемориала «Яд-Вашем».

Судебный процесс на Мурером начался в июне 1961 года в Граце. Его судил суд присяжных; он обвинялся в убийстве шестнадцати евреев. Австрийские власти привезли в Грац свидетелей из Израиля и США, и те дали леденящие душу показания. Один из них рассказал, как у него на глазах Мурер застрелил его младшего сына. Убийцу он запомнил на всю жизнь и в суде сразу его опознал. Однако пятидесятидвухлетний Мурер все отрицал. В зале суда сидели два его сына, то и дело смеявшиеся и строившие присяжным гримасы. Визенталь пожаловался на это судье, но процесс проходил в атмосфере явной симпатии к обвиняемому. Некоторых свидетелей поймали на противоречиях, и Мурер был оправдан, а Визенталь получил несколько писем с антисемитскими оскорблениями и угрозами. Он переслал их в «Яд-Вашем», приложив анонимное письмо, где говорилось, что судья, ведший процесс, в прошлом был членом нацистской партии.

В связи с оправданием Мурера в Австрии зазвучали голоса протеста и состоялась демонстрация христианской молодежи, а обвинение подало апелляцию в Верховный суд. Израильская пресса тоже отреагировала возмущенно. «Думаю, что, если бы суд над Эйхманом состоялся в Граце, – писал корреспондент газеты «Гаарец» в Вене, – он тоже был бы оправдан». А в передовице той же газеты говорилось, что «у еврейского народа это оправдание вызывает – причем с эмоциональной точки зрения абсолютно справедливо – отвращение и гнев». «Гаарец» объясняла оправдательный приговор царившей в Граце антисемитской атмосферой и требовала предать Мурера повторному суду в другом городе; Визенталь же, со своей стороны, предложил мемориалу «Яд-Вашем» устроить над Мурером символический судебный процесс в Нью-Йорке. Он понимал, что это потребует расходов, но писал, что суд над Эйхманом тоже обошелся дорого,

однако с исторической точки зрения себя оправдал. Символический суд в Нью-Йорке мог, по его мнению, заставить австрийцев предать Мурера повторному суду.

В конце концов, придравшись к какой-то допущенной в Граце юридической ошибке, Верховный суд все-таки постановил отдать Мурера под суд еще раз, но новый судебный процесс так и не состоялся. Визенталь был очень этим расстроен. «По делу Мурера, – писал он, – мы не продвигаемся. У нас должно быть нечто такое, что произведет на людей впечатление, но, к сожалению, улики, которые нам удалось на данный момент собрать, впечатляют не слишком». Тем не менее сдаваться от не желал. Однажды его пригласили на прием в советское посольство, и он отправился туда в надежде, что уговорит посла выбить для него разрешение съездить в Вильнюс, где он смог бы найти новые свидетельства против Мурера. Однако из этого ничего не вышло.

Неоднократные попытки Визенталя добиться начала нового процесса над Мурером так ни к чему и не привели, и ему ничего не оставалось, как утешать себя мыслью, что его деятельность, по крайней мере, мешала другим нацистским преступникам спать по ночам.

В апреле 1975 года он сообщил израильскому послу, что дело Мурера – как и сотни других аналогичных дел – австрийскими властями закрыто, однако для него самого оно как было открытым, так и осталось.

Тем не менее наряду с разочарованиями были и успехи. В 1963 году ему удалось совершить одно из самых громких своих открытий: найти полицейского, арестовавшего Анну Франк. Он мечтал об этом, еще когда жил в Линце.

Как-то вечером, в конце октября 1957 года, Визенталю позвонил знакомый и взволнованно сообщил, что в местном театре происходят беспорядки. В это время там шел спектакль «Дневник Анны Франк». Визенталь сразу же поехал в театр. Когда он стал парковаться, то заметил машину полиции и толпу зевак, а когда подошел к зданию театра, то увидел, что из него выводят примерно двадцать подростков лет пятнадцати, по-видимому школьников.

Спектакль к тому времени еще не кончился, и Визенталь просидел до его окончания в буфете, а после спектакля узнал от зрителей, что произошло. Оказалось, что организованная группа подростков начала кричать и разбрасывать листовки, в которых говорилось, что Анны Франк никогда не существовало и что все это – ложь, придуманная, чтобы евреи могли получить дополнительные компенсации. Некоторые из зрителей, пишет Визенталь, были этим возмущены, но большинство осталось

равнодушными.

Инцидент его потряс. Он не мог понять, что побудило школьников, которые во время ареста нацистами Анны Франк еще не родились, так себя вести.

Через несколько дней после этого он сидел со своим знакомым в кафе. Неподалеку от них расположилась группа подростков. Знакомый Визенталя спросил одного из подростков, с которым был знаком, участвовал ли тот в беспорядках в театре. Мальчик (его звали Фриц) сказал, что сам там не был, но несколько его одноклассников были. «И что ты об этом думаешь?» – спросил знакомый Визенталя. «Ну что я могу сказать? – ответил Фриц. – Что Анна Франк существовала, не доказано. Говорят, она похоронена в какой-то братской могиле в Германии, но доказать это невозможно». – «А как, молодой человек, можно было бы, по вашему мнению, доказать, что она существовала?» – вмешался в разговор Визенталь. Фриц молча пожал плечами, спросил: «Я вам еще нужен?» – и вернулся к своим друзьям. Те пили кока-колу и разговаривали, по-видимому, о чем-то совершенно другом. И тут у Визенталя родилась идея. «А что бы ты сказал, – спросил он знакомого, – если бы человек, арестовавший Анну Франк, был найден? Поверили бы ему эти молодые люди, если бы он признался, что ее арестовал?» Знакомый пришел в восторг и сказал, что, если его найти, это нанесло бы сильный удар по неонацистской пропаганде.

Эта история показывает, что Визенталь верил в то, что люди – существа рациональные и что факты могут заставить их свое мнение изменить. Он верил в это всю свою жизнь.

Если бы Анна Франк выжила, вернулась домой и опубликовала свой юношеский дневник, возможно, ее имя и не превратилось бы в символ, но незадолго до окончания войны она погибла в концлагере Берген-Бельзен. Ей было тогда шестнадцать лет.

Вскоре после прихода к власти нацистов Франки переехали из Франкфурта в Голландию, а в июле 1942 года спрятались в потайной комнате, находившейся за книжным шкафом, где им – вместе с несколькими другими евреями – пришлось жить в довольно трудных условиях.

Анна, которой было тогда тринадцать, вела дневник. Она описывала в нем их повседневную жизнь и рассказывала о своих подростковых страхах, мечтах, фантазиях и желаниях. Она мечтала быть журналисткой и писала дневник с целью его опубликовать.

В августе 1944 года тайник, где прятались Франки, был обнаружен: по-видимому, кто-то на них донес. Однако если имя

доносчика так и осталось неизвестным, то имя сотрудника немецкой службы безопасности, пришедшего их арестовывать, было примерно известно. Его звали Зильбер, Зильбернагель, Зильберталлер или что-то в этом роде. Франков отправили в Освенцим, Маутхаузен и Берген-Бельзен. В живых остался только отец.

Когда он вернулся в Голландию, оказалось, что домработница дневник Анны сохранила, и он его опубликовал (правда, поначалу с купюрами). История, рассказанная девочкой-подростком, передавала ужас Холокоста намного сильнее, чем все другие книги, фильмы и судебные процессы, вместе взятые. Переведенная на множество языков, она глубоко потрясла людей во многих странах мира и была издана миллионными тиражами. Неудивительно, что неонацисты и отрицатели Холокоста изо всех сил старались поставить достоверность дневника под сомнение.

После истории с Эрихом Райаковичем, причастным к уничтожению евреев Голландии, Визенталя в этой стране очень полюбили и он завязал там отношения с целым рядом важных персон, а также с несколькими учреждениями, занимавшимися расследованием преступлений нацистов. Однажды в Амстердаме ему дали служебный телефонный справочник амстердамской нацистской службы безопасности. В самолете, по дороге домой, он стал этот справочник просматривать и наткнулся на имя «Карл Зильбербауэр». Это мог быть человек, арестовавший Анну Франк. По возвращении в Вену Визенталь углубился в поиски. Сначала он искал Зильбербауэра в телефонных справочниках, а затем обратился за помощью в Министерство внутренних дел, но министерство, как всегда, тянуло с ответом. И вдруг в один прекрасный день в коммунистической газете «Фольксштимме» («Голос народа») Визенталь с изумлением прочел, что Зильбербауэр найден. Он, писала газета, работает в венской полиции. Как и не раз в прошлом, Визенталь снова почувствовал себя обманутым: у него опять украли сенсацию. Это произошло 10 ноября 1963 года.

В последующие дни Визенталь много общался со СМИ, и 21 ноября эта история появилась на страницах «Нью-Йорк таймс». Время для публикации оказалось не слишком удачным, так как на следующий день был убит президент Джон Кеннеди, но корпорация Си-би-эс все-таки нашла эфирное время для сюжета о Зильбербауэре (сюжет был подготовлен Даниэлем Шором), и Визенталь фигурировал в нем в качестве главного героя. Для формирования его общественного имиджа это имело очень важное значение. Примерно через два месяца после этого «Нью-Йорк таймс» опубликовала о нем также большой очерк под

заголовком «Частный детектив с шестью миллионами клиентов». Это стало самым заметным признанием его заслуг с момента поимки Эйхмана.

Полицейский Карл Зильбербауэр был поначалу от должности отстранен, но под суд его так и не отдали, а когда шум затих, ему разрешили вернуться на работу, и битва за дневник Анны Франк на этом не закончилась. Отрицатели Холокоста продолжали утверждать, что он был сфабрикован, а Визенталь – с переменным успехом – продолжал с ними бороться. Однажды, например, он узнал, что издательство западногерманского газетного магната Акселя Шпрингера «Ульштайн», опубликовавшее дневник Анны, выпустило книгу Дэвида Ирвинга, где этот дневник был назван фальшивкой. В то время Ирвинг еще считался историком серьезным и в качестве отрицателя Холокоста себя не проявил. Визенталь написал Шпрингеру письмо, и издательство принесло извинения. В другой раз аналогичное заявление сделала одна из австрийских газет, и Визенталь предложил Отто Франку подать на нее в суд. Однако отец Анны удовлетворился принесенными газетой извинениями. Когда же через двадцать лет после инцидента в линцском театре неонацисты попытались снова сорвать спектакль по дневнику Анны Франк, Визенталь послал письмо австрийскому министру внутренних дел Карлу Блехе и потребовал принять против отрицателей «Дневника» меры. Однако из канцелярии министра, как и можно было ожидать, пришел вежливый, но ни к чему не обязывающий ответ.

Глава десятая. «Можно было подумать, что он счастлив, но иногда он плакал»

1. «Кобыла из Майданека»

Вскоре после того, как достигнутые Визенталем успехи сделали его имя широко известным, отношения между ним и руководством венской еврейской общины испортились.

Самым могущественным человеком в общине был ее директор Вильгельм Крелл. Визенталь знал его по концлагерям Плашув и Гросс-Розен, где они вместе сидели. Когда в Линце Визенталь остался без работы, Крелл помог ему перебраться в Вену, но Крелл был человеком властным, а Визенталю было очень трудно работать в подчинении у кого бы то ни было, и их дружба сменилась непримиримой враждой. «Все это может перерасти в публичный скандал, – прогнозировал возможное развитие событий один из сотрудников израильского посольства, – и чести это еврейской общине не сделает». Именно так в конце концов и произошло.

Визенталь утверждал, что в общине на него нападали из зависти. «Каждый мой успех вызывал у них зависть и делал их несчастными, – писал он. – Каждое упоминание моего имени в прессе их раздражало». Крелл, по его словам, установил в общине «режим террора», и ему удалось добиться от одного человека клятвенного признания в том, что Крелл планировал внедрить его в Центр документации в качестве платного шпиона. Также Визенталь утверждал, что Крелл был коммунистом и занимался незаконной торговлей золотом, а в его архиве хранится меморандум, согласно которому Крелл сказал послу ФРГ, что еврейская община Визенталя не поддерживает. Об этом, пишет Визенталь, узнали в Центральном управлении по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге, и это нанесло ущерб его репутации.

Это не слишком приятная глава в истории маленькой общины, боровшейся за свое место в австрийском обществе, еще не полностью освободившемся от всепроникающего влияния нацизма, и не очень приятная глава в биографии Визенталя, принимавшего участие во всех этих разборках с таким эмоциональным пылом, который не могли остудить даже его первые успехи и известность в Америке.

В середине 1963 года еврейская община готовилась к выборам в органы самоуправления.

Визенталь создал новую организацию под названием «Ассоциация евреев – жертв нацистского режима», в которой было, по его словам, тысяча двести членов. Организацию финансировал один из богатых евреев Вены, и ее деятельность

включала в себя, в частности, концерты идишской песни и вечерние лекции. Одним из выступавших был западногерманский прокурор Фриц Бауэр.

Израильское посольство считало, что Визенталь хочет стать президентом общины. «Борьба за власть в общине, – докладывал посол Израиля в Австрии Михаэль Симон, – ведется обоими лагерями яростно и грубо и сопровождается личными нападками – главным образом на президента общины, которого обвиняют в том, что во времена нацистов он вел себя крайне сомнительно, и, возможно, в этом есть доля правды».

Президентом общины был доктор Эрнст Фельдсберг. Визенталь распространил документ за подписью одного из людей Эйхмана, из которого явствовало, что в 1939 году Фельдсберг участвовал в селекции евреев, выселяемых нацистами в окрестности города Ниско на юго-востоке Польши – перевалочный пункт, откуда их отправляли на смерть. Это было самое ужасное обвинение, выдвинутое во время предвыборной кампании. «Судя по всему, – писал Визенталь, – венская община – это единственная еврейская община в мире, во главе которой стоит человек, занимавший административную должность во времена нацистского режима». Визенталь не утверждал, что президент общины сознательно принимал участие в уничтожении евреев, но в соответствии с «законом Визенталя», который он пытался ввести еще в Линце, требовал осуждать любую форму сотрудничества с нацистами. Он говорил, что во время своего пребывания в Израиле заметил глубокую пропасть между израильской молодежью и евреями диаспоры, и, по его мнению, это объяснялось тем, что европейские евреи сотрудничали с нацистами, а тот факт, что один из коллаборационистов еврейскую общину возглавлял, углублял эту пропасть еще больше.

На первый взгляд все эти споры носили характер вполне принципиальный, но на самом деле они почти всегда имели личную подоплеку и за ними скрывалась борьба амбиций.

Как и ранее в Линце, так и сейчас Визенталь утверждал, что руководители общины являются игрушками в руках Социал-демократической партии. «Еврейская община Вены, – писал он, – это раковая опухоль на теле еврейской жизни». Израильский посол в Австрии был с ним согласен. «Из всех еврейских общин, с которыми я успел познакомиться за время работы за границей, венская, несомненно, худшая из всех, как, впрочем, и ее лидеры», – докладывал он в Иерусалим.

Визенталь пытался заручиться поддержкой журналистов, депутатов израильского кнессета и Всемирного еврейского

конгресса, но Нахум Гольдман вмешиваться отказался. «К этому вопросу, – писал Визенталь с явной неприязнью, – есть два подхода: эмоциональный, с уважением к мертвым, и политический. В политической сфере я с Гольдманом соревноваться не могу».

Своего апогея конфликт достиг несколько месяцев спустя, когда венская еврейская община захватила Центр документации.

Сначала Визенталю предложили удвоенную зарплату, но потребовали, чтобы он подчинялся руководству общины, однако он предпочитал уволиться. «Они хотели, чтобы я стал слугой Крелла», – писал он. Посол Израиля Симон его поддерживал. «Следует подчеркнуть, – докладывал он своему начальству, – что эта операция была проведена президентом и директором венской общины очень хитро и под демократической вывеской, но не очень умно». Он считал, что главы общины попросту не понимали, какой большой силой обладает Визенталь. «В качестве профессионального охотника за нацистами, – отмечал посол, – он сумел навести в Австрии ужас на очень многих людей, включая членов правительства, и у него есть свободный доступ ко всем министрам». Была, по его словам, у этой истории и подоплека политическая. Дело в том, что австрийской полицией командовал один из лидеров Социал-демократической партии Франц Ола, занимавший в правительстве пост министра внутренних дел, и именно он был виноват в том, что Карлу Зильбербауэру – полицейскому, арестовавшему Анну Франк, – было разрешено вернуться на службу в полицию вскоре после того, как Визенталь его разоблачил. Скандал с Зильбербауэром, писал Симон, причинил Ола большие неприятности, и он велел своим людям в еврейской общине Визенталя приструнить, «каковая просьба (или приказ) была его еврейскими лакеями немедленно выполнена». Визенталь отреагировал полной пафоса статьей под заголовком «Я обвиняю!». «С 1945 года, – писал он в статье, – я состою на службе только у своей еврейской совести, верности еврейскому народу и памяти о мертвых. Так будет и впредь».

Тогда руководство решило больше не ждать и потребовало от него освободить помещение. Его просьба сдать ему помещение в аренду была отклонена. Замки на дверях Центра поменяли, и поначалу ему даже не разрешили пользоваться документами, собранными им с таким трудом. В официальном письме община уведомила израильское посольство, что Центр перешел под ее руководство, аналогичное уведомление было разослано в газеты, а в апреле 1964 года община опубликовала отчет, где говорилось, что Визенталь ничего не делал, а архив находится в страшном беспорядке. На самом же деле как раз в то время Визенталь

работал над делом, которому в будущем было суждено стать одним из самых крупных его достижений.

В этой истории тоже не все до конца ясно, но версия Визенталя в целом вполне приемлема.

В начале 1964 года он сидел в тель-авивском кафе «Ровал», наслаждался солнечным светом, заливавшим берег Средиземного моря, думал о снеге, которым в этот момент была засыпана Вена, и ожидал своего приятеля Зеева Пората, с которым когда-то изучал архитектуру. Порат прийти не мог и позвонил, чтобы сообщить об этом, в кафе. Как было принято в те времена в израильских кафе и гостиницах, Визенталя позвали к телефону по громкоговорителю, и, как только он встал со своего места, некоторые из посетителей кафе повернулись, чтобы посмотреть на человека, чье имя они знали из газет. Когда он вернулся к столику, за ним уже сидели три женщины. Одна из них извинилась, сказала по-польски, что нуждается в его помощи, и спросила, не знает ли он случайно «Кобылу из Майданека».

Чем больше женщина говорила, тем сильнее волновалась. Она сказала, что никогда не забудет ребенка, которого один из новоприбывших узников нес на спине в рюкзаке. Надзирательница-эсэсовка, прозванная «Кобылой», приказала мужчине вынуть из рюкзака вещи и увидела там ребенка. Мужчина схватил ребенка и побежал. «Кобыла» бросилась за ним, догнала его и застрелила ребенка из пистолета. У нее был также кнут, которым она жестоко хлестала всех подряд. Женщина из кафе «Ровал» знала, как «Кобылу из Майданека» звали: Гермина Брауншайнер.

Вернувшись в Вену, Визенталь нашел это имя в одной из своих папок, и оказалось, что Брауншайнер уже представала перед судом, только не за свои преступления в Майданеке, а за те, что совершила в женском лагере Равенсбрюк. Ее приговорили к трем годам тюрьмы; в 1949 году сообщение об этом процессе было опубликовано в одной из венских газет. Однако злодеяния, совершенные Брауншайнер в Майданеке, на суде только упоминались, и Визенталь полагал, что если сумеет ее разыскать, то Брауншайнер можно будет отдать под суд вторично.

В документах, относящихся к процессу 1949 года, он нашел ее тогдашний адрес, отправился по нему, поговорил со старушкой, помнившей Брауншайнер еще девочкой, и та дала ему адрес ее родственников, после чего он, по его словам, послал по этому адресу парня, имени которого не называет. Парень позвонил в дверь, сказал, что путешествует по этим местам, и спросил, не живут ли случайно в этом доме его дальние родственники. Его пригласили войти, и в ходе светского

разговора о красивых пейзажах и погоде он как бы между прочим сказал, что у него есть дядя, осужденный на пять лет тюрьмы за преступления, которые он якобы совершил во время войны, хотя на самом деле он абсолютно невиновен. «То же самое произошло и с нашей родственницей, – сказали ему родственники Брауншта́йнер, – но, к счастью, теперь она живет в Канаде, в городе Галифакс. Ее новая фамилия – Райен».

Одному из знакомых Визенталя (бывшему узнику Освенцима, проживавшему в Торонто) удалось выяснить, что Гермина Брауншта́йнер-Райен переехала с мужем в Нью-Йорк и живет в районе Куинс. 9 июля 1964 года Визенталь сообщил адрес женщины полиции Израиля, а затем сделал то, что делал в таких случаях неоднократно: позвонил венскому корреспонденту «Нью-Йорк таймс» (тому самому, что опубликовал о нем очерк) – и 14 июля в «Нью-Йорк таймс» появилась статья под заголовком «Бывшая надзирательница концлагеря – домохозяйка в Куинсе». Обнаружение данного факта ставилось в заслугу Визенталю. Это положило начало истории, которая развивалась очень медленно, в течение многих лет.

Время для публикации статьи было выбрано явно не случайно. Этой статьей Визенталь как бы говорил: несмотря на все попытки общины мне помешать, своим делом я заниматься не перестал.

2. Площадь Рудольфа, дом 7

Через несколько недель после изгнания из Центра документации Визенталь опубликовал еще один отчет о своей деятельности, как если бы ничего не изменилось, но указал в нем новый адрес: «Площадь Рудольфа, дом 7, третий этаж». Читатели отчета узнали из него также, что Центр работает теперь под эгидой «Ассоциации евреев – жертв нацистского режима». С помощью этой организации Визенталь все еще надеялся победить на ближайших выборах и возглавить венскую общину. В действительности «Ассоциация» – числившаяся также в качестве издателя газеты «Унзер вег» («Наш путь»), которую Визенталь время от времени выпускал, – существовала только на бумаге.

В своем отчете Визенталь сообщал, что ему удалось выйти на след Курта Визе, эсэсовца, служившего во время войны в Гродно и Белостоке и убившего там сотни людей, включая десятки детей. После войны Визе сумел на несколько лет уйти в тень, но был найден и предстал перед судом в Кёльне. Однако суд освободил его под залог, и он сбежал в Австрию. Визенталь узнал об этом по радио и начал его искать. О своих поисках он подробно рассказывает в книге «Убийцы среди нас». Сначала с помощью корреспондента советского информационного агенства ТАСС в Вене ему удалось разыскать свидетелей преступлений Визе. Затем он выяснил, что тот часто бывал в посольстве Египта в Вене (судя по всему, надеялся переехать в Каир). Однако, пишет Визенталь, «далеко ему уйти не удалось». После долгой – и не обошедшейся без приключений – слежки Визе был обнаружен у своих приятелей-нацистов. «Нам удалось, – писал Визенталь, – сообщить в полицию все необходимые подробности, начиная с цвета его галстука и кончая новым – фальшивым – именем». Через какое-то время Визе был осужден на пожизненное заключение.

В том же году Визенталя пригласили в Прагу, чтобы дать экспертное заключение по поводу нацистских документов, поднятых со дна одного из озер, и показали ему также фрагмент оперативного журнала эсэсовской части «Дас рейх». Такие события доставляли ему радость.

Его новый Центр документации финансировался не им самим. В конце февраля 1964 года посол Симон доложил, что «начальство Мордехая Элазара решило взять господина Визенталя к себе на службу, платить ему зарплату и предоставить в его распоряжение офис». Фамилия Элазар – это псевдоним. Он был агентом Моссада.

Элазар говорит, что его настоящее имя стало известно Визенталю только много лет спустя, но документы в венском архиве Визенталя свидетельствуют о том, что тот уже тогда знал, кем был Элазар. Они начали сотрудничать в 1962 году. Как и его начальники, Элазар тоже не считал поиск нацистов своей главной задачей; гораздо больше его интересовали агенты арабской разведки. Виделся он с Визенталем часто и раз в месяц платил ему наличными сумму эквивалентную тремстам-четыремстам долларам, за что брал с него расписки.

Обычно они встречались в кафе «Моцарт». Это была любовь с первого взгляда. Как и молодой Оховский, Элазар относился к Визенталю, как к отцу. Они стали друзьями, и письма, которыми они обменивались, свидетельствуют о том, что оба этой дружбой дорожили. «Визенталь был человеком многоликим, как многогранный алмаз», – вспоминал Элазар уже после того, как вышел на пенсию. Они говорили друг с другом на идише. По словам Элазара, «Визенталь был квинтэссенцией еврея, и не было ничего более еврейского, чем он». Помимо всего прочего, он имел в виду способность – и готовность – Визенталя добровольно жить в стране, где евреев не любили, и тот факт, что он ухитрялся чувствовать себя там как дома.

Элазар имел вполне убедительную причину восхищаться Визенталем, так как незадолго до того, как они начали сотрудничать, был обнаружен человек по имени Ян Робертус Вербелен, служивший в нацистской администрации Бельгии. Однако разоблачение Вербелена произвело впечатление на Элазара не столько потому, что во время войны тот выдал бельгийских подпольщиков, сколько потому, что, по данным Визенталя, он занимался неонацистской деятельностью.

Однажды Визенталь свозил Элазара на экскурсию в Маутхаузен и показал ему тюремные застенки, а также газовую камеру, оборудованную под одним из бараков для больных. Он много рассказывал, подолгу молчал и плакал. Это был день, который агент израильского Моссада запомнил навсегда.

Незадолго до выборов в еврейской общине посол Симон пересказал своему начальству в Иерусалиме «жуткую историю», услышанную им из уст человека по имени Карл Кахане. Посол охарактеризовал Кахане как богатого промышленника, главного спонсора израильского фонда «Керен-Аесод» и делового партнера Эдмонда де Ротшильда, с которым у него были совместные проекты в Израиле, – одним словом, как «человека очень надежного и преданного Израилю».

По словам Симона, за неделю до Йом-Кипура Кахане встретился с канцлером Австрии Йозефом Клаусом и пригласил

его присутствовать на молитве Коль нидрей. Канцлер приглашение принял, но поставил условие: еврейская община должна прислать ему официальное приглашение. Однако главы общины приглашать его отказались. Как объяснил послу Визенталь, причина отказа состояла в том, что канцлер был членом Народной партии, и лидеры общины боялись, что их «хозяевам в Социал-демократической партии» это не понравится. От Визенталя посол также узнал, что канцлер был разочарован и оскорблен.

Руководство израильского Министерства иностранных дел было в шоке. «История настолько фантастическая, – писал послу один из высокопоставленных сотрудников министерства, – что в нее просто невозможно поверить, но после того, что ты и твой предшественник рассказали мне об уровне руководителей венской общины, я уже больше ничему не удивляюсь. Мне очень тебя жаль».

Посол старался в предвыборную кампанию в еврейской общине не вмешиваться, и Министерство иностранных дел в Иерусалиме советовало ему вести себя именно так, но обширная переписка Иерусалима и Вены не оставляет сомнений в том, что в Израиле поддерживали кандидатуру Визенталя и что израильтян при этом волновало отнюдь не только благополучие еврейской общины как таковой. «Деятельность Визенталя, – писали послу из министерства, – соответствует нашим интересам» и просили намекнуть директору общины Креллу – «как бы между прочим», – что с «общееврейской» точки зрения очень важно, чтобы деятельность Визенталя продолжалась. А чтобы у посла не оставалось в этом никаких сомнений, в письме министерства подчеркивалось, что «так же считают заинтересованные лица в Моссаде».

Таким образом, предвыборная кампания в венской еврейской общине представляла собой на самом деле закулисную битву между израильским Моссадом и австрийской Социал-демократической партией. Выборы состоялись в конце 1964 года, и Моссад проиграл. Социалисты получили подавляющее большинство голосов – более чем в два раза больше, чем Визенталь, за которого было подано 863 голоса.

Уже частично облысевшему, с неизменными усиками, всегда появлявшемуся на публике в костюме и при галстуке Визенталю было пятьдесят шесть. Вместе с женой и дочерью он жил в съемной трехкомнатной квартире в рабочем квартале Десятого района Вены, на углу улиц Ван дер Нюля и Давида. Обедавший у Визенталей в мае 1965 года гость из Польши пишет, что квартира была красиво обставлена.

С этим человеком Визенталь познакомился в Маутхаузене. Официальной причиной приезда гостя в Австрию было участие в памятной церемонии, которая должна была состояться в лагере, но, вернувшись домой, он написал о своей поездке подробный отчет для польских спецслужб. В отчете он именуется «агентом 156».

Он приехал на такси. Визенталь ждал его на улице и заплатил за него таксисту. Они обнялись; встреча через столько лет обоих взволновала. Пока жена Визенталя готовила обед, они рассказывали друг другу о том, что с каждым случилось после того, как они виделись в последний раз, и Визенталь, в частности, поведал о том, как после войны нашел жену. В целом этот рассказ похож на тот, что известен по его воспоминаниям, хотя некоторые детали и отличаются. Дочь Визенталя, сообщает «агент 156», зовут Паулина, ей 19 лет, она студентка и мечтает стать журналисткой.

Визентали, по его мнению, жили богато: они получали государственное пособие, у них была кухня и ванная (в Варшаве это тогда еще не было чем-то само собой разумеющимся), а Визенталь возил его на собственной машине марки «форд-консул». Агент отмечает, что рядом с домом Визенталь машину не держал, а оставлял на платной стоянке, так как боялся террористов.

Визенталь, судя по всему, постарался произвести на гостя впечатление. Он показал ему свой строящийся четырехкомнатый дом, рассказал по дороге о своих поездках за границу, а потом повез в магазин одежды, хозяин которого говорил по-польски и торговал оптом. «Агент 156» выбрал нейлоновую куртку для сына и четыре рубашки, и Визенталь заплатил за все это сам. Вечером он сводил гостя в венскую оперу на «Мадам Баттерфляй», а на следующий день «агент 156» посетил новый Центр Визенталя на площади Рудольфа, к западу от Дунайского канала.

Крон-принц Рудольф был единственным сыном императора Франца-Иосифа и императрицы Елизаветы («Сиси»). Муниципалитет Вены постарался воссоздать на площади атмосферу Австро-Венгерской империи: разместил между деревьями металлические зеленые скамейки и ажурные уличные фонари, установил круглую афишную тумбу и построил фонтан. Старики, старушки, дети, а также голуби, разгуливающие по булыжникам, которым вымощена площадь, – все это навевает воспоминания о пасторальном покое и буржуазном благополучии, которые царили здесь до Первой мировой войны.

Дом номер семь прилегал к жилому дому, где родился писатель Герман Брох, а буквально через четыре дома от него

родился философ Мартин Бубер. Но сам дом номер семь ничем, кроме невыразительного белого фасада, усеянного «дырами» окон, во времена Визенталя не отличался. Его построили после Второй мировой войны – по-видимому, вместо дома, разрушенного во время бомбардировок.

Визенталь начинал свой день с чтения газет, а затем просматривал почту. Многие из писем, которые он получал, содержали чеки или небольшие денежные суммы. Деньги поступали из дружественных организаций – главным образом голландских и американских, – а также от сотен частных лиц, в основном американцев. Приходили пожертвования и из других стран. Всех своих жертвователей Визенталь неизменно благодарил, даже если они присылали всего 25 или 10 долларов. Он часто сообщал, что Центр нуждается в деньгах. После чтения почты он сортировал приглашения (выступить с лекцией или нанести визит) и принимал посетителей.

«Агент 156» отметил, что у входа висела табличка с названием Центра и что здание не охранялось; в подъезде даже не было швейцара. Также агент запомнил расположение комнат в Центре и по возвращении в Варшаву нарисовал план помещения; на его рисунке изображены три комнаты. В Центре было много книг и газет, а также стоял шкаф с картотекой. Сильное впечатление на агента произвела большая карта на стене, где были помечены нацистские концлагеря.

В приемной сидела секретарша лет тридцати; на еврейку, по мнению агента, она похожа не была. В другой комнате сидел низкорослый мужчина лет тридцати пяти-сорока с еврейской, как показалось агенту, внешностью. Судя по всему, это был один из помогавших Визенталю добровольцев. Сам Визенталь сидел в самой маленькой комнате в конце коридора; ее окна выходили на задний двор.

Похожие описания оставили и другие посетители Центра. Стол Визенталя был завален лежавшими на нем вперемежку документами, фотографиями и вырезками из газет; на нем стояли телефон, печатная машинка и большая пепельница. В манерах Визенталя было нечто неуклюжее. Как пишет английский писатель Фредерик Форсайт, он постоянно склонялся над столом, словно искал затерявшийся клочок бумаги. Однако, живя в эпоху, когда персональных компьютеров еще не было, он был одарен великолепной памятью и точно знал, где находились нужные ему материалы. Визенталь много курил и поедал большое количество сладостей. В одном из ящиков его стола лежал револьвер «Bodyguard Airweight 38», на который он имел разрешение.

Польский агент описал типичное утро в Центре

документации. Через некоторое время после того, как он пришел, Визенталь дал ему несколько книг о Маутхаузене и оставил в своем кабинете одного. Тем временем в Центр пришло несколько посетителей и зазвонил телефон. Согласно отчету, Визенталь разговаривал с Бонном и с секретарем советского посольства в Стокгольме. Человека, с которым Визенталь хотел поговорить в посольстве, на месте не оказалось, и он оставил сообщение.

Жизнь Визенталя протекала среди унылых на вид картонных папок, и ему то и дело приходилось читать жуткие документы. «Он постоянно погружен в работу, – пишет «агент 156», – все время о ней думает, и у него такой вид, словно он находится где-то в другом месте».

Обедать он обычно ездил домой. Его жена была болезненной и склонной к депрессиям. О своей работе Визенталь ей не рассказывал, а она его не расспрашивала. Они жили в разных мирах. «Я замужем не за человеком, – говорила она, по словам Визенталя, – а за тысячами, может быть, даже за миллионами мертвецов».

После обеда Визенталь возвращался на работу. У агента сложилось впечатление, что тот почти все делал сам, а секретарша и доброволец ему только помогали.

3. Рычащая мышь

По мере того как известность Визенталя росла, к нему все чаще приходили молодые добровольцы, желавшие ему помочь. Он использовал их в качестве «следователей» и клерков, а они исправляли в его письмах стиль и орфографические ошибки. Писем из США приходило все больше и больше, но английским Визенталь владел еще слабо, и добровольцы ему помогали. Иногда он использовал их как посыльных, давал им разные поручения, просил сходить на почту или в банк. Он выдавал им деньги на карманные расходы, причем всегда вовремя.

Одним из таких добровольцев был Петер Михаэль Лингенс, впоследствии ставший известным журналистом. Ему было лет двадцать с небольшим, и он тогда еще толком не знал, чем он хочет заниматься. Мать спросила его, не хочет ли он поработать какое-то время у Визенталя. Врач и юрист, она была противницей нацизма, помогла нескольким венским евреям бежать за границу, поддерживала связь с польским подпольем и в 1943 году была арестована. Сначала ее отправили в Освенцим, а потом перевели в Дахау. После войны она вела активную работу среди бывших узников концлагерей и подружилась с Визенталем.

Лингенс поддерживал австрийскую Социал-демократическую партию, обиделся, когда секретарша Визенталя отвергла его ухаживания, и ничего не понимал в запутанном конфликте Визенталя с венской еврейской общиной, но нашел в Визентале то же, что находили в нем другие молодые люди: отца.

«Я рос без папы, – рассказывал он впоследствии. – Сначала он был на войне, а когда вернулся, развелся с матерью и уехал в Америку. Я испытывал потребность в отце. Визенталь же относился ко мне с отеческой теплотой, с очень большой теплотой. Чувствовалось, что к нему можно было прийти с любой проблемой. Я называл его “Симоном” и был с ним на “ты”». Тем не менее Лингенс относился к Визенталю с большим почтением: «Когда он звал меня к себе в кабинет, я всегда испытывал волнение». Сотрудники Центра обращались к Визенталю «господин инженер», но добровольцы называли его между собой «Визи». Все говорили, что он большой эгоцентрик и дорожит своей репутацией.

Однажды Визенталь взял Лингенса с собой в Бад-Аусзее. «Как здорово, – сказал он, – что сейчас тут сидим мы, а не Геринг с Эйхманом».

Он делился с Лингенсом своими размышлениями о природе человеческого зла, о преступлении и наказании, о суде и мести,

и, судя по всему, общество такого почтительного слушателя, как Лингенс, было ему необходимо. Вполне возможно, что, подобно тому, как Лингенс нашел в нем замену своему отцу, так и он нашел в Лингенсе сына, которого ему так хотелось иметь.

Бывало, что добровольцы затруднялись найти ту или иную папку, которая была Визенталю срочно нужна, и, в конце концов не выдержав, он находил ее сам. В таких случаях он мог даже повысить на них голос. Однако они на него не обижались.

«Он, – вспоминает Лингенс, – любил хорошую еду, много смеялся, умел восхищаться заходом солнца, и можно было подумать, что он счастлив, но иногда он плакал».

Еще один доброволец, Александр Фридман, запомнил, главным образом, характерный жест Визенталя: раз в несколько минут он проводил рукой по вискам – спереди назад – то ли приглаживая волосы, то ли пытаясь стереть жуткие картины, проносившиеся в этот момент у него в голове.

Однажды Визенталь позвонил Фридману и попросил немедленно прибыть к израильскому посольству. Туда пришли два франкоговорящих молодых человека и попросили устроить им встречу с Визенталем. Сотрудники посольства их не впустили и засекреченный номер телефона Визенталя им не дали, но один из посольских работников позвонил ему и спросил, что делать. Визенталь велел передать молодым людям, чтобы они ждали возле посольства, и попросил Фридмана с ними встретиться.

Прибыв на место, Фридман увидел двух мужчин лет двадцати пяти-тридцати. Он сказал им, что работает у Визенталя, и пригласил в кафе. За соседним столиком сидел его друг, которого он заранее попросил туда прийти. Молодые люди сказали, что состоят в организации «Дети сопротивления» и приехали сообщить Визенталю, что поймали Мартина Бормана. Фридман спросил их, почему они не обратились в полицию, и те ответили, что хотят передать Бормана Израилю, с помощью Визенталя. Фридман встал из-за столика и позвонил Визенталю. Визенталь сказал ему, что это явные жулики, и велел попросить у них отпечатки пальцев Бормана. От такой просьбы «дети сопротивления» слегка растерялись. Они пообещали вернуться через два дня, но так и не вернулись.

В ту пору Визенталь также часто прибегал к услугам голландского журналиста Жюля Гуфа, пришедшего к нему по собственной инициативе. Отец Гуфа был врачом и во время войны спас нескольких амстердамских евреев. Помимо всего прочего, Гуф восхищался Визенталем за то, что тот был способен жить в стране, кишевшей нацистами. Сам он Австрию ненавидел.

Однажды Визенталь сказал, что на небе его ждут миллионы

людей, которые спросят его, что он сделал для них, пока у него еще была такая возможность. «Эта строчка могла бы появиться в пьесе Шекспира», – восхитился Гуф.

Визенталь поделился с ним несколькими профессиональными секретами (в частности, научил пользоваться открытыми источниками вроде телефонных справочников), посылал его проверять имена на почтовых ящиках и опрашивать соседей, а также давал ему другие мелкие разведывательные поручения.

Иногда Визенталь говорил так, словно за ним стояли очень могущественные силы, и в такие моменты напоминал рычащую мышь. Но вера людей в миф, которым он себя окружил, увеличивала его возможности и способность действовать, и миф, таким образом, превращался в реальность, по крайней мере частично. Именно так он вел борьбу за отмену сроков давности для нацистских преступлений. Это была одна из самых важных кампаний в его жизни.

По законам ФРГ и Австрии на все убийства распространялся закон о двадцатилетнем сроке давности. Это означало, что, начиная с мая 1965 года, нельзя было отдавать под суд военных преступников, за исключением тех случаев, когда дело против них было открыто ранее этой даты. В случае же менее серьезных преступлений срок давности вступал в силу еще раньше: уже через десять лет после войны.

Государства, организации и известные люди во всем мире оказывали давление на ФРГ и Австрию «снаружи», но вопрос этот был сугубо юридическим, и привлечь к нему внимание публики было нелегко. Визенталь действовал «изнутри», и это стало еще одним проявлением его причастности к австрийскому обществу. Отмена срока давности, говорил он, нужна не евреям; в первую очередь она нужна самим немцам и австрийцам; это будет чем-то вроде нравственного экзамена, сдав который, они докажут свое желание избавиться от военных преступников. Он вкладывал в эту кампанию много энергии и немало денег.

Первые попытки добиться отмены срока давности за убийства были сделаны в начале 60-х годов, сразу после поимки Эйхмана. Всемирный еврейский конгресс вступал по этому поводу в контакты с властями ФРГ, проблема обсуждалась в израильской прессе и в кнессете. Одним из израильтян, поднимавших этот вопрос, был Тувья Фридман. Позднее эта тема стала одной из первых, затронутых на дипломатических встречах Израиля и ФРГ.

Немцы подготовились к «сражению» хорошо. В конце 1963 года Управление печати и информации ФРГ опубликовало брошюру со статистическими данными о судах над военными

преступниками в этой стране, согласно которым союзники казнили более четырехсот восьмидесяти преступников, а западногерманскими судами было рассмотрено тридцать тысяч обвинительных заключений, и более пяти тысяч человек были признаны виновными. Через какое-то время власти ФРГ опубликовали еще более впечатляющие данные, согласно которым было заведено более шестидесяти тысяч дел, двенадцать человек были (до 1948 года) приговорены западногерманскими судами к смерти, а более шести тысяч преступников – к тюремному заключению, из них семьдесят семь – к пожизненному. Причем как раз во время обнародования этих данных во Франкфурте шел один из самых важных судебных процессов, ставший главным достижением прокурора Бауэра: первый суд над преступниками из Освенцима. За ним последовал еще один. Немцы подчеркивали, что подготовка этих процессов началась еще до суда над Эйхманом, и тот на них совершенно не повлиял.

Впоследствии, однако, выяснилось, что девяносто процентов подозреваемых в нацистских преступлениях не были преданы суду вообще, более половины обвиняемых были оправданы (как правило, «за отсутствием доказательств»), виновными признали только шесть тысяч шестьсот пятьдесят шесть немцев, причем лишь около двухсот из них были признаны виновными в убийствах, а большинство обвиняемых получили довольно легкие наказания. Такое малое количество обвинительных приговоров не только свидетельствовало о несовершенстве западногерманской юридической системы, но и отражало царившую в то время в обществе атмосферу. Наблюдалась явная тенденция не судить нацистов слишком строго – в особенности тех, кто убивал евреев.

Адвокаты обвиняемых придирались к мельчайшим деталям: видел ли свидетель обвиняемого слева или справа? обратил ли он внимание на цвет его военной формы? была ли она зеленой, коричневой или черной? Если она была коричневой, значит, обвиняемый искомым преступником быть не мог, так как в его части носили зеленую. Если дело происходило ранним утром, то адвокат заявлял, что освещение было недостаточным, чтобы свидетель мог опознать обвиняемого наверняка, а если свидетель утверждал, что преступник держал хлыст в правой руке, адвокат говорил, что обвиняемый этим человек быть не может, потому что он левша. Если же свидетель относительно этой детали ошибается, то не исключено, что он ошибается и относительно всех прочих.

Однажды западногерманский суд приехал в Израиль, чтобы допросить свидетелей, которые не могли или не хотели ехать в

ФРГ, и один из защитников, адвокат Людвиг Бок, потребовал от судьи окружного суда Тель-Авива Бруно Нахмана Якоби сложить с себя полномочия, поскольку тот был евреем. Якоби – который был, судя по всему, этим шокирован – назвал требование Бока наглостью и предупредил, что оно может быть истолковано как неуважение к суду. Если же, сказал он, защитник имел в виду, что судья-араб будет относиться к нацистским преступникам с большей симпатией, чем судья-еврей, то он оскорбил к тому же еще и судей-арабов. И хотя с формальной точки зрения требование Бока полностью соответствовало принципам либерально-демократического суда, к которым Визенталь относился с большим уважением, считая их чуть ли не священными, даже он в этом случае не выдержал и послал письмо протеста в западногерманскую коллегию адвокатов.

Большинство немцев выступали против отмены срока давности. Придерживался этой точки зрения и министр юстиции ФРГ, бывший член национал-социалистической партии Эвальд Бюхер. В июле 1964 года он послал Нахуму Гольдману длинное письмо, где заявил, что срок давности – один из основополагающих принципов системы правосудия. Таким образом, главным его аргументом были соображения юридического толка. Однако Гольдман в своем ответе сделал акцент на политическом аспекте проблемы и написал, что, если срок давности вступит в силу, это может свести на нет попытки ФРГ вернуться в семью народов и предупредил, что ГДР не преминет воспользоваться этим в своих целях.

Визенталь понимал, что речь идет не о конфликте евреев с немцами, а о внутреннем конфликте немцев друг с другом, и решил морально поддержать тех немцев, которые выступали за отмену срока давности. С этой целью он обратился к ряду видных писателей, педагогов, юристов, ученых, деятелей искусства и т. д. и попросил их выступить в защиту отмены. Задача эта была непростой: нужно было составить список подходящих людей, раздобыть их адреса и написать каждому из них письмо.

Также он отправил письма известным людям в Израиле (в частности, Голде Меир и Шмуэлю-Йосефу Агнону) и в США (где его поддержали в том числе Артур Миллер и Роберт Кеннеди). В общей сложности он получил 360 ответов, но решил опубликовать только 200 из них. Все они были от представителей немецкой культуры, и красной нитью в них проходила любимая мысль Визенталя о том, что эту этическую проблему немцы должны решить самостоятельно.

Среди людей, приславших письма, были два нобелевских лауреата – Вернер Гейзенберг и Макс Борн, детский писатель

Эрих Кёстнер, а также один профессор. Его звали Йозеф Алоис Ратцингер, и впоследствии он стал Папой Римским Бенедиктом XVI. Полученные письма Визенталь передал министрам юстиции ФРГ и Австрии, а также опубликовал в виде книги. Это был самый большой осуществленный им к тому времени проект.

Отмена срока давности требовала изменения существующего законодательства. Перед решающим голосованием в бундестаге в ФРГ развернулась общественная дискуссия (носившая отчасти этический, но главным образом политический характер), а министр юстиции Бюхер ушел в отставку. Однако в марте 1965 года в бунденстаге был достигнут парламентский компромисс, позволивший немцам уклониться от принятия этого смелого и имевшего для немецкого народа важное моральное значение решения. Вместо того чтобы отменить срок давности полностью, члены бундестага прибегли к юридической уловке, с помощью которой срок давности был всего лишь увеличен на пять лет. Роберт Кеннеди написал в связи с этим Визенталю, что, к сожалению, эта проблема вскоре возникнет снова. Так и случилось.

После этого Визенталь начал бороться за отмену срока давности в Австрии и с этой целью послал письма министру юстиции и ряду политиков. Однако их ответы были либо уклончивыми, либо откровенно враждебными. Тем не менее в конечном счете в Австрии срок давности тоже был увеличен.

4. Поклонники и разочарования

Успехи Визенталя в борьбе за отмену срока давности привели к тому, что его деятельность приобрела новое измерение, а его общественный статус изменился. Теперь Визенталя уже не воспринимали как надоедливого детектива-дилетанта, бегавшего в одиночку от чиновника к чиновнику, из суда в суд и от журналиста к журналисту, а относились к нему как к человеку, перед которым открыты многие двери и которому как в Австрии, так и в ФРГ есть что сказать по поводу самых основополагающих общественно-политических проблем.

Когда у него не было новой интересной информации, он заново просматривал дела нацистов, чьи имена часто фигурировали в прессе, таких, например, как Мартин Борман. Мы, объявил Визенталь в 1965 году, получили надежные доказательства того, что Борман жив.

Когда президент Франции Де Голль находился с визитом в Парагвае, Визенталь послал ему телеграмму, в которой сообщил адрес Менгеле, и попросил поговорить на эту тему с президентом Парагвая. Обычай обращаться непосредственно к главам государств он завел вскоре после освобождения из концлагеря Маутхаузен.

В октябре 1966 года он послал австрийскому канцлеру Йозефу Клаусу длинное послание, где заявил, что доля участия австрийцев в преступлениях нацистов намного превышала долю австрийского населения в Третьем рейхе. По его словам, австрийцы, составлявшие всего 8,5 % от общего количества жителей рейха, были виновны в смерти трех миллионов евреев. Правда, он оговаривал при этом, что его расчеты могут быть неточными. В своем письме он требовал выделить больше государственных служащих, прокуроров и денег, чтобы ускорить темпы предания нацистских преступников суду, и писал, что обеспокоен международным имиджем «нашей страны». Иными словами, он опять выступал не в качестве еврея, сводящего счеты с убийцами своего народа, а в качестве обеспокоенного гражданина, желавшего сделать свою родину лучше.

Все больше и больше людей, включая послов иностранных государств, изъявляло желание встретиться с ним лично, и о нем постоянно писали в газетах. Объяснялось это, прежде всего, тем, что его воспринимали как человека, беззаветно преданного идеалам закона и справедливости, твердо идущего к своей цели, смелого и уверенного в себе.

Его часто приглашали читать лекции – как в США, так и в

других странах, – и эти лекции (наряду с материальной помощью Моссада, месячной рентой, которую он и его жена получали из ФРГ, а также доходами от книги о его участии в поимке Эйхмана) были еще одним источником его заработка. Общественные организации даже стали обращаться к нему с просьбой о денежных пожертвованиях. Одно из таких обращений он, по-видимому, подшил с особым удовольствием: оно поступило из «Джойнта», откуда его всего за несколько лет до того уволили.

Интерес и восхищение, которые он вызывал, были связаны также с общественными, культурными и политическими процессами, характерными для второй половины 60-х годов. В Европе выросло новое поколение. Это были молодые люди, родившиеся в конце Второй мировой войны или сразу после нее. Многие из них чувствовали стыд из-за того, что их родители отказывались признавать свою вину, лгали им и не смогли выкорчевать из себя нацистскую идеологию.

Однако несмотря на все восхищение, которым был окружен Визенталь, он продолжал переживать и многочисленные разочарования, в частности, когда пытался найти эсэсовцев, издевавшихся над ним лично.

Через двадцать лет после того, как эсэсовский офицер Фридрих Варцок повел последних узников концлагеря Яновский на запад, Визенталю показалось, что ему удалось Варцока найти. В июне 1966 года, писал он, Варцока видели в Гамбурге. Кроме того, ему удалось обнаружить бывшую возлюбленную Варцока, проживавшую в Австрии. Она была допрошена полицией и подтвердила, что в 1945 году жила с Варцоком. «Мы, – писал Визенталь, – продолжаем этим делом заниматься; речь идет о важном преступнике». Он пытался искать Варцока в Египте и Судане – причем разные ведомства ему в этом помогали, – но поймать его так и не удалось.

Прокуратуры прибегали к помощи Визенталя, чтобы найти свидетелей, и использовали его исторические познания. «Будьте абсолютно уверены, – заверил он одного из прокуроров, – что я сделаю все возможное, чтобы вам помочь. Хотя бы потому, что сам родом из Бучача и мои родственники, как и родственники жены, там погибли».

Как всегда, он пытался использовать для своих поисков средства массовой информации. Однажды, например, он давал интервью для телевидения и показал на камеру письмо, которое, по его словам, получил в тот день от старушки, проживавшей на севере ФРГ. Она сообщала о полицейском, показавшемся ей подозрительным. Фамилия полицейского была Паал. Именно в этом и состояло одно из преимуществ широкой известности. Чем

знаменитее становился Визенталь, тем больше писем с угрозами и оскорблениями он получал, однако при этом ему приходили также письма людей, доносивших на своих ближних: на соседей, должников и даже на родственников, которым они хотели отомстить. Часто эти письма были анонимными.

Письмо старушки Визенталя обрадовало, поскольку Паала он искал еще с 1946 года. В Линце он время от времени сталкивался с беженцами из Бучача, которые рассказывали ему, как там убивали евреев, и именно так ему стало известно, что мать его жены была застрелена украинским полицаем и что его дядю, владельца пекарни Исраэля Визенталя, и жену дяди Хаю застрелили в печи, в которой они прятались. При этом в рассказах беженцев постоянно упоминался полицай по фамилии Паал.

С годами у Визенталя набралось об этом человеке довольно много информации. Люди, писавшие ему на идише, английском, русском и немецком из Чикаго, Хадеры, Лондона и Монтевидео, сообщали об ужасных злодеяниях Паала. По их словам, он убивал в том числе и детей. А из Канады Визенталь получил показания бывшего жителя Бучача, который описал убийство евреев на холме Федор, расположенном в предместьях города. По его словам, это сделал все тот же Паал. Тем не менее найти Паала Визенталю никак не удавалось. Пока он не получил письмо от старой женщины из ФРГ.

Паала, о котором она сообщила, допросили, но оказалось, что он всего лишь однофамилец. Тогда Визенталь предположил, что фамилия человека, которого он искал, была не Паал, а Пал. В документах, хранящихся в соответствующей папке Визенталя, встречается как написание «Паал», так и «Пал». Есть среди них также письмо из прокуратуры, где высказывается предположение, что этого человека звали «Пауль».

Визенталю хотелось верить, что он на правильном пути. «За последние двадцать лет, – писал он в декабре 1965 года, – мы выходили на след многих людей по фамилии Паал, но сейчас арестован именно тот, кого мы искали». Однако один переживший Холокост еврей из Монреаля написал ему следующее: «Я говорил с людьми, знавшими Пала, и они считают, что человека из Бучача зовут Паал. Но может быть, все как раз наоборот. Кого из этих двоих арестовали, я не знаю, но надеюсь, что обоих».

В конце концов оказалось, что в районе Бучача орудовали два человека с похожими фамилиями. Одного звали Петер Иоганн Паал, а второго – Рихард Пал. Их адвокаты торжествовали. Откуда, вопрошали они, свидетель знает фамилию человека,

разбившего, как он утверждает, сапогом голову младенцу? Откуда он знает, что это был Пал, а не Паал? Может, это вообще был кто-то другой? И может быть, искомый младенец все еще жив?

Как и на многих других судебных процессах, на этом обвиняемые тоже говорили, что в то время их в Бучаче не было, что как раз тогда они находились в отпуске, что деяния, приписываемые им свидетелями, были за пределами их компетенции и утверждать наверняка, что именно они, Паал или Пал, а не кто-то другой совершили то, что им приписывается, свидетели не могут.

Эта толстая папка ничем не отличается от сотен других, хранящихся в маленьком офисе Визенталя, и точно так же, как и в других папках, последним документом в ней стала вырезка из газеты. Соответствующий номер газеты вышел в свет в 1979 году, более чем через тридцать лет после того, как Визенталь впервые наткнулся на имя Паала-Пала. В вырезке говорится, что шестидесятишестилетний пенсионер Рихард Пал полностью оправдан, что суд в Штутгарте его апелляцию удовлетворил и за проведенные в тюрьме годы ему будет выплачена компенсация.

Что испытал Визенталь, когда прочел эту новость, догадаться нетрудно, но к тому времени он уже добился своего наибольшего со времени поимки Эйхмана успеха: нашел коменданта лагеря смерти Треблинка Франца Штангля. По оценкам историков, в этом лагере было убито более восьмисот пятидесяти тысяч евреев.

Глава одиннадцатая. «Я никогда не воспринимал их как индивидуумов»

1. Школа для убийц

Возле деревни Альковен, расположенной к северу от Линца и к югу от одного из изгибов Дуная, стоит белый массивный четырехэтажный замок с красной черепичной крышей и многочисленными окнами. У замка пять башен: четыре по углам, с островерхими свинцового цвета крышами, и еще одна, повыше других, увенчанная «луковицей». Внутренний двор замка окружен арками, стоящими одна на другой и украшенными декоративным орнаментом.

Замок Хартхайм получил свое имя, по-видимому, в честь семейства, заложившего его фундамент в двенадцатом веке. В эпоху Ренессанса он был расширен, но к концу девятнадцатого века обветшал, и его владелец, князь, подарил замок местной благотворительной организации, устроившей в нем «приют для идиотов» (как тогда называли дома умалишенных). Американская армия окружала замок осторожно, полагая, что в нем засели эсэсовцы, но оказалось, что там находились только монахини и несколько десятков детей-сирот, за которыми монахини ухаживали.

По словам Визенталя, еще в Маутхаузене он слышал, что больных заключенных отправляли в некий «замок смерти», откуда они не возвращались, но только после войны он узнал, что существовала программа «умерщвления из милосердия». О том, чем занимались в Хартхайме, американцам рассказал плененный ими комендант Маутхаузена Франц Цирайс. По оценкам американцев, в замке было убито около тридцати тысяч человек. Большинство из них были неизлечимо больными, а среди этих последних были в том числе умственно отсталые и дети. Их умерщвляли ядом, который давали в виде таблеток или вводили уколами, а также в газовой камере, оборудованной с этой целью на первом этаже.

В основе программы «умерщвления из милосердия» лежала философии жизни и смерти, составлявшая фундамент нацистской идеологии и считавшая священной не жизнь, а расовую чистоту. Сначала эта философия привела к принятию закона, предписывавшего проводить стерилизацию каждому, кто страдал наследственными болезнями, и разрешавшего аборты в случае, если такими болезнями страдал один из родителей, а чуть позже, в Нюрнберге, был принят закон, запрещавший евреям вступать в сексуальный контакт с неевреями. С целью подтверждения расовой теории в Германии проводились специальные исследования и над заключенными концлагерей ставились

медицинские эксперименты.

«Умерщвления из милосердия» осуществлялись главным образом с начала войны до осени 1941 года и часто безо всякого предварительного медицинского обследования. Для этого было достаточно приказа, подписанного каким-нибудь чиновником-врачом, даже не видевшим тех, кому было предназначено умереть. Нередко на его решение влияли экономические и даже политические факторы. В проекте принимали участие около четырехсот человек, среди которых были врачи, психиатры, медсестры, административный и технический персонал и охранники.

В 1946 году американский военный суд признал виновными в военных преступлениях шестьдесят одного сотрудника Маутхаузена. Пятьдесят восемь из них были приговорены к смертной казни и повешены. Некоторые из них были замешаны в том числе и в злодеяних, совершенных в Хартхайме. Судебный процесс проходил на территории концлагеря Дахау, а повешены осужденные были в тюрьме города Ландсберга, где в свое время сидел Адольф Гитлер и где он написал книгу «Майн кампф». Это был первый судебный процесс над военными преступниками.

После Нюрнбергского процесса состоялся суд над врачами, где об «умерщвлениях из милосердия» говорилось достаточно подробно. Двое руководителей проекта были признаны виновными и казнены. Однако некоторых других работавших в замке Хартхайм людей судили австрийские «народные суды», и в 1947 году они были оправданы или приговорены к легким наказаниям.

В Австрии существование «замка смерти» в Хартхайме замалчивалось, и многие не знали, что их близкие были убиты именно там. Те же, кто знал, зачастую этого стыдились, опасаясь, что про них будут сплетничать, что у них в роду имелись психические заболевания.

Летом 1962 года Визенталь получил первое из длинной череды душераздирающих писем от проживавшей в Лондоне болезненной пожилой женщины по имени Стефани Альберти. До этого она написала Моше Ландою (председателю судебной коллегии, признавшей Эйхмана виновным), но канцелярия Ландоя переслала письмо в полицию Тель-Авива, а та, в свою очередь, написала женщине, что ей лучше обратиться к господину Симону Визенталю по адресу «Вена-1, переулок Целинка, дом 4». Так она и поступила.

Ее брат, уроженец Будапешта Лео Альберти, был арестован немцами (судя по всему, на основании политического доноса) и отправлен в Маутхаузен. С тех пор она ничего о нем не слышала.

Однако после войны она узнала от бывших узников концлагеря, что его отправили в Хартхайм и там убили. Этот факт не давал ей покоя. «Мне 75 лет, – писала она Визенталю. – Я не хочу и не могу умереть, пока не добьюсь для убийц моего брата наказания, которого они заслуживают».

Визенталь ответил ей вежливым письмом и попросил дополнительных подробностей. Она написала, что одним из людей, сообщивших ей, что брата умертвили в Хартхайме, был врач по имени Золтан Клар. Выйдя из Маутхаузена и вернувшись в Будапешт, Клар рассказал ей, что ее брат заболел воспалением легких и совершил ужасную ошибку: сообщил о своей болезни и попросил врачебной помощи. После этого его сразу отправили в Хартхайм. Визенталь ответил женщине, что с Кларом знаком: в концлагере они жили в одном бараке – и пообещал, что попробует выяснить дополнительные детали, однако сделать этого ему, судя по всему, не удалось. Тем не менее Стефани Альберти продолжала писать ему снова и снова. Кроме того, она опубликовала в нескольких австрийских газетах объявления, где пообещала денежное вознаграждение тому, кто ей поможет, и обратилась в целый ряд учреждений, в частности в «Яд-Вашем» и в Центральное управление по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге. Однако отовсюду ее направляли по одному и тому же адресу: переулок Целинка, дом 4, к Симону Визенталю. «По-моему, – писал Визенталю один из сотрудников Всемирного еврейского конгресса, к которому женщина тоже обращалась, – стоит дать госпоже Альберти конкретный ответ, можно ли ей помочь, и если да, то как, а не давать ей вежливые уклончивые обещания, которые нельзя будет выполнить».

Это была единственная тема, которая Альберти интересовала. Когда Визенталь задерживался с ответом, она писала ему почти в панике и умоляла этого дела не забрасывать. Плюс к тому она задействовала также своего брата Эрвина, проживавшего в Вене. «Прошу вас, господин Визенталь, – писал тот на почтовой бумаге с логотипом киностудии “Центропа”, – сделайте мне такую великую милость, напишите ей хотя бы несколько строк и успокойте ее. Вы, кто с таким мужеством и с такой гениальностью преследовал Эйхмана, способны понять душевное состояние упрямой старой женщины, даже если она и мешает вашей важной работе, причем безо всякой, по-видимому, необходимости».

Визенталь отвечал Альберти на все ее письма, и она даже приезжала к нему в Вену. Он принял ее и пришедшего с ней брата очень любезно, связал ее с венской прокуратурой, и там у нее взяли показания. Сотрудники прокуратуры спросили ее, присутствовала ли она на казни брата в Хартхайме лично или же

опирается только на слухи, у которых, к великому сожалению, никакой юридической ценности нет. Визенталь знал, что для людей, переживших Холокост, он фактически стал главной инстанцией, и относился к женщине с пониманием. Он знал, что поиски человека, выдавшего ее брата, стали для нее смыслом жизни, точно так же, как смыслом его собственной жизни сделались поиски убийц всех евреев как таковых.

Хартхаймом Визенталь начал заниматься еще до того, как к нему обратилась Альберти. В ноябре 1961 года он попытался заинтересовать корреспондента журнала «Квик» Отмара Каца дневником одной медсестры, сын которой был неизлечимо болен. В своем дневнике та рассказывала, как ездила в Берлин просить умертвить ее сына не газом, а уколом. Визенталь сообщил Кацу ее имя, пообещал прислать фотографии и попросил дать ему быстрый ответ, поскольку этой темой, мол, интересуется еще один журнал (к такой хитрости в своих контактах с прессой он прибегал не раз), однако оговорил, что предпочитает «Квик». В марте 1962 года он передал информацию об «умерщвлениях из милосердия» в Центальное управление по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге. Однако просьба Стефани Альберти разожгла его интерес к этой теме еще сильнее.

Реконструировать творившиеся в Хартхайме ужасы было нетрудно: многие из жителей деревни Альковен об «умерщвлениях из милосердия» знали, а многие даже сами принимали в них участие. Визенталь ездил туда лично, беседовал с людьми, много на эту тему читал и думал. Большинство убитых в Хартхайме евреями не были, но, по мнению Визенталя, количество тамошнего персонала намного превосходило требуемое. На этом основании он пришел к выводу, что «лишние» сотрудники проходили там профессиональную подготовку: их готовили к гораздо более крупной операции, к уничтожению евреев. Поэтому уже во втором отчете о деятельности венского Центра он назвал Хартхайм «школой для убийц». Кроме того, в процессе подготовки к суду над одним из военных преступников он изучал личные дела персонала лагерей смерти и заметил, что многие из этих людей были австрийцами и ранее служили в одном из двух учреждений, где осуществлялись «умерщвления из милосердия». Одно из них находилось в Германии, в Хадамаре, а второе – в Хартхайме.

Занимаясь этой темой, Визенталь сформулировал тезис, которым руководствовался всю последующую жизнь и который раздражал немалое количество людей, – о том, что евреи не были ни единственными жертвами нацизма, ни первыми по времени. Истребление евреев, считал он, нельзя понять без знания

нацистской расовой теории, и нацисты, по его мнению, вряд ли смогли бы уничтожать евреев с такой эффективностью, если бы до этого не убивали других (включая душевно– и неизлечимо больных), подавляющее большинство которых евреями не были.

В феврале 1964 года, в венском клубе журналистов, Визенталь устроил пресс-конференцию, на которую пришло более ста корреспондентов, в том числе иностранных. Он раздал им копии письма, посланного им за несколько дней до того министру юстиции Кристиану Брода. В этом письме он писал, что «умерщвления из милосердия» были чем-то вроде генеральной репетиции истребления евреев.

Через несколько недель он сделал еще одно заявление, согласно которому жертвами геноцида были не только евреи, поскольку нацисты убивали также цыган и представителей других групп населения, угрожавших, по их мнению, чистоте арийской расы. С тех пор это стало для него основополагающим принципом. Холокост, говорил он, был преступлением не только против еврейского народа, но и преступлением против всего человечества, включая самих немцев.

Среди «выпускников» Хартхайма, занимавшихся позднее уничтожением евреев, Визенталь назвал Кристиана Вирта, коменданта лагерей смерти Белжец, Собибор и Треблинка, и еще одного человека, которого в то время знал только по фамилии, – Штангля.

Пресс-конференция широко освещалась австрийской прессой.

2. Штангль

Франц Штангль был нацистом, и его мировоззрение хорошо объясняет готовность активно участвовать в убийстве сотен тысяч евреев. Требовавшаяся для этого жестокость развивалась у него постепенно, этап за этапом, начиная с детства. Его история похожа на историю комендантов всех других лагерей смерти.

Если бы в 1938 году ему сказали, что через три года он будет комендантом двух лагерей смерти, он бы, наверное, в это не поверил, так как большим воображением не отличался. Но если бы ему сказали, что единственный способ избавиться от евреев – это их истребить, он бы, скорее всего, такую идею не отверг. Он не был ни бездумным роботом, ни садистом в буквальном смысле этого слова; он знал, что делал, и верил, что именно это делать и надо.

Его отец был ночным сторожем в Альтмюнстере, курортном городке в Верхней Австрии, расположенном на берегу озера. Своему английскому биографу Гите Серени Штангль рассказал, что отец был солдатом элитной части императорской австро-венгерской армии и очень этим гордился. Он держал семью в ежовых рукавицах, воспитывал сына в армейском стиле и неоднократно за баловство бил, причем иногда до крови. «Я боялся его до смерти, – рассказывал Штангль. – Мне казалось, что он не хочет меня вообще. Один раз я подслушал его разговор с матерью. Он подозревал, что я не его сын».

Когда Штанглю было восемь лет, отец умер от тяжелой болезни. Это произошло в 1916 году, на втором году Первой мировой войны. Через два года после этого, когда Штанглю было десять, его мать вышла замуж снова. Ее второй муж – тоже вдовец – был рабочим-металлистом и имел двух сыновей от предыдущего брака, один из которых был одногодкой Штангля.

Когда Штанглю исполнилось пятнадцать, он стал учеником на текстильной фабрике и дела у него там пошли хорошо. Через три года он выдержал экзамен и стал профессиональным ткачом, самым молодым в Австрии, а еще через два года, в возрасте двадцати лет, его назначили бригадиром. В подчинении у него было пятнадцать рабочих. По вечерам он давал уроки игры на цитре, а по выходным строил парусную лодку. «Это были самые счастливые годы в моей жизни», – вспоминал он, а его жена говорила, что это были первые счастливые годы в его жизни вообще, так как в детстве он был несчастным.

В 1931 году, примерно через пять лет после того, как Штангль стал профессиональным ткачом, он оказался на

перепутье. «Я видел вокруг себя тридцатипятилетних рабочих, начавших работать на фабрике в моем возрасте и уже выглядевших стариками. Работа на фабрике подорвала их здоровье, и я спросил себя, а хочу ли я до конца своих дней заниматься ткацким делом».

Судя по всему, к тому времени он уже познакомился с девушкой, через несколько лет ставшей его женой. Она была дочерью владельца парфюмерного магазина. У молодого рабочего-текстильщика имелась теперь убедительная причина стремиться улучшить свое экономическое и общественное положение: ему нужно было сравняться по социальному статусу с девушкой, которую он любил.

Он решил поступить на службу в полицию. Ему хотелось стать представителем власти, носить форму, иметь оружие, и он считал, что, став государственным служащим, сумеет обеспечить свое экономическое будущее. Кроме того, в полиции у него была возможность продвинуться по службе, чего на фабрике сделать не мог. Поступить в полицейскую академию оказалось непросто: приемные экзамены были трудными, и ответ он получил лишь через несколько месяцев, но тем не менее его приняли. Учеба продолжалась около года и тоже была трудной. «Нас, – рассказывал Штангль, – учили, что все люди от природы злы».

Выпускные экзамены он сдал успешно и по окончании учебы работал на разных полицейских должностях, начиная с регулирования дорожного движения и кончая разгоном демонстраций. На последнем поприще он отличился особо. «В феврале 1934 года, – рассказывает он, – в Линце происходили ужасные уличные бои. Группа социалистов, которые были одними из зачинщиков беспорядков, забаррикадировалась в центральном кинотеатре, и, чтобы их оттуда выкурить, нам пришлось долго с ними сражаться. Бой продолжался более двенадцати часов. Я участвовал в нем с начала до конца и получил за это награду – серебряную медаль».

В июле 1934 года Штангль обнаружил тайник с оружием, спрятанным нацистами в одном из лесов. Оценив его прилежание, начальство наградило его вторым знаком отличия – австрийским «Орлом» с ленточкой в зеленую и белую полоску – и послало на курсы тайных полицейских агентов. Через год его перевели в политический отдел тайной полиции города Вельс (неподалеку от Линца), который был центром нелегальной нацистской активности. Штангль ходил теперь в гражданской одежде, и его задача состояла в том, чтобы следить за подпольной политической деятельностью социал-демократов, коммунистов и нацистов. Для двадцатисемилетнего бывшего рабочего-

текстильщика это стало большим карьерным достижением. В конце того же года он женился.

Когда через сорок лет Штангля спросили, как он в то время относился к деятельности нацистской партии, он от ответа уклонился, сказав только: «Я был полицейским и делал свою работу», – однако когда через три года его работы в полиции Австрию присоединили к нацистской Германии, он запаниковал. «Орел», полученный им за обнаружение нацистского тайника с оружием, мог теперь стоить ему жизни. Трое из пяти полицейских, получавших награду вместе с ним, уже на следующий день после присоединения были казнены. Он бросился к адвокату, активисту нацистской партии, который был ему чем-то обязан, и тот согласился вписать его имя в список членов партии, вступивших в нее еще до присоединения, когда она находилась под запретом. Этим он спас Штанглю жизнь. Именно так, если верить Штанглю, он членом партии и стал (хотя, конечно, вполне мог и соврать). В любом случае, вступив в нацистскую партию, он по-прежнему продолжал служить в политическом отделе тайной полиции, вошедшей после присоединения в состав гестапо, а через некоторое время подписал декларацию, в которой, как это было принято у нацистов, говорилось, что он «верит в Бога», но католиком больше не является. Это было важным этапом на пути его постепенного «врастания» в систему нацистских ценностей. К началу Второй мировой войны Штангль уже считался очень ценным работником и в армию поэтому призван не был.

Если бы в то время он подвел предварительные итоги своей жизни, у него нашлись бы вполне убедительные причины быть довольным. Они с женой жили в хорошей квартире с палисадником; через год после свадьбы у них родилась дочь Бригитта; его семейная жизнь, в отличие от жизни в доме родителей, была счастливой; свою работу он любил, по службе продвигался быстро и достиг гораздо более высокого социального положения, чем мечтал в молодости. Всего этого он добился собственным горбом и не без труда. Будучи членом партии, он также имел все основания полагать, что его продвижение по служебной лестнице продолжится.

В ноябре 1940 года он был вызван в Берлин для получения новых инструкций; приказ о явке был подписан главой СС Генрихом Гиммлером, уступавшим по могуществу лишь самому Гитлеру. Штангля вызвали в Главное управление полиции. «Один из офицеров – его звали Вернер – сказал мне, что принято решение назначить меня на очень трудную должность, – рассказывает Штангль. – Он объяснил мне, что в Советском Союзе

и США душевнобольных, неизлечимо больных и инвалидов, чьи тела сильно деформированы, уже много лет умерщвляют и что в Германии, как и в других странах, тоже вскоре будут проводиться “умерщвления из милосердия”». Также он сказал, что из уважения к чувствам граждан «умерщвления из милосердия» будут вводиться в Германии постепенно и только после того, как общественность окажется к этому психологически готова, но добавил, что эта тяжелая работа – под строгой завесой секретности – уже началась. При этом он заверил Штангля, что «умерщвления из милосердия» проводятся только после тщательного медицинского обследования как минимум двумя врачами, дабы не оставалось ни малейших сомнений, что речь действительно идет о неизлечимо больных, и умерщвляют людей без боли, освобождая тем самым от ужасных страданий, которые им пришлось бы пережить, останься они в живых.

По словам Штангля, он попытался от этой должности отказаться, и офицер, «который был очень любезен… сказал, что хорошо мою первую реакцию понимает, но подчеркнул, что сам тот факт, что эту обязанность возлагают именно на меня, свидетельствует о том, что мне доверяют и верят в мои способности. Работа была тяжелой, и они это знали, но мне пообещали, что в контакт с самими больными мне вступать не придется. Умерщвления будут производиться исключительно врачами и медсестрами, а я буду заниматься только вопросами безопасности».

В его жизни этот момент стал поворотным. «Я, – говорит он, – согласился возложить эту обязанность на себя, и тому было несколько причин. На меня подействовали слова о том, что “умерщвления из милосердия” уже производились в Америке и России. Подействовало на меня также и то, что умерщвления будут производиться врачами и медсестрами. Я верил, что перед принятием решения, кому жить, а кому умереть, будут проводиться тщательные медицинские обследования. Хорошее впечатление произвел на меня также тот факт, что они собирались проявить уважение к чувствам граждан. Наконец, я просто боялся. В Линце меня собирались подвергнуть дисциплинарному суду, и мой начальник надо мной издевался, поэтому мне очень хотелось поскорее оттуда уехать».

Новая должность была повышением по службе. Став начальником охраны Хартхайма, Штангль снова стал носить зеленую полицейскую форму и получил новое звание, более высокое, чем у начальника полиции близлежащего города.

Никаких причин испытывать муки совести Штангль во время службы в Хартхайме не имел, так как усвоенным им к тому

времени моральным нормам его новые обязанности не противоречили. Насколько он знал (и насколько хотел знать вообще), больные, которых привозили в Хартхайм, жить были недостойны, и все делалось по закону, в соответствии с нацистской этикой, которую он считал приемлемой, и с политикой, проводимой правительством. Кроме того, его участие в этом деле было лишь косвенным, так как своими руками он никого не убивал. Он отвечал только за безопасность. Плюс к тому он должен был удостовериться, что каждый больной прибывает с необходимыми справками и свидетельства о смерти выписываются в соответствии с правилами.

Однажды, по долгу службы, он посетил приют для умственно отсталых детей, за которыми ухаживали монахини, и одна из них, показав ему на мальчика лет пяти, сказала: «Вы знаете, сколько ему лет? Ему уже шестнадцать, но он никогда не повзрослеет», – после чего пожаловалась, что врачи из Хартхайма почему-то отказываются освободить его от страданий. Штангль утверждает, что был этим поражен. Католическая монахиня требовала умертвить умственно отсталого ребенка. Католическая монахиня! «Как же я после этого мог усомниться в том, что в Хартхайме мы занимались правильным делом?»

В августе 1941 года, отчасти под давлением церкви и общественности, «умерщвления из милосердия» было решено прекратить (по оценкам историков, к этому моменту в рамках данного проекта было умерщвлено уже от восьмидесяти до ста тысяч человек, а после этой даты в соответствующих учреждения было умерщвлено еще несколько тысяч умственно отсталых детей, политических заключенных, уголовников, гомосексуалистов и евреев), и Штангля послали на север Германии, в Бернбург, помочь расформировать аналогичное учреждение, директором которого был доктор Имфрид Эберл, впоследствии первый комендант лагеря смерти Треблинка. В Бернбурге Штангль занимался вопросами административного характера: вывозом оборудования, страхованием и т. д. – но пробыл там недолго. Начальство предоставило ему выбор: вернуться в Линц или отправиться служить в Люблин под командованием начальника полиции Одилио Глобочника. Поскольку в Линце у Штангля были плохие отношения с начальником, он выбрал Люблин. Это произошло весной 1942 года. После Хартхайма он уже был психологически готов к своему новому заданию, обустройству лагеря Собибор. Глобочник сказал ему, что это будет военный лагерь хозяйственного назначения.

Вскоре после прибытия на место Штангль увидел газовую установку, похожую на ту, что ранее видел в Хартхайме. Офицер,

с которым он уже встречался в Хартхайме, Кристиан Вирт, объяснил ему, о чем идет речь.

«Это было в Белжеце, – вспоминает Штангль. – Я приехал туда на автомобиле. На подъезде к лагерю, с левой стороны дороги, была железнодорожная станция. Сам лагерь находился на той же стороне, на холме. На расстоянии около двухсот метров виднелась комендатура, а по другую сторону шоссе – одноэтажное здание. И повсюду стоял этот запах…»

Вирта в кабинете не оказалось, и Штангля к нему отвели. Вирт стоял на холме, у подножья которого были вырыты рвы. Они были заполнены трупами. По оценке Штангля, трупов было несколько тысяч. Вирт рассказал ему, что происходит в Собиборе, и назначил его комендантом лагеря.

По словам Штангля, он сказал Вирту, что для этой должности не подходит (точно так же, как когда ему предложили отправиться в Хартхайм), и Вирт пообещал доложить об этом начальству, но начальство его отказ не приняло, а настаивать он не стал.

На следующий день Вирт отправился в Собибор, чтобы испытать одну из газовых камер. С этой целью в ней умертвили двадцать пять рабочих-евреев. Штангль при этом присутствовал.

Комендантом Собибора он пробыл с марта по сентябрь 1942 года, а затем, до августа следующего года, служил комендантом лагеря Треблинка.

Примерно через тридцать лет после этого Штангль так охарактеризовал свой первый день в Треблинке: «Это было намного хуже Собибора. В Собиборе, если ты не работал непосредственно в лесу, можно было жить, не видя происходящего. В Треблинке не видеть было нельзя. То, что я увидел в тот день, было самым ужасным из всего, что я видел когда-либо. Это был дантов ад… Машина остановилась возле того места, где производилась первоначальная селекция… Повсюду валялись тысячи разлагающихся, гниющих трупов…»

Помимо всего прочего, Штангля послали в Треблинку, чтобы навести там порядок. Он должен был искоренить царившую в комендатуре лагеря коррупцию. Его предшественники имели обыкновение присваивать себе, по крайней мере, часть денег и ценных вещей, которые находили у привозимых на смерть людей.

По словам Штангля, он продолжал считать себя полицейским и, если бы только захотел, мог в любой момент уйти. Однако уход с этой должности был чреват неприятностями, а возможно, и риском для жизни: его могли отправить на фронт, и его карьере, которую он сделал с таким трудом после ухода с текстильной фабрики, пришел бы конец. Поэтому он вряд ли когда-либо

всерьез думал об уходе. Тем более что для этого у него не было причин. Все, что он делал, полностью соответствовало идеологии, в которую он верил, и являлось реализацией задач, поставленных режимом, которому он сознательно служил.

Среди сотрудников концлагерей были приспособленцы, садисты, а также люди бесчувственные, действовавшие, как роботы, из инстинкта послушания, и многие из них были личностями посредственными, низкими, трусливыми и лишенными воображения и инициативы, то есть именно такими, каким Ханна Арендт описывала Эйхмана. Но большинство офицеров СС, обслуживавших лагеря смерти, не были такими же немцами, как все остальные: они были «идеологическими солдатами». Военная служба была для них не просто работой и шансом сделать карьеру, но и образом жизни. Она позволяла им самовыразиться, давала ощущение собственной силы, чувство принадлежности к коллективу и вселяла веру, что они выполняют важную миссию. Кроме того, на службе они получали возможность решать сложные задачи, продемонстрировать свою лояльность и обзавестись друзьями. Мотивы и обстоятельства, приведшие их в национал-социалистическое движение, были у каждого разные, но большинство из тех, кто принимал участие в убийствах евреев, вступили в партию одними из первых и с самого начала выделялись своим идеологическим фанатизмом.

Большинство немцев и австрийцев в нацистскую партию не вступили, а большинство членов этой партии не состояли в СС, но многие из участвовавших в уничтожении евреев служили в эсэсовском подразделении, считавшемся самым элитным – дивизии «Мертвая голова», и, вопреки мнению Арендт, в основе их поведения лежала не «банальность зла», а сознательная, и очень сильная, идеологическая солидарность с этим злом.

«Умерщвления из милосердия» психологически подготовили Штангля к работе в лагерях смерти, и на каждом новом месте работы он становился все более жестоким. Чем выше было его звание и ответственней занимаемая должность, тем сильнее он верил в правильность того, что делал. Когда началась война, уровень жестокости в лагерях вырос и в конце концов Штангль перестал видеть в заключенных таких же людей, как он сам. После этого руководить их уничтожением ему стало легче.

Гите Серени он сказал, что, когда увидел Вирта, стоявшего над переполненным трупами рвом, то не испытал никаких человеческих эмоций: «Я никогда не воспринимал их как индивидуумов. Они всегда были для меня только огромной массой. Иногда я стоял на стене и смотрел, как они лежат во рву, голые. Их гнали. Их подгоняли кнутами». В его глазах они были

всего лишь «грузом».

Много лет спустя, в Бразилии, он ехал в поезде и вспомнил Треблинку: «Возле одной из железнодорожных станций находилась скотобойня. Услышав стук колес поезда, животные на скотобойне сгрудились у забора и уставились на вагоны. Они находились очень близко к моему окну, и я подумал, что это напоминает Польшу. Так смотрели люди в лагере за минуту до того, как их загоняли в [газовую] камеру…»

Это был решающий момент: чем сильнее становилась жестокость и чем меньше узники концлагерей были похожи на людей, тем больше это подтверждало правоту расовой теории. «В конечном счете людей в концлагерях убивали уже так, как мы убиваем назойливых мух или клопов», – сказал защитник одного из комендантов лагерей смерти. То же самое говорил Штангль. Чтобы привыкнуть к Треблинке, ему понадобилось несколько месяцев, но в конце концов он привык. Так же, как ранее привык к Хартхайму и Собибору.

3. Лихорадочные усилия

Когда Визенталь вспоминал о своих попытках поймать Штангля, он говорил, что впервые наткнулся на его имя в 1948 году в списке старших офицеров СС, получивших награды, но вполне возможно, что он встречался со Штанглем и лично: после войны тот был арестован и сидел в американском лагере для военнопленных Глазенбах, который Визенталь иногда посещал. Через какое-то время Штангля перевели в тюрьму в Линце, и он оттуда сбежал. Судя по всему, американцы в то время еще не знали, что он был комендантом лагеря смерти. Когда именно Визенталь им заинтересовался, неизвестно, но, по его словам, он действовал тем же методом, что помог ему найти Эйхмана: следил за его женой. Она жила в Вельсе. Как-то раз, в 1949 году, к ней приехали три человека из известной австрийской фирмы, специализировавшейся на перевозках грузов, и увезли с собой два больших деревянных ящика, на стенках которых написали: «Дамаск». Соседи госпожи Штангль, судя по всему, это видели.

В 1959 году один западногерманский журналист сказал Визенталю, что Штангль все еще находится в Дамаске. Это был тот самый Хайнц Вайбель-Альтмайер, который распространил, судя по всему, новость, что Эйхман живет в Кувейте. Не исключено, впрочем, что не Вайбель-Альтмайер сообщил эту информацию Визенталю, а, наоборот, Визенталь сообщил ее Вайбель-Альтмайеру (например, чтобы побудить журналиста ее проверить), но в любом случае эта информация была неверной, так как с 1951 года Штангль проживал с семьей в Бразилии. Тем не менее, по словам Визенталя, уже в 1960 году ему стало известно, что Штангль находился в Южной Америке, хотя его точного адреса он тогда еще не знал.

Через несколько дней после пресс-конференции, созванной Визенталем в феврале 1964 года, в Центр документации пришла очень взволнованная женщина, которая только что прочла в газете слова Визенталя на пресс-конференции о связи между «школой для убийц» в Хартхайме и истреблением евреев, а также о причастности к этому Штангля. «Я не знала, что моя двоюродная сестра Тереза замужем за таким ужасным человеком, убийцей множества людей», – сказала женщина и заплакала. Визенталь спросил, где ее двоюродная сестра живет. «Как где? – воскликнула женщина. – В Бразилии, разумеется!» Таким образом, Визенталь снова мог себе сказать, что один из лучших способов раздобыть информацию – это публикации в прессе.

На следующий день к Визенталю пришел посетитель,

которого он описал как человека с бегающими глазками. Посетитель сказал, что служил в гестапо и пожаловался, что коллеги бросили его на произвол судьбы. «Крупные рыбы, все эти штангли и эйхманы, получили всю требовавшуюся им помощь, – сказал он. – Их тайно вывезли из страны, дали им деньги, работу, фальшивые документы. А кто помогает таким, как я?.. У меня, – продолжал он, показывая на свою потрепанную одежду, – нет ни работы, ни денег. Я даже не могу позволить себе рюмку вина». При этом от него сильно разило алкоголем, но Визенталь сделал вид, что этого не заметил. И тут, наконец, человек перешел к делу. Он сказал, что за двадцать пять тысяч долларов готов сообщить Визенталю адрес Франца Штангля. Визенталь ответил, что таких денег у него нет, и гость согласился продать информацию за семь тысяч. По словам Визенталя, они пришли к этой сумме на основании предполагаемого количества убитых Штанглем евреев: семьсот тысяч, по центу за каждого. «Мне, – пишет Визенталь, – пришлось сделать над собой усилие, чтобы удержать руки на столе; иначе я бы вскочил и влепил ему пощечину». Однако он, по его словам, понимал, что это единственный способ Штангля поймать, и пообещал заплатить. Гость сказал, что Штангль работает механиком на заводе «Фольксваген» в бразильском городе Сан-Паулу.

В архиве Визенталя нет документов, подтверждающих достоверность этого рассказа, и некоторые другие источники заставляют предположить, что он его придумал, желая скрыть имя настоящего информатора. Вполне возможно, что человек, рассказавший ему, что Штангль находится в Бразилии, пришел к нему по поручению бывшего зятя Штангля, Герберта Гавела. Гавел был женат на дочери Штангля, но, когда та от него ушла, решил отомстить. Жена Штангля сказала Гите Серени, что Гавел открыто угрожал выдать Штангля Визенталю. Это было в 1964 году, вскоре после того, как Визенталь упомянул имя Штангля на пресс-конференции, посвященной Хартхайму. Штангль тоже читал сказанное Визенталем на этой пресс-конференции. По словам его жены, с момента похищения Эйхмана он жил с мыслью, что его день тоже придет.

На суде Штангль заявил, что Визенталю его сдал зять. Визенталь на этом суде присутствовал. В перерыве к нему подошли журналисты и спросили, так ли это, и, по крайней мере, один из них утверждал – со ссылкой на Визенталя, – что источником действительно был Гавел и что в обмен на информацию Визенталь заплатил ему семь тысяч долларов.

Судя по всему, Гавел пригрозил подать на Визенталя в суд и потребовал опровержения, так как Визенталь заявил, что его

неправильно поняли и никаких контактов с Гавелом у него не было (при этом, правда, он не исключил, что именно Гавел послал к нему человека, сказавшего, где находится Штангль). Но Гавел, по-видимому, этим не удовлетворился, и тогда Визенталь послал ему заявление, сформулированное так, словно было составлено после консультации с адвокатом: «В данном письме я хочу публично заявить, что вы не имеете к этому делу никакого отношения и что я никогда не вступал с вами в контакт, ни устно, ни по телефону, ни письменно». Однако членов семьи Штангля это не убедило; они считали, что человек, пришедший к Визенталю, был дядей Гавела. Серени говорит, что этот дядя жил в Вене и был еврейского происхождения.

Сотрудник Моссада, работавший под псевдонимом Мордехай Элазар, позднее говорил, что Визенталь нашел Штангля самостоятельно. То же самое писал прокурор Альфред Шпис, выступавший на судебном процессе над Штанглем. Это может объяснить, почему после того, как Визенталь в 1964 году получил информацию о местонахождении Штангля, прошло так много времени, прежде чем Штангль был арестован (это произошло только в 1967 году). Данный вопрос возникает в том числе и потому, что в отчете, где рассказывается о поисках Штангля, Визенталь пишет, что точный адрес Штангля известен ему вот уже три года, а в одной из своих книг говорит, что адрес был у него уже «через несколько недель» после того, как ему стало известно, что Штангль находится в Сан-Пауло. По-видимому, в этом – как и в других случаях – он просто несколько «увлекся». На самом деле точный адрес Штангля стал ему известен лишь незадолго до ареста последнего. Однако о том, что Штангль работал на заводе «Фольксваген», он действительно знал уже в 1964 году.

Документы, хранящиеся в архиве Визенталя, свидетельствуют, что, начиная с августа 1964 года, он с помощью писем, телеграмм и телефонных звонков руководил из Вены настоящей детективной операцией, которую сам же и финансировал, а в конце концов даже отправил в Бразилию своего человека. Также он послал чек на сумму сто долларов (и пообещал заплатить еще четыреста) человеку, которому удалось раздобыть список работников завода «Фольксваген» и составить перечень тех из них, кого звали Франц. Однако Штанглем, увы, никто из них не был. Тогда Визенталь нанял дополнительных следователей (которым тоже заплатил), и выяснилось, что Штангль называл себя «Пауль».

В то время у Визенталя уже были связи с организациями евреев, уцелевших во время Холокоста, и еврейскими

активистами в разных странах, включая Бразилию, в частности с представителем Всемирного еврейского конгресса в Бразилии доктором Витеком Винтерштейном. До войны Винтерштейн был одним из руководителей еврейской общины Словакии, но во время Холокоста сумел выжить. Он познакомил Визенталя с бразильским сенатором-евреем Арао Штейнбрухом, с которым Визенталь встретился на каком-то конгрессе в Брюсселе. Они стали переписываться, и на каком-то этапе Визенталь даже послал ему 3000 долларов, «на покрытие расходов». Винтерштейн сделал ему за это выговор, написав, что «сенатору хватило бы и тысячи», но в любом случае Штейнбрух пустил в ход свои связи.

Визенталь прилагал лихорадочные усилия, чтобы убедить правительство Австрии потребовать у Бразилии выдачи Штангля. К тому времени ордер на его арест в Австрии уже был выдан, но Визенталю, как обычно, пришлось уговаривать чиновников сделать то, что необходимо. В архиве Визенталя хранится подборка телеграмм, из которых явствует, что Штейнбрух просил срочно прислать ему необходимые документы. Параллельно Визенталь обратился в израильскую полицию и попросил незамедлительно взять показания у бывших узников Треблинки.

Визенталь очень боялся, что информация об операции просочится в прессу и Штангль сбежит. «После печального опыта с Менгеле и другими я не хочу действовать по официальным каналам», – писал он израильской полиции. Чем больше людей узнавали о приближающемся аресте Штангля, тем сильнее Визенталь нервничал. Письма и телеграммы, которыми он обменивался со своими корреспондентами в Бразилии, были закодированы, и в какой-то момент он даже хотел полететь в Бразилию сам.

Австрийский ордер на арест Штангля был переведен на португальский язык и отправлен послу Австрии в Бразилии. Теперь Штангля уже можно было арестовать. Однако полиция Бразилии ждала, пока закончится карнавал. Тем не менее в середине февраля 1967 года она установила за домом Штангля слежку.

Через две недели он был арестован. Операция по его аресту была срежиссирована как настоящая драма. Три агента полиции в сопровождении фоторепортера приехали в одну из больниц Сан-Пауло, представились и приказали одной из медсестер позвонить на завод «Фольксваген» и сказать Штанглю, что его дочь пострадала в автомобильной аварии, лежит в больнице и ему стоит немедленно приехать. Через полчаса Штангль прибыл, и его арестовали. Это стало мировой сенсацией; в Израиле газеты сообщили об этом на первых полосах.

Визенталь услышал об аресте в аэропорту Амстердама, откуда должен был вылететь в США. Он боялся, что Бразилия откажется Штангля выдавать, и немедленно пошел к телефону. Сначала он позвонил своим друзьям в разных странах и попросил их организовать демонстрации у бразильских посольств; затем позвонил в ФРГ министру юстиции земли Северный Рейн-Вестфалия и попросил его потребовать выдачи Штангля, после чего позвонил знакомым в Польше и попросил их заставить польское правительство тоже потребовать выдачи Штангля. Чтобы добиться экстрадиции из южноамериканской страны, объяснял Визенталь позднее, прошений должно быть как можно больше. Когда он прибыл в Нью-Йорк, его известность помогла ему получить аудиенцию у сенатора Роберта Кеннеди. По словам Визенталя, тот немедленно позвонил послу Бразилии и тоже потребовал выдачи Штангля.

Бразилия согласилась экстрадировать Штангля в ФРГ. Через какое-то время выяснилось, что он всегда жил под своей настоящей фамилией, что и он сам, и члены его семьи находились на учете в австрийском консульстве в Сан-Паулу и его имя числилось в списке разыскиваемых преступников. Таким образом, если бы сотрудники консульства делали свое дело как следует, они вполне могли бы выйти на Штангля и потребовать его экстрадиции самостоятельно. «Если Визенталь считал, что Штангль живет в Сан-Паулу, то почему он не обратился к нам?» – спросил впоследствии один из них Гиту Серени, изображая из себя святую наивность. Фирма же «Фольксваген» буквально «встала на уши», чтобы убедить Визенталя, будто не знала, что Штангль у них работает, и через известного члена бундестага Вальтера Ляйслера Кипа передала свои извинения.

Суд над Штанглем состоялся в Дюссельдорфе и начался в мае 1970 года. Через несколько месяцев Штангль был приговорен к пожизненному заключению. Однако через год он умер и, таким образом, отделался очень легким наказанием. Тем не менее Визенталь о потраченных усилиях не жалел. Штангль был одним из главных военных преступников, и никто не сделал больше Визенталя, чтобы его найти, причем в распоряжении у него были только вера в правильность того, что он делает, настойчивость в достижении поставленной цели, личные связи и известность. Даже если бы Штангль был единственным военным преступником, которого ему удалось довести до суда, он мог бы сказать себе, что прожил жизнь не зря.

Глава двенадцатая. «Границы Освенцима»

1. Общность судьбы

В мае 1966 года Визенталь летел из Вены в Амстердам. Стюардессы его знали и обращались к нему по имени. Пассажир, сидевший рядом с ним, спросил его по-английски, не тот ли он человек, чье имя иногда упоминается в газетах. Визенталь ответил утвердительно, и сосед представился, сказав, что он бизнесмен-христианин из Рамаллы (которая в то время находилась в Иордании), что зовут его Тамари и что он направляется в Нью-Йорк. О своей беседе с ним Визенталь составил подробный отчет (хотя и неясно, с какой целью), и по этому отчету складывается впечатление, что говорил в основном Тамари, а Визенталь преимущественно слушал.

В какой-то момент разговор, естественно, зашел об израильско-арабском конфликте, и Тамари, который был выходцем из семьи, бежавшей из Яффо, сказал, что Израиль допустил серьезную ошибку, не заплатив палестинским беженцам компенсацию за брошенное имущество. Король Иордании Хусейн, по его словам, тоже не относился к беженцам как должно. Он их боялся. Главным образом он опасался палестинской интеллигенции. Визенталь спросил про муфтия Аль-Хусейни. Тамари сказал, что никакого влияния тот не имеет. Визенталь спросил об организации «Аль-Фатах». С ними, ответил Тамари, ничего поделать нельзя, хотя Иордания и страдает от деятельности этой организации намного больше Израиля.

Он рассказал Визенталю о себе и своей семье, упомянул приятеля – врача-еврея, проживавшего в израильском секторе разделенного Иерусалима, – и сказал, что передает тому приветы через людей, бывающих в обоих секторах города. Также он рассказал, что недавно прочел опубликованный в виде книги дневник Нормана Бентвича. Еврей по происхождению, Бентвич был юридическим советником правительства Британского мандата и выступал за мир. Дневник произвел на Тамари большое впечатление. На Визенталя же произвел большое впечатление сам Тамари. «Мне кажется, – пишет он, по-видимому, с некоторым изумлением, – что я говорил с арабом, уровень интеллекта и открытость которого превосходят среднестатистический уровень. К тому же он не ультранационалист».

Тамари спросил Визенталя, разговаривал ли он с арабами раньше, но тот решил проявить осторожность. «Я, – пишет он, – от прямого ответа уклонился». Вполне возможно, что Тамари был его «первым арабом», и их разговор показался ему

представляющим «разведывательный» интерес; поэтому он и записал его во всех подробностях. Тамари сказал, что верит в мир, но пока есть только один человек, которого слушают, – президент Египта Насер, а с Насером шансов на мир нет.

В то время Визенталь не думал, что границы Израиля могут измениться: как и большинство израильтян, он привык к границе перемирия, установленной в 1949 году. Однако, как и многие другие, он считал, что арабы не откажутся от своей мечты уничтожить Израиль и надо ожидать новой войны.

В июне 1967 года началась Шестидевная война.

Кризис, приведший к войне, начался с проникновения террористов «Аль-Фатах» на территорию Израиля через северную границу, а возникшая в результате напряженность между Израилем и Сирией привела, в свою очередь, к напряженности между Израилем и Египтом на юге. Египтяне угрожали Израиль уничтожить, и большинство израильтян им верили. Людьми овладел ужасный страх; многие вспомнили Холокост. В нескольких городах местные раввины начали освящать парки и спортивные площадки, чтобы те могли служить местами для захоронения: ожидалось, что количество погибших будет исчисляться сотнями тысяч. Визенталь попытался выяснить, что происходит, для чего позвонил в израильское посольство и нескольким израильским знакомым, но ничего утешительного не услышал. Положение, насколько он понял, было отчаянное. Его воображение стало рисовать ужасные картины, навеянные воспоминаниями прошлого.

Количество писем, которые он получал, в те дни резко возросло. Многие люди, пережившие Холокост, писали ему, чтобы поделиться своими страхами. Судя по всему, им даже в голову не приходило, что Визенталь тоже охвачен паникой, и они ожидали, что он их ободрит. Однако, несмотря на ужасную тревогу, он старался работать как обычно. 5 июня 1967 года он написал в прокуратуру Гамбурга (которая в то время готовилась к суду над одним из преступников из гетто в Пшемысле), что сумел разыскать в Нью-Йорке, в Ривердейле, одного из узников гетто, согласившегося дать показания на суде. В тот же день он – возможно, впервые в жизни – отказался дать интервью. «Вы наверняка понимаете, что при нынешней ситуации в Израиле мне не до интервью», – объяснил он обратившемуся к нему журналисту. В эту трудную минуту ему очень хотелось помочь Израилю, и он знал только один способ, как это сделать. Он достал папку под названием «Египет» и созвал пресс-конференцию в венском клубе журналистов «Конкордия».

5 июня 1967 года самолеты израильских военно-воздушных

сил уничтожили большинство стоявших на египетских аэродромах самолетов. Как и подавляющая часть израильтян (а также миллионов евреев и неевреев во всем мире), Визенталь пребывал от этого в безумной эйфории. Как и многие другие, он был счастлив, что на этот раз евреи себя защитили и новый Холокост удалось предотвратить, причем, возможно, в самый последний момент. Израильская армия продолжила свое победное наступление и утром 7 июня дошла до Стены Плача. Примерно в это же время Визенталь прибыл в «Конкордию». Согласно его записям, на пресс-конференции присутствовало более 130 журналистов из многих стран мира. Он огласил перед ними список нацистских преступников, прятавшихся, по его словам, в арабских странах. В списке было 29 имен. Как и переданный им в 1945 году американцам, данный список тоже был, по-видимому, составлен в спешке.

Эта тема интересовала его уже давно. Нацисты, живущие в арабских странах, заявил Визенталь, надеются, что нынешняя война позволит довести до конца истребление евреев, которое им не удалось завершить двадцать лет тому назад. Возглавлял список один из помощников Эйхмана, Алоис Брунер, живший, по словам Визенталя, сначала в Дамаске, а затем переехавший в Каир и в свое время принимавший в Освенциме муфтия Палестины Хаджа Амина Аль-Хусейни. Палестинцы, заявил Визенталь, занимаются антисемитской пропагандой и открыто призывают к уничтожению евреев. Он напомнил журналистам, что арестованный в Бразилии комендант Треблинки Франц Штангль тоже после войны жил в Дамаске. Среди имен, упомянутых Визенталем, был также Фридрих Варцок, офицер-эсэсовец из лагеря Яновский. По словам Визенталя, он преспокойно жил себе в Каире. Также Визенталь заявил, что в арабском мире нашли убежище шесть или семь тысяч нацистских преступников. Некоторые прибыли туда во время войны, некоторые сумели сбежать из лагерей для военнопленных, которые были организованы в Египте англичанами, а остальные попали на Ближний Восток с помощью различных организаций, например, «ОДЕССА». Арабы, сказал Визенталь, нуждаются в профессиональных навыках нацистов. Поначалу те помогали им создавать полицию и пропагандистскую машину (в частности, принимали участие в переводе на арабский книги Гитлера «Майн кампф»), а потом их стали привлекать к производству ракет и химического оружия. Со временем нацисты, жившие в арабских странах, перенесли свою деятельность в Европу. По словам Визенталя, они оказывали помощь неонацистским организациям, снабжали их оружием и взрывчаткой и дали им указание вести

пропаганду против соглашений о репарациях между Израилем и ФРГ, против установления между этими странами дипломатических отношений и против отмены срока давности за военные преступления. Визенталь сказал, что знает арабские имена нескольких немцев, вошедших в список, и ему известно, в каких арабских министерствах некоторые из них работают.

Материалы, хранящиеся в архиве Визенталя, не позволяют уверенно сказать, как он все эти имена раздобыл, но можно предположить, что, как и в случае с другими нацистскими преступниками, он нашел их в открытых источниках, то есть в газетных публикациях, а также в сообщениях, которые получал от дипломатов, бизнесменов и журналистов, ездивших в арабские страны и встречавшихся там с немцами. Египетская папка Визенталя содержит, помимо всего прочего, очень подробный отчет, составленный английским журналистом Норманом Бэрименом. В 1953 году тот ездил в Египет, чтобы найти человека, которого он называет в своем отчете псевдонимом, а также первой буквой его настоящего имени – Б. Возможно, имеется в виду Борман. Кто послал Бэримена в Каир и кто его миссию финансировал, неизвестно, но отчет, составленный им по возвращении, изобилует информацией о проживавших в городе немцах. Судя по всему, Визенталь передал известные ему имена Израилю и, возможно, получил от израильтян несколько имен, которых не знал. По крайней мере, часть имен он позаимствовал также из списка, составленного одной из организаций бойцов антинацистского подполья.

Однако примерно через два месяца после того, как Визенталь предал свой список гласности, он получил довольно неприятное письмо из Центрального управления по расследованию военных преступлений в Людвигсбурге. Начальник управления Адальберт Рюкерл писал ему, что из 29 имен ему были знакомы только 10 и хотя информация, которую сообщил об этих десяти Визенталь, более или менее совпадала с той, которой располагало управление, однако только один из них – Алоис Брунер – жил, по сведениям Рюкерла, в арабской стране, тогда как насчет остальных у него такой информации не было. Девятнадцать же имен в списке Визенталя не были знакомы Рюкерлу вообще. Более того, одного из них, уверенно заявил Рюкерл, не существует в природе. В архиве Визенталя материалов об этих людях нет, и в мемориале «Яд-Вашем» их имен тоже никто не знает. Невольно приходит на память новость о том, что Эйхман якобы проживал в Египте, которую Визенталь сочинил и слил в СМИ за много лет до того.

После победы Израиля в Шестидневной войне Визенталь

получил множество поздравлений, как если бы это была его личная победа. Многие из писавших были немцами, которых он не знал; между евреями и израильтянами они различия не делали. Однако Визенталь их не поправлял и благодарил, как бы говоря тем самым, что они послали поздравления по правильному адресу.

Угрожавший Израилю перед войной новый Холокост, победа израильтян, а также захват Стены Плача и святых мест на западном берегу Иордана – все это и в самом деле, по крайней мере на какое-то время, отодвинуло на задний план существовавшую между израильтянами и евреями диаспоры отчужденность, которую Визенталь ощущал еще с тех пор, как узнал, что во время Холокоста палестинские евреи спасением евреев Европы не занимались. На смену отчужденности пришло теперь острое ощущение общности судьбы. У Визенталя это ощущение находило свое выражение, в частности, в его любви к Менахему Бегину, который до Шестидневной войны был лидером оппозиции.

Будучи поклонником Жаботинского, Визенталь разделял политические взгляды Бегина, хотя и не понимал, почему тот выступал против договора о репарациях между Израилем и ФРГ. К Бен-Гуриону он испытывал отвращение. Один или два раза он был у Бегина и его жены Ализы в гостях. Они жили в Тель-Авиве и являлись в его глазах бо́льшими евреями, чем многие другие израильтяне, на чьем языке, иврите, он говорить не умел. С Бегином и его супругой он разговаривал на идише. Накануне Шестидневной войны в Израиле было создано чрезвычайное правительство национального единства, в котором Бегин получил пост министра, и в результате он стал одним из «отцов» победы.

После войны Визенталь поддерживал уже не только Государство Израиль как таковое, но и политику израильского правительства, которое заявляло, что не отступит с завоеванных территорий, если не будет заключен мирный договор, не заключит мирного договора без прямых переговоров и не вернется к границам, существовавшим до Шестидневной войны, а также говорило, что Восточный Иерусалим останется под контролем Израиля и весь Иерусалим в целом является столицей Израиля и останется ею навечно. Этой позиции придерживалось большинство израильтян.

Тем же летом Визенталь в сопровождении агента Моссада Элазара совершил поездку по городам западного берега реки Иордан. К тому времени Элазар уже сообщил ему свое настоящее имя.

В результате Шестидневной войны конфликт между

Израилем и арабскими странами – и в первую очередь между израильтянами и палестинцами – оказался в центре внимания мировой общественности и стал одним из факторов, определивших политические, общественные, культурные и ценностные процессы, характерные для 60-х годов. Охватившие США и Европу бурные выступления «новых левых» раскачали на время систему общепринятых ценностей, и в какой-то момент стало казаться, что необходимо радикально пересмотреть существовавшие представления о добре и зле, о дозволенном и недозволенном.

Все больше и больше людей ощущали необходимость занять по отношению к Израилю твердую позицию – за Израиль или против него, – а некоторые даже были склонны определять в зависимости от своей позиции по отношению к израильско-палестинскому конфликту собственную моральную ориентацию. Во многих странах эта тема стала оказывать также влияние на политику, проводимую теми или иными партиями. Усилия, предпринимавшиеся Визенталем с целью защитить позиции Израиля, были в его глазах частью моральной и идеологической битвы, которую он вел, чтобы отстоять свои собственные взгляды на иудаизм, антисемитизм и сионизм.

Часто он чувствовал себя сбитым с толку. Например, движение «новых левых» отчасти выросло из протеста против терпимого отношения в ФРГ к бывшим нацистам, и у Визенталя, таким образом, была убедительная причина это движение поддерживать. Однако многие из «новых левых» поддерживали палестинцев, и некоторые из их текстов он воспринимал как антисемитские. В свою очередь, европейские социал-демократы, в отличие от «новых левых», поддерживали Израиль, но при этом австрийские социалисты снисходительно относились к бывшим нацистам. Ситуация осложнилась, когда вскоре после Шестидневной войны все больше и больше израильтян начали требовать от правительства отступить с захваченных территорий. При этом они тоже утверждали, что отстаивают интересы Израиля, и называли себя патриотами.

Одним из таких израильтян был репатриировавшийся в Палестину в десятилетнем возрасте уроженец Германии, редактор еженедельника «Аолам азэ» Ури Авнери. В принципе у Визенталя были вполне убедительные причины его уважать. «Аолам азэ» подвергал резкой критике правительство Бен-Гуриона и возглавлял (при содействии адвоката Шмуэля Тамира, которому Визенталь помогал) атаку на Режё Кастнера. Однако при этом Авнери выступал за создание независимого палестинского государства, которое должно существовать наряду с Государством

Израиль, и был в этом отношении не одинок. На определенном этапе эту идею поддержал также начальник генштаба Ицхак Рабин.

В 1969 году Авнери дал интервью выходившему в Западном Берлине левацкому журналу и, помимо всего прочего, ответил на вопрос, что он думает о некоторых людях, поддерживающих западногерманских правых, в частности о Визентале. «Я очень плохо его знаю, – сказал Авнери, – но он мне несимпатичен. У меня такое впечатление, что он сделал из этого бизнес, что на преступлениях нацистов он зарабатывает. Если бы всеми этими расследованиями занималась какая-то правительственная инстанция, это было бы еще туда-сюда, но когда речь идет о частном предприятии и на этом делаются деньги, то с чисто эмоциональной точки зрения мне все это кажется не слишком симпатичным».

Визенталь послал Авнери длинное письмо, в котором описал свое положение между различными идеологическими лагерями и заявил, что не ждет от Авнери симпатии, поскольку ему не симпатизируют ни старые правые, ни новые левые: старые правые ненавидят его за то, что он не дает забыть о преступлениях нацистов, а новые левые – за то, что он поддерживает Израиль. Но, продолжал Визенталь, как сын еврейского народа, хорошо знакомый с историей его страданий, я знаю, что во все эпохи существовали евреи, ходившие по улицам с табличкой на шее, на которой было написано «Презирайте нас», и в конечном счете все они оказались на свалке истории. «По-видимому, – писал Визенталь, – тоска по свалке руководит и вами тоже». И подписался: «С презрением».

Захват палестинских территорий заставил некоторых усомниться в том, что создание Израиля 1948 году было решением правильным. «Разве это не трагично, – спросил однажды Визенталя молодой немец, – что приведшая к образованию Государства Израиль попытка исправить несправедливость, причиненную евреям, только породила новую несправедливость? Евреи получили родину, но палестинцы, которых изгнали, стали новыми евреями».

Видимо, насмешливо пишет Визенталь, этот молодой немец считал себя человеком очень высоконравственным. «Нет, это не трагично, – продолжает он. – Создание израильского государства было единственно возможной – и правильной – реакцией на Освенцим. Должна была найтись хоть одна страна на земле, в которой евреи были бы хозяевами, а не гостями, которых терпят».

Не исключено, что Визенталь жалел о том, что не он, а израильский министр иностранных дел Абба Эбан назвал как-то

старые границы Израиля «границами Освенцима», но в любом случае он был с этой формулировкой согласен и взялся ее пропагандировать, предоставив в распоряжение Израиля собственный голос, который уже имел большой моральный вес, свои связи в СМИ и большую часть своего времени. В те дни его личность вызывала большой интерес во всем мире. Его автобиография была переведена примерно на двадцать языков.

2. Истории из жизни

Визенталь умел хорошо рассказывать, но не умел хорошо писать. Его литературный агент Шарль Ронсак из парижского литературного агентства «Opera Mundi» справедливо полагал, что доверять ему написание такой драматичной истории, как история его собственной жизни, нельзя, и решил найти для него биографа. Выбор пал на одного из знакомых Визенталя, уроженца Чехии Иосифа Ваксберга. Он был корреспондентом престижного американского еженедельника «Нью-Йоркер» и с 50-х годов жил в Вене. «Ваксберг был прекрасным человеком, – вспоминал Визенталь позднее. – Я написал отчет, а он превратил его в литературное произведение». Еврей, для которого, как и для Визенталя, Вена стала домом и который был младше его всего на год, Ваксберг хорошо понимал, что именно Визенталь хотел рассказать и что именно его читатели хотели от него услышать.

«Убийцы среди нас» – это сборник, состоящий из серии захватывающих и трогательных историй. В одной из них, например, рассказывается о том, как после войны были найдены еврейские молитвенные книги. Они были свалены кучей в полутемном подвале одного старинного замка, расположенного в чаще леса; их было несколько тысяч. «Мы долго стояли там, не в силах произнести ни слова», – пишет Ваксберг от имени Визенталя.

Один из них взял несколько книг, поднес к губам и снова положил в кучу. «Вдруг, – продолжает Ваксберг, – я услышал стон и обернулся. Молодой раввин держал в руке молитвенник. Он смотрел на его первую страницу, и лицо у него было белое, как мел. Неожиданно он рухнул на пол… Я поднял этот молитвенник и открыл. На первой странице я увидел надпись женским почерком. Женщина явно писала в сильном волнении. “Они только что пришли в наш город. Через несколько минут они будут в нашем доме. Если кто-нибудь найдет этот молитвенник, сообщите, пожалуйста, моему дорогому брату… Не забывайте нас и не забывайте тех, кто нас убил! Они…” Остальное было неразборчиво. Я закрыл молитвенник и посмотрел на молодого мужчину. Он все еще был бледен, но уже успокоился. “Если вы не против, – сказал он, – я бы хотел взять этот молитвенник себе. Он принадлежал моей сестре. Она умерла в концлагере Треблинка”».

Судя по всему, Ваксберг посчитал, что это одна из тех историй, которую не стоит подвергать риску, и проверять ее достоверность не стал. Но когда австрийский историк Эвелин Адунка спросила Визенталя, где именно находился замок, кем

был человек, нашедший молитвенник покойной сестры, и как сложилась судьба книг, сваленных в подвале, Визенталь ответить не смог. Украденные нацистами старинные книги и произведения искусства бередили его воображение и очень его интересовали. Подобных историй в книге много, но подтвердить их подлинность зачастую невозможно.

Журналы «Тайм», «Шпигель» и ряд других опубликовали на книгу рецензии, перепечатали из нее отрывки, и она стала всемирным бестселлером. В США было продано около четверти миллиона экземпляров, во Франции – сорок пять тысяч, в Голландии – примерно столько же, и еще шестьдесят тысяч в Швеции, Норвегии, Финляндии, Италии и ФРГ. Исследовательница литературного наследия Визенталя Кармен Хофбауэр не смогла найти точных данных продаж в остальных странах Европы, в Бразилии, Японии и Израиле, но всего было продано около полумиллиона экземпляров. Книга вышла в очень удачное время: за несколько месяцев до ареста Франца Штангля. Литературный агент Визенталя не преминул вставить эту историю в новое, дополненное издание книги.

Роль Визенталя в поимке Эйхмана, обнаружение им полицейского, арестовавшего Анну Франк, и другие успехи свидетельствовали о его целеустремленности, находчивости и смелости, и Ваксберг написал об этом очень хорошо. Но успех книги объяснялся также тем фактом, что Визенталь рассказывал о делах, которые еще не были доведены до конца и оставались открытыми. Это придавало книге дополнительную привлекательность и обещало читателям продолжение. Среди нацистских преступников, которых к тому времени еще не поймали, были Генрих Мюллер (глава немецкой тайной полиции гестапо), Менгеле и Борман.

По словам Визенталя, Генрих Мюллер был самым разыскиваемым военным преступником. «Возможно, – писал Визенталь, – он укрылся в России, но я сомневаюсь, что он остался в живых». Обычно Визенталь не был склонен считать, что разыскивавшиеся им преступники умерли, но, учитывая его связи с Моссадом, можно предположить, что он не случайно высказал в своей книге предположение, будто Мюллер мертв. Дело в том, что Моссад все еще пытался Мюллера поймать. В августе 1966 года начальник Моссада Меир Амит доложил премьер-министру Леви Эшколю о попытках выйти на след Мюллера и Бормана и предложил разные варианты продолжения поисков. Эшколь сказал, что над этим подумает.

5 ноября 1967 года, ночью, соседи супруги Мюллера Софи (проживавшей в Мюнхене, в районе Пасинг, в многоквартирном

доме по адресу ул. Манцинг, 4), услышали, что из ее квартиры доносятся чьи-то голоса. Поскольку хозяйки дома не было, это вызвало у соседей подозрение, и они позвонили в полицию. На лестничной площадке были задержаны два человека, представившихся израильтянами. Эта история широко освещалась в СМИ и придала книге Визенталя еще большую актуальность.

Исер Харэль использовал этот провал, чтобы «боднуть» своего соперника и преемника на должности главы Моссада Меира Амита. Амитом, утверждал он, руководило не понимание моральной значимости поимки нацистских военных преступников, а тщеславие; он всего лишь хотел, чтобы у него на счету тоже была операция, подобная поимке Эйхмана. Папка Мюллера в архиве Визенталя не содержит доказательств, что он имел какое-то отношение к этой неудачной попытке выйти на след бывшего шефа гестапо.

Продолжал Моссад проявлять интерес и к Менгеле.

У Визенталя был теперь новый «контакт». Он писал по-английски, называл себя «А. Ливнат», и Визенталь посылал ему письма по адресу «Тель-Авив, почтовый ящик 7027». «Что касается женщины, приехавшей из Парагвая, где она много лет жила с Менгеле, – писал Ливнату Визенталь, – то все, что требуется, я сделал, но поговорить с ней откровенно смогу только через какое-то время».

Он поддерживал связь с людьми, сообщавшими ему информацию о жене Менгеле, подобно тому как в свое время получал информацию о жене Эйхмана. Возможно, это были нанятые им детективы, а может быть, и добровольцы. Визенталь просил их не подписываться своими настоящими именами и присваивал им клички, например: «Майер» или «Хавьер». Поиски нацистских преступников продолжали оставаться его главным занятием.

Успех книги резко улучшил экономическое положение Визенталей. Теперь они жили в собственном доме, в престижном 19-м районе на севере города, на улице Местроци. Вид дома свидетельствовал о том, что его владельцы были хоть и не богачами, но людьми обеспеченными. Паулинка к тому времени уже с ними не жила: в декабре 1965 года она вышла замуж и переехала в Голландию, – и после ее отъезда Циля почувствовала себя еще более одинокой. В свое время Визенталь хотел еще одного ребенка, но она отказалась, а теперь было уже поздно.

Примерно через два с половиной месяца после Шестидневной войны Визенталь получил письмо, в котором, как в капле воды, отразились превратности еврейской судьбы. Теодолиндэ Рапп

писала ему из Каира; она была замужем за его двоюродным братом со стороны матери, Джеймсом. В 20-е годы Джеймс, по профессии зубной врач, из Галиции уехал и в конце концов оказался в Египете, в городе Порт-Саид, где и прожил с женой 45 лет.

Визенталь знал о Джеймсе мало. В доме родителей висела его фотография, и он помнил, что тот был мужчиной красивым. Джеймс был старше Визенталя на 18 лет, и Визенталь был еще ребенком, когда тот закончил учиться на врача. После освобождения из концлагеря Маутхаузен Визенталь попытался Джеймса разыскать, но не смог. Шли годы. Из Египта ушли англичане, был смещен король Фарук, «революция офицеров» привела к власти Насера, а в 1956 году, после «Синайской операции», многие евреи Египет покинули, и сейчас полуслепому, больному Джеймсу было уже семьдесят семь лет. Его жена (восьмидесяти одного года) написала знаменитому родственнику мужа, по-видимому, по совету австрийского посольства в Каире; ее письмо было передано Визенталю сотрудниками австрийского МИДа. Она писала, что после Шестидневной войны их с мужем выселили из квартиры в Порт-Саиде, они остались безо всего, и теперь в качестве беженцев сидят в австрийском посольстве в Каире.

Один из сотрудников Министерства иностранных дел написал Визенталю, что посольство сняло для Раппов в Каире комнату у какой-то арабской семьи, но они там не прижились, и теперь оно планирует устроить их в дом престарелых при итальянском женском монастыре в Александрии. О том, чтобы вернуть их в Порт-Саид, писал работник министерства, нечего и думать, поскольку идет война (в то время уже вовсю бушевала так называемая «Война на истощение») и изо всех городов, расположенных в районе Суэцкого канала, жителей эвакуируют. Так Шестидневная война разрушила жизнь старика еврея из Галиции, почти полвека прожившего с женой среди египтян, которым он лечил зубы, и двадцать последних лет его жизни пришлись на период войн арабов с еврейским государством, возникшим по другую сторону пустыни.

Узнав, в каком тяжелом положении оказались Раппы, Визенталь пообещал им помочь, переслал им несколько сотен долларов, а затем раскрыл свой адресный справочник и нашел в нем адреса американских родственников, живших в самых разных местах: в Нью-Йорке, Чикаго, Окленде (штат Калифорния) и т. д. Большинство родных он посещением не удостаивал, и некоторые из них были на него за это обижены: они были бы счастливы, если бы их родственник – знаменитый «охотник за нацистами» –

приехал к ним погостить. Для одного из них, комедиографа из Беверли-Хиллз Филипа Раппа, который тоже был знаменит, он, правда, время все-таки нашел, однако остальные вынуждены были довольствоваться письмами с извинениями. Тем не менее, когда Визенталь написал им о печальной истории, случившейся с их родственниками в Каире, все они вызвались помочь.

Тем временем Визенталь стал заметной фигурой в «холодной войне».

3. Операция «Дунай»

Ввязавшись в битву за отстаивание позиций Израиля на мировой арене, Визенталь подставил себя под огонь мощных пропагандистских машин стран коммунистического блока. После Шестидневной войны все эти страны, за исключением Румынии, разорвали с Израилем дипломатические отношения, и начался период открытой враждебности.

Визенталь мыслил в исторических категориях; он был склонен относиться к истории в соответствии с ее влиянием на его жизнь. На первый взгляд у него была причина быть благодарным Красной армии, ее командирам и Сталину, пославшему их разрушить нацистскую Германию, но Визенталь не забыл режим подавления, установленный Советами во Львове. Уже в 1953 году он обратился в Лигу по правам человека с протестом против антисемитизма, которым был отмечен последний период сталинского правления.

Он сражался со сталинизмом в свойственной ему манере: подобно тому, как в молодости он рисовал карикатуры на Гитлера, так в 1962 году он опубликовал едкий сборник антикоммунистических анекдотов. Юмор в глазах Визенталя был оружием слабых и угнетенных; это было почти единственное имевшееся в его распоряжении средство защиты от коммунистического зла, идеологического лицемерия, стагнирующей экономики, коррумпированной бюрократии, выродившейся культуры, идиотской пропаганды и унижения человеческого достоинства.

Небольшую часть анекдотов он собрал, но остальные сочинил сам. Откуда известно, что Адам и Ева жили в Советском Союзе? Потому что они были голые и босые, но верили, что живут в раю. В советском концлагере разговаривают три зека. «Почему ты здесь?» – спрашивает первый зек второго. «Потому что в 1939 году я оскорбил товарища Попова. А ты?» – «Потому что в 1943 году я выступил в поддержку товарища Попова». – «А ты почему?» – спрашивают оба третьего зека. «Я – Попов», – отвечает тот.

Никита Хрущев и Джон Кеннеди решают проверить, чья машина быстрее. Кеннеди на «кадиллаке» приезжает первым; Хрущев на «Победе» – намного позже. На следующий день газета «Правда» сообщает, что Хрущеву удалось занять второе место, а Кеннеди – всего лишь предпоследнее. Леонид Брежнев гуляет вдоль китайской границы с козой. По другую сторону границы появляется Мао Цзэдун. «Почему ты гуляешь со свиньей?» –

спрашивает он. «Это не свинья, а коза», – отвечает Брежнев. «А ты помолчи, – говорит ему Мао, – я не с тобой разговариваю». Однажды Брежневу надоело выслушивать каждый день критику за то, что в Советском Союзе преследуют евреев. Чтобы мировое сообщество от него отвязалось, он вызвал к себе министра культуры Фурцеву и приказал ей в течение трех месяцев построить тридцать синагог и укомплектовать их тридцатью раввинами. Через три месяца он вызвал ее снова и потребовал отчитаться о результатах. «Синагоги построены, – доложила Фурцева, – но найти людей на должность раввинов я не смогла, потому что все претенденты были евреями».

По словам Визенталя, было продано 65 тысяч экземпляров книги. Большую часть тиража тайно переправили по ту сторону «железного занавеса». Это было вкладом Визенталя в разрушение коммунизма, и он этим гордился, но предпочитал, чтобы его с этой книгой не ассоциировали, и опубликовал ее под псевдонимом «Миша Кукин». Учитывая его связи с американцами, не исключено, что издание книги и ее контрабанду в Восточную Европу финансировали именно они. Визенталь также поддерживал тесные отношения с американскими радиостанциями вроде «Свободной Европы», транслировавшими передачи на страны коммунистического блока. Вместе с тем до Шестидневной войны ему удавалось сохранять полезные связи с некоторыми людьми в странах Восточной Европы и с послами этих стран в Вене, включая посла Советского Союза.

После Шестидневной войны у Визенталя не было сомнений относительно того, чем он должен заниматься. Теперь он сосредоточился на разоблачении нацистских преступников, нашедших прибежище в коммунистических странах.

В сентябре 1968 года Визенталь распространил список бывших нацистов, работающих в ГДР журналистами. По его словам, он сделал это потому, что пресса ГДР публиковала антисемитские нападки на Израиль. В списке было 39 имен. Английский журналист Джонатан Стил все эти имена проверил и обнаружил, что среди них было также несколько человек, которые еще при нацистах успели перейти на сторону коммунистов, а двое из них даже были заочно приговорены нацистскими судами к смертной казни.

Министр юстиции Югославии получил от Визенталя письмо с протестом против предоставления убежища одному из нацистских преступников. Правительство Советского Союза получило от него список имен военных преступников и просьбу предоставить ему материалы об их деятельности. Когда прошел год, а ответ так и не пришел, Визенталь выступил с осуждением. Министру

иностранных дел Израиля Аббе Эбану он послал документы, свидетельствовавшие о том, что русские сознательно не спасали евреев в годы Холокоста.

В январе 1970 года Визенталь осудил антисемитизм в Польше. Он опубликовал брошюру с именами высокопоставленных лиц в польском правительстве, которые, по его словам, были антисемитами. Брошюра была разослана в том числе американским сенаторам. Одним из упоминавших в ней людей был заместитель министра культуры Польши Казимир Русинек. У Визенталя были с ним давние счеты: по его словам, именно Русинек был тем человеком, который оскорбил его и даже ударил на следующий день после освобождения Маутхаузена. Через два года Визенталь опубликовал еще один список бывших нацистов, живших в ГДР, – на этот раз сотрудников университетов.

Так Холокост стал частью «холодной войны». Еще больше осложняли ситуацию враждебное отношение Советского Союза и его сателлитов к Израилю и усиление в этих странах антисемитизма. «Поскольку из-за Гитлера и Сталина слово “антисемитизм” стало неприличным, – сказал Визенталь в одном из своих выступлений, – этому слову нашли замену. Сегодня больше не говорят “еврей виноват”; сегодня говорят “сионист виноват”». Как и многие другие видные общественные деятели, Визенталь тоже вел борьбу с угнетением евреев в Советском Союзе и выступал за их право на выезд из страны. Он говорил на эту тему с иностранными послами и делал публичные заявления.

«Холодная война», которая уже в 50-е годы начала мешать юридическому преследованию военных преступников, заставляла Визенталя идти на компромиссы. Он знал, что США пользуются услугами бывших военных преступников, часто обуздывал себя и не клеймил нацистов, занимавших высокие посты в ФРГ, и по крайней мере один раз пошел на компромисс во имя интересов Израиля. Речь в данном случае шла о Гансе Глобке.

При нацистах Глобке был, помимо всего прочего, замешан в исполнении печально известных «нюрнбергских законов». Вместе с людьми Эйхмана он также участвовал в организации выселения евреев из Германии и конфискации их имущества. Однако в 50-е годы он занимал пост государственного секретаря в правительстве канцлера Конрада Аденауэра и принимал участие в установлении отношений между ФРГ и Израилем, включая подписание договора о репарациях. Визенталь осудил Нахума Гольдмана за контакты с Глобке, но сделал это только в частном письме.

Перед судом над Эйхманом премьер-министр Израиля Бен-

Гурион потребовал от обвинителя Гидеона Хаузнера не привлекать к имени Глобке излишнего внимания. Как объяснил позднее Хаузнер, Бен-Гурион не хотел навредить Аденауэру. ГДР – через адвоката Фридриха Кауля – выразила готовность предоставить суду обширные материалы на Глобке, но Визенталь, находившийся тогда в Иерусалиме, вступил с Каулем во время пресс-конференции в спор и заявил, что это коммунистическая пропаганда.

Через несколько месяцев после Шестидневной войны он с враждебной холодностью прореагировал также на поступившую из ГДР информацию, согласно которой президент ФРГ Генрих Любке был замешан в строительстве нацистских концлагерей. «Восточная Германия, – писал Визенталь, – имеет обыкновение вбрасывать на рынок то, что ей известно о людях, только после того, как они занимают высокие посты в Западной Германии». Это был второй президентский срок Любке; в 1969 году из-за обвинений он вынужден был уйти в отставку.

Коммунисты относились к Визенталю очень серьезно: они видели в нем империалистического агента. Поляки публиковали статьи, в которых именовали его израильским, западногерманским и американским шпионом, а в одной из статей содержалась плохо завуалированная угроза: есть, мол, люди, знавшие Визенталя и его жену во время войны, и они могут рассказать то, что им известно. Польское посольство в Вене распространило эти статьи в переводе на немецкий язык. Визенталь послал письмо протеста австрийскому министру иностранных дел Курту Вальдхайму. Однако этот инцидент был только верхушкой айсберга.

Начиная с 1963 года в течение более десяти лет польские спецслужбы пристально следили за Визенталем и его деятельностью. Операция получила название «Дунай», а Визенталю присвоили кодовое имя «Измир». Главная цель операции заключалась в том, чтобы завербовать Визенталя в качестве агента, и именно в этом состояла задача польского «агента 156», побывавшего у Визенталя в гостях. Но этот агент был не единственным.

Поляки создали в Вене шпионскую сеть, следившую в том числе за Визенталем. Агенты составили список людей, находившихся с ним в контакте, и собирали на них материалы. Большинство этих людей были евреями, пережившими Холокост. Агенты интересовались источниками финансирования Визенталя в Америке и полагали, что его финансирует также Моссад. Вся почта, приходившая к нему из Польши, включая переписку с музеем Освенцима, перлюстрировалась. Центр документации

поляки считали всего лишь прикрытием. В числе прочих информацию им поставлял сотрудник Моссада по кличке Грета. Согласно Грете, самые важные документы Визенталь хранил не у себя в офисе, а в сейфе израильского посольства.

Параллельно со слежкой за Визенталем в Вене поляки также прилагали большие усилия, чтобы найти доказательства его сотрудничества с нацистами, однако сделать этого им не удалось, и в 1974 году польские спецслужбы пришли к выводу, что смысла продолжать операцию больше нет, поскольку Визенталь коммунистов ненавидит и на службу к ним не пойдет. Дело «Дунай» было отправлено в архив.

Власти ГДР тоже пытались с Визенталем бороться. В частности, после того как проверили журналистов и профессоров, которые, по словам Визенталя, в прошлом поддерживали национал-социалистическое движение. При этом время от времени в восточногерманских отчетах проскальзывали нотки восхищения борьбой Визенталя с нацистами. Необходимость проверить его обвинения возникла потому, что братские коммунистические партии обратились к восточным немцам с вопросом, верно ли то, что он говорит. К своему великому смущению, те вынуждены были ответить утвердительно. Сотрудники службы безопасности ГДР Штази иногда отмечали, что речь идет о людях, которые в период нацистского режима были очень молодыми, но в целом их проверки в большинстве случаев данные Визенталя подтверждали. Соответственно возник вопрос, что делать.

Сотрудники Штази полагали, что доказать свои обвинения Визенталю будет нетрудно, и порекомендовали министру, в подчинении которого находились, эти обвинения не отрицать. Вместе с тем они посоветовали опубликовать два встречных списка: один – с именами ста высокопоставленных чиновников ГДР, у которых нацистского прошлого нет, а второй – с именами высокопоставленных чиновников ФРГ, у которых нацистское прошлое есть. Кроме того, они пообещали проверить прошлое Визенталя, чтобы выяснить, не сотрудничал ли он с нацистами сам.

Его биографию – начиная с детства и кончая пребыванием в концлагерях и работой в Линце – они изучили очень тщательно, и в составленных ими отчетах, помимо всего прочего, утверждается, что он был агентом Моссада, однако фактов его работы на нацистов им обнаружить не удалось. В связи с этим было решено обратиться за помощью к спецслужбам Польши, и двух офицеров Штази отправили в Варшаву.

Майор Крамер и унтер-офицер Мурегер из отдела IX/10 были

приняты своими польскими коллегами приветливо, и работа проходила в дружеской атмосфере. Поляки включились в операцию без промедления, и на третий день состоялось итоговое совещание, где они доложили, что изучили все имеющиеся материалы заново. Из них явствовало, что Визенталь – израильский шпион, однако доказательств того, что он сотрудничал с нацистами, они и на этот раз, к сожалению, найти не смогли.

Вернувшись домой, сотрудники Штази обратились за помощью к советским коллегам, и московские товарищи сообщили им, что Визенталь – империалистический агент, что он поддерживает контакты с пресс-атташе израильского консульства в Вене, работает на тайную полицию Австрии под кличкой Овидий, и не совсем ясно, когда его во Львове в первый раз арестовали. Однако какой-то уж совсем убийственной тайны в его биографии им тоже отыскать не удалось.

Тем временем Визенталь много размышлял о том, что пережил во время войны, и с головой погрузился в один из самых своих амбициозных проектов.

Глава тринадцатая. «Что бы вы сделали на моем месте?»

1. Подсолнух

Однажды команда заключенных, к которой во время войны был приписан Визенталь, остановилась возле немецкого военного кладбища. На каждой могиле рос подсолнух. Подсолнухи стояли прямо, как солдаты, их лица были повернуты к солнцу, а с цветка на цветок и с могилы на могилу перепархивали разноцветные бабочки. Казалось, что это некий тайный канал связи, соединяющий мир мертвых с миром живых, и Визенталя вдруг охватила зависть. Мой труп, подумал он, бросят на трупы других, а на него, в свою очередь, навалят сверху новые трупы, и в лучшем случае нашу могилу засыплют землей. Однако подсолнух на ней не вырастет.

Визенталь был писателем с нереализованными амбициями. Одной только погони за нацистскими преступниками, а также юридической и политической борьбы с ними ему было мало: ему хотелось также обсуждать этические, философские и теологические аспекты Холокоста в литературной форме. Но его литературный талант был скромным, и в глубине души он, по-видимому, это осознавал. Поэтому он сочинил нечто вроде автобиографического рассказа, в центре которого стояла моральная дилемма.

В 1968 году он разослал этот рассказ большому количеству писателей и интеллектуалов с просьбой его прокомментировать, и несколько десятков из них разрешили ему опубликовать свои комментарии вместе с самим рассказом. Тем самым Визенталь поставил их рядом с собой, а себя – рядом с ними, как если бы был одним из них. В «Подсолнухе» (так называется книга, родившаяся из этого проекта) рассказывается о некоторых событиях, произошедших с Визенталем во время войны, и кульминацией книги является драматическая встреча автора с одним из эсэсовцев.

Это случилось во Львове. Судя по всему, в тот период Визенталь сидел в концлагере Яновский и работал в железнодорожных мастерских Восточной железной дороги. Однажды их повели на работу. Они шли по улицам города, который он хорошо знал. Прохожие на них глазели, а некоторые поднимали руки, чтобы помахать на прощанье, но из страха перед эсэсовцами сразу же руки опускали. По пути Визенталь увидел человека, которого знал еще со времен учебы в Политехническом. Тот тоже его узнал, но побоялся поприветствовать даже кивком головы. Было заметно, насколько тот удивлен, что Визенталь еще жив. «На лицах прохожих, – пишет Визенталь, – можно было

прочесть, что мы обречены».

Визенталя и его товарищей привели в Политехнический институт. Это было впечатляющее неоклассицистское здание с фасадом, украшенным шестью мраморными колоннами. Визенталь вспомнил, как в годы его учебы в Политехническом студенты время от времени объявляли «день без евреев». Ныне здание служило армейским госпиталем. Мимо ухоженных газонов евреев провели на задний двор. То и дело въезжали и выезжали машины «скорой помощи», и, чтобы дать им проехать, арестантам приходилось прижиматься к стенам. В конце концов их передали в распоряжение бригадира-немца.

«У меня, – пишет Визенталь, – было какое-то странное чувство. Я пытался вспомнить, бывал ли я в этом дворе раньше. Видимо, нет. Для этого не было причины». Вдоль стен стояли большие контейнеры из-под бетона, в которых лежали пропитанные кровью бинты, а вокруг все было уставлено коробками, мешками и упаковочными материалами. Визенталь и его товарищи погрузили их на машины. Воняло лекарствами, дезинфицирующими веществами и гнилью.

По двору сновали медсестры Красного Креста и работники госпиталя. На скамейках сидело несколько легко раненных солдат. Один из них встал и подошел к арестантам. «Он, – пишет Визенталь, – смотрел на нас с таким равнодушием, словно мы были животными в зоопарке. Видимо, думал, сколько времени нам осталось жить». Одна рука у него была перевязана, а другой он поднял камень и с криком «Еврейская свинья!» швырнул его в Визенталя. Однако тот успел увернуться и не пострадал. Вдруг одна из медсестер, которая видела, что произошло, подошла к Визенталю, спросила, еврей ли он, и велела следовать за ней.

Войдя в здание госпиталя, они стали подниматься по лестнице, и Визенталь снова попытался вспомнить, бывал ли он здесь прежде. Ему казалось, что раньше он поднимался и спускался по какой-то другой лестнице. Медсестры и врачи смотрели на него изумленно. Через несколько минут они пришли в зал, который Визенталь хорошо помнил: здесь ему вручали диплом. Медсестра остановилась и заговорила с другой медсестрой. У Визенталя промелькнула мысль о побеге: ведь он знал здесь каждый коридор – но тут он впал в прострацию, забыл о медсестре и вспомнил своих преподавателей-антисемитов, неоднократно пытавшихся провалить его на экзаменах. Перед глазами у него всплыла рука одного из них. Черным карандашом она безжалостно перечеркивала абзац за абзацем в его дипломной работе.

Медсестра сделала ему знак подождать, и он очнулся.

Облокотившись на перила, он взглянул в пролет лестницы и увидел раненых, которых несли на носилках. Они лежали на спинах и смотрели вверх. Их взгляды встретились. Визенталь снова вспомнил годы учебы, но тут за ним вернулась медсестра, и было видно, как она рада, что он все еще там. Она привела его в кабинет декана, но вместе письменного стола и деревянных шкафов, которые помнил Визенталь, теперь там стояли белая кровать и прикроватная тумбочка. «Из-под одеяла, – пишет Визенталь, – на меня смотрело что-то белое, и поначалу я не понял, что происходит».

Медсестра склонилась над кроватью, что-то шепнула, и в ответ тоже послышался шепот, только более тихий. В полумраке, царившем в комнате, Визенталь смог различить теперь неподвижно лежавшую фигуру, закутанную в белое. Он попытался разглядеть голову. Приказав ему никуда не уходить, медсестра вышла из комнаты, и тут фигура на кровати шепнула: «Подойдите, пожалуйста, поближе. Я не могу говорить громко».

Сейчас Визенталь видел фигуру уже лучше: белые руки, вены, из которых словно вытекла кровь, полностью забинтованная голова. Обнажены были только рот, нос и уши. Визенталь не был уверен, что все это происходило с ним на самом деле. Он стоял в кабинете декана, на нем была одежда арестанта, а перед ним лежал то ли живой, то ли мертвый человек, и он понятия не имел, кем тот был.

Он неуверенно присел на край кровати, но раненый попросил его придвинуться ближе. «Мне осталось жить мало. Я знаю, что мой конец близок, – прошептал он и замолчал. Визенталь тоже ничего не говорил. – Я знаю, сказал раненый, что погибло много людей, но прежде, чем я верну свою душу Творцу, я должен сбросить с себя мучительный груз; иначе я не смогу умереть спокойно».

Визенталь чувствовал, что раненый пристально смотрит на него сквозь бинты, покрывавшие глаза. Он объяснил, что одна из медсестер, которая принесла ему и прочитала вслух письмо от матери, сказала, что во дворе госпиталя находятся арестанты-евреи, и он попросил ее привести одного из них к нему. Визенталь подумал было, что раненый – еврей, захотевший перед смертью вернуться в лоно своего народа, но тут раненый представился. Визенталь упоминает только его имя, Карл.

Карл был эсэсовцем. Он взял Визенталя за руку, крепко ее сжал и сказал, что должен поведать ему об ужасном преступлении, совершенном им год назад. Его матери об этом знать нельзя, но он обязан рассказать об этом какому-нибудь еврею. Визенталь не испугался: не было такого кошмара, с

которым бы он уже не сталкивался. Тем не менее он чувствовал себя не в своей тарелке. Он понял, что солдат хочет перед ним исповедаться, и подумал, что когда-нибудь на его могиле вырастет подсолнух.

«Я не родился убийцей», – заговорил солдат. Он был из Штутгарта, ему шел двадцать первый год. «Я слишком молод, чтобы умирать, – сказал он. – Я еще не успел насладиться жизнью». Визенталь подумал о детях, которых убили нацисты, и умирающий эсэсовец словно прочел его мысли. «Я знаю, о чем вы сейчас думаете, но разве мне нельзя сказать, что я умираю слишком молодым?» Его отец был рабочим, членом социал-демократической партии, и с приходом к власти нацистов у него, как и у многих других, были неприятности. Мать воспитывала Карла в духе католицизма, но он стал нацистом и, когда началась война, добровольно вступил в СС. За дверью послышался голос медсестры, приведшей Визенталя к раненому.

Эсэсовец рассказывал свою биографию очень подробно, и Визенталь недоумевал, почему тот не говорит ему, чего он от него, собственно, хочет, и тут наконец раненый начал рассказывать про то, что случилось в августе 1941 года, когда он участвовал в штурме Днепропетровска, большого города на востоке Украины. Он описал, как они с боями захватывали дом за домом, и сказал, что на одной из улиц стояла группа евреев. Их было человек сто пятьдесят или двести, и среди них были женщины с грудными детьми на руках.

Подъехал грузовик, нагруженный бочками бензина, и эсэсовцы приказали нескольким еврейским парням занести бочки в один из домов. Парни подчинились. После этого эсэсовцы начали с руганью загонять в этот дом евреев. Они били людей ногами, а один из них хлестал их кнутом. Дом был небольшой. Через несколько минут все евреи оказались уже внутри.

«Он замолчал, – пишет Визенталь, – и мое сердце сильно забилось». Что произошло дальше, вообразить было нетрудно. «Я и сам, – пишет он, – мог находиться среди тех евреев». Приехал – снова заговорил раненый – еще один грузовик с евреями, и их тоже загнали в дом, после чего эсэсовцы заперли двери. Визенталь встал, чтобы уйти, но раненый попросил его остаться. Эсэсовцы отошли на несколько шагов и стали бросать в дом гранаты. Дом запылал.

Возле одного из окон на втором этаже стоял мужчина с ребенком на руках, а возле него – женщина, по-видимому мать ребенка. Мужчина прикрыл ребенку глаза рукой и выпрыгнул из окна. Мать прыгнула следом. Эсэсовцы их застрелили. Другие люди тоже начали прыгать из окон; некоторые были охвачены

пламенем. Эсэсовцы застрелили и их.

Визенталь вспомнил шестилетнего мальчика по имени Эли, которого встречал иногда в львовском гетто. Однажды он увидел, как Эли подошел к одному из домов, встал на цыпочки и стал сгребать с подоконника крошки, насыпанные кем-то для птиц. Визенталь запомнил это на всю жизнь. «У него, – пишет он, – были пытливые глаза, которые не могли понять и не могли простить». Раненый эсэсовец продолжал говорить. Он сказал, что осознает теперь свою вину и что скоро он умрет. Однако чтобы умереть спокойно, ему нужно, чтобы какой-нибудь еврей его простил. Он попросил, чтобы это сделал Визенталь.

Визенталь посмотрел на окно; снаружи сияло ослепительное солнце. «Вот, – пишет он, – два чужих друг другу человека, которых судьба свела всего на несколько часов. Один из них просит помощи, а второй столь же бессилен, как и первый, и не может сделать для него ничего». Он встал и посмотрел на раненого. Его руки были сложены на груди, и Визенталь представил, что между ними растет подсолнух. «Наконец, – пишет он, – я принял решение, и, не сказав ни слова, вышел из комнаты». Медсестры, которая его привела, в коридоре уже не было, и он спустился по лестнице один. Врачи и медсестры вновь провожали его взглядами, полными изумления. Он вышел во двор и присоединился к своим товарищам.

Его лучшими друзьями были Артур и Юзек. Юзек был верующим. «Его вера давала ему ответы на любой вопрос, и я мог ему только завидовать», – пишет Визенталь. Он шутливо называл Юзека «раввином». Как-то раз они говорили о сотворении человека, и один из них выразил сомнение, что узники концлагеря и его комендант сотворены из одной из той же материи. Как, недоумевали они, Бог вообще допускает существование концлагеря? Циник Артур сказал, что Бог, по-видимому, ушел в отпуск. Визенталь отправился спать и попросил разбудить его, когда Бог вернется. Все рассмеялись, но идея о том, что Бог в отпуске и у него нет заместителя, прочно врезалась Визенталю в память.

Выслушав его рассказ, друзья ограничились тем, что выразили удовлетворение по поводу смерти эсэсовца. «Одним меньше», – сказали они, а кто-то из них добавил, что Визенталю завидует: сам он был готов видеть умирающих эсэсовцев хоть по десять раз на дню.

«Раввин» Юзек обрадовался, узнав, что Визенталь раненого не простил. «У тебя не было никакого права это делать, – сказал он. – Если ты хочешь простить кого-то за то, что он сделал тебе, это дело твое, но прощать за то, что сделано другим людям, –

тяжкий грех, и тебе пришлось бы носить его до конца своих дней». Однако у Визенталя были сомнения. «Разве мы все не принадлежим к одной и той же общине, и разве у нас не одна и та же судьба?» – спросил он. Юзек попытался рассеять его сомнения, сказав, что поступил бы точно так же хотя бы потому, что верит в загробный мир. Что, сказал он, ты ответишь убитым в Днепропетровске, когда они спросят тебя, по какому праву ты даровал их убийце прощение? Но Визенталя это не убедило; ему показалось, что убийца раскаялся. Разве раскаяние ничего не значит? «Если бы ты его простил, – вступил в разговор Артур, – ты бы не простил себя за это никогда». По его мнению, Визенталь вообще придавал всей этой истории слишком большое значение. Визенталя это обидело.

Сомнения не переставали его терзать, но через какое-то время ему стало казаться, что все это ему приснилось. Однако несколько дней спустя, когда они опять работали во дворе госпиталя, медсестра снова подошла к нему и велела следовать за ней. Приведя его на склад, она дала ему обернутый в зеленую бумагу сверток, к которому был прикреплен маленький клочок бумаги с адресом, и сказала, что раненый умер и оставил свои вещи ему. Однако Визенталь отказался этот сверток брать и предложил медсестре послать его матери покойного по указанному адресу. Медсестра не настаивала, и он вернулся на работу.

Через два года, когда Артур и Юзек были уже мертвы, Визенталь, которого переводили из лагеря в лагерь, попал в Маутхаузен и познакомился с поляком по имени Болек, которому тоже рассказал про умирающего эсэсовца. Болек спросил, выразил ли тот раскаяние, и сказал, что если да, то Визенталь должен был его простить. Болек был католиком, студентом теологического факультета. Однако Визенталя продолжали мучить сомнения.

Через какое-то время после войны он решил найти мать эсэсовца. По его словам, он запомнил прикрепленный к свертку адрес. Он поехал в Штутгарт и, поплутав некоторое время среди развалин, нашел ее дом. Она сказала, что в детстве Карл был хорошим мальчиком. О его преступлении Визенталь ей не рассказал. В этой точке повествования он указывает первую букву фамилии Карла, отмечая, что часто думает о Карле С. – каждый раз, как входит в больницу, встречает врача или медсестру или когда видит подсолнух, – и вопрос о прощении встает перед ним снова. В конечном счете он решил, что ответить на этот вопрос самостоятельно не в состоянии, и обратился за ответом к выдающимся писателям и интеллектуалам своего поколения. «Что бы вы сделали на моем месте?» – спросил он.

2. «Неуд» от Генриха Бёлля

Преследование военных преступников порождало целый ряд фундаментальных юридических и этических проблем, и появилась необходимость дать новое определение таким понятиям, как преступление, вина, ответственность, наказание и справедливость. Большинство нацистских преступников утверждали, что только выполняли приказы, и в связи с этим надо было разграничить приказы законные и незаконные, для чего, в свою очередь, потребовалось найти ответ на вопрос, был ли нацистский режим законным или нет, и обсудить степень личной вины каждого отдельного солдата. Также нужно было выяснить, существует ли коллективная вина или только коллективная ответственность, и заново рассмотреть вопрос о том, какое место человек и человеческая жизнь занимают среди других основополагающих ценностей. О природе нацистского зла высказывались многие, и Визенталя этот вопрос тоже очень интересовал.

Понятия исповеди и прощения придавали этой дискуссии теологическое измерение. Эти понятия используются как в иудаизме, так и в христианстве, но без веры в Бога они лишены смысла. Холокост заставил многих людей свою веру в Бога пересмотреть. Визенталь был человеком нерелигиозным и поэтому не пытался самостоятельно ответить на вопрос «где во время Холокоста был Бог?». Вместо этого он обратился к специалистам: философам, писателям, религиозным лидерам, а также к нескольким государственным деятелям.

Многие из тех, кому Визенталь писал, ответили, что он принял правильное решение. «Мне кажется, – отвечал ему из США философ Герберт Маркузе, – я бы действовал так же, как вы… Не может быть так, чтобы кто-то разгуливал по миру, с наслаждением убивая и пытая других людей, а затем просто попросил бы прощения и получил его. На мой взгляд, так мы от преступности никогда не избавимся». Американская писательница Синтия Озик, приславшая Визенталю длинную и аргументированную статью, пошла еще дальше. «Говорят, что месть приводит к оскотинению, а прощение – к очищению, – писала она. – А по-моему, верно как раз обратное… Пусть эсэсовец умрет непрощенным. Пусть он идет к дьяволу».

Итальянский писатель Примо Леви заверил Визенталя, что хорошо понимает терзающие его сомнения, но, по его мнению, в обстоятельствах, которые Визенталь описал, принятое им решение представляло собой наименьшее из зол. Если бы он

раненого простил, то нанес бы себе тяжелый нравственный удар и мучился бы намного сильнее, ибо в тот момент считал себя представителем всего еврейского народа. Леви сомневался в том, что раненый эсэсовец действительно раскаялся. Тот факт, что он потребовал привести к нему арестанта-еврея, свидетельствовал, по словам Леви, о том, что он остался нацистом и антисемититом, в глазах которого еврей – не то дьявол, не то чудотворец. В таком же духе написали Визенталю и несколько христиан, в том числе немецкий протестантский богослов Мартин Нимёллер.

Однако некоторым религиозным лидерам, верившим в религиозное откровение, раскаяние и прощение, одобрить принятое Визеналем решение было трудно. Так, австрийскому кардиналу Кёнигу потребовались все его ораторские способности, чтобы, с одной стороны, признать, что Визенталь прав, а с другой – не впасть в противоречие со своей верой. Иисус, писал Кёниг, учил, что прощению нет границ, но, учитывая ужасы, которые пережил Визенталь будучи заключенным концлагеря, кардинал понимал, почему тот не смог простить умирающего. Тем не менее, поскольку «вы выслушали его… проявили к нему сострадание», эсэсовец – который, по-видимому, «все еще верил в Бога» – «почувствовал, каким-то образом, что вы его принимаете, иначе бы не оставил вам свои личные вещи». Были и такие, кто считал, что вопрос нерелевантен; американский писатель Герман Вук и израильский историк Шауль Фридлендер написали, что Визенталь поставил вопрос, на который нет ответа.

Проект был очень амбициозным; Визенталь хотел больших имен. Однако многие – Ханна Арендт, Давид Бен-Гурион, Хабиб Бургиба, Джомо Кениата, Гюнтер Грасс, Артур Миллер, Джулиан Хаксли, Эрих Кёстнер, Чарли Чаплин и некоторые другие – ему не ответили.

Не менее интересен и список людей, которые в проекте участвовать отказались, но взяли на себя труд объяснить почему. Так поступили, в частности, Грэм Грин, Барбара Такман, Элиас Канетти, британский историк Алан Джон Персиваль Тейлор, Бертран Рассел и Эли Визель. Канетти, например, написал, что на поставленный вопрос могут отвечать только те, кто, подобно Визенталю, испытал ужасы Холокоста на себе, тогда как он (Канетти) в это время жил в Англии и находился в безопасности. «Может, мне стоит этого стыдиться?» – спрашивал он. Тейлор написал, что не может судить о моральном поведении других людей. «Мне, – пояснил он, – трудно судить даже о своем собственном моральном поведении». Секретарша Рассела прислала открытку, в которой писала, что Рассел получает так

много просьб подобного рода, что отвечать на все не имеет возможности. А Визель написал, что в симпозиумах участвовать не любит.

Впоследствии Визенталь вспоминал, что идея книги возникла у него в связи с приближавшимся двадцатипятилетием окончания войны, когда было много разговоров о необходимости прощения. В ФРГ к тому времени выросло новое поколение, требовавшее снять с него вину родителей. «Я хотел показать, что это совершенно личное дело, – пишет Визенталь. – Я могу простить только за то, что сделали мне, но у меня нет права прощать от имени других». По его словам, он обратился к такому большому количеству мыслителей не потому, что был неуверен в своей позициии, а потому, что понял: в рассказанной им истории поднимается принципиальный вопрос, затрагивающий людей во всем мире. В этом отношении он был прав – книга была переведена примерно на двадцать языков. При этом список комментаторов в каждой стране менялся в зависимости от местной конъюнктуры.

В американском издании книги епископ Дезмонд Туту рассказал, что, когда Нельсона Манделу, просидевшего 27 лет в тюрьме, избрали президентом Южной Африки, он пригласил на церемонию инагурации своего белого тюремщика. Туту хорошо понимал политическую значимость прощения: он был инициатором создания Комиссии правды и примирения (The Truth and Reconciliation Commission), на которой заслушивались показания жертв апартеида. Многие из них выразили готовность преступников простить. «Прощение не есть некое туманное понятие, – писал Туту. – Прощение – это реальная политика. Без прощения нет будущего».

Во многих школах «Подсолнух» был включен в программу обучения. Детей просили написать, что бы они сделали на месте Визенталя, и сотни школьников присылали ему свои сочинения. Он был очень этому рад и почти до конца своих дней им отвечал. «Мне 93 года, но мой сегодняшний ответ раненому солдату не отличался бы от тогдашнего», – писал он школьникам общины «Шаарей-цедек»[7] из города Тампа, штат Флорида.

Среди известных людей, которых Визенталь спросил, что бы они сделали на его месте, был также западногерманский писатель Генрих Бёлль. Сначала он прислал Визенталю записку, в которой попросил дополнительное время на размышления, а затем – длинное письмо. Однако рассматривать в нем поставленную Визенталем моральную дилемму он не стал. Бёлль считал, что Визенталь упустил возможность использовать обсуждение преступлений нацистов для разговора о преступлениях

регулярной армии. Что эсэсовцы совершали преступления, писал он, это бесспорно, но преступления вермахта ни на суде над Эйхманом, ни на других процессах разоблачены не были и остались окутаны туманом. Это, считал Бёлль, не случайно. Преступления вермахта были затушеваны из жалости к ФРГ и ее армии. Поэтому, полагал он, стоило сделать раненого высокопоставленным офицером вермахта, и перед смертью он должен был поручить рассказчику историческую миссию: раскрыть правду о преступлениях немецкой армии.

Бёлль также считал, что рассказчику не следовало скрывать правду от матери эсэсовца, поскольку немцы, утверждающие, что не знали о преступлениях нацистов, воспримут эту мать как символ и скажут: мы тоже, как и она, ничего не знали. Образ эсэсовца, писал Бёлль, немцы тоже не преминут воспринять как символический. По его мнению, этот образ получился слишком «однозначным»: этакий мальчик из хорошей семьи, не собиравшийся никому причинять зла.

Возможно, писал Бёлль, я требую от вашего рассказа слишком многого, но важно учитывать влияние книги на общество, еще не полностью очистившееся от своего прошлого. Кроме того, Бёлль дал Визенталю чисто литературный совет: усилить мотив подсолнуха. Он писал, что содрогается, когда видит, как в Германии ухаживают за военными кладбищами.

Казалось бы, Визенталь должен был расценить письмо Бёлля как комплимент: ведь один из крупнейших писателей двадцатого века написал ему как писатель писателю, – однако он предпочел это письмо проигнорировать.

Бёлль исходил из предположения, что речь идет о произведении художественном, и правил его, как учитель литературы правит сочинение школьника. Визенталь получил у него «неуд». По словам Бёлля, если бы эта история была автобиографической, он бы отнесся к ее содержанию и форме с уважением и ему не пришло бы в голову ставить под сомнение ее литературную ценность, но он полагал, что речь идет о произведении литературном и в качестве такового счел его неудачным.

Бёлль был первым человеком, усомнившимся в правдивости рассказа Визенталя, но не единственным. Некто Франц Смердка из города Вайденштеттен в Южной Германии написал Визенталю, что служил в воинской части, дисцлоцировавшейся в Днепропетровске, но об инциденте, описанном Визенталем, никогда не слышал, хотя и разговаривал с несколькими жителями города, причем у одного из них жена была еврейкой. Смердка считал, что они бы ему наверняка об этом рассказали. Он

спрашивал Визенталя, когда это произошло, и утверждал, что арестант-еврей не мог быть приведен к постели раненого эсэсовца, чтобы выслушать его исповедь о совершенных им преступлениях.

Визенталь ответил на письмо Смердки через несколько дней. Он писал, что инцидент произошел примерно за год до того, как часть, где служил Смердка, прибыла в Днепропетровск, и что вряд ли кто-то из местных жителей осмелился бы заговорить об этом с немецким солдатом, тем более человек, женатый на еврейке. Визенталь согласился с тем, что при обычных обстоятельствах узник концлагеря не смог бы оказаться у постели раненого эсэсовца, но ведь в данном случае, писал он, речь идет о заключенном, работавшем в том самом госпитале, где раненый лежал. При этом он лежал в отдельной палате; поэтому-то медсестра и смогла выполнить его просьбу так, что об этом никто не узнал.

Марк Альпер из Брайтона в штате Массачусетс тоже спросил Визенталя, реальная ли это история. «Да, – ответил ему Визенталь. – Разумеется, эта история реальная; она произошла со мной», и добавил, что все рассказы, которые он публикует, основаны на фактах и он лишь иногда меняет имена героев, чтобы им не навредить.

Спрашивали его об этом и дети из разных стран. Их он тоже заверял, что ничего не выдумал.

То же самое он говорил работавшим у него добровольцам. «Визенталь сказал нам, что эта история реальная, и мы ему поверили», – рассказали мне двое из них, Пауль Силс и Михаэль Штергар. Это же говорили и другие.

Некоторые из друзей Визенталя, которые его пережили, отвечали на мой вопрос со снисходительной улыбкой: иногда, говорили они, его истории были основаны на том, что произошло с ним самим, иногда – на том, что случилось с другими людьми, а иногда они рождались в его воображении.

Визенталь – единственный источник этой истории. В его архиве не сохранилось документов, которые могут подтвердить ее или опровергнуть, и, судя по всему, он так никогда и не назвал фамилии «Карла». В фильме, поставленном по книге «Убийцы среди нас», раненый бормочет фамилию, звучащую как «Зайдель» или «Сайдлер», но в сценарии, хранящемся в архиве Визенталя, на месте фамилии стоит многоточие.

Почему Визенталь решил оставить этого военного преступника без фамилии, непонятно; ведь разоблачению подобных преступников он посвятил всю свою жизнь. Но еще более непонятно, как он мог запомнить адрес этого человека,

несмотря на все, что пережил в последующие пять лет, включая страдания в концлагерях. Ведь если все произошло именно так, как он рассказал, значит, он видел адрес всего лишь одно мгновение, когда медсестра пыталась вручить ему сверток с вещами умершего. Столь же неясно, зачем Визенталь разыскал мать эсэсовца. Александр Фридман (один из добровольцев, в молодости работавший в Центре Визенталя в Вене, а позднее ставший психиатром и лечивший в том числе людей, выживших во время Холокоста) сказал по этому поводу следующее: «Визенталь, разумеется, понимал, что эпизод с его поездкой в Штутгарт не вызывает доверия, но тот факт, что он его не вычеркнул, заставляет предположить, что это произошло на самом деле».

Остается и еще один вопрос: можно ли поверить, что нацистский военный преступник попросил прощения у арестанта-еврея? Петер Михаэль Лингенс вспомнил в связи с этим сцену, описанную в воспоминаниях его матери. Некто Мария Мандель, надзирательница в одном из концлагерей на территории Освенцима, после войны была приговорена в Польше к смертной казни. Перед казнью она встретилась с одной из бывших узниц концлагеря. «Завтра я умру, – сказала Мандель, – и я этому рада. В последние несколько недель я поняла масштаб преступлений, в которых принимала участие, и не могу с этим грузом жить. Вы можете меня простить?» Бывшая узница сказала, что прощает ее.

По мнению Визенталя, «Подсолнух» был лучшей из написанных им книг. Это был его второй бестселлер. Наряду с деньгами, которые эта книга ему принесла, на него обрушился также поток приглашений выступить с лекциями в США и других странах. Все больше и больше людей в мире относились к Визенталю как к непререкаемому моральному авторитету, и все больше людей соглашались с ним, когда он говорил, что один из уроков Холокоста состоит в том, что необходимо поддерживать Государство Израиль, то есть политику его правительства. Но тут он попал в одну крайне неприятную историю, и это снова произошло из-за его связей с Израилем.

Глава четырнадцатая. «Крайский начинает сходить с ума»

1. Враг народа

Тихая и политически нейтральная Вена создавала идеальные условия для работы шпионов из всех стран мира, но время от времени их ловили и предавали суду. Одним из людей, которых отдали под суд, стал также следователь «государственной полиции» (так в Австрии именовали службу внутренней безопасности) Иоганн Аблайтингер. В 1962 году он ушел в отставку и открыл частное сыскное агентство. Благодаря своему опыту, а также связям в полиции и Министерстве внутренних дел он знал, кого надо подкупить, и имел возможность добывать для своих клиентов секретную информацию о людях, которые их интересовали. Эта деятельность была противозаконной, и в 1968 году его арестовали. Он был приговорен к двум с половиной годам тюремного заключения.

Аблайтингер был скорее частным детективом, чем шпионом, но оказывал услуги целому ряду западных разведывательных агентств и посольств, среди которых было и посольство Израиля. В его бумагах оно проходило под кодовыми названиями «Нико» и «Брас», а его контакты в посольстве именовались «Винтер» и «Пауль». На допросах Аблайтингер сказал, что связь с посольством он установил с помощью одного из своих клиентов, Симона Визенталя, с которым был давно знаком и которому поставлял информацию о нацистских преступниках. Это признание вызвало политическую бурю. Представитель парламентской Социал-демократической оппозиции Кристиан Брода, который в прошлом был министром юстиции и которому позднее, после выборов, суждено было стать им снова, подверг Визенталя острой критике и заявил, что у него имеется «частная полиция». На самом же деле нападки на Визенталя были скорее нападками на консервативное правительство, которое он поддерживал.

В ответ Визенталь обнародовал неприятные подробности из прошлого Броды. Когда тот учился в гимназии, то был коммунистом, во время Второй мировой войны написал нацистскую по своему духу диссертацию, а после во йны занялся преследованием бывших нацистов, причем двое из них были убиты (по-видимому, во время допросов), и подозрение пало на Броду. Папка Броды, которую Визенталь держал у себя в офисе, свидетельствует о том, что он собирал материалы на этого человека очень усердно. Помимо всего прочего, в ней находится также вышеупомянутая диссертация.

После ареста Аблайтингера Визенталь был допрошен. Он

сотрудничал со следствием и под суд отдан не был, но скандал привел к созданию парламентской комиссии, занявшейся расследованием этого дела. В отчете этой комиссии говорится, что Аблайтингер оказывал Визенталю и такие услуги, которые в функции Центра документации не входили, и данная формулировка не оставляла места для сомнений в том, что речь шла о шпионаже. Отчет отражал позицию социал-демократов и был подписан, помимо всех прочих, Леопольдом Грацем, позднее ставшим министром просвещения, а затем – мэром Вены.

Все то время, пока бушевал скандал, Визенталь поддерживал тесный контакт с посольством Израиля, и из писем, написанных им послу Зееву Шеку, явствует, что в скандале увяз не только он сам, но и посольство. Документы Министерства иностранных дел подтверждают, что Аблайтингер действительно работал на Израиль.

Посольство предприняло попытку смягчить выводы отчета. «В отчете, – докладывало оно, – говорится, что Аблайтингер был не только шпионом, работавшим на Восточный блок, но и “личным шпионом” Визенталя и что он “незаконным образом поставлял материалы израильским агентам”. Мы немедленно выразили протест против такой формулировки, заявив, что обращение к частному детективу за информацией о том или ином гражданине и его прошлом – дело абсолютно законное и об этом говорится в профессиональной лицензии каждого частного детектива. Каким образом детектив эту информацию раздобывает и нарушает ли он закон, контактируя с Министерством внутренних дел, израильское посольство не касается. Нам удалось добиться исключения из протокола обсуждения в парламенте формулировки, касающейся Израиля, но все, что имеет отношение к Визенталю, в нем осталось».

Визенталь не скрывал, что пользовался услугами Аблайтингера, но отрицал, что заказывал ему задания шпионского характера. Он писал по этому поводу одному из руководителей еврейской общины, а также председателю Социал-демократической партии Бруно Крайскому. Однако самое подробное объяснение он послал тогдашнему министру иностранных дел Курту Вальдхайму. По словам Визенталя, он пользовался услугами Аблайтингера шесть лет и за это время заказал ему сорок шесть расследований, но все они, за исключением четырех, имели своей целью выяснить прошлое нацистских преступников, а Аблайтингера он выбрал потому, что у того не было нацистского прошлого и он имел репутацию хорошего детектива. В детективе же, в свою очередь, Визенталь нуждался потому, что его отношения с австрийским

Министерством внутренних дел складывались в то время не очень хорошо. Отдел, обязанный отвечать на его обращения, был укомплектован не полностью и не снабжал его информацией, которая ему требовалась, в частности, для подготовки материалов для судов над нацистскими преступниками в Германии. Аблайтингер же умел раздобывать информацию, которую обычный гражданин не раздобыл бы никогда. Четыре дела, не имевшие отношения к нацистским преступникам, являлись, по словам Визенталя, «делами сугубо еврейскими», никакого политического значения не имели и интересовали лично его: одно из них касалось какого-то скандала, связанного с аморальным поведением в молодежном клубе, а в трех других случаях он хотел выяснить прошлое проживавших в Вене евреев.

В письме Вальдхайму Визенталь объяснил связи Аблайтингера с посольством Израиля следующим образом: граждане Австрии, желавшие посетить Израиль, нуждались во въездной визе, и, чтобы убедиться, что в Израиле их не арестуют (на основании закона о наказании нацистов и их пособников), израильское консульство часто обращалось к Визенталю с просьбой провести проверку. Однако когда он был слишком загружен, то перенаправлял консульство к частному детективу и рекомендовал Аблайтингера. Визенталь пытался представить публикации, посвященные этому скандалу, как попытки нанести ущерб Израилю, а в письме к Крайскому заявил, что вся эта история может быть истолкована как угроза закрытия Центра документации.

Страны коммунистического блока использовали этот скандал как доказательство того, что Визенталь – шпион и шантажист; по их словам, информация, которую он покупал у Аблайтингера, включала в себя сведения, компрометировавшие политиков и высокопоставленных чиновников. Однако проверить справедливость данного утверждения невозможно.

Использован был этот скандал и в предвыборной борьбе, предшествовавшей выборам в австрийский парламент. Правая Народная партия, которую Визенталь поддерживал, вела против Крайского кампанию, не вполне свободную от антисемитизма. В частности, она призывала выбрать «истинного австрийца».

Выборы состоялись в марте 1970 года, и социал-демократы стали самой большой партией в парламенте, однако, несмотря на это, получить поддержку парламентского большинства Крайскому не удалось. Поэтому он заключил коалиционное соглашение с Либеральной партией, что позволило ему создать правительство меньшинства. Пост канцлера он тем самым себе обеспечил, но вскоре выяснился неприятный факт. Оказалось, что некоторые из

его министров в прошлом поддерживали нацистов. Одним из них был министр сельского хозяйства Ганс Элингер.

Помощник Крайского Хайнц Фишер позднее вспоминал, что Элингер занял свой пост случайно. У Крайского не было министра сельского хозяйства, и кто-то из членов его партии предложил ему – по телефону – взять Элингера. Крайский спросил, как Элингера зовут и почему тот подходит для этой должности. Чтобы получить ответы на эти вопросы, потребовалось еще несколько телефонных разговоров. Сам Элингер – когда ему предложили этот пост – был на седьмом небе от счастья. Проверить, что он делал при нацистах, никому в голову не пришло.

Информация о его прошлом была опубликована в одном из австрийских журналов, и ее перепечатали за границей. Был ли источником этой информации Визенталь, неизвестно, но он сразу же объявил, что в правительстве Крайского есть и другие бывшие нацисты: министр строительства Йозеф Мозер, министр транспорта Эрвин Фрюбауэр и министр внутренних дел Отто Рёш. Случай Рёша был особенно неприятным. Ко всему прочему, тот обвинялся еще и в том, что после войны занимался неонацистской деятельностью.

Первый в австрийской истории канцлер-еврей пришел в ярость и принялся горячо отстаивать право бывших нацистов занимать государственные должности – при условии, что они не были признаны виновными в совершении преступлений. Когда Элингер – «по состоянию здоровья» – ушел в отставку, Крайский назначил нового министра сельского хозяйства, Оскара Вайса, но и тот оказался бывшим членом нацистской партии. Однако большинство австрийских газет поддерживало Крайского. Пришло время подвести под прошлым черту, писали они, намекая в том числе на деятельность Визенталя.

«Появился новый вид антисемитизма», – писал Визенталь ставшему на его сторону художнику и писателю Виктору Матейке, который был видной фигурой в культурной и политической жизни Австрии. В письме Матейке Визенталь уподобил Крайского и его сторонников своим врагам в еврейской общине, выступавшим против него потому, что он требовал очистить общину от коллаборационистов, и утверждал, что нападки на него направлены против каждого еврея без исключения – будь то друга или соперника. Более того, писал он, они направлены и против неевреев. Когда несколько молодых людей предложили ему покинуть Австрию и эмигрировать в Израиль, он спросил: «А что вы предложите австрийскому гражданину-нееврею, выступающему против нацистской

политики правительства?»

2. Друзья Бруно

11 июня 1970 года австрийский министр просвещения Леопольд Грац выступил на конференции Социал-демократической партии, членом которой являлся, и подверг резкой критике Визенталя. Учреждение, именуемое «Институтом документации», сказал министр, является, в сущности, частной полицией доносчиков и клеветников, и возникает вопрос, нужно ли такое учреждение Австрии вообще.

К тому времени Визенталь получил уже немало оскорблений от бывших нацистов и неонацистов из самых разных стран, включая Австрию, но министр австрийского правительства оскорблял его публично впервые. «Я с нетерпением жду, когда господин Визенталь докажет, что я тоже был эсэсовцем», – сказал журналистам Крайский, подтолкнувший Граца сделать его заявление. А одна голландская газета процитировала также следующее высказывание Крайского: «Визенталь – еврейский фашист». «Я смотрю, Крайский начинает сходить с ума», – отреагировал на это один из руководителей израильского Министерства иностранных дел.

Крайский, правда, заявил, что еврейским фашистом Визенталя не называл, но газета настаивала, что канцлер ознакомился с текстом интервью еще до публикации и лично его утвердил. К несчастью, представить в качестве доказательства соответствующий документ газета не успела: в редакции случился таинственный пожар и документ сгорел – но израильское посольство в Вене успело переслать ксерокопию этого – написанного рукой Крайского – документа в Иерусалим, и та стала подтверждением, что он действительно произнес в интервью процитированные слова. Тогда канцелярия Крайского обратилась в полицию Вены с просьбой проверить возможность фальсификации.

Вся эта история излагается в хранящемся в архиве Крайского длинном отчете, где дело представлено так, словно оно имеет важное государственное значение. Помимо всего прочего, в отчете говорится, что в тридцатые годы в Австрии существовало фашистское сионистское движение под руководством Зеева Жаботинского. В интервью, которое Крайский дал еще одной газете, он попытался истолковать эту историю в более широком контексте, сказав, что еврейский народ ничем от любого другого народа не отличается и у евреев тоже есть свои убийцы, проститутки и фашисты. В пример он привел «еврейского фашиста», который в июне 1933 года убил на тель-авивской

набережной одного из лидеров рабочего сионистского движения Хаима Арлозорова. Слова Крайского о еврейском фашизме объяснялись, по-видимому, психологической травмой, пережитой им, когда в молодости он присутствовал на собрании, где перед евреями Вены выступил сильно повлиявший на мировоззрение Визенталя лидер ревизионистского крыла сионизма Зеев Жаботинский. Крайскому запомнилось, что сторонники Жаботинского, «бейтаровцы», были в черных рубашках, брюках и сапогах. На самом же деле они носили не черные рубашки, а коричневые, и Крайским в данном случае явно руководила не память, а враждебное отношение к Жаботинскому.

Собрание началось с восхвалений Муссолини, и Крайский понял, что евреи – если им только позволить – тоже могут быть фашистами и даже нацистами. По его словам, Жаботинского он запомнил хорошо: это был «крепкий человек с одной рукой». Но он ошибся: Жаботинский одноруким не был. Возможно, он перепутал Жаботинского с Йосефом Трумпельдором, который погиб в 1920 году, защищая Тель-Хай, и в честь которого было названо молодежное движение сторонников Жаботинского «Бейтар».

Согласно Визенталю, его конфликт с Крайским начался со спора, в который они вступили за несколько лет до того во время одной телевизионной передачи, где Визенталь обвинил Крайского в чересчур большой симпатии к арабам. Крайский был тогда министром иностранных дел. В то время жители Южного Тироля требовали предоставить им независимость, но австрийское правительство их требования отвергло, и Визенталь сказал, что Крайский готов сделать для арабов больше, чем для жителей Южного Тироля. Крайский, по его словам, этого ему так и не простил.

Нападки на себя Визенталь истолковывал как заговор с целью закрытия его Центра и – в свойственной ему манере – призвал на помощь газету «Нью-Йорк таймс». Вскоре после этого на канцелярию Крайского обрушились сотни телеграмм протеста, а еврейские организации и целый ряд американских сенаторов опубликовали заявления в поддержку Визенталя. Визенталь все эти заявления собрал и издал в виде брошюры. Крайский велел своему адвокату изучить возможность подать на Визенталя в суд за клевету. Канцелярия Крайского отрицала, что собирается закрыть Центр документации, но протесты продолжались, и Крайский был вынужден отменить запланированный визит в США.

Канцлер и его окружение считали Визенталя опасным врагом. За Визенталем велась слежка, а его разговоры прослушивались,

как если бы он был врагом государства. Министр юстиции Кристиан Брода прислал Крайскому подробный отчет о разговоре Визенталя с соседом по самолету, и, согласно этому отчету, Визенталь сказал, что собирается усилить борьбу с Крайским, причем не только из-за того, что тот включил в свое правительство нацистов, но и из-за его враждебного отношения к Израилю.

В израильских документах того времени говорится, что, хотя Крайский и утверждает, что его позиция по израильско-арабскому конфликту нейтральна, тем не менее он всегда относился к Израилю прохладно. Это проявилось, в частности, в 1964 году, когда он посетил Египет, а в Израиль с официальным визитом приехать отказался. Визенталь сообщил в израильское посольство, что Крайский восхвалял Египет как государство с четырехтысячелетней историей, противопоставляя его Израилю, которому без году неделя, и говорил, что будет ли Израиль существовать завтра или послезавтра – это еще вопрос. Крайский отрицал, что ему принадлежат эти слова, но Визенталь заявил: «Чтобы это доказать, я готов дойти до суда».

Во время Шестидневной войны австрийская Социал-демократическая партия заняла сторону Израиля, и, хотя в то время она была в оппозиции, Крайский с тогдашним правительством – которое Израиль тоже поддержало – солидаризировался. По свидетельству его друзей, он следил за ходом войны с большим интересом и проявлял к Израилю сильную симпатию. Посол Израиля в Вене докладывал, что Крайский ценит достижения Израиля, и отмечал, что до 1970 года тот никаких «серьезных антиизраильских шагов» не предпринимал.

Израильские дипломаты считали, что атака Крайского на Визенталя объяснялась причинами психологического характера и приписывали ему «тяжелый еврейский комплекс». По их мнению, больше всего на свете он боялся, что соотечественники не признают его истинным австрийцем. Израильтянам было очевидно, что этот «комплекс» как раз и явился причиной того, что Крайский вступил в борьбу с Визенталем.

Израильское посольство в Вене следило за этой историей с большим интересом. В посольстве считали, что правительство меньшинства под руководством Крайского долго не продержится, а атаку на Визенталя истолковывали как попытку угодить поклонникам нацистов и правым в преддверии будущих выборов. Вместе с тем израильские дипломаты отмечали, что, нападая на Крайского, Визенталь оказывает услугу потерявшей власть правой Народной партии и что, когда та находилась у власти, он

нацистское прошлое тогдашних министров игнорировал. Такое мнение было общепринятым, но Визенталь это отрицал, утверждая, что, когда канцлером был предшественник Вальдхайма Йозеф Клаус, он послал тому письмо, где протестовал против недостатков австрийского судопроизводства.

В конце концов в Иерусалиме начали сомневаться, что Визенталя стоит поддерживать. «Визенталь известен как человек, до мозга костей преданный своему делу, но в то же время и как человек тщеславный, жаждущий известности, крикливый и неоднократно делавший заявления, которые потом не мог доказать», – говорилось в инструкции, разосланной израильским послам, работавшим по всему миру. Визенталь, отмечается в этом документе, «ставит себе в заслугу» поимку Эйхмана, но «те, кто знают правду об операциях по обнаружению нацистских преступников, знают также о безответственности Визенталя, объясняющейся все той же жаждой известности и безудержным эгоцентризмом».

Помимо всего прочего, Визенталь утверждал, что нацистом был и министр просвещения Грац, но сотрудники Министерства иностранных дел в Иерусалиме выяснили, что в конце войны Грацу было 15 лет и «он был всего лишь членом молодежного нацистского движения, так как это являлось обязанностью каждого учащегося австрийской средней школы».

Через три месяца после того, как начался конфликт между Крайским и Визенталем, Израиль, дабы решить эту проблему и продвинуть государственные интересы Израиля, не нанося при этом ущерба своим обязательствам как еврейского государства, задействовал свои лучшие дипломатические умы. «Дело это несимпатичное», – говорил один из руководителей Министерства иностранных дел. Задача состояла в том, чтобы отделить конфликт Крайского и Визенталя от позиции Австрии по Ближнему Востоку. В этой связи израильтяне были обеспокоены главным образом нападками Визенталя на австрийского министра внутренних дел Рёша. «В австрийском правительстве, – отмечали они, – этот человек является одним из самых наших горячих сторонников. Он помогает нам с репатриацией евреев из Восточной Европы, а также во всем, что касается обеспечения безопасности посольства, [авиарейсов] “Эль-Аля”, еврейских организаций и т. д.».

До этого израильские представители обычно говорили, что в качестве евреев и израильтян они деятельности Визенталя симпатизируют, хотя во внутренние дела Австрии и не вмешиваются. Высокопоставленный сотрудник Министерства иностранных дел в Иерусалиме Гершон Авнер не был уверен, что

можно излечить «столь глубокие психологические осложнения», какие имеются у Крайского, но предложил израильскому послу в Вене отказаться от открытого выражения симпатии к Визенталю и сказать только, что Израиль «в курсе дискуссии».

Судя по всему, Моссад на этот раз (в отличие от тех времен, когда Визенталь вступил в конфликт с еврейской общиной) Министерству иностранных дел свою позицию не диктовал. «В данном случае, – писал Авнер, – израильские интересы важнее интеллектуальных тонкостей. Нам надо заботиться о себе, а Визенталь – человек достаточно несимпатичный, многими нелюбимый и нередко бестактный, так что у нас есть право делать то, что выгодно нам». Однако посол Шек колебался. «Я, – писал он своему начальнику, – хотел бы подумать об этом еще». К тому времени до него уже дошли слухи, что приближенные Крайского пытались канцлера урезонить.

Через несколько дней после этого у Шека появились хорошие новости: в конце торжественного приема, устроенного в честь правителя Румынии Николая Чаушеску, Крайский увидел Шека и подошел к нему поздороваться. «С тех пор как его избрали канцлером, он ни разу этого публично не делал», – докладывал посол. Завязалась дружеская беседа, и Крайский изъявил желание посетить Израиль. Упоминать имя Визенталя во время этого разговора Шек старательно избегал.

Крайский попытался также переманить на свою сторону лидеров еврейской общины. Накануне еврейского Нового года он встретился с двумя из них, Вилли Креллом и Антоном Пиком, и, судя по донесению Шека, посланному в Иерусалим, начал разговор с ними со слов «Я считаю себя канцлером-евреем». Крайский сказал, что, хотя он является сыном австрийского народа и верен только Австрии, от своего еврейского происхождения он никогда не открещивался. По его словам, он гордился тем, что его избрали канцлером, хотя некоторые из его противников и использовали против него антисемитские аргументы. Также он сказал, что ему стало известно о денежных затруднениях еврейской общины, и пообещал оказать ей помощь: министр просвещения Грац увеличит выделенную ей сумму. Евреи Крайского поблагодарили, и он заговорил о Визентале. По словам посла, канцлер «излил всю горечь, накопившуюся у него против этого человека, в весьма резкой форме». Он сказал, что никогда не собирался закрывать Центр документации, но отметил, что, если этот Центр превращается в штаб-квартиру Народной партии и выступает против министров его правительства, а также его самого, он обязан защищаться. Главы еврейской общины напомнили Крайскому о назначенных им

министрах-нацистах, но он перевел разговор на министра внутренних дел Рёша. Он признал, что в юности тот состоял в нацистской партии, но подчеркнул, что Рёш не занимал в ней никаких постов и в Вене нет ни одного человека, который бы сделал для евреев и Израиля больше, чем Рёш. Главы еврейской общины это подтвердили и поблагодарили Крайского за усиленную охрану, установленную в преддверии праздника возле синагог. Они хотели также поднять вопрос о тяжелом положении евреев Советского Союза и Ирака, но у канцлера закончилось время. Перед тем как они распрощались, Крайский еще раз повторил, что считает себя канцлером-евреем и добавил: «Если вам что-то понадобится, обращайтесь ко мне».

В целом, подытоживает Шек, у Крелла – давнего врага Визенталя – сложилось такое же впечатление, как и у весьма влиятельного и близкого к Крайскому венского миллиардера-еврея Карла Кахане: похоже, что канцлер начал отделять свой конфликт с Визенталем от всего того, что связано с еврейской общиной и Израилем. «Образумился он, или возобладал холодный расчет, – подытоживал посол, – в любом случае это процесс позитивный, но я не уверен, что так будет всегда». В Иерусалиме на полях его отчета кто-то написал: «Пришло время мессии, но, сколько оно продлится, сказать очень трудно».

3. Жернова справедливости

Конфликт с Крайским причинял Визенталю боль. Он считал, что большинство австрийцев – пусть даже и не все – довольны тем, что кто-то, более подходящий на эту роль, чем канцлер-еврей, наконец-то взялся освободить их от груза нацистского прошлого. «Я – их нечистая совесть, потому что каждый из них мог бы сделать то, что делаю я», – писал он какое-то время спустя. Никогда еще он не чувствовал себя более одиноким.

Он пытался утешать себя мыслью, что в конце концов нацисты тоже потеряют веру в Крайского, и тогда тот, как гласит еврейская поговорка, «и вонючую рыбу есть станет, и из города будет изгнан». А тем временем Визенталь попытался прийти в себя от этого скандала в свойственной ему манере: написав подробный меморандум, где еще раз рассказал, как Австрия уклоняется от своей обязанности наказать нацистских преступников. В частности, он утверждал, что правительство Крайского по политическим причинам закрыло сотни дел. Он охарактеризовал это как своего рода фактическое помилование и сделал вывод, что Австрия ценит человеческую жизнь не больше, чем нацистская Германия. Факты, излагавшиеся в этом довольно сухом восемнадцатистраничном документе, говорили сами за себя и выставляли австрийское общество в постыдном свете. Согласно судебной статистике, в 60-е годы в Австрии были признаны виновными в преступлениях, совершенных во времена нацистского режима, тринадцать тысяч человек, но Визенталь проверил и обнаружил, что подавляющее большинство обвиняемых было отдано под суд не за убийства, а за принадлежность к запрещенным организациям. Тем временем, отмечает Визенталь, свидетели обвинения стареют, их способность давать показания снижается, а прокуроры, знакомые с этими делами, выходят на пенсию. Не хватает людей, не хватает денег, а расследования по делам опознанных преступников часто продолжаются по десять и более лет.

Именно таким было дело владельца кафе в австрийском городе Клагенфурте Эрнста Лерха, одного из командиров, руководивших операцией по уничтожению евреев, которая получила название «Рейнхард». Этот случай не требовал от Визенталя его детективных способностей: Лерх жил открыто, а кафе носило его имя. Начиная с 1962 года Визенталь неоднократно требовал осудить его за убийство двух миллионов человек и утверждал, что речь идет о самом серьезном деле в истории австрийского уголовного судопроизводства. Однако шли

годы, а ничего не происходило. Свидетели, которые могли дать показания, умирали один за другим, а кафе Лерха тем временем процветало. В 1971 году он был наконец-то арестован, но попытка перенести суд из Клагенфурта в Вену провалилась. Между тем шансов, что он будет признан виновным в Клагенфурте, не было. Сразу после начала суда он был освобожден из-под стражи до окончания процесса, а поскольку он все отрицал, суд был отложен, и в конце концов – по указанию министра юстиции Броды – прекращен.

Меморандум Визенталя ничего не изменил, но, возможно, он удивился бы, если бы узнал, что Брода его не проигнорировал. В письме к Крайскому тот пишет, что прочел меморандум очень внимательно и что факты, перечисляемые Визенталем, заслуживают проверки. «Проверяло» Министерство юстиции, по-видимому, и запросы относительно судьбы «мясника из Вильнюса» Франца Мурера, которые Визенталь раз в год туда посылал. Мурер должен был предстать перед повторным судом, но и в этом случае тоже ничего не происходило. Тем не менее работа над меморандумом еще раз напомнила Визенталю о главной задаче его жизни.

Подвергал он аналогичной критике и другие государства.

7 декабря 1970 года канцлер ФРГ Вилли Брандт приехал с визитом в Варшаву и возложил цветы к памятнику, установленному в честь восстания в Варшавском гетто. Какое-то время он стоял по стойке «смирно», а затем встал на колени и простоял так несколько минут. «Я сделал то, что делают люди, когда им изменяют слова», – писал он позднее. Он прибыл в Польшу с целью попытаться разморозить отношения Запада и Востока, находившихся в состоянии «холодной войны». В ФРГ его стояние на коленях породило бурные споры, однако в других странах мира оно почти повсеместно вызвало восхищение. Примерно через год после этого Брандт получил Нобелевскую премию мира.

Визенталь выждал несколько недель, а затем послал Брандту письмо, где писал, что на него поступок канцлера в Варшаве тоже произвел сильное впечатление и что критика, обрушившаяся на Брандта в ФРГ, является, по его мнению, отвратительной и постыдной. Однако похвалы в адрес западногерманского лидера занимали в этом пятистраничном, убористо напечатанном на машинке письме только два абзаца; в оставшейся же части письма Визенталь выражал глубокое разочарование тем, что рассмотрение дела такого нацистского преступника, как Людвиг Хан (а также ряда других), тянулось уже десять лет.

Хан находился под следствием за свое участие в отправке

сотен тысяч евреев из Варшавского гетто в лагерь смерти Треблинка. Дело на него было открыто в 1966 году и насчитывало уже 130 томов, в которых было подшито около двух тысяч свидетельских показаний. Однако обвинительное заключение Хану предъявлено так и не было, а сам он все это время находился на свободе, как, впрочем, и шесть других перечисленных Визенталем людей. Некоторые из них были под следствием не только из-за участия в подавлении восстания в Варшавском гетто, но и из-за убийств, в которых участвовали лично.

В Гамбурге это волокитное дело было не единственным. Двенадцать лет прошло с тех пор, как власти начали расследовать убийство двадцати двух тысяч евреев в городе Слониме, который находится ныне в Западной Беларуси. Главному обвиняемому по этому делу, Герхарду Эрену, после войны было разрешено работать учителем. Шесть лет прошло с начала следствия по делу об убийстве двадцати восьми тысяч евреев в Пшемысле, и подозреваемые тоже находились на свободе. Разгуливали на свободе и подозреваемые по еще одному затянувшемуся делу, связанному с преступлениями, совершенными в Люблине.

Столь же медленно продвигалось следствие по делу заместителя начальника нацистской службы безопасности Рейнхарда Гейдриха Бруно Штрекенбаха, который жил в Гамбурге и был уважаемым бизнесменом. «Трудно найти слова, чтобы точно охарактеризовать поведение гамбургской прокуратуры», – писал Визенталь Брандту (знавшему, что значит, «когда человеку изменяют слова») и просил вмешаться, дабы весь мир увидел, что человек, вставший на колени в память об убиенных, заботится также о наказании убийц.

Разочарование, просвечивающее в письме к Брандту, вызывали у Визенталя и многие другие из более двухсот случаев, описанных им за все эти годы в отчетах о деятельности Центра документации. Годы эти были трудными. В отчетах Визенталя задокументированы многочисленные юридические трюки и ухищрения, позволявшие нацистским убийцам ускользать от наказания. Визенталю ничего не оставалось, как информировать об этом общественность.

Вот, например, история эсэсовца Макса Тойбнера, убившего – вместе со своими товарищами – более девятисот евреев. Некоторые из убийств он сфотографировал, а снимки послал жене, которая показала их друзьям и знакомым. Эсэсовский трибунал приговорил его за это к десяти годам тюрьмы. После войны Тойбнера нашли, но суд в городе Мемингене постановил, что судить его за убийство евреев нет необходимости, так как

эсэсовский трибунал уже признал его в этом виновным. Суд в Мюнхене этот приговор утвердил. Таким образом, гражданский суд новой Германии фактически признал законность приговора эсэсовского военного трибунала.

Визенталь назвал это нелепицей. Ему удалось раздобыть копию приговора эсэсовского трибунала, где черным по белому говорилось, что Тойбнера судили не за убийства евреев, а за то, что он – в нарушение приказа – их фотографировал. Визенталь требовал отдать Тойбнера под суд за убийство, но его прошения раз за разом отклонялись. По ходу дела всплыл один из подчиненных Тойбнера, тоже принимавший участие в убийствах, и он перед судом все-таки предстал, но Тойбнера вызвали только в качестве свидетеля, и он, как отмечает Визенталь, естественно, ничего не помнил. Обвиняемый был приговорен к двум с половиной годам тюрьмы.

Время от времени Визенталь обнаруживал бывших нацистов, занимавших ответственные посты: преподавателя политологии в Гамбурге, профессора в Штутгарте и т. д. – но, как правило, никаких последствий это не имело. Другие страны проявляли к нацистским преступникам не меньшее равнодушие.

Страны Восточной Европы с Визенталем не сотрудничали, но даже в тех странах, что обычно проявляли к его деятельности симпатию, существовавшие законы наказанию преступников не способствали. В 1973 году Визенталь объявил, что после многолетних поисков нашел нацистского преступника по имени Карлис Лобе, повинного в убийстве евреев Латвии и проживавшего в Стокгольме. Однако шведское право тоже не делало различий между убийствами на уголовной почве и убийствами, совершенными на войне, а на последние также распространялся закон о сроке давности. Поэтому отдать Лобе под суд оказалось невозможно. Единственный выход состоял в том, чтобы вынудить его подать в суд за клевету на газету, назвавшую его убийцей. Но хотя Лобе это и сделал, а суд проиграл, он все равно остался безнаказанным.

Норвежский военный преступник Гаральд Фредерик Скапель являлся одним из участников резни в Бабьем Яре на Украине, и после войны в Норвегии против него было возбуждено дело. Однако Скапелю удалось сбежать в Бразилию, и дело было закрыто. Визенталь попытался добиться его ареста на том основании, что он въехал в Бразилию по фальшивому шведскому паспорту, но из шведского посольства в Вене ему сообщили, что срок давности по этому преступлению тоже истек.

Голландия, где было так много поклонников Визенталя, тоже не сделала всего, что должна была, его по мнению, сделать. В

голландском городке Хертене немецкие парашютисты обнаружили двух братьев Моорс, 18 и 23 лет. Вместе с двумя девушками те прятались в подвале дома священника. Это случилось 9 февраля 1945 года, когда Хертен был уже окружен англичанами и они должны были вот-вот его освободить. Ребят и девушек привели к немецкому командиру Гельмуту Бехагелю фон Фламмердинге, и тот приказал отправить девушек в Германию (правда, солдат, которому было поручено это задание выполнить, хоть и повел их в сторону границы, но через несколько километров отпустил), однако парней расстреляли, и вошедшие в город через несколько часов англичане нашли их трупы.

Визенталь обнаружил Бехагеля фон Фламмердинге в Австрии, в городе Граце. Было проведено опознание, и одна из девушек его уверенно опознала: страх смерти, который он в нее вселил, пишет Визенталь, не позволил ей его забыть. Но хотя Визенталь и добился возбуждения дела, оно тоже закончилось ничем, и у него сложилось впечатление, что у голландцев эта история большого интереса не вызвала.

Правоохранительные органы США, в свою очередь, позволили «Кобыле из Майданека» Гермине Райен-Брауштайнер почти десять лет бороться в суде против экстрадиции в ФРГ. Ее выдали только в 1972 году.

Людвиг Хан был приговорен к пожизненному заключению. Такое же наказание получили Генрих Эрен и несколько других преступников, чьими делами Визенталь занимался. Время от времени нацистские преступники приговаривались также к более коротким срокам заключения или против них возбуждались новые дела, причем некоторые из них имели отношение к преступлениям, о которых не было известно вообще, пока Визенталь не довел информацию о них до сведения властей: в частности, он обнаружил неизвестный ранее комплекс, где проводились «умерщвления из милосердия». Кроме того, Визенталь предал огласке целый ряд имен преступников, о которых власти тоже ничего не знали. Иногда – хоть и не часто – ему удавалось раздобыть адреса этих преступников, и некоторые из них даже были арестованы. Наконец, он брал все новые и новые показания у выживших, что позволило предъявить несколько обвинений и помогло прокурорам на проходивших тогда судебных процессах. Однако в первой половине семидесятых годов Визенталя в основном преследовали неудачи и он очень нуждался в успехе.

Глава пятнадцатая. «Намного лучше любого выдуманного чудовища»

1. Дело Форсайта

Весной 1971-го к Визенталю пришел человек, который уже получил известность как журналист и которому вскоре предстояло прославиться также как автору политического триллера «День шакала». Фредерик Форсайт был корреспондентом информационных агентств Рейтер и Би-би-си, а до того – летчиком британских королевских военно-воздушных сил. Его первый триллер рассказывал о заговоре с целью убийства президента Франции Шарля де Голля, но еще до публикации этой книги Форсайт задумал новую. К Визенталю он пришел за информацией об организации «ОДЕССА».

К тому времени Форсайт уже воспоминания Визенталя прочел, но Визенталь еще Форсайта не читал. После успеха мемуаров и публикации книги «Подсолнух» Визенталь теперь часто общался с известными писателями. Встретиться с ним захотел в том числе Леон Юрис. Визенталь собрал для него папку документов, связанных со шведским дипломатом Раулем Валленбергом, спасавшим евреев и сгинувшим в советской тюрьме, и попытался уговорить Юриса использовать эту историю в одной из его книг. Однако с Форсайтом он согласился сотрудничать не без колебаний.

Почти через тридцать лет после того, как он впервые услышал об организации «ОДЕССА» (рассказ о которой стал одной из причин его популярности), у него были убедительные основания опасаться, что Форсайт у него эту историю «отберет» и превратит ее в художественное произведение, после чего никто больше не поверит, что такая организация существовала на самом деле. Однако Визенталь не имел привычки оставлять журналистов с пустыми руками, а кроме того, Форсайт пришел с увлекательным сюжетом, отвергнуть который было трудно. Визенталь попросил дать ему на раздумья ночь: он хотел придумать способ, как не скомпрометировать историю об организации «ОДЕССА» и не подорвать собственную репутацию. На следующий день он предложил Форсайту использовать в сюжете настоящего нацистского преступника. Он порылся в своих железных шкафах и вынул папку с делом Эдуарда Рошмана по прозвищу Мясник из Риги.

Форсайт выразил опасение, что настоящий преступник может подать в суд за клевету, однако Визенталь его успокоил, сказав, что для этого тому придется явиться в суд, но как только он вылезет из своего логова, то будет арестован. Форсайт также выразил сомнение, что Рошман – кандидатура достаточно

удачная. «Ведь про Ригу, – сказал он, – никто не слышал». Но Визенталю удалось убедить его, что речь идет о совершенно чудовищной истории: в Риге были убиты десятки тысяч евреев, и многих из них Рошман убил собственными руками. По словам Визенталя, преступник скрывался в Аргентине и жил там под вымышленным именем. «Тут у меня есть всё!» – воскликнул он и добавил аргумент, на который Форсайту было возразить сложно. «Мы знаем, – сказал Визенталь, – что в середине 50-х годов Рошман вернулся в Европу. Его первая жена думала, что он хранит ей верность, но узнала, что он женился на своей секретарше и стал двоеженцем».

Форсайт тоже попросил ночь на раздумья и на следующий день сказал: «Это грандиозно! Намного лучше любого выдуманного чудовища». Одним из героев триллера он решил сделать самого Визенталя. Так биография последнего стала частью постмодернистской культуры, в которой размыты границы между реальностью и воображением, историей и индустрией развлечений, религией и культом звезд.

Визенталь очень воодушевился: ведь книга могла привести к поимке Рошмана. О Рошмане он впервые услышал в 1946 году. Именно в тот год Орсон Уэллс снял фильм «Чужестранец», ставший своего рода «матрицей», на основе которой впоследствии штамповались произведения, рассказывавшие о разоблачении скрывавшихся от закона нацистских преступников. Наряду с другими книгами и фильмами, «Досье “ОДЕССА”» тоже внесло свой вклад в превращение Холокоста в элемент поп-культуры.

Уроженец австрийского города Граца, Рошман являлся вторым комендантом Рижского гетто и, по подсчетам Визенталя, был виновен в смерти тридцати пяти тысяч человек. После войны он вернулся в Грац, и его арестовали по подозрению к принадлежности к неонацистской организации. В то время Грац находился под контролем англичан. Визенталь сообщил об аресте американцам, и те попросили выдать Рошмана им. Англичане посадили Рошмана на поезд, чтобы отвезти в Дахау, где в то время американцы судили нацистских преступников, но по дороге он попросился в туалет и сбежал через окно.

По утверждению Визенталя, до Аргентины Рошману помогла добраться «ОДЕССА». Она тайно переправила его в Италию, а там ему помог епископ Алоис Гудал. Хранящаяся в архиве Визенталя папка Рошмана показывает, что время от времени он получал о нем свежую информацию, но в течение тридцати лет, предшествовавших приходу Форсайта, в отчетах о деятельности Центра документации ни разу о Рошмане не упоминал. Однако если верить Форсайту, Визенталь утверждал, что Рошман

числился в списке пятидесяти главных разыскиваемых им преступников.

Форсайт был младше Визенталя на тридцать лет и вскоре после их знакомства приобрел гораздо большую известность. Его книга «День шакала» стала всемирным бестселлером, а поставленный по ней фильм выдвинули на премию «Оскар».

Работая над сюжетом книги «Досье “ОДЕССА”», Визенталь и Форсайт часто встречались и переписывались – как по-английски, так и по-немецки. Форсайт называл Визенталя «Саймон» и подписывался «Фредди», а Визенталь обращался к нему «дорогой друг». Чтобы помочь Форсайту, он буквально «встал на уши»: снабдил его большим количеством материалов, связал его с сотрудниками архива немецкой газеты «Бильд», устроил ему встречу с несколькими уцелевшими евреями Риги – и в конце концов каждый из них даже начал перенимать профессиональные навыки другого. Форсайт стал пробовать свои силы как детектив-любитель, а Визенталь пытался корректировать сюжет книги Форсайта.

«Недавно мы получили информацию, показавшуюся нам довольно странной», – писал Визенталь Форсайту через несколько месяцев после их знакомства. По его словам, американский студент по фамилии Труитт получил предложение передать письмо из Испании в Лондон, за что ему было обещано 800 долларов. Визенталь полагал, что письмо было частью переписки скрывавшихся от наказания немцев, и послал его копию Форсайту – то ли чтобы его позабавить, то ли чтобы использовать его способности и связи, подобно тому, как он использовал для продвижения своих расследований других журналистов. На письме значился лондонский адрес. Визенталь взял с Форсайта клятву хранить это дело в строгой тайне, дабы не подвергать жизнь Труитта опасности.

Форсайт погрузился в эту историю с большим энтузиазмом. «Достаточно увлекательно, но много загадок и неразрешимых вопросов», – писал он Визенталю уже через три дня. Почему, недоумевал он, Труитт сообщил об этом Визенталю лишь через десять месяцев после того, как ему предложили передать письмо? В письме упоминались имена нескольких людей, и в воображении Визенталя и Форсайта они превратились в героев некоего таинственного приключения. Кто-то послал Труитта в Италию и Грецию. Кто бы это мог быть? – задавался вопросом Форсайт. Некий «Алекс»? Или, может быть, члены семьи Шульман, тоже упоминавшиеся в письме? Кто они? – гадал Форсайт. Какая между ними связь? Знает ли Алекс о Шульманах и знают ли они об Алексе? В голове у него словно сплеталась интрига нового

триллера. Однако пересланное ему Визенталем письмо распалило его воображение именно тем, что речь в нем шла о вещах не выдуманных, а реальных. Пусть, писал Форсайт Визенталю, Труитт передаст и другие письма, вскроет их и снимет копии. Только пусть сделает это осторожно, не оставив на бумаге следов. Однако сначала с ним надо установить связь, причем не подвергая его опасности.

В одном из их писем почему-то упоминается имя известного британского лорда Бошампа; Форсайт сообщает Визенталю, что такой лорд существует и что в правительстве Чемберлена он занимал должность секретаря военного министра.

Через какое-то время Труитта занесло в Бамако, столицу Мали, и Форсайт, как выяснилось, тоже там бывал. Это, писал он Визенталю, крошечный город, столица малонаселенной страны, где живут очень религиозные мусульманские племена, и встретиться там с Труиттом, не привлекая к себе внимания, нельзя, однако его можно привезти на самолете в Париж.

Затем ему пришла в голову другая идея: он написал предназначенное для Труитта письмо. Оно было написано на американском сленге, и в нем Труитту передавался привет от «дяди Саймона», просившего с ним связаться. Форсайт послал это письмо Визенталю и проинструктировал его, что делать: если, писал он, ты решишь послать его Труитту, положи его в белый конверт, надпиши на нем адрес Труитта, но марку не наклеивай, а положи этот конверт в другой и отправь его на такой-то адрес в Лондоне. Там на внутренний конверт наклеят марку, и дело будет выглядеть так, словно письмо «дяди Саймона» отправлено из Лондона. Сам Форсайт обещал тем временем следить за лондонским домом Труитта.

Визенталь сделал все, как велел Форсайт, но написал, что Труитт сейчас уже находится в США. Как он об этом узнал, неизвестно. Письмо Труитта, писал он, как бы извиняясь, довольное туманное, но иногда стоит проверять даже те следы, которые на первый взгляд кажутся незначительными или не заслуживающими доверия – ведь даже самые невероятные ситуации могут привести к обнаружению очень интересных фактов, и чем кончится дело, заранее никогда не известно.

2. Экранизация

Действие романа Форсайта «Досье “ОДЕССА”» начинается в день, который помнят все: 22 ноября 1963 года, когда был убит Кеннеди. Западногерманский журналист Петер Миллер получает в подарок от одного из своих друзей в полиции дневник выжившего во время Холокоста жителя Гамбурга Соломона Таубера. Как-то раз на одной из улиц города Таубер видит Эдуарда Рошмана, но решает, что ему никто не поверит, и кончает с собой. В дневнике он рассказывает о своей жизни в Риге и преступлениях Рошмана. Помимо всего прочего, Миллер узнает из дневника, что Рошман убил немецкого армейского офицера.

Хотя Миллер и ищет Рошмана с помощью группы еврейских мстителей, погоня за нацистскими преступниками изображается в книге не как миссия еврейская, а как миссия, которую молодое поколение ФРГ берет на себя. Миллер преследует Рошмана не только потому, что тот убивал евреев, но в значительной степени в качестве представителя поколения «новых левых», которое хочет очиститься от нацизма, а также потому, что Рошман убил немецкого армейского офицера. Позже выясняется, что этот офицер – отец Миллера.

Прежде чем отправиться на поиски Рошмана, Миллер едет посоветоваться с Визенталем. Он занимается сексом с девушкой, просит ее выйти за него замуж и отправляется ловить Рошмана, но тому удается сбежать в Аргентину. Сюжет осложняется еще больше, когда члены организации «ОДЕССА» замышляют вооружить Египет биологическим оружием, чтобы тот смог уничтожить Израиль, и почему-то взрывают желтый «ягуар» журналиста. В конце появляется агент Моссада Ури Бен-Шауль. Он забирает дневник Таубера, привозит его в Иерусалим, в «Яд-Вашем», произносит там в память о Таубере поминальную молитву и погибает в Шестидневной войне. Его друзья-десантники находятся в это время на пути к Стене Плача.

Визенталю очень хотелось участвовать в разработке сюжета. «Я, – писал он Форсайту, – снова об этом думал и пришел к выводу, что Миллер не может взять дневник на встречу с Рошманом, ибо в таком случае дневник будет уничтожен. Чтобы решить эту проблему, мы можем использовать следующий трюк: пусть Миллер вырвет из дневника одну страницу, которая его особенно впечатляет, отксерокопирует ее и будет все время носить с собой. Читатель не будет знать, почему Миллер это делает, но предположит, что эта страница имеет какое-то особое значение. Когда Миллер придет к Рошману, он заставит его

прочесть эту страницу вслух, и таким образом читатель узнает, о чем идет речь».

Финалом книги (которая, как и «День шакала», сразу стала мировым бестселлером) Визенталь остался доволен. Тот факт, что Рошман – как и в реальной жизни – сумел сбежать, мог, по его мнению, побудить читателей начать его поиски, которые имели шансы увенчаться успехом.

По роману «Досье “ОДЕССА”» тоже был поставлен фильм, но, к большому разочарованию Визенталя, английский режиссер Рональд Ним решил концовку изменить. «Он, – писал Визенталь, – объяснил мне, что невозможно в течение двух часов показывать зрителям омерзительного преступника, а затем позволить ему сбежать. В конце фильма зрители хотят испытать удовлетворение и увидеть торжество справедливости». Поэтому в фильме Рошмана убивают. В картине снимались Джон Войт («Полуночный ковбой»), Максимиллиан Шелл («Нюрнбергский процесс»), Дерек Джейкоби, Мария Шелл и другие. По словам Визенталя, он отклонил предложение сыграть в фильме самого себя («за большие деньги»), так как не хотел, чтоб его имя было в такой сильной степени связано с индустрией развлечений. Поэтому его сыграл известный израильский театральный актер Шмуэль Роденский.

Визенталь не ошибся: читатели и зрители со всего мира стали присылать ему сообщения о местонахождении Рошмана, а некоторые даже утверждали, что видели его лично. Визенталь старался все эти сообщения проверять, но зачастую оказывалось, что люди видели не Рошмана, а человека, похожего на исполнителя роли Рошмана, Масимиллиана Шелла. Два американских туриста, утверждавшие, что видели Рошмана в ресторане боливийского города Санта-Круз, решили поиграть в тайных агентов: они завязали с подозреваемым разговор, пригласили его выпить с ними шампанского, а бокал, из которого он пил, послали Визенталю, чтобы тот проверил отпечатки пальцев.

Визенталь рассказывал об этом с улыбкой, однако в его архиве сохранились письма Форсайта, свидетельствующие о том, что писателю хотелось быть не только автором остросюжетных романов. Он искренне мечтал поймать Рошмана, нашел кого-то, кто согласился финансировать его поиски, и тоже прислал Визенталю отпечатки пальцев. Это, писал он, используя кодовый язык, отпечатки пальцев «нашего испанца». Кроме того, он прислал несколько фотографий и попросил Визенталя их исследовать, чтобы установить, изображен ли на них «Эдуард». Причем ему явно не терпелось узнать результаты. «Пожалуйста, –

просил он, – сообщи мне сразу, как получишь ответ». Однако результаты оказались разочаровывающими.

«Испанцем» был человек по имени Хернандес, живший в столице Боливии Ла-Пасе. Некто, кого Форсайт называл Карлом, сумел раздобыть в боливийском Министерстве внутренних дел документ с отпечатками пальцев Хернандеса, но с отпечатками Рошмана они, увы, не совпали. Форсайт, впрочем, полагал, что Хернандес все равно мог быть Рошманом и просто использовал чужие документы, однако, чтобы это выяснить, нужно было еще раз съездить в Ла-Пас, а продолжать финансировать эту авантюру его друзья, к несчастью, не пожелали.

Согласно переписке Визенталя с Форсайтом, Хернандеса тоже видели в ресторане. Форсайт велел своему человеку (Карлу) украсть чашку, тарелку или пепельницу, до которых Хернандес дотрагивался, но Карлу этого сделать не удалось. Как и в одном из романов Форсайта, все зависело от таинственного человека по имени Браун, но Браун исчез. Если бы я мог его найти, писал Форсайт, то лично поехал бы в Ла-Пас и нанял там местного детектива, чтобы раздобыть отпечатки пальцев кандидата в Рошманы, но, к сожалению, это невозможно. В любом случае, подытоживал он, это была очень неплохая попытка.

Рецензия на книгу в «Нью-Йорк таймс» была разгромной. «Если бы Форсайт умел писать лучше, он бы не стал использовать настоящего Рошмана, а придумал бы его, и нам не пришлось бы давиться этой тошнотворной мелодрамой», – писала рецензентка. Издевалась она и над фильмом, но отметила, что в нем, по крайней мере, нет сцен в кабаре и нацисты получают меньше удовольствия, чем в «Ночном портье». Она имела в виду фильм Лилианы Кавани, изображавший садомазохистские отношения между бывшим эсэсовцем и женщиной, пережившей Холокост. Эти саркастические замечания рецензентки из «Нью-Йорк таймс» объяснялись новым культурным феноменом: все больше и больше фильмов использовали Холокост в развлекательных целях, и серьезная критика оказалась не в состоянии помешать их коммерческому успеху.

Перед выходом фильма на экраны Максимилиан Шелл получил весьма неприятное письмо, которое он сразу переслал Визенталю. Проживавшая в Нью-Йорке бывшая узница Рижского гетто по имени Гертруда Шнайдер писала Шеллу, что изучала историю этого гетто, что оно было темой ее диссертации и что она не видит никаких оснований утверждать, что Рошман – «мясник из Риги»: он был комендантом гетто менее года, с января по ноябрь 1943-го, и застрелил только одного мальчика. Она не оправдывала этого поступка, так как убийство одного человека в

ее глазах было ничем не лучше убийства нескольких тысяч, но утверждала, что называть Рошмана «мясником из Риги» смешно. По ее словам, Рошман считался в гетто «безобидным». В дневнике Таубера упоминались также евреи, служившие в качестве капо, но Шнайдер утверждала, что таких было немного и что книга бросала тень на всех жертв Холокоста в целом. «Скоро, – писала она, – нас обвинят в том, что мы убивали себя сами, с помощью оружия, любезно предоставленного нам немцами», и добавляла, что бывшие узники гетто не могут не воспринимать подобную чушь иначе как клевету.

Визенталь попытался ее успокоить, написав, что не надо относиться к роману как к достоверному историческому документу: такое произведение должно всего лишь правильно изображать исторический фон, – а что касается Рошмана, то он, по словам Визенталя, совершил отнюдь не единственное убийство: в ордере на арест он обвинялся в убийстве трех тысяч человек и еще восьмисот детей. Не все жители гетто, писал Визенталь, могли знать всё, однако дневник Таубера основан на свидетельствах многих людей.

Вместе с тем Визенталь признал, что Рошман не совершал всех приписываемых ему в книге преступлений и взял ответственность за это на себя. «Мы, – писал он, – надеялись, что Рошман где-нибудь объявится и выразит протест против того, что мы ему приписали. По крайней мере, мы рассчитывали, что миллионы людей начнут его искать, и, таким образом, появится шанс его найти». По его словам, он также надеялся поссорить Рошмана с людьми, помогавшими ему прятаться, и именно по этой причине обнародовал факт его двоеженства, а также вставил в книгу сцену, где тот убивает немецкого офицера. Это происходит незадолго до окончания немецкой оккупации. В порту Риги стоит последнее немецкое судно с ранеными солдатами вермахта, и Рошман приказывает армейскому офицеру выгрузить их с корабля, чтобы их место могли занять желавшие спастись эсэсовцы, но офицер отказывается, и Рошман в него стреляет. «Эта сцена, – пишет Визенталь, – является абсолютным вымыслом, и ее задача состоит в том, чтобы вызвать у товарищей Рошмана антипатию к нему. Возможно, после этого они его выдадут или, по крайней мере, больше не будут ему помогать».

Впоследствии Визенталь рассказывал, что источником вдохновения для этой сцены послужил инцидент, произошедший, когда они отступали из Гросс-Розена под командованием эсэсовского офицера Варцока. Чтобы его люди могли спастись, Варцок взорвал мост на реке Сан и бросил солдат вермахта на произвол русских.

Визенталю хотелось верить, что Рошман превратился в преследуемое животное. Он представлял себе, как тот идет по улице, сидит в ресторане или делает покупки, как каждый, кто на него смотрит, вселяет в него страх и даже на своих близких друзей он больше положиться не в состоянии, поскольку те могут его выдать. (Кстати, широкая известность, которую приобрел Рошман, привела, помимо всего прочего, к тому, что его стали искать также преступные банды, желавшие получить за его голову вознаграждение.)

Однажды, в июне 1977 года, некий зритель, посмотрев фильм, вышел из кинотеатра, пошел в полицию Буэнос-Айреса и заявил, что Рошман живет на его улице. Проживавший под чужой фамилией преступник был арестован. Среди прочего, он разыскивался также в Гамбурге, и ФРГ попросила о его экстрадиции, но через 24 часа он исчез. Оказалось, что он сбежал в Парагвай. Через четыре недели у него случился инфаркт, и он умер. Поначалу Визенталь прореагировал на это сообщение скептически. «Интересно, кто там умер вместо него?» – говорил он звонившим ему информационным агентствам. Однако через день или два опубликовал сообщение под заголовком «Эдуард Рошман мертв».

3. Запрограммированный друг

Среди множества откликов, полученных Визенталем на «Досье “ОДЕССА”», было письмо, значившее для него больше, чем многие другие. Оно пришло с Кипра от Лео Майера. Майер писал, что книга Форсайта – макулатура. Он считал себя другом Визенталя, и какое-то время тот отвечал ему взаимностью. Однако продолжалось это недолго. У Визенталя были враги и поклонники, но друзей не было. Майеру пришлось убедиться в этом на собственном печальном опыте.

Они познакомились в Линце. Майер был одним из двух полицейских, посланных в свое время в Альтаусзее для слежки за Эйхманом. Отец Майера был нацистом, а сам он добровольно завербовался в вермахт. В его обязанности в полиции входила слежка за нацистскими преступниками, и время от времени ему приходилось заглядывать в Центр документации Визенталя. «Ну что? – подтрунивали над ним коллеги. – Снова идешь выполнять поручения этого еврея?»

Майер старался соблюдать дистанцию. «Вы меня терпеть не можете, верно? А почему, собственно?» – спросил его как-то, заметив это, Визенталь. Майер честно признался, что как сыну своего отца ему трудно работать с охотником за нацистами. «Я знаю, что меня называют охотником за нацистами, – ответил Визенталь, – но это неверно. Я охочусь не на нацистов, а на военных преступников. Были ведь и сотни тысяч порядочных нацистов, как ваш отец, например. Передайте ему от меня привет». Однако когда Майер это сделал, его отец сказал: «Пусть эта еврейская свинья поцелует меня в зад».

Визенталь рассказывал о евреях анекдоты, которые Майера коробили, и он пишет, что не будь сам Визенталь евреем, он бы подумал, что тот антисемит. В качестве примера он приводит такой анекдот. Два еврея сидят после войны в венском кафе и предаются воспоминаниям о пережитом во время Холокоста. «Интересно, что случилось с Блау? – спрашивает один. – Он выжил?» – «С ним, – отвечает второй, – случилось такое, что не приведи Господь. Нацисты выкололи ему глаза, отрезали нос, отрубили руки, отпилили ноги… Тихо! Больше ничего не говори! Он только что вошел в кафе».

Но со временем Визенталь и Майер подружились. Через какое-то время после известия о похищении Эйхмана Майера срочно вызвали в Вену к министру внутренних дел. На столе у министра лежала пухлая папка, где был подшит отчет о результатах слежки за Эйхманом, составленный Майером в 1948

году. Министр отправил его в Иерусалим на суд над Эйхманом в качестве наблюдателя. Визенталь тоже там был. В беседе с общими приятелями он сказал, что если бы мог выбрать себе брата, то выбрал бы Лео Майера. «Как я был горд, когда об этом узнал!» – вспоминал впоследствии Майер.

В 1967 году Майер оказался замешанным в одном из тех скандалов, которые часто сотрясают спецслужбы практически всех государств. Его заподозрили в том, что он сотрудничал со службой безопасности ГДР и продал ей секретные данные о гигантских сталелитейных заводах концерна «Вест». Под суд его не отдали, но история получила широкую огласку, и было проведено парламентское расследование. Его отстранили от должности и вынудили отправиться на Кипр. Там он служил полицейским в войсках ООН.

Ему было тогда 43 года. Он был разочарован жизнью, часто чувствовал себя одиноким и страдал от скуки. Он неоднократно писал Визенталю, что находится на Кипре не по своей воле и что эта служба противоречит его совести, так как он пацифист и ненавидит униформу. У него было ощущение, что он занимается проституцией, и его удерживала там только хорошая зарплата. Чего, писал он, не сделаешь ради денег. В Австрии у него были долги (в числе прочих он задолжал и Визенталю), и из-за них он, по его словам, продал свою душу. Он надеялся скопить денег, чтобы построить дом. Иногда на Кипр приезжала его жена, и на острове у них родилась дочь, что доставило Майеру большую радость (у него был также сын, студент университета), но жена с грудной дочерью часто уезжала в Австрию, и тогда он страдал от одиночества и тоски.

Время от времени он расспрашивал о своих бывших коллегах, хотя и утверждал, что на прежней работе его уже никто не помнит и происходящее там его не интересует. «Мир становится все более безумным, – писал он. – Арабы разрабатывают совершенно новый вид преступности». Однако на службу он возвращаться не хотел. «Ради чего? – спрашивал он. – Ради этого государства? Ради этой зарплаты?»

Однажды он наткнулся на информацию о разыскиваемом нацистском преступнике, который жил в Дамаске, и переслал ее Визенталю. Один или два раза он ездил в Израиль. Визенталь устроил ему там встречу с несколькими из своих знакомых. Однажды Майер поприветствовал Визенталя ивритским приветствием «шалом», а как-то раз предложил взять его на работу. Визенталь ответил, что для Майера у него место всегда найдется, но, поскольку тот был бывшим агентом австрийской службы безопасности, он сомневается, что сможет принять его на

работу официально.

Майер описывал себя как человека спортивного, любителя женщин и алкоголя, но, судя по его письмам Визенталю, был, по-видимому, личностью чувствительной и ранимой. Он делился с Визенталем своими проблемами и заветными мечтами, называл его своим дорогим другом, неоднократно просил у него прощения за то, что плакался ему в жилетку, и писал, что рад иметь друга, которому можно излить душу. По его письмам видно, что он был к Визенталю довольно сильно привязан. Обычно он обращался к нему по имени, «Симон», но иногда шутливо называл «стариком».

Визенталь, человек более закрытый, на «ты» был лишь с немногими, в том числе с Майером. В письмах Визенталь тоже обращался к Майеру как к другу и писал, что скучает, но иногда его письма оказывались более сентиментальными, чем ему бы этого хотелось. Даст Бог, наше расставание продлится недолго, написал он Майеру однажды, и добавил в скобках нечто вроде выговора самому себе: «Получилось прямо любовное письмо какое-то». Как-то раз он поделился с Майером радостью по поводу рождения внуков в Голландии и заметил: признак того, что старею. Майер был младше его на 17 лет, но Визенталь тоже ласково называл его «мой любимый старик».

Работа составляла для Визенталя смысл всей его жизни, и кроме как о ней ему, в отличие от Майера, рассказывать было почти нечего. Майер же не раз писал Визенталю о своей заветной мечте: стать писателем и сочинять триллеры.

Служа на Кипре, Майер с тревогой следил за разворачивавшейся на острове трагедией, связанной с его расчленением. Этот маленький остров, писал он, олицетворяет собой бессилие человечества: ненависть и расизм побеждают. Дети видят, как их родители плачут, осознают несправедливость происходящего, играют в войну с деревянными ружьями, и нетрудно вычислить, сколько времени пройдет, пока они поменяют игрушечные ружья на настоящие.

Он рассказывал, что турки вынуждены были бросать свои деревни на юге острова, где они жили триста лет, и переселяться на север, а греки, которых заставили покинуть север, жили в лагерях беженцев на юге и занимали брошенные турками дома. Он уподоблял этот процесс выселениям, производившихся нацистами. После суда над Эйхманом, писал он, человечество так ничему и не научилось. В таких обстоятельствах Майер написал сначала первый свой роман, а затем и второй. Последний назывался «Запрограммированный агент». Его главный герой – журналист, приезжающий в Иерусалим, чтобы освещать суд над Эйхманом.

Будучи писателем начинающим, Майер, с одной стороны, верил в свои силы, но с другой – испытывал мучительные сомнения относительно того, способен ли он написать настоящую книгу. «Я живу в сильном напряжении. Может быть, все это было напрасно?» – спрашивал он и тут же пытался себя утешить: «Видимо, такое происходит с каждым писателем, пока он не увидит свою книгу опубликованной». Черновые наброски он посылал Визенталю, и тот заверял его, что читал их внимательно, строчка за строчкой. Он присылал Майеру многочисленные замечания, касавшиеся сюжета, фабулы и персонажей. Надо, писал он, усилить образ журналиста, так как сейчас тот выглядит каким-то идиотом, и лучше, если доктор Рабинович будет жить не в Беэр-Шеве, а в Реховоте и работать в Институте Вейцмана.

Майер его слушался. Он вновь и вновь перечеркивал написанное и писал заново. «Я, – сообщал он Визенталю, – выполнил твои указания в точности. Ведь это же наша общая книга, и я понимаю, что твои замечания по существу и правильны». Но время от времени он просил Визенталя сказать ему и что-нибудь ободряющее. «Подбодри меня немножко, Симон, – умолял он. – Я в этом нуждаюсь».

Визенталь получал от этого литературного приключения удовольствие и старался помочь Майеру чем мог, в частности вел переговоры с литературными агентами и издательствами. Однако продать книгу оказалось непросто. У парижского литературного агента Визенталя были сомнения. Он опасался, что время «джеймсов бондов», сражавшихся с КГБ, прошло, так как наступила эпоха разоружения, и считал, что компромисс, достигнутый западным и восточным блоками, требовал новых сюжетов.

Майер завидовал Форсайту и мечтал быть вторым Йоханнесом Марио Зиммелем. Это был популярный австрийский писатель, упоминавший в одной из своих книг Визенталя.

Английскую версию романа «Досье “ОДЕССА”» Майер прочел на Кипре. Книга, считал он, обречена на успех, поскольку соответствовала психологии американского читателя. Однако борьбе с нацизмом, которую Визенталь и он вели на политическом и педагогическом фронтах, она, по его мнению, помочь не могла, а в ФРГ и Австрии ее не могли воспринять иначе как дешевое чтиво. В развлекательной литературе, писал он, нацисты подобны соли в супе: их надо использовать очень умеренно, а суп Форсайта слишком соленый.

Ему было нелегко смириться с успехом книги Форсайта, в то время как он сам затруднялся найти издателя для своей собственной, и он начал впадать в отчаяние. Видимо, писал он

Визенталю, мою книгу никогда не опубликуют и писателем мне не стать. Ядовитую рецензию на «Досье “ОДЕССА”» в журнале «Шпигель» он прочел с явным удовольствием. «Мой “Запрограммированный агент”, – писал он, – намного лучше, но никто не хочет верить, что это так».

Визенталь не любил, когда его критикуют, но на этот раз с Майером согласился. «Я признаю, – писал он Майеру, – что английская версия книги содержит много такого, чего человек, знающий столько, сколько ты, принять не может». Однако, по его словам, издательство, собиравшееся публиковать роман Форсайта в переводе на немецкий язык, обратилось к нему с просьбой пройтись по тексту, и он многое в нем изменил и вычеркнул. Немецкое издание, пообещал он, будет уже более приемлемым. Все это время он продолжал искать издателя для книг Майера.

С 1977 года сочинения Майера начали наконец-то публиковаться. Майер выбрал себе псевдоним «Лео Франк». Макс Лео Франк был американским евреем, признанным виновным в убийстве одной из его работниц. В 1915 году антисемитски настроенная толпа его линчевала. Визенталь упомянул его в одном из своих выступлений в Лос-Анджелесе. Некоторые из книг Майера-Франка удостоились успеха и даже были экранизированы на телевидении.

Со временем связь между Майером и Визенталем стала ослабевать, и в конце 1979 года, чувствуя, что друга теряет, Майер послал Визенталю письмо, напоминающее по тону письмо брошенного влюбленного. Он писал, что никогда не забудет, как Визенталь сказал в Иерусалиме, что выбрал бы его в качестве брата, и за прошедшие с тех пор годы его «почти детское восхищение» Визенталем нисколько не уменьшилось. «Я позволю себе утверждать, – писал он, – что всегда приходил к тебе на помощь, когда ты во мне нуждался, но когда я сейчас об этом думаю, то прихожу к выводу, что, по-видимому, был для тебя лишь одним из многих и в течение последних тридцати лет попросту обольщал себя иллюзей, полагая, что имел для тебя такое же значение, какое твоя дружба имела для меня».

Он писал, что не знает, читал ли Визенталь «Запрограммированного агента» (как будто забыл, что книга родилась в результате их сотрудничества), но надеялся, по его словам, что Визенталь сделает для рекламы его романа больше, написав о нем что-нибудь в газетах. Он чувствовал себя преданным. «Судя по всему, я преувеличивал твою способность, а главным образом готовность этим заниматься. Да и с чего бы тебе это делать? У тебя ведь наверняка есть и другие заботы… Я пришел к выводу, что с моей стороны надеяться на что-то в этом

плане было всего лишь глупостью и иллюзией. Но, как говорят англичане, no hard feelings».

В конце письма он уподобляет свои отношения с Визенталем отношениям с собственным отцом.

Это письмо проливает свет не только на личность Майера, но и на личность Визенталя. Визенталь умел вызывать у других людей любовь, но не очень хорошо умел отвечать взаимностью. Во всяком случае, не в той степени, на какую любившие его надеялись.

Тем временем у него и в самом деле были другие заботы.

4. Террор против евреев

28 сентября 1973 года несколько палестинских террористов сели на пассажирский поезд, следовавший из Словакии в Вену. Среди пассажиров поезда были в том числе евреи из Советского Союза, собиравшиеся переехать на постоянное место жительства в Израиль. Террористы захватили троих из них и одного австрийца в заложники, а в обмен на их освобождение потребовали, чтобы австрийское правительство обязалось закрыть «лагерь Шонау», под которым подразумевался расположенный возле Вены замок, служивший промежуточной станцией на пути евреев из Советского Союза в Израиль.

Нападение на поезд было одной из антиеврейских акций, осуществленных палестинскими террористическими организациями в 70-е годы в разных странах мира; часть этих акций были проведены палестинцами совместно с западногерманскими и другими террористами. Они похитили несколько пассажирских самолетов, убили израильских спортсменов на Мюнхенской Олимпиаде и совершили целый ряд других серьезных терактов.

Канцлер Крайский разрешил террористам покинуть Австрию на самолете, и в конечном счете те прибыли на нем в Ливию. Кровь не пролилась, но Визенталь был в шоке.

Через несколько дней после этого премьер-министр Израиля Голда Меир приехала в Вену, чтобы отчитать Крайского за то, что тот пошел террористам на уступки. Встреча была тяжелой. «Даже стакана воды мне не предложил», – сказала Меир, вернувшись домой. «Полный разрыв с Крайским», – объявили израильские газеты. Правда, поначалу было неясно, чем именно осложнение отношений объяснялось: тем ли, что Крайский уступил террористам, или же тем, что заставил Меир страдать от жажды.

Австрийцы очень обиделись. Даже много лет спустя верная помощница Крайского Маргит Шмидт все еще не могла успокоиться и в тысячу первый раз рассказала, как заранее подготовила для Меир специальную комнату, чтобы та могла перед встречей с канцлером немного отдохнуть, однако Меир заявила, что хочет видеть Крайского немедленно. Не может быть, сказала Шмидт, чтобы канцлер не предложил Меир кофе, а кофе в Австрии всегда подают с водой.

Сказав, что Крайский не дал ей воды, Меир на самом деле имела в виду, что тот ответил отказом на ее требования, но, как показывает израильский протокол беседы между Меир и Крайским, это тоже не совсем верно. Крайский сообщил ей, как

развивалась история с нападением на поезд, и сказал, что, если бы не пошел на уступки, террористы бы убили заложников. Меир же настаивала, что с террором необходимо сражаться. Она приехала в Вену с конгресса Социалистического интернационала в Страсбурге, где удостоилась теплого приема, и, по понятным причинам, ожидала от Крайского – социалиста и еврея – горячей поддержки. Однако когда тот стал доказывать, что, выполнив требования террористов, поступил правильно, она сочла необходимым напомнить ему о его долге перед еврейским народом и научить бороться с террором. «Израиль, – сказала она, – стоит перед дилеммой: жить ему или не жить», но поскольку Крайский подарил террористам победу, то он, по ее словам, подверг тем самым опасности не только жизнь израильтян по всему миру, но и жизнь каждого еврейского ребенка. «Мы, евреи и израильтяне, стали для всего мира головной болью; у нас большой опыт», – сказала Меир. И не забыла добавить: «В детстве я видела погром».

Крайский пожаловался, что получает от евреев – и в особенности от заграничных еврейских организаций – письма с оскорблениями, в то время как австрийские рабочие, наоборот, присылают ему телеграммы, где благодарят его за то, что он спас евреям жизнь. Конфликт между Меир и Крайским был очень личным: трудно найти людей более разных. Меир была ограниченной и подозрительной женщиной, считавшей, что весь мир относится к Израилю и еврейскому народу враждебно. Крайский же был государственным деятелем, мыслившим во всемирных категориях. Он сказал Меир, что противоречия между ними носят характер принципиальный, что по многим пунктам они никогда не придут к согласию и что он не мог бы «нести на своей совести гибель людей». «Тогда нам придется сражаться с террором в одиночку», – ответила Меир.

Однако вопреки тому, что Меир говорила по возвращении домой, Крайский вовсе не сказал, что собирается закрыть Австрию для евреев, направлявшихся из Советского Союза в Израиль. Он напомнил Меир, что его страна неоднократно принимала у себя беженцев – будь то евреев, уцелевших во время Холокоста, или людей, бежавших из Румынии, Венгрии и Польши, – но отметил, что в замке Шонау гарантировать евреям безопасность больше нельзя, хотя бы потому, что Израиль слишком сильно этот замок «разрекламировал». «Если бы Шонау не приобрел такой известности, – сказал канцлер через несколько недель в разговоре с израильским послом, – возможно, ничего бы и не случилось».

Крайский хотел, чтобы в переправке евреев в Израиль

принимали участие и другие страны и чтобы этим занялся комиссар ООН по делам беженцев. Он сказал, что Шонау не предполагается закрывать прямо сейчас, что это будет процесс постепенный, и пообещал найти ему на территории Австрии какую-нибудь замену. «Это проблема чисто техническая», – заверил он Меир. Но таких обещаний ей было мало. Она хотела, чтобы Крайский признал, что арабских террористов надо убивать. Арабы, объяснила она, никогда с собой не кончали; поэтому их надо уничтожать, а не вступать с ними в переговоры, иначе они снова будут совершать теракты. Японцы, добавила она, с собой кончают, а арабы – нет. Применительно к терроризму той эпохи это было верно, но Крайский ответил: «Это утверждение ненаучное. Это вопрос психологический, и об этом можно спорить». Меир саркастически заметила, что президент Египта уже отправляет в Вену специального посланника, чтобы выразить благодарность за закрытие Шонау. Крайский возразил, что это не так. Речь, сказал он, идет о человеке, в прошлом занимавшем должность посла Египта в Австрии.

Египетским посланником был Исмаил Фахми, вскоре назначенный министром иностранных дел. Он сказал Крайскому, что в Египте пришли к выводу, что иного выхода, как начать войну с Израилем, нет. Крайскому не хотелось в это верить, и он спросил, неужели египтяне и в самом деле настолько отчаялись. Египтяне, ответил Фахми, не могут примириться с мыслью о поражении в Шестидневной войне и решили до конца 1973 года объявить Израилю войну. Через два дня после этого, в Йом-Кипур, Египет и Сирия неожиданно напали на Израиль, и началась самая тяжелая война со времен Войны за независимость.

Израильскому послу в Вене Ицхаку Патишу Крайский рассказал об этом разговоре только дней через десять после начала войны. Извинившись за то, что не сделал этого раньше, он объяснил это тем, что не отнесся к словам Фахми всерьез и, кроме того, сразу же после встречи с Фахми отправился в Верхнюю Австрию вести предвыборную кампанию. Получивший донесение Патиша чиновник израильского Министерства иностранных дел был потрясен. «Этот человек утверждает, что знал о готовящемся нападении арабов, но не нашел нужным нас предупредить?!» – написал он послу и добавил, что из-за войны премьер-министр пока еще не нашла времени высказать свое мнение об этом «открытии».

Через какое-то время после этого Крайский приехал с визитом в Израиль и ближе к концу визита встретился с родителями двух израильтян, находившихся в сирийском плену; оба они были тяжело ранены. Вернувшись домой, Крайский

сообщил Меир по большому секрету и только для ее личного сведения, что попросил главу правительства Сирии их освободить. Один из сторонников Крайского рассказал, что он также пытался вызволить нескольких еврейских девушек, которых в Сирии заставляли заниматься проституцией.

Кроме того, Крайский по-прежнему разрешал евреям Советского Союза выезжать в Израиль через Австрию, и это было, возможно, самым важным вкладом в реализацию сионистского проекта. Он делал это в том числе и потому, что парадоксальным образом чувствовал себя – вместе с другими австрийцами – ответственным за нацистские преступления. Он знал также, что в Австрии усиливается активность неонацистов. Визенталь тоже это ощущал. Он держал в своем Центре специального сотрудника, в чьи обязанности входило отслеживать неонацистские публикации. Интересовала эта тема и израильский Моссад.

С отрицателями Холокоста Визенталь боролся в присущей ему манере. Однажды он вступил в странную и сварливую переписку с американской организацией, предложившей ему пятьдесят тысяч долларов, если он докажет, что хотя бы один еврей был умерщвлен с помощью газа. В другой раз он узнал, что Герман Геринг продолжал числиться почетным гражданином австрийской деревни Маутерндорф, и понадобилась общественная кампания, чтобы убедить деревню вычеркнуть имя Геринга из списка почетных граждан. Немецкому же историку Иоахиму Песту Визенталь написал, что выражение «военные преступники» преуменьшает преступления нацистов, так как большинство их преступлений вообще не были связаны с войной.

Отрицатели Холокоста его травили. Когда он подал в суд на известного неонацистского активиста Манфреда Редера, группа хулиганов встретила его в зале суда антисемитскими выкриками. Чем известнее он становился, тем больше получал писем с оскорблениями; ругательства во многих из этих писем напоминали те, что пишут на внутренней стороне дверей общественных туалетов. В его архиве также хранится письмо, к которому отправитель приложил кусочек мыла. Визенталь часто не выдерживал и начинал плакать.

Глава шестнадцатая. «У господина Визенталя, утверждаю я, были другие отношения с гестапо, чем у меня»

1. Перед вторым раундом

В середине 1974 года Визенталь послал одного из добровольцев, работавших в Центре документации, в банк, чтобы тот инкассировал несколько чеков. «Я пошел на площадь Святого Стефана, – рассказывал впоследствии Михаэль Штергар, – и обнаружил, что банк закрыт. Я вернулся в Центр. Визенталь очень испугался. “Что это значит «закрыт»? – закричал он. – Что это значит «закрыт»?” – “Не знаю, – сказал я. – Закрыт”. – “Если банк закрыт, – сказал Визенталь, – значит, и мы можем закрываться”. Он побежал в банк и узнал, что тот разорился. “Всё, – сказал он, – мы закрываемся”».

Трудно сказать, в какой степени разорение банка и в самом деле подвергало Центр Визенталя опасности, но новость о том, что Центр закрывается, едва ли не затмила собой новость о том, что лопнул банк. Визенталь попросил помощи у правительства Голландии и у короля Швеции. В Центр снова потекли пожертвования. В результате Центр – который был для Визенталя всем – не закрылся, но вдруг владельцы дома на площади Рудольфа потребовали от Визенталя освободить помещение, и, естественно, он очень расстроился.

Дело в том, что жители дома (многие из них были рядовыми гражданами и среди них было несколько евреев) начали получать письма с угрозами. Они пожаловались на это владельцам, а те, в свою очередь, потребовали, чтобы Визенталь съехал. «Квартира в жилом здании, – заявили они, – не должна использоваться для деятельности, которая может повлечь за собой террористический акт. Господин Визенталь должен работать в офисном здании, где опасность, что из-за него пострадают целые семьи, будет меньше».

Визенталю пришлось искать новое помещение. Это было непросто, и он нуждался в поддержке. Помощь пришла от представителя семейства подрядчиков Негрелли, чьи предки принимали участие в прокладке Суэцкого канала. К счастью, переезжать пришлось недалеко: офисное здание в переулке Зальцтор находилось недалеко от площади Рудольфа. Визенталь часто говорил, что это здание построено на месте, где раньше находилось гестапо, и это было близко к истине.

Как у него самого, так и у его помощников сложилось ощущение, что все надо начинать заново.

По этому случаю Визенталь нанял новую секретаршу.

Роза-Мария Аустраат пришла по объявлению, опубликованному Визенталем в газете. Он расспросил ее о

прошлом, и она рассказала, что была замужем, имела троих детей и нуждалась в работе, так как ее муж разорился и в результате последовавших за этим финансовых осложнений попал в тюрьму. Визенталь спросил ее, была ли она в этом замешана, и поверил, когда та ответила отрицательно. Также он спросил, не боится ли она работать в еврейском учреждении.

Она рассказала ему о своем отце. Он стал членом нацистской партии, когда та еще была вне закона, но сделал это, по ее словам, не потому, что разделял нацистскую идеологию, а полагая, что Австрия должна присоединиться к Германии. Во время войны он воевал в Норвегии, но в военных преступлениях замешан не был.

Когда Роза-Мария училась в школе – в то время она жила в федеральной земле Каринтия, – их класс повезли на экскурсию в Вену, и они побывали в том числе на выставке, посвященной Освенциму. Это оказало сильное влияние на формирование ее личности: именно тогда она отчетливо поняла, где пролегает граница между добром и злом. Она хорошо знала, кто такой Визенталь, и, когда он взял ее на работу, была очень взволнована. Она хранила верность Визенталю до конца его дней и очень его любила.

Роза-Мария была с ним на «вы», обращалась к нему «босс» или «господин инженер», но за спиной ласково называла «босси». Он же обращался к ней по имени и был с ней на «ты», как если бы она была маленькой девочкой. Иногда она приносила домашнее печенье или пирог, подстригала ему волосы или смазывала мазью больную ногу. Визенталь в ней нуждался.

«Уже давно я не был занят так, как сейчас, – писал он своему знакомому летом 1975 года. – Казалось бы, со временем работы должно становиться меньше – но нет: ее становится все больше и больше».

Примерно в это же время он попал в неприятную – и странную – историю, которая привела к одному из самых больших кризисов в его жизни.

У Бруно Крайского был брат старше его на два года. Звали его Пауль. По словам Крайского, вскоре после рождения Пауль заболел полиомиелитом и, как следствие, стал отставать в умственном развитии. Однако по другой версии, Пауль пострадал в результате несчастного случая, получив удар железным ломом. Так или иначе, но он, пишет Крайский, был любимцем матери, ибо родители часто любят больных детей больше, чем здоровых.

После присоединения Австрии к Германии Пауль Крайский уехал в Палестину; он считал себя сионистом и поддерживал ревизионистское движение Жаботинского. В Израиле его

называли «Шауль». Он завел семью, но со временем оказался в трудном положении. Один венский журнал опубликовал серию фотографий, на которых он был изображен среди каких-то тряпок и из которых явствовало, что брат австрийского канцлера живет в Иерусалиме в одиночестве, в нищенских условиях и зарабатывает на жизнь починкой одежды.

В своих воспоминаниях Бруно Крайский счел необходимым упомянуть о том, что у брата были «странности», часто причинявшие ему (Бруно Крайскому) большие неприятности, так как его политические противники неоднократно провоцировали брата делать всякого рода скандальные заявления, а в Израиле, по словам Крайского, были люди, его противникам помогавшие. Например, однажды, пишет он, они уговорили брата сыграть в фильме роль попрошайки, привели его к Стене Плача, велели просить милостыню и все это засняли. На самом же деле, пишет Крайский, я посылал брату щедрую денежную помощь. Позднее он также нанял для больного брата опекуна, израильского адвоката Ехезкеля Бейниша, и тот ежедневно о Пауле заботился.

Посол Патиш считал, что визит в Израиль помог Крайскому избавиться от страданий, которые причиняла ему история с братом. «Тот факт, что сын его брата служит офицером в израильской армии, наполняет его галутное[8] еврейское сердце гордостью, и он хвастается этим среди своих друзей», – докладывал Патиш и отмечал, что во время посещения мемориала «Яд-Вашем» австрийский канцлер попросил показать ему списки погибших родственников. Одним словом, делал вывод Патиш, у Крайского наблюдаются «определенные перемены к лучшему»: по-видимому, он «выздоравливает» и вступил в стадию «примирения».

Через несколько месяцев после этого Шауль Крайский исчез.

Что именно с Шаулем произошло, так и осталось невыясненным, но канцлер считал, что его брата похитила израильская служба безопасности и что за похищением стоял не кто иной, как Визенталь, хотевший заставить его брата сделать какое-нибудь неприятное для него, Крайского, заявление, дабы тот пошел Визенталю на уступки. Трудно сказать, на основании чего Крайский к этому выводу пришел, но он повторял это неоднократно. Самому Визенталю об этом рассказывали журналисты. Слышал это от Крайского – причем, судя по всему, не один раз – и сменивший Патиша на посту посла Авигдор Даган.

«Крайский, – испуганно докладывал он в октябре 1975 года, – позвонил мне домой и в процессе разговора, длившегося около двадцати минут, орал так, словно его охватило безумие». В своей

телеграмме, помеченной грифом «срочно и совершенно секретно», Даган сообщал, что, по словам Крайского, его брат исчез уже больше месяца назад и, по-видимому, его держат в Голландии, где у Визенталя много друзей. При этом канцлер проклинал и оскорблял Визенталя в таких выражениях, которые посол счел необходимым привести по-немецки, назвал Визенталя «сволочью», приписал ему различные мерзкие поступки и заявил, что «на крест не пойдет» – в том смысле, что будет сражаться с Визенталем до конца. «Я чувствовал, – пишет Даган, – что канцлер уже на грани психического расстройства, и постарался закончить разговор как можно быстрее». Однако тот от него не отставал. «В какой-то момент, – сообщал Даган еще через несколько месяцев, – он снова разбушевался и начал опять, в уже знакомом нам тоне, говорить о Визентале и похищении брата». В связи с этим посол просил начальство проинформировать его о том, что произошло.

Через несколько лет после этого Визенталь написал сыну Бруно Крайского, Петеру, письмо, в котором изложил собственную версию того, «что произошло». По его словам, в Иерусалиме Шауль Крайский повстречался с каким-то бизнесменом-евреем из Франкфурта, предложившим ему познакомиться (возможно, с целью женитьбы) с его – тоже проживавшей во Франкфурте – сестрой-вдовой и взялся оплатить Шаулю поездку. Однако отправившись во Франкфурт, Шауль не предупредил об этом служившего в армии сына Йоси. Через несколько дней Шауль вернулся. Полиция Израиля проинформировала обо всем этом австрийское посольство, и эта информация дошла до Визенталя. «На мой взгляд, – писал он Петеру Крайскому, – это похоже на забавный анекдот». Ни сам он, ни его друзья, по его словам, в этом замешаны не были.

В своих воспоминаниях Крайский пишет, что именно эта история с «похищением» стала основной причиной его тяжелого конфликта с Визенталем, и Петер Крайский тоже считал, что именно она побудила отца объявить Визенталю войну. Но в любом случае первому раунду столкновения между ними (пятью годами ранее) суждено было поблекнуть в сравнении с тем ударом, который Крайский готовился нанести по Визенталю сейчас. Эхо скандала, разразившегося вскоре после этого, разнеслось по всему миру. Однако истинной причиной конфликта была вовсе не история с «похищением»: его корни лежали глубже, в области психологии. Это был конфликт двух евреев, возомнивших себя великими. В маленькой Вене для них двоих попросту не было места.

2. Открытие Жюля Гуфа

Вполне возможно, что все началось на юге Австрии, в долине Лунгау, в крохотном городке Санкт-Михеле, где проживали две тысячи человек, кормившихся за счет расположенного в окрестностях лыжного курорта и гордившихся красивыми восходами, которыми их одаряло солнце. В конце Второй мировой войны один из жителей городка отказался признать поражение Третьего рейха, организовал собственное спецподразделение и решил продолжать сражаться. Его звали Рихард Гохрайнер. Визенталь рассказал эту историю в своей газете. По его словам, на горном лугу, расположенном неподалеку от Санкт-Михеля, Гохрайнер и другие местные «герои» схватили и убили девять сбежавших из концлагеря евреев.

Последующие десять лет Гохрайнер прожил под чужим именем, но в конце концов полиция его личность установила, он был арестован, в 1962 году предстал перед судом присяжных по обвинению в убийстве, был признан виновным и приговорен к семи годам тюрьмы, однако подал апелляцию и выиграл, причем оба решения были приняты большинством голосов (шесть против двух). Когда он вернулся домой, жители Санкт-Михеля встретили его цветами. Он вступил в Либеральную партию, но при этом поддерживал хорошие отношения с социал-демократами. В начале 1975 года, по договоренности обеих партий, его избрали мэром Санкт-Михеля. Если так пойдет и дальше, опасался Визенталь, вскоре вся Австрия станет одним большим «Санкт-Михелем».

Приближались выборы в австрийский парламент. В архиве Визенталя сохранилась листовка за его подписью, призывающая его сторонников голосовать за консервативную Народную партию. Формулировки в листовке очень резкие. Например, в ней говорится, что «Крайский предал еврейский народ и демократию». Уверенности, что Социал-демократическая партия Крайского сможет сформировать новое правительство, накануне выборов не было, и политические комментаторы полагали, что ему придется создать коалицию с Либеральной партией. При таком раскладе вице-премьером должен был стать лидер этой партии Фридрих Петер. Посол Даган срочно запросил из Иерусалима указаний.

Озабоченность Дагана была вызывана тем, что в 1938 году Петер вступил в нацистскую партию и вскоре после этого завербовался в СС. Об этом знали все, но чем он там конкретно

занимался, никого особо не волновало. Сам Петер утверждал, что служил в «общем СС», некоторые из членов которого непосредственно в убийствах замешаны не были. Однако в архивах сохранилась информация, которая общественности известна не была и согласно которой в 1969 году Петер был допрошен и признал, что служил не в «общем» СС, а в боевом, а именно в Первой пехотной бригаде. При этом, правда, он заявил, что ничего об акциях бригады против гражданского населения не знал, а затем и вовсе из нее ушел, после чего учился на офицерских курсах и служил уже в другом подразделении, в Пятой роте. Также он утверждал, что в убийствах евреев не участвовал и никогда не только не видел, но даже не слышал, чтобы этим занималось его подразделение.

«В прошлом, – докладывал посол Даган, – наше отношение к партии Петера было – по известным причинам – весьма прохладным, и никаких усилий, чтобы это изменить, я не предпринимал», но, по словам Дагана, каждый раз, как он встречался с Петером на каких-нибудь публичных мероприятиях, тот пытался с ним сблизиться. «Он, – писал посол, – всячески демонстрирует свою заинтересованность в установлении дружеских отношений».

Кроме того, Петер любил хвастаться своими связями с руководителями Либерального интернационала и, в частности, с одним из руководителей израильской Либеральной партии, обвинителем на суде над Эйхманом Гидеоном Хаузнером. Перед выборами Петер вместе с канцлером Крайским съездил в лагерь смерти Освенцим, и позднее Крайский сказал, что Петер получил там «важный урок». Как вспоминал голландский журналист Жюль Гуф, венские циники шутили, что Петер поспешил уехать из Освенцима, испугавшись, что Крайский откроет кран и пустит газ.

К середине сентября 1975 года, примерно за две недели до выборов, у Визенталя была готова уже целая папка документов, относившихся к периоду службы Петера в СС.

Визенталь говорил, что начал работать над делом Петера случайно. Как-то раз он вернулся из отпуска и решил навести порядок на письменном столе. «Только тот, кто видел мой стол, знает, какая это трудная задача, – пишет он. – Обычно он завален горами папок. Это значит, что мне нужно просмотреть каждую бумажку и решить, отправить ли ее в архив или оставить для дополнительного изучения. Есть документы, которые я уже поверхностно просматривал и теперь изучаю более тщательно, а есть документы совершенно новые, и мне их надо еще рассортировать». Занятие это, продолжает Визенталь, утомительное, но и творческое, «в нем есть нечто от поисков

клада».

Его прекрасная память – которая, по его словам, напоминала компьютер – почти всегда помогала ему находить что-нибудь неожиданное. Произошло так и на этот раз. Среди многочисленных просмотренных бумаг ему попался список младших командиров СС, которых планировалось послать на офицерские курсы. Все они служили в Первой пехотной бригаде СС, известной своими преступлениями на территории Советского Союза. Визенталь стал проглядывать их имена и вдруг наткнулся на имя «Фридрих Петер». «Я знал, что держу в руках бомбу с часовым механизмом, – пишет он и добавляет: – Незадолго до того, как я это обнаружил, в Вене был опубликован военный журнал Первой пехотной бригады СС».

Это неточно: военный журнал Первой пехотной бригады СС, содержавший ужасающие подробности нескольких совершенных ею преступлений, был опубликован примерно за десять лет до того, а голландский журналист Жюль Гуф утверждает, что неверно и то, будто Визенталь обнаружил документ с именем Петера случайно, наводя порядок на письменном столе. По словам Гуфа, это открытие сделал он сам. Видя, что Петер может вскоре стать вице-канцлером Австрии, он решил изучить связанные с ним материалы, хранившиеся в редакции журнала «Профиль», включая личное дело Петера в СС, но, поскольку названия частей, в которых служил Петер, были обозначены в документах аббревиатурами, которых Гуф не понимал, он показал эти документы Визенталю. Так и выяснилось, что Петер служил в подразделении, занимавшемся убийствами.

Не исключено, впрочем, что Визенталь знал все это еще раньше, но в любом случае возникал вопрос, что со всей этой информацией делать. Ее публикация перед выборами могла только повысить популярность Петера и повредить как самому Визенталю, так и еврейской общине. Визенталь решил посоветоваться со своим другом Паулем Гроссом. Это был умный и опытный еврей, которого впоследствии избрали президентом общины и который знал, как следует поступать евреям диаспоры, попавшим в такую ловушку. Он посоветовал Визенталю передать эту «бомбу замедленного действия» – еще до выборов – президенту страны Рудольфу Кирхшлегеру. Пусть, мол, тот сам ломает голову, что с этим делать.

Когда Визенталь работал над делом Петера, произошла неприятная история, которая сильно вывела Визенталя из равновесия, и не исключено, что его решение нанести столь болезненный удар по одному из австрийских политиков имело целью смягчить удар, нанесенный ему самому. Дело в том, что

как раз тогда в Израиле была опубликована книга Исера Харэля о похищении Эйхмана, где Визенталь даже не упоминался, и, когда журналисты спросили бывшего начальника службы безопасности, что это значит, тот ответил, что Визенталь в поисках Эйхмана никакого участия не принимал.

Такие утверждения Визенталю приходилось опровергать и раньше, но от Харэля ему это было слышать особенно обидно: ведь за несколько лет до того он пытался связать его со своим литературным агентом и даже передал Харэлю – через своего бывшего шефа в Моссаде, Элазара, – предложение заключить договор на книгу. Но особенно разозлило Визенталя заявление Харэля, потому что его процитировала газета «Нью-Йорк таймс». Придется мне, писал он в одном из писем, бороться за свою репутацию. Через шесть дней после этого он пришел на аудиенцию к президенту Кирхшлегеру и передал ему папку с делом Петера.

На парламентских выборах партия Крайского получила хоть и маленькое, но большинство, и вступать в коалицию с либералами ей не понадобилось. Израильский посол Даган торжествовал. «Теперь, – писал он, – мне не придется контактировать с министрами этой [Либеральной] партии, чье прошлое хорошо известно». Он послал в Иерусалим документы, переданные Визенталем Кирхшлегеру перед выборами, и сообщил, что Петер «оказывается… участвовал в убийствах». По его словам, Визенталь собирался вот-вот – уже на этой неделе – предать эти сведения огласке на пресс-конференции, и ожидался скандал. Иерусалим попытался воодушевление Дагана по этому поводу слегка остудить, но посол возразил: «Мы не должны делать акцент на том, что Визенталя не поддерживаем. Поддержать его мы не можем, но и мешать ему, на мой взгляд, тоже не в наших интересах».

Визенталь пребывал в эйфории. Один из бывших помощников случайно увидел его, когда он ехал на пресс-конференцию. Визенталь притормозил потрепанный «пежо», на котором в то время ездил, и взволнованно крикнул: «Поехали со мной! Скорее! Скорее! Я еду в “Отель де Франс”! Пресс-конференция! Петер – убийца!»

Вообще говоря, особой политической необходимости разоблачать Петера уже не существовало: в его поддержке Крайский больше не нуждался и приглашать его в свое правительство формально не был обязан. Но поскольку большинство, полученное партией Крайского, было незначительным, Визенталь вполне мог опасаться, что Крайский не устоит и поступит так же, как поступили социал-демократы в

Санкт-Михаэле. И все же главной причиной того, что он устроил пресс-конференцию, стало, скорее всего, не это; по-видимому, он просто не сдержался и решил отомстить Крайскому за то, что тот сделал пятью годами ранее.

3. Раскаты грома

Крайский категорически отрицал, что страдал от еврейского комплекса, и даже через много лет после смерти канцлера его бывшие помощники продолжали с трогательной преданностью доказывать, что такого комплекса у него не было. Однако он был канцлером страны, многие из граждан которой все еще оставались нацистами; о его еврействе ему постоянно напоминали; да и сам он был на этой теме сильно зациклен. «Еврейский вопрос, – докладывал израильский посол, – его буквально пожирает». Свое еврейское происхождение Крайский считал чем-то вроде горба, сильно осложнявшего ему жизнь. Скрыть его было нельзя, но и отрекаться от него, по словам Крайского, было столь же бессмысленно, как, например, «отрицать, что твоя мать – проститутка».

Семья Крайского происходила из Богемии, но сам он родился в Вене. В своих воспоминаниях он пишет, что религии его родители большого значения не придавали, и особо подчеркивает, что его родственники работали по субботам, вступали в брак с неевреями и ели свинину. С антисемитизмом, по его словам, ему пришлось столкнуться всего один раз. Отец попытался записать его в спортивный клуб, и ему было сказано: «евреев не берем», – в результате чего Крайскому пришлось тренироваться в другом клубе, где евреев было много. Однако, пишет он, «друзей-евреев у меня за всю мою жизнь было очень мало».

Он прочел много книг по еврейской тематике и пришел к выводу, что евреи – не раса и не нация, а всего лишь группа людей, объединенных общей религией и судьбой. Сионистское же движение (родившееся, как и Крайский, в Вене) утверждало прямо противоположное: что евреи – это именно нация, только покинувшая землю своих предков, и, если они хотят выжить, им надо туда вернуться и создать собственное государство. Многие считали, что Холокост был убедительным тому доказательством.

Израильское посольство проявляло интерес к прошлому Крайского. В одном из посольских отчетов, например, говорится, что в 1935 году тот покинул еврейскую общину, заявив, что в еврейского Бога не верит и считает себя «социалистом-атеистом». Два этих слова взяты в тексте отчета в кавычки. При этом, отмечает посольство, в христианство Крайский не перешел. Эти слова в отчете подчеркнуты.

Однако следующий израильский посол эту информацию (по-видимому, после разговора с самим Крайским) откорректировал.

Из еврейской общины, пишет посол, Крайский никогда не выходил, поскольку никогда к ней не принадлежал; он говорил, что перестал считать себя иудеем в возрасте шестнадцати лет, когда Социал-демократическая партия призвала своих членов покинуть католическую церковь.

В первый раз он был арестован в 1934 году; его обвинили в том, что он занимался запрещенной политической деятельностью. А сразу после присоединения Австрии к Германии его арестовали снова, и несколько месяцев он провел в гестаповской тюрьме. Правда, в конце концов его выпустили, но при условии, что он покинет Австрию, и ему пришлось эмигрировать в Швецию, где он женился на еврейке, еще до их знакомства перешедшей в протестантизм. У них родилось двое детей, сын и дочь, которые были крещены, а в доме – по настоянию жены – праздновали Рождество с елкой и подарками. Крайский, по словам его сына Петера, был от этого не в восторге, но не протестовал.

После войны лидеры социал-демократов решили, что Крайскому и нескольким другим оказавшимся в эмиграции членам их партии в Австрию пока возвращаться не стоило, поскольку они были евреями; это – опасалось руководство – могло партии повредить. Но Крайский эту «пилюлю» проглотил и до 1951 года продолжал жить в Швеции, работая на дипломатической должности. Именно эта вполне вольготная жизнь в Швеции и не позволила ему, по мнению его сына, полностью осознать весь ужас Холокоста. Однако Петер Михаэль Лингенс полагает, что на отношение Крайского к Холокосту повлиял также тот факт, что когда-то он сидел в одной тюремной камере с нацистами, и в его глазах они были всего лишь людьми, которых, как и его самого, преследовали за политические взгляды. Это, полагает Лингенс, сформировало у Крайское «абсолютно искаженное» восприятие Холокоста.

По словам Петера Крайского, все австрийские партии без исключения пытались в то время завоевать голоса нацистов и все старались поскорее о нацистском прошлом забыть. Таким образом, его отец попросту вел себя как все. Иногда они об этом беседовали. Петер знал, что некоторые из их родственников погибли во времена нацизма. Однако его отец смотрел на вещи преимущественно с политической точки зрения. Время от времени Петер организовывал для своих товарищей по учебе разного рода социалистические мероприятия и однажды повел их на экскурсию в Маутхаузен. «Напрасная трата времени, – сказал ему Крайский. – Этим ты ни одного человека в свою организацию не заманишь».

Иногда, хоть и не часто, Петер посещал церковь, но, когда

один из церковных иерархов уподобил аборты убийству евреев в Освенциме и отказался осудить апартеид в Южной Африке, решил расстаться с религией. Формально говоря, отец ему этого делать не запретил, но высказал тем не менее опасение, что кто-нибудь может сказать, будто Петер покидает христианскую церковь под влиянием своего отца-еврея. На самом же деле, когда Петер – без особого шума – с христианством расстался, ничего страшного не произошло.

Как-то раз они заговорили о нацистах, которых в Австрии тогда было еще немало, и Крайский сказал, что проблема решится сама собой, биологически: нацисты просто-напросто состарятся и вымрут. Впрочем, он считал, что когда-нибудь вымрут и евреи.

В своих воспоминаниях Крайский утверждает, что перед выборами предупредил Фридриха Петера, что бывших нацистов в состав будущего правительства не введет, но поверить в это трудно, поскольку в его предыдущем правительстве нацисты были. В любом случае он решил за Петера (в поддержке которого уже даже не нуждался) вступиться – вопреки всем тем фактам, которые привел на пресс-конференции Визенталь. Складывается впечатление, что он сделал это исключительно потому, что на Петера нападал Визенталь. «Политический разум» Крайского в тот момент ему полностью отказал, и верх над ним взяли мотивы личного порядка.

Пока суд, заявил Крайский, виновным Петера не признал, ставить на нем крест нельзя. Да, в юности он совершил ошибку, но ведь то были времена хаоса и неразберихи, и к тому же, когда Петеру, как и большинству австрийцев, пришлось выбирать между коммунизмом и нацизмом, ему было всего семнадцать. Крайский признавал, что сейчас – сорок лет спустя и в демократическом обществе – это понять трудно, но Петер, по его словам, дал ему честное слово, что никогда в убийствах не участвовал. «У меня, – сказал Крайский, – нет причин верить ему меньше, чем Визенталю».

Надо сказать, что ни в каком специфическом преступлении Визенталь Петера не обвинял. Кроме того, до этого он всегда говорил, что коллективной вины не существует и наказывать надо только конкретных людей за конкретные преступления, да и то лишь в случае, если их признает виновными суд. Но похоже, что неприязнь к Крайскому заставила его забыть о принципах справедливости, которыми он руководствовался ранее, и он заявил, что в случае с Петером никакой необходимости в дополнительных доказательствах нет: достаточно и того, что тот двадцать месяцев прослужил в эсэсовской бригаде смерти (чего,

кстати, сам Петер не отрицал).

Через несколько дней после пресс-конференции Визенталя Крайский тоже встретился с журналистами и сильно Визенталя обругал, заявив, что тот «действует методами, напоминающими методы политической мафии». Тремя днями спустя Визенталь подал на него в суд за клевету.

Слух о том, что два знаменитых еврея затеяли публичную свару, быстро разнесся за пределы маленькой Австрии, и газеты всего мира запестрели заголовками. Визенталь раздавал теперь многочасовые интервью журналистам из разных стран, получая при этом бесчисленные телеграммы и письма поддержки (главным образом из Голландии и США); Крайский же продолжал его ругать (в частности, неоднократно повторял, что Визенталь никакой лепты в обнаружение Эйхмана не внес), а в один прекрасный день и вовсе потерял голову. Это произошло во время его встречи с иностранными корреспондентами в клубе журналистов «Конкордия». Стенограмма этой встречи напоминает раскаты грома, которые поначалу слышатся вдалеке и звучат глухо, а затем достигают своего апогея и со всей силой раскалывают небо. В ответ на вопрос корреспондента информационного агентства Ассошиэйтед пресс Крайский разразился длинным монологом, в котором говорил сначала о своем еврействе и о том, как относится к Израилю, но, когда – на пятой странице стенограммы – дошел до Визенталя, стал говорить корявыми, часто обрывавшимися на середине предложениями, и по стенограмме видно, что бушевавшая в его душе буря не только мешала ему выбирать нужные слова, но и нарушила его способность составлять синтаксически связные высказывания.

«Визенталя, – сказал он, – я знаю, в сущности, только по секретным донесениям, а они плохие, очень плохие, да, и я как глава правительства… и как глава правительства я не могу, таким образом… и не потому, что мы принадлежим к одной и той же религиозной общине, которая на самом деле никакая не община, так как это не… мы происходим из совершенно разного культурного окружения, из абсолютно разных религиозных общин, и они действительно были разными. Сотрудничество с господином Визенталем для меня невозможно, и он не должен на это рассчитывать, как невозможно для меня сотрудничество с любым другим человеком, которого я терпеть не могу или не хочу. Вы меня понимаете? И у господина Визенталя, утверждаю я, были другие отношения с гестапо, чем у меня, да, это можно доказать».

После этого Крайский заявил, что все, что он имеет по этому

поводу сообщить, он огласит на судебном процессе, затеянном против него Визенталем, но вместо того чтобы наконец-то с данной темой покончить, продолжал еще долго об этом говорить. «Мои отношения с гестапо совершенно очевидны, – заявил он. – Я был их арестантом… арестантом… и меня допрашивали. Его же отношения [с гестапо] совершенно иные. Я думаю, я это знаю, и это можно будет выяснить».

Он сделал короткий перерыв и продолжил: «Ведь это очень серьезно – то, что я здесь говорю. Ему мало того, что он обиделся и подал на меня в суд. Это будет не так-то просто. Это будет, я надеюсь, большой судебный процесс, потому что у такого человека, как он, нет права выступать в качестве верховного морального авторитета. Я утверждаю, что у него такого права нет. Он не должен зарабатывать на жизнь травлей людей. У него нет такого права».

После этого Крайский заговорил о Петере, повторил, что ему верит, но быстро вернулся к Визенталю. «На мой взгляд, он иностранный агент, использующий методы мафии», – сказал он еще раз, после чего вспомнил дело Аблайтингера, заявил, что Визенталь – не джентльмен и повторил, что тот сотрудничал с нацистами.

«Я только говорю, – продолжал он, – что он не должен становиться непререкаемым моральным авторитетом, и он таковым не является. Я понимаю – он хотел спасти свою жизнь, спастись от нацистов. Каждый пытался сделать это по-своему, верно. Но пусть он не превращает это в фундамент своего морального авторитета». К этому моменту стенограмма была уже длиной в восемь страниц, и Крайский извинился за многословие.

Иностранные корреспонденты спросили его про Петера что-то еще, и он снова заговорил о том, с какими экзистенциальными проблемами столкнулись австрийцы накануне присоединения к нацистской Германии (благодаря чему стенограмма растянулась уже до двенадцати страниц), и тогда корреспондент «Юнайтед пресс» спросил, правильно ли он понял сказанное канцлером, будто Визенталь во время войны был агентом гестапо.

«Я утверждаю, – ответил Крайский, – что во время войны Визенталь проживал в зоне нацистского влияния и его там не преследовали. Да? Он жил открыто, но его не преследовали. Да? Это ясно? И может быть, вы знаете – те, кто с этой темой знаком, – что человек себя такому риску подвергать не может, потому что это не в подполье… пожалуйста, да, чтобы не было недопонимания, не в подполье, он прячется в тайнике, но совершенно открыто, и его не… да… как будто ему не угрожала опасность. Этого, я думаю, достаточно. Было так много

возможностей стать агентом. Это не обязательно должен быть агент гестапо, существовало много и других служб».

Один из корреспондентов спросил, а не может ли канцлер поделиться с ними содержанием тех секретных донесений, о которых он упомянул, но Крайский прервал его на полуслове. «Нет, – сказал он, – это не донесения секретых спецслужб, это показания людей, относящиеся к тому времени». – «А кто эти свидетели? – спросил корреспондент. – Австрийцы или уроженцы других стран?» – «Среди них, – ответил Крайский, – есть австрийцы, немцы… самые разнообразные свидетельские показания. – И после еще одной паузы добавил: – Показания довольно старые». После этого корреспонденты донимали Крайского вопросами в течение еще какого-то времени, а он продолжал с ними пикироваться и ругать Визенталя.

Слухи о «темном» прошлом Визенталя начали циркулировать уже давно – еще с того момента, как он вышел из Маутхаузена, – и ему не раз приходилось их опровергать. Так, в 1952 году выходившая в США еврейская газета «Форворд» спросила его, верно ли, что во время войны он был капо. Вопрос, судя по всему, был задан в результате полученного доноса. «Не знаю, глупая ли это шутка или уголовно наказуемая клевета», – ответил Визенталь и подробно рассказал о своей деятельности по выявлению евреев-коллаборационистов, а также о том, как мешал им получать иммиграционные визы. Впоследствии ему приходилось опровергать такие слухи снова и снова. «Я не сомневаюсь, что во Львове Визенталь работал в юденрате», – сказал много лет спустя Ашер Бен-Натан, но никаких доказательств не привел.

На заявление Крайского Визенталь отреагировал с присущим ему сарказмом. «Он серьезный политик, но ему не нравится быть евреем», – написал он одному из своих американских сторонников. «Единственный, кто не знает, что Крайский – еврей, это сам Крайский», – сказал он при других обстоятельствах. «Крайский, – говорил он также, – это негр, заявляющий, что он не черный». В архиве Визенталя сохранился фотомонтаж: официальный портрет Крайского со свастикой на лацкане пиджака.

Визенталь подал на Крайского еще один судебный иск за клевету, и оба дела были объединены в одно.

До этого момента Визенталь считал Крайского не врагом, а политическим противником. Крайский был предводителем левых, и Визенталь нападал на него «справа». Он критиковал Крайского за то, что тот не прилагал достаточных усилий, чтобы очистить страну от нацизма, и был несогласен с канцлером, когда тот

осуждал политику Израиля на захваченных территориях. Однако на первых порах их политические разногласия ни австрийцем, ни евреем ощущать ему себя не мешали, и он мог с этим жить.

Крайский же с Визенталем ужиться не мог. Тот был для него не просто политическим противником, но и врагом, так как не давал ему чувствовать себя австрийцем. Уроженец маленького галицийского городка, говоривший со своими родителями на идише, Визенталь был «ост-юде»[9], и его внешний вид, акцент, а также его отказ позволить австрийцам затушевать свое преступное прошлое мешали еврею Крайскому убедить своих сограждан, что он один из них: такой же, как они, истинный австриец, который родился в Вене, говорит так же, как говорят в Вене, и чувствует точно так, как чувствуют уроженцы Вены. Его война с Визенталем была, таким образом, войной за выживание. «Я, – писал он, – никоим образом не могу согласиться с тем, что родина моих настоящих предков должна быть мне менее дорога, чем какой-то далекий клочок пустыни, с которым я никак не связан».

Большинство австрийцев встали на его сторону. «Король солнца» (как они его прозвали) никогда еще не пользовался такой популярностью. Визенталя же, наоборот, никогда еще так сильно не ненавидели. Сам того не желая, Крайский как бы намекнул своим соотечественникам, что евреи, выглядящие, говорящие и ведущие себя, как Визенталь, ничего, кроме презрения, не заслуживают. Тот факт, что Визенталь так сильно хотел быть органической частью австрийского общества, придавал этой истории привкус горькой иронии.

Так и получилось, что обмен оскорблениями между двумя венскими евреями вырвался за пределы местного «политического болота» и стал поводом для серьезной исторической и философской дискуссии о национальной гордости и расизме, о национализме и патриотизме, о сионизме и иудаизме.

4. Что такое «еврей»?

В самый разгар бури, вызванной во всем мире заявлением Крайского, канцлеру захотелось встретиться с группой израильских студентов («социалистов, разумеется») и попытаться убедить их, что сионизм базируется на расистских принципах. (В ноябре 1975 года Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции тоже приравняла сионизм к расизму, и хотя Австрия проголосовала против, Крайский с этой резолюцией был, по сути, согласен.) Однако возможности встретиться с израильскими студентами канцлеру тогда не представилось, и ему пришлось ограничиться интервью, которое он дал израильскому телевидению и газете «Маарив».

Двух израильских журналистов Крайский принял в одном из залов построенного в XVIII веке дворца, под огромной хрустальной люстрой. Его канцелярия выделила на интервью пятнадцать минут. К тому времени он уже успел высказаться о Визентале бессчетное количество раз, знал свою «партию» практически наизусть, и много времени ему на это не требовалось. Однако когда интервью подошло к концу, Крайский попросил своих израильских гостей задержаться, сказав, что хочет поговорить с ними на важную тему, и повел их в комнату с узкой высокой белой деревянной дверью, украшенной золотыми завитками, где сел на кожаный диван, на спинке которого красовался резной – и тоже золотой – императорский орел. Крайский знал, как создавать приятную атмосферу, умел быть очаровательным и обладал чувством юмора.

На стоявшем перед диваном кофейном столике возвышалась стопка раскрытых книг. Некоторые страницы в них были заложены закладками, в качестве которых служили маленькие клочки бумаги. «Израильтянам и всем прочим сионистам пора наконец понять, что они ошибаются, когда говорят о еврейском народе, – сказал Крайский. – Еврейского народа не существует. Но прежде чем я вам это докажу, я хочу подчеркнуть, что вовсе не страдаю от “ненависти к себе”, как утверждают некоторые. Я ненавижу только попытки насильно – в духе сионистской идеологии – зачислить меня в евреи». Было заметно, что он действительно это ненавидел, а уж ненавидеть он умел.

О том, что еврейского народа не существует, Крайский заявлял не впервые. Однажды, давая интервью другому израильскому журналисту, он глупо пошутил (чем нанес своему имиджу сильный урон), что вообще-то еврейского народа нет, но если даже такой народ и есть, то это народ омерзительный.

Однако на этот раз, в присутствии двух израильских журналистов, он решил не просто прочесть на данную тему целую лекцию, но и подкрепить свою позицию трудами духовных отцов социал-демократического движения (и евреев по своему происхождению) Виктора Адлера и Отто Бауэра. Он сказал, что не прикасался к их книгам, по крайней мере, лет двадцать, но каждый раз, когда брал одну из этих книг в руки, чтобы что-нибудь из нее процитировать, под ней обнаруживалась наполовину съеденная конфета «Моцарт», и было совершенно очевидно, что в действительности он к этой своей «лекции» тщательно готовился, подкрепляясь по ходу дела знаменитыми шоколадными шариками.

Через некоторое время в комнату вошел мужчина в парадном костюме – это был помощник Крайского, отвечавший за расписание его официальных встреч, – и с озабоченным видом сообщил, что на аудиенцию к канцлеру прибыла делегация с Балкан, однако Крайский велел передать делегации, чтобы та пришла позже. Еще через полчаса мужчина вернулся и сказал, что на запланированную встречу с Крайским пришел один из его министров, но канцлер велел отослать и его. Прошел целый час, а Крайский все говорил и говорил. Его израильские гости сидели молча и слушали. «Между моим дедом, директором школы в Богемии, и еврейским сапожником в Йемене нет ничего общего!» – настаивал Крайский. Еще через какое-то время его попросил к телефону посол США, но канцлер велел передать, что перезвонит.

«Скажите, – осмелился наконец перебить Крайского один из журналистов, – а австрийский народ существует? И если да, то с какого времени?» Грузный канцлер чуть не лопнул от гнева. «Мои предки, – крикнул он своим громовым голосом, – ощущали себя частью австрийского народа еще в эпоху Наполеона!» Прошел еще один час, а Крайский все не умолкал. Но тут смелый помощник, отвечавший за расписание встреч, вошел в очередной раз и с решительным видом заявил, что следующего гостя выпроваживать ни в коем случае нельзя, потому что может разразиться мировая война, так как это не кто иной, как посол Советского Союза. «Если бы у меня было время, – сказал Крайский, – я бы обосновал свою точку зрения в статье». Впоследствии он сделал это в своих мемуарах.

Отто Бауэр писал, что евреи – это религиозная общность, превратившаяся в общность судьбы, но утверждал, что это не везде проявляется одинаково, и Крайский его точку зрения разделял. Определенные исторические факторы, считал он, позволили евреям Австрии отказаться от своей религии (как это

сделали, например, его родители), и в результате они перестали быть евреями, а никакие другие узы – ни кровные, ни расовые – с прочими евреями их не связывают.

Согласен он был и с теорией, что евреи Европы – это хазары, жившие в районе Каспийского моря и обратившиеся в иудаизм. Евреи же Йемена, как и евреи Эфиопии, были, по его мнению, потомками каких-то других народов, принявших иудаизм. Евреи, считал он, с самого начала были народом смешанным, а в процессе истории перемешались со своими соседями еще больше, и отмечал, что «никогда не понимал, почему многие евреи, а особенно ученые, пишущие на еврейскую тему, так упорно настаивают на том, что “избранный народ” является с расовой точки зрения однородным и “чистым”».

В действительности сионисты никогда о расовой однородности еврейского народа не говорили, но Крайский полагал, что, если ему удастся доказать, будто «еврейской расы» не существует, то тем самым он докажет и тезис о том, что евреи не являются народом. При этом он парадоксальным образом признавал, что существуют народы «полирасовые», и именно таковым считал народ, живущий в Израиле. Он уподоблял израильтян американцам.

В Иерусалиме снова не знали, что делать: после резолюции ООН, осуждавшей сионизм, заявление Крайского было самой сокрушительной атакой на идеологические основы Государства Израиль. С другой стороны, Крайский был не первым – да и не последним, – кто обвинял сионизм в том, что тот придумал понятие «еврейского народа»; более того, даже сами израильтяне затруднялись однозначно ответить на вопрос «что такое еврей?» и никак не могли прийти по этому поводу к согласию, что фактически лишало их собственное существование идеологического оправдания. Кроме того, Крайский предлагал весьма прагматичное решение проблемы. Израиль, считал он, является государством «искусственным», возникшим только благодаря Холокосту, но раз уж оно все-таки возникло, ничего другого, как признать за ним право на существование, не остается.

Как и в случае с заявлением Крайского по поводу Визенталя, израильтяне опять попытались остаться «над схваткой», но посол Даган неоднократно докладывал в Иерусалим, что канцлер пытается его в эту историю втянуть. «Трудно описать эту внезапную перемену, – писал Даган об одной из истерик Крайского. – Вся его логика вдруг куда-то испарилась, и мне лишь с большим трудом удалось вставить в этот нескончаемый поток гнева, жалоб и проклятий одну или две фразы…»

«Вы, израильтяне, даже не представляете, как я из-за евреев страдаю, – жаловался Крайский послу. – Я получаю горы антисемитских, нацистских по своему содержанию писем. И все это из-за Визенталя». «Он, – докладывал Даган, – снова выдвигает все те же обвинения, которые я слышал от него и раньше (правда, теперь уже называет Визенталя не агентом гестапо, а американским шпионом), снова рассказывает историю, случившуюся с его братом, и говорит, что никто его так и не убедил, что за всем этим не стоял Визенталь».

В конце концов Даган пришел к выводу, что Крайский совершенно безнадежен, и предложил своему начальству попросту «смириться с тем фактом (с которым я лично уже смирился), что мы имеем дело с человеком неуравновешенным и неразумным, особенно когда речь идет – хотя бы косвенно – о евреях и Израиле. Это тяжелый случай ненависти-любви, граничащий с раздвоением личности».

Несколько истерик Крайского запротоколированы в бумагах его собственной канцелярии. Однажды, например, он получил какое-то письмо протеста от еврейской общины, но потребовал от нее в течение двадцати четырех часов его забрать. «Иначе, – заявил он угрожающе, – я выброшу его в мусорную корзину».

После разговора с Крайским двое израильских журналистов отправились к Визенталю. Визенталь встал перед картой концлагерей, посмотрел в объектив кинокамеры и заплакал. «Слова Крайского, – всхлипывал он, – глубоко ранили меня не только как еврея, выжившего во время Холокоста, но и как человека, считающего Австрию своей родиной». «Я, – бормотал он сдавленным голосом, – способен жить с воспоминаниями о Холокосте, могу терпеть оскорбления и угрозы, которые получаю от неонацистов и антисемитов со всего мира, но с обвинением в сотрудничестве с нацистами смириться не готов. Особенно когда оно звучит из уст канцлера-еврея».

По щекам Визенталя текли слезы, и в его скромном кабинете повисло тягостное, почти нестерпимое молчание. Казалось, что время остановило свой бег и мир погрузился в скорбь. Корреспондент израильского телевидения Рон Бен-Ишай (как и его австрийские коллеги, кино– и звукооператор) застыл на месте. Никто не осмеливался сказать ни слова. Но тут Визенталь вытер глаза и деловито спросил: «Ну? Как получилось? Нормально?» В кабинете словно разорвалась бомба.

Циником Визенталь не был, и его слезы были настоящими. Причин для слез у него было достаточно, и плакал он часто, даже когда не стоял перед кинокамерами. Однако по части умения манипулировать журналистами соперников у него было мало.

В декабре 1975 года в Вене состоялась конференция министров Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК). Война Судного дня привела к резкому повышению цен на нефть, и ОПЕК стала очень влиятельной силой. В совещании участвовали министры нефтяной промышленности из большинства входивших в ОПЕК государств. Нейтральная Вена встретила конференцию приветливо – как встречала и другие международные мероприятия, – но обеспечить безопасность конференции на должном уровне оказалась неспособна, тем более что власти были заняты подготовкой к близкому Рождеству. Шесть террористов овладели зданием, где проводилась конференция, и взяли в заложники всех ее участников, включая министров нефтяной промышленности, послов и чиновников из разных стран мира. В общей сложности заложниками оказались несколько десятков человек. Во главе операции стоял легендарный террорист по кличке Карлос. Он действовал от имени экстремистской палестинской организации «Народный фронт».

Крайскому снова пришлось принимать решение, как в этой ситуации лучше поступить, и он опять решил сделать все от него зависящее, чтобы предотвратить кровопролитие. В результате переговоров часть заложников террористы отпустили, но другую часть им было разрешено увезти с собой в Алжир и Ливию, куда их доставил специально выделенный самолет. Как и в прошлый раз, Крайский снова категорически настаивал, что поступил правильно.

На этом этапе Крайский все еще верил, что нейтральная позиция Австрии и его личный авторитет смогут помочь ему приблизить решение палестинской проблемы. Как и другие лидеры европейского социал-демократического движения, он был идеалистом и тоже считал, что его долг – сделать мир лучше. В рамках этой задачи вожди социал-демократии разделили между собой обязанности следующим образом: Вилли Брандт отвечал за прекращение «холодной войны», премьер-министр Швеции Улоф Пальме возглавлял кампанию по ликвидации режима апартеида в Южной Африке, а Крайский взялся установить мир на Ближнем Востоке. С этой целью он поддерживал контакты в том числе с представителями Организация освобождения Палестины (ООП).

Израильское правительство считало, что такие контакты наносят большой вред борьбе с палестинским террором, но в Израиле у Крайского были и союзники. Например, группа борцов за мир под руководством Ури Авнери одобрительно отнеслась к встречам канцлера с Исамом Сартауи – одним из лидеров Движения за национальное освобождение Палестины (ФАТХ),

врачом-кардиологом, террористом, советником Ясира Арафата. Через много лет эти первые попытки вступить в диалог – наряду с другими предпринятыми шагами – привели к взаимному признанию Израиля и ООП.

Крайский устроил Сартауи встречу с журналистами, и один из них, Петер Михаэль Лингенс, попытался, в свою очередь, организовать встречу Сартауи с Визенталем, однако Визенталь отказался, заявив, что «у Сартауи на руках еврейская кровь». Палестинские инициативы Крайского Визенталь категорически осуждал и регулярно информировал израильского посла Дагана о том, что ему было на этот счет известно.

В мае 1977 года в Израиле произошла резкая смена политического руководства: партия «Авода» впервые потеряла власть, а премьер-министром стал Менахем Бегин; и по меньшей мере двух венских евреев это известие сильно взволновало: Визенталь преисполнился гордостью, а Крайский – гневом. Крайский был одним из тех, кто пытался добиться подписания мирного договора между Израилем и Египтом, и, когда переговоры зашли в тупик, заявил голландской газете «Трау», что Бегин разговаривал с египтянами, «как мелкий политический лавочник». Кроме того, он обозвал Бегина «жалким польским адвокатишкой» и заклеймил его, как ранее и Визенталя, самым обидным оскорблением из всех – «ост-юде». По-видимому, его ненависть к Визенталю и Бегину была настолько сильной, что они слились в его воображении в одного человека.

Бегин отреагировал на выпад австрийского канцлера очень быстро. «Все знают, – сказал он, – что Крайский ненавидит даже своих отца и мать».

Когда Крайский писал второй том мемуаров, то, судя по всему, даже последние остатки той маленькой любви к Израилю, которую приписывал ему посол Даган, испарились и в его душе осталась только ненависть. «То, что происходит сегодня в Израиле, – пишет он, имея в виду притеснение палестинцев, – настолько отвратительно и безобразно, что мне трудно сохранять хладнокровие». Однако надежду он не терял. «Карта сионистов, – заявил он, – бита».

Тем временем его конфликт с Визенталем продолжал полыхать ярким пламенем, один суд следовал за другим, и в центре судебного разбирательства находился вопрос о том, был ли Визенталь нацистским агентом.

Глава семнадцатая. «Быть моей женой нелегко»

1. Улики

Первые иски Визенталя против Крайского закончились ничем. Поначалу канцлер пообещал, что откажется от своей парламентской неприкосновенности, но в конце концов так этого и не сделал, заявив, что парламентский мандат принадлежит не ему, а партии, а партия ему сдать мандат не позволяет.

Во главе фракции социал-демократов стоял в то время только что назначенный на этот пост молодой тридцатисемилетний политик Хайнц Фишер, и, поскольку этого назначения он удостоился благодаря Крайскому, ему, естественно, хотелось за это своего босса отблагодарить. С этой целью он решил помочь ему в борьбе с Визенталем, как если бы это была не личная проблема Крайского, а проблема, касавшаяся всей партии в целом. «К этому делу, – писал Фишер, – Крайский относился очень серьезно, и оно его сильно эмоционально заводило». Соответственно Фишер предложил создать парламентскую комиссию, которая, по его замыслу, должна была изучить вопрос «о предполагаемом использовании Центром документации методов мафии и о взаимоотношениях данного Центра с государственной полицией». Такая формулировка была не случайной. Центр документации был организацией частной, и расследовать его деятельность парламентская комиссия формального права не имела, однако право расследовать взаимоотношения Центра с полицией у нее было, и это позволяло ей выяснить заодно, чем занимался Центр.

Угроза эта была весьма серьезной. Никакого парламентского расследования Визенталь, естественно, не хотел (опасаясь, что оно приведет к закрытию Центра) и вынужден был сдаться. Тем более что за некоторое время до этого получил от своего адвоката, Ганса Пернера, письмо, где тот хоть и в деликатных выражениях, но однозначно предупреждал, что, если состоится суд, Крайский может предъявить такие улики, опровергнуть которые трудно, даже если они и не будут соответствовать действительности. Давили на Визенталя с целью побудить его отозвать свой иск и многие другие. Кроме того, несколько человек попытались уладить его конфликт с Крайским путем личного вмешательства. Среди них были, в частности, Вилли Брандт, редактор еженедельника «Профиль» Петер Михаэль Лингенс (почти целый час проговоривший по телефону с Хайнцем Фишером, оказавшимся другом его детства), а также еврейский миллиардер Карл Кахане.

В конце концов с Крайским встретился и побеседовал

будущий президент еврейской общины Айвен Хакер, и они совместно сформулировали заявление, которое канцлер обязался сделать в случае, если Визенталь отзовет свой иск. В этом заявлении – написанном Крайским от руки – говорилось, что он никогда Визенталя в сотрудничестве с нацистами не обвинял и считает инцидент исчерпанным. По требованию Визенталя отменено было также решение создать парламентскую комиссию.

Десятью годами позже Фишер выразил по поводу всей этой истории сожаление и написал, что с годами научился вести себя более «зрело».

Когда Крайский сказал журналистам, что в его распоряжении имеются улики, свидетельствующие о том, что Визенталь сотрудничал с нацистами, он не солгал, однако по большей части эти «улики» были чепухой, не имевшей никакой ценности, и их прислали ему уже после того, как он объявил о своих обвинениях публично (после чего, кстати, начал получать письма поддержки как от проживавших в Южной Америке бывших нацистов, так и от неонацистов, и в одночасье сделался кумиром отрицателей Холокоста и антисемитов во всем мире). Тем не менее он вцепился в эти «улики» мертвой хваткой, как если бы нашел какое-то невероятное сокровище. Лютая ненависть к Визенталю ослепила его, заставила забыть о порядочности и лишила способности мыслить здраво. Однако его заявление о том, что Визенталь работал на гестапо, родилось не на пустом месте – Крайский это не придумал. Он нашел данную информацию в одном из архивов, где хранился отчет, присланный послом Австрии в Польше.

В июне 1969 года, писал посол, один из руководителей польского Министерства внутренних дел рассказал ему, что в Варшаве разгорелся спор. После того как Польша – вследствие Шестидневной войны – разорвала дипломатические отношения с Израилем, Визенталь начал публиковать имена людей с нацистским прошлым, занимавших в Варшаве высокие посты, и польское правительство рассматривало это как «антикоммунистическую провокацию». Соответственно возник вопрос, что делать. В распоряжении Министерства внутренних дел имелась информация, что Визенталь был агентом гестапо, и спецслужбы предложили предать ее огласке, однако Министерство иностранных дел этому воспротивилось. Так, может, спросил польский чиновник, хотя бы вы, австрийцы, можете что-то с Визенталем сделать? Посол, естественно, ответил, что Австрия – страна свободная и с Визенталем ничего поделать нельзя.

Через полгода после этого польский министр иностранных

дел беседовал с австрийским дипломатом Францем Карасеком и заявил, что деятельность Визенталя наносит ущерб отношениям Польши и Австрии, но Карасек тоже ответил, что помешать Визенталю делать то, что он делает, весьма затруднительно. Тогда австрийский посол, который на этой беседе присутствовал, предложил польскому министру иностранных дел передать информацию, изобличающую Визенталя, в руки Австрии. Так они и порешили, и Карасек даже счел необходимым послать об этом специальный отчет министру иностранных дел Курту Вальдхайму (копии отчета были разосланы и другим министрам; одна из них сохранилась в архиве Крайского). Но хотя в конечном счете поляки, потратившие на слежку за Визенталем очень много времени, никаких улик предоставить Австрии так и не смогли (как не смогли предоставить их в свое время спецслужбам ГДР), тем не менее Крайский, несмотря на отсутствие доказательств, за их обвинения охотно уцепился.

Через несколько месяцев одна из польских газет написала, что во время войны Визенталь работал в немецкой разведке. Визенталь обвинение публично опроверг, но подозрения Крайского, что в прошлом Визенталя есть какие-то темные пятна, это, по-видимому, только укрепило.

Как только Крайский развязал кампанию против Визенталя, к ней подключился весь его правительственный аппарат и на столе канцлера с вызывающей изумление оперативностью стали появляться всякого рода отчеты, извлеченные из старых архивных папок. В них рассказывалось о том, как Визенталь работал с перемещенными лицами в Биндермихле и как подавал прошение об австрийском гражданстве. Принесли Крайскому и целую пачку документов, собранных Визенталем, когда он добивался от Германии выплаты компенсации, а также его подробную биографию. В одном из документов даже говорилось, что Визенталь имеет право писать титул «инженер» только после своего имени, а не перед ним. Невольно напрашивается вывод, что все то время, пока Визенталь жил в Австрии, спецслужбы вели за ним постоянную слежку, и вот теперь все ее результаты лежали у канцлера на столе.

Плюс к тому, Визенталя начали подслушивать. Крайский получил донесение о разговоре Визенталя с двумя людьми в ресторане аэропорта перед вылетом во Франкфурт, и, согласно этому донесению, Визенталь сказал, что ищет информацию о родственниках Крайского. Личность людей, с которыми Визенталь беседовал, выяснить не удалось, но зато канцелярия Крайского получила полный список пассажиров рейса, которым летел Визенталь.

В сбор информации включились также работавшие в других странах австрийские послы и консулы; из Лондона, Осло, Оттавы и Мюнхена в Вену стали стекаться всякого рода доходившие до дипломатов слухи. Телефоны в канцелярии Крайского звонили не переставая.

Изъявляли желание помочь канцлеру и рядовые граждане. Одним из них был доктор Вильгельм Шаллер. Канцелярия Крайского срочно направила к нему домой следователя, и тот взял у него показания. В 1944 году Шаллер служил на юге Польши, в городе Тарнуве (где исполнял обязанности начальника военной тюрьмы), и несколько раз видел стоявшего на углу одной из улиц высокого, крепкого, хорошо одетого молодого человека лет тридцати, который явно был евреем. Этот человек, сказал Шаллер, руководил швейной мастерской, где работали 20–25 женщин, но как его звали, он тогда не знал. После войны он поселился в Линце и в начале 1946 года увидел этого человека снова, причем даже запомнил, где именно: на Вифлеемской улице, где находился офис еврейской общины. Шаллер утверждал, что он наделен фотографической памятью, и никаких сомнений в том, что это тот самый человек, у него не было. Он завязал с ним разговор, и тот сказал, что тоже помнит его по Тарнуву, а на вопрос, чем он занимается в Линце, ответил: «Швейными машинами». Прошли годы, и как-то раз, после поимки Эйхмана, Шаллер увидел в газете фотографию Визенталя. Это был все тот же человек из Тарнува, в этом Шаллер не сомневался. Иными словами, Визенталь сотрудничал с СС.

Следователь службы безопасности, бравший показания у Шаллера, допросил также Карла Хайнца Вайдницера, служившего в авиации. Весной 1944 года Вайдницер по каким-то служебным делам оказался в Тарнуве. Проходя мимо одного из домов, он заглянул в окно и увидел там швейную мастерскую, где работали женщины. Перед домом стоял человек в броской одежде: на нем были полосатые брюки и темный пиджак. Он поздоровался с Вайдницером, и тот тоже его поприветствовал. Спутник Вайдницера, немецкий офицер, спросил его, почему он здоровается с евреем. «Я не знал, что он еврей, – ответил Вайдницер. – У него нет желтой нашивки». – «Это потому, что он находится под покровительством СС и носить нашивку не обязан», – объяснил офицер и добавил, что этот еврей руководит швейной мастерской, организует для эсэсовцев охоты и сумел убедить их, что в этом районе можно найти нефть. «Кроме того, – сказал офицер, – он знаком с Эйхманом».

Вскоре после войны Вайдницер повстречал человека из Тарнува на одной из улиц Вены. Вайдницер был в этот момент в

компании сотрудника американской контрразведки КК. Человек из Тарнува поприветствовал Вайдницера кивком головы, и американец сказал, что это директор известного Института документации Симон Визенталь. «А разве Визенталь не сидел в концлагерях?» – удивленно спросил Вайдницер. «Сидел, – ответил американец, – но только несколько недель, чтобы у него было алиби».

«Шаллер заслуживает доверия, но ненавидит евреев; Вайдницер – пустозвон и тоже антисемит», – отметил в протоколе записавший их показания следователь.

Старинный враг Визенталя, министр внутренних дел Отто Рёш вспомнил вдруг про анонимное письмо из Венесуэлы, полученное им пятью годами ранее, и поспешил переслать его Крайскому: авось пригодится. Автора письма, пояснил он, искали, но не нашли.

Аноним писал, что служил в немецкой армии. Через некоторое время после взятия Львова его вызвали в комендатуру, приказали сходить в городскую тюрьму и сказали забрать оттуда одного арестованного по ошибке коллаборациониста, что аноним и сделал. По дороге коллаборационист рассказал ему, что работает с немцами уже давно, еще со студенческих времен, и, когда они пришли в комендатуру, его действительно встретили там, как старого знакомого. Через несколько дней анониму было приказано выправить коллаборационисту и его жене необходимые бумаги, чтобы те могли уехать из города, а позднее он увидел фотографию коллаборациониста в газете. Это был Визенталь. «Если бы я тогда это знал, – писал аноним, – я бы его убил». Человеком, приказавшим ему забрать коллаборациониста из тюрьмы, был, по его словам, Теодор Оберлендер, командир украинской бригады «Нахтигаль» («Соловей»), принимавшей участие во взятии Львова. Иными словами, Визенталь работал на Оберлендера.

2. Версия «Соловья»

Теодор Оберлендер был человеком очень известным. После войны он сделал в Западной Германии впечатляющую политическую карьеру. Несмотря на то что пресса время от времени напоминала о его нацистском прошлом, в 1956 году он занял в правительстве Конрада Аденауэра пост министра по делам беженцев.

Слухи о том, что Визенталь знал Оберлендера еще по Львову, появились за много лет до того, как за этот факт попытался уцепиться Крайский.

В октябре 1959 года Визенталь послал в редакцию западногерманского еженедельника «Ди цайт» письмо по поводу опубликованной там статьи «Дело Оберлендера». В этом письме он рассказывал, как сразу после взятия Львова был арестован, как спасся и не был казнен, как бандиты-украинцы убили несколько тысяч львовских евреев и как солдаты бригады «Нахтигаль» смотрели на это, но ничего не предпринимали. Утверждение Оберлендера, что в первые дни после взятия Львова не было сделано ни единого выстрела, писал Визенталь, не имеет под собой никаких оснований, и как бы между прочим отмечал, что сам с Оберлендером незнаком, а во время войны его, скорее всего, даже ни разу не видел.

В 1960 году Оберлендер был признан в ГДР виновным в убийстве несколько тысяч евреев и заочно приговорен к пожизненному заключению, но в ФРГ сочли, что это был всего лишь демонстративный коммунистический судебный процесс, никакого юридического значения не имеющий. Тем не менее с поста министра Оберлендеру пришлось уйти.

В книге о своем участии в поимке Эйхмана Визенталь написал, что бригада «Нахтигаль» прибыла во Львов с заранее составленным списком людей, которых следовало убить, и что в этом списке значилось, в том числе, несколько десятков львовских профессоров и интеллектуалов. Однако один из служивших в бригаде людей подал на опубликовавшее книгу издательство в суд за клевету и выиграл; в следующем издании Визенталь был обязан это утверждение вычеркнуть. Пока не будут найдены дополнительные документы, писал он, доказать это будет невозможно. Не мог он, по его словам, доказать и того, что избивавшие его в тюрьме украинцы в немецкой форме были из бригады «Нахтигаль», хотя сам лично в этом не сомневался.

В последующие десять лет имя Оберлендера время от времени упоминалось на различных судебных процессах, а его

прошлое обсуждалось в прессе, но сам Оберлендер упорно настаивал, что в убийствах замешан не был. Визенталя интересовало главным образом убийство профессоров – среди которых, по его словам, было несколько его учителей, – но в конечном счете он пришел к выводу, что Оберлендер в этом невиновен. Тем не менее он продолжал считать Оберлендера виновным в других преступлениях и, когда его спросили, готов ли он с Оберлендером встретиться, воспринял это как оскорбление.

Человеком, хотевшим устроить Визенталю встречу с Оберлендером, был журналист Рольф Фогель. Он писал о взаимоотношениях евреев и немцев, выступал за развитие дипломатических связей между ФРГ и Израилем и оказывал обоим государствам различные услуги. Помогал он также и Визенталю, считая его своим соратником по борьбе с блоком коммунистических государств, в первую очередь с ГДР.

В один прекрасный день Визенталь к немалому своему удивлению получил от Оберлендера письмо: тот просил помочь ему обелить его имя и предлагал дату для встречи, «несмотря на то что она приходится на субботу». Визенталь написал ему, что, скорее всего, в этот день его в Вене не будет, но, если Оберлендер хочет, Визенталь может ему необходимые документы выслать, хотя подготовит их позже, так как в ближайшее время будет очень занят. Однако в следующем письме Оберлендер снова настаивал на встрече. Я всего лишь хочу добиться правды, писал он. Кроме того, он воспользовался этой возможностью, чтобы сделать Визенталю комплимент по поводу «Подсолнуха» и других его книг. Он писал что, прочел в них о многих фактах, о которых раньше ничего не знал, и они его ужаснули.

Фогель уговаривал Визенталя помочь Оберлендеру. По его словам, это было важно с точки зрения политического противостояния с ГДР. «Сделайте мне личное одолжение, – умолял он Визенталя в своем письме от 13 февраля 1973 года, – назначьте доктору Оберлендеру встречу». Однако Визенталь ответил, что письма, посланные тринадцатого числа, приносят ему несчастье и ни желания, ни времени встречаться с Оберлендером у него нет. В том же письме он сообщил Фогелю и кое-что новое, а именно что истинный виновник убийства львовских профессоров живет в Аргентине. Примерно то же самое он сказал в передаче, показанной в июне 1975 года по западногерманскому телевидению.

Через несколько дней после этой передачи в канцелярию Крайского пришло письмо от человека, подписавшегося полным именем, Макс Валлер, и сообщившего, что несколько лет назад он работал политическим советником у одного из

западногерманских министров, Йозефа Эртля. У меня, писал Валлер, есть связи в организациях бывших узников нацизма и бойцов Сопротивления, и я убежден, что ключ к прошлому Визенталя находится в руках у Оберлендера, поскольку «Оберлендер был его непосредственным начальником». Также Валлер утверждал, что видел документ, где обо всем этом написано очень подробно. Адвокату Визенталя удалось раздобыть неподписанную копию письма Валлера.

Таким образом, ситуация перевернулась с ног на голову. Теперь уже не Оберлендеру – немцу, чья бригада оккупировала Львов, – требовалась помощь выжившего во время Холокоста львовского еврея Визенталя, а, наоборот, Визенталь нуждался в помощи Оберлендера.

Визенталь попросил Оберлендера подтвердить, что они незнакомы, но бывший министр ответил ему письмом весьма сдержанным и не слишком любезным. Он, правда, подтвердил, что Визенталь не работал на него в качестве агента (по его словам, он не мог повстречаться с Визенталем во Львове вообще, потому что там у него агентов не было), но письмо оставляло открытой возможность, что они сотрудничали в какой-то другой сфере.

Помогать Визенталю у Оберлендера причины не было. В своем письме он упрекал Визенталя за то, что тот не выступил в его защиту двенадцатью годами ранее – что могло бы избавить его от сорока из сорока девяти судебных исков, которые ему пришлось подать, чтобы обелить свое имя, – и писал, что даже в «еврейских кругах» слышал резкую критику в адрес Визенталя за его длительное молчание. Визенталь поспешил послать Оберлендеру письмо с извинениями. Он писал, что у него действительно долгое время были сомнения и ему понадобилось много лет, чтобы доказать, что человеком, повинным в убийстве профессоров, был на самом деле Вальтер Кучман.

Имя Кучмана и место его проживания в Аргентине стали известны Визенталю примерно десятью годами ранее, но тогда он еще не связывал Кучмана с убийством профессоров во Львове. Дело Кучмана было вообще одной из его неудач, поскольку все его попытки предать этого преступника суду закончились ничем – отчасти потому, что западногерманская прокуратура не сделала всего, что требовалось, чтобы Аргентина его выдала. Визенталь объяснял это тем, что ФРГ не хотела судить Кучмана по обвинению в преступлениях, за которые его уже судили в ГДР.

Просить Оберлендера о помощи Визенталю было неприятно, но он вынужден был это сделать, чтобы защитить себя от обвинений Крайского. Судебная тяжба с Крайским отнимала у

него много времени, но он старался продолжать работать.

В мае 1978 года, во время полета из Нью-Йорка в Амстердам, Визенталь просматривал американскую газету «Дейли ньюз» и его глаза наткнулись на маленькое сообщение из Сан-Пауло, где говорилось, что 20 апреля в одной из гостиниц города группа неонацистских ветеранов отпраздновала день рождения Гитлера. «Я попытался представить себе это празднество», – писал Визенталь позднее. В свое время в Сан-Пауло он нашел Франца Штангля.

Вдова Штангля рассказала английской журналистке Гите Серени, которая Штангля интервьюировала, что после смерти в тюрьме ее мужа к ней домой пришел один из его бывших помощников и предложил выйти за него замуж. Его звали Густав Вагнер, и он был заместителем Штангля в лагере смерти Собибор. Сообщение о празднестве в Сан-Паулу зажгло у Визенталя «красную лампочку». «Я был убежден, – пишет он, – что Вагнер тоже принимал участие в этом странном торжестве. Может быть, какая-нибудь газета опубликовала фотографию с этого мероприятия? Это помогло бы мне его найти».

Документы, хранящиеся в архиве Визенталя, подтверждают, что он заинтересовался Вагнером еще за несколько лет до того, и, подобно многим другим делам, которыми он занимался, это дело тоже привлекло его внимание случайно.

Однажды он получил письмо от женщины по имени Ирене Фройденхайм. Она была из еврейской семьи и родилась в Германии, но ее детство прошло в Уругвае. В пятидесятые годы она переехала в Бразилию. Ее отец был радиоведущим и журналистом. Фройденхайм прочитала книгу Визенталя «Убийцы среди нас» и написала ему, чтобы выразить благодарность, но, как и многие, кто ему писал, тоже воспользовалась этой возможностью, чтобы сообщить, что знает человека, который, как ей кажется, является беглым нацистским преступником. Такие письма Визенталь без внимания не оставлял. Он написал Фройденхайм, что упомянутое ею имя в его картотеке не числится, но спросил, не могла бы она попробовать найти Вагнера (в письме он указал год его рождения).

Имя отца Фройденхайм, радиоведущего и журналиста Германа Гефхардта, было Визенталю, по его словам, знакомо, но о ней самой он – помимо того, что она написала о себе сама, – ничего не знал, и никаких оснований полагать, что она захочет взяться за это задание, у него не было. Однако он поступал так уже неоднократно, ведь терять ему было нечего, и на этот раз тоже не ошибся: Фройденхайм согласилась. В полиции у нее были связи, и ей удалось раздобыть для Визенталя иммиграционные

документы Вагнера, включая его фотографию. Визенталь попросил ее нанять частного детектива и пообещал ей все расходы оплатить, но Фройденхайм посоветовалась со своим знакомым в полиции, и тот сказал ей, что в Сан-Паулу нет частного детективного агентства, на которое можно положиться. Тогда Визенталь попросил ее связаться с вдовой Штангля, но как это сделать, Фройденхайм не знала и написала, что может вместо этого спросить адрес Вагнера в западногерманском консульстве. Визенталь велел ей действовать осторожно: ни в коем случае, писал он, нельзя упоминать в консульстве, что Вагнер разыскивается как военный преступник; максимум, что можно сказать, – это что он нужен ей как свидетель по иску о компенсации.

Подобно настоящему секретному агенту Фройденхайм стала соблюдать правила конспирации и начала писать Визенталю через другого человека, жившего в Европе. Она опасалась, что на почте могут обратить внимание, что она переписывается с Визенталем, и все ее усилия пойдут насмарку.

Ирене Фройденхайм была всего лишь одним из тех бесчисленных «агентов» Визенталя, чье воображение ему удалось распалить. Все они, как и он сам, действовали добровольно, были людьми любознательными и в той или иной степени любили приключения. Однако в данном случае, как и не раз в прошлом, Визенталь воспользовался также услугами журналиста. Его звали Марио Химанович; он был корреспондентом газеты «Жорнал до Бразил».

Они познакомились во время одной из поездок Визенталя в Израиль, и, по словам Визенталя, Химанович согласился выяснить, нет ли в редакции его газеты фотографии с празднования дня рождения Гитлера в Сан-Паулу. Оказалось, что в самый разгар вечеринки нагрянули полицейские (они думали, что это коммунистическая сходка, но, увидев, что это всего лишь неонацисты, успокоились и ушли), а вместе с полицейскими явились фоторепортеры, и участники празднества согласились сфотографироваться. Однако все это произошло не в Сан-Паулу, а в окрестностях Рио-де-Жанейро, и Густав Вагнер там не присутствовал. Визенталь был разочарован, но поступил в характерном для него стиле. Он пометил на фотографии одного из людей и сказал Химановичу, что это Вагнер. «Марио, – пишет он, – эту наживку проглотил».

Между тем сам Химанович излагает факты иначе. Визенталь, по его словам, действительно предложил ему сенсацию, но он (Химанович) ответил, что без фотографии сенсации не получится, так как никому не известно, кто такой Вагнер. Тогда они вместе

пометили на фотографии одного из изображенных на ней людей, и Химанович согласился эту историю опубликовать, хотя и знал, что она липовая.

Много лет спустя Химанович затруднялся объяснить, почему Визенталь в своих мемуарах решил исказить факты – то ли хотел приписать сенсацию себе, то ли хотел защитить его, Химановича, профессиональную репутацию, то ли по обеим причинам одновременно, – но в любом случае материал был опубликован на первой полосе и вызвал большой резонанс. Вагнер услышал свое имя по радио и сдался полиции. По его словам, он сделал это для того, чтобы его не похитили агенты израильских спецслужб.

Естественно, возник вопрос, что с ним делать. Об экстрадиции Вагнера просили несколько стран, включая Израиль, но из-за какой-то опечатки, вкравшейся в текст западногерманского прошения о выдаче, Вагнеру удалось высылки избежать. Апелляцию по этому делу Верховный суд Бразилии отклонил. «Для евреев Бразилии, – пишет Визенталь, – отказ выдать Вагнера был тем более болезненным, что одновременно с этим бразильское правительство признало Организацию освобождения Палестины».

Однако Вагнер (который, кстати, всегда жил в Бразилии под своим собственным именем), по-видимому, не выдержал нервного напряжения, и через некоторое время его тело было найдено на какой-то отдаленной ферме. Визенталь обнародовал две версии его смерти: в одной говорится, что Вагнер ударил себя ножом, а в другой – что повесился. Химанович считал, что Вагнера убили.

3. Теракт

Время от времени Визенталь ездил в ФРГ, в Дюссельдорф, где проходил самый длинный и самый дорогостоящий в юридической практике судебный процесс над шестнадцатью военными преступниками. Их судили за преступления, совершенные в лагере смерти Майданек. Зрелище это было постыдное. Нескольких обвиняемых уже на ранней стадии процесса освободили из-под стражи из-за проблем со здоровьем или оправдали, а один из них умер. В результате осталось девять человек. Среди них было две женщины, и одной из них являлась Гермина Брауншайнер-Райен по кличке Кобыла. Соединенные Штаты экстрадировали ее в ФРГ после того, как Визенталю удалось установить, что она живет в Нью-Йорке.

Всех обвиняемых, кроме нее, выпустили под залог. Каждое утро они приходили в окружной суд, здоровались, вешали пальто на вешалку, пили кофе, просматривали газеты, заходили в зал № 111, рассаживались по своим местам, через какое-то время расходились на перерыв, а после перерыва возвращались в зал заседаний и сидели там до конца дня. Так прошло пять лет; состоялось около пятисот заседаний.

Обвинение сделало все от него зависящее и вызвало около трехсот пятидесяти свидетелей, в основном бывших узников Майданека, которые приехали из США и Израиля. Многие рассказывали совершенно чудовищные вещи – в частности, о том, как жестоко Брауншайнер-Райен обращалась с детьми, – а та, в свою очередь, время от времени на свидетелей огрызалась (иногда по-английски). Однако как правило, на заседаниях царила полусонная атмосфера, а свидетели давали показания при пустом зале. Время от времени, правда, на суд приводили группы солдат и учащихся, но с воспитательной и политической точки зрения это было пустой тратой времени.

Западногерманская пресса особого внимания этому процессу тоже не уделяла, но зато много писала об адвокатах обвиняемых. Одним из этих адвокатов был Людвиг Бок – тот самый, что прославился когда-то своим требованием отстранить от ведения заседания израильского судью на том основании, что, будучи евреем, он, мол, не мог оставаться обьективным. На процессе в Дюссельдорфе адвокаты дошли уже до того, что потребовали арестовать одну из бывших узниц Майданека, когда та рассказала, что охранники лагеря заставляли ее носить в газовые камеры банки с газом. Адвокаты заявили, что ее надо отдать под суд за соучастие в убийстве. В другой раз они потребовали

вызвать в качестве свидетеля специалиста, чтобы тот объяснил, что запах горелого человеческого мяса похож на запах горелого мяса животных: ведь не исключено, говорили они, что в Майданеке не людей убивали, а жарили мясо животных…

Протокол суда объемом в несколько десятков тысяч страниц и вынесенный в 1981 году приговор стали одними из самых важных исторических документов, описывающих истребление евреев во время Холокоста, но приговор еще раз продемонстрировал бессилие либерального судопроизводства, когда речь шла о преступлениях подобного рода. Брауншайнер-Райен была приговорена к пожизненному, однако остальные обвиняемые – к тюремному заключению от 3,5 до 12 лет, а один из них – оправдан. Комментируя результаты суда, Визенталь сказал, что трудно найти лучшее доказательство того, как дешево стала цениться человеческая жизнь.

Примерно через полгода после этого он чудом избежал смерти.

В пятницу, 11 июня 1982 года, вечером, он вернулся с работы домой. Припарковавав «пежо», он вошел в дом, собрал чемодан (так как собирался ехать в Израиль), лег – примерно в 22:30 – в постель и перед сном решил почитать книгу, где рассказывалось о том, как сдалась нацистская армия. Его жена в это время уже спала. «И вдруг, – рассказывал он позднее журналистам. – я услышал мощный взрыв». Все окна в его и соседних домах вылетели, двери сорвало с петель, а дом заполнился дымом. Тем не менее ни он сам, ни его жена не пострадали.

Он сразу же спустился на первый этаж, увидел причиненные взрывом серьезные разрушения и нажал на кнопку сигнализации. Через пять минут прибыли полиция и пожарные. Следствие показало, что кто-то подложил к двери дома примитивное, но опасное взрывное устройство; оно находилось внутри кастрюли и было снабжено часовым механизмом. Через несколько минут появились и фоторепортеры. Визенталь, в пижаме, и его жена, в халате, старались сохранять спокойствие и улыбаться.

Весть о покушении на жизнь Визенталя разнеслась по всему миру, и его засыпали телеграммами, в которых поздравляли со спасением.

Полиция полагала, что теракт был совершен неонацистами. Несколькими месяцами ранее взрывное устройство, заложенное в трубу, сработало также у входной двери дома главного раввина Вены Акивы Айзенберга, а за несколько лет до этого в ФРГ суд признал двух неонацистских активистов виновными в заговоре с целью похитить Визенталя.

Теракт вынудил его принять меры безопасности. Возле его

дома стали круглосуточно дежурить полицейские (со временем для них была построена будка, вроде тех, что ставили возле домов иностранных послов и прочих важных персон), в Центре документации установили железную дверь и домофон с маленькой, но весьма по тем временам продвинутой кинокамерой производства фирмы «Sony», а на лестничной площадке стал постоянно дежурить полицейский. Раз в несколько часов полицейские сменялись, но, по-видимому, все они придвигали стул к стене и прислоняли к ней головы, в результате чего спинка стула проделала в стене небольшое углубление, а от голов полицейских на ней осталось темное пятно. Эту достопримечательность «городской археологии» можно было видеть даже много лет спустя.

По подозрению в серии терактов против евреев, включая взрыв в доме Визенталя, были арестованы девять активистов неонацистского движения. Когда Визенталь пришел в суд, чтобы дать показания о причиненном его дому ущербе, на него бросился главный обвиняемый Экерхард Вайль, но охранники успели его оттащить. Вайль был приговорен к пяти годам тюремного заключения, а его товарищи к более коротким срокам. Визенталь считал, что атаки на него были спровоцированы атмосферой, создавшейся в результате нападок Крайского.

Хотя первые свои иски против Крайского Визенталь отозвал, а канцлер, в свою очередь, отказался от обвинений по адресу Визенталя, тем не менее конфликт между ними исчерпан не был и Визенталю приходилось заниматься этим снова и снова.

Когда Петер Михаэль Лингенс опубликовал в «Профиле» направленную против Крайского статью, канцлер оскорбился, подал на Лингенса в суд, и речь на суде, помимо всего прочего, зашла о мотивах, которыми руководствовался в своей деятельности Визенталь. Крайский сказал, что понимает «психологическую потребность» Визенталя отомстить, но заявил, что тот испытывает к нацистским преступникам какую-то прямо-таки «библейскую ненависть». Это выражение он позаимствовал из одной антисемитской публикации, сохранившейся в его архиве среди других изученных им документов.

Поначалу Лингенс проиграл, но не сдался и стал подавать одну апелляцию за другой, пока не дошел до Европейского суда по правам человека, где выиграл.

Несколько раз подавал в суд и Фридрих Петер. В частности, он подал иск против человека, пошутившего, что, «попадись Крайский Петеру на глаза году этак в 1942-м, то сегодня Визенталю не с кем было бы конфликтовать».

В апреле 1986 года Крайский сказал корреспонденту

«Профиля», что если бы решил в свое время доказать в суде свои обвинения против Визенталя, то вполне мог бы это сделать, и поскольку теперь он уже не занимал государственный пост, а был частным лицом, то Визенталю ничего не мешало подать на него в суд за клевету. Так он и сделал. Крайский, который тогда часто и подолгу жил на острове Майорка, воспринял иск Визенталя как досадную «головную боль» и несколько раз пытался добиться отсрочки суда. «Он разыгрывает из себя несчастного, затравленного старика, который хочет только одного: чтобы его оставили в покое», – писал Визенталю его адвокат.

На одном из заседаний суда Крайский вдруг вышел из себя и заявил, что это неправда, будто его брат поехал во Франкфурт из-за женщины. Белая борода, которую бывший канцлер к тому времени отрастил, делала его похожим на еврея больше, чем когда-либо ранее.

Однако Визенталь на этот раз был настроен решительно и на компромисс пойти отказался.

Адвокаты Крайского делали все возможное для доказательства, что Визенталь действительно сотрудничал с нацистами, и в том числе потребовали вызвать в качестве свидетеля Теодора Оберлендера, но судья (как явствует из письма Оберлендера Визенталю) решил, что от показаний Оберлендера большой пользы не будет. Защитники Крайского использовали против Визенталя также одну из его собственных книг и заявили, что во время работы на Восточной железной дороге тот сотрудничал с нацистами; в результате снова всплыли имена его немецких покровителей Кольрауца и Гюнтерта.

Многие пытались Визенталю помочь. Одна женщина из города Фэр-Лона, штат Нью-Джерси, знавшая его по Львовскому гетто, прислала заявление, что никогда не видела и даже не слышала намека на то, что Визенталь занимал в гетто привилегированное положение; у него, по ее словам, никогда не было больше еды, чем у всех остальных. Однако с юридической точки зрения Визенталю ничего не требовалось доказывать – бремя доказательства лежало на адвокатах Крайского.

Визенталю было 78, и с Крайским он «воевал» уже больше пятнадцати лет. «И у Крайского, и у меня есть в истории определенное место, – сказал он как-то, – но тому месту, которое занял он, я не завидую».

Он любил свою всемирную известность. Постоянный поток журналистов, не переставших приходить и звонить, доставлял ему удовольствие, и он не был наделен достаточной степенью самоиронии, чтобы сказать себе, что все это дело было излишним, нелепым, а иногда чуть ли не ребяческим. В сущности, это была

всего лишь свара двух евреев, сцепившихся из-за того, что оба хотели считаться органической частью австрийского общества.

Визенталь заплатил за это высокую цену. В самый разгар конфликта он писал, что после освобождения из Маутхаузена в его жизни не было периода более тяжелого, чем этот. Ему было обидно, что Израиль занял в этом конфликте нейтральную позицию, а когда он прочел, что Ицхак Рабин встретился с Крайским, то почувствовал себя и вовсе преданным. Все эти годы он также боялся, что Крайский запретит переправку советских евреев в Израиль через Австрию, а еврейская община, в свою очередь, опасалась, что Крайский может спровоцировать волну антисемитских выступлений. Все это накладывало на Визенталя большую ответственность.

Конфликт с Крайским подорвал его здоровье, но больше всего страданий он принес его жене. Много лет она упрашивала его угомониться, переехать в Израиль или же поселиться неподалеку от дочери, но уйти от него так и не решилась. У нее часто бывали депрессии.

В 1982 году Визенталь опубликовал роман «Макс и Хелен» с подзаголовком «Правдивая история любви». Книга написана от первого лица, и Визенталь включил себя в повествование как одного из персонажей, не изменяя имени. Многие детали сюжета, включая арест во Львове, сотрудничество с организациями «Бриха», «Джойнт» и охоту за военными преступниками, позаимствованы из его собственной биографии. Но поскольку роман автобиографический, вполне возможно, что его главные герои, Макс и Хелен, – это на самом деле Визенталь и его жена.

Роман повествует о расследовании, которое ведет Визенталь в связи с историей, рассказанной ему случайным попутчиком в поезде. Героем истории является польский еврей по имени Макс. Макса, его возлюбленную Хелен и ее парализованную сестру арестовывают и сажают в концлагерь. Макс и Хелен хотят бежать, но Хелен не может бросить сестру. В результате Макс бежит один и вступает в ряды партизан. В отместку за побег Макса комендант концлагеря Шульц насилует Хелен, и она беременеет. Он отправляет ее в Краков, и у нее рождается сын Марк. После войны Макс поселяется в Париже. В 1960 году он узнает, что Хелен замужем и живет в Германии, в городе Касселе. Раздобыв ее адрес, Макс едет к ней. Дверь ему открывает юноша, которого Макс сразу узнает, поскольку тот очень похож на Шульца. За спиной юноши стоит Хелен. Она рассказывает Максу, что произошло, но просит сжалиться над сыном, не знающим, кто его отец; она воспитала его как еврея, и он думает, что отец погиб во время Холокоста. Макс не может избавиться от ощущения, что

Марк – это Шульц, и возвращается в Париж. Тем временем Визенталь Шульца находит, но Хелен просит оставить того в покое, чтобы не разрушать жизнь ее сына. Визенталь поначалу колеблется, но в конце концов – единственный раз в своей жизни – решает закрыть дело военного преступника, которого можно отдать под суд. В 1967 году Шульц гибнет в дорожной аварии. Марк получает в Мюнхене диплом врача, женится на еврейской девушке и уезжает с ней в Канаду, откуда она родом. Хелен пишет Максу в Париж: теперь я одна.

Визенталь имел обыкновение рассказывать историю своей жизни в мельчайших подробностях, но о том, что испытал, когда разлучился с женой, никогда никому не говорил, и не исключено, что драматическая история Макса и Хелен, наложенная в романе на его реальную биографию, имела целью «закамуфлировать» эту главу из его жизни еще сильнее.

В отличие от Макса, Визенталь в концлагере жену не бросил, а с помощью своего начальника-немца и активистов польского подполья раздобыл ей документы, благодаря которым она смогла сбежать и выдать себя за христианку. Но когда они расстались, он, по-видимому, не раз – и мучительно – думал том, что могло произойти с ней, оказавшейся в самый разгар войны в нееврейской среде. Поскольку же рассказанная в романе «правдивая история любви» Макса и Хелен почти полностью совпадает с биографией Визенталя и его жены, то вполне возможно, что в судьбе Хелен отразились мучившие его тогда страхи и фантазии. Одно время он думал, что жена умерла.

Его охота за нацистами отравила Циле жизнь и была, по-видимому, чем-то вроде наказания для них обоих. Визенталь писал Виктору Матейке, что «Циля ужасно страдает», у нее бывают регулярные нервные срывы и врач сказал ей, что еще одного «сражения» она не выдержит. «Быть моей женой, – писал он, – нелегко».

По вечерам, рассказывал Визенталь, их дом освещался прожектором. Днем он ходил с пистолетом, а ночью клал его под подушку. В такие часы он, наверное, должен был особенно ценить любовь своей второй женщины, Евы Дьюкс.

4. Любовь Евы Дьюкс

Это была не юношеская романтическая любовь, а зрелая дружба между мужчиной и женщиной, которые почти с первого дня стали относиться друг к другу так, словно провели вместе долгие годы. Они познакомились в начале 70-х, когда Еве было почти пятьдесят и она была замужем уже второй раз. Визенталю было тогда шестьдесят пять.

Пухленькая и курносая Дьюкс родилась в Вене, в еврейской семье. Когда ей было четырнадцать, они эмигрировали в США. Она закончила колледж «Хантер» и Колумбийский университет и работала то редактором, то переводчиком, то журналистом. Она читала много книг и жадно поглощала газетные новости. Живая и разговорчивая, Дьюкс вращалась среди евреев свободных профессий и интересовалась обычно тем же, что интересовало «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йоркер». Ее преклонение перед Визенталем было безграничным, и он в ней нуждался.

В октябре 1973 года Дьюкс прислала ему письмо на немецком языке, где поделилась своими опасениями за судьбу Израиля. Она писала, что ее мучают мысли о погибших и что она страстно желает мира. Однако лично они тогда, по-видимому, знакомы еще не были, поскольку она назвала его «Уважаемый доктор Визенталь», обратилась к нему на «вы», а свое письмо подписала именем и фамилией. Но менее чем через год «доктор Визенталь» превратился в «дорогого Симона», на смену «вы» пришло «ты», а в конце письма стояло уже одно только – витиевато написанное – имя «Ева». Таким образом, подружились они где-то в промежутке между двумя этими письмами, и произошло это, по-видимому, в Нью-Йорке.

Они встречались почти каждый раз, как Визенталь туда приезжал, то есть несколько раз в году. Трудно сказать, с чего именно их дружба началась, но она запечатлена в длинных письмах, которые Дьюкс ему посылала. Все они напечатаны на машинке, и в них нет поэтических выражений любви, но отношения Дьюкс и Визенталя явно были близкими, потому что она делилась с ним такими подробностями своей повседневной жизни, какими обычно делятся со спутниками жизни.

Она перевела на английский язык роман Визенталя «Кристина», действие которого происходит во время восстания в Варшавском гетто, отредактировала английский перевод «Подсолнуха», писала Визенталю о книгах, которые читала, о фильмах, которые смотрела, присылала вырезки из заинтересовавших ее газетных статей, а когда он сообщил ей, что

получает угрозы, впала в истерику. «Я вся дрожу, – писала она. – Мне хочется заплакать, чтобы успокоиться, но я не могу. Умоляю тебя, будь осторожен! Не ходи по городскому парку. Как ты добираешься до работы? Я в полном шоке. Ну вот, наконец-то мне удалось заплакать от страха. Даже когда ты ездишь на машине, меняй маршрут, а когда из машины выходишь, пусть тебя кто-нибудь встречает, даже если это будет дорого стоить. Достаточно ли у тебя денег? Надо ли мне организовать сбор пожертвований?»

Она писала, по крайней мере, раз в неделю, а иногда даже по два раза в день, и большинство ее писем были объемом от трех до пяти страниц. Она обсуждала с Визенталем современные события: войну во Вьетнаме, движение гомосексуалистов, нарушения прав человека в Африке, проблему ядерного оружия, – а также писала, что мир превращается в Содом и Гоморру и приближается к своему концу. Высказывалась она и об Израиле. «Я считаю, – говорится в одном писем, – что нам нельзя отказываться от некоторых территорий». Под «территориями» она имела в виду Голанские высоты и Иерусалим.

Она рассказывала о своих кошках и домашних растениях, о шишке, появившейся в «несимпатичном месте» на ее теле, о денежных проблемах, а о своих друзьях писала так, словно они были и друзьями Визенталя: этот сделал то-то, а та сказала то-то, этот позвонил, а та забежала в гости. «Кей и Берт довезли меня до метро в Куинсе, а оттуда добраться уже было легко. В 6:50 я уже находилась на 86-й улице и в Лексингтоне».

Иногда она кокетничала с Визенталем, как девочка, а иногда вела себя, как его мать. Например, когда он собирался в Нью-Йорк, напоминала ему, чтобы он взял с собой теплую верхнюю одежду, свитер, перчатки и шарф, и договаривалась с гостиницами, чтобы ему помогли донести до номера чемоданы.

В 1975 году она написала, что решила со вторым мужем развестись. По ее словам, тот уже успел найти себе квартиру, но ей самой пока этого сделать не удалось. Однако Визенталь, который уже из предыдущих ее писем знал, что у нее с мужем нелады, ответил осторожно: «Ты должна понимать, что мне трудно дать тебе совет, потому что я в этом вопросе необъективен».

Время от времени Дьюкс приезжала в Европу, однако не в Вену. Судя по всему, они встречались в Амстердаме. На их совместной фотографии она смотрит на него счастливыми глазами, а он улыбается умиротворенной улыбкой. Видно, что им друг с другом хорошо.

Его письма к ней были короче, чем ее, и хотя к ее жизни он интерес и проявлял, однако собственную душу раскрывал перед

ней редко и нуждался, по-видимому, главным образом в ее обожании и поддержке. Однажды, вернувшись из отпуска и не найдя от нее письма, он написал: «Пожалуйста, напиши мне, как ты. Сразу по возвращении мне пришлось ехать в Германию, чтобы выступить в качестве свидетеля на суде над одним антисемитом, и мне устроили там такую антисемитскую демонстрацию, что ее трудно описать словами. Пожалуйста, напиши мне!!!» Это было в разгар конфликта с Крайским. Ева попыталась уговорить дирижера Леонарда Бернстайна выступить в поддержку Визенталя, но безуспешно.

Ее любовь к Визенталю так никогда и не угасла, но он, судя по всему, своих чувств к ней – как и к некоторым другим людям тоже – сохранить не сумел.

Судебный процесс по иску Визенталя к Крайскому тем временем продолжался, однако на заседания Визенталь не ходил. Однажды, когда он сидел в приемной у врача, профессора Курта Польцера, дверь кабинета Польцера открылась, и оттуда, вместе с самим профессором, вышел пациент. Это был Крайский. Он остановился возле Визенталя, но ничего не сказал. Визенталь тоже молчал. Ничего не говорил и профессор. «Как он себя чувствует?» – спросил, наконец, Визенталь, обращаясь к Польцеру. Крайский с трудом подавил улыбку и вышел.

Судья Бруно Вайс не оставил от улик Крайского камня на камне. Свидетель, утверждавший, что знал о сотрудничестве Визенталя с Оберлендером, к тому времени уже умер; один из двух свидетелей, говоривших, что видели Визенталя в Тарнуве, – тоже; что касается Карла Хайнца Вайдницера (который, даже по мнению самой канцелярии Крайского – как свидетельствует один из служебных документов, – действовал из антисемитских побуждений), то он был вызван для дачи показаний, но судья пришел к выводу, что его показания никакой юридической силы иметь не могут, так как за много лет до того он заболел амнезией. В результате Крайский был признан виновным в клевете и суд присудил ему заплатить Визенталю денежную компенсацию. Однако через несколько месяцев после этого, в июле 1990 года, Крайский скончался, а его наследники платить отказались.

Этот суд, который сам же Визенталь инициировал, представлял собой самую масштабную попытку доказать, что он сотрудничал с нацистами, и с этой целью Крайский задействовал весь находившийся в его распоряжении административный ресурс. Но хотя его адвокат Гюнтер Блеха, брат министра внутренних дел, получил материалы, собранные спецслужбами нескольких стран, доказать он так ничего и не смог.

Архивы спецслужб ГДР и Польши были впоследствии для исследователей открыты. Материалов, доказывающих, что Визенталь сотрудничал с нацистами, в них нет. Его фотографии часто публиковались в газетах, и он много выступал на телевидении, но, несмотря на его большую известность, ни один из бывших узников концлагерей ни разу в нем не опознал капо и ни один нацистский ветеран ни разу на него не показал пальцем как на коллаборациониста.

Глава восемнадцатая. «Это одни и те же дети»

1. По следам Колумба

Между первым и вторым раундами своего конфликта с Крайским Визенталь опубликовал книгу, где утверждалось, что Христофор Колумб был евреем. Историком, как и писателем, Визенталь не был, но, за исключением своей коллекции марок, ничто так любил, как загадки истории. Подобно альпийским озерам, история была для него неисчерпаемым кладезем увлекательных тайн.

Гипотеза о еврейском происхожении Колумба (которую выдвигали до него и другие) заинтересовала его еще в 50-е годы, в период сотрудничества с американцами. Он был обязан им жизнью и чувствовал глубокую потребность отплатить добром. Как бы это было прекрасно и символично, если бы оказалось, что Америка обязана своим открытием еврею! В течение двадцати последующих лет он читал каждую книгу об открытии Америки, которую только мог достать, собирал даты, имена и разного рода информацию, а когда смог уже себе это позволить, посетил также библиотеки, расположенные в старинных итальянских и испанских монастырях. Особенно интересовала его загадочная завитушка, которую Колумб в письмах к сыну имел обыкновение помещать в верхнем левом углу. Достаточно небольшого усилия зрительного воображения, чтобы увидеть в ней ивритскую аббревиатуру, которую верующие евреи помещают перед каждым написанным текстом и которая означает «С Божьей помощью».

История жизни Колумба окутана завесой тайны, а когда Визенталь начал им интересоваться, историки все еще спорили даже о самых элементарных фактах его биографии: где и когда он родился и какова его точная фамилия. Возможно, он происходил из еврейской семьи. Есть документы, позволяющие утверждать, что в финансировании его путешествий принимали участие богатые евреи. Визенталь полагал, что они искали новую страну. Колумб отправился в свое первое путешествие 3 августа 1492 года, через несколько часов после того, как Испанию в соответствии с королевским «Эдиктом об изгнании» должен был покинуть последний еврей. Визенталь полагал, что это не случайно.

Среди тех, кто отправился с Колумбом в плавание, был человек по имени Луис де Торрес, которого ранее звали Йосеф Бен Алеви Аиври. Он был нанят как переводчик. Визенталь предполагал, что Колумб взял с собой человека, знавшего иврит, так как надеялся найти страны, населенные евреями – потомками десяти пропавших колен.

Исторические исследования служили Визенталю убежищем от жизненных бурь и успокаивали его. Он относился к ним всерьез и в 1972 году опубликовал их результаты в виде книги «Паруса надежды». Книга была написана сухо, и, несмотря на то что ее издали в нескольких странах, с коммерческой точки зрения провалилась. Визенталя это расстроило. «Израильтяне, конечно, книгу не опубликуют», – писал он своему другу, бывшему агенту Моссада, и действительно, на иврите книга вышла только через двадцать лет. Одна из крупнейших западногерманских газет «Ди цайт» опубликовала разгромную рецензию, а через некоторое время Визенталю пришлось пережить обиду, тяжелее которой для писателя быть не может: один из его издателей потребовал вернуть выплаченный аванс, так как большинство экземпляров книги осталось на складе.

Между тем в Австрии жил, по крайней мере, еще один еврей, не исключавший возможности того, что Колумб был евреем. Как ни странно, это был Бруно Крайский. Книгу Визенталя он никогда не упоминал, но, как и Визенталь, тоже считал, что евреи финансировали путешествия в далекие страны, потому что искали землю, где могли бы поселиться.

Тем не менее интересоваться данной темой Визенталь не перестал и пятнадцатью годами позже написал роман «Бегство от судьбы», в котором история изгнания евреев из Испании в 1492 году переплетается с историей изгнания евреев из Европы в 1942-м. Зеркальному сходству двух этих дат в книге придается мистический смысл.

В романе рассказывается история семьи Торрес: отца (его зовут Камилио), дочери (Рут) и сына (Феликса). Камилио Торрес – историк, живущий в Вене. В 1940 году нацисты высылают его и Рут в Польшу. Им удается сбежать, но русские возвращают их немцам. Они убегают снова, на этот раз в Западную Украину, но вскоре нацисты приходят и туда. Тем временем к ним присоединяется Феликс, и они втроем бегут в Румынию. Там их спасают еврейские эмиссары из Палестины, но корабль, на котором они плывут, подрывается на мине. Нескольких уцелевших пассажиров, в том числе Рут и Феликса, подбирает немецкое судно. Камилио гибнет, но в последний момент Рут удается забрать у него дневник, где рассказывается история их семьи. Она начинается в Испании, а Камилио Торрес оказывается одним из потомков переводчика с корабля Колумба.

Роман этот тоже продавался плохо, но имел прямое отношение к историческим и политическим спорам, в которых Визенталь принимал участие.

Общепринятое мнение гласило, что испанские христиане

поставили евреев перед выбором: либо умереть, либо перейти в христианство и остаться в живых – и что именно это отличало испанцев от нацистов, считавших, что их расовая теория обязывает уничтожать евреев. Визенталь же хотел доказать, что расизм нацистов уходил корнями в ненависть к евреям, которую питала католическая инквизиция в Испании. Без нее, утверждал он, нацизм бы не возник. Он перечислял ряд антиеврейских указов, изданных в пятнадцатом веке, из коих явствовало, что евреи уже тогда считались представителями неполноценной расы. Нацистские «нюрнбергские законы», запрещавшие, в частности, вступать в половую связь с евреями, тоже восходили, по мнению Визенталя, к законам испанской инквизиции.

Обнаружив корни Холокоста в католическом антисемитизме, Визенталь фактически поддержал сионистскую интерпретацию Холокоста, рассматривавшую уничтожение евреев как одно из звеньев в длинной цепи преследований. Обвинитель на процессе над Эйхманом Гидеон Хаузнер начал свою вступительную речь с египетского фараона и погромов в Восточной Европе. Происхождение антисемитизма он объяснил, помимо всего прочего, тем фактом, что евреи были изгнаны со своей земли и жили среди других народов в качестве меньшинства. В этих словах Хаузнера нашла свое выражение сионистская идея об общности судьбы еврейского народа.

В 1986 году Визенталь опубликовал нечто вроде календаря, где перечисляются около четырех тысяч проявлений антисемитизма – погромов, преследований, дискриминации, – имевших место в течение двух тысяч лет и происходивших каждый день почти во всех уголках земного шара. Однако, в отличие от еврейского истеблишмента, Визенталь уподоблял уничтожение евреев уничтожению других народов.

Его интерес к Колумбу привел к тому, что он заинтересовался истреблением индейцев. «Уже через несколько десятилетий после открытия Америки Колумбом, – пишет он в предисловии к ивритскому переводу книги “Паруса надежды”, – население всего Карибского региона было уничтожено». Открыватели Нового Света привезли с собой из Старого Света жестокость и любовь к убийствам, включая испанскую инквизицию, что привело к «окончательному решению индейского вопроса». Индейцев пытали и убивали всеми возможными способами, их культура была уничтожена, а в Северной Америке их загнали в резервации, где они были обречены жить в невежестве, безделье и пьянстве. В Бразилии индейцы попытались найти убежище в джунглях, но джунгли вырубаются, и каждый раз, как геологи находят в районах, населенных индейцами, полезные ископаемые, индейцев

обрекают на вымирание. Визенталь рассматривал это как геноцид.

В 1982 году колледж уголовного права «Джон Джей» при Городском университете Нью-Йорка присвоил Визенталю звание почетного доктора наук, и Визенталь предложил создать институт для изучения геноцида. Первой темой исследования стала трагедия никарагуанского индейского племени мискито. В то время в Никарагуа правили сандинисты, и инициатива Визенталя хорошо вписывалась в его борьбу с мировым коммунизмом. Именно по этой причине ему, по-видимому, и не удалось добиться поддержки данного проекта со стороны бывшего канцлера ФРГ Вилли Брандта.

В 1986 году Визенталь получил информацию, что Израиль продает странам Латинской Америки оружие, используемое для уничтожения индейцев. Он написал израильскому послу в Вене, что эта тема очень ему близка, и попросил разъяснений. Также он считал, что Израиль должен признать геноцид армян, несмотря на стратегическую необходимость поддерживать хорошие отношения с Турцией.

С годами, под влиянием своих размышлений о Холокосте, Визенталь стал все чаще и чаще протестовать против нарушений прав человека в самых разных уголках планеты: от Курдистана до площади Майо в Аргентине. Он написал конвенцию о защите прав политических заключенных, включился в кампанию против использования противопехотных мин и поддерживал целый ряд известных людей, начиная с ученого Андрея Сахарова, боровшегося с советским режимом, и кончая жившим в изгнании Далай-ламой, духовным лидером Тибета. На этом фоне было особенно заметно его молчание по поводу нарушений прав палестинцев.

Когда распалась Югославия, он выступил в защиту мусульман Боснии. Ситуация на Балканах была очень сложной, и, подобно многим другим людям, он не сразу разобрался, кто «хороший», а кто «плохой». В преддверии пятидесятилетней годовщины Нюрнбергского процесса он написал письмо президенту Клинтону, где потребовал предать лидера боснийских сербов Радована Караджича международному суду. Этнические чистки, убийства граждан всех возрастов, изнасилования мусульманских женщин являются преступлениями против человечества, утверждал Визенталь, и хотя их нельзя рассматривать как второй Холокост, тем не менее они во многом на него похожи. В июле 1996 года требование отдать Караджича под суд было повторено также в письме в газету «Нью-Йорк таймс», подписанном Визенталем вместе с некоторыми другими. Тот, кто позволяет

Караджичу участвовать в выборах, говорилось в письме, подобен тому, кто позволил бы Генриху Гиммлеру после войны участвовать в выборах в Германии.

Клинтон ответил Визенталю длинным письмом. К тому времени сербы уже устроили резню в Сребренице, а против Караджича было выдвинуто обвинение, и Клинтон поддержал идею о предании Караджича международному суду.

Неравнодушие Визенталя к войне на Балканах объяснялось главным образом тем ужасным бессилием, которое он ощущал во время Второй мировой войны и после нее, думая о том, что, когда евреев убивали, мир хранил молчание. Кроме того, это объяснялось универсально-гуманистическим мировоззрением Визенталя, из-за которого его взгляды на Холокост разошлись со взглядами некоторых других «дизайнеров еврейской памяти». Именно поэтому он часто говорил о преступлениях, совершенных нацистами по отношению к неевреям.

2. Другие

Весной 1964 года Визенталь получил приглашение прочитать лекцию в итальянском городе Турине. Когда он закончил свое выступление, к нему подошла пожилая седовласая женщина в траурном одеянии. «Меня поразил ее мрачный, почти окаменевший взгляд», – рассказывал Визенталь позднее. Женщина спросила его, занимается ли он только преступлениями против евреев. Визенталь заверил ее, что в его Центре документации есть много дел, посвященных и преступлениям против других народов, но, как правило, сказал он, нацисты убивали именно евреев.

Женщина попросила уделить ей один час и на следующий день пришла к нему в гостиницу. «На меня опять произвели сильное впечатление ее достойная манера держаться и глубокая скорбь», – пишет Визенталь. Женщина сказала, что носит траур с осени 1943 года, когда узнала, что немцы «казнили» ее сына. «С того дня, – сказала она, – я больше никогда не смеялась и не буду смеяться до самой смерти». Она понимала, что мертвых воскресить невозможно, и, будучи христианкой, с Божьей волей примирилась, но ее злило, что никто не вспоминал о тысячах итальянских солдат, убитых нацистами на острове Кефалония. Визенталь не знал, о чем идет речь, и женщина была этим шокирована. «Неужели даже вы об этом не слышали?!» – воскликнула она.

Кефалония, или Кефалиния, – это самый большой из Ионических островов, расположенный к западу от Греции. По местной легенде, привлекающей на остров туристов, здесь родился гомеровский Одиссей. Ныне остров принадлежит Греции, но ранее находился в собственности Франции и Великобритании, а во время Второй мировой войны был оккупирован войсками Италии и Германии. В конце концов итальянские солдаты обратили оружие против немецкой армии, но немцы одержали победу и убили примерно шесть тысяч итальянцев. В Италии об этом знали: на эту тему были написаны книги, а суд в Риме заочно осудил более тридцати немецких офицеров. История седовласой старухи тронула Визенталя. Он стал уговаривать итальянцев начать сбор улик и пытался заинтересовать этим делом прокуратуру ФРГ.

Прямая связь между «умерщвлениями из милосердия» (которым подвергали не только евреев) и геноцидом евреев побудила Визенталя заинтересоваться также истреблением цыган, свидетелей Иеговы и гомосексуалистов.

Во время своего пребывания в концлагерях он не раз встречался с цыганами. «Я знал об их участи, – пишет он, – но судьба моего собственного народа волновала меня, естественно, больше». Однако когда он стал рассматривать истребление евреев в контексте других случаев геноцида, трагедия цыган начала интересовать его все больше и больше.

Сколько цыган было убито нацистами, никто точно не знает. Визенталь говорил, что их было полмиллиона, а по оценке историка из мемориала «Яд-Вашем» Иегуды Бауэра – от девяноста до ста пятидесяти тысяч. Однако в любом случае геноцид цыган, в отличие от еврейского Холокоста, интересовал Запад мало и был почти забыт. В первые годы после войны никто даже и не пытался задокументировать совершенные против них преступления.

Цыгане представляли для нацистов идеологическую проблему, поскольку по своему происхождению были арийцами; поэтому политика Третьего рейха по отношению к ним характеризовалась колебаниями и противоречиями. Однако Визенталя интересовало в первую очередь сходство, характеризовавшее отношение нацистского расизма к евреям и цыганам. Например, «нюрнбергские законы» запрещали немцам вступать в половые сношения не только с евреями, но и с цыганами. В этой связи он также цитировал приказ Эйхмана отводить для цыган один вагон в каждом поезде, который вез евреев в Освенцим. Многое из того, что он знал о жизни узников Освенцима, стало известно Визенталю от его приятельницы Эллы Лингенс. В частности, именно она рассказала ему, что цыган, как и евреев, группами отправляли в газовые камеры.

В начале 1966 года Визенталь передал западногерманской прокуратуре материалы об истреблении цыган, но когда в начале 80-х годов по его инициативе были собраны статистические данные о результатах процессов над военными преступниками, оказалось, что только двенадцать обвиняемых были признаны виновными в преступлениях против цыган. Двоих приговорили к пожизненному заключению, а остальные десять получили в среднем по восемь лет тюрьмы. Многие же дела были закрыты, включая дело о гибели нескольких десятков цыганских детей, забранных из детского дома имени Святого Иосифа в Мульфингене, неподалеку от Штутгарта, и отправленных в Освенцим. Центральное управление по расследованию нацистских преступлений объяснило Визенталю причину закрытия дела следующим образом: «Оказалось невозможным установить наверняка, при каких обстоятельствах наступила смерть детей». Визенталю ничего не оставалось, как выразить протест по поводу того, что убийцы цыган, как правило, не

представали перед судом.

После войны остатки цыганских народов «синти» и «рома» тоже подвергались в Германии дискриминации, репрессиям и преследованиям, и время от времени их центральная организация обращалась к Визенталю с просьбой о помощи. Например, она обратилась к нему, когда выяснилось, что Софи Эрхардт, занимавшейся во времена нацизма выяснением расовой принадлежности цыган, было разрешено написать на эту тему исследование и с этой целью ей был дан доступ к большому количеству личных дел цыган нацистской эпохи. Обратились к Визенталю цыгане и после того, как в газетах в ФРГ и Австрии появились антицыганские публикации. Визенталь написал по этому поводу письмо австрийскому кардиналу Францу Кёнигу.

Плюс к тому Визенталь неоднократно писал бургомистрам западногерманских городов – таких, как Дармштадт, Карлсруэ, Гамбург и т. д., – протестуя против разрушения кварталов, населенных цыганами. Формальным поводом для разрушения служил тот факт, что эти кварталы представляли опасность с санитарно-эпидемиологической точки зрения, но истинной причиной являлось намерение изгнать цыган из городов. В эпоху нацизма, писал Визенталь, евреев тоже рассматривали как санитарно-эпидемиологическую угрозу. Когда он узнал о преследовании цыган в Голландии, то послал телеграмму протеста королеве Беатрикс.

Однако главная польза, которую он принес цыганскому делу, состояла в том, что он поставил вопрос о необходимости увековечить память цыган – жертв нацизма. Помимо самих цыган, никто не сделал в этом плане больше, чем он. «Цыгане, – писал он впоследствии, – плохо организованы, многие из них неграмотны, центра документации у них не было». Он предложил западногерманскому телевидению снять фильм о геноциде цыган, инициировал создание памятника цыганам, убитым в концлагере Маутхаузен, а когда в Берлине начали строить мемориал в память о евреях, убитых во время Холокоста, написал письмо бургомистру Берлина и потребовал создать такой же мемориал в память о цыганах.

В Израиле, в кибуце Лохамэй-Агетаот, жила женщина по имени Мирьям Нович, написавшая об истреблении цыган книгу, и Визенталь ее за это похвалил, но на взгляды других израильских историков ее труд практически не повлиял. «Это был геноцид, но не Холокост», – писал об истреблении цыган израильский историк Иегуда Бауэр. Визенталь такой подход осуждал. «К величайшему сожалению, – говорил он, – мы, евреи – даже те из нас, кто пережил Холокост, – тоже не проявили той степени понимания

цыган и сочувствия к ним, каких они заслуживают как наши собратья по страданиям».

Не занимался никто и вопросом о выплате цыганам компенсаций. Обычно это мотивировали тем, что у них не было имущества. Но Визенталь этот аргумент отвергал. «Телега, отобранная у цыгана, – пишет он, – имела для него такую же ценность, как магазин для еврея, и – точно так же, как этот магазин – служила для него способом заработать на жизнь. Однако, как тогда, так и теперь, цыгане остаются народом второго сорта».

Визенталь чувствовал общность своей судьбы с цыганами. «Освенцим оставил в истории цыган такой же огненный след, как и в нашей истории, – пишет он, – и с этой точки зрения я чувствую эмоциональную связь с каждым цыганом, выжившим в Освенциме».

В январе 1976 года Визенталь написал президенту республики Малави Хастингсу Камузу Банда, что в концлагерях он иногда встречался с членами секты Свидетели Иеговы, которых нацисты тоже преследовали и убивали, и теперь он узнал, что их преследуют в Малави (точность этой информации подтвердила организация «Эмнести Интернейшнл»). Он писал, что знает о Малави мало, и, возможно, информация, которой он располагает, неверна, но просил тем не менее положить дискриминации конец. По оценке Визенталя, в концлагерях было убито около тысячи двухсот членов секты. Он не был склонен уподоблять их судьбу судьбе евреев, но с годами все больше и больше интересовался их участью. Его часто о них спрашивали, и их историю он считал неотъемлемой частью истории нацистских преступлений.

Примерно за полтора года до смерти Визенталь подписал письмо в поддержку требования передать гомосексуалистам, подвергшимся преследованиям во времена нацизма, часть денег со счетов в швейцарских банках, которые не имели владельцев. Распределение этих денег среди жертв нацизма должно было положить конец скандалу, связанному с тем, что швейцарские банки скрывали и присваивали счета жертв Холокоста. Идея написания письма исходила от организации «Венская гомосексуальная инициатива», входившей в коалицию «Розовый треугольник». В письме говорилось, что гомосексуалисты и лесбиянки, преследовавшиеся нацистами за свою сексуальную ориентацию, не склонны предавать свои имена гласности, и существует опасность, что они не получат того, что им причитается, а их дискриминация будет продолжаться.

С годами правительственные чиновники Австрии и ФРГ

хорошо усвоили, что игнорировать обращения Визенталя не стоит, и чем больше росла его мировая известность, тем чаще они относились к нему с почтительным трепетом. Однако когда он занимался делами нееврейскими, они нередко допускали высокомерное отношение к его требованиям, как бы давая понять, что это не его дело. Однажды он написал премьер-министру Баварии Францу Йозефу Штраусу письмо по поводу цыганского вопроса, но Штраус ответил ему резкой отповедью. «Пришло время, – писал он, – прекратить размахивать прошлым как оружием, направленным против демократических правительств». Позднее выяснилось, что в Баварии цыган по-прежнему, как и при нацистах, заставляли прописываться, в связи с чем группа киноактеров и интеллектуалов, включая Визенталя, опубликовала заявление протеста в газете «Нью-Йорк таймс».

Но основное противодействие расширенная гуманистическая трактовка Холокоста Визенталем встречала среди евреев. Отрицание уникальности Холокоста рассматривалось ими как грех, граничивший с отрицанием Холокоста как такового. Тема эта была крайне деликатной, и из-за нее Визенталь вступил в острую конфронтацию с официальными «дизайнерами еврейской памяти», во главе которых стоял Эли Визель. Визель опасался, что подход Визенталя может приуменьшить значение Холокоста, но в основе их конфликта лежали также личные амбиции и – в немалой степени – политика.

3. Конкурент

В ноябре 1973 года в нью-йоркском концертном зале «Карнеги-холл» исполнялась кантата Дариюса Мийо на слова Эли Визеля «Верую», и после концерта к окруженному друзьями Визелю подошел мужчина, которого он не знал. Впоследствии он описал его как широкоплечего человека с пронзительными глазами и волевым лицом. «Симон Визенталь», – представился человек. «Я, – пишет Визель, – горячо пожал ему руку, и мы обнялись. Я знал его имя и преклонялся перед тем, что он делает. Ведь он был в лагерях смерти, а после войны стал первым охотником за нацистами. Я очень его ценил».

В последующие годы Визенталь не раз бывал у Визеля в его нью-йоркской квартире. Они беседовали о том, что происходило в мире, и Визенталь рассказывал о своих поисках нацистов. Но однажды они заговорили о том, кого следует помнить. «Он проповедует универсальность страданий», – пишет Визель. По его словам, Визенталь пытался убедить его, что в лагерях смерти было убито не шесть миллионов евреев, а одиннадцать миллионов человек, включая поляков, украинцев, русских, немцев, и что нельзя забывать никого из них. «Поскольку кровь евреев в Освенциме смешалась с кровью неевреев, – сказал Визенталь, – нужно помнить всех, кто погиб». Визель был возмущен. Он сказал, что ни один историк такую цифру не приводит. Но тут уже вышел из себя Визенталь. «Вы думаете только о евреях! – закричал он. – По-вашему, они все были святыми. Но я могу вам доказать, что среди них были также отъявленные негодяи, хуже неевреев». Визель был в шоке. Визенталь покраснел и извинился, сказав, что неправильно выразился и хотел сказать совсем другое. Однако это не было оговоркой – это было чувство, превратившееся с годами в твердое мирровоззрение. Визенталь считал, что все жертвы нацистов – братья.

Летом 1975 года Визенталь получил письмо от известного американского писателя Мейера Левина. В молодости, будучи журналистом, Левин познакомился с отцом Анны Франк, помог опубликовать ее дневник в США и договорился с Франком, что напишет на основе дневника пьесу. Так он и сделал. Однако Франку пьеса не понравилась. В значительной степени это объяснялось причинами идеологического порядка. Франк рассматривал дневник дочери как универсальный гуманистический и оптимистический миф (и именно такую пьесу впоследствии на Бродвее и поставили: с финалом, полным

надежды и веры в человека[10]). Левин же написал пьесу еврейскую, сионистскую, очень антинемецкую и пессимистическую. На Бродвее ее ставить отказались, и ему пришлось погрузиться в многолетнюю юридическую, общественную, идеологическую и политическую борьбу, которая задокументирована в нескольких книгах и в основе которой лежал спор о сущности Холокоста, его значении и правильном способе его изображения [11]. В израильской постановке[12] после слов Анны, в которых выражена вера в человека, была добавлена реплика: «Не знаю, девочка моя, не знаю».

Из писем Левина явствует, что к тому моменту он уже был этой темой буквально одержим. Сначала он попросил Визенталя высказать свое мнение о второй жене Отто Франка: не могла ли она на мужа повлиять? Он слышал, что она была нееврейкой. Франк утверждал, что она была узницей концлагеря, но не связан ли ее арест с тем, что она была коммунисткой? Также Левин хотел знать, не были ли голландцы, прятавшие семью Франк, связаны с коммунистами и не по этой ли причине Франк решил интерпретировать дневник именно таким образом.

Визенталь хорошо понимал, о чем шла речь: он не прекращал бороться с теми, кто отрицал подлинность дневника Анны Франк. Эта тема имела для него важное значение еще с тех пор, как он нашел полицейского, арестовавшего Анну. Он ответил Левину, что видел и фильм, и пьесу, но никакого коммунистического влияния в них не обнаружил. «Я всегда считал, что неверно при каждой возможности подчеркивать только количество пострадавших евреев, – писал он Левину. – Я всегда был против того, чтобы говорили только о шести миллионах убитых евреев, как будто это был лишь еврейско-нацистский конфликт. Я всегда говорил, что было одиннадцать миллионов жертв и среди них – шесть миллионов евреев». Также он написал, что встречался с Отто Франком только один раз, никакой информацией о его семейной жизни не располагает и предпочитает заниматься не Франком, а поисками нацистских преступников.

Левин был согласен, что игнорировать факт расправы нацистов и над нееврями нельзя, но утверждал, что переработки дневника для театра, кино и телевидения преуменьшали еврейскую трагедию: Анна Франк писала о том, что она чувствовала как еврейка, но соответствующие абзацы были из текста намеренно выпущены или искажены, чтобы придать ее образу универсальный характер. И хотя это произошло в США, Левин считал, что причиной тому был сталинистский антисемитизм. Он утверждал, что борется за свободу творчества. «Я не нападаю на коммунизм, – писал он, – но меня тревожит

ненависть коммунистов к евреям и Израилю». Кроме того, он писал об антиизраильской позиции некоторых представителей «новых левых». Война против евреев, по его словам, с поражением нацизма не закончилась. Нацисты стремились к физическому уничтожению евреев, коммунисты же хотят уничтожить евреев как нацию, чем ставят под угрозу будущее еврейского народа. «Тот факт, что даже вы не заметили коммунистического влияния в фильме и пьесе, – писал он Визенталю разочарованно, – свидетельствует о силе коммунистической пропаганды».

Некоторые из взглядов Левина Визенталь разделял. Будучи сионистом и антикоммунистом, он тоже считал, что, по крайней мере, отчасти критика Израиля была связана с нацистским и неонацистским антисемитизмом. Но в дискуссии об уроках Холокоста Визенталь занимал скорее позицию левоцентристскую.

Однажды он отправился в Израиль, чтобы переубедить тамошних «дизайнеров памяти», и, в частности, имел долгую беседу с Гидеоном Хаузнером. Помимо ссылок на историческую справедливость и универсальную мораль, Визенталь утверждал, что Израиль и еврейский народ не смогут в одиночку устоять против подстерегающих их опасностей: они нуждаются в поддержке всего мира, – и считал поэтому, что необходимо внедрить в сознание мировой общественности понимание того, что нацизм угрожал не только еврейскому народу, но и всему человечеству. По этой же причине, настаивал он, надо говорить не только о еврейских жертвах, но и обо всех жертвах вообще: о шести миллионах евреев и о пяти миллионах всех остальных. «Это не преуменьшит катастрофу, постигшую еврейский народ, – писал он, – и наша трагедия не станет от этого менее ужасной. Наоборот, мой подход превращает еврейскую трагедию в важную составную часть трагедии всего человечества».

Трудно сказать, каким образом Визенталь пришел к выводу, что наряду с шестью миллионами евреев нацисты убили в лагерях смерти еще и пять миллионов неевреев. В действительности количество неевреев, убитых нацистами в лагерях, намного меньше. Гораздо больше неевреев из числа гражданских лиц погибли в результате военных действий. «Можно с уверенностью сказать, – пишет Иегуда Бауэр, – что нацистский антисемитизм в немалой степени виновен в смерти не только шести миллионов евреев, но и двадцати девяти миллионов неевреев, умерших в результате распространения нацизма». По его словам, Визенталь лично признался ему, что свою цифру придумал, дабы вызвать симпатию к евреям и сблизить их с неевреями. «Само по себе его намерение было, наверное, благим, но в конечном счете бесполезным, а главное, ошибочным», – пишет израильский

историк.

Вообще говоря, Визенталь вполне мог позаимствовать данную цифру из известного нацистского документа, где говорится, что в Европе предстоит уничтожить одиннадцать миллионов евреев (хотя мог, конечно, ее и придумать), но в любом случае эта его историческая ошибка повлияла на американское правительство, когда оно формулировало задачи, стоявшие перед вашингтонгским музеем Холокоста.

Перед открытием музея президент Картер принял участие в церемонии на Капитолийском холме, посвященной памяти жертв Холокоста, и, помимо всего прочего, сказал об одиннадцати миллионах жертв. Эли Визель, возглавлявший общественный совет, работавший над созданием музея, пришел в ярость. После окончания церемонии он провожал Картера до Белого дома и по дороге спросил его, откуда тот взял эту цифру. Картер ответил, что из сочинений и выступлений Визенталя. Визель сказал, что эта цифра ни на чем не основана. «А разве в лагерях не было неевреев?» – спросил Картер. Обычно Визель отвечал на этот вопрос так: «Не все жертвы были евреями, но все евреи были жертвами». Он объяснил президенту, что среди заключенных-неевреев были участники Сопротивления и смелые интеллектуалы, но их было не пять миллионов, а лишь небольшой процент от этой цифры; среди прочих же неевреев были ярые антисемиты и преступники-садисты, которых нацисты отправляли из тюрем в лагеря в качестве рабочей силы. «Справедливо ли, господин президент, чтить их память наряду с памятью моих родителей?» – спросил Визель. По его словам, Картер больше никогда про одиннадцать миллионов не говорил.

Документы, хранящиеся в архиве Визенталя, показывают, что, по крайней мере, поначалу его спор с Визелем носил характер вполне конструктивный. Хаузнер предложил устроить им встречу при его собственном участии, но данный план не осуществился. «Видимо, Эли Визель, которого я уважаю, ценю и люблю, – писал Визенталь, – не выкроил для этого времени или не был заинтересован». Но уже несколько месяцев спустя он писал о Визеле так, словно тот был его соперником по спортивному состязанию: «Мне кажется, он начинает отставать».

В то время Визенталь и Визель все еще переписывались, обсуждая возможность преодоления разногласий и издания совместной книги. Визенталь предложил несколько вопросов для обсуждения: «Есть ли подобающее наказание для преступлений нацистов?», «Есть ли смысл их наказывать?», «Что молодое поколение может ожидать от судов над нацистскими преступниками?», «Какие опасности оставили после себя

нацисты?», «Возможен ли антисемитизм без евреев?», «Какое место занимают ненависть, бюрократия и технология в отношениях между людьми?», «Существует ли комплекс человека, выжившего во время Холокоста?», «Можно ли убежать от прошлого?», «Какова роль школы в сохранении памяти о Холокосте?», «“Холодная война” и нацистское прошлое», «Коллективная вина и коллективный стыд», «Поражение религии», «Кто имеет право прощать?»

Визель согласился в принципе продолжать диалог, но предложил добавить к этому списку идеи, которые прозвучали в выступлениях Визенталя в США, поскольку, по словам Визеля, они его беспокоили. В одной из своих речей, например, Визенталь сказал: «Каждый, кто видит в газетах или по телевизору детей, умирающих от голода в Камбодже, и помнит фотографии детей в Варшавском гетто, многие из которых умерли от голода, понимает, что это одни и те же дети. Различия во времени, месте и цвете кожи значения не имеют».

Визенталь обиделся на критику Визеля, и их идейные разногласия переросли в личную вражду. Визенталь написал Хаузнеру, что, поскольку Визель порочит его репутацию, он больше с ним встречаться не желает. Несколько месяцев спустя Генри Киссинджер сказал в интервью шведскому телевидению, что узнал от Эли Визеля о смерти шведского дипломата Рауля Валленберга, и Визенталь поспешил эту информацию распространить, как бы давая тем самым понять, что Визель самоустранился от дальнейшего участия в важной кампании.

Когда Визель начал работать над созданием музея Холокоста в Вашингтоне, Визенталь посоветовал цыганским активистам потребовать, чтобы их представитель был включен в состав совета, возглавляемого Визелем, но из-за личного соперничества между Визенталем и Визелем никаких шансов на это не было. Визель отверг требование цыган под формальным предлогом, что членов совета назначает не он, а президент Рейган. Когда же цыгане написали Рейгану, Белый дом переслал письмо Визелю.

В последующие годы Визель получал подобные требования неоднократно, но все их отклонял. Один из американских цыганских активистов, профессор Техасского университета Иан Хэнкок, попросил разъяснений относительно того, что Визель написал в своей книге «Ночь», где он рассказывает о капо цыганского происхождения, избивавшем его отца, и говорит, что никогда «их» не простит. Хэнкок спрашивал, кого Визель имел в виду, цыган или немцев, и отмечал, что среди капо в лагерях было и много евреев, а среди заключенных, над которыми они издевались, были в том числе цыгане.

В декабре 1984 года Визенталь тоже написал Визелю. Он напомнилл ему, что, несмотря на разногласия между ними, они всегда сходились на том, что цыгане должны считаться жертвами нацизма, и высказал мнение, что включение цыганского представителя в состав членов совета могло бы улучшить положение цыган в ФРГ. При этом он отметил, что обращается к Визелю по вопросу о цыганах, несмотря на враждебные заявления, которые Визель и его коллеги по общественному совету делают относительно него.

Визель ответил письмом на официальном бланке совета, верхнюю часть которого украшал американский орел. «Если память мне не изменяет, – писал он, – я никогда о вас таких заявлений не делал. Я вас не хвалю, но и не критикую. По сути, я не говорю о вас вообще. А вот вы, наоборот, развязали клеветническую кампанию, направленную против общественного совета, его членов-евреев и особенно против меня. Но хотя многие журналисты и просили у меня комментариев, я решил не реагировать. Предпочитаю вести войну с антисемитами, а не с евреями». Визенталь переслал это письмо одному из своих знакомых как «образец наглости».

Визель не делал секрета из того факта, что испытывал к Визенталю неприязнь, причем не только идейную, но и личную. В своих мемуарах он рассказывает, что Визенталь попросил его написать рецензию на «Подсолнух» для газеты «Нью-Йорк таймс». «Эта история кажется мне совершенно абсурдной, – пишет он. – Впрочем, откуда мне знать? Я ее еще не читал». На самом же деле Визенталь ему эту «историю» присылал и просил написать к ней комментарий, но Визель отказался.

Как-то раз, когда Визенталь был у Визеля дома, в комнату вошел младший сын Визеля, Элиша, и отец представил его гостю. Однако Визенталь сказал мальчику: «Оставь нас, нам надо обсудить важные дела». «Может быть, – задается вопросом Визель, – Визенталь рассердился на то, что Элиша не проявил к нему особого интереса?» В любом случае Визель обиделся. «Мне не нравится, – пишет он, – когда унижают детей вообще, а уж когда унижают моих собственных – тем более». С тех пор связь между ним и Визенталем прервалась.

Визель рассказывает также, что однажды, когда он побывал в одном сербском концлагере в качестве главы международной делегации, комендант лагеря старался как можно лучше его принять, и Визель никак не мог взять в толк, с чего бы это вдруг. Оказалось, что тот принял его за Визенталя. Этим рассказом Визель как бы намекает читателям, что Визенталь – это человек, которого с радостью принимают у себя коменданты концлагерей.

«Он мне завидовал, – скажет Визель через несколько лет после смерти Визенталя. – Просто завидовал». Но, судя по всему, зависть была взаимной. Они соперничали за звание верховного авторитета, имевшего право говорить от имени погибших и выживших во время Холокоста и извлекать из него моральные и политические уроки. Быть «главным авторитетом по Холокосту» означало иметь влияние, престиж, уважение и деньги.

Личные амбиции и борьба за престиж стали также причиной недружественных отношений Визенталя с такими «охотниками за нацистами», как Тувья Фридман и Беата Кларсфельд.

4. Охотничья зависть

Фридман восхищался Визенталем, жаждал его признания и завидовал ему. Он засыпал его бесчисленными письмами, в которых перемешиваются обожание, самоуничижение и – главным образом – жгучая обида по поводу того, что Визенталь не хотел разделить с ним свою славу. «Ты великий охотник за нацистами, а я всего лишь щенок», – писал он Визенталю в одном из писем. «Я – лилипут, а он – король с двадцатью профессорскими званиями; рядом с ним я ничто», – пишет он в своей книге[13]. Однако при этом он не скрывал своей зависти и даже намекал, что обнародует некие подробности из прошлого Визенталя, которые могут оказаться для того неприятными.

По словам Фридмана, однажды он присутствовал на лекции Визенталя в Торонто, где тот заявил, что лично участвовал в похищении Эйхмана в Аргентине: он, мол, бросился на Эйхмана, дал ему несколько пощечин, затолкал в джип и участвовал в его допросе. Когда же Фридман, после лекции, подошел к Визенталю и спросил, зачем он лжет публике, тот якобы объяснил это тем, что получил за лекцию 500 долларов и компенсацию всех расходов. Однако Фридман – единственный источник этой истории, и к тому же в своей книге он утверждает, что это случилось в Монреале.

Фридман, называвший Визенталя то «господин инженер», то «Шимек», неоднократно просил его о встрече, и иногда Визенталь, пусть неохотно, но соглашался. Он относился к Фридману как к надоедливому бедному родственнику и время от времени посылал ему деньги – то триста долларов, то тысячу – как бы в качестве платы за всякого рода публикации, которые Фридман присылал ему из Хайфы. Однажды он сказал Фридману, что если бы поселился в Израиле, то стал бы Тувьей Фридманом, но поскольку остался в Вене – стал Симоном Визенталем.

В ноябре 1968 года, когда в нескольких европейских столицах достигли своего пика студенческие волнения, а «новые левые» в ФРГ угрожали изменить существующий общественный порядок, в Западном Берлине проходила конференция Христианско-демократической партии. В какой-то момент к стулу, на котором сидел канцлер ФРГ Курт Георг Кизингер, сзади подкралась женщина и, когда канцлер к ней обернулся, с криком «Нацист! Нацист!» влепила ему пощечину. Женщину звали Беата Кларсфельд.

Кизингер действительно был членом нацистской партии и занимал высокий пост в гитлеровском Министерстве

иностранных дел, но нацистское прошлое не помешало его послевоенной политической карьере. Его правительство пользовалось широкой поддержкой, а заместителем у него был Вилли Брандт.

Канцлером Кизингера избрали в конце 1966 года, и Кларсфельд протестовала уже тогда, но широкого резонанса ее протесты не вызвали, и она пришла к выводу, что статей, криков и листовок недостаточно. Фотограф журнала «Штерн» достал ей пропуск на конференцию Христианско-демократической партии. Ее судили и приговорили к году тюрьмы, но приговор смягчили, и она получила четыре месяца условно.

Когда она дала пощечину Кизингеру, ей было 30 лет и у нее был грудной ребенок. Она жила в Париже и была замужем за адвокатом-евреем Сержем Кларсфельдом, отца которого убили в Освенциме.

Еще до пощечины ее деятельность, направленная против Кизингера, привела к тому, что ее уволили из франзуско-немецкой организации, занимавшейся установлением связей между молодежью Франции и ФРГ, и ее муж решил доказать, что человек, по инициативе которого ее уволили, был в прошлом сторонником нацистов. Кларсфельд надеялся найти изобличающую информацию в Восточном Берлине, но по дороге заехал в Вену и посетил Визенталя. Кларсфельд был его горячим поклонником. Он рассказал Визенталю, что за год до этого, во время Шестидневной войны, ездил в Израиль, чтобы помочь израильской армии, и ему удалось стать свидетелем последних боев на Голанских высотах.

Визенталь разговаривал с ним весьма учтиво. Левацких взглядов супруги своего гостя он не разделял и считал, что пощечину Кизингеру давать не стоило, но, пока Беата Кларсфельд (успевшая тем временем удостоиться горячего приема в Израиле) занималась немецкой политикой, угрозы она для него не представляла. Однако когда она вторглась на его территорию и тоже начала искать нацистских преступников, он ее поддерживать перестал.

Беата и ее муж интересовались главным образом нацистами, совершившими преступления против евреев Франции. Многие из этих нацистов жили в ФРГ, но из-за конвенции, подписанной ФРГ и Францией, отдать их под суд не представлялось возможным. Среди них был глава немецкой полиции безопасности в оккупированном Париже Курт Лишка, а также некто Герберт Хаген и Эрнст Хайнрихзон. Все они преспокойно жили в ФРГ, а их имена и адреса числились в телефонных справочниках. Кларсфельд этот факт тяжело переживала. Она поделилась

своими чувствами с корреспондентом израильского телевидения в Париже Яроном Лондоном, и тот предложил ей сделать об этой троице фильм. Кларсфельд эта идея понравилась. Она и ее муж взяли с собой кинооператора, поехали к Лишке и Хагену и попытались расспросить их об их участии в отправке семидесяти тысяч евреев Франции в лагеря смерти. Однако бывшие нацисты отвечать отказались.

Примерно четыре недели спустя Кларсфельды приехали в Кёльн, где жил Лишка, но на этот раз уже вместе с несколькими молодыми французскими евреями. У них был план, который, по словам одного из них, напоминал сюжет низкопробного триллера. Когда Лишка вышел из дома, они набросились на него и попытались похитить, но действовали, как дилетанты, и Лишке удалось убежать. Беату и ее мужа приговорили к двум месяцам тюрьмы, но она позаботилась о том, чтобы об этой истории, по крайней мере, сообщили в газетах.

Через два года после этого, в 1973 году, Серж Кларсфельд снова подкараулил Лишку возле дома, набросился на него, приставил ему к переносице пистолет, но убежал, так и не выстрелив. Эта акция имела своей целью побудить западногерманский бундестаг ратифицировать поправку к конвенции между ФРГ и Францией, чтобы военных преступников, орудовавших на французской территории, можно было судить, и в конечном счете поправка была ратифицирована. Хаген получил двенадцать лет тюрьмы, Лишка – десять, а Хайнрихзон – шесть.

Информация, использованная прокуратурой ФРГ против трех вышеупомянутых нацистов, была частично получена от Визенталя, но впоследствии Кларсфельды заявили, что эту информацию Визенталь получил от них и данный факт скрыл. На самом же деле Визенталь говорил о Лишке, Хагене и Хайнрихзоне еще на пресс-конференции, которую созвал 3 октября 1967 года (где, помимо всего прочего, тоже потребовал внести в конвенцию поправку, позволяющую данных преступников судить), а также в статье, опубликованной в тот же день в газете «Монд».

С этого момента он стал рассматривать Кларсфельд как соперницу. «Никто с ней говорить не хотел», – писал он после одного из ее визитов в Вену (под «никто» подразумевались руководители еврейской общины). – Поэтому она позвала небольшую группку евреев-леваков, устраивавших обычно демонстрации в поддержку ООП, и пригласила несколько съемочных групп с телевидения заснять, как ее на полчаса арестовывают. Евреи же говорят: “Она нужна нам, как собаке пятая нога”».

В газетных интервью они друг друга ругали, а американский

адвокат Визенталя Мартин Розен потребовал от одной благотворительной еврейской организации не приглашать Кларсфельд читать лекции. «Вначале, – писал Визенталь впоследствии, – отношения у нас были хорошие, но они прекратились. Наши методы работы очень разные. Мы сначала преступника ловим, а уж потом приглашаем журналистов. Кларсфельд поступает наоборот». Позднее Визенталь обратился к западногерманским властям с заявлением, что, по его сведениям, Кларсфельд является агентом службы безопасности ГДР Штази. Кларсфельды же, в свою очередь, говорили о Визентале то же самое, что и Визель: «Он нам завидовал».

С 1971 года Кларсфельд занималась делом шефа гестапо в городе Лионе Клауса Барби. Как и в других случаях, где шла речь о нацистских преступниках, действовавших на территории Франции, Кларсфельд, по-видимому, всего лишь раскрутила дело, о котором Визенталь знал давно, но не занимался им столь же энергично, как она, и в данном случае она поступила так же, как имел обыкновение поступать Визенталь (скорее всего, в подражание ему): обратилась в прокуратуру Мюнхена с требованием заново открыть против Барби дело, закрытое за несколько лет до того. Прокурор Манфред Людольф дал ей несколько фотографий, сделанных в Боливии, в Ла-Пасе, и сказал, что один из изображенных на них людей, видимо, «лионский мясник», как прозвали Барби. Также Людольф сообщил ей имена нескольких знакомых Барби в Ла-Пасе и в столице Перу Лиме.

Кларсфельд сделала то, что спецслужбы ФРГ, Франции и Израиля могли сделать уже давно: опубликовала переданные ей фотографии в нескольких газетах – и в декабре 1971 года получила информацию, что Барби живет в Перу под именем Клаус Альтман. Ее информатор сообщил ей также адрес Фридриха Швенда, с которым Барби проворачивал всякого рода сомнительные сделки в Боливии и Перу, включая торговлю оружием.

Имя Барби было известно Визенталю уже давно. Еще в 1968 году он писал, что расследование по делу Барби продвигается и что результаты будут «сенсационными». Через год после этого он сообщил, что получил «важную информацию» о местонахождении Барби. На самом же деле он, судя по всему, понятия не имел, где Барби находился, и – как неоднократно делал в таких случаях – сообщил, что тот живет в Египте.

Хорошо знал Визенталь и историю похождений Швенда. Во время войны тот принимал участие в печатании фальшивых денег, с помощью которых нацисты хотели подорвать экономику Великобритании. Визенталь считал, что Швенд был связан с

организацией «ОДЕССА», и однажды тот прислал ему письмо с антисемитскими оскорблениями. После войны Швенд тоже работал на ЦРУ, но Визенталь вряд ли об этом знал.

За некоторое время до того, как Кларсфельд заинтересовалась Барби, Визенталь получил письмо от швейцарского бизнесмена Альфреда Енни. Енни просил помочь его знакомому еврею, чей сын, по его словам, был несправедливо посажен в тюрьму в Перу. История эта очень запутанная. Похоже, что Альтман и Швенд занимались вымогательством, шантажируя людей (среди которых были и евреи), тайно вывозивших свои капиталы из Боливии и Перу. Один из этих людей обратился за помощью к Енни и сообщил, что подставивший его человек, Альтман, был высокопоставленным офицером СС. Енни обратился за помощью к Визенталю, и тот попытался помочь. Таким образом, данное расследование – как это часто бывало – тоже началось случайно, благодаря письму незнакомого человека, а не в результате целенаправленных действий с целью Барби отыскать.

Визенталь не нашел имени Альтман в списке членов СС и предположил, что это псевдоним. Енни был одним из тех людей, чье воображение Визенталю удалось разбередить. Общаясь с Визенталем, он использовал всякого рода приемы, позаимствованные, по-видимому, из шпионских фильмов, вроде тайнописи и эзопова языка. Информация, которую он сообщил Визенталю, указывала на то, что так называемый Альтман был и в самом деле нацистским преступником.

В архиве Визенталя эта история разветвляется на бесчисленные второстепенные сюжеты. Например, там есть атлас дорог Перу и вдруг откуда-то «выскакивает» некий человек по имени Бар-Гиора. Однако в конечном счете Визенталю так и не удалось установить, что Альтман – это Барби. «Об Альтмане я ничего не знаю», – написал он Енни. В результате эта сенсация досталась его сопернице.

Кларсфельд поспешила отправиться в Перу и Боливию и, как ей было свойственно, первым делом с помощью местной прессы подняла скандал. Визенталь поморщился. «Я уверен, – писал он в одном из писем, – что французы смогли бы договориться с перуанцами и без поездки Кларсфельд». «Если бы, – говорит он в другом письме, – мы занимались делом коменданта Треблинки Штангля так, как это делает Кларсфельд, тот и сейчас бы жил себе в Сан-Паулу».

Прошло более десяти лет, прежде чем Барби был экстрадирован во Францию, где предстал перед судом. Этот суд еще раз напомнил французскому обществу о временах нацистской оккупации и заставил французов заново проанализировать уроки

прошлого. В 1987 году Барби был приговорен к пожизненному заключению, но еще до этого американцы признались, что после войны он на них работал.

В начале 1984 года Кларсфельд поехала в столицу Чили Сантьяго и вместе с небольшой группой местных евреев устроила демонстрацию возле дома Вальтера Рауфа – человека, придумавшего «грузовики смерти». Они использовались для убийства евреев до того, как в лагерях оборудовали газовые камеры. После войны Рауф жил в Италии, был арестован американцами, а в конце 50-х годов поселился в Чили.

Чилийская полиция Кларсфельд задержала, но отпустила, а в результате проведенной ею демонстрации журнал «Нью-Йорк» опубликовал о ней статью, написанную с большой симпатией. Среди прочего, автор статьи спросил ее, что делает Визенталь, чтобы поймать Рауфа. «Что он делает? – ответила Кларсфельд. – Письма пишет, вот что он делает». Один из адвокатов Визенталя, Мартин Мендельсон, сразу же послал в редакцию журнала возмущенное письмо. «Когда история, – писал он, – даст сравнительную оценку деятельности Визенталя и Кларсфельд, неужели у кого-то возникнут сомнения относительно того, кто из них будет признан фигурой более значительной?»

Заявление Кларсфельд было действительно несправедливым: Рауф являлся одним из военных преступников, которыми Визенталь интересовался еще в начале 60-х годов. В 1962 году он сообщил, что Рауф живет в Эквадоре (правда, на самом деле к тому времени тот уже перебрался в Чили). Затем на некоторое время Рауф исчез, но в 1972 году Визенталь узнал его новый адрес. Он написал письмо президенту Чили Сальвадору Альенде и получил вежливый ответ, не исключавший возможности выдачи Рауфа Западной Германии. После этого Визенталь напросился на аудиенцию к канцлеру ФРГ Гельмуту Колю, а в середине февраля 1984 года, в Белом доме, говорил о Рауфе с президентом США Рональдом Рейганом. Вряд ли можно было ожидать от Визенталя большего.

Тем временем Рауф открыто и беспрепятственно жил в Чили, где его видели и фотографировали журналисты, но не потому, что Визенталь это дело забросил, а потому, что обстоятельства были сильнее его. В сентябре 1973 года Альенде был смещен, и правительство Аугусто Пиночета даровало Рауфу неприкосновенность, но государства, которые могли бы потребовать его ареста (включая Израиль), не хотели рисковать своими интересами в Чили. Кстати, если говорить об Израиле, то у него была и еще одна убедительная причина не поднимать вокруг Рауфа излишнего шума. Дело в том, что в 1949 году тот

был завербован израильской разведкой и направлен в Сирию. Визенталь мог об этом знать, но доказательств этому нет.

В 1984 году Рауф умер от остановки сердца.

Глава девятнадцатая. «Чтобы имя Менгеле не было забыто»

1. Мальчики Менгеле

Лоуренс Оливье уже считался одним из величайших актеров XX века, когда в 1977 году решил сыграть роль охотника за нацистами Эзры Либермана в фильме «Мальчики из Бразилии». В этом фильме рассказывалось о погоне за доктором Йозефом Менгеле. В Освенциме Менгеле участвовал в селекции прибывавших в лагерь людей, решая, кому работать, а кому умереть, и ставил над заключенными эксперименты с целью проверить те или иные положения расовой теории. В первую очередь его интересовали близнецы.

Либерман – охотник за нацистами, живущий в Вене. Образ этот вымышленный, но списан с Визенталя. Однажды по телефону ему сообщают, что Менгеле клонировал девяносто четыре ребенка, обладающих характеристиками Адольфа Гитлера.

В основе сценария фильма лежал бестселлер Айры Левина. Визенталю «Мальчики из Бразилии» не понравились: его смутил почти порнографический сюжет. «Это какая-то безумная выдумка», – писал он. Когда Левин принес ему свою книгу, он отчитал его за то, что тот без разрешения использовал его в качестве прототипа, но Левин сказал, что образ Визенталя уже вошел в историю, и Визенталю это, судя по всему, понравилось.

В Европе рецензии на книгу были плохими, да и в Америке ненамного лучше, и Визенталь опасался, что фильм подорвет его репутацию. Но когда к нему приехал Лоуренс Оливье, ему это польстило и он помог актеру во йти в образ. Ранее Оливье сыграл роль нацистского дантиста-садиста в фильме «Марафонец». Вместе с Оливье в «Мальчиках из Бразилии» снялись такие звезды, как Грегори Пек и Джеймс Мейсон.

После премьеры фильма в Нью-Йорке, на которую Визенталь прибыл лично, друзья сказали ему то же, что написали многие кинокритики, а именно, что фильм плохой и наносит ущерб его репутации. Визенталь был в гневе. «Лоуренс Оливье играет какого-то надуманного Либермана, который совсем на Визенталя непохож, – писал он. – Либерман ведет себя не так, как веду себя я. Это какой-то перепуганный еврей из гетто. Других евреев Айра Левин, по-видимому, не встречал».

Соглашаясь сотрудничать с создателями фильма, Визенталь, возможно, тешил себя надеждой, что картина поможет ему поймать Менгеле, подобно тому как фильм «Досье “ОДЕССА”» привел к поимке Рошмана. Он собирался отпраздновать свое семидесятилетие и горел желанием Менгеле отыскать. Прошлые неудачи его не обескураживали. Он мог утешать себя мыслью, что

израильский Моссад и западногерманский прокурор Фриц Бауэр преуспели в этом плане ничуть не больше него. Он продолжал искать.

Когда в 1959 году Визенталь написал, что «его посланец» обнаружил Менгеле в Буэнос-Айресе, он, как обычно, немного преувеличил, но в столице Аргентины у него действительно был помощник: президент местной организации бывших узников концлагерей Хосе Московиц. Они познакомились через некоторое время после войны на одной из европейских конференций бывших узников концлагерей. Московиц родился в Венгрии. Некоторое время он жил в Израиле, но в начале 50-х годов эмигрировал в Южную Америку, где занимался исками о компенсациях, возвращением имущества и т. п. Судя по всему, он участвовал в подготовке похищения Эйхмана, в частности арендовал для израильских агентов конспиративные квартиры. Визенталю он был рад услужить всегда.

В их письмах идет речь о целом ряде нацистских преступников. Визенталь сообщал Московицу информацию, которую ему удалось раздобыть, а тот пытался проверить, имеет ли она под собой основания. Московиц был знаком с несколькими начальниками аргентинских спецслужб и пользовался услугами частных детективов. Они переписывались многие годы, и по их письмам видно, что они состояли в дружеских отношениях.

Задавал Визенталь Московицу и вопросы о Менгеле. «Я, – писал он весной 1972 года, – получил из Израиля информацию, что проживающему в Буэнос-Айресе человеку по имени Педро Кляйн что-то известно о Менгеле и он хочет со мной связаться, но не знает, как это сделать. Я слышал, ты с этим человеком знаком или, во всяком случае, можешь без труда выяснить, кто он. Можно ли ему доверять? Хочет ли он денег?» Визенталь попросил Московица связаться с Кляйном и сообщить тому его (Визенталя) адрес, а еще через три недели попросил разузнать про некую женщину лет шестидесяти пяти, общавшуюся с бывшими нацистами и даже укрывавшую Менгеле в своем доме.

Московиц сделал все, что мог. Он написал, что Кляйна не знает, что в телефонном справочнике Буэнос-Айреса есть три человека с таким именем и спросил, не может ли Визенталь получить из Израиля дополнительные сведения. Что же касается женщины, то ее он знал и пообещал вскоре прислать о ней новую информацию. В ответ на другой запрос Визенталя он сообщил, что заказал тайное расследование, что человек, которому он его поручил, абсолютно надежен и что он, Московиц, взял все расходы на себя.

В 1972 году Визенталь написал, что сын Менгеле, Рольф,

собирается посетить Бразилию. Он хотел отправить следить за ним детективов, но не смог найти на это денег: требовалось десять тысяч долларов, а у него было только две. Он попытался получить недостающую сумму от одной голландской газеты (взамен на обещание эксклюзивных прав на эту историю), но газета так много платить не захотела.

Время от времени Визенталь сообщал, что получил новую информацию. «Менгеле часто меняет место жительства; похоже, он боится за свою жизнь», – писал он в 1968 году. Четырьмя годами позже, «на основании достоверной информации», он сообщил, что в 1971 году Менгеле побывал в Испании: «Нашему агенту удалось записать номер машины, в которой Менгеле ехал. Номер был немецкий, но оказалось, что цифры неправильные». По его словам, информацию о местонахождении Менгеле он продолжал проверять, «но больше об этом пока ничего сказать нельзя».

Еще через два года, в начале 1974-го, Визенталь сообщил, что Менгеле все еще спокойно проживает в Парагвае, а в 1978 году написал, что в его «списке разыскиваемых преступников Менгеле стоит на первом месте», однако находящаяся у власти в Парагвае военная хунта преступнику покровительствует. Правительство Парагвая это заявление опровергло, но Визенталь опубликовал документы, свидетельствовавшие о том, что Менгеле получил парагвайское гражданство. «Мы стараемся поддерживать интерес общественности к Менгеле», – писал Визенталь, и действительно, целый ряд журналов – таких, как «Тайм», «Пари матч» и австрийский «Профиль», – опубликовали о Менгеле статьи. Документ, доказывавший, что Менгеле получил парагвайское гражданство, удостоился широкой огласки и в Израиле.

В начале 80-х годов Визенталь объявил, что тот, кто предоставит информацию, которая приведет к поимке Менгеле, получит пятьдесят тысяч долларов, а еще десять тысяч долларов будут перечислены в качестве благотворительного взноса туда, куда скажет получивший награду человек, и в результате поступило много новых сведений. Следы Менгеле вели в Чили, Боливию и Уругвай. Все это широко освещалось в прессе.

Визенталь выражал уверенность, что Менгеле найдется. «Мы, – писал он, – знаем сейчас о круге друзей Менгеле больше, чем раньше, и надеемся найти его до конца 1981 года». Однако когда этого не произошло, награда за голову Менгеле была увеличена до ста тысяч долларов. «По последней информации, имеющейся в наших руках, – объявил Визенталь в 1983 году, – Менгеле находится в Парагвае, в городе Филадельфия. – И добавил: – Мы публикуем это, чтобы друзья Менгеле знали, что

мы знаем».

Назначив награду за поимку Менгеле и занимаясь проверкой полученной информации, Визенталь задействовал также различные правительственные инстанции и официальных лиц, включая своего знакомого, Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма. Вальдхайм послал парагвайскому правительству запрос и переслал Визенталю полученный ответ, из которого явствовало, что Менгеле давно из Парагвая уехал, а его гражданство аннулировано. Однако Визенталь в этом сомневался, и не он один: посол Израиля в Парагвае Бено Вайзер Варон тоже писал, что, по его мнению, Менгеле находится в Парагвае, хотя и жаловался, что широкая огласка этого дела затрудняет ему работу. Правительство ФРГ тоже полагало, что Менгеле находится в Парагвае, но, когда западногерманский посол попросил экстрадировать преступника, президент Альфредо Стресснер потребовал, чтобы ФРГ прекратила заниматься этой темой, и пригрозил, что в противном случае разорвет с ней дипломатические отношения.

В марте 1985 года Визенталь получил письмо от канцлера ФРГ Гельмута Коля. Оно было на официальном бланке. Вверху страницы Коль написал от руки: «Лично» – и поставил восклицательный знак. Он писал, что Визенталю наверняка известно, что правительство ФРГ ведет масштабные поиски Менгеле по всему миру и в первую очередь в Южной Америке, и сообщил, что в начале года его правительство обратилось к целому ряду государств (в том числе, подчеркнул Коль, к Парагваю) с просьбой усилить поиски. Парагвайское правительство пообещало выдать Менгеле, как только он будет арестован, но при этом заявило, что из страны тот давно уехал. Тем не менее Коль заверил Визенталя, что снова поднимет этот вопрос во время ожидавшегося визита президента Стресснера в ФРГ.

Судя по всему, Коль написал это письмо, чтобы предотвратить возможные заявления Визенталя, которые могли бы визит Стресснера испортить. В своем письме канцлер, правда, прямо этого не сказал, но упомянул тем не менее «интересное заявление», сделанное Визенталем для новостных агентств. В этом заявлении Визенталь сказал, что, хотя адрес Менгеле ему неизвестен, он знает, что тот живет в Парагвае, в закрытой военной зоне, и добавил, что название этой зоны ему известно. В связи с этим Коль просил Визенталя оказать ему «помощь». Так как парагвайское правительство отрицало, что Менгеле находился в Парагвае, не мог бы, спрашивал он, Визенталь сообщить правительству ФРГ факты, результаты слежки и

обстоятельства, побудившие его сделать данное заявление? Ибо если правительство ФРГ сможет предъявить Стресснеру убедительные доказательства, переговоры с ним приобретут совсем другой характер.

Однако Визенталю было известно не больше, чем немцам. Он написал Колю, что знает о том, что правительство ФРГ ищет Менгеле еще со времен канцлера Конрада Аденауэра и что уже тогда правительство Парагвая утверждало, будто Менгеле у них в стране нет, но, поскольку еще в 1979 году ему, Визенталю, удалось доказать, что Менгеле имеет парагвайское гражданство, опровержения парагвайцев большого впечатления на него не производят. Преступления Менгеле, писал он, хорошо задокументированы, и необходимо обсудить вопрос, что нужно сделать, чтобы Менгеле все-таки предстал перед западногерманским судом.

Посвященные делу Менгеле папки, хранящиеся в архиве Визенталя, содержат множество писем людей, утверждавших, что они знали, где тот находился, или видели кого-то на него похожего, и Визенталь всем им отвечал, даже если подозревал, что его намеренно пытаются сбить со следа. Некто Герберт Ганс Вагнер из Аугсбурга, например, присылал ему якобы достоверные сведения о перемещениях Менгеле с места на место. Визенталь заверил Вагнера, что, кроме самого Визенталя и его секретарши, об этом никто не знает и никакая опасность ему не угрожает, и предложил подписываться псевдонимом «Феликс», чтобы никто ни о чем не догадался.

В 1981 году Визенталь дал указание своему нью-йоркскому адвокату предложить пятьдесят тысяч долларов некоему человеку, проживавшему в столице Эквадора Кито и желавшему продать Визенталю адрес Менгеле. Визенталь с этим человеком поговорил и в своем письме адвокату, хорошо отражающем стиль его работы, написал: «Я сказал ему, что его предложение нас интересует, но сам товар он присылать не должен: достаточно и адреса. Естественно, я сказал ему также, что он должен снизить цену. Мне кажется, мы можем предложить ему пятьдесят тысяч долларов, при условии, что сможем арестовать “нашего человека” на основании адреса, который он нам даст, и что деньги будут выплачены после ареста».

Молодой человек из ФРГ по имени Инго Венцек предложил создать особый отряд добровольцев из числа немцев и евреев, которые отправятся на поиски Менгеле, и пообещал, что, если такой отряд будет создан, он тоже в него вступит.

В этот период Визенталь финансировал также авантюры некой Ингрид Римланд из города Стоктона, штат Калифорния.

2. Путешествие по местам, где прошло детство

Узнав, что Визенталь ищет Менгеле, Ингрид Римланд прочла книгу «Убийцы среди нас», и та ее очень взволновала. «Как мало мы знаем о других людях», – написала она Визенталю. Визенталь знал о ней только то, что она сама ему рассказала. Она представилась как серьезная писательница, опубликовавшая несколько романов, и прислала пресс-релиз, где говорилось в том числе и о ее происхождении.

Она родилась на Украине в семье крестьян-меннонитов. Меннониты – это одна из протестантских церквей, возникшая в XV веке и проповедующая, помимо всего прочего, ненасилие. После Второй мировой войны семья Римланд эмигрировала в Парагвай и поселилась в глухом местечке в джунглях, где Ингрид и выросла. Она вышла замуж и родила ребенка с травмой мозга. В книге «Гнев и пламя», которую она прислала Визенталю, рассказывалось, как она воспитывала своего больного ребенка до тех пор, пока тот не закончил среднюю школу.

В США Римланд переехала в 60-е годы. Она писала книги и параллельно работала детским дефектологом. Одна из ее книг, «Скитальцы», была воспринята некоторыми как пронацистская, но Римланд утверждала, что это неправда, и Визенталь, судя по всему, предпочел ей поверить, поскольку никто еще не рассказывал ему о Менгеле столько, сколько рассказала она. Римланд сообщила, что Менгеле был врачом в меннонитской общине, где прошла ее юность. «Я, – писала она Визенталю, – знала его хорошо, поскольку у него работала моя мать». Визенталю хотелось верить, что это очень серьезная зацепка.

Продолжение данной истории очень характерно для стиля работы Визенталя. Так как в большинстве случаев он не знал, где скрываются преступники, которых он разыскивал, то не отвергал почти ни одного предложения о помощи. К разочарованиям он привык и считал необходимым проверять каждый намек. В результате он решил послать Ингрид Римланд в Парагвай с тайной миссией.

С собой Римланд взяла человека по имени Вальтер Бёнер. Он был летчиком-испытателем из Невады, но родился в Парагвае, в семье немецкого вице-консула. В 40-е годы его отца отозвали в Берлин, но, будучи противником гитлеровского режима, тот дезертировал, уехал в Англию и завербовался в Королевские военно-воздушные силы. Во время одного из вылетов его самолет

сбили немцы, и он погиб. Вальтер, оставшийся в Германии, был зачислен в гитлерюгенд, а затем призван в авиацию. Он участвовал в нескольких воздушных сражениях с русскими, но в конце войны его арестовали за то, что он опорочил честь солдата. Римланд собиралась написать про него книгу. По-видимому, Визенталю так сильно хотелось отправить их на задание, что биографию спутника Римланд он тоже проверять не стал.

Поначалу операция проходила в соответствии с разработанным планом. Визенталь прибыл в Калифорнию, встретился с Римланд и снабдил ее необходимыми материалами о Менгеле, но порекомендовал эти материалы с собой не брать, чтобы в Парагвае у нее не возникло проблем. Они придумали легенду, согласно которой Римланд и ее муж ехали в Парагвай, чтобы посетить места, где прошло их детство. Об операции Визенталь сообщил генеральному прокурору Франкфурта.

Римланд и Бёнер получили деньги. Адвокат Визенталя Мартин Розен заключил с ними письменный договор, согласно которому каждый из них получал чек на сумму в шесть тысяч долларов. Половина этой суммы предназначалась на покрытие расходов. Римланд и Бёнер обязались предоставить квитанции. Кроме того, Розен оплатил им авиабилеты. В случае ареста Менгеле каждый из них получил бы еще по пятьдесят тысяч долларов. Договорились также, что докладывать о ходе операции они будут Розену.

Перед поездкой Римланд задала Визенталю несколько вопросов: «Выпуклые ли у Менгеле глаза?», «Был ли у него роман с женщиной по фамилии Моргенштерн?», «Имеет ли он привычку переодеваться в еврея?» – и некоторые другие, смысла которых Визенталь не понял. На самом деле Римланд все это попросту придумала.

Через три месяца «детективы» вернулись в США. Менгеле они не нашли, но Римланд собрала материал для книги. Она пришла к выводу, что Менгеле – это врач по имени Пертш. Она описывала его как человека странного и жестокого, а кроме того, называла имена других врачей, один из которых был, по словам Римланд, повинен в том, что ее сын родился с травмой мозга.

Первая глава ее книги была написана вскоре по возвращении, и она послала ее Визенталю с шутливым письмом, в котором писала: «Я думаю, если окажется, что я права, кинопродюсеры и издатели будут готовы заплатить целое состояние. Готова поспорить с вами на бутылку шампанского, господин Визенталь, что я права: Менгеле – это Пертш».

Визенталь был в бешенстве. Поездка Римланд и ее спутника в Парагвай не продвинула поиски ни на йоту. Более того, он

подозревал, что эта парочка даже и не пыталась искать Менгеле, а его деньгами воспользовалась только для того, чтобы написать книгу, и, судя по всему, даже на Римланд накричал, поскольку в одном из писем та пишет: «После нашего последнего телефонного разговора я все еще дрожу».

Римланд писала Визенталю, что уверена в своей правоте, что вскоре правда выйдет на свет, что она должна быть к этому моменту готова и что нельзя требовать от журналиста отказаться от такой сенсации. Она взывала к его сочувствию и даже пыталась вызвать у него чувство вины. «С тех пор как я начала с вами работать, – писала Римланд, – я ощущаю себя несчастной. Я никогда не чувствовала, что вы мне полностью доверяете. Кроме того, я знаю, что вы можете меня уничтожить – если опровергнете все, что я говорю или пишу, – и что я могу уничтожить себя сама, если расскажу глупую историю, которая окажется неверной».

У Визенталя были веские причины злиться на Римланд еще и потому, что, пока она путешествовала со своим другом по местам детства и мечтала о том, как ее книга станет бестселлером, он не удержался и публично объявил, что Менгеле укрылся в общине меннонитов. Меннониты оскорбились, а меннонитская церковь в Голландии, где у Визенталя было много сторонников, заявила протест. В итоге ему пришлось приносить извинения.

Много лет спустя Визенталю довелось услышать о Римланд снова. В 90-е годы она вышла замуж за одного из самых ярых отрицателей Холокоста, Эрнста Цюнделя, и стала ему помогать. Супруги создали сайт, где, в частности, опубликовали ряд материалов, поливавших грязью Визенталя.

Сообщения, которые Визенталь время от времени публиковал, были неверными, и он это знал. В действительности он понятия не имел, где находился Менгеле. Какое-то время тот действительно жил в Парагвае и Аргентине, но среди всех тех стран, которые Визенталь упоминал, ни разу не была упомянута страна, в которой Менгеле и в самом деле прожил много лет и которая стала для него относительно надежным убежищем, а именно Бразилия. Он переехал туда в 1960 году, через несколько месяцев после похищения Эйхмана.

7 февраля 1979 года Менгеле пошел купаться в море и утонул. Родственники о его смерти знали, но в течение нескольких лет этот факт скрывали. Визенталь же тем временем продолжал напоминать миру о необходимости Менгеле найти. В конце концов в прессе стали появляться намеки на то, что Менгеле умер, и после проведенного расследования члены его семьи признались, что он утонул, а также сказали, где он в Бразилии похоронен. Могилу вскрыли, и останки Менгеле были

опознаны.

Визенталю, однако, было трудно с этим смириться, и даже через четыре года после обнаружения могилы Менгеле и его опознания он все еще пытался высказывать сомнения. Однако ему больше никто не верил. Менгеле умер, и репутации Визенталя был нанесен тяжелый удар, причем уже во второй раз. В 1973 году в Берлине обнаружили останки одного из самых близких к Гитлеру людей, Мартина Бормана, относительно которого Визенталь утверждал, что тот жив, и называл разные места его проживания, включая Бразилию.

Следствие по делу о смерти Менгеле показало, что – как и говорил Визенталь – сын Менгеле, Рольф, несколько раз ездил в Бразилию (Визенталь, правда, не знал, что Рольф ездил туда к отцу) и что Менгеле часто переписывался со своими родными в ФРГ. Моя ошибка, обьяснял Визенталь, состояла в том, что я полагал, будто немцы следили за родственниками Менгеле и его знакомыми.

Прочие замешанные в этом деле люди тоже валили вину на других, но над Визенталем смеялись почти все.

Среди тех, кто издевался над Визенталем, был и американский адвокат Джеральд Познер. Родственники Менгеле позволили ему и английскому журналисту Джону Вейеру познакомиться с дневниками и письмами покойного, и они написали книгу, где рассказывалось о том, как Менгеле удалось сбежать, и о провалившихся попытках его найти.

Виновниками провала были в первую очередь израильский Моссад, а также спецслужбы и правоохранительные органы ФРГ и США. Менгеле не был найден потому, что никто не предпринимал серьезных усилий, чтобы его отыскать. Визенталь, по крайней мере, пытался. Познер писал ему, что никого не уважает больше и всегда считал его героем, но в своей книге Визенталя не пощадил.

Визенталь очень обиделся. В письме Познеру он рассказывал, что когда в 60-е годы впервые приехал в США, то нацистами там никто не интересовался, а евреи ограничивались тем, что раз в год отмечали день памяти. «Именно я, – писал он, – своими лекциями, статьями и телевизионными интервью сумел не дать угаснуть этому тлеющему костру совести. Когда Менгеле больше уже никого не интересовал, я часто передавал информацию, которую не мог проверить, в прессу, только для того, чтобы имя Менгеле не было забыто». В последнем предложении Визенталь фактически выразил свое профессиональное кредо. Он сделал больше, чем многие другие.

Визенталь всегда утверждал, что, пока смерть преступников, которых он ищет, не доказана, следует считать их живыми и

продолжать поиски. Этого же принципа придерживались и организации, которые должны были искать Менгеле. С годами тот превратился в символ нацистских злодеяний. Это произошло, в том числе, благодаря фильмам «Марафонец» и «Мальчики из Бразилии». Что стало с Менгеле, был неизвестно, и чем меньше становилось нацистских преступников, тем сильнее людям хотелось верить, что в один прекрасный день он будет найден и наказан.

В январе 1985 года отмечалось сорокалетие освобождения Освенцима, и в Иерусалиме инсценировали суд, где несколько жертв Менгеле рассказали о жутких экспериментах, которые тот над ними ставил. Средства массовой информации публиковали леденящие душу подробности, и это тоже способствовало тому, что Холокост стал ассоциироваться в первую очередь с Освенцимом и Менгеле. За информацию о местонахождении Менгеле были назначены новые денежные награды, а Израиль, ФРГ и США пообещали возобновить его поиски. Если бы его искали с таким же усердием при жизни, с каким искали после смерти, то, возможно, и поймали бы.

Неожиданный интерес, проявленный к поискам Менгеле в середине 80-х годов, был связан с тем, что к Холокосту в этот период относились уже гораздо серьезнее, чем раньше. Особенно в США. Явление это было относительно новое: Америка начала открывать для себя Холокост только в середине 60-х годов. Тогда же она открыла для себя и полюбила Визенталя.

3. Культовая фигура

Когда во второй половине 40-х годов в Америку стали прибывать бывшие узники нацистских концлагерей, пережитое ими во время войны мало кого там интересовало, тем более что большинство спасшихся не знали английского языка. Поскольку же им хотелось побыстрее интегрироваться в американское общество, протестовать против навязанного им молчания они не пытались. Визенталю это явление было знакомо: впервые он столкнулся с ним еще в Израиле, когда привез для захоронения урны с прахом погибших. В США людям, пережившим Холокост, тоже приходилось снова и снова объяснять, как им удалось остаться в живых, и многие из них чувствовали себя виноватыми.

Подобно тому как евреи, приехавшие в Израиль из Европы, задавали трудные вопросы относительно того, что сделало сионистское руководство, чтобы их спасти, так и евреи, эмигрировавшие в Америку, задавали аналогичные вопросы руководству тамошней еврейской общины. Многие из уцелевших считали, что во время войны американские евреи и их лидеры бросили европейских евреев на произвол судьбы и не сделали всего возможного, чтобы спасти, по крайней мере, часть из них. В значительной степени они были правы.

Подобно Визенталю и израильтянам, пережившим Холокост, евреи, прибывшие в Америку из Европы, тоже были поражены тем фактом, что, пока они гнили в лагерях, евреи Палестины и США преспокойно жили своей обычной жизнью. Это было настолько болезненно, что спасшиеся решили: лучше всего молчать и продолжать жить дальше. Вдобавок в 50-е годы в Америке царил разгул антисемитизма, и это тоже заставляло многих евреев своего происхождения не афишировать, а о Холокосте помалкивать.

Но молчали о Холокосте не только евреи. Большинство американцев-неевреев поначалу попросту не выделяли геноцид евреев из общей массы нацистских преступлений. Шесть миллионов убитых евреев растворились в общем количестве погибших в Европе гражданских лиц, число которых приближалось к двадцати пяти миллионам.

Среди миллионов погибших на войне солдат было около четырехсот тысяч американцев, и американская послевоенная пропаганда трактовала победу над нацистами прежде всего как победу добра над злом. Судьба же евреев – как и во время Нюрнбергского процесса – находилась на периферии общественного внимания. На жуткие фотографии, сделанные в

лагерях смерти, смотреть было слишком тяжело, и они могли заслонить страдания и героизм американских солдат. К тому же вскоре началась «холодная война», и главными злодеями стали считаться уже не нацисты гитлеровской Германии, а коммунисты сталинского Советского Союза. В результате Холокост поначалу воспринимался американцами как явление второстепенное. План построить памятник жертвам Холокоста в нью-йоркском парке Риверсайд заморозили, и в качестве одной из причин был назван тот факт, что он может расстроить играющих в парке детей. «Дневник Анны Франк», опубликованный в Америке в 1952 году, моментально стал бестселлером, но фильм, поставленный по книге, был хоть и печальным, но оптимистическим по духу рассказом о судьбе всего лишь одной-единственной девочки, а не историей об истреблении еврейского народа. Рауль Хильберг с большим трудом сумел найти издателя для одной из самых значительных книг, когда-либо написанных о Холокосте.

Однако за пятнадцать лет, прошедших с окончания войны, в Америке выросло новое поколение евреев. В качестве американцев они чувствовали себя уже гораздо более уверенно, но при этом интересовались и своими еврейскими корнями. Те из них, чьи родители родились в США, нередко ощущали дискомфорт и чувство вины из-за того, что их «предки» не сделали всего возможного, чтобы спасти евреев Европы; остальные же хотели знать, что произошло с их родителями во время войны.

Когда израильтяне похитили Эйхмана и тот предстал перед судом в Иерусалиме, молодых американских евреев это воодушевило и наполнило гордостью. Операцию, проведенную в Аргентине, они восприняли как акт еврейского героизма, а решение предать Эйхмана суду хорошо согласовывалось с их впитанными в Америке представлениями о законе и справедливости. Многие из них хорошо усвоили две главные идеи, которые, по замыслу израильтян, как раз и должен был донести до людей этот суд: главное преступление нацистов – это истребление евреев, а Государство Израиль – гарантия того, что Холокост больше не повторится.

Суд над Эйхманом освещался американскими СМИ очень подробно, а книга Ханны Арендт сделала тему нацизма и Холокоста предметом широкого обсуждения. В результате, как и многие, преимущественно светские, израильтяне, большая часть американских евреев тоже стала рассматривать Холокост как центральный элемент еврейской национальной самоидентичности.

В июне 1967 года многими евреями США, как и многими

израильтянами, овладел экзистенциальный страх. Это был страх перед вторым Холокостом. Десятки тысяч американских евреев писали письма в Белый дом, умоляя президента Джонсона спасти Израиль. Победу Израиля в Шестидневной войне многие евреи Америки восприняли как спасение от Холокоста, и теперь им хотелось не только больше о Холокосте узнать, но и говорить о нем. В этом смысле они были не одиноки.

За шесть лет, прошедших между судом над Эйхманом и Шестидневной войной, американское общество пережило «землетрясение», заставившее его пересмотреть свои основополагающие моральные ценности. Убийство Кеннеди в ноябре 1963-го, убийство Мартина Лютера Кинга в апреле 1968-го, студенческие волнения, борьба чернокожих американцев за свои права, резня во вьетнамской деревне Сонгми – все это потрясло Америку и заставило ее заняться самоанализом.

Рауль Хильберг вспоминал, что его студенты пребывали в растерянности. Они чувствовали потребность в новом определении добра и зла, и Холокост давал им для этого точку отсчета. В американских университетах начали одна за другой открываться кафедры истории Холокоста, и спрос на соответствующие курсы был высоким.

Американизация темы Холокоста началась с голливудских фильмов, в двух из которых был использован образ Визенталя, а кульминацией в этом отношении стал телевизионный сериал производства Эн-би-си «Холокост», показ которого начался в 1978 году. За год до этого по Эй-би-си показали сериал «Корни», где рассказывалось о трагедии привезенных из Африки в Америку рабов, и считается, что он оказал большое влияние на формирование этнического самосознания чернокожих американцев. Оба сериала были поставлены одним и тем же режиссером Марвином Хомски.

«Холокост», который рассказывал о геноциде евреев и транслировался в течение двух лет, посмотрело более двухсот миллионов человек, и благодаря этому сериалу о Холокосте узнала вся Америка. Визенталь отозвался о сериале положительно. Он писал, что история одной семьи производит на зрителей более сильное впечатление, чем рассказ о миллионах жертв, так же как история Анны Франк произвела большее впечатление, чем Нюрнбергский процесс. Однако Эли Визель, в отличие от Визенталя, высказалася о сериале резко отрицательно. По его мнению, создатели фильма выдали художественную реальность за документальную, чем ввели зрителей в заблуждение.

Во второй половине 1978 года президент Картер создал

Президентскую комиссию по Холокосту и назначил ее председателем Визеля. Комиссия начала работать над созданием музея Холокоста в Вашингтоне. Сочувствие к жертвам Холокоста укрепило представление многих американцев о себе как о носителях добра и надежды, и выживший во время Холокоста «охотник за нацистами» Визенталь хорошо в это развитие событий вписался.

Он ездил в США, по крайней мере, раз в год, выступая с лекциями в синагогах, общественных центрах и университетах, а по возвращении домой подсчитывал, сколько людей его слышали, и часто этим хвастался. «Во время этой поездки, – написал он однажды Менахему Бегину, – я выступил перед двадцатью восемью тысячами студентов в двенадцати университетах». Вскоре он стал в Америке культовой фигурой.

Он носил старомодные костюмы, говорил на ломаном английском с сильным идишским акцентом и употреблял тяжеловесные «немецкие» конструкции, но это лишь усиливало доверие к нему. Люди сочувствовали ему так же, как сопереживали героям «Холокоста». Подобно персонажам этого сериала, Визенталь рассказывал преимущественно о себе, о своей жизни и о том, что пережил в концлагерях, но в основном говорил о своих поисках нацистских преступников и предании их суду. Люди часто благодарили его за то, что он поймал Эйхмана, и он их не поправлял. Он подчеркивал, что необходимо помнить прошлое и предотвратить второй Холокост.

Все восхищались им за то, что он старался вернуть погибшим их доброе имя и в одиночку сражался за справедливость со злобной нацистской «гидрой». Как и Анна Франк, он стал символом надежды, а тот факт, что он связал свою судьбу с ее судьбой, еще больше усиливал его популярность. «Он был народным героем, всеобщим дедушкой», – сказал как-то Мартин Розен, возглавлявший Еврейский центр документации в Нью-Йорке.

Визенталь имел обыкновение говорить о нью-йоркском Центре документации как о филиале своего собственного, но на самом деле это был фонд, который получил право собирать облагавшиеся налогом пожертвования. По оценке Розена, с 1965 по 1977 год фонду удалось собрать от одного до полутора миллионов долларов, а за последующие тридцать лет – еще один миллион.

Располагался фонд по тому же адресу, что и фирма, занимавшаяся импортом популярных спортивных товаров марки «Рипаблик Селлини». Владелец фирмы Герман (Гай) Кац был человеком авантюрного склада. В 1964 году он прочел в газете

«Нью-Йорк таймс» очерк о Визентале, и целеустремленность последнего, его смелость, а главным образом окутывавшая его операции таинственность, произвели на него сильное впечатление. Он любил охотиться в Африке и, по-видимому, больше всего восхищался Визенталем как охотником. Помимо всего прочего, он финансировал поиски Штангля. По словам Визенталя, без помощи Каца Штангля никогда бы не поймали. Он писал Кацу, что «данный случай войдет в историю», и просил сохранить его письмо, чтобы дети и внуки Каца могли этим гордиться.

Кац начал помогать Визенталю еще до того, как большинство американских евреев заинтересовались Холокостом, но, как и у других евреев США, его желание помочь еще больше усилилось после Шестидневной войны. Он призывал Визенталя действовать более решительно и время от времени делился с ним своими фантазиям о показательных операциях против нацистских преступников. Арест в Нью-Йорке Гермины Брауншайнер-Райен его воодушевил, но ее попытки отсрочить экстрадицию в ФРГ приводили его в бешенство. «Я хочу, чтобы она сидела в тюрьме, – писал он Визенталю. – Это моя личная вендетта… Подари мне удовольствие увидеть, как она, подобно Францу Штанглю, умирает в тюрьме».

Через шесть лет после того, как Брауншайнер-Райен была разоблачена и над ней начался судебный процесс, неподалеку от ее дома, располагавшегося в нью-йоркском районе Куинс, взорвалась бомба, заложенная в кусок трубы. Был причинен некоторый имущественный ущерб, но никто не пострадал. «Одна из наших здешних ячеек, “Бригада еврейского сопротивления”, решила взорвать ее дом, но по ошибке взорвала другой, – писал Визенталю Кац. – Как видишь, они не слишком хорошо организованы. Надеюсь, мы от нее избавимся и выгоним ее из этой страны».

Когда Кац прочел, что в Австрии были оправданы два подсудимых, которых Визенталю удалось довести до суда, он написал: «Симон, я думаю, мы должны организовать этой парочке особое мероприятие». Он назвал оправданных «животными» и попросил у Визенталя совета, что нужно сделать, чтобы те получили по заслугам, «по крайней мере, чтобы умерли в тюрьме». «Если нужны деньги, – писал он, – можешь положиться на меня». И Визенталь на него действительно полагался. Он делился с ним ходом своих поисков, а однажды договорился с Моссадом, чтобы тот пригласил Каца в Израиль.

Преклонение американского миллионера перед Визенталем переросло в тесную дружбу между ними. Они вместе плавали под

парусом, делились друг с другом семейными радостями и горестями, а когда Кац умирал, Визенталь пытался подбадривать его своими письмами. Он благодарил его за поддержку и писал: «Ты мой лучший друг, ты дорог мне, как брат. Мне просто захотелось тебе это сказать».

Кац умер в 1977 году, и фондом начал руководить Мартин Розен, ставший к тому времени одним из адвокатов Визенталя. Раз в месяц Визенталь получал от него подробный отчет. Доктор Г.С. Леви (Майами, штат Флорида) – 200 долларов; доктор Элиот А. Кляйн и его жена (Лоренс, штат Нью-Йорк) – 150; семейства Фройнд и Гаррис (Сент-Луис, штат Миссури) – 100; Марвин Парсофф и его жена из пригорода Чикаго Скоки (штат Иллинойс), где Американская нацистская партия попыталась устроить демонстрацию, прислали 1080 долларов, а средняя школа имени Адлая Стивенсона, расположенная в Бронксе (Нью-Йорк), – 10 долларов.

Обычно приходило около пяти тысяч долларов в месяц от примерно двадцати пяти доноров, то есть в среднем каждый донор присылал по 200 долларов. С годами число доноров достигло нескольких тысяч; их имена хранятся в венском Центре документации.

Нью-йорский центр организовывал также лекции Визенталя, большинство из которых – хотя и не все – были платными. Иногда он получал за лекцию две тысячи долларов, но обычно около десяти. Когда же его слава достигла пика, гонорар мог доходить и до семнадцати тысяч.

Многие обращались к нему со всякого рода предложениями и просьбами. Адвокат Кевин Келли из города Ла-Саля, штат Иллинойс, попросил помочь найти своего сына Дермонда, пропавшего пять лет назад. Это была печальная история. Как-то раз мальчик вышел из дома и исчез. Ему было тогда шестнадцать с половиной. Ходили слухи, что он живет в еврейской общине Чикаго. Его отец прислал Визенталю фотографии, на которых был изображен светловолосый миловидный подросток. «Мы все его очень любим и хотим знать, все ли с ним в порядке», – писал Келли.

Визенталь ответил вежливым письмом. «У меня есть дочь, и как отец я могу представить себе, что вы чувствуете», – писал он, но оговаривал при этом, что он не детектив. Он сообщил отчаявшемуся отцу адрес директора Чикагской еврейской федерации, чтобы тот смог опубликовать объявление в еврейских газетах. «Скажите ему, что адрес вам дал я», – писал Визенталь.

Бесчисленное количество людей по фамилии Визенталь спрашивали его в письмах, не родственник ли он им, и он

отвечал, что есть много Визенталей, которые его родными не являются. В его Центр приходили также люди, предлагавшие ему информацию о нацистских преступниках и в качестве вознаграждения просившие устроить им «мерседес» со скидкой. Они принимали его за директора венского филиала компании «Мерседес», тоже носившего фамилию Визенталь.

4. Особые расследования

В апреле 1974 года, примерно через год после того, как Брауншайнер-Райен была экстрадирована в ФРГ, член американского конгресса (и адвокат по профессии) Элизабет Гольцман созвала пресс-конференцию, на которой обвинила американское правительство в том, что оно не ищет нацистских преступников, сумевших просочиться в США и получивших американское гражданство. Тридцатитрехлетняя еврейка из Бруклина, Гольцман была в американской политике фигурой заметной и славилась своими левыми взглядами. За исключением Визенталя, никто не сделал больше нее для обнаружения нацистских преступников в США.

Американцы были одними из инициаторов судебных процессов над военными преступниками в оккупированной Европе, но при этом дали убежище сотням, если не тысячам иммигрантов (преимущественно из Восточной Европы), которые были либо пособниками нацистов, либо военными преступниками. В условиях начавшейся «холодной войны» американцы рассматривали этих людей как беженцев, спасавшихся от коммунистического режима. Но американцы не только давали убежище нацистским преступникам, предлагавшим им разнообразные услуги, они также не требовали от ФРГ (где этих преступников было еще больше) предавать их суду и почти ничего не делали, чтобы наказать тех военных преступников, что проживали в их собственной стране. На военные преступления, совершенные в Европе, американские законы не распространялись, а законодательных инициатив с целью принять закон, подобный израильскому закону о наказании нацистов и их пособников (1950 г.), американцы не выдвигали.

Визенталь начал отслеживать нацистов, въезжавших в США, еще в 50-е годы и не раз выражал по этому поводу протест. Нескольких нацистов он сумел разоблачить.

До показа сериала «Холокост» нацистскими военными преступниками в США занималась иммиграционная служба, но в 1979 году в Министерстве юстиции был создан с этой целью Отдел особых расследований (ООР). Создание этого отдела сопровождалось в министерстве довольно острой борьбой. Его сотрудники хорошо понимали, какие политические ожидания были связаны с их работой, и очень хотели добиться успеха. В служебном меморандуме, где анализировались различные варианты действий в связи с одним из расследований, говорилось, что в числе возможных неприятных результатов

может быть скандал в прессе, а также недовольство израильской полиции и Симона Визенталя. «Это недовольство, – отмечалось в документе, – может распространиться на еврейскую общину США и иметь политические последствия».

Визенталь справедливо полагал, что своим созданием ООР был обязан в том числе его общественной деятельности в Америке, и рассматривал эту структуру как орудие для реализации собственных планов. Он часто инструктировал работников ООР, как если бы они были его подчиненными, а также завалил их именами и адресами, за что сотрудники отдела были ему признательны. Тем не менее уже тогда стиль его работы воспринимался ими как сомнительный: Визенталь считал, что официальные структуры, которые он снабжал информацией, должны относиться к его материалам как к проверенным, надежным и достаточным для ареста и суда, а почти всю информацию, которую раздобывал, немедленно публиковал в прессе.

В 1979 году ООР занялся одним из помощников Эйхмана, Отто Альбрехтом фон Большвингом. Дело это было очень деликатное, так как после войны фон Большвинг, с 1954 года проживавший в Калифорнии, работал на американскую разведку. Поэтому следствие велось в строжайшей тайне. Однако в один прекрасный день в израильской газете «Джерузалем пост» появилось интервью с Визенталем, где он, помимо всего прочего, сообщал, что фон Большвинг находится в США (о чем сотрудники ООР рассказали ему по большому секрету), а еще через несколько недель упомянул фон Большвинга в ежегодном отчете о своей деятельности (хотя его обнаружения себе и не приписал).

В конце концов фон Большвинг умер (так и не будучи высланным из США), а публикации Визенталя делу не повредили, но сотрудники ООР стали вести себя с ним осторожнее – еще и потому, что он похищал у них сенсации, а иногда снабжал их неверной информацией.

В 1974 году Визенталь передал американской иммиграционной службе информацию о рабочем чикагского автомобильного завода Франке Валусе. Через три года власти попытались лишить Валуса гражданства (подавая прошение об американском гражданстве, тот скрыл, что работал на гестапо), но, хотя суд и постановил лишить его гражданства, Валус подал апелляцию, представил доказательства своей невиновности и выиграл. В ООР его дело было решено закрыть.

Визенталь пытался еще какое-то время доказывать, что Валус солгал, и они оба подали друг на друга в суд за клевету, но в конечном счете между ними было достигнуто соглашение,

подробности которого не подлежали публикации. У Визенталя не было причин считать, что он допустил в этой истории ошибку, и он полагал, что сотрудники ООР слишком быстро сдались, но те, в свою очередь, утверждали, что их подвел Визенталь.

Самим сотрудникам ООР тоже приходилось терпеть неудачи, как, например, в случае Джоном Демьянюком, проживавшим в Кливленде (штат Огайо), которого с большим шумом экстрадировали в Израиль: в ООР считали, что он был «Иваном Грозным», обслуживавшим газовые камеры Треблинки. Судебный процесс над ним проходил в Иерусалиме, был обставлен как «второй суд над Эйхманом», и его приговорили к смертной казни. Но когда он еще только собирался подавать апелляцию, обнаружились новые факты, благодаря которым он был оправдан и вернулся в Америку. (В 2009 году он предстал перед судом в Германии.)

Эта история показала, что американцы не были готовы наказывать нацистских преступников за то, что те убивали евреев. Их экстрадировали по другой причине – за ложь чиновникам иммиграционной службы. Это было не торжеством справедливости, а скорее очищением американского общества.

Визенталь поначалу считал Демьянюка виновным, но после его оправдания заявил, что на основании новых фактов тоже бы его оправдал.

Сотрудничая с ООР, Визенталь рассчитывал на тот же уровень взаимопонимания и ту же степень уважения, к которым привык, работая с правоохранительными органами ФРГ. Даже амбициозные юристы из Вашингтона, зная о его политической влиятельности, старались с ним в конфликты не вступать. В 1984 году начальник ООР Нил Шер вознес ему хвалу за его «бескомпромиссную преданность борьбе за справедливость и неустанные усилия с целью пробудить совесть мира», а через три года поблагодарил за помощь в письме, написанном в очень дружелюбном тоне.

После стольких лет ненависти и презрения, которые Визенталь вынужден был терпеть в Австрии, ему было приятно, что в США к нему относятся иначе. Он был там иностранцем, но чувствовал себя как дома, почти как в Вене.

Однажды из Лос-Анджелеса к нему приехал гость и попросил разрешения назвать его именем новый Центр изучения Холокоста. Визенталь посоветовался с адвокатом Мартином Розеном, и тот сказал, что речь идет об очень серьезном проекте, который превышал по своим масштабам «Яд-Вашем» и мог поспорить со строившимся в Вашингтоне Музеем Холокоста. Визенталь согласился. Денег за использование своего имени он

не попросил (и не получил). Проект его попросту очаровал, а предложение назвать лос-анджелесский центр в его честь ему польстило.

Глава двадцатая. «Как будто я уже умер»

1. Между Голливудом и Диснейлендом

Марвин Хайер не считается великим авторитетом в области Торы, но мало кто из раввинов наделен такими организаторскими способностями и умением работать со СМИ.

Он родился в 1939 году в семье польских иммигрантов и вырос в Нью-Йорке, в Нижнем Ист-Сайде. Когда ему было двадцать с небольшим, он был назначен на должность помощника раввина общины «Шаарей-цедек» в канадском городе Ванкувере, где и прожил более двадцати лет. Шестидневная война подействовала на него так же, как на большинство североамериканских евреев.

Вскоре после войны группа прихожан во главе с Хайером поехала путешествовать по Восточной Европе. По пути они решили заехать в Вену, к Визенталю. Местному водителю автобуса, который их вез, эта идея не понравилась. «Пора оставить прошлое в покое», – сказал он своим заокеанским пассажирам.

Перед знаменитым «охотником за нацистами» Хайер преклонялся. Он полагал, что тот уделит им всего несколько минут, но Визенталь был с ними очень приветлив, проявил большое терпение, и у Хайера сложилось впечатление, что он был одинок и нуждался в посетителях. Время от времени Визенталь переходил на идиш: ему и в голову не приходило, что евреи, приехавшие из Америки, могут не знать этого языка. Он произвел на группу очень сильное впечатление.

В конце 70-х Хайер провел некоторое время в Иерусалиме и еще больше укрепился в мысли, что Бог хотел создания Государства Израиль. Он сотрудничал с ешивой «Ор-Самеах»[14], специализировавшейся на возвращении светской молодежи к религии и укреплении молодых людей в вере. Вернувшись в Америку, он поселился в Лос-Анджелесе. Человек умный и приятный в общении, он был знаком со всеми, с кем стоило быть знакомым в банковской сфере, в правительственных кругах и в шоу-бизнесе, и еще до показа сериала «Холокост» и объявления о создании национального музея Холокоста в Вашингтоне ему пришла в голову блестящая мысль: создать в Лос-Анджелесе Центр изучения Холокоста, расположенный между Голливудом и Диснейлендом.

Канадский миллиардер Самуэль Бельцберг, благодарный Хайеру за то, что в Ванкувере тот сумел завлечь его сына Марка в свою синагогу, дал Хайеру полмиллиона долларов, а другие полмиллиона он получил от еще одного богача, Йозефа

Тененнбаума, пережившего Холокост лично. Эти деньги Хайер вложил в здание, принадлежавшее Университету Иешива (который разрешил ему использовать свое имя), а также построил еврейскую среднюю школу, названную в честь Менахема Бегина. Престиж, статус и известность Визенталя (в том числе, и кинематографическая) могли поспособствовать успеху этого проекта, и Хайер отправился в Вену.

Визенталь, которому было уже под семьдесят, забыл, что Хайер приезжал к нему десятью годами ранее. «Видимо, – скажет Хайер впоследствии, – я не произвел на него впечатления». Но Хайер знал, кого взять с собой, чтобы произвести на Визенталя более сильное впечатление. Вместе с ним приехал американский миллиардер, еврей, уроженец Франции Рональд А. Арналь. Во время войны Арналь прятался в монастыре, а после войны основал в США ипотечную фирму «Американвест».

Проект Хайера очень воодушевил Визенталя. Он наивно полагал, что центр, носящий его имя, будет действовать в соответствии с его указаниями, и сразу же подключил его к борьбе за отмену в ФРГ закона о сроке давности.

Эта была тема, с которой он был хорошо знаком еще с тех пор, как сумел добиться увеличения срока давности за убийство на пять лет. В 1969 году в ФРГ было решено увеличить срок давности за убийство до тридцати лет, а в 1978 году было выдвинуто требование отменить срок давности полностью. Отчасти это произошло под влиянием суда над преступниками Майданека и показа сериала «Холокост», который, по оценкам специалистов, посмотрели четырнадцать миллионов немцев. Тем не менее требовалось также давление из-за границы, и Визенталь задействовал свои связи в Америке.

Нью-йоркский Центр документации заказал несколько сотен тысяч почтовых открыток, которые предполагалось послать канцлеру ФРГ Гельмуту Шмидту. На них был изображен немецкий солдат, стреляющий в женщину с ребенком на руках, а на обороте имелась надпись по-немецки, английски и французски: «Такое не должно иметь срока давности». Визенталь попросил Хайера включиться в эту кампанию, и тот (как и раввин Авраам Купер, тоже работавший над созданием центра в Лос-Анджелесе) пришел в восторг: это было именно то, что требовалось для привлечения внимания к его проекту.

Хайер был младше Визенталя на 30 лет, а Купер – на 40, и поначалу отношения между ними напоминали отношения между начальником и подчиненными: в первых своих письмах Визенталь отдавал приказы (во всяком случае, ему тогда так казалось), а раввины из Лос-Анджелеса, со своей стороны, обращались с ним,

как с редким цветком, и относились к нему с таким пиететом, с каким умеют относиться только в Америке.

Его письма были очень деловитыми. Пожалуйста, свяжитесь с адвокатом Розеном, чтобы получить от него матрицу и напечатать с нее открытку; вот его адрес в Нью-Йорке и номер телефона. Позаботьтесь о том, чтобы каждый из членов конгресса получил по открытке для канцлера Шмидта. Проследите за тем, чтобы каждый сенатор свою открытку подписал. Я нахожусь в пути, номер рейса такой-то, после обеда хочу отдохнуть. Не надо назначать мне интервью с журналистами, так как это может сорвать пресс-конференцию, которую я хочу созвать. Вот заявление, которое я хочу сделать для журналистов; надо напечатать его на бланке Центра. Не забудьте привезти открытки, чтобы раздать их журналистам. Позаботьтесь о том, чтобы в каждом университете, где я буду выступать, можно было получить открытки.

Раввину Куперу Визенталь написал, что в письме, отправленном им президенту Картеру, неправильно написано имя председателя Верховного суда ФРГ, и попросил эту ошибку исправить. Также он велел раввину «завалить» канцелярию Шмидта пятьюстами тысячами открыток и – как бы желая побудить своего помощника работать более энергично – посвятил его в маленькую тайну: «Я получил неофициальную информацию, что ФРГ начала постепенно свою позицию [по вопросу отмены срока давности] менять». Однако уже через неделю он пожаловался, что кампания идет плохо: в ответ на запросы журналистов канцелярия Шмидта в Бонне сообщила, что получила только пять тысяч четыреста открыток. По-видимому, предположил Визенталь, люди, вместо того чтобы посылать открытки в ФРГ, оставляют их в качестве сувениров себе, и велел немедленно этим заняться.

Кампания с посылкой открыток была лишь одной из сфер деятельности Визенталя. Сотрудничество с лос-анджелесским Центром давало ему ощущение, что он стоит во главе хорошо скоординированной всемирной организации, и он регулярно информировал своих новых партнеров о том, чем занимался. «Я езжу туда-сюда по всей Европе больше, чем мне бы этого хотелось», – писал он одному из сотрудников Центра Эфраиму Зуроффу, а Хайеру, в свою очередь, сообщил, что королева Нидерландов наградила его орденом, и добавил: «Возможно, это пригодится тебе для рекламы Центра».

Премьер-министр Израиля Бегин тоже получил от него подробный отчет о ходе кампании за отмену срока давности, где рассказывалось о мероприятиях, проведенных в Лондоне,

Брюсселе и Париже. Визенталь сообщал, что сын Уинстона Черчилля дал согласие на его просьбу возглавить демонстрацию, что губернатор Калифорнии – и возможный кандидат в президенты США – Джерри Браун тоже включился в кампанию и что в ФРГ он встретился с рядом членов бундестага и договорился о встрече с главой Баварии Францем Йозефом Штраусом. «Мой дорогой друг, – ответил ему Бегин по-английски, – да будут вовеки благословенны ваши труды во имя достижения исторической справедливости для нашего народа».

Лидер правой партии и немецкий националист, Штраус выступал против отмены срока давности за преступления нацистов, и встреча с ним была большим достижением Визенталя. Он придавал ей важное значение. Однако Хайера, приехавшего в это время в ФРГ в качестве главы делегации евреев Лос-Анджелеса, он с собой на встречу не взял. Хайер обиделся, но Визенталь поставил его на место, написав, что «такие дела лучше улаживать в тайне, а не в присутствии большой делегации», поскольку каждый из членов делегации обязательно захочет что-нибудь сказать. При этом о самой встрече он рассказал очень мало и только намекнул (безо всяких на то оснований), что сумел заставить Штрауса изменить свою позицию. Тем не менее Хайер эту обиду проглотил, и Купер прислал Визенталю подробный отчет о встрече их делегации с канцлером Шмидтом. (Сам Визенталь на эту встречу не пошел, как если бы прийти к Шмидту с еврейской делегацией Лос-Анджелеса было ниже его достоинства.) «Канцлер на кампанию с посылкой открыток очень зол», – сообщал Купер с какой-то детской радостью и, пользуясь случаем, спрашивал Визенталя, собирается ли тот обратиться к Папе Римскому и должен ли лос-анджелесский Центр к этому готовиться.

Активную кампанию за отмену срока давности вел также израильский посол в ФРГ, а в Израиле этим занимался Тувья Фридман, делавший все возможное, чтобы расшевелить общественность, и добившийся, в частности, обсуждения этого вопроса на специальном заседании кнессета.

В июле 1979 года бундестаг принял решение срок давности отменить. Визенталь был счастлив.

В тот период ему казалось, что он сможет решить и еще одну проблему. Он написал Бегину, что его контакты с политическими кругами ФРГ и Швеции дают ему основания полагать, что можно организовать международный обмен шпионами, в рамках которого Советский Союз освободит из заключения еврейского борца за права человека Анатолия Щаранского. На самом деле таких оснований не было, но сам этот факт свидетельствует о

том, в каком настроении тогда пребывал Визенталь: никогда еще он не чувствовал себя настолько полезным и обожаемым. «Ни в детстве, ни став взрослой, я никого не воспринимала как героя… Но теперь это больше не так… Вы меня покорили», – писала Визенталю одна из сотрудниц секретариата лос-анджелесского Центра.

Хайер тоже был доволен: кампания рассылки открыток с призывом отменить закон о сроке давности за преступления нацистов сделала его Центр одним из важных игроков на арене отстаивания еврейских интересов. Он возил Визенталя с одного благотворительного мероприятия на другое (один раз даже на роскошном самолете «Конкорд») и выбивал для него все новые и новые награды. Около двадцати колледжей и университетов присвоили Визенталю почетную докторскую степень; президент Картер вручил ему «Золотую медаль конгресса», а президент Клинтон наградил его «Медалью Свободы».

В то время Хайер Визенталю еще нравился, и он нашел в нем внимательного слушателя для своих анекдотов (хотя сам Хайер считал, что ему как раввину слушать их не подобало). Одним из анекдотов был такой. Три приехавших в Америку еврея – Берл, Церл и Шмерл – решают изменить свои имена и обращаются с этой просьбой к американскому чиновнику. «Вас, Берл, – говорит чиновник, – будут звать Бок. Вас, Церл, будут звать Цок. А ваше имя, Шмерл, будет…» – «Не надо, – прерывает его Шмерл. – Лучше я поеду домой»[15]. Визенталь рассказывал этот анекдот Хайеру раз пятьдесят и каждый раз покатывался со смеху. Он доверял Хайеру настолько, что даже ответил согласием на его просьбу выдать ему чистые бланки с собственной подписью, чтобы лос-анджелесский Центр мог рассылать от его имени письма друзьям и донорам.

Перед торжественным открытием Центра Хайер сообщил Визенталю номер телефона Элизабет Тейлор и попросил пригласить ее на церемонию. Привлек он к сотрудничеству с Центром и целый ряд других киноактеров, в частности Джейн Фонду и Дастина Хофмана.

В 1982 году Хайер – вместе с Арнольдом Шварцманом – получил премию «Оскар» за документальный фильм «Геноцид». Позднее Хайер участвовал в переговорах, приведших к постановке биографического фильма о Визентале «Убийцы среди нас».

Недовольный игрой Лоуренса Оливье в фильме «Мальчики из Бразилии», Визенталь решил, что на этот раз должен лично участвовать в выборе актера, который будет его играть. Кандидатуру Кирка Дугласа он отверг, Пол Ньюмен был занят, но Бен Кингсли к тому времени уже удостоился «Оскара» за роль

Ганди, и Визенталю это польстило. За право экранизации книги он получил около трехсот пятидесяти тысяч долларов и конечным результатом остался очень доволен. Среди продюсеров фильма числился Эбби Манн, один из первых американских офицеров, с которыми Визенталь познакомился после освобождения из Маутхаузена.

Фильм сделал Визенталя еще более знаменитым. На улицах Нью-Йорка его часто узнавали, останавливали, взволнованно пожимали руку и иногда просили автограф. На одном из своих концертов комик Джеки Мейсон, увидев в зале Визенталя, прервал выступление и сказал публике, что для него присутствие Визенталя – большая честь, а Фрэнк Синатра спел в честь Визенталя свою знаменитую песню «My Way».

Специалист по «антропологии Лос-Анджелеса», Хайер считал, что Визенталь очаровал звезд Голливуда не только потому, что Холокост вошел в моду, но и потому, что в его личности было нечто такое, чего не хватало им самим. Все, что их окружало, было искусственным, фальшивым, коммерциализованным и временным, а этот переживший Холокост престарелый венский еврей, с его немецким английским, олицетворял собой подлинность: подлинный идеализм, подлинную смелость и подлинную человечность.

Отношение к Визенталю в США повлияло и на другие страны мира: в Европе и Израиле его тоже стали осыпать наградами и почестями, а в Австрии к юбилею освобождения Маутхаузена были выпущены конверты с лагерными рисунками Визенталя, что его очень порадовало.

Время от времени он получал из Лос-Анджелеса отчеты о положении дел в Центре и о его общественной деятельности (в частности, о первых попытках добиться суда над нацистскими преступниками, нашедшими убежище в Америке), и Купер заверял его, что от деятельности Центра его имидж только выиграет. «Мы, – писал он, – с волнением ожидаем ваших замечаний и предложений». Визенталь же, в свою очередь, всячески Центр поддерживал и, когда сам факт его создания вызвал критику, выступил в его защиту. «Еврейские организации, – писал он, – часто ведут себя как пожарные: когда начинается пожар, они приезжают его тушить. Однако когда кто-то пытается пожар предотвратить, это вызывает противодействие».

Всего через пять лет после начала работы над своим проектом Хайер имел уже полное право гордиться тем, что в лос-анджелесском Центре был самый большой в Америке музей Холокоста. Он установил контакт со 150 000 школьников,

транслировал по радио еженедельную передачу, которую слушали 600 000 человек, и создал фильм, который посмотрели миллионы.

Центр Визенталя в Лос-Анджелесе был создан как альтеранатива Музею Холокоста в Вашингтоне, и сам факт его создания явился одним из проявлений конкуренции еврейских общин западного и восточного побережий США. «Пока в Вашингтоне вот уже пять лет ведутся разговоры о создании Центра Холокоста, – писал Хайер, – мы его уже создали». Однако к тому времени отношения между ним и Визенталем уже испортились.

2. Золотая клетка

Первые жалобы Визенталя были вызваны мелочами. Почему, спрашивал он, ему не пересылают письма, адресованные ему лично, и почему он не получает всех публикаций Центра? Хайеру пришлось его успокаивать. Но затем стали возникать проблемы финансового порядка. Например, однажды посол США в Вене, Мильтон Вольф, пожертвовал лос-анджелесскому Центру пять тысяч долларов, но Визенталь потребовал, чтобы тысяча долларов из этой суммы была перечислена Центру в Вене. Подобные инциденты имели место не раз. В марте 1981 года Визенталь написал Хайеру, что количество пожертвований, которые он получает, значительно снизилось: с начала года поступило только 40 чеков и общая сумма пожертвований была небольшой – а между тем люди с гордостью рассказывали ему, что послали пожертвования в Лос-Анджелес, и он, естественно, не мог сказать им, что лучше бы они послали эти деньги в Вену. Нью-йоркский фонд тоже оказался в тяжелом положении, поскольку положил шестьдесят тысяч долларов на закрытый счет, чтобы можно было в течение 24-х часов вручить награду тому, кто сообщит информацию о Менгеле. «Пожалуйста, вспомни обо мне в следующий раз, как я приеду в Лос-Анджелес, что мы должны обсудить этот факт», – писал Визенталь Хайеру на своем специфическом английском.

Хайер, создавший к тому времени хорошо отлаженный механизм сбора пожертвований, решил проблему без труда: начиная с 1984 года Визенталь каждый месяц получал пять тысяч долларов, а с 1994 года – семь с половиной тысяч. Деньги проходили по статье «расходы на исследования». Такого высокого постоянного дохода у Визенталя никогда не было, и он был доволен.

В рамках многомиллионного бюджета лос-анджелесского Центра деньги, выделявшиеся Визенталю, являлись очень мелкой статьей расхода: зарплаты Хайера и нескольких членов его семьи были выше в десять раз, – но разочарование Визенталя было связано не с деньгами. Его злило, что с ним не советовались.

По некоторым письмам, посланным Визенталем в Лос-Анджелес, видно, что у него были с Хайером в том числе разногласия принципиального характера, однако в большинстве случаев он попросту обижался на то, что Хайер и его люди не слушались его указаний. Хайер лос-анджелесский Центр создал и управлял им так, как считал нужным; Визенталь же узнавал о его деятельности из газет.

Не нравился Визенталю и единоличный стиль руководства Хайера. «Ты, – писал он Хайеру, – определяешь политику педагогическую и исследовательскую, занимаешься отношениями с другими организациями, руководишь музеем, библиотекой, борьбой с антисемитизмом, связями с политическими структурами США. Эта ситуация совершенно невозможная, потому что один человек не может делать всего».

Также он упрекал Хайера за то, что тот придавал слишком большое значение пиару. «Проекты, связанные со СМИ, – писал он, – могут быть дополнением к основной деятельности, но нельзя допускать, чтобы они вытесняли главную функцию Центра: служить местом для серьезного и глубокого исследования. Нам нельзя прыгать от одного проекта к другому, как партизанам, стреляющим по врагу то здесь, то там. Надо действовать в соответствии с генеральным планом».

Однажды Визенталю привезли из лос-анджелесского Центра брошюру, где излагалась его биография, и его разозлило, что перед публикацией никто не показал ему текста и в нем не было полного списка его почетных званий.

Когда он получил краткое содержание фильма, над которым работал Хайер, то велел переписать сценарий заново. Хайер был в шоке. Сценарий написал Мартин Гилберт[16], а закадровый текст согласился читать Орсон Уэллс. Однако Визенталь считал, что в сценарии слишком много обнаженных женских трупов, слишком мало светских евреев и «слишком много бородачей»[17]. Документальный фильм о Холокосте, продюсированный Артуром Коном (который, в отличие от Хайера, все советы Визенталя учел), был, по его мнению, намного лучше. Этот фильм, писал Визенталь, уже показывают в тысячах кинотеатров, и его производство обошлось дешевле, а тот факт, что он не получил «Оскара», значения не имеет.

Впрочем, он был способен простить Хайеру его недостатки как продюсера и однажды даже признал, что фильм хороший. Однако он не мог простить Хайера за то, что тот начал претендовать на звание «верховного морального авторитета».

В начале 1981 года канцлер ФРГ Шмидт собирался поехать в Саудовскую Аравию, чтобы заключить сделку о продаже немецких танков, и Хайер опубликовал в связи с этим заявление, где употреблялись весьма резкие выражения. Визенталь оскорбился. Если уж, считал он, такое заявление и нужно было делать вообще, то его должен был сделать он, а не директор лос-анджелесского Центра.

Кроме того, Хайер опубликовал несколько статей, в которых увязывал отношение арабов к Израилю с нацистским

антисемитизмом, и выступил с эмоциональными заявлениями, направленными против Ясира Арафата. Позиция Визенталя по этим вопросам была аналогичной, но он боялся, что Хайер может вытеснить его из «света прожекторов». Он чувствовал себя птицей в золотой клетке. Американский Центр, носивший его имя, превратился в Голема, восставшего против своего создателя.

В марте 1984 года Хайер уведомил Визенталя, что лос-анджелесский Центр собирается вручить президенту Франции Франсуа Миттерану почетную медаль, что с канцелярией Миттерана все уже обговорено и что возглавлять делегацию должен Визенталь. Но поскольку попросить об этом Визенталя заранее никто не удосужился и даже дату мероприятия назначили без согласования с ним, он пришел в ярость. «Как человеку, живущему в Европе, – писал он Хайеру, – мне кое-что известно о том, как Миттеран относится к Израилю, и я знаком с его взглядами на еврейский вопрос». Кроме того, он считал, что будет некрасиво, если он вручит президенту медаль, носящую его собственное имя. «Я, – предложил он Хайеру, – могу написать Миттерану письмо».

Но больше всего Визенталь разозлился, когда газеты сообщили, что в планы Центра в Лос-Анджелесе входит, помимо всего прочего, поиск нацистских преступников. «Видимо, вы думаете, что мы тут в Вене ничего не знаем», – написал он Хайеру. «Я не хочу слышать слова “охотник за нацистами раввин Авраам Купер из Центра Симона Визенталя”», – написал он еще через несколько недель.

По мере того как шли годы, его письма становились все более и более личностными, горькими, болезненными и враждебными. «Мои сотрудники в Вене говорят, что мои отношения с Центром [в Лос-Анджелесе] такие, словно я уже умер, и что Центр только эксплуатирует мое имя», – писал он Хайеру в 1984 году, а еще через два года написал ему следующее: «От меня тебе больше никакой пользы нет. Единственное, что тебе нужно, – это мое имя».

В конечном счете Хайер перестал называть свой центр Центром изучения Холокоста имени Симона Визенталя и стал именовать его просто Центром Симона Визенталя. Он хотел подчеркнуть тем самым, что его Центр – это не просто научно-исследовательский институт истории Холокоста, но еще и штаб борьбы с антисемитизмом и другими формами расизма. Это Визенталя тоже злило, потому что люди начали спрашивать его, а чем, собственно, американский Центр занимается. «Должен тебе сказать, – писал он Хайеру, – что развитие событий в последние несколько лет удовольствия мне не доставляет». Наносили, по его

мнению, ущерб его репутации и ссоры Хайера с руководителями американских еврейских организаций, которые лос-анджелесскому раввину завидовали.

Чтобы поддерживать отношения с Визенталем, Хайеру требовалось невероятное терпение, умение психологически маневрировать и дипломатические способности, но терять Визенталя ему было ни в коем случае нельзя. «Прежде всего, Саймон, – писал он Визенталю, – важно, чтобы ты понял, что мы оба хотим абсолютно одного и того же. Мы хотим, чтобы Центр Симона Визенталя стал ведущей организацией в своей области и вечным памятником делу твоей жизни». Однако большинство писем Визенталя он оставлял без ответа и вместо этого перезванивал ему на домашний телефон. Иногда он звонил каждый день, по вечерам. Их разговоры продолжались зачастую по полчаса и более, и обычно ему удавалось Визенталя успокоить.

В 1987 году Визенталь написал одному из своих корреспондентов, что в целом его мнение о Центре в Лос-Анджелесе позитивное, и что «если бы сегодня они снова попросили разрешения дать [Центру] мое имя, я бы снова сказал “да”». И действительно, вряд ли можно было придумать более достойный способ увековечить дело его жизни и его взгляды. Однако Визенталю с его венской ментальностью было трудно привыкнуть к броскому мультимедийному стилю лос-анджелесского Центра и голливудоподобному музею толерантности, открывшемуся рядом с ним. Он представлял себе учреждение более академическое и предлагал провести, в частности, углубленное исследование проводившихся нацистами медицинских экспериментов. Тем не менее с идеологической точки зрения и Центр, и музей хорошо согласовывались с его собственными взглядами, поскольку Холокост интерпретировался там в терминах универсального неоконсервативного мировоззрения, включавшего в себя защиту закона и порядка, противодействие исламскому фундаментализму, укрепление еврейской самоидентичности в Америке и поддержку Израиля. Тем не менее всего этого было недостаточно, и уязвленное самолюбие Визенталя продолжало причинять ему беспокойство.

Незадолго до своего 85-летия Визенталь узнал, что Центр в Лос-Анджелесе взял под свое покровительство одну странную авантюру (цель которой состояла в том, чтобы разоблачить деятельность неонацистских организаций), оказав помощь некоему Ярону Свораю, которого именовали «израильским журналистом». Сворай утверждал, что проник в одну из немецких неонацистских организаций, и написанный им отчет получил широкую известность[18]. Визенталь, посвятивший борьбе с

неонацизмом многие годы, прочел об этом в газете, и, по его мнению, это было непростительно. «Я больше не могу терпеть такое пренебрежительное отношение ко мне», – написал он Хайеру. Пока продолжалось создание музея, он старался сдерживаться, чтобы не повредить проекту, «но теперь, – писал он, – мое терпение иссякло. И виноват в этом только ты, раввин Хайер!».

В конце концов он решил Хайера из лос-анджелесского Центра изгнать. Он писал, что из-за Центра стал посмешищем: журналисты, все еще относившиеся к нему с уважением, спрашивали, не продал ли он Хайеру свое имя за деньги, а журналисты, менее к нему расположенные, говорили, что имя «Хилтон» тоже можно купить. Он чувствовал себя оскорбленным и обиженным и в длинных телефонных разговорах с Хайером не видел больше никакого смысла.

Некоторые из его друзей недоумевали, почему музей, так тесно связанный с Центром, носившим его имя, содержал так мало информации о нем самом и его деятельности. На третьем этаже стоял компьютер, в котором какие-то сведения о нем вроде бы содержались, но что именно там было написано, ему самому никто так ни разу и не сказал. «Как будто я уже умер», – писал он.

Он хотел, чтобы каждый посетитель музея получал страницу из его книги «Каждый день – день памяти: хроника еврейского мученичества», где бы рассказывалось о евреях, замученных в соответствующий день календаря, и издатель книги полагал, что именно так оно и будет, однако Хайер сказал, что эту информацию лучше заложить в компьютер, и Визенталь, считавший, что это очередная попытка его унизить, пригрозил, что сделает ужасное: предложит эту идею музею Холокоста в Вашингтоне.

«Мне также не нравится тот факт, – писал он Хайеру, – что ты беспрерывно фигурируешь в средствах массовой информации. Не проходит и недели, чтобы ты не прокомментировал какую-нибудь тему, часто не имеющую к Центру никакого отношения, и при этом тебя всегда представляют как “декана Центра Симона Визенталя”».

В свете всех этих фактов Визенталь пришел к выводу, что смысла поддерживать отношения с Центром через Хайера больше нет (в то, что тот изменит свое поведение, он не верил), и уведомил раввина, что будет просить совет директоров найти ему замену. Однако Хайер так на своей должности и остался, а Визенталю пришлось удовлетвориться ролью «свадебного генерала».

Он пребывал в подавленном состоянии духа, страдал от

одиночества, а вскоре ему к тому же пришлось пережить еще одну ужасную атаку, причем на этот раз он остался совершенно один.

Глава двадцать первая. «Слизенталь»

1. Положительная характеристика

Как еврею Эли Розенбауму повезло: он вырос в обществе, считавшем еврейскую историю и культуру неотъемлемой частью национальной самоидентичности, а жестокий антисемитизм, в условиях которого пришлось жить Визенталю, был для Розенбаума далекой историей.

Родился Розенбаум в Нью-Йорке. Когда американские евреи пережили страх, предшествовавший Шестидневной войне, и эйфорию, охватившую их после ее окончания, ему было двенадцать лет. Волна интереса к Холокосту пришлась на период его учебы в средней школе, и Визенталь был его кумиром. Он снова и снова перечитывал книгу «Убийцы среди нас», а некоторые отрывки из нее знал наизусть.

Учась в Гарвардской юридической школе, он включился в кампанию за отмену в ФРГ срока давности, которую вел Визенталь, и сумел убедить целый ряд известных американских профессоров права выступить в поддержку Визенталя. Также он участвовал в кампании против Интерпола, допустившего несколько провалов при преследовании нацистских преступников. Этой темой Визенталь тоже занимался. Розенбаум послал Визенталю письмо и получил ответ, в котором тот его благодарил и выражал уверенность, что Розенбаум сделает прекрасную карьеру в качестве юриста. «Я хранил это письмо как сокровище», – писал Розенбаум позднее. Он даже послал венскому Центру документации денежное пожертвование.

Через два года после демонстрации сериала «Холокост» Розенбаум закончил университет и был принят на должность адвоката в ООР. Ему было тогда двадцать три года. Однако еще до выхода на работу он написал Визенталю о царивших в то время в отделе распрях и интригах. Начальника отдела Мартина Мендельсона вынудили уйти (впоследствии он стал одним из адвокатов Визенталя), а вместо него назначили Алана Райена. В связи с увольнением Мендельсона Ассоциация студентов-евреев Гарвардской юридической школы послала президенту Картеру письмо протеста. Розенбаум написал Визенталю, что поступил на работу в ООР с большим трудом и опасается, что будет там, как и Мендельсон, «меченым». «Я, – писал он, – все больше и больше сомневаюсь, что Министерство юстиции хочет продолжать подобные расследования, и намерен уволиться, если увижу, что правительство не собирается доводить эти дела до суда». Он попросил Визенталя связываться с ним не напрямую, а только через раввина Купера из Лос-Анджелеса.

Визенталь попытался его по-отечески ободрить. «Когда вы начнете работать в отделе и там узнают, что я ваш друг, уверен, что никаких проблем у вас на работе не будет», – заверил он Розенбаума.

Розенбаум проработал в ООР около трех лет. В 1985 году он стал юридическим советником Всемирного еврейского конгресса.

Свое влияние и престиж Всемирный еврейский конгресс (ВЕК) приобрел главным образом в период, когда его президентом был Нахум Гольдман, руководивший этой организацией очень грамотно в течение более тридцати лет. Эдгар Бронфман, который был президентом ВЕК в 80-е годы, тоже вел себя так, словно выступал от имени всего еврейского народа, и в период его правления многие мировые лидеры продолжали относиться к ВЕК с пиететом. На самом же деле ВЕК представлял собой сеть организаций, многие из которых существовали только на бумаге, а его авторитет в значительной степени базировался на мифе о еврейском мировом господстве. Тем не менее, как и миф, который соткал вокруг себя Визенталь, миф о Всемирном еврейском конгрессе тоже оказался эффективным. Бронфман, канадский миллиардер, возглавлявший фирму по производству виски, вел себя как глава крупной державы. Он летал из одной столицы в другую на личном самолете, и его повсюду принимали главы государств. «Мы заинтересованы в том, чтобы люди думали, что мы сильны», – сказал он однажды и добавил, что чем больше укрепляется его собственный авторитет, тем сильнее становится ВЕК.

Гольдман тоже умел вести себя с мировыми лидерами так, словно был еврейским царем, но люди, стоявшие во главе ВЕК в 80-е годы, принадлежали уже к новому поколению американских евреев. Они выросли на рассказах родителей о преследованиях евреев в Европе, и их девизом были слова: «Это не должно повториться». Они знали, что во время Холокоста американские евреи не сделали всего, что могли, чтобы спасти своих европейских собратьев, и им было стыдно за проявленную тогда еврейскими лидерами мягкотелость и малодушие. Они были воинственны, высокомерны, тщеславны, по-юношески бунтарски настроены и в январе 1986 года объявили войну Курту Вальдхайму, который в это время баллотировался на пост президента Австрии от Консервативной партии.

Позднее Розенбаум вспоминал, что все началось в иерусалимском отеле «Хилтон», где проходила конференция ВЕК. Генеральный секретарь организации Исраэль Зингер подошел к нему и безо всяких предисловий объявил, что посылает его в Вену. «В Вену? – переспросил Розенбаум. – Зачем?». – «Это

связано с Куртом Вальдхаймом», – ответил Зингер, понизив голос, а затем – уже почти шепотом – спросил, знает ли Розенбаум, кто такой Леон Цельман. Розенбаум не знал.

Цельман, бывший узник Освенцима, после войны поселился в Вене, писал статьи для еврейских газет и возглавлял организацию «Джуиш-велкам-сервис», занимавшуюся укреплением отношений между евреями и австрийцами и развитием связей между Австрией и Израилем. Как и многие другие руководители венской еврейской общины, он поддерживал тесные отношения с Социал-демократической партией и был известен как давний – еще со времен лагерей для перемещенных лиц в Линце – противник Визенталя. Кто-то из социал-демократов попросил Цельмана довести до сведения руководства ВЕК секретную информацию, согласно которой Вальдхайм скрывал свое нацистское прошлое. Политические противники Вальдхайма рассчитывали, и вполне справедливо, что публикация этой информации в Нью-Йорке вызовет гораздо бо́льший резонанс.

Зингер послал Розенбаума в Вену, чтобы эти обвинения проверить, и в течение нескольких последующих месяцев, пока в мире бушевал скандал и против Вальдхайма велась война, напоминавшая войну «детей света» с «детьми тьмы», Розенбаум за кулисами происходивших событий работал над тем, чтобы доказать, что Вальдхайм был военным преступником, а затем попытался уничтожить Визенталя.

Во время присоединения Австрии к нацистской Германии Вальдхайму было примерно двадцать лет. Он происходил из католической семьи, которая нацизм не поддерживала. Тем, кто интересовался его прошлым, он всегда говорил, что был призван в немецкую армию и стал офицером, но в 1941 году, просле ранения, вернулся в Вену и поступил в университет.

С Визенталем он был в прекрасных отношениях. Когда в конце 60-х годов польское посольство в Вене стало распространять материалы, где Визенталь обвинялся в сотрудничестве с нацистами, Вальдхайм, бывший тогда министром иностранных дел, пообещал этим заняться. Визенталь просидел у него целый час и доложил об этом израильскому послу. Есть, разумеется, некоторая доля иронии в том, что Вальдхайм (чье прошлое было тогда еще окутано тайной) взялся помогать восстановить доброе имя не кому-нибудь, а именно Визенталю, но в любом случае Визенталь был ему за это признателен и считал его человеком порядочным. Примерно через год после этого, в 1971 году, Вальдхайм попытался стать президентом Австрии, и Визенталь, всегда партии Вальдхайма симпатизировавший, его кандидатуру поддержал. Однако

Вальдхайм потерпел поражение. Тем не менее вскоре после этого его выдвинули на пост Генерального секретаря ООН, и, естественно, появились люди, заинтересовавшиеся его прошлым.

В декабре 1971 года Визенталь получил письмо от американской антидиффамационной лиги «Бней-брит», которая хотела знать, чем новый генсек ООН занимался во время войны. Визенталь немедленно ответил, что все в порядке и причин для беспокойства нет: компрометирующая информация отстутствует. Более того, по его словам, этим вопросом в Австрии уже интересовались, ибо ходили всякие слухи, но проверка слухов показала, что это всего лишь сплетни, распространявшиеся политическими противниками Вальдхайма. «Я, – добавил Визенталь свою личную рекомендацию, – знаю мистера Курта Вальдхайма очень хорошо, и во время моих контактов с ним он всегда производил на меня наилучшее впечатление».

В плане его личных взаимоотношений с Вальдхаймом это было верно, но к версии Вальдхайма он (проверявший до того прошлое многих других политиков) отнесся в данном случае некритически. Он вполне мог бы сделать то, что сделал несколькими годами спустя, а именно раздобыть копию личного дела Вальдхайма периода его службы в армии, однако посчитал это ненужным и поверил Вальдхайму на слово. Впрочем, в этом отношении он был не одинок. Судя по всему, о прошлом Вальдхайма не знал тогда никто вообще – ни Советский Союз, ни США, ни Израиль, ни ВЕК. Позднее, правда, высказывалось предположение, что кто-то пытался Вальдхайма шантажировать, но подтверждений этому нет. Документы, свидетельствующие, что он лгал, могли быть найдены намного раньше, но, по-видимому, как и в случае с Эйхманом и некоторыми другими нацистскими преступниками, о его прошлом знали только картонные папки, где соответствующие бумаги хранились. Причина же, по которой эти папки никто раньше не открывал, была, судя по всему, простой: никому не было до них дела. Официальная биография Вальдхайма вполне всех устраивала. По крайней мере, до 1979 года.

В 70-е годы ООН стала относиться к Израилю очень враждебно, и Вальдхайм имел к этому самое непосредственное отношение. В 1974 году он позволил Ясиру Арафату выступить на Генеральной Ассамблее ООН с пистолетом за поясом; в 1975 году Ассамблея приравняла сионизм к расизму; в 1976 году Вальдхайм осудил Израиль за операцию военно-воздушных сил, в ходе которой были освобождены пассажиры самолета «Эр Франс», взятые в заложники и содержавшиеся в аэропорту угандийского города Энтеббе; а во время посещения «шатра памяти»

в мемориале «Яд-Вашем» Вальдхайм отказался надеть кипу, несмотря на то что это место приравнивается по своему статусу к кладбищу, так как под его полом захоронен прах жертв Холокоста, включая несколько урн, привезенных в Израиль Визенталем.

В 1979 году Визенталь приехал в «Яд-Вашем», в гости к своим друзьям, и разговор зашел о Вальдхайме и его негативном отношении к Израилю. Кто-то из присутствовавших предложил проверить его прошлое заново. Вернувшись в Вену, Визенталь связался с западногерманским издателем Акселем Шпрингером и попросил его помочь произвести проверку: он считал, что Шпрингеру удастся раздобыть необходимую информацию быстрее, чему ему самому. И действительно, уже через несколько дней на столе у Визенталя лежали соответствующие документы.

По данным американского архива, где в то время хранилась картотека членов национал-социалистической партии и личные дела эсэсовцев, Вальдхайм членом этой партии или какой-то другой нацистской организации не был. Французский архив, в котором находились документы людей, служивших в вермахте, сообщал, что Вальдхайм служил в немецкой армии и приводил соответствующие подробности. Визенталь позвонил друзьям в «Яд-Вашем» и сказал, что Вальдхайм нацистом не был. Тем не менее в документах из французского архива Визенталь нашел информацию, свидетельствовавшую о том, что Вальдхайм солгал (через несколько лет Визенталь расскажет об этом Розенбауму). В противовес тому, что Вальдхайм утверждал в своей официальной биографии, его служба в немецкой армии после ранения в 1941 году не закончилась: уже через несколько месяцев он снова вернулся на фронт. Из тех же документов Визенталь узнал, в какой именно части Вальдхайм служил.

Впоследствии Визенталь утверждал, что проверить прошлое нескольких тысяч солдат и сотен офицеров, служивших в данной части, он не мог, но объяснение это было неубедительным: сокрытие Вальдхаймом того факта, что он продолжал служить в немецкой армии, должен был возбудить у Визенталя подозрение, и если бы он поинтересовался, чем именно занималась часть, где служил Вальдхайм, то узнал бы, что она совершила военные преступления – в частности в Греции.

Визенталь был хорошо знаком с историей уничтожения евреев Греции и даже выступал в качестве свидетеля на одном из судов по этому делу; немало он знал и о преступлениях вермахта. Однако, как и было принято в те времена, он интересовался преимущественно теми немцами и австрийцами, которые добровольно вступили в СС, а людей, служивших в армии, не

трогал. В глазах Визенталя, один только факт службы в СС (как, например, в случае с Фридрихом Петером) уже сам по себе являлся пятном на биографии, даже если не было улик, свидетельствовавших о том, что человек лично принимал участие в военных преступлениях; но тех, кто служил в вермахте, он – пока не будет доказано обратное – считал невиновными. «Мне, – писал он, – никогда не приходило в голову требовать суда над солдатом, который, оказавшись лицом к лицу с врагом, защищал свою жизнь с оружием в руках». По словам Визенталя, его больше интересовали те, кто на фронт попасть боялись и предпочитали издеваться над заключенными в концлагерях.

В 1981 году, когда появились слухи о нацистском прошлом Вальдхайма, Гилель Зайдман, нью-йоркский знакомый Визенталя, спросил его, что ему об этом известно, и Визенталь написал ему, что эти слухи его «не слишком радуют». Он сообщил Зайдману, что изучил биографию Вальдхайма и выяснил, что тот не был замешан в преступлениях ни против евреев, ни против людей других национальностей, в связи с чем еще раз сформулировал один из основополагающих пунктов своего мировоззрения: не каждый немецкий офицер был обязательно офицером нацистским. Это, писал Визенталь, вопрос идеологический. В нацистской партии Вальдхайм никогда не состоял; просто оккупировав Австрию, немцы призвали в армию всех, кого можно, и выбора ни у кого не было: служить обязывали каждого. «Мы, – писал Визенталь, – должны сконцентрироваться на тех, кто действительно виновен. Мы не можем называть человека нацистом только потому, что он не является другом Израиля». Он признавал, что некоторые подразделения вермахта тоже принимали участие в убийстве евреев, но подчеркивал, что искать надо конкретных людей, совершивших конкретные преступления, а не обвинять всех скопом.

Таким образом, еще с 1979 года Визенталь знал, что Вальдхайм лгал, но, не проверив, чем именно тот во время службы в армии занимался, продолжал верить в его невиновность. Он знал Вальдхайма уже давно, ценил его, разделял его политические взгляды и к тому же еще много лет тому назад поручился, что Вальдхайм чист. Кроме того, ему льстил тот факт, что он мог безо всякого труда связаться с самим Генеральным секретарем ООН. Когда он попросил Вальдхайма подключиться к поискам Менгеле, тот побещал помочь, за что Визенталь не знал, как его благодарить. «Вы истинный защитник справедливости», – писал он. Вальдхайм же, в свою очередь, восхвалял Визенталя за то, что тот не давал миру забыть о преступлениях нацизма, а также за его участие в борьбе против

геноцида и расизма, в полном соответствии с принципами гуманизма и защиты прав человека, которыми руководствовалась ООН.

Теоретически Визенталь вполне мог бы Вальдхайма шантажировать, но нет никаких оснований подозревать, что он предпринимал подобные попытки. Точно так же, как нет причин полагать, будто Вальдхайм знал, что Визенталю удалось раскрыть его секрет.

2. Глубокая глотка

Когда в январе 1986 года Эли Розенбаум прибыл в Вену, он ничего этого не знал, но социал-демократ, с которым его свел Цельман, выставил условие: Розенбаум ни в коем случае не должен общаться с Визенталем; в противном случае он (социал-демократ) прервет с ним всякие контакты. Розенбаум выразил недоумение, но получил разъяснение, что Визенталь Вальдхайма поддерживает и будет его «отмазывать». Розенбаум пообещал от контактов с Визенталем воздерживаться, но тем самым приобрел себе врага: ничто не могло разозлить Визенталя больше, чем следствие, в котором он не принимал участия. Когда он об этом узнал, то сам факт, что кто-то вдруг захотел изучить прошлое Вальдхайма, его не удивил: он счел это обычным проявлением предвыборной борьбы. Однако застарелая неприязнь к ВЕК, не пожелавшему в свое время заниматься поисками Эйхмана, вспыхнула в нем с новой силой.

Свое пребывание в Вене Розенбаум описывает так, словно излагает сюжет какого-то остросюжетного фильма. Хотя он и действовал за спиной Визенталя, ему тоже хотелось чувствовать себя «охотником за нацистами». Имени социал-демократа, с которым сотрудничал, он в своей книге не называет и изображает его как некий гибрид «Третьего человека» Грэма Грина и «Глубокой глотки» из уотергейтского скандала, но впоследствии Визенталь утверждал, что ему удалось выяснить, кто это: член австрийского парламента от Социал-демократической партии Петер Шидер. В любом случае этот человек сумел, по-видимому, безо всякого труда раздобыть материалы, переданные Розенбауму. Между тем дело Вальдхайма хранилось в одном из правительственных архивов, а власть в то время находилась в руках социал-демократов.

Полученные Розенбаумом материалы (включая фотографию Вальдхайма в военной форме, сделанную в 1943 году) доказывали, что бывший генсек ООН солгал, и в последующие несколько месяцев Розенбаум, как и его коллеги, вел свое расследование с большим энтузиазмом. Много лет спустя он скажет, что вопросом о том, почему ВЕК должен был разоблачать преступное прошлое Вальдхайма, ни он, ни его товарищи ни разу не задавались. Они рассматривали это как свой моральный долг, как нечто само собой разумеющееся. Однако в действительности у ВЕК как организации была убедительная причина на Австрию сердиться.

В январе 1985 года в Вене проходила очередная конференция

ВЕК. Это был жест примирения и доброй воли. Но как раз в это время в Вену прилетел известный военный преступник, бывший офицер СС Вальтер Редер. С 1951 года он сидел в итальянской тюрьме за участие в убийстве тысячи восьмисот гражданских лиц, но по просьбе австрийского правительства был помилован. При этом в аэропорту ему устроили чуть ли не официальную встречу, а министр обороны Фридхельм Фришеншлагер пожал ему руку, и несколько делегатов конференции потребовали, чтобы в знак протеста она была отменена. Леон Цельман поспешно договорился с канцлером Фредом Зиновацем, чтобы тот позвонил президенту ВЕК Бронфману и принес свои извинения, после чего делегаты согласились остаться, но обиду они не забыли.

У генерального секретаря ВЕК Исраэля Зингера была также и личная причина мстить австрийцам. Его отец, проживавший в период нацизма в Вене, был одним из тех евреев, которых заставили щеткой соскребать с тротуара антинацистские лозунги. Эта унизительная сцена запечатлена на одной из самых знаменитых фотографий.

Наконец, ненавидели «вековцы» Вальдхайма (и мечтали ему отомстить) еще и за его отношение к Израилю. В их глазах он был мерзавцем, заслуживавшим наказания.

Между тем Вальдхайм тогда уже не был Генсеком ООН, а тратить такие усилия на то, чтобы помешать ему стать президентом Австрии, вряд ли того стоило. Поэтому представляется, что руководители ВЕК так увлеклись этой «войной» и еще по одной причине: им нужно было чем-то заняться. Дело в том, что в 70-е годы ВЕК вел борьбу за право советских евреев на выезд за границу, и эта кампания проходила в условиях жестокой конкуренции между различными еврейскими организациями: те, кто кричал громче, считались более преданными еврейскому делу, – однако в середине 80-х годов «холодная война» подошла к концу, и борьба за права советских евреев сошла на нет. Кампания против Вальдхайма дала ВЕК возможность снова сплотить американских евреев вокруг себя и поднять их на борьбу за высокие и патриотические идеалы.

Материалы, привезенные Розенбаумом из Вены, не оставляли сомнений в том, что Вальдхайм солгал, но «младотуркам» (как называл Зингер жаждавших дела и известности активистов ВЕК) было этого мало: им хотелось доказать, что Вальдхайм был еще и военным преступником. С этой целью они наняли историка и послали его рыться в архивах.

Слухи о том, что перед выборами могут всплыть компрометирующие Вальдхайма факты, дошли до корреспондента «Профиля» Губертуса Чернина. Редактор журнала

Петер Михаэль Лингенс (в прошлом – ассистент Визенталя) попросил Вальдхайма разрешить Чернину прочитать его личное дело в государственном архиве, и тот согласился. В результате выяснилось, что Вальдхайм был членом нацистской студенческой ассоциации и служил в конном подразделении штурмовых отрядов СА, помогавших нацистам захватить власть. Это была сенсация. Она была опубликована в марте 1986 года – сначала в «Профиле», а на следующий день в газете «Нью-Йорк таймс», с которой «Профиль» договорился об этом заранее.

В опубликованной на первой полосе «Нью-Йорк таймс» статье сообщалось, что Вальдхайм был офицером разведки в подразделении, занимавшемся отправкой греческих евреев в лагеря смерти и уничтожением югославских партизан, а заголовок статьи гласил: «Документы свидетельствуют: Курт Вальдхайм служил под началом военного преступника». В самой статье, правда, отмечалось, что сведений о том, чем конкретно занимался Вальдхайм, в документах мало и, возможно, в конечном счете самым серьезным обвинением против него будет тот факт, что он не рассказал правду о своем прошлом. Именно так и произошло. Если бы он не скрыл, что после ранения продолжал служить в армии, то, возможно, никто бы в подробности вдаваться не стал. Скандал поднялся только из-за его лжи, а не из-за его военных преступлений. Тем не менее в заголовке статьи имя Вальдхайма упоминалось в связи с военными преступлениями, а вскоре его имя обнаружили в списке разыскиваемых военных преступников, составленном правительством Югославии еще в 1947 году. Плюс к тому были найдены его фронтовая фотография в военной форме и некоторые документы, в том числе написанные его рукой. Таким образом, стало ясно: он там был и все знал. От смущения Визенталь не знал, куда деваться.

В четырех стенах своего кабинета Визенталь называл Вальдхайма болваном и приспособленцем и говорил, что еще с того момента, как в 1979 году обнаружил факт сокрытия Вальдхаймом своего военного прошлого, знал, что когда-нибудь разразится скандал. Однако когда это действительно случилось, он поначалу не понял, что не только на Вальдхайма, но и на него самого тоже катится огромный снежный ком. Телефоны в его офисе не умолкали; все просили у него комментариев.

Он повел себя очень осторожно. Уже в первом своем комментарии для «Нью-Йорк таймс» он сказал, что не исключает, что Вальдхайм солгал, и не понимает, каким образом тот мог не знать о депортации шестидесяти тысяч евреев из города Салоники, однако при этом выразил уверенность, что нацистом

Вальдхайм не был. В это Визенталь и в самом деле верил, но при этом понимал, что положительная характеристика, данная им когда-то Вальдхайму без проверки прошлого этого человека, могла нанести его репутации серьезный ущерб. Если бы оказалось, что Вальдхайм был не только лжецом, но и военным преступником, Визенталь мог потерять самый важный свой капитал: доверие людей, – и, чтобы минимизировать возможный ущерб, он согласился Вальдхайму помочь. Делал он это в тайне, но с энтузиазмом, ибо защищал не только Вальдхайма, но и самого себя.

3. Советы специалиста

Одним из первых Визенталю позвонил сотрудник предвыборного штаба Вальдхайма Фердинанд Траутмансдорф. Он происходил из старинной австрийской аристократической семьи, был старше Эли Розенбаума всего на три года, тоже был юристом и тоже преклонялся перед Визенталем еще с 16-ти лет. Его отец – известный писатель – порекомендовал ему прочесть «Дневник Анны Франк», а летом 1966 года взял с собой в Грац на публичную лекцию Визенталя. Визенталь рассказывал в тот день о Мурере, которому снова и снова удавалось уйти от наказания.

Среди присутствующих в зале было несколько молодых людей в кожаных брюках. Траутмансдорф спросил отца, кто они, и тот сказал, что это – нацисты. Они вели себя враждебно и, когда пришло время задавать вопросы, спросили Визенталя, что тот думает о бомбардировках Дрездена. Траутмансдорф говорит, что Визенталь сумел сохранить хладнокровие, и главная идея, усвоенная им в тот день, состояла в том, что австрийцам не надо стыдиться быть австрийцами, так как коллективной вины не существует, но при этом они делают недостаточно, чтобы наказать нацистских преступников.

После лекции его отец подошел к Визенталю и пригласил с ним выпить, но Визенталь вдруг заплакал. «Почему я должен терпеть нападки неонацистов через двадцать лет после Холокоста?» – всхлипывал он. Траутмансдорф запомнил эту сцену на всю жизнь. Впоследствии он поступил на работу в Министерство иностранных дел и был послом Австрии в нескольких странах. В 1986 году Вальдхайм пригласил его в качестве советника в свой предвыборный штаб.

Вальдхайм запомнился Траутмансдорфу как человек закрытый и склонный к секретности. Про него шутили, что как-то раз, прочитав в газете враждебную статью о себе, он написал на газете «совершенно секретно» и велел похоронить ее в архиве. Когда в прессе начали появляться сообщения о прошлом Вальдхайма, тот не попытался облегчить своим советникам жизнь и заявил им, что не помнит, где и когда был и что делал или не делал. Первые сообщения в прессе он воспринял всего лишь как досадное недоразумение и как попытку американских евреев повлиять на ход австрийской избирательной кампании, а когда Траутмансдорф напрямую спросил Вальдхайма, был ли он нацистом, заверил его, что не был. Траутмансдорф ему поверил, но, в отличие от самого Вальдхайма, понял, что тому угрожает серьезная опасность. Тем не менее, что ему посоветовать, он не

знал – хотя бы потому, что ничего не понимал в нацистских документах, публиковавшихся в прессе Всемирным еврейским конгрессом. Но тут он вспомнил, что есть человек, который в этом разбирается, и позвонил Визенталю.

В течение нескольких последующих недель Визенталь служил чем-то вроде тайного советника. Траутмансдорф побывал в Центре документации не менее десяти раз и бессчетное количество раз говорил с Визенталем по телефону, но звонил ему и сам Вальдхайм. Как правило, он звонил Визенталю домой, поздно вечером. Впоследствии он также прислал ему письмо с благодарностью за занятую им твердую позицию.

Помощь Визенталя выражалась преимущественно в том, что он помещал компрометирующие Вальдхайма документы в исторический контекст, а также прояснял их хронологию и географию. Он был знаком с аббревиатурами, которыми обозначались немецкие военные части, знал, кем были упоминавшиеся в документах люди и в какие западногерманские архивы следует направить Траутмансдорфа, чтобы тот мог найти документы, опровергающие выдвинутые против Вальдхайма обвинения.

Визенталь полагал, что неплохо разбирался в американском стиле установления связей с общественностью, но против методов, которыми действовали сотрудники ВЕК, оказался бессилен. Американцы раздобывали все новые и новые документы, прикладывали к ним краткий пересказ по-английски и публиковали их в первой половине дня, однако в Вене в это время было уже поздно и, когда на следующее утро сотрудники штаба Вальдхайма комментировали опубликованные обвинения, те были уже вчерашней новостью, а ВЕК тем временем публиковал свежие документы.

Визенталь проводил научный анализ документов в соответствии с историографическими традициями Центральной Европы, а его выводы были часто сформулированы на тяжеловесном юридическом жаргоне. Так, в нескольких рапортах, где рассказывалось о том, чем занималась военная часть, в которой служил Вальдхайм, имелась подпись последнего и Визенталь обратил внимание на то, что она стояла на левой стороне листа. Это означало, что подпись была всего лишь подтверждающей, наподобие подписи нотариуса, и что Вальдхайм не писал этого рапорта сам. Однако мировые средства массовой информации такими мелкими деталями не интересовались. Аналогичным образом провалились и попытки объяснить миру, что нацистские организации, в которых состоял Вальдхайм, не были – в отличие от СС – организациями преступными.

Позиция, занятая Визенталем, не вписывалась также в окутывавшую это дело атмосферу сенсационности. Он снова и снова предлагал установить правду (в связи с чем призывал правительство Югославии обнародовать всю имеющуюся у него информацию), а также беседовал со сменившим Вальдхайма на посту Генерального секретаря ООН Хавьером Пересом де Куэйлером. Для Визенталя эта позиция была привычной, поскольку он всю жизнь занимался сбором юридических доказательств вины нацистских преступников. Более того, такую позицию занимал не только он один. Юридический советник израильского правительства, изучив это дело, тоже пришел к выводу, что факты, опубликованные ВЕК, заслуживают расследования, но для того, чтобы признать Вальдхайма виновным в соответствии с израильским законом о наказании нацистских преступников и их пособников, данных фактов недостаточно. Однако прессу, как обычно, вопросительные знаки не волновали: она жаждала второго Эйхмана. Поскольку же Визенталь удовлетворить ее аппетитов не мог, она обратила свой гнев на него самого. Тем временем в Австрии поднялась новая волна антисемитизма, и – по понятным причинам – она тоже оказалась направленной на Визенталя. На него обрушился поток писем ненависти. «Гитлер, – говорилось в одном из них, – убил слишком мало евреев». Множество проклятий и угроз поступило также в офис еврейской общины Вены.

Когда руководство ВЕК принимало решение вмешаться в австрийскую политику, то с лидерами австрийской еврейской общины оно не посоветовалось. При диктатуре никто из сотрудников ВЕК никогда не жил, антисемитским атакам никогда не подвергался, австрийского общества они не понимали, а австрийских евреев презирали. В интервью журналу «Профиль» два представителя руководства ВЕК, Исраэль Зингер и Илан Штейнберг, пригрозили, что если Вальдхайм будет избран президентом, то Австрия в целом и каждый из ее граждан об этом пожалеют. Таким образом, теперь это был уже не конфликт ВЕК с Куртом Вальдхаймом, а конфликт евреев всего мира с австрийским народом, и на предвыборных плакатах Вальдхайма появились слова «Именно сейчас!». Главы еврейской общины позвонили Зингеру и выразили ему в связи с его заявлением протест, однако Зингер посоветовал им в ответ эмигрировать из Австрии.

Накануне выборов Визенталь послал одному из руководителей американской антидиффамационной лиги «Бнейбрит» Эйбу Фоксману письмо, где написал, что Вальдхайма, по-видимому, все-таки выберут и что в значительной степени это

произойдет благодаря ВЕК и Исраэлю Зингеру, а в самом большом проигрыше от этого окажутся евреи.

6 июня 1986 года Вальдхайм был избран. В тот же день Визенталь предложил создать международную комиссию историков, которая изучит прошлое Вальдхайма, и такая комиссия была создана.

Через полтора года комиссия опубликовала отчет, согласно которому Вальдхайм служил в местах, где были совершены военные преступления (включая отправку евреев города Салоники в лагеря смерти), знал о них, но не протестовал. Утверждения Вальдхайма об обратном комиссия отвергла и тем самым признала его лжецом. Но хотя из отчета и следовало, что Вальдхайм – как и говорил о нем Визенталь – был приспособленцем, тем не менее комиссия не нашла доказательств того, что Вальдхайм совершал военные преступления лично, чем, по сути, подтвердила, что позиция, с самого начала занятая Визенталем (снова и снова повторявшим, что он охотится на убийц, а не лгунов), была оправданной. Через день после публикации отчета Визенталь потребовал от Вальдхайма уйти в отставку.

Однако руководство ВЕК не желало ждать, пока комиссия закончит свою работу. Когда та все еще изучала факты, Бронфман объявил, что Вальдхайм – военный преступник, и ВЕК потребовал включить Вальдхайма в список иностранных граждан, которым запрещен въезд в США. В этом списке числилось несколько десятков тысяч человек, большинство из которых были уголовниками. В апреле 1987 года Вальдхайм был в этот список внесен. Визенталь пытался убедить начальника ООР этого не делать, но безуспешно.

Включение Вальдхайма в черный список нанесло по престижу австрийского президента серьезный удар и стало для ВЕК большой победой. Примерно через год после этого Эли Розенбаум вернулся на работу в ООР, а через некоторое время его возглавил.

Чем больших успехов в разоблачении Вальдхайма добивался ВЕК, тем большую неприязнь его сотрудники питали к Визенталю. Если раньше в служебной переписке они называли его Саймоном, то теперь кто-то из них, желая подчеркнуть отвращение к тому, что воспринималось ими как жульничество, назвал его «Слизенталем». Они считали его главным препятствием для борьбы с Вальдхаймом и относились к нему как к врагу. Ну а на войне – как на войне.

Розенбаум завязал отношения с одной из бывших сотрудниц Центра документации в Вене, которая «дезертировала» и прихватила с собой документы, способные, как она считала,

Визенталя дискредитировать.

Каким-то загадочным образом «вековцы» раздобыли также копии секретных телеграмм, посланных израильским послом в Вене в Министерство иностранных дел в Иерусалиме, из которых явствовало, что посол Михаэль Элицур, как и Визенталь, тоже считал, что кампания против Вальдхайма противоречила интересам Израиля.

Розенбаум согласился выступить свидетелем в пользу одного из противников Визенталя в Иерусалиме, который подверг его резкой критике в газете «Джерузалем пост». Визенталь подал на этого человека и на саму газету в суд за клевету и выиграл: газету обязали извиниться.

Кроме того, Розенбаум коллекционировал нападки на Визенталя со стороны Беаты Кларсфельд.

После того как Розенбаум вернулся в ООР, отношение к Визенталю там резко переменилось. Начальник отдела Нил Шер послал Визенталю письмо, где выговаривал ему так, словно тот был его не справившимся со своими обязанностями сотрудником. «Подавляющее большинство обвинений, которые вы нам прислали, – писал он, – не имеют никакой ценности… Вы не предоставили ООР никаких улик против людей, которых упоминаете в своем письме… Ни одно из дел, которые вы нам переслали, в суд мы передать так и не смогли».

От Вальдхайма Визенталь к тому времени уже дистанцировался. Однажды тот неожиданно появился на его лекции в Венском университете. О том, что Вальдхайм собирался прийти, Визенталь не знал и, когда увидел Вальдхайма, прервал свое выступление и ушел. Однако в Америке это ему не помогло. Евреи со всех уголков США слали ему гневные и оскорбительные письма. Автор одного из таких посланий, подписавшийся «Еврей», писал: «У каждого поколения есть свой Гитлер. Для нашего поколения Гитлером являетесь вы».

Многие из писавших были юристами и судьями. Один из судей Верховного суда штата Нью-Йорк, Питер Берковски, написал, что поддержка Визенталем Вальдхайма глубоко оскорбила не только его самого, но и родственников его жены, переживших Холокост. Визенталь ответил пятистраничным письмом, где писал, что защищал не Вальдхайма, а еврейскую этику, отрицающую коллективную вину, тем более что в течение двух тысяч лет евреи сами были жертвами коллективных обвинений. Таких писем он написал множество. Еще один судья Верховного суда Нью-Йорка, Альфред Лернер, с его доводами согласился и извинился, но это было скорее исключением, чем правилом.

4. Цена

Когда Визенталь отказался участвовать в кампании против Вальдхайма, он полагал, что носивший его имя лос-анджелесский Центр, несмотря на существовавшие между ними трения, окажет ему поддержку, но наделенный исключительным политическим чутьем раввин Хайер видел, какой истерией сопровождалось все это дело, и подталкивал Визенталя выступить с каким-нибудь воинственным заявлением. Визенталь, однако, позволил ему заявить от его имени только то, что он Вальдхайму не верит и его не поддерживает. Хайер, который тоже уже стал получать письма с оскорблениями, испугался. Он боялся, что, если авторитет Визенталя будет подорван, от Центра отвернутся друзья и спонсоры, и в апреле 1986 года написал госсекретарю США Джорджу Шульцу, что выступает за расследование прошлого Вальдхайма. Копию письма он послал Зингеру.

Примерно за неделю до президентских выборов Визенталь услышал по радио, что Центр в Лос-Анджелесе распространяет адресованные президенту Рональду Рейгану открытки с требованием включить имя Вальдхайма в список лиц, которым запрещен въезд в США, но за день до этого он разговаривал с Хайером по телефону и тот ему ничего об этом не сказал. Визенталь был вне себя от ярости. «Я очень зол, потому что ты, судя по всему, думаешь, что я идиот, которому можно рассказывать только часть правды», – написал он Хайеру и заверил его, что так этого не оставит. А еще через два дня послал Хайеру новое письмо, в котором уведомлял, что решил переехать с женой в Лос-Анджелес – по крайней мере, на полгода, – чтобы контролировать деятельность Центра лично. «Тебе, – писал он, – не хватает людей, которые могут тебя критиковать. У тебя есть только люди, всегда тебе поддакивающие». К отъезду, по его словам, было все уже готово, и он собирался привезти с собой англоязычную секретаршу. Однако Хайер, судя по всему, сумел уладить и этот кризис тоже – точно так же, как и все предыдущие, – и Визенталь остался в Вене.

Хайер считал, что не извлек еще из имени Визенталя всей пользы, которую можно было извлечь, и, выбив для Визенталя чуть ли не все возможные почести и награды, какие только можно было выбить, сидя в Лос-Анджелесе, загорелся идеей добиться еще и наивысшей из всех возможных наград. Он начал работать над тем, чтобы Визенталь получил Нобелевскую премию мира. Главным соперником Визенталя был выдвинутый Вашингтоном Эли Визель.

В 1985 году, во время визита в ФРГ, президент Рейган посетил военное кладбище возле Битбурга, где были похоронены в том числе и несколько членов «Ваффен-СС». Этот визит вызвал волну протестов и привел к горячей дискуссии среди историков. Немцы начали вырабатывать новый подход к своему прошлому, и со стороны казалось, что они пытаются стряхнуть с себя обвинения в нацистских преступлениях. В этой обстановке стали ходить слухи, что очередная Нобелевская премия мира, которая должна была вручаться в год сорокалетия со дня окончания Второй мировой войны, будет связана с темой Холокоста.

Визенталь числился среди номинантов уже много лет (его кандидатуру в соответствии с регламентом выдвинули группа голландских парламентариев и один чикагский судья) и считал, что шансы у него были, но в марте 1985 года выразил опасение, что деятельность лос-анджелесского Центра и его страсть к паблисити эти шансы сильно уменьшают.

Выдвинувшие его кандидатуру друзья в голландском парламенте советовали ему хранить этот факт в секрете, так как любой намек на попытку надавить на Нобелевский комитет мог привести к противоположному результату, но Хайер придерживался другого мнения и посылал Визенталю письма, напоминавшие по стилю разведдонесения. Он сообщал, что Визель организует для продвижения своей кандидатуры всемирную кампанию, что нескольких профессоров уже попросили поддержать его кандидатуру и что ему порекомендовали чаще появляться на публике. Поэтому он уже выступил с несколькими лекциями в Осло, где премию, собственно говоря, и присуждают, собирается быть главным выступающим на конференции против ненависти и антисемитизма, которая состоится во Франции под эгидой президента Миттерана, потребовал от президента Рейгана отменить посещение кладбища в Битбурге и едет в Эфиопию раздавать еду голодающим.

Хайер не сомневался, что все это часть целенаправленной кампании. Он знал, что Нобелевская сама в руки не придет и над этим надо работать, но Визенталь отказался получать от него указания. «Мы, – писал ему Хайер, – тоже могли бы написать известным парламентариям и организовать тебе выступления в Осло и поездку в Эфиопию, и не сделали этого исключительно из уважения к твоим желаниям». Тем не менее в Осло Визенталь все-таки съездил. Он выступил там с лекцией о правах американских индейцев и вернулся в Вену полный надежд.

Во время его пребывания в Осло один западногерманский журналист спросил его, что он думает об Эли Визеле. Визенталь

ответил ему письменно, после того как вернулся в Вену. Он писал, что считает Визеля большим писателем, несмотря на тот факт, что Визель осуждает его за то, что он, Визенталь, признает жертвами Холокоста в том числе и неевреев – в частности, цыган, о которых Визель в вашингтонском музее Холокоста запретил упоминать. «В Америке, – подытожил Визенталь, – он супершовинист, а в Европе, где дуют иные ветра, разыгрывает из себя гуманиста».

В последующие месяцы Визенталь свято уверовал, что Нобелевскую получит именно он и что в худшем случае ему придется разделить ее с Визелем. Что Визель может получить ее в одиночку, ему даже в голову не приходило. За несколько часов до объявления о присуждении премии, он позвонил в Нью-Йорк своему адвокату и другу Мартину Розену и велел запастись смокингом. «Ты едешь в Осло», – сказал он торжественно и добавил, что, по имеющейся у него информации, получит премию вместе с Визелем.

В понедельник, 15 октября 1986 года, Визенталь пришел на работу в приподнятом настроении. Сотрудники Центра документации сели вокруг него и стали ждать вестей из Осло. Когда сообщили, что Визель получил Нобелевскую один, на глазах у всех выступили слезы и только Визенталь внешне никак не прореагировал. Тем не менее он был потрясен и сразу же придумал для себя объяснение: во всем виноват Всемирный еврейский конгресс.

Обсуждения кандидатур в комитете, присуждающем Нобелевскую премию, засекречены на пятьдесят лет. Таким образом, дискуссии, предшествовавшие решению 1986 года, будут недоступными для исследователей до 2036 года (если когда-нибудь будут доступными вообще). Однако два члена комиссии (один из которых – бывший премьер-министр Норвегии Одвар Нордли) подтвердили, что кандидатура Визенталя обсуждалась. Тем не менее они отказались отвечать на вопрос, требовал ли от них кто-либо не присуждать премию Визенталю.

ВЕК отрицал, что обращался в комиссию с такой просьбой; то же самое его руководители сказали самому Визенталю.

Вполне возможно, что он не получил премию потому, что позиция, занятая им в скандале с Вальдхаймом, вызывала острые споры, а комиссия хотела лауреата, чья кандидатура приемлема для всех. В таком случае это была цена, заплаченная им за свою принципиальность. Лобби, продвигавшее кандидатуру Визеля, свое дело знало. Но в любом случае неполучение Нобелевской стало самым главным разочарованием в жизни Визенталя, и до последних дней жизни он считал, что с ним обошлись очень

несправедливо. Тем не менее своим делом он заниматься не перестал.

5. Очищение

Тем временем Эли Розенбаум продолжал трудиться над своей книгой, и ее название говорило само за себя: «Предательство». Предателем был Визенталь.

Это книга очень личная. Розенбаум пишет от первого лица и постоянно делится с читателями своими чувствами. Создается впечатление, что, даже повзрослев, он остался все тем же американским подростком-евреем, национальное самосознание которого сформировалось под влиянием прочитанного и услышанного об ужасах Холокоста. Подростком, который когда-то беззаветно верил в Визенталя, нуждаясь в нем, как хасид нуждается в раввине и как сын нуждается в отце, и доверие которого Визенталь обманул.

Чем дальше продвигался Розенбаум в работе над книгой, тем больше усиливалась его глубокая неприязнь к Визенталю. «Моя кровь кипела, – пишет он. – Отчаяние, тоска и гнев слились воедино и превратились в бешенство, испугавшее даже меня самого. От злости мое лицо покраснело и онемело». Когда он узнал, что Визенталю уже много лет было известно о сокрытии Вальдхаймом правды о своей службе в армии, он был «как громом поражен». Он чувствовал острую потребность объяснить себе, как божество, которому он поклонялся в юности, могло его так разочаровать, и нашел ответ в письме Визенталя, опубликованном в газете «Нью-Йорк таймс». В этом письме Визенталь рассказывал, что в 1979 году проверил прошлое Вальдхайма и установил, что тот не был членом ни одной нацистской организации, причем саму эту проверку провел по просьбе Израиля. Как это часто бывало и раньше, в данном случае он снова несколько преувеличил: скорее всего, с просьбой проверить прошлое Вальдхайма к нему обратились друзья из мемориала «Яд-Вашем», а не «Израиль» (о чем он, кстати, позднее говорил и сам), точно так же, как именно они, а не «Израиль» – вопреки тому, что он всегда рассказывал, – поздравили его с поимкой Эйхмана. Но хотя никаких других доказательств того, что Визенталь проверял прошлое Вальдхайма по заказу Израиля, за исключением письма в «Нью-Йорк таймс», нет, Розенбаум решил, что нашел ответ на вопрос, который его давно мучил, и понял, почему Израиль не сделал того, что сделал он сам и его товарищи, и не разоблачил ложь Вальдхайма. Израиль, считал он, уклонился от этого потому, что Визенталь ввел его в заблуждение, заставив думать, что разоблачать, собственно, и нечего.

Он сражался с Визенталем так, словно тот был врагом пострашнее, чем сам Вальдхайм. Есть, пишет он, какая-то горькая ирония в том, что у двух этих австрийцев имеется общая черта: неспособность рассказать правду о том, что произошло с ними во время войны.

Сравнив тексты книг Визенталя и его заявлений в СМИ, Розенбаум обнаружил несколько несоответствий, противоречий и выдумок и пришел к выводу, что Визенталь на самом деле «охотником за нацистами» не был. Кроме того, он высмеивал его за то, что тот не смог найти Менгеле, Бормана и некоторых других преступников.

Визенталь всегда утверждал, что никогда никого не обвинял, если не располагал доказательствами виновности, но Розенбаум указал на целый ряд случаев, свидетельствовавших, по его мнению, об обратном. Канадская правительственная комиссия, изучавшая вопрос о нацистских преступниках, укрывшихся в Канаде, подвергла качество материалов, полученных от Визенталя, критике, и Розенбаум возмущался тем, что этот факт не получил широкого освещения в американских СМИ. «Я, – пишет он, – еще раз убедился, что у СМИ не хватает смелости – а может быть, и совести – рассказать о Визентале правду, и сам Визенталь в течение многих лет этим пользовался».

Многие из людей, которых судили по инициативе Визенталя, действительно были оправданы, но с этой точки зрения он ничем от обычных правоохранительных органов не отличался. По его словам, он занимался более чем тремя тысячами дел, и благодаря ему перед судом предстали тысяча сто нацистских преступников (правда, проверить эти цифры невозможно), но когда кто-нибудь говорил, что виновными были признаны все его «подопечные», он их не поправлял.

Публикации, где Визенталю приписывалась поимка Эйхмана, Розенбаум подшил в отдельную папку. Продолжали эти публикации злить и давнишнего врага Визенталя Исера Харэля. В 1988 году он написал о поимке Эйхмана еще одну книгу (объемом в 278 страниц), и единственная ее цель состояла в том, чтобы доказать, что вклад Визенталя в обнаружение Эйхмана был нулевым. Харэль, правда, неоднократно утверждал это и ранее, но новая книга содержала несколько деталей операции, никогда ранее не публиковавшихся (впрочем, некоторые из них доказывали прямо противоположное тому, что он утверждал). Однако по своему тону книга была брюзгливой, содержала слишком много мелочных придирок и так и не была опубликована.

За 25 лет, прошедших с того момента, как Харэль ушел с

поста начальника израильской службы безопасности, он успел побывать депутатом кнессета, но как политик не состоялся и начал писать книги. Человек он был неоднозначный, разочарованный в жизни, несчастный и оставшийся на задворках израильской истории, но Розенбаум цитировал его рукопись так, словно Харэль был объективным свидетелем, чья версия заслуживала доверия, и рассматривал эту рукопись как убедительное доказательство того, что Визенталь являлся самозванцем и даже – как он писал в другом месте – фальсификатором.

Много лет спустя израильское правительство наградило людей, принимавших участие в поимке Эйхмана, благодарственными дипломами за подписью премьер-министра, и Визенталь оказался в списке награжденных – наряду с Харэлем и всеми прочими. Но ни Харэля, ни Визенталя к тому времени уже не было в живых.

Скандал с Вальдхаймом побудил австрийцев заново проанализировать свое прошлое (чего Визенталь ждал от них с тех пор, как решил остаться в Австрии) и – пусть даже с большим запозданием и не без болезненного конфликта между «отцами» и «детьми» – стал поворотной точкой на пути к индивидуальному и коллективному очищению. В результате австрийцы избавились наконец от целого ряда национальных мифов, с помощью которых пытались защититься от неприятной правды относительно их соучастия в преступлениях нацистов, и признали, что Австрия вовсе не была «первой жертвой» нацистской Германии, а присоединилась к Третьему рейху добровольно. Также они узнали, что в нацистских преступлениях принимали участие не только эсэсовцы, но и те, кто служил в армии.

Фердинанд Траутмансдорф был назначен советником австрийского посольства в Вашингтоне. На него была возложена обязанность улучшить отношения Австрии с еврейскими организациями.

Скандал с Вальдхаймом привел также к укреплению позиций крайне правой Австрийской партии свободы Йорга Хайдера. Визенталь следил за этим процессом с беспокойством.

Оба они друг друга провоцировали. Однажды Визенталь заявил, что в партии Хайдера все еще популярны нацистские идеи, и тот подал на него в суд за клевету. Еще до начала процесса он прислал Визенталю длинное письмо, в котором предложил встретиться и выяснить отношения, но Визенталь отказался. Тем не менее Хайдер свой иск отозвал.

В другой раз Визенталь подал в полицию жалобу на члена партии Хайдера Петера Мюллера (баллотировавшегося тогда на

пост бургомистра одного из австрийских городов), который сказал местной газете, что в Австрии еще будут построены крематории для сжигания евреев, но добавил, что для Визенталя крематорий не понадобится: для него, мол, сойдет и курительная трубка. Мюллера приговорили к штрафу.

Визенталь обдумывал возможность подать в суд и на Розенбаума за его книгу, но хотя та и вышла с рекомендациями Эли Визеля и Алана Дершовица[19] на обложке и широко освещалась в американских СМИ (включая несколько телевизионных передач, в которых Визенталь принимал участие), тем не менее критики самых влиятельных газет высказали целый ряд претензий и бестселлером она не стала. Поэтому адвокаты Визенталя посоветовали ему лишнего шума не поднимать, тем более что на немецкий язык книга переведена не была. Визенталь надеялся, что о ней скоро забудут.

Несмотря на свой преклонный возраст, он пытался продолжать работать, как обычно.

К своему восьмидесятилетнему юбилею Визенталь надеялся получить подарок, о котором мечтал многие годы: аргентинские власти собирались экстрадировать в ФРГ коменданта гетто в Пшемысле Йозефа Швамбергера. Визенталь занимался им с 1947 года. Знали его имя и в Израиле благодаря истории подростка из Пшемысля по имени Михаэль Гольдман[20]. Однажды Гольдмана поймали за кражу хлеба, привели к Швамбергеру, и тот нанес ему восемьдесят ударов хлыстом. Михаэль каким-то образом выжил и сумел добраться до Палестины, но, когда он рассказал об этом своим родственникам, те сочли, что он либо лжет, либо преувеличивает. Будь это правдой, сказали они, тебя бы уже не было в живых. Убедить ему их так и не удалось, и позднее он сказал: «Это стало для меня восемьдесят первым ударом». История превратилась в легенду. Через пятнадцать лет после окончания войны Гольдман (в то время уже служивший в израильской полиции и сменивший фамилию на Гилад) был одним из следователей, занимавшихся делом Эйхмана, а после суда присутствовал на казни.

Чтобы найти Швамбергера, Визенталь приложил много усилий. В конце сороковых годов Швамбергер провел некоторое время в заключении в Инсбруке, и во время ареста у него было изъято большое количество ценных вещей – часов, колец и т. д., – отобранных им во время войны у его жертв. Эти вещи должны были служить вещественными доказательствами его вины, и их передали суду. Но Швамбергеру удалось сбежать, а ценности, как выяснил Визенталь, продали на аукционе и вырученные деньги перечислили в бюджет суда. Впоследствии имя Швамбергера

неоднократно всплывало на различных судебных процессах.

В 1972 году Визенталь узнал, что преступник проживает в Аргентине, в городе Ла-Плата, выяснил его адрес и обратился к властям ФРГ с просьбой потребовать экстрадиции Швамбергера. Но когда аргентинские полицейские пришли того арестовывать, оказалось, что он исчез. Кто-то его предупредил. Тем не менее Визенталь своих поисков не прекратил, и на определенном этапе власти ФРГ назначили за голову Швамбергера награду в миллион марок, а Центр Визенталя в Лос-Анджелесе включил его имя в опубликованный список десяти самых разыскиваемых нацистских преступников. И вот однажды, после того как помощник Визенталя в Буэнос-Айресе Хосе Московиц попросил одну из местных газет эту информацию опубликовать, в посольство ФРГ позвонил человек и сообщил новый адрес Швамбергера. На этот раз он был арестован. К своему восьмидесятилетию, правда, Визенталь экстрадиции Швамберегера так и не дождался (адвокаты коменданта сумели ее отсрочить), но поприсутствовать на открытии судебного процесса над Швамбергером в Штутгарте ему все же удалось. Суд приговорил преступника к пожизненному заключению, и через несколько лет тот умер в тюрьме.

В последних отчетах о своей деятельности Визенталь упоминает нескольких нацистских преступников, которыми он занимался с самого начала своей деятельности и которых не переставал искать, но попадаются там и некоторые новые имена. Однако, несмотря на то что кое-каких успехов Визенталю удалось добиться, неудач, как всегда, было больше. Снова и снова нацистов оправдывали или же они попросту умирали. Одним из таких людей был военный преступник из Югославии Эгон Сабукодчек. В 1992 году Визенталь сообщил, что его нашел, но через три года тот умер. «В результате, – пишет Визенталь, – пришлось закрыть и это дело тоже». Пресс-конференция, которую он созвал, чтобы сообщить об обнаружении Сабукодчека, стала его последней.

В 1994 году он помог американской медиакорпорации Эй-би-си разыскать в Аргентине одного из руководителей гестапо в Италии Эриха Прибке. Американские журналисты приехали к Прибке и даже взяли у него интервью, после чего раввин Авраам Купер из Центра Визенталя в Лос-Анджелесе отправился в Рим и потребовал от премьер-министра Берлускони обратиться к Аргентине с просьбой экстрадировать преступника в Италию. Но хотя Прибке и эскстрадировали, в целом эта история была постыдной. В Германии и Италии у него нашлись покровители, и его приговорили всего лишь к пожизненному домашнему заключению.

Вскоре после того, как Визенталю исполнилось 87 и он отметил пятидесятилетие своей деятельности, на него обрушился новый удар.

8 февраля 1996 года немецкая телекомпания АРД посвятила очередной выпуск популярной передачи «Панорама», занимавшейся журналистскими расследованиями, обвинениям, выдвинутым против Визенталя Розенбаумом. Программа называлась «Конец легенды», и Визенталь был представлен в ней как лгун, а вся его карьера, начиная со дня освобождения из Маутхаузена, – как сплошное очковтирательство. Ведущие передачи не скрывали своей враждебности к Визенталю и не жалели сарказма, а Розенбаум, помимо всего прочего, заявил, что, по его оценке, число пойманных Визенталем нацистских преступников не доходит даже до десяти. Когда же его попросили охарактеризовать Визенталя, он сказал: «Бездарный, самовлюбленный распространитель ложной информации, фигура трагическая».

Уже через пару минут после окончания передачи Визенталь позвонил адвокату Мартину Розену. Он звонил из больницы, куда врач велел положить его незадолго до передачи. «Я в отчаянии», – сказал Визенталь. Розен немедленно вылетел в Вашингтон и потребовал Розенбаума уволить. Кроме того, он написал другу Визенталя, сенатору-демократу от штата Коннектикут Кристоферу Додду. Отец Додда тоже был сенатором и выступал в качестве прокурора на Нюрнбергском процессе. Самому Розенбауму Розен написал: «Нет слов, чтобы выразить наш гнев».

Розенбаум заявил, что говорил в передаче как частное лицо и пообещал больше с публичными обвинениями против Визенталя не выступать, но адвокаты последнего этим не удовлетворились и вступили с руководством Министерства юстиции в длительную переписку. Однако те, по словам Розена, заявили, что, если он будет настаивать на увольнении Розенбаума, сенат использует это как предлог, чтобы закрыть ООР по бюджетным соображениям, и поиску нацистов в Америке придет конец. Тем временем Эли Визель прислал Додду записку, в которой говорилось, что Розенбаум человек хороший, честный, порядочный и надежный. На записке Визель крупными печатными буквами написал: «Совершенно секретно». «Вашего слова мне достаточно», – ответил ему Додд.

В результате Розенбаума так и не уволили. Был найден также способ умиротворить Визенталя. Министр юстиции Жанет Рено пообещала, что по случаю 50-летия Нюрнбергского процесса посетит Центр в Лос-Анджелесе и произнесет в честь Визенталя речь, а Розен потребовал, чтобы она воспользовалась этой

возможностью также и для того, чтобы извиниться перед Визенталем. Самого Визенталя держали в курсе развития событий. Но хотя Рено действительно лос-анджелесский Центр посетила, адвокаты Визенталя остались ее выступлением недовольны, так как она не извинилась. В результате снова пришлось обращаться за помощью к Додду, и в январе 1997 года Визенталь получил дружеское письмо с высокой оценкой его деятельности от президента Билла Клинтона, а также много писем поддержки от зрителей, видевших немецкую передачу, и эти письма были ему особенно дороги. Найти общий язык с немцами ему было легче, чем с евреями, среди которых у него было много врагов.

Глава двадцать вторая. «Мы все в молодости делали ошибки»

1. Друг Гитлера

Однажды в январе 1975 года Визенталь выбежал из своего кабинета в приемную с каким-то письмом в руке и крикнул, обращаясь к присутствующим: «Вы не поверите, кто хочет нас посетить! – а затем, после небольшой паузы, почти шепотом и тщательно выговаривая каждый слог, добавил: – Альберт Шпеер». Как показалось его помощникам, он сказал это со смесью восторга и ужаса.

Шпеер был одним из ближайших друзей Адольфа Гитлера и министром в его правительстве. Тот факт, что он поднимется на третий этаж здания на площади Рудольфа и будет сидеть в крошечном кабинете между старой железной печкой и полками, на которых стояли тысячи картонных папок с именами его соратников по истреблению евреев, взволновал Визенталя до дрожи. Один из его ассистентов, Михаэль Штергар, тоже вспоминал визит Шпеера как одно из самых драматичных событий за время его работы в Центре документации. Особенно сильное впечатление на него произвели густые брови Шпеера. «Я подавал кофе», – с заметным волнением в голосе сказал Штергар.

Визит Шпеера положил начало самым странным в жизни Визенталя взаимоотношениям.

Как раз в то время шел судебный процесс по иску о клевете, поданном против Визенталя его старым врагом, представителем Эйхмана в Голландии, Эрихом Райаковичем. В одном из писем Райаковича употреблялось выражение «окончательное решение», и Визенталь утверждал, что Райакович знал, что под этим имелось в виду уничтожение евреев. Чтобы это доказать, он написал Шпееру и спросил, когда тот услышал данное выражение впервые. Шпеер ответил, что ни Гитлер, ни Гиммлер такого выражения не употребляли, а он сам услышал его в первый раз только после войны. Также он сообщил, что прочел «Подсолнух» и книга произвела на него сильное впечатление. Визенталя это обрадовало. В ответном письме он признался Шпееру, что так и не смог до сих пор найти ответа на вопрос, поставленный в книге: надо было простить эсэсовца или нет, – и попутно рассказал о тех трудностях (включая финансовые), с которыми столкнулся при попытке перенести книгу на экран. «Одной только хорошей идеи продюсерам сегодня уже мало, – писал он Шпееру. – Они хотят, чтобы в каждом фильме были секс и криминал». Кроме того, он воспользовался этой возможностью, чтобы узнать мнение Шпеера относительно одной теории, которая его уже давно занимала и была призвана объяснить ненависть Гитлера к евреям. По этой

теории, Гитлер ненавидел евреев потому, что проститутка-еврейка заразила его сифилисом. Визенталь узнал об этом от сына врача, лечившего Гитлера. Визенталь писал, что ему самому вряд ли удастся это проверить, и спрашивал Шпеера, считает ли тот, что эта теория имеет под собой основания. Шпеер ответил, что ничем помочь не может.

Вполне возможно, что Визенталь рассматривал свои отношения со Шпеером как доказательство собственного тезиса о том, что нацистских преступников нельзя казнить, так как они могут дать ответы на целый ряд интересующих историков вопросов. Именно по этой причине он в свое время выступал против казни Эйхмана. Но в любом случае в своих первых двух письмах Шпееру он демонстрирует удивительную степень открытости, как будто тот был его близким знакомым.

Шпеер же, в свою очередь, воспользовался этой перепиской, чтобы напроситься к Визенталю в гости. Он писал, что хотел прийти еще два года назад, но не знал, под каким соусом это сделать.

Когда Гитлер находился еще в самом начале своего пути, Шпеер был молодым архитектором. Гитлер видел в нем художника, каким хотел стать сам, и поручил ему несколько крупных архитектурных проектов. Они стали близкими друзьями. В 1942 году Гитлер назначил Шпеера министром вооружений и боеприпасов. Помимо всего прочего, Шпеер был причастен к депортации евреев Берлина, строительству концлагерей и использованию рабского труда. После войны он был одним из обвиняемых на Нюрнбергском процессе, где заявил, что о большинстве приписываемых ему преступлений ничего не знает, но признал, что несет должностную и нравственную ответственность за все преступления Третьего рейха, включая войну и геноцид евреев. Это произвело на судей сильное впечатление, и его приговорили всего к двадцати годам тюрьмы. В 1966 году его выпустили из тюрьмы «Шпандау», находившейся в Западном Берлине, и тогдашний бургомистр города, Вилли Брандт, послал его дочери букет цветов. Визенталь выразил по этому поводу протест.

После выхода из тюрьмы Шпеер написал автобиографию, ставшую бестселлером (отчасти из-за того, что он неоднократно выражает в ней раскаяние), и средства массовой информации многих стран мира начали относиться к нему как к респектабельной знаменитости. Визенталь тоже был о нем хорошего мнения. «Человек понес наказание, – пишет он в одном из писем, – признал свою вину, выразил раскаяние, и большего от него требовать нельзя. Поэтому его можно принимать [в

приличном обществе]».

Визенталь придерживался этой позиции по отношению и ко многим другим немцам тоже, включая бывших нацистов, и причиной тому было хорошее отношение к нему его начальников в мастерских Восточной железной дороги во Львове. После войны он ощутил потребность им помочь. Его готовность сделать это позволяла Визенталю чувствовать себя порядочным человеком, а его способность это сделать давала ему ощущение силы. Примирение с немцами вселяло в него надежду, в которой он очень нуждался.

Сразу же после войны он попытался найти своего непосредственного начальника Адольфа Кольрауца и с этой целью написал бывшему работнику ремонтных мастерских Вернеру Шмидту. Заодно он предложил помощь и самому Шмидту тоже. Шмидт ответил, что местонахождение Кольрауца ему неизвестно, но он рад, что Визенталь жив. Он писал, что с ностальгией вспоминает о разговорах, которые они вели во время войны, и что он действительно нуждается в помощи: его квартира разрушена, сын сидит в английском плену, с сигаретами сложности, а его самого собираются уволить с работы – за то что он состоял в нацистской партии. От Визенталя ему требовалась справка, что он, Шмидт, – человек порядочный («в трех экземплярах, пожалуйста, и не забудьте указать, что вы еврей»). Визенталь ему такую справку прислал.

Второго своего начальника, Генриха Гюнтерта, Визенталь нашел без особого труда, но узнал от него, что Кольрауц погиб во время боев в Берлине, и расстроился. С годами его отношения с Гюнтертом стали очень теплыми. «Мы все, – писал ему Гюнтерт, – верили, что выполняем свой долг. Но мы знали также, что творится много несправедливого, постыдного, а сегодня уже можно сказать и безумного, к потребностям войны непосредственного отношения не имевшего». Его утешало только то, что он смог, по крайней мере, хоть немного облегчить жизнь своим работникам.

Он рассказал Визенталю, что случилось с ним после войны. Судьба его напоминала судьбу всей Германии. Его имущество во время воздушных бомбардировок погибло, были проблемы с работой, царил голод, он похудел. Но кое в чем жизнь ему и улыбалась: он был женат на девушке, которую знал еще до войны, и работал в управлении Западно-Германской железной дороги. Также он отметил, что старается не располнеть.

Визенталь попросил Гюнтерта прислать ему заявление о том, что он знал, что Визенталь был архитектором, хотя формально и работал под его началом в качестве техника. Визенталь объяснил,

что у него осталось мало знакомых, способных подтвердить наличие у него диплома о высшем образовании, и что заявление требовалось ему для получения компенсации. Попутно он отметил, что все его попытки снова заняться любимой профессией закончились неудачей, поскольку ни духовно, ни физически он уже в качестве архитектора работать не может. Гюнтерт выполнил его просьбу без промедления. Впоследствии, когда Крайский заявил, что Визенталь сотрудничал с гестапо, Гюнтерт выступил в его защиту: в интервью журналу «Профиль» он сказал, что Визенталь был таким же заключенным, как и все другие. «Как жаль, – писал ему Визенталь, – что во время войны не было хотя бы еще ста тысяч таких же “гюнтертов”. Тогда бы все сложилось по-другому». На свое письмо он наклеил несколько марок для жены Гюнтерта, увлекшейся филателией, и объяснил, как отклеить их с помощью теплой воды. В декабре 1965 года он пригласил Гюнтерта на свадьбу дочери и позднее сослался на этот факт как на доказательство того, что не преследует всех немцев без разбору.

Многим людям «примиренчество» Визенталя было понять трудно. Незадолго до Шестидневной войны, когда многих американских евреев охватил страх за Израиль, один человек из города Сан-Диего, штат Калифорния, написал ему, что всех немцев до единого нужно убить. В ответном письме Визенталь в очередной раз терпеливо изложил свое кредо, словно пытаясь в те страшные дни найти утешение и опору в своей способности сохранять здравый рассудок. «Я, – писал он, – буду продолжать преследовать нацистских преступников, но не думаю, что можно искупить одни преступления с помощью других, не менее ужасных, чем преступления нацистов. Каждый день я получаю письма от немцев, желающих мне помочь. Должен ли я всех этих людей убить только за то, что они родились немцами?»

В 1982 году, после вторжения израильской армии в Ливан, появились сообщения, что австрийский писатель Ганс Вайгель назвал иврит «языком кластерных бомб». «Когда я узнал о геноциде евреев, – писал в ответ на это Визенталь, – я не сказал, что немецкий – это язык газа “Циклон Б”. Немецкий язык для меня был и остается языком Шиллера и Гете».

В ФРГ к Визенталю относились с бо́льшим уважением, чем в Австрии. В его собственной стране он считался всего лишь одним из местных евреев, а его страстное желание стать интегральной частью австрийского общества – и особенно его участие в политической жизни страны – его имиджу только вредили. В ФРГ же в нем видели в первую очередь еврея, говорящего от имени жертв Холокоста. Большое впечатление на западных немцев

производил и статус Визенталя в США. Кроме того, они ценили уважение Визенталя к их судебной системе и к их способности – и готовности – очиститься от преступного прошлого. В отличие от австрийцев, они свою вину признавали. Рабочие отношения с правоохранительными органами ФРГ и с западногерманской прессой были у Визенталя лучше, чем с правоохранительными органами и прессой Австрии.

Враждебное отношение Визенталя к странам коммунистического блока и его консервативное мировоззрение закономерным образом привели к тому, что он сблизился с руководством правой Христианско-демократической партии ФРГ, несмотря на то что некоторые из ее лидеров – в частности, несколько министров в кабинете первого канцлера ФРГ Конрада Аденауэра – имели нацистское прошлое. Через несколько лет после того, как Аденауэр ушел в отставку, Визенталь послал ему письмо, в котором писал: «Для меня вы были и остаетесь великим моральным авторитетом, человеком, которого я уважаю и которым восхищаюсь».

Визенталь написал Аденауэру, чтобы выразить протест против того факта, что тогдашний канцлер ФРГ Кизингер проигнорировал некоторые антисемитские инциденты. Это было примерно за год до того, как Беата Кларсфельд дала Кизингеру пощечину. Но Кизингера Визенталь считал исключением из правил, и выходки неонацистов его веру в немецкий народ тоже не пошатнули.

Впоследствии у него сложились дружеские отношения с канцлером Гельмутом Колем. Коль правил Западной Германией, когда та уже стала одной из главных мировых держав, и относился к Визенталю как к олицетворению еврейской истории. Он даже выдвинул его кандидатуру на Нобелевскую премию. Коль неоднократно Визенталю писал, звонил, а также принимал его в качестве гостя в своей горной резиденции, куда ездил отдыхать. Однажды он спросил Визенталя о сокровищах, лежавших на дне тирольских озер. Судя по всему, эта дружба льстила им обоим.

В июле 1983 года Коль позвонил Визенталю из Москвы и сообщил, что прилагает усилия для освобождения противника коммунистического режима Андрея Сахарова, за что Визенталь активно боролся. Коль полагал, будто его вмешательство побудит советское руководство разрешить Сахарову вернуться из ссылки в Москву, и сказал, что занимается этим благодаря Визенталю. «Этот мяч, – сказал он, – бросили мне вы, и я не намерен выпускать его из рук». Двумя годами позже Визенталь не присоединился к волне протестов, поднявшейся, когда Коль

привез президента Рейгана на военное кладбище в Битбурге.

Коль пообещал Визенталю, что поддержит идею о выплате компенсаций жертвам «медицинских экспериментов» Менгеле, а однажды попросил Визенталя передать израильскому премьер-министру Ицхаку Шамиру, что Ливия, по его сведениям, производить химическое оружие не собирается.

Коль был одним из немногих мировых лидеров, который не стал подвергать Вальдхайма обструкции. Президент ВЕК Эдгар Бронфман резко его за это раскритиковал, и Коль поделился своей обидой с Визенталем. «Неужели, – недоумевал он, – все, что я сделал за 35 лет своей политической карьеры для примирения немцев и евреев, было напрасным?» В своем ответе Визенталь Бронфмана осудил и написал: «До прихода к власти Гитлера у евреев была духовная аристократия, которую в большинстве своем Гитлер уничтожил. Этого поколения, которым мы так гордились, больше нет, и ему также нет замены. Сегодня у нас есть только “аристократия денежная”, и, к большому сожалению, приходится признать, что фактически у евреев нет лидеров».

В 1990 году Визенталь стал одним из первых, кто поздравил канцлера с воссоединением Германии, а канцелярия Коля, в свою очередь, позднее сделала попытку предотвратить показ убийственного фильма о Визентале в передаче «Панорама».

2. Жертва и ее мессия

Альберт Шпеер выстраивал свой имидж в соответствии с четким планом, который включал в себя демонстративные связи с евреями, пожертвования в благотворительные еврейские организации и беседы с учеными из Еврейского университета в Иерусалиме. Естественно, он был заинтересован и в том, чтобы завязать отношения с Визенталем. Первоначально это были отношения двух знаменитостей. Американский журнал «Пипл» утверждал, что Шпеер якобы сказал: «Видели бы вы лица жителей Вены, когда мы вместе [с Визенталем] идем по улице», – однако сам Шпеер поспешил это опровергнуть.

Его «еврейские друзья в Америке» сообщили Шпееру, что, выступая в американских синагогах, Визенталь рассказывал о своих отношениях с ним и говорил, что есть много бывших нацистов, негодующих на Гитлера за то, что тот проиграл войну, и только один Шпеер зол на него за то, что он ее начал. Узнать об этом Шпееру было приятно, но он посоветовал Визенталю не слишком сильно их отношения афишировать, дабы избежать неприятных ситуаций.

По сути, две этих знаментости – знаменитость Третьего рейха и знаменитость Холокоста – друг друга использовали. В одном из писем Визенталю Шпеер выразил радость по поводу того, что одна из газет опубликовала рецензии на их книги одну возле другой, на одной и той же странице.

Как человек, переживший Холокост, Визенталь, возможно, считал свои отношения со Шпеером одной из личных побед. Их знакомство придавало его страданиям новый смысл. Теперь он уже имел дело не с мелкими садистами из концлагерей, а с министром кабинета самого Гитлера. Но – как и можно было ожидать – он попытался использовать свои отношения со Шпеером также для получения разведывательной информации. Однажды, например, попросил Шпеера рассказать ему об известной немецкой фирме по производству оружия «Кригофф», штаб-квартира которой находилась в городе Зуле. Во время войны эта фирма поставляла военное оборудование для немецкой авиации. Свое любопытство он объяснил тем, что его, мол, о таких фирмах часто спрашивают, а о фирме «Кригофф» особенно. Документы в его архиве показывают, что различные израильские структуры действительно время от времени запрашивали у него информацию такого рода.

Помимо всего прочего, ему льстило, что Шпеер говорил с ним как архитектор с архитектором и даже прислал ему проект музея,

который Гитлер мечтал построить в Линце.

Иногда они делились друг с другом своими писательскими проблемами. Визенталь рассказал Шпееру, что книжные магазины в ФРГ его книги бойкотируют, а Шпеер, в свою очередь, пожаловался, что его книга продается хуже, чем он надеялся, и пообещал поговорить со своими издателями, чтобы узнать, не смогут ли они помочь с продажей книг Визенталя.

Время от времени они также жаловались друг другу на причиненные им несправедливости. Визенталь поведал Шпееру, как трудно ему жить в атмосфере наветов, распространяемых о нем Крайским, а Шпеер прислал Визенталю копию одного из писем с оскорблениями, полученного им от неонацистов.

Чем дальше, тем все более личный характер приобретали их отношения. Визенталь побывал у Шпеера и его жены в гостях в Гейдельберге, а однажды поделился со Шпеером своим семейным горем, рассказав, что его шестилетний внук заболел менингитом и теперь он, Визенталь, каждый день звонит в Голландию (где в то время жила со своей семьей его дочь, впоследствии переехавшая в Израиль) и его ничего, кроме этого, не интересует. Когда же мальчик поправился, Визенталь написал: «Дай Бог, чтобы не было никаких нежелательных последствий, но точно это будет известно не раньше чем через год». Также он счел своим долгом сообщить Шпееру, что его супруга не возражала против их знакомства. «Я, – писал он, – показал ваше письмо жене и сказал, что оно написано порядочным человеком. Она со мной согласилась».

В то время Шпеер работал над новой книгой, где рассказывал, в том числе, о своих связях с СС. Он сообщил Визенталю, что намерен опубликовать свою переписку с Гиммлером, из которой видно, что он имел отношение к строительству концлагерей, но при этом заверил Визенталя, что вредить себе не собирается. «Там, – писал он, – не будет ничего экстраординарного или опасного. Наоборот, из этих документов явствует, что я пытался, причем успешно, улучшить санитарные условия в лагерях сразу после того, как узнал, насколько они плохи».

Через два года после этого Визенталь прочел газетную статью, где утверждалось, что концлагерь Маутхаузен был построен по инициативе Шпеера, и послал статью самому Шпееру, но тот ответил, что выступать с опровержением не собирается: «По своему опыту вы лучше меня знаете, что опровергать клевету такого рода нет смысла. С вами это происходит каждый день, а теперь вот начинает происходить и со мной». Обвинение это, писал он, разумеется, «нелепое», и будь

оно справедливым, про это уже давно бы где-нибудь сообщили.

В действительности, когда Шпеер инспектировал концлагерь Маутхаузен (примерно за полтора года до того, как туда попал Визенталь), он приехал туда вовсе не для того, чтобы улучшить санитарные условия, а для того, чтобы повысить производительность рабского труда заключенных. Хорошо он был знаком и с Освенцимом.

Даже если Визенталь и почувствовал себя после этого обманутым, высвободиться из ловушки, в которую он попал, было теперь так же трудно, как и дистанцироваться от Вальдхайма после его разоблачения. И подобно тому как он защищал Вальдхайма, пока не узнал, что тот лжет, он выступал и в защиту Шпеера. Он даже пригласил его стать одним из авторов комментариев в новом издании книги «Подсолнух», как если бы Шпеер был одним из выдающихся интеллектуалов, заслужившим, чтобы о его этических откровениях узнал весь мир.

Комментируя книгу Визенталя, Шпеер очень тщательно выбирал слова. Он пытался убедить автора, что, в сущности, тот раненого эсэсовца простил (подобно тому, как простил самого Шпеера), а попутно старался изобразить себя жертвой. «Вы, – писал он, вспоминая свою первую встречу с Визенталем, – проявили милосердие, человечность и доброту. Вы не сыпали мне соль на раны, пытались помочь, не упрекали меня, не срывали на мне злость. Я смотрел в ваши глаза и видел в них всех убиенных; в них отражались страдание, унижение, обреченность и муки сынов человеческих. Чего в них не было, так это ненависти. Они оставались теплыми, толерантными и полными сострадания к ближнему». Говоря о страданиях, Шпеер, по-видимому, имел в виду и свои собственные: годы, проведенные в тюрьме, а, возможно, также поражение Германии и смерть его друга Гитлера.

В какой-то момент Шпеер перестает скорбеть о своей участи и деловито напоминает, что Визенталь написал к его книге предисловие, в котором отметил, что ее автор свою вину признал, но уже в следующей строчке снова начинает говорить о себе так, словно был жертвой нацистских злодеяний, а не одним их тех, кто их совершил: «Меня привела к вам пережитая мной психологическая травма, и вы мне очень помогли, как помогли тому эсэсовцу, когда не вырвали свою руку из его руки и не стали его попрекать. Каждый человек несет на плечах груз собственной жизни, и никто не может его от этого груза освободить, но с тех пор, как мы познакомились, нести свой груз мне стало легче. Через вас на меня снизошла Божья милость».

Это был очень христианский и хорошо продуманный текст,

написанный не преступником, просившим прощения у своей жертвы, а жертвой, удостоившейся прощения своего мессии, и Визенталь был потрясен этим до глубины души. «Я думаю, – писал он Шпееру, – что благодаря этому эссе весь мир увидит в вас то, что вижу я».

После этого Шпеер начал присылать Визенталю неформальные по тону записки, а в конце концов обратился к нему с очень личной, почти интимной просьбой: прочитать перед публикацией рукопись его новой книги. Визенталь согласился. Ему казалось, что он понимает не только самого Шпеера, но и все поколение, к которому тот принадлежал. Идеология, в которую они верили, ослепила их, а когда они осознали, куда ведет выбранный ими путь, было уже слишком поздно. «Мы все делали в молодости ошибки», – написал он Шпееру как-то раз, и в этой фразе содержится ключ к пониманию их взаимоотношений.

3. Из концлагеря в концлагерь

В октябре 1994 года к Освенциму подъехала служебная машина с правительственными номерами. Ее сопровождал полицейский эскорт. Визенталь, которому скоро должно было исполниться восемьдесят шесть лет, приехал в Польшу с визитом примирения. Президент Лех Валенса наградил его орденом, а Ягеллонский университет в Кракове присвоил ему почетное докторское звание. Визит получился весьма символичным, и Визенталь был очень взволнован: он все время плакал. Примириться с поляками ему было нелегко, но искушение даровать им прощение пересилило.

Когда он вошел в ворота, на которых красуется знаменитая надпись «Труд освобождает», то стал рассказывать своему биографу Гелле Пик, как его привезли в Освенцим на одном из «поездов смерти» и как он выбрался оттуда живым. По его словам, их привезли в Освенцим из концлагеря Плашув, но вместо того чтобы отправить на смерть в газовые камеры, оставили на три дня в вагонах, а затем почему-то отвезли в другой концлагерь, Гросс-Розен. Так, мол, он и спасся.

У Геллы Пик этот рассказ сомнений не вызвал, но, судя по всему, дело обстояло не так. В автобиографии, написанной в июле 1947 года, Визенталь рассказывает о своем пребывании в Освенциме то же самое, что сообщил Гелле Пик, но в своих показаниях, данных через несколько лет мемориалу «Яд-Вашем», говорит, что в Освенцим не попал, и объясняет это следующим образом. Когда к Плашуву подошли русские, в лагере начался хаос. «Немцы, – говорит Визенталь, – потеряли голову: видимо, понимали, что их конец близок, – и по ошибке прицепили наш вагон не к поезду, шедшему в Освенцим, а к поезду для обычных заключенных. Так мы по ошибке и попали в концлагерь Гросс-Розен».

Позднее он давал показания на судебном процессе в Штутгарте, где судили военных преступников Львова, и тоже однозначно заявил, что в Освенциме не был. Когда же он обратился к ФРГ с просьбой о компенсации, то приложил клятвенное заявление директора венской еврейской общины Вилли Крелла, с которым сидел в лагерях, где тот пишет, что они покинули Плашув вместе и на следующий день прибыли в Гросс-Розен. Самого Крелла через несколько недель отправили в Освенцим.

Тем не менее Освенцим стал неотъемлемой принадлежностью официальной биографии Визенталя. В США,

где для многих Холокост ассоциировался именно с Освенцимом, этот лагерь упоминался в речах, произнесенных в честь Визенталя в конгрессе и сенате, а также в биографии Визенталя, подготовленной для президента Картера по случаю присуждения Визенталю «Золотой медали конгресса».

Визенталь рассказывал историю своей жизни очень часто: в документах, которые составлял по официальным поводам, в книгах и письмах, которые писал, в показаниях на различных судебных процессах, в интервью, которые давал журналистам, в лекциях, с которыми выступал. В его архиве сохранилось, по крайней мере, двадцать кратких, написанных от руки автобиографий, и по понятным причинам некоторые детали в них – включая даты, географию и имена людей – различаются. Поэтому из автобиографий Визенталя невозможно извлечь однозначную хронологию его жизни в Львовском гетто, пребывания в концлагере Яновский и работы в ремонтных мастерских Восточной железной дороги. Логично предположить, что он неоднократно переходил из одного места в другое, причем в разном качестве: то как заключенный, то как рабочий, – о чем и сам рассказывал на судебных процессах над военными преступниками из лагеря Яновский.

Невозможно хронологически точно реконструировать и историю его бегства из концлагеря и жизни на тайной квартире. В принципе ничего удивительного в этом нет: дневника Визенталь не вел и всех подробностей пережитых им ужасов, по-видимому, в точности не помнил – точно так же, как и многие другие пережившие Холокост люди, выступавшие в качестве свидетелей на судах над военными преступниками. Люди, находившиеся вместе с Визенталем в концлагерях и в общих чертах подтверждавшие его версию, тоже иногда друг другу противоречили. Однако ошибки памяти о лжи не свидетельствуют, а что произошло на самом деле, можно в ряде случаев установить путем сравнения многочисленных автобиографий Визенталя. Узником Освенцима он не был.

К показаниям для архива мемориала «Яд-Вашем» он отнесся очень ответственно, и по ним заметно, что он старался быть точным. В показаниях на судебных процессах над военными преступниками он тоже старался тщательно выбирать формулировки. Он неоднократно говорил судьям, что определенные факты известны ему только по слухам, и не раз предупреждал, что относительно дат память вполне может его подвести. На одном из процессов он рассказал, что однажды видел поезд, нагруженный евреями, простоявший на перроне три дня, и, возможно, именно это и послужило источником рассказа о

трех (по другой версии – четырех) днях, проведенных им в Освенциме. Но так или иначе, его попытка поместить себя в самый центр еврейской катастрофы – Освенцим – являлась для него характерной: он был склонен гиперболизировать свои страдания.

Сразу после освобождения он сообщил, что сидел в концлагерях Яновский, Плашув, Гросс-Розен и Маутхаузен, а по пути в последний провел также некоторое время в пятом лагере, Бухенвальде. Однако с годами количество концлагерей, в которых он, по его словам, побывал, выросло. В одной автобиографии, составленной в 50-е годы, написано, что он побывал в девяти концлагерях, в другой – что в одиннадцати, а в 90-е годы он утвердил к публикации несколько автобиографических интервью, где говорится, что он побывал в двенадцати лагерях. Йосеф Ваксберг, редактировавший автобиографическую книгу Визенталя, написал в предисловии к ней, что автор побывал «более чем в дюжине» лагерей.

В начале 80-х годов Визенталь перечислил, в каких местах заключения сидел, и их оказалось двенадцать, включая Освенцим, но шесть из них были не концлагерями, а маленькими временными поселениями, куда заключенных привозили работать и где Визенталь побывал по пути из Яновского в Гросс-Розен. Поэтому в список концлагерей, где он содержался, их включать нельзя. Он сидел в пяти лагерях.

В книге, где он рассказывает о том, что произошло с ним во время войны, он не только преувеличил пережитые им страдания, но и несколько драматизировал обстоятельства своего спасения.

4. От одного чуда к другому

В своих показаниях, данных в «Яд-Вашем», Визенталь рассказывает, что 6 июля 1941 года, когда он играл в шахматы с одним из своих львовских соседей, пришел человек в гражданской одежде с повязкой цвета украинского флага на рукаве и их обоих арестовал. Это случилось после полудня. Вместе с несколькими десятками других арестованных их отвели в тюрьму «Бригидки», приказали поднять руки, скрестить их за головой и встать к стене, после чего Визенталь услышал выстрелы. Людей вокруг него расстреливали одного за другим, они падали на землю, и он запомнил стук падающих тел. Но в шесть часов вечера выстрелы прекратились. Оставшихся в живых арестантов, включая Визенталя и его соседа, отвели в тюремную камеру, но они были уверены, что утром все равно умрут. Однако через какое-то время дверь камеры отворилась и вошел украинец с фонарем в руке. «Что вы тут делаете, господин инженер?» – спросил он, увидев Визенталя. Это был рабочий, который работал на одной из строек, которыми Визенталь руководил до войны. По словам Визенталя, этот человек ему нравился, и он даже позволял ему ночевать в одной из квартир постороенного им дома. И вот теперь тот отплатил ему добром, забрав его и соседа из тюрьмы.

История эта существует в разных версиях, часть которых носит общий характер, а часть – более подробный, но многие детали в них отличаются и даже друг другу противоречат. В одной из версий, например, о расстреле ничего не говорится, а Визенталь через несколько часов выходит на свободу и возвращается домой. Согласно показаниям Визенталя на одном из судебных процессов, выстрелы прекратились еще до того, как он дошел до тюрьмы, или сразу же после этого, потому что рабочий день закончился. В нескольких более ранних версиях этой истории Визенталь приводит также другие даты: 4 июля, 8 июля и 16 июля. В конечном счете устоялась дата 6 июля, приходившаяся на воскресенье, и это не случайно. Йосеф Ваксберг пишет, что жизнь Визенталя была спасена, когда на ближайшей церкви зазвонили колокола и украинцы прекратили стрелять, потому что должны были идти на вечернюю службу. Тем самым спасение Визенталя приобрело характер сверхъестественного чуда.

В показаниях для мемориала «Яд-Вашем» Визенталь колокола не упоминает, но склонность истолковывать свое спасение как сверхъестественное нашла свое выражение и в его рассказе о «рождении заново» в концлагере Яновский.

20 апреля 1943 года Гитлеру исполнилось 54 года, и сразу после войны Визенталь написал рассказ о том, что с ним в этот день случилось. Он находился в концлагере Яновский. Персонал лагеря готовился к празднованию дня рождения фюрера. Около 10 часов утра пришел эсэсовский офицер Рихард Дига и повел группу заключенных, включая Визенталя, в район «песков». В группе было в том числе несколько женщин. Всем им было приказано раздеться догола и встать возле длинного рва глубиной около двух метров, на дне которого лежали трупы заключенных, расстрелянных ранее. Пошел дождь. Эсэсовцы начали стрелять людям в затылок, и их тела стали – одно за другим – падать в ров. Приближалась очередь Визенталя. Но вдруг послышался свисток и выстрелы прекратились. Визенталь не понимал, жив он еще или уже мертв. Оказалось, что прибежал офицер СС Адольф Колонко, чтобы забрать Визенталя обратно в лагерь. «Выйди из строя!» – скомандовал он Визенталю и потащил его, голого и мокрого, за собой. Визенталь оглянулся. Выстрелы возобновились, но вскоре прекратились. Все были убиты. Вернувшись в концлагерь, Визенталь получил одежду, и ему было приказано писать транспаранты ко дню рождения Гитлера. «Тебе повезло, – сказал Колонко, – ты все еще нам нужен». Вечером один из соседей Визенталя по бараку сказал ему: «20 апреля родились двое – фюрер и ты».

Первая версия этой истории, сохранившаяся в архиве Визенталя, имеет подзаголовок «Правдивая сказка из цикла “Тысяча и один ад”». В 1955 году эта версия была опубликована в Тель-Авиве, в сборнике, посвященном памяти евреев Бучача, под названием «День рождения в концлагере» и уже без подзаголовка, а позднее Визенталь уверовал в эту историю настолько, что включил ее в свою биографию, как если бы она произошла на самом деле. Когда западногерманские СМИ отмечали столетие со дня рождения Гитлера, он рассказал ее снова и даже упомянул в очередном ежегодном отчете о своей деятельности.

Разумеется, вполне возможно, что в апреле 1943 года он действительно находился в Яновском, но офицера СС по фамилии Колонко там не было. В его личном деле говорится, что он прибыл в Яновский только в июле. Эсэсовский же офицер Дига прибыл в августе.

В декабре 1966 года, выступая в качестве свидетеля обвинения на суде над львовскими преступниками, Визенталь рассказал о своем пребывании в Яновском очень подробно, но о своем спасении в день рождения Гитлера не упомянул. В подробных показаниях относительно того, что с ним произошло во время Холокоста, взятых у него в «Яд-Вашем», эта история тоже

отсутствует. Тем не менее Визенталь ее не выдумал.

В концлагере Яновский заключенных действительно убивали, в том числе и тем способом, который описал Визенталь, а историк Филипп Фридман даже сообщает, что 20 апреля 1943 года в честь 54-летия Гитлера было расстреляно пятьдесят четыре заключенных-еврея. Один из знакомых Визенталя, Леон Уэллс, проживавший после войны в Нью-Джерси, рассказал на суде над Эйхманом, как его и других заключенных привели в «пески», приказали раздеться, велели спрыгнуть в заранее выкопанную могилу и стали расстреливать, причем безо всякой связи с днем рождения Гитлера. «Когда подошла моя очередь и я оказался у выкопанной могилы, – сказал Уэллс, – мне велели вернуться обратно в лагерь. Дело в том, что в лагере застрелили человека, и они хотели, чтобы мы вместе с одним эсэсовцем вернулись в лагерь и принесли труп, чтобы похоронить его в могиле вместе с нами». Уэллс воспользовался этой возможностью, чтобы спастись от гибели. По-видимому, Визенталь позаимствовал эту историю у Уэллса.

Сам Визенталь тоже однажды спасся от смерти в последнюю минуту, но произошло это через несколько месяцев после дня рождения Гитлера. За день до того, как концлагерь Яновский закрылся, всех оставшихся заключенных, включая Визенталя, собирались расстрелять, но – как часто рассказывал Визенталь – вместо этого персонал концлагеря решил отправиться на запад и взять заключенных с собой. Западногерманский суд, заслушавший показания Визенталя о том, как он отступал с эсэсовцами, признал их достоверными (так же, кстати, как и показания двух других участников этой истории).

В показаниях для мемориала «Яд-Вашем» Визенталь рассказал также об одном случае, произошедшем с ним в концлагере Маутхаузен через два года после его пребывания в Яновском. В барак к ним пришел капо и спросил, кто из заключенных умеет рисовать. Визенталь сказал: «Я». Капо сказал, что у старшего капо день рождения и друзья хотят подарить ему рисунок. Визенталь этот рисунок нарисовал, и благодаря этому остался в живых.

Из всех этих элементов и сложилась его «правдивая сказка» о спасении и «втором рождении» в день рождения Гитлера.

Много лет спустя Визенталь подправил эту историю для одной из своих биографий, которую утвердил к печати. Он убрал из рассказа офицеров СС, которых в то время в Яновском еще не было, и вместо них ввел другого офицера СС, Коллера. Визенталь знал его очень хорошо: перед судебным процессом над Коллером он дал подробные показания о его садистской жестокости. Однако

о роли Коллера в событиях 20 апреля он там не упомянул. Если бы Коллер в них участвовал, Визенталь бы, наверное, про это сказал, но, судя по всему, как и в своих показаниях на других судебных процессах, он старался придерживаться фактов.

В исправленной версии этой истории Визенталь говорит, что спасся благодаря своему начальнику на Восточной железной дороге Адольфу Кольрауцу: тот забрал его из концлагеря, сказав офицерам СС, что Визенталь нужен ему, чтобы написать поздравительные лозунги в честь дня рождения Гитлера, – и вполне возможно, что именно так все и было, потому что нечто в этом роде Визенталь много лет спустя написал в письме своему адвокату.

В фильме с Беном Кингсли, выпущенным на экраны в 1989 году, эта история рассказывается в той форме, в какой Визенталь изложил ее сразу после войны. Съемки производились в Венгрии, и он на них присутствовал. Сидя на складном режиссерском стуле, на спинке которого была прикреплена табличка с его именем, и глядя на обнаженных мужчин, один за другим падающих в ров смерти, он впервые видел то ли реальную, то ли выдуманную «правдивую сказку», которую носил в себе столько лет.

В этом же контексте надо рассматривать и альбом рисунков, опубликованных им сразу после войны и основанных на том, что он пережил в концлагере Маутхаузен.

Альбом открывается портретом самого Визенталя в лагерной одежде, к которой пришит номер 127371. Указательный палец его правой руки направлен на зрителя, а на груди у него по-французски написано: «Я обвиняю». Большинство рисунков в альбоме имеют форму плакатов, а в некоторых используются фрагменты фотографий: Гитлер стоит у ворот концлагеря, а вместо головы у него земной шар, обернутый лентой, на которой изображена свастика; портрет Гиммлера в клубах дыма, валящего из труб крематория; сторожевая вышка, состоящая из человеческих черепов. В альбоме есть также много изображений чудовищных издевательств и убийств. Рисунки сопровождаются короткими надписями, например: «В сравнении с лагерной каменоломней дантовский ад был парком аттракционов».

На одном из рисунков Визенталь изобразил казнь трех мужчин: по-видимому, их расстреляли. «Маркиз де Сад испытал бы здесь истинное удовлетворение», – написал Визенталь возле рисунка. Трупы привязаны к столбам. «Такие сцены, – пишет Визенталь, – очень фотогеничны». Однако позднее он, наверное, пожалел о том, что это написал, потому что изобразил не увиденное своими глазами, а сцену, скопированную с

фотографий, опубликованных в июне 1945 года в американском журнале «Лайф». Трое казненных были нацистскими шпионами, пробравшимися в американскую армию; их разоблачили, судили и казнили. Причем случилось это не в концлагере Маутхаузен.

В разговоре с Геллой Пик Визенталь отрицал, что срисовал сцену из журнала «Лайф», и утверждал, что это клевета, но сходство между фотографиями в популярном американском журнале и рисунком не оставляет места для сомнений. Из второго издания книги Визенталь этот рисунок удалил.

5. Жить с памятью

Некоторые люди подчищают свою биографию, чтобы что-нибудь скрыть, но доказательств того, что Визенталь этим занимался, нет. Скорее дело было в том, что его мучило глубокое чувство вины. Такую вину испытывали многие выжившие во время Холокоста. Им трудно было жить с мыслью, что они остались в живых, тогда как их родные и близкие – родители, братья, сестры, жены, мужья, дети – погибли. Многие из спасшихся считали, что выжили за счет своих близких, и обвиняли себя в том, что сделали недостаточно для их спасения. Это чувство усиливалось еще больше из-за той атмосферы, которая их подчас окружала, в том числе и в Израиле. Многие были склонны думать, что узники концлагерей выжили за счет своих товарищей, и относились к ним как к мерзавцам. «Среди бывших узников немецких концлагерей, – сказал как-то Давид Бен-Гурион, – были и такие, которые не спаслись бы, не окажись они людьми бессердечными, скверными, эгоистичными. То, что с ними произошло, выкорчевало из их душ все хорошее».

Вполне возможно, что Визенталь считал, будто виноват в смерти своей матери, и необходимость с этим жить тоже вынуждала его прибегать к фантазии.

Это случилось в львовском гетто в августе 1942 года. Каждый день Визенталь и его жена ходили на работу, а мать оставалась дома. Но однажды вечером, когда они вернулись, матери дома не было. В показаниях для «Яд-Вашем» Визенталь рассказал следующее: «Когда мы уходили, то всегда оставляли матери что-нибудь из еще сохранившихся у нас ценных вещей, чтобы, если за ней придут, она могла кого-нибудь подкупить и ей бы позволили остаться». Он имел в виду, в частности, золотые часы и хотел этим сказать, что делал все возможное для спасения жизени своей матери.

Гелле Пик он рассказал, что полицай, пришедший арестовывать его мать, согласился взять часы и ушел, но через полчаса пришел еще один. Подкупить его было нечем, и он забрал мать. Версия же, которую Визенталь рассказал в «Яд-Вашем», отличается: когда он вернулся, матери уже не было, но часы и две золотые монеты находились на месте. «По-видимому, – сказал он, – мама не хотела лишать нас последнего имущества или же не имела возможности воспользоваться этими вещами, чтобы избежать ареста». Но, судя по всему, травма, причиненная Визенталю смертью матери, была такой сильной, что он скрыл правду даже от «Яд-Вашем». Эта правда содержится в письме,

полученном Визенталем в 1946 году.

Написал ему Вернер Шмидт – нацист, попросивший помочь ему избежать увольнения с работы. Требуемую справку Визенталь ему прислал, но Шмидт счел ее недостаточной. Он хотел, чтобы Визенталь подтвердил, будто во время войны между ними было абсолютное доверие, и привел пример: вы, мол, настолько мне доверяли, что рассказали, где именно спрятаны золото и другие имеющиеся у вас ценности – в стене вашей квартиры над электрическим выключателем.

Таким образом, когда полицейские пришли арестовывать мать Визенталя, ценных вещей у нее на самом деле при себе не было, и Визенталя, возможно, мучила мысль, что он не сделал всего, что мог и должен был сделать для ее спасения.

Чувство вины может объяснить и другую – еще более драматичную – историю, связанную со смертью матери Визенталя. Когда на следующий день после ее исчезновения он пришел на работу, то увидел на одном из перронов поезд, заполненный арестованными гражданскими лицами. Он был уверен, что среди них находится его мать. Он слышал голоса людей, умолявших дать им воды, но к вагонам ему подойти не дали. Через полчаса ему пришлось вернуться на работу. На следующее утро поезд с людьми все еще стоял на перроне, но через несколько часов отправился в лагерь смерти Белжец.

В кинематографической версии этой истории мы видим, как Бен Кингсли бежит вдоль поезда, стучит по вагонам молотком и кричит: «Госпожа Визенталь! Госпожа Визенталь!» – делая отчаянную попытку ее спасти. Но вполне возможно, что эту историю, как и историю своего спасения в день рождения Гитлера, Визенталь тоже позаимствовал у другого человека, а именно у Ицхака Штернберга, проживавшего в израильском кибуце Лохамэй-Агетаот.

В автобиографической книге Штернберга, вышедшей за несколько лет до фильма о жизни Визенталя, есть очень похожая сцена. Он тоже обнаруживает свою мать в одном из вагонов товарного поезда, стоящего на перроне, причем это та же самая станция и тот же самый перрон, которые упоминает Визенталь, так как Штернберг тоже там работал. На следующий день Штернберг возвращается к поезду, который все еще там стоит, и начинает звать мать по имени, но она ему не отвечает. Он пишет, что до конца своих дней не забудет свистка паровоза, смешавшегося с лязгом колес и голосами людей в вагонах, умолявших дать им воды. Поезд тронулся в полночь. Через некоторое время Штернберг узнал, что этот состав прибыл в Белжец.

Ицхак Штернберг был тем самым «Олеком», которого Визенталь спас во Львове и который помогал ему самому прятаться. После войны Визенталь несколько раз приезжал к Штернбергу в кибуц.

Не исключено, впрочем, что не Визенталь узнал эту историю от Штернберга, а Штернберг – от Визенталя.

Когда Тувья Фридман посмотрел этот фильм, он сразу же написал Визенталю возмущенное письмо. Он очень расстроился из-за того, что Визенталь приписал себе нечто такое, чего ни один еврей сделать не мог: ведь поезда были оцеплены эсэсовцами. Кроме того, ему было обидно, что Визенталь представил дело так, будто сделал для своей матери больше, чем Фридман для своей сестры и младшего брата, отправленных в Треблинку. Только в Голливуде, писал Фридман, еврей может бежать за «вагоном смерти», в котором сидит его мать.

Вполне возможно, что в реальности Визенталь был и в самом деле столь же бессилен что-либо сделать, как и Фридман, но, в отличие от последнего, ему удалось превратить свою фантазию в кинематографическую реальность.

Александр Фридман, работавший у Визенталя в качестве добровольца, а позднее ставший психиатром, лечил в том числе людей, переживших Холокост, и был с этим явлением хорошо знаком. Это не является сознательной фальсификацией событий, сказал он в своем интервью: зачастую память фальсифицирует воспоминания самостоятельно. Он знал выживших, гиперболизировавших свои страдания, и некоторые из его пациентов даже устраивали нечто вроде соревнования, кто страдал больше. По его словам, такие люди ощущали себя своего рода «элитой», «аристократами страдания». Знаком он был также и с тенденцией приукрашивать историю спасения, чтобы еще больше подчеркнуть опасность, угрожавшую спасшемуся. Гиперболизация страданий и опасностей зачастую позволяет уцелевшему примириться с чувством вины, которая, в свою очередь, является чем-то вроде наказания не только за то, что человек остался в живых, но и за то, что он страдал меньше других или не подвергался такой большой опасности, как другие. Нередко Фридман встречал пациентов, отказывавшихся признавать свое бессилие и пережитое ими унижение и придумывавших с этой целью подвиги, которых не существовало. Визенталь рассказывал иногда, что сражался в партизанском отряде и даже получил звание майора, был подпольным радистом и выпускал газету. Однако в его показаниях для «Яд-Вашем» об этом не упоминается.

Преувеличение страданий и фантазии, сочиненные им о

своем спасении, возможно, помогали ему вытеснить из сознания настоящие пережитые им ужасы и сохранить рассудок. Но, судя по всему, больше всего после войны ему хотелось доказать, что он не принадлежал к числу мерзавцев.

15 сентября 1946 года он изложил на бумаге, что произошло с ним во время войны. Этот документ напечатан на одном листе и, судя по сгибу, Визенталь носил его с собой – возможно, в бумажнике. В десятой строчке говорится: «Во время моего пребывания в гетто я никакой должности не занимал». Заявление, надо сказать, весьма неожиданное, так как никто его об этом не спрашивал. Далее он подробно рассказывает, как переходил из одного концлагеря в другой, пока американцы его не освободили, и на этом, казалось бы, его рассказ мог закончиться, однако он еще раз повторяет то, что уже написал в начале: «В течение всего срока пребывания в многочисленных концлагерях, указанных выше, я никогда никакой должности не занимал, предпочитая работать на каторжных работах и не получать привилегированного статуса, который вынудил бы меня действовать кому-либо во вред».

В преступлениях нацистов Визенталь не участвовал, но ему трудно было жить с мыслью, что он страдал меньше других и был обязан своей жизнью порядочности нескольких немцев, благодаря которым выжила также его жена. В показаниях для «Яд-Вашем» он даже сказал, что выжил в Маутхаузене благодаря тому, что капо, заказавший ему рисунок, улучшил условия его заключения и тем самым спас ему жизнь. Логично предположить, что из-за этого его мучила совесть и что погоня за нацистами была возложенным им на себя наказанием, попыткой искупить вину. Ему словно хотелось «очиститься». Память же о Холокосте, которой он не давал угаснуть, должна была, в свою очередь, «очистить» всю человеческую культуру. Задача это была грандиозная, и он часто говорил об этом с Альбертом Шпеером. Он сообщил ему, что хочет написать книгу о евреях-коллаборационистах. Евреи, объяснил он, все еще рассеяны по разным странам, а история может в любой момент повториться: нельзя исключить, что произойдет второй Холокост. Поэтому надо разоблачать евреев-коллаборационистов точно так же, как нацистских преступников. По его словам, желание написать такую книгу, было вызвано той болью, которую чувствовали евреи, когда видели евреев, работавших на гестапо. «Как и история с подсолнухом, – писал он Шпееру, – эта тема тоже основана на моем личном опыте».

Беспощадная война, которую Визенталь вел с евреями-коллаборационистами, и признательность, которую он питал к немцам, спасшим ему жизнь, научили его судить каждого

человека по делам, а не по групповой принадлежности. На этом базировались его гуманистическое мировоззрение, вера в справедливый суд и в добро, а также жажда примирения. Этим же, судя по всему, объяснялась и его странная тяга к Шпееру. Когда он писал ему: «Мы все делали в молодости ошибки», – то обращался к нему как грешник к грешнику. Он завидовал Шпееру, которому удалось обрести раскаяние и прощение.

Ева Дьюкс – возможно, единственный человек, которого Визенталь впустил в своей внутренний мир, – считала, что глубоко в душе он хотел раненого эсэсовца простить. «Сомнения, которые тебя мучают, – писала она Визенталю, – доказывают, что ты был ближе к тому, чтобы это сделать, чем сам тогда осознавал. Тебя остановили только чувство вины по отношению к своим товарищам и к умершим и страх совершить предательство. Но сердце твое, похоже, чувствовало то, что не посмели сказать твои уста: “Да, я вас прощаю”».

Если бы Визенталь смог даровать прощение эсэсовцу, возможно, он смог бы простить и самого себя и, может быть, тогда ему удалось бы освободиться от мертвой хватки Холокоста, преследовавшего его сильнее, чем он преследовал военных преступников. В этом и состояла его личная трагедия. Он, всегда избегавший наказывать невиновных, наказал себя за преступление, которого не совершал.

6. Тайная вечеря

В самом центре Вены, за зданием оперы, стоит металлическая скульптура, изображающая пожилого еврея, чистящего тротуар щеткой и похожего на собаку. Эта скульптура – часть мемориала «Против войны и фашизма», созданного Альфредом Хрдличкой. Источником вдохновения для него послужила знаменитая фотография, запечатлевшая издевательство над евреями Вены, которых заставили чистить городские тротуары щетками. Мемориал Хрдлички как бы говорит: дорога в Освенцим началась с унижения человеческого достоинства в Вене.

Мемориал был открыт в 1988 году после бурных дискуссий, продолжавшихся около десяти лет. Выбранное место, заложенная в мемориале идея, дизайн, личность скульптора обсуждались австрийцами в том числе и в связи со скандалом вокруг Вальдхайма. Визенталь считал, что по духу своему это мемориал сталинистский, а слово «нацизм» заменено словом «фашизм» с целью затушевать правду о преступлениях, совершенных австрийцами. Кроме того, мемориал был установлен недалеко от здания, которое было разрушено во время бомбардировки города союзниками и жильцы которого погибли. Визенталь видел в этом попытку размыть разницу между жертвами и их убийцами. Однако, понимая, что после победы Вальдхайма возражать против возведения мемориала не может, он написал в журнале «Профиль», что это «лучше, чем ничего». Вынужден он был проглотить и обиду за еврея со щеткой.

Пришло лето, за ним – осень, и венцы (как и туристы, заполнявшие город) нашли еврею полезное применение: они стали присаживаться на него, чтобы отдохнуть. Кроме того, с его спины съезжали дети, а собаки на него мочились. Это производило плохое впечатление, и фигура была возвращена автору на доработку. Чтобы на ней нельзя было сидеть, Хрдличка покрыл ее колючей проволокой, и теперь скульптура стала напоминать терновый венец, который римляне надели на голову Иисуса из Назарета.

Главными персонажами на фотографии, запечатлевшей унижение евреев, были не сами евреи и даже не полицейские, за ними надзиравшие, а венцы, столпившиеся вокруг евреев и с удовольствием за ними наблюдавшие. Эту фотографию можно было прикрепить к мемориалу сбоку; ее можно было расположить так, чтобы прохожие в ней отражались и видели самих себя. Однако Хрдличка их от этого неприятного переживания избавил.

Евреи решили воздвигнуть свой собственный мемориал – на

Еврейской площади, – но и этот проект привел к многочисленным распрям, часть которых являлись продолжением бесконечных войн Визенталя с лидерами еврейской общины.

«Дизайн памяти» волновал Визенталя всегда и, чем старше он становился, тем больше. Незадолго до своего девяностолетия он приехал в Маутхаузен на пятидесятилетие со дня освобождения лагеря. Греческий композитор Микис Теодоракис попросил у него разрешения включить несколько предложений из его речи в свою кантату «Маутхаузен».

После многолетних раздумий Визенталь сформировал, наконец, собственный взгляд на сущность нацистского зла и геноцида евреев. Холокст, написал он советскому ученому Андрею Сахарову, был сочетанием ненависти и технологии. Избавление от ненависти, по его мнению, должно было привести и к уменьшению использования убийственных технологий.

В 1992 году он написал президенту Украины Леониду Кравчуку письмо протеста в связи с тем, что мэрия Львова назвала одну из улиц в честь Семена Петлюры. Петлюра был предводителем банд, устраивавших еврейские погромы. Кравчук протест Визенталя отклонил. В свое время, в Бучаче, когда Визенталь был еще ребенком, один из солдат Петлюры его чуть не убил.

В январе 1994 года Визенталь сообщил о смерти одного из сотрудников Адольфа Эйхмана, Антона Бургера. В 1947 году, в Альтаусзее, Бургер был арестован. Он скрывался в доме, расположенном неподалеку от жилища супруги Эйхмана, и полиция по ошибке пришла к нему. Однако вскоре после ареста он сумел сбежать и в течение сорока семи последующих лет жил, по-видимому, в Австрии и ФРГ под вымышленным именем. Не было преступника, которого Визенталь искал дольше Бургера, и смерть последнего – как и смерть многих других нацистов – побудила его задуматься о подведении итогов своей многолетней деятельности.

На работе он проводил теперь меньше времени, чем раньше, но по-прежнему старался отвечать почти на каждое полученное письмо. На протяжении его жизни произошло множество драматических событий – как ужасных, так и прекрасных; люди его поколения еще помнили первые автомобили, а сам он успел выразить протест против распространения неонацистских игр в Интернете.

За несколько месяцев до девяностолетия в его кабинете раздался телефонный звонок. Звонил один из бывших узников концлагеря Терезиенштадт, проживавший ныне в Канаде. У него была информация об эсэсовце по имени Юлиус Вил, перед самым

концом войны застрелившем семь заключенных Терезиенштадта. Визенталь сделал то, что неоднократно делал в течение пятидесяти трех лет поисков нацистских преступников: передал эту информацию в Центральное управление по расследованию военных преступлений в Людвигсбурге.

Найти Вила было нетрудно. До выхода на пенсию он работал редактором местной газеты в городе Шрамберге в Шварцвальде (на юге Германии), был известен своими справочниками для любителей пешеходных и велосипедных прогулок и даже получил орден. Он был осужден на 12 лет и менее чем через год после этого умер. Он стал последним преступником, которого Визенталь отдал под суд.

В 1989 году Визенталь получил письмо от человека по имени Хайнц Зильбербауэр. Увидев по телевизору интервью с Визенталем, Зильбербауэр написал ему, чтобы поблагодарить за смелость, а также за принцип, которым Визенталь руководствовался: «справедливость, а не месть». «Моя фамилия, – писал Зильбербауэр, – вам, конечно, знакома. Когда вы нашли человека, арестовавшего Анну Франк, журналисты много дней донимали меня телефонными звонками и мне приходилось вновь и вновь им разъяснять, что он не мой отец и даже не родственник. По чистой случайности у нас просто одна и та же фамилия. Но несмотря на это, мне все же было стыдно. Мне было стыдно за своего отца. Этот инцидент напомнил мне, что он тоже остался неисправимым нацистом. Слава Богу, что я рос не с ним. Он умер четыре года тому назад».

Визенталь ответил Зильбербауэру теплым письмом. Он писал, что такие послания укрепляют его веру в моральное здоровье молодежи и являются для него стимулом, чтобы продолжать работать.

Учительница из Хайланд-Парка, штат Нью-Джерси, Хая Фридман, прислала Визенталю письма, написанные ее учениками. Визенталя эти письма обрадовали. Он ответил ей, что готовность юных изучать уроки Холокоста является залогом того, что никто больше не будет пытаться уничтожить целые народы. Он писал, что понимает, почему столь многих молодых людей тот кошмар, который ему довелось пережить, отпугивает, и добавил, что ему известно, как многие из них затыкают уши и зкрывают глаза. «Холокост, – говорят они, – это далекая история. Какое это имеет отношение к нам?» Поэтому, писал Визенталь, долг людей, переживших Холокост, снова и снова объяснять молодым, что уничтожение евреев имеет к ним гораздо большее отношение, чем им кажется. Они привыкли жить как свободные люди, и следует напоминать им, что потерять эту свободу они могут очень

быстро, и внезапно потерять. «Я, – писал Визенталь, – всегда говорю молодым людям, что свобода похожа на здоровье: пока не потеряешь, ее не ценишь; и свобода не дается нам свыше – за нее нужно сражаться каждый день». Он писал, что ему уже девяносто пять, что нацистских преступников скоро уже не останется, что люди, пережившие Холокост и способные дать показания о преступлениях, тоже умирают один за другим, и что обязанность предотвратить будущий геноцид и защищать права человека ложится теперь на поколение детей из Хайланд-Парка.

На склоне дней Визенталю захотелось помириться с Центром в Лос-Анджелесе. Музей толерантности пользовался большим успехом, и это доставляло ему глубокое удовлетворение. Ежегодно этот музей посещали десятки тысяч учащихся американских школ, военнослужащих и т. д. Они переходили из зала в зал, где подробно рассказывалось об истории Холокоста, а также о дискриминации и преследованиях меньшинств в разных странах, включая США. Визенталь это ценил. Он писал своему адвокату, что его разногласия с молодыми и динамичными американцами, управлявшими Центром, объяснялись тем, что он пришел из мира, радикально отличавшегося от их собственного. Он завещал Центру свой письменный стол, большую карту концлагерей, висевшую в его кабинете, ковер, фотографии и книги с дарственными надписями авторов.

Несколько его знакомых приезжали к нему попрощаться. Из Хайфы приехал Тувья Фридман, а из Нью-Йорка – Ева Дьюкс.

Циля Визенталь умерла в ноябре 2003 года в возрасте 95 лет, и через несколько недель после этого Визенталь пришел на работу в последний раз. Его преклонный возраст уже сильно давал о себе знать. Машину он больше не водил, и за рулем теперь сидела его верная секретарша Розмари Аустраат.

Последний год его жизни прошел в болезнях и одиночестве. За ним ухаживали две сиделки-полячки. Только марки все еще дарили ему радость. Они были его друзьями, и он показывал их – одну за другой – своей израильской внучке, Рахели Крайсберг, называя их стоимость в крейцерах (валюта, бывшая в ходу в Австро-Венгерской империи): вот эта – 10 крейцеров, а эта – 25; эта обрезанная, а эта зубчатая; на этой изображен правитель, а на этой – только цифра; на этой – круглая печать, а на этой – треугольная. Марки располагались в альбоме прямыми рядами, как солдаты на параде. Были у него также конверты, письма и блоки негашеных марок Третьего рейха с портретом Гитлера. Время от времени он говорил: «Красивая марка, правда?» – и ждал, пока внучка это подтвердит, а иногда бормотал, словно разговаривая с собой: «Очень дорогая».

Однажды Рахель повела его на биржу филателистов в кафе «Музеум». Он что-то там купил и вернулся домой с чувством, что провернул хорошую сделку.

После его смерти коллекция была продана на аукционе примерно за полмиллиона евро. Наверное, ему приятно было бы об этом узнать.

Королева Великобритании успела прислать к нему своего посла, присвоившего ему рыцарское звание, а президент Австрии Хайнц Фишер лично пришел к нему домой, чтобы вручить «Большой золотой орден». Это был тот самый Фишер, который в свое время угрожал создать комиссию по расследованию его деятельности. «Мило», – сказал Визенталь на идише и вернулся в свою комнату. Вскоре после этого Фишер вручил более почетный орден, «со звездой», одному футбольному деятелю, и Розмари Аустраат послала в связи с этим президенту письмо протеста. Как хорошо, писала она, что Визенталь до этого не дожил.

В иной мир он ушел с воспоминанием гораздо более приятным. Когда ему исполнилось девяносто, друзья устроили ему день рождения в роскошном старинном отеле «Империал», и хотя всю свою жизнь он был неверующим, тем не менее попросил, чтобы еда была кошерной. Мысль о том, что отель, принимавший у себя Адольфа Гитлера, будет подавать кошерную еду гостям Симона Визенталя, доставляла ему невыразимое удовольствие.

notes

Примечания

1

Галаха – еврейское религиозное законодательство.

2

Седер – религиозная трапеза в честь наступления праздника Песах.

3

Во время седера в центре стола ставят предназначенный для пророка Элиягу (Илии) бокал с вином, из которого никто не пьет.

«Атхия» – «Возрождение».

5

Аббревиатура немецкого названия «Organization der entlassenen SS-Angehörigen» («Организация бывших членов СС»).

6

Имеется в виду книга «Пятнадцать лет погони за Эйхманом» (1961).

«Шаарей-цедек» – «Врата справедливости» (*ивр.*).

8

Галутный – имеющий отношение к еврейской диаспоре. От ивритского слова «галут» («изгнание»).

«Ост-юде» (*нем.*) – еврей из Восточной Европы.

10

Левин вел борьбу за право постановки своей пьесы и утверждал, что Гудрич и Хэккет позаимствовали из его пьесы несколько сцен.

11

По-видимому, имеется в виду израильская постановка пьесы Гудрич и Хэккета.

12

По-видимому, имеется в виду фильм «Дневник Анны Франк», снятый по пьесе Гудрич и Хэккета в 1959 году.

13

По-видимому, имеется в виду книга Фридмана «60 лет охоты за нацистами».

«Ор-Самеах» – «Радостный свет» *(ивр.)*.

15

Суть анекдота в том, что предполагаемое имя «Шмок» на идише означает половой член.

16

Мартин Гилберт – британский историк.

То есть религиозных евреев.

18

Возможно, имеется в виду написанная Свораем в соавторстве с Ником Тейлором книга *In Hitler's Shadow: An Israeli's Journey Inside Germany's Neo-Nazi Movement* («В тени Гитлера. Путешествие израильтянина в немецкое неонацистское движение»), по которой в 1995 году был поставлен фильм «Лазутчик» *(The Infiltrator)*.

19

Алан Дершовиц – американский адвокат и автор многочисленных книг.

20

Эта история получила известность после того, как была рассказана одним из свидетелей на суде над Эйхманом.